РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

1888.

ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. БРИНГИЛЬДА. (Поэма). **А. Н. Майкова.**

II. КАТКОВЪ И БѢЛИНСКІЙ. (По неизд. письмамъ Бѣлинскаго. 1837—1840). **С. Невѣдѣнскаго**

III. МОЛОДЕЖЬ. Романъ. Часть 2-я. Гл. IV—V. (Продолженіе). **К. Ѳ. Орловскаго.**

IV. ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ. (Продолженіе). **Б. В. Струве.**

V. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Гр. А. А. Голенищева-Кутузова.**

VI. НУЖДЫ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ. (Окончаніе). **А. М—скаго**

VII. ГРЯДУЩІЯ БѢДЫ АНГЛІИ. **А—ова.**

VIII. НАША КУЛЬТУРА И ВСЕМІРНОЕ ЕДИНСТВО. I—IX. **Н. Н. Страхова.**

IX. НОВАЯ ПОВѢСТЬ БРЕТЪ ГАРТА „МИЛЛІОНЕРЪ“ I—IV. **Э.**

X. ЮБИЛЕЙ А. Н. МАЙКОВА.

XI. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Волынь. Историческія судьбы Юго-Западнаго края. П. Н. Батюшкова. Съ 2-мя хромол. и 69-ю гравюрами. Спб., 1888.— II. Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны И. А. Бычковымъ. Спб., 1887.— III. Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. Пер. А. Шмаковъ. Москва, 1888 г.—IV. К. К. Случевскій. — По Сѣверу Россіи. Т. III. „Балтійская сторона“. Путешествіе Ихъ Имп. Высоч. в. кн. Владиміра Александровича и в. кн. Маріи Павловны. V. Книжныя новости.

XII. МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА. Начало лѣта и о лѣтнихъ судьбахъ молодаго поколѣнія.—Начальныя училища

города Москвы въ томъ видѣ, какъ засталъ ихъ текущій годъ.—Городскія утреннія школы.—Вечерне-воскресныя школы.—Начальныя училища.—Братья А. и И. Поповы передъ лицомъ правосудія и афера „выдѣлки“ чая.—Исходъ процесса и перемѣна мѣста жительства.

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. По поводу преобразованія земства.—Замѣна ссылки тюрьмою.—Лондонская конференція по вопросу объ отмѣнѣ сахарныхъ премій.—Новый лѣсной законъ.—Открытіе движенія по Закаспійской желѣзной дорогѣ до Самарканда; значеніе и будущность этой дороги.

XIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Послѣдствія посѣщенія Берлина королевой Викторіей.—Англія готовится къ активной политикѣ на Востокѣ.—Усиленіе англійскаго вліянія въ Константинополѣ.—Князь Бисмаркъ бесѣдуетъ со знатными иностранцами.—Русскій панславизмъ и австро-нѣмецкіе драконы.—Сущность австрійской политики.—Истинное значеніе „болгарскаго вопроса“.—Уничтоженіе рабства въ Бразиліи.

XV. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. I. Могила Озерова. (Сообщ. академикомъ Я. К. Гротомъ). II. Императоръ Вильгельмъ и русскія депутаціи (Сообщ. П. П. Карцовымъ). III Древности города Торопца (Сообщ. Е. Н. Опочининымъ).

XVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

XVII. ПРИЛОЖЕНІЕ ОДИНЪ ИЗЪ „БЕЗСМЕРТНЫХЪ“. **Романъ Альфонса Доде. Гл. I—IV.**

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

1888.

Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1888.

Русский вестникъ

ТОМЪ СТО ДВЕНАДЦАТЫЙ ЖИВОЙ

1858.

ІЮНЬ.

БРИНГИЛЬДА.

ПОЭМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гудруна — жена убитаго Сигурда.
Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны.
Медди.
Гермунда
Герварда — пять королевъ.
Урлунда-Красавица
Древняя Гильда.
Время—миѳическихъ преданій Скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурдъ на высокомъ помостѣ лежитъ.
Весь съ головы золотою покрытъ онъ фатой.
Факелъ горитъ въ головахъ, а въ ногахъ у него
Блѣдная, взглядъ неподвижный, Гудруна сидитъ.
Пять королевъ на ступеняхъ помоста вокругъ—

Прим. для чтенія вслухъ... „Бога ради, читая вслухъ, не скандуйте стиховъ, какъ, къ сожалѣнію, у насъ принято при чтеніи греческихъ и латинскихъ поэтовъ, и переносится также и на русскіе трехсложные размѣры; не надобно думать совсѣмъ о размѣрѣ: читайте какъ прозу, но выразительно, гдѣ требуется, и съ удареніемъ на тѣ слова въ стихахъ, которое слѣдуетъ по смыслу. Скандованіе убиваетъ всякое одушевленіе, всякій лиризмъ, всѣ переливы чувства, словомъ пропадаетъ вся сила діалога. Въ рѣчахъ Гудруны и еще болѣе— Брингильды — скорѣе — декламація, а не скандованіе... (*Изъ письма автора въ редакцію*).

*

Древняя Гильда на креслахъ высокихъ одна:
Съѣхались съ разныхъ концовъ на ужасную вѣсть.
Воины въ шлемахъ стальныхъ оцѣпляютъ ихъ кругъ.
Сзади толпятся старѣйшины, дворъ и рабы.
Ропотъ въ чертогѣ и гулъ отъ толпы на дворѣ.

Утромъ съ шурьями на ловы поѣхалъ Сигурдъ.
Тотчасъ почти принесенъ былъ домой, весь въ крови.
Кровь изъ большихъ десяти изливалася ранъ.

Входитъ Брингильда въ чертогъ, дверь на отмашь раскрывъ.
Шуба соболья и волосы въ снѣжной пыли.
Холодъ за нею въ широкія двери пахнулъ.
Въ стороны съ факела пламя метнулось, вздымясь.
Дрогнулъ, заискрясь, Сигурдовъ покровъ золотой.
Глянувши быстро на всѣхъ, молча въ уголъ прошла.
Слушаетъ, пристально глядя, что вкругъ говорятъ.

Подлѣ Гудруны, у ногъ ея, Медди была.
Горе чужое—да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колѣни ея положивъ,
Молвила: „Милая! Жалко смотрѣть на тебя!
Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышешь, и то вѣдь вздрогнешь всякій разъ!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Свѣтлый былъ свѣтъ на душѣ—темна ночь налегла!
Цвѣтикъ въ прогалинкѣ—всякій затопчетъ тебя!
Елочка край-лѣску—всякій обидитъ тебя!
Лань ты моя круглоокая! серна моя!
Чуется, тяжко тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы ль, бывало, олень твой бѣжитъ,—ты за нимъ!
Пьетъ ли въ ручьѣ,—ты ужь скачешь и плещешься вкругъ!
Будь моя волюшка—охъ!—унесла бы тебя,
Холила бъ въ замкѣ своемъ... Здѣсь вѣдь ужасъ и мракъ!“

Молча Гудруна, въ отвѣтъ, лишь тихонько съ колѣнъ
Руку подруги сложила холодной рукой.

Молвитъ Гермунда: „И вправду ужь лучше ты плачь!
Легче, какъ выплачешь горькое горе заразъ!
Слезъ еще много на первое горе найдешь.
Вотъ, какъ другія пойдутъ—такъ и рада бъ—да нѣтъ!
Высушатъ въ сердцѣ въ конецъ всѣ живые ключи!
Я схоронила двоихъ—да какихъ вѣдь! мужей!
Пять сыновей у меня въ одномъ пало бою!..
Съ факеломъ, въ бурную ночь я бродила межь тѣлъ,
Всѣхъ собрала. Нагрузила тѣлами ладью.
Ѣду. Надъ ними стою—и ни словъ нѣтъ, ни слезъ.
Думаю: что же? зачѣмъ же осталась я жить?..
Только—живу. Двое внуковъ остались: рощу.
Домъ свой, народъ, все какъ было, во страхѣ веду.
Въ фо́льстингъ старшинъ собираю. Суды имъ сужу.
Съ моря ли, съ суши ли врагъ—я встрѣчаю сама:
Всѣхъ впереди колесница моя иль корабль...
Внукамъ отцовскій вѣнецъ поклялась передать,
Въ женскихъ рукахъ не сломавъ ни едина зубца.
Такъ вотъ и ты поступай. У тебя вѣдь есть дочь.“

Молвитъ Герварда: „А я-то? что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у насъ!
Въ домѣ—большая семья, вѣчно гости, пиры!
На̀ берегъ выйдешь—и нѣту конца кораблямъ!
Словно безсчетно чудовищъ морскихъ на песокъ
Всплыли съ глубинъ и на солнцѣ рядкомъ улеглись,
Головы съ пастью драконовъ поднявъ высоко́!
Нынче—волчецъ тамъ да верескъ: Аланы прошли!
Все—сожжено!.. что побѝто, что у̀гна̀но въ плѣнъ!
Я—королева—въ толпѣ очутилась рабынь!
Гнали насъ съ мѣста на мѣсто, голодныхъ, босыхъ...
Взялъ меня въ жены каганъ. У него на пирахъ—
Мужнинъ, отца, троихъ братьевъ, —всѣхъ пять череповъ—
— Въ кубки обдѣлали ихъ—наливала виномъ,
Ихъ разносила съ поклономъ пирующимъ я!
Что же? привыкла! сжилась! и съ каганомъ сжилась!
Въ почестяхъ тоже! Царей принимали, пословъ!

Только кагана-то грекъ отравилъ—и пошла
Бойня кругомъ... пришли Греки... все бросилось врозь!
Я по болотамъ скрывалась, по дебрямъ—совсѣмъ
Думала—смерть!—да попала сюда, и еще
Мужа нашла,—королева опять, въ третій разъ!
Ты молода еще: что же крушиться тебѣ?
Мужа—постой—не такого найдешь! Ужь повѣрь,
Знаю я—всѣ они, каждый по своему милъ!
Дикій Аланъ—и по немъ даже плакала я!“

Словно не видитъ, не слышитъ, Гудруна сидитъ.
Взглядъ устремила впередъ. Ни кровинки въ лицѣ.

Молвитъ Урлунда-Красавица: „Годъ пожила
Съ первымъ я мужемъ, Гудруна. Какъ умеръ онъ,—я
Думала: кончено! больше ужь нечего жить!
Бросилась даже за нимъ на костеръ: удержать
Люди насилу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: плачу, не ѣмъ, и не пью.
Встрѣтился Оттенъ—и стыдно бъ признаться мнѣ въ томъ—
Стыдно—но я, Государыни, вамъ признаюсь:
Встрѣтился Оттенъ—и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди—я не знаю, но—слава богамъ,
Блага̀ми ихъ какъ цвѣтами осыпана я!
Дѣти-красавцы! а старшій ужь править рулемъ,
Знаетъ всѣ снасти, какъ парусъ поставить, когда.
Такъ ужь его и прозва̀ли Волченкомъ Морскимъ!..
Развѣ мы знаемъ удѣлъ свой!.. Какъ ты родилась,
Норны связали ужь въ узелъ твой жребій навѣкъ,
Намъ—ни распутать, ни вновь своего не скрутить!“

Древняя Гильда за ней пожелала сказать:
Жадно всѣхъ очи къ ея устремились устамъ.
Всюду какъ жемчугъ слова подбирались ея.

„Въ старые годы намъ слезы вмѣнялись въ позоръ.
Замужъ шла—знала, что мужнинъ конецъ—твой конецъ,

Шла съ нимъ на одръ—знала: также пойдешь на костеръ.
Чуть не сто лѣтъ я живу. Что же? въ радость мнѣ жизнь?
Сорокъ годовъ ужь какъ въ море ушелъ мой король.
Я разсылала гонцовъ: возвращались ни съ чѣмъ.
Башню на крайнемъ утесѣ поставила я,
Стража на вышкѣ, а я на бойницѣ весь день.
Парусъ его покажись: я узнаю изъ ста!..
Вѣщій есть старецъ, вѣдунья-жена у меня.
Валка-вѣдунья: въ пещерѣ надъ Геллой [1]) живетъ,
Ходъ тамъ въ пещерѣ есть узкій, и въ Геллу окно;
Всѣхъ истязуемыхъ тѣни тамъ видитъ она:
Нѣтъ до сихъ поръ между нихъ моего, говоритъ.
Вѣщій же Снорро: являлся къ нему самъ Одинъ.
Травы онъ знаетъ. Нажметъ ихъ—что снопъ упадетъ,
Духомъ же къ самой Валгаллѣ восходитъ тогда.
Тамъ, притаясь, онъ въ толпѣ челядинцевъ глядитъ:
Видѣлъ и свѣтлаго Бальдура, Брагги-пѣвца,
Фриггу, Одина—сидятъ за высокимъ столомъ.
Тѣни жь сражаются, мчатся на бѣлыхъ коняхъ,
Жены, любуясь, стоятъ по сторонкамъ вокругъ—
Нѣтъ короля моего, нѣтъ Олафа и тамъ!
Такъ я его по тремъ царствамъ, по всѣмъ, сторожу.
Какъ гдѣ явился—узнаю—и тотчасъ къ нему!
Лодка съ горючей смолой на-готовѣ всегда,
Царское платье, вѣнецъ. Въ тотъ же мигъ уберусь,
Сяду, спущуся въ открытое море сама,
Брачную пѣснь запою и смолу запалю,—
И—полечу голубицей въ догонку къ нему!“

Смолкнула Дивная: вспыхнувшій пламень погасъ.
Молча склонили главы королевы предъ ней.
Съ низкимъ поклономъ лишь Медди дерзнула сказать:

„Нынче какъ ты, Государыня, мало такихъ!
Гдѣ же намъ съ этимъ терпѣньемъ и вѣрой прожить!

---

[1]) Гелла—адъ.

Мужъ уѣзжаетъ... на годы пропалъ о немъ слухъ:
Ждешь ты, живешь—сирота—ни жена, ни вдова;
Ждешь, узорочья ему вышиваешь, сидишь;
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крѣпишься, крѣпишься, стелешь стежокъ за стежкомъ,—
Нѣтъ—да и капнетъ тебѣ на работу слеза...
Ты вѣдь весь вѣкъ на гнѣздѣ, а вѣдь онъ-то—кружитъ,
Такъ залетитъ, что, гляди, и забылъ обо всемъ!..“

Молча сидѣла Брингильда въ тѣни, на скамьѣ.
Умныхъ рѣчей королевъ ужь не слышитъ давно.
Вдругъ она встала, на помостъ къ Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью съ крутаго плеча,
На руку бѣлый спустила покровъ съ головы,
Черныя косы откинула быстро назадъ.
Ферязь на ней золотая; за поясомъ—ножъ;
Гладкое, низко на лбу, золотое жь кольцо.

Сдернувъ съ Сигурда покровъ съ головы и груди—
Десять зіяющихъ ранъ обнажила на ней.
Въ мигъ отскочила Гудруна и вскрикнула такъ,
Воплемъ такимъ, что гудѣньемъ тотъ крикъ отдался
Въ кованыхъ чашахъ на полкахъ кругомъ по стѣнамъ.
Точно мечомъ поразилъ ея сердце въ упоръ
Грозныхъ Брингильды очей торжествующій взглядъ.

Тутъ полились, что потокъ, у Гудруны слова:

„Прочь, ненавистная! скройся, уйди ты отъ насъ!
Только ты горе и слезы приносишь съ собой!
Дѣло твое—эта кровь! неповинная кровь—
Къ крови ты съ дѣтства привыкла что къ сладкимъ медамъ!
Дикимъ Аланомъ, не дѣвкой родиться бъ тебѣ!
Чѣмъ виноватъ онъ—Сигурдъ—предъ тобою, скажи?
Тѣмъ ли, что между мужей онъ что солнце сіялъ?
Тѣмъ ли, что слава его облетѣла весь свѣтъ?
Видѣла ты, что когда выходилъ онъ со мной,

Всѣ разступались съ радостью глядя на насъ:
Ты только черною тучей смотрѣла, одна!
Лѣтомъ, когда уѣзжали они на войну,
Я не хотѣла, чтобъ съ братьями ѣхалъ Сигурдъ,
Я, какъ надъ малымъ ребенкомъ дрожала надъ нимъ,
Три дня, три ночи молила—и сдался бы онъ,
Еслибъ не взглядъ твой, не сжатыя губы твои,
Это презрѣніе и вмѣстѣ насмѣшка въ лицѣ!
Сѣлъ ужь когда на коня—я упала безъ чувствъ—
Помнишь—какимъ залилася ты смѣхомъ тогда!
Смерти его ты ужь хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся жь—вотъ онъ!.. Твое это дѣло, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои ужь глаза—
Взглядомъ убьешь, обернешься медвѣдемъ, орломъ,—
Прежде была—говорятъ же—Валкиріей ты!
Братья пріѣдутъ—постой! старшину соберутъ,
Любъ ли Сигурдъ былъ народу—узнаешь тогда!“

Рѣчь перебить ей хотѣла Брингильда: „Молчи!
Вскрикнула снова Гудруна—„Оставь хоть на мигъ!
Дай хоть въ послѣдній-то разъ поглядѣть на него!
Ахъ, Государыни! горькая доля моя!
Только какъ вспомню... вотъ нынѣ—поднялся чѣмъ свѣтъ,
Ходитъ на цыпочкахъ, самъ снарядился, одинъ,
Бережно крался къ дверямъ, чтобъ меня не будить—
Я притаилась—лежу—и все вижу—молчу—
Только онъ къ двери,—вскочила, его обняла—
Поднялъ меня какъ ребенка,—опять уложилъ—
И—уходилъ и смѣялся, кивнулъ головой,—
Только и видѣла!.. Встала, во дворъ выхожу—
Вижу—бѣжитъ его конь, его Грани, одинъ...
Гдѣ жь твой хозяинъ?—я въ шутку спросила его:
Конь палъ на землю—и слезы изъ глазъ полились—
Плакалъ слезами—а мнѣ еще все не въ домёкъ!
Только вдругъ вижу—несутъ!.. Что тутъ сталось со мной!
Я и теперь даже въ разумъ прійти не могу!
Гдѣ я? съ какой я упала теперь высоты?

Вотъ ты хотѣла, ехидна, чего—моихъ слезъ!
Радуйся жь! хватитъ тебѣ ихъ на всю твою жизнь!
Пей ихъ, соси ихъ, суши мое сердце, змѣя!
Ишь, изрядилась какъ! золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у насъ въ домѣ, а свадебный пиръ!
Бѣдный мой, бѣдный!“.. И сильно руками всплеснувъ,
Голосомъ стала рыдать и упала на одръ,
Жаркой къ колѣнямъ Сигурда прижавшись щекой.

Сжалося сердце у всѣхъ, у пяти королевъ:
Изъ-коса взглядъ на Брингильду бросаютъ порой.
Стража сурово глядитъ, на щиты опершись.
Тихія женщинъ рыданья въ толпѣ раздались.
Тихо Брингильда Гудрунѣ въ отвѣтъ начала:

„Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, кляни.
Все что есть злобы въ душѣ изливай на меня!
Прежде... вчера еще... голосъ твой—имя твое—
Кровь подымали во мнѣ и мутили глаза,
Кажется—такъ бы тебя растерзала сейчасъ!
Только въ желѣзной уздѣ я держала свой духъ,
Руки сжимая,—ногтями ихъ рѣзала я!
Нынѣче жь спокойно, безъ злобы, отвѣчу тебѣ!..

„Нынѣче, когда принесенъ былъ убитый Сигурдъ,—
Въ полную грудь мнѣ хотѣлось вздохнуть въ первый разъ!..
Въ горы ушла я, блуждала по бѣлымъ снѣгамъ,
Пѣла во всю свою волю побѣдную пѣснь—
Пѣла какъ въ дѣтствѣ пѣвала по раннимъ зарямъ,
Розовымъ блескомъ ихъ тѣшась на горныхъ высяхъ!...
„Крошкой-Валкиріей“ звали тогда ужъ меня—
Послѣ ужь „Грозной Валкиріей“ прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одѣла и шлемъ,
Грозной Валкиріей—вправду—являлась въ бояхъ:
Мечъ мой, къ кому я хотѣла, побѣду склонялъ!
„Ахъ, эти годы мои—золотые года!
Я, что орлица, жила въ недоступной выси!

Мелкую тварь, что ютится въ норахъ, по землѣ,
Въ жалкой враждѣ—и не знала, не видѣла я!...
Ахъ! для чего имъ хотѣлось, чтобъ замужъ я шла!...

„Былъ у насъ замокъ—спасенье, я думала, тамъ!
Замокъ—и въ лѣто на снѣгомъ покрытой горѣ.
Только подъемный надъ пропастью подняли мостъ—
Въ замокъ и доступу нѣтъ... Царство вѣчной зимы!
Только одинъ и цвѣтетъ тамъ минутный цвѣтокъ—
Подлѣ оттаявшей глыбы—фіялокъ семья.
Вкругъ—клокотанье ручьевъ—водопадовъ грома,
Радуги всюду надъ ними въ алмазной пыли,
Синее небо и—міръ безпредѣльный кругомъ!

„Я и сказала своимъ, что туда удалюсь.
Только тотъ смѣлый, кто въ замкѣ добудетъ меня,—
Только одинъ онъ и будетъ мнѣ мужъ. И ушла.

„Сколько тамъ дней—и не помню, не знаю—прошло...
Разъ—открываю глаза—свѣтозарный ли богъ,
Горній ли духъ-повелитель льдяныхъ этихъ странъ,
Въ чистомъ эоирѣ рожденный, въ нетлѣнной зарѣ,
Смертный ли чудной невѣдомой мнѣ красоты,—
— Шлемъ золотой—изумленный и радостный самъ—
Мечъ обнаженный опущенъ—стоитъ предо мной...
Онъ—этотъ витязь—онъ здѣсь!.. Вотъ онъ—мертвый—Сигурдъ!
Вотъ—продолжала, касаясь Сигурда рукой,
Вотъ эти волосы—въ кудряхъ вились по плечамъ...
Блѣдныя щеки—румянцемъ пылали тогда...
Сжаты уста—но съ приподнятой верхней губой,
Какъ отвѣчали они изумленью въ очахъ,
Ясному взору, что вмѣстѣ и грѣлъ, и ласкалъ!
Мигъ—и зажглися сердца наши тѣмъ же огнемъ;
Вотъ на рукахъ его обручи—видите—вотъ
Эти три—бѣлаго золота—это мои!
Краснаго—вотъ на рукахъ моихъ—это его!
Тутъ же, предъ ликомъ небесъ, обручилися мы,
Въ вѣчной любви поклялись и на жизнь, и на смерть!“

Слушали всѣ, удивленно къ ней очи поднявъ:
Только Гудруна смущенный потупила взглядъ.
Сердце смиряя съ трудомъ, та опять начала:

„Знали, Гудруна, вы съ матерью—чей былъ Сигурдъ!
Знали, что ѣдетъ онъ сватовъ за мной посылать!
Зельемъ ли вы опоили его на пиру,
Чарами ль память отшибли,—но въ эту же ночь
Дочь обручила, Гудруну, съ нимъ нѣжная мать!

„Что? вы подумали, что́ же со мной будетъ, что?
Жизнь мою, сердце мое—пожалѣли тогда?
Смѣрили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, гдѣ въ вѣчной ночи нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ,
Развѣ изъ ада лишь жгучее пламя пахнетъ,
Слышны лишь стоны, проклятья, да скрежетъ зубовъ—
Муки осмѣянной—чистой какъ небо—любви!
Съ нимъ—когда ластилась съ подлой ты страстью къ нему,
Въ нѣгѣ постыдной гася въ немъ божественный духъ,
Лаской кошачьей геройство въ немъ тщась усыпить,—
Думала ль ты, что тутъ подлѣ же, о-бокъ съ тобой—
Та, чьи обманомъ украли вы честь и права,
Та—для которой любовь—это подвигъ и долгъ?!
Думала, да!... но судила о ней по себѣ:
„О, покорится!... Не тотъ, такъ другаго нашла!
Родомъ не ниже, красавецъ, Морской же Король“—
Душу, несчастная, въ разумъ-то взять ли тебѣ,
Душу—небесный тотъ свѣтъ, что намъ свѣтитъ въ богахъ,
То, что въ Валгаллѣ насъ вводитъ въ ихъ радостный кругъ!

„Слушайте жь всѣ теперь. Да! это дѣло—мое!
Все какъ задумала, все довела до конца.
Сватовъ Гуннара заставила выслать ко мнѣ.
Въ домъ ихъ, въ семью ихъ—невѣсткою ей—я вошла.
Въ мужѣ—и въ братьяхъ ея—стала зависть будить.
Стала имъ зло на Сигурда нашептывать я.
Стала пророчить имъ тяжкую долю и стыдъ.

Будетъ, твердила, Сигурдъ здѣсь одинъ королемъ.
Мужу Гудруна покоя не дастъ ни на мигъ—
Со свѣту всѣхъ ихъ сживетъ или пуститъ съ сумой.

„Въ рунахъ стоитъ: „На Сигурда—Сигурдовъ лишь мечъ".
„Мечъ его надобно было тихонько достать.
Ночью—вы спали—въ свѣтлицу прокралась я къ вамъ...
Мѣсяцъ тебя освѣщалъ у него на груди,
Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
Черезъ тебя я ступила, чтобъ снять его тамъ...
Мысль: „не тебя ль заколоть?" промелькнула—но въ мигъ,
Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулася я!..
Въ ночь это было вчера—а съ зарей этотъ мечъ
Сдѣлалъ ужь дѣло свое—у Гуннара въ рукахъ!
Да,—у Гуннара—и всѣ твои братья съ нимъ—всѣхъ
Я натравила и въ волю свою привела...
Волчью срубила имъ печень съ кусками змѣи,
Въ крѣпкую брагу—изъ жабы имъ желчь подлила—
Ѣли и пили всю ночь—и озлились въ конецъ!"

Въ ужасѣ Медди къ Урлундѣ прижалась плечомъ.
Ждутъ съ любопытствомъ Герварда съ Гермундой конца;
Съ дрожью всѣмъ тѣломъ провидица-Гильда сидитъ,
Пристальный взоръ свой соколій въ Брингильду вперивъ.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
Къ ней обратила Брингильда послѣднюю рѣчь:

„Слушай. Теперь въ моемъ сердцѣ нѣтъ зла на тебя.
Все что давило—какъ снѣгъ растопилось съ души—
Ей и легко, и свѣтло—какъ тогда—на горѣ,
Въ замкѣ въ тотъ мигъ, какъ Сигурда увидѣла я.
Даже... тебѣ утѣшенье могу я сказать...
Взоръ мой въ грядущее видитъ теперь далеко...
Крóви тамъ... крóви... Въ крови вашъ погибнетъ весь родъ...
Атли отмститъ за Сигурда... но ты... ты найдешь
Въ мстителѣ счастье свое... и забудешь о насъ...
Развѣ какъ сонъ какой вспомнишь, какъ будто твой духъ

Въ чудное царство взлеталъ—гдѣ все чуждо ему,
Гдѣ все давило, какъ вѣчныя горы, его—
Люди, ихъ облики, души и замыслы ихъ—
Вспомнишь—душа содрогнется, какъ робкій пловецъ.
Вдругъ очутясь въ океанѣ на утлой ладьѣ—
И пожелаешь домой, поскорѣе домой,
Къ дѣтямъ и мужу, къ рабынямъ и прялкѣ своей.

„Будетъ ужасенъ на первое время мой образъ тебѣ!
Злой и холодной Валкиріей буду казаться я вамъ—
Новое жь счастье тебя и со мной примиритъ.
Этого счастья—ты скажешь—она бъ не могла
Здѣсь ни себѣ, ни другому кому-либо дать,
И—скажешь правду!.. Не здѣшнее,—счастье мое!
Счастье мое—и не здѣшняя мѣра ему—
Счастье мое—безъ конца, безъ предѣла и—съ нимъ!“

Властно перстомъ на Сигурда при семъ указавъ,
Радостнымъ вся торжествомъ просіяла она,
И—какъ бы взоромъ во глубь проницая небесъ,
Медленно, голосомъ твердымъ, сказала еще:

„Боги съ престоловъ своихъ ужь взираютъ на насъ.
Мчатся на встрѣчу Валкиріи къ новой сестрѣ,
Въ славу героя, герои мечами стучатъ о щиты—
Брачный въ Валгаллѣ готовятъ намъ пиръ“.
И обратившись къ рабынямъ „подайте вѣнецъ“—
Словно на пиръ, непоспѣшно, надѣла его.
Встала колѣномъ къ Сигурду на одръ, и—еще
Слово сказала: „Послѣдняя воля моя—
Вы на одномъ насъ съ Сигурдомъ сожгите кострѣ.“
Тутъ же, на ферязи съ петель застежки разнявъ,
Грудь обнажила, и сердце ощупавъ рукой,
Къ мѣсту межь реберъ, приставила ножъ остріемъ.
Сильно ударила правой рукой рукоять,
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди съ Урлундой. Гудруна глядитъ,

Въ страхѣ широко прекрасныя очи раскрывъ,
Словно не въ силахъ все бывшее мыслью обнять.
Древняя жь Гильда, порывисто съ креселъ вскочивъ,
Прядями бѣлыхъ волосъ потрясая, одна,
Руки воздѣвъ, восклицала въ наитьи святомъ:
„Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей на вѣкъ въ безразлучную жизнь!“

А. МАЙКОВЪ.

КАТКОВЪ И БѢЛИНСКІЙ.

(1837—1840).

Характеристика настроенія молодежи тридцатыхъ годовъ и кружка Бѣлинскаго.—Личность Станкевича.—Философскія увлеченія кружка.—Знакомство Каткова съ Бѣлинскимъ.—Ихъ размолвка въ 1839 году и примиреніе.—Переходъ Бѣлинскаго и Каткова къ сотрудничеству въ „Отечественныхъ Запискахъ". — Письма Бѣлинскаго о Катковѣ.—Пріѣздъ Каткова въ 1840 году въ Петербургъ.—Споры его съ Бѣлинскимъ.—Столкновеніе Каткова съ Бакунинымъ.—Отъѣздъ Каткова заграницу.—Отзывъ о немъ Бѣлинскаго.

Первоначальное развитіе Каткова совпало съ тѣмъ въ высшей степени интереснымъ и благотворнымъ моментомъ въ умственной жизни русскаго общества, когда пробудившееся стремленіе къ умственному и эстетическому развитію составляло дѣйствительный интересъ учащейся молодежи. Это было время искренняго увлеченія наукой и искусствомъ, господства идейныхъ интересовъ. Изученіе философіи превратилось въ настоящій культъ. Философскія системы не только передумывались, но, такъ сказать, переживались.

Русская интеллигенція впервые тогда знакомилась съ глубокомысленными продуктами германскаго мышленія. Восемнадцатый вѣкъ былъ поглощенъ, по преимуществу, французскими вліяніями, господствовавшими и въ области мысли, и въ сферѣ литературнаго творчества. Въ тридца-

тыхъ годахъ наступило иное время. Народившая интеллигенція воспитывала свой умъ и эстетическое чувство не на чтеніи французскихъ классиковъ и энциклопедистовъ, какъ прежде, а посредствомъ изученія болѣе глубокой нѣмецкой и англійской поэзіи и философскихъ системъ, выросшихъ на почвѣ, очищенной кантовскою критикой. Народились свои литературные таланты. Это усиливало подъемъ духа въ молодомъ поколѣніи.

Въ то время молодежи приходилось самой прокладывать себѣ умственные пути и направленія. Правда, уже ранѣе существовалъ, съ одной стороны, въ лицѣ Карамзина, Погодина, Шевырева, культъ русской древности и самобытности, съ другой стороны, замѣчалось увлеченіе Западомъ, проявившееся даже въ извѣстныхъ порывахъ реальнаго протеста. Но умственныя движенія не были еще запечатлѣны въ твердыхъ формулахъ. Предшественникамъ дѣятелей сороковыхъ годовъ для этого недоставало философскаго развитія. Когда оно явилось, начались теоретическія разграниченія. Такъ въ началѣ сороковыхъ годовъ произошло обособленіе славянофильства отъ западничества—съ его культомъ Москвы, русской древности, славянской общности и саморазвитія. Въ тридцатыхъ же годахъ только начали образовываться кружки, въ которыхъ обсуждались теоретическіе вопросы.

Молодежь работала сама. Университетъ давалъ лишь толчокъ къ развитію. Оно продолжалось самостоятельно посредствомъ чтенія и совмѣстныхъ разсужденій. Немало талантовъ оказалось въ этомъ поколѣніи: Станкевичъ, Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, Катковъ, Буслаевъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ. Впослѣдствіи они разбрелись по разнымъ направленіямъ; не только въ убѣжденіяхъ, но и въ самой ихъ судьбѣ оказалось существенное различіе. Но тогда всѣ эти люди сходились и если не могли всѣ вполнѣ сочувствовать другъ къ другу, то группировались пока еще почти сомкнутою толпой.

Для выясненія умственнаго развитія народившихъ тогда дѣятелей, надо, конечно, останавливаться не столько на уни-

верситетѣ, сколько на вліяніяхъ кружковъ. Это приводитъ насъ къ личности Бѣлинскаго, около котораго постоянно группировались молодыя силы—люди отборные по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ, какъ выразился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Въ совмѣстномъ развитіи съ ними, въ обмѣнѣ чувствъ и мыслей находилъ онъ главную отраду своей жизни.

Можно различать два періода въ существованіи кружка Бѣлинскаго: первый—во время тридцатыхъ годовъ, когда главнымъ умственнымъ двигателемъ въ кружкѣ былъ Станкевичъ, и второй—во время сороковыхъ годовъ, когда въ немъ появились Грановскій, Герценъ и Огаревъ.

Бѣлинскій былъ истиннымъ сердцемъ кружка. Если онъ уступалъ другимъ по знаніямъ и новизнѣ мыслей, то онъ былъ во всякомъ случаѣ нравственнымъ центромъ дружеской среды. Его чуткая, искренняя и горячо стремившаяся къ истинѣ душа служила какъ бы пробнымъ камнемъ, на которомъ повѣрялись увлеченія и полеты мыслей его друзей. Не даромъ Тургеневъ называетъ Бѣлинскаго центральной натурой.

Друзья жили, какъ говорится, душа на распашку. Дѣлились они между собой не только умственными увлеченіями, но и всею жизнью. Это влекло за собою не только разсужденія, но и споры, кончавшіеся иногда продолжительными размолвками, особенно когда оказывались замѣшанными сердечные интересы.

Но несмотря на это, кружокъ не былъ давящей, гнетущей средой, подгонявшей своихъ сочленовъ непремѣнно подъ одинъ умственный и нравственный шаблонъ. Въ кружкѣ Бѣлинскаго были существенныя разновидности и въ умственномъ, и въ нравственномъ складѣ. Не допускалось только полной дисгармоніи въ убѣжденіяхъ.

Бѣлинскій съ большою прямотой какъ-то высказалъ въ письмѣ къ Боткину: „Друзья мои, будемъ бояться крайностей, какъ зла: оставимъ каждаго жить, какъ онъ хочетъ, не будемъ читать другъ другу поученій, посылать буллы, требовать отчета, но не побоимся же и замѣчать другъ

другу, чего каждый въ себѣ не хочетъ или не можетъ замѣчать".

Смыслъ кружка заключался въ свободномъ обмѣнѣ и развитіи, и между личностями, окружавшими Бѣлинскаго, существовало сознаніе взаимнаго достоинства. Впослѣдствіи, когда кружки получили большее распространеніе между учащейся молодежью, начались въ средѣ ординарныхъ личностей тѣ далеко неказистыя явленія, о которыхъ, напримѣръ, вспоминаетъ Тургеневъ (см. въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, Рудинѣ и др.). Гегемонія отдѣльныхъ лицъ, нравственная инспекція, безплодныя словоизліянія—вотъ черты этихъ единеній, которыя Тургеневъ охарактеризовалъ насмѣшливыми словами: „ein кружокъ in der Stadt Moskau". Бывали, впрочемъ, исключенія и въ кружкѣ Бѣлинскаго. Въ особенности Бакунинъ отличался неделикатнымъ стремленіемъ разыгрывать постоянно роль умственнаго и нравственнаго руководителя своихъ товарищей. Но онъ вызвалъ, какъ мы увидимъ, всеобщее негодованіе противъ себя.

До отъѣзда Станкевича заграницу въ 1837 году онъ имѣлъ руководящее значеніе въ кружкѣ. Онъ былъ не только самымъ развитымъ въ философскомъ отношеніи членомъ его, но и распространителемъ философскаго развитія. Подъ его вліяніемъ находился Бѣлинскій; онъ ввелъ въ кружокъ Бакунина, поэта Кольцова, вѣроятно также и Каткова. Всѣ относились къ нему съ большою теплотою и задушевностью.

Станкевичъ рисуется передъ нами въ высшей степени душевною личностью, идеалистомъ по характеру и принципамъ. Философскій анализъ уживался у него не только съ поэтическимъ чутьемъ, но и съ религіознымъ чувствомъ. Въ письмахъ своихъ, когда онъ говоритъ о вѣрѣ, онъ выражается словами, проникнутыми любовью и теплотой. Онъ съ упоеніемъ сообщаетъ о блаженствѣ чувствовать въ себѣ потребность вѣры, высказываетъ подъ вліяніемъ религіознаго чувства обѣты нравственнаго исправленія. Сохранилось описаніе кануна Свѣтлаго Воскресенья въ 1835 году, кото-

рое Станкевичъ встрѣчалъ, окруженный близкими ему людьми [1]). Ночь шла тихо и серьезно. Каждый изъ собесѣдниковъ старался наполнить минуты ея лучшими помыслами, избраннѣйшими своими воспоминаніями. Станкевичъ думалъ о первой своей любви. Затѣмъ описываетъ онъ: „Въ половинѣ 12-го мы вышли на дворъ... Погода была тихая, прекрасная; небо ясно и усѣяно звѣздами, за нѣсколько часовъ шелъ дождь... Вдругъ ударили колокола... Къ намъ пришелъ Бѣлинскій и увлекъ насъ въ Кремль! Мы подходили къ Иверской и услышали пушки; Василій Блаженный вдругъ озарился пхъ молніей и ударъ разсыпался по Кремлю".

Исходною точкою умственнаго развитія кружка Бѣлинскаго былъ переходъ отъ Шеллинговой къ Гегелевской философіи. На этой ступени развитія остановились профессора московскаго университета, отъ которыхъ молодежь усвоивала первыя начала философскаго образованія.

Хотя Надеждинъ, читавшій въ первый годъ поступленія Каткова въ университетъ (1834—1835 гг.) теорію изящныхъ искусствъ и логики, восторгался главнымъ образомъ Шеллинговымъ ученіемъ о высшей психической способности, сознающей въ себѣ единство съ общимъ міровымъ разумомъ и открывающей степени проявленія его въ природѣ и искусствѣ, но онъ нѣсколько подвинулся въ самостоятельномъ развитіи этого ученія къ Гегелевской эстетикѣ, хотя, повидимому, самъ не изучалъ Гегеля [2]). Дальше онъ не пошелъ, что видно, между прочимъ, изъ того, что во время своего заграничнаго путешествія 1832 года Надеждинъ, согласно воспоминаніямъ своей автобіографіи [3]), сближался только съ профессорами, историками и археологами (Гереномъ, Отфридомъ, Мюллеромъ и Рауль-Рашеттомъ).

---

[1]) Н. В. Станкевичъ, Анненкова.

[2]) Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. „Современникъ", 1856 г., кн. 4 я, стр. 7-я.

[3]) „Русскій Вѣстникъ", 1856 г., кн. 5-я. М. И. Надеждинъ. Автобіографія.

На философское развитіе личности Каткова, впрочемъ, оказалъ, можетъ быть, еще большее вліяніе, чѣмъ Надеждинъ, профессоръ М. Г. Павловъ, въ пансіонѣ котораго онъ воспитывался до поступленія въ университетъ. Павловъ, замѣчательный ученый, читалъ собственно физику, а потомъ теорію сельскаго хозяйства, но въ обоихъ случаяхъ распространялъ свои лекціи до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго міросозерцанія. Сущность его заключалась, какъ можно судить по вышедшему въ 1833 году „основанію физики“, въ космогонической теоріи, вытекающей изъ философскаго положенія о сходствѣ или тождествѣ безграничной свободы съ хаосомъ. Отвлеченное понятіе изображено, какъ настоящій источникъ міра, силлогизмъ и посылки его образуются изъ силъ и стихій природы, вещество объясняется, какъ взаимодѣйствіе свѣта и тяжести, и т. д.

Вотъ откуда началось философское развитіе въ кружкѣ Бѣлинскаго.

Пропагандистомъ философіи Гегеля былъ въ немъ Станкевичъ. Онъ указалъ на нее Бакунину; онъ внушалъ ее Бѣлинскому.

Друзья извлекли изъ философіи Гегеля ея примирительную сторону. „Все дѣйствительное разумно“ — было ихъ главнымъ лозунгомъ. Въ Бѣлинскомъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, бродило кое-что иное, сложившееся сначала подъ впечатлѣніемъ произведеній Sturm und Drang periode Шиллера. Въ увлекавшейся постоянно натурѣ Бѣлинскаго проблески рѣзко критическаго отношенія къ дѣйствительности появлялись и послѣ сближенія со Станкевичемъ, напримѣръ, въ 1836 году. Тогда онъ приписывалъ ихъ вліянію фихтеанства [1]). Но съ теченіемъ времени это броженіе утихло.

Безконечная идея, лежащая въ основѣ міра и равно живущая въ явленіяхъ природы и произведеніяхъ искусства, соединеніе съ идеей посредствомъ отреченія отъ своего *я*—

---

[1]) Бѣлинскій. Его жизнь и переписка, соч. А. Пыпина, т. I, стр. 175.

вотъ основныя мысли кружка, какъ онѣ выражались въ письмахъ Станкевича и первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Это Гегелевская философія безъ ея сухости и раціональности, подчиненная еще освѣщенію Шеллинговскаго міровоззрѣнія. Въ этомъ же духѣ написаны, какъ мы увидимъ ниже, статьи Каткова, появлявшіяся въ 1839—1840 гг. Взгляды такъ называемыхъ молодыхъ гегеліянцевъ, начавшіе сильно пробиваться послѣ произошедшей въ 1831 году смерти философа, были пока совершенно неизвѣстны московскимъ друзьямъ.

Впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго наступилъ переворотъ. Прежнее успокоеніе въ философскомъ идеализмѣ замѣнилось критическимъ анализомъ. Это совпало со временемъ его сближенія съ Герценомъ. Сначала между обоими кружками, группировавшимися съ одной стороны около Станкевича, съ другой—около Герцена, не было ничего общаго даже въ предметахъ умственныхъ интересовъ. Одинъ погрузился въ философскую метафизику, другой, напротивъ, интересовался болѣе общественно-политическими теоріями. Сближеніе оказалось возможнымъ только послѣ того, какъ Герценъ, въ 1839 году, возвратился въ Москву изъ четырехлѣтней отлучки (вызванной административнымъ распоряженіемъ, постигшимъ въ 1835 году не только его, но и нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей); Бѣлинскій, начиная съ его переѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1839 года, сталъ тяготиться прежнимъ отношеніемъ къ жизни. Прежніе друзья его также стали исчезать: Станкевичъ умеръ, съ Бакунинымъ онъ разошелся. Вотъ въ это время (т. е. послѣ 1840 года) Бѣлинскій началъ мало по малу сближаться съ Герценомъ. Онъ внушилъ послѣднему любовь и уваженіе къ философіи, но за то и Герценъ оказалъ на него вліяніе своимъ умомъ, наклоннымъ къ критикѣ и скептицизму.

Близость Каткова къ кружку относится къ тому времени: когда о принадлежности къ нему Герцена не было и помину. Катковъ познакомился съ Бѣлинскимъ еще въ бытность свою студентомъ. Какъ произошло это знакомство — неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что оно сдѣлано было черезъ

Станкевича, съ которымъ Катковъ могъ познакомиться, благодаря воспитанію въ пансіонѣ Павлова. Станкевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ именно въ ту пору, когда Катковъ туда поступилъ—въ 1834 году. Но Станкевичъ жилъ во время своихъ студенческихъ годовъ у Павлова, и тамъ именно могло, какъ намъ кажется, произойти знакомство между ними. Когда Станкевичъ умеръ, Катковъ въ одной изъ своихъ статей (о графинѣ Саррѣ Толстой) посвятилъ его памяти нѣсколько теплыхъ словъ, признавъ его человѣкомъ, „не столько принадлежавшимъ публикѣ, сколько малому кругу людей, лично его знавшихъ и не отдохнувшихъ еще отъ невознаградимой, горькой утраты“.

Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и нуждался въ посредникахъ для изученія нѣмецкой философіи и эстетики. Первые шаги на этомъ поприщѣ онъ сдѣлалъ при содѣйствіи Станкевича, потомъ, когда послѣдній уѣхалъ заграницу, началъ ему помогать въ этомъ отношеніи Бакунинъ. Дружескія отношенія къ послѣднему начались у Бѣлинскаго главнымъ образомъ съ лѣта 1836 года, которое онъ провелъ среди семейства своего пріятеля въ ихъ имѣніи Новгородской губерніи; но, конечно, одного посредника было мало для такого необъятнаго предмета, какъ нѣмецкая философія. Наряду съ Бакунинымъ появляются новые люди: В. П. Боткинъ, съ которымъ Бѣлинскій подружился въ особенности въ концѣ 1836 года, и М. Н. Катковъ, о знакомствѣ котораго съ Бѣлинскимъ упоминается годомъ позже.

Бѣлинскій старался внушить своимъ друзьямъ изъ среды молодежи необходимость саморазвитія, осуждая мертвую книжную ученость тогдашняго университета. Въ стремленіи къ независимости мышленія Бѣлинскій сходился съ Катковымъ, который помимо университетскаго образованія работалъ самостоятельно. Начало сближенія, произошедшаго особенно въ продолженіе осени 1837 года, совпало съ тѣмъ моментомъ, когда Бѣлинскій сильно поддавался примирительному настроенію. Катковъ изучалъ тогда Гегеля—читалъ его эстетику и былъ отъ нея въ восторгѣ. Бѣлинскій разсказывалъ въ одномъ письмѣ, что онъ именно въ это

же время обсуждалъ путемъ собственныхъ умозрѣній вопросъ о творчествѣ и собирался уже изложить цѣлую теорію по этому поводу, но Катковъ съ Гегелемъ въ рукахъ опровергъ Бѣлинскаго. „Катковъ, упоминаетъ по этому поводу Бѣлинскій, стакнувшись съ Егоромъ Ѳедоровичемъ, (такъ называли Гегеля въ кружкѣ), разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію“ [1]). „Катковъ, говоритъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ, передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ, какъ могъ, нѣсколько результатовъ эстетики.—Боже мой! какой новый, свѣтлый безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты по побіеніи фантазій, свою тоску о нормальности. Слово „дѣйствительность“ сдѣлалось для меня равнозначительно слову „Богъ“. И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслью безконечнаго“ [2]).

Одновременно съ изученіемъ Гегелевской эстетики, Бакунинъ, съ своей стороны, внушалъ Бѣлинскому мысли, почерпнутыя изъ философіи религіи того же философа. Все это приводило друзей къ еще бо̀льшему утвержденію себя во взглядахъ прекраснодушія,—такъ величалось между друзьями ихъ примирительное настроеніе; впослѣдствіи, когда Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ, онъ придумалъ новое выраженіе для того же понятія: москводушіе. Бакунинъ съ отличавшей его во всякое время рьяностью проповѣдывалъ это настроеніе, пользуясь всѣми тонкостями Гегелевской діалектики, которою онъ, по признанію друзей, овладѣлъ въ совершенствѣ. Но замѣнить Станкевича онъ не могъ ни по умственнымъ, ни въ особенности, какъ мы увидимъ дѣлѣе, по нравственнымъ качествамъ. По воспоминаніямъ Панаева, Бѣлинскій говаривалъ, что продол-

[1]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I, стр. 193, 194.
[2]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 226.

жаетъ видѣть въ отсутствующемъ Станкевичѣ душу и жизнь кружка [1]).

Но отношенія Каткова къ Бѣлинскому не были въ это время еще близкими. Вѣроятно, въ нихъ проглядывало разстояніе между молодымъ человѣкомъ еще учащимся и молодымъ писателемъ, проявившимъ уже дарованіе. Отношенія эти стали измѣняться въ 1839 году, когда Бѣлинскій началъ редактировать „Московскій Наблюдатель“. Къ этому времени Катковъ успѣлъ уже окончить университетъ и готовился къ магистерскому экзамену, который и сдалъ въ теченіи 1839 года. Онъ сдѣлался однимъ изъ сотрудниковъ Бѣлинскаго.

Не смотря на богатство литературнаго матеріала, „Наблюдатель“ долженъ былъ прекратить свое существованіе на второмъ томѣ. Въ журнальномъ мірѣ трудно пробивать себѣ дорогу—въ особенности же трудность эта существовала въ тогдашнюю пору, когда кругъ читающей публики былъ ничтоженъ.

Кружокъ Бѣлинскаго сталъ, между тѣмъ, нѣсколько расклеиваться. Съ Бакунинымъ начались у Бѣлинскаго теоретическія разногласія, съ Боткинымъ и Катковымъ произошла у него личная ссора.

Основаніемъ послѣдней послужила одна исторія, относившаяся къ чисто внутренней ихъ жизни и не чуждая, между прочимъ, соперничества. Столкновеніе произошло первоначально между Бѣлинскимъ и Катковымъ. Какъ можно догадываться, Бѣлинскій, освободившись отъ слишкомъ идеальнаго взгляда на одну личность, затѣялъ излѣчивать отъ него и своего молодаго пріятеля. Послѣдній отвѣтилъ въ слишкомъ рѣзкихъ выраженіяхъ [2]).

---

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 136.

[2]) Но, вѣроятно, въ Катковѣ пробудилось вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе, которое хотѣлъ вызвать въ немъ Бѣлинскій. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 19 мая 1839 года къ Краевскому, Катковъ, извиняясь за недоставленіе окончанія статьи о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, описываетъ слѣдующее: „пріѣхавъ въ Москву, я какъ будто былъ брошенъ въ какой-то водоворотъ—въ головѣ у меня звенѣло,

Боткинъ сталъ на сторону Каткова. Бѣлинскому это было, вѣроятно, очень больно, потому что, вспоминая объ этомъ событіи даже черезъ четыре года, когда онъ уже разошелся съ Катковымъ, онъ упрекалъ мимоходомъ перваго за участіе къ послѣднему въ этомъ столкновеніи. Панаевъ, познакомившійся съ кругомъ московскихъ друзей весною 1839 года, разсказываетъ, что когда къ нему входили Боткинъ и Катковъ въ одну дверь, то Бѣлинскій выходилъ въ другую.

Самъ Панаевъ познакомился съ Катковымъ только въ это время. Онъ встрѣтилъ его какъ-то у Боткина. Домъ Боткиныхъ былъ расположенъ на живописномъ мѣстѣ Москвы. Изъ флигеля, выходившаго въ садъ, открывался черезъ зелень видъ на Замоскворѣчье. Садъ былъ расположенъ на горѣ, въ срединѣ его находилась бесѣдка, вся окруженная фруктовыми деревьями. Въ этой-то бесѣдкѣ Панаевъ въ майскій день въ первый разъ увидѣлъ Каткова. Про эту встрѣчу Катковъ писалъ Краевскому 13 мая: „познакомился я и, кажется, хорошо съ Панаевымъ, хотя и видѣлся съ нимъ только одинъ разъ у Боткина“.

Примиреніе Бѣлинскаго съ Катковымъ и Боткинымъ произошло въ теченіи лѣта. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 7 іюля Катковъ передаетъ Краевскому поклонъ Бѣлинскаго и заявленіе, что, несмотря на болѣзнь, все обѣщанное будетъ готово къ сроку. Самъ Бѣлинскій писалъ 19 августа Панаеву:

„Я помирился съ Боткинымъ и Катковымъ, между нами все опять по-прежнему, кромѣ прежнихъ пошлостей. Сперва я сошелся съ Боткинымъ и безъ всякихъ объясненій, прекраснодушныхъ и экстатическихъ выходокъ и порывовъ, но благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а слѣдовательно—и дѣйствительно. Теперь вижу ясно, что ссора была необходима, какъ гроза для очищенія воздуха; эта ссора уничтожила бездну прошлаго въ нашихъ отношеніяхъ. Причины ссоры, насколько вамъ извѣстно, были

въ глазахъ прыгали мальчики—я былъ, какъ угорѣлый и въ самомъ дѣлѣ было отчего—въ жизни моей свершился одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ кризисовъ“.

только предлогомъ, а истинныя и внутреннія причины теперь обозначились и стали ясны. Боткинъ былъ много виноватъ передо мной, но и я въ этомъ случаѣ не уступилъ ему".

Боткинъ самъ сдѣлалъ первый шагъ къ Бѣлинскому. Встрѣтившись съ нимъ у Р—го, Боткинъ началъ съ нимъ говорить—и вражда растаяла. Сойтись вновь съ Катковымъ оказалось затруднительнѣе. Вспоминая объ этомъ примиреніи черезъ полтора года, Бѣлинскій, какъ мы увидимъ, жаловался, что Катковъ слишкомъ наслаждался своей побѣдой надъ нимъ и чувствовалъ ненависть къ нему послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу.

Характеристично, между прочимъ, то обстоятельство, что Бѣлинскій счелъ нужнымъ описывать это столкновеніе даже Станкевичу, проживавшему заграницей; онъ не оправдывалъ при этомъ и себя.

„Я понялъ, писалъ онъ, что дружескія отношенія не только не отрицаютъ деликатности, какъ лишней для себя вещи, но болѣе, нежели какія-нибудь другія, требуютъ ея".

Съ Бакунинымъ причины разлада были у Бѣлинскаго болѣе глубокими. Бакунинъ старался подавлять друзей своимъ авторитетомъ. „Онъ любитъ идеи, а не людей", замѣчалъ Бѣлинскій.

„Съ весны (1839 года), писалъ онъ Станкевичу, я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я—самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну".

Въ другомъ мѣстѣ говорилъ онъ еще слѣдующее:

„Я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ физической точки зрѣнія, но и о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я

только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, я хочу быть со всѣми, какъ всѣ".

Вообще, чѣмъ болѣе вчитываешься въ переписку Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе понимаешь, какъ Бакунинъ, позировавшій впослѣдствіи на львиную, героическую натуру, могъ послужить дѣйствительнымъ прототипомъ для фразерства, изображеннаго Тургеневымъ въ Рудинѣ.

Во время изолированнаго положенія Бѣлинскаго вслѣдствіе разлада съ постоянными друзьями, ближе всѣхъ стоялъ къ нему К. Аксаковъ, находившійся тогда на полдорогѣ между Бѣлинскимъ и Хомяковымъ, „Московскимъ Наблюдателемъ" и „Москвитяниномъ" Шевырева и Погодина.

Бѣлинскій очень скоро подмѣтилъ различіе между своимъ примирительнымъ настроеніемъ и духовнымъ складомъ Аксакова. Онъ писалъ 19 августа 1839 года Панаеву, что въ немъ еще столько дѣтскаго, что какъ бы ни былъ молодъ Катковъ, но и онъ ему годится въ дѣдушки.

Обстоятельства лицъ, связанныхъ по литературному труду съ „Московскимъ Наблюдателемъ", стали весьма шаткими вслѣдствіе неудачи этого журнала. Бѣлинскій страшно бѣдствовалъ; Катковъ, который долженъ былъ содержать своимъ трудомъ не только себя, но старушку мать и брата, приготовлявшагося къ университету, также сильно нуждался. Онъ принялъ, какъ манну небесную, предложеніе участвовать въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго.

Относительно приглашенія Каткова къ участію въ журналѣ существуютъ различные разсказы. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ въ этомъ отношеніи на свое посредничество, А. Д. Галаховъ, напечатавшій особую статью въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1888 г. № 1) о журнальномъ сотрудничествѣ своемъ съ Катковымъ, не упоминаетъ объ означенномъ посредничествѣ Панаева. А. А. Краевскій, бывшій издатель „Отечественныхъ Записокъ", въ сдѣланныхъ намъ лично сообщеніяхъ выразилъ сомнѣніе, чтобы ему приходилось обращаться по этому предмету къ содѣйствію Плетнева. Онъ указывалъ на Галахова, какъ на го-

товаго посредника. Галаховъ дѣйствительно завѣдывалъ составленіемъ библіографическихъ замѣтокъ для „Отечествен. Записокъ“ о книгахъ, выходившихъ въ Москвѣ. Онъ отчасти самъ исполнялъ работу, отчасти раздавалъ ее другимъ. Вотъ такимъ помощникомъ былъ у Галахова Катковъ. Изъ воспоминаній Галахова однако непонятно, какъ же могъ быть Катковъ приглашенъ имъ на смѣну Бѣлинскаго, отъѣзжавшаго въ Петербургъ; вѣдь первый началъ писать статьи еще лѣтомъ, а послѣдній оставилъ Москву только поздней осенью.

Изъ переписки Каткова съ Краевскимъ видно, что первый въ апрѣлѣ или въ началѣ мая 1839 г. ѣздилъ въ Петербургъ для свиданія съ издателемъ „Отеч. Записокъ“. Они, вѣроятно, и уговорились при этомъ объ условіяхъ сотрудничества Каткова, Краевскій любезно принялъ и даже обласкалъ Каткова. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій Каткова въ первомъ его письмѣ къ Краевскому:

„Я еще ничего не сказалъ вамъ о томъ чувствѣ, съ какимъ я разставался съ вами, но оно безпрестанно шевелилось, какъ только я начиналъ думать, что нужно писать къ вамъ. На письмѣ какъ-то скорѣе высказывается то, что трудно высказать въ лицо. Да, А. А., благодарю васъ. Немного такихъ прекрасныхъ встрѣчъ въ жизни, какъ моя встрѣча съ вами. Радушный пріемъ, который вы оказали человѣку неизвѣстному, бывшему совершенно чуждымъ для васъ, ваша дружеская обходительность, которою вы украсили мое пребываніе въ незнакомомъ городѣ,—все это я глубоко чувствую. Прошу васъ только быть увѣреннымъ, что человѣкъ, въ которомъ вы произвели это чувство, имѣетъ хорошую память“ [1]).

Катковъ принялся за сотрудничество немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось сотрудничество Бѣлинскаго. Въ Москвѣ онъ написалъ для „Отечественныхъ Записокъ“ всего двѣ большихъ статьи: „о Менцелѣ“ и о „Бородинской го-

[1]) Пользованіе письмами Каткова дозволено было намъ любезнымъ разрѣшеніемъ А. А. Краевскаго, къ которому они были адрессованы.

довщинѣ". Но потомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1839 года, онъ, по приглашенію Краевскаго, переѣхалъ даже въ Петербургъ, чтобы всецѣло отдаться работѣ въ его журналѣ.

Катковъ, работая въ журналѣ Краевскаго, рекомендовалъ послѣднему Бакунина для составленія философскихъ статей. Изъ отзывовъ Каткова о Бакунинѣ видно, что онъ былъ о немъ въ то время не только хорошаго, но и дружескаго мнѣнія.

„Изо всѣхъ, кого я знаю, писалъ Катковъ 5 іюня, никто бы не могъ такъ успѣшно приняться за это дѣло, какъ *Бакунинъ*, который въ первой половинѣ этого мѣсяца будетъ въ Петербургѣ. Поговорите съ нимъ. Я же съ своей стороны напишу къ нему объ этомъ въ деревню, гдѣ онъ теперь пребываетъ. Въ случаѣ, если онъ не возьмется, дайте мнѣ знать: я не упущу ничего, чтобы статьи о предметѣ такомъ великомъ и такъ близкомъ къ моему сердцу (философіи) въ журналѣ, которымъ я особенно интересуюсь— имѣли видъ, сколько-нибудь похожій на дѣло".

Узнавъ (вѣроятно отъ Галахова), что Краевскій уже видѣлся съ Бакунинымъ, Катковъ пишетъ черезъ два дня (7 іюня):

„Прошу васъ полюбить его — это одинъ изъ самыхъ близкихъ мнѣ людей. Я желалъ бы только, чтобы вы поближе сошлись съ нимъ—я увѣренъ, что вы его полюбите. Говорили ли съ нимъ о философскихъ статьяхъ? Я не успѣлъ тогда написать къ нему и пишу объ нихъ теперь въ прилагаемомъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы вы съ нимъ поладили въ этомъ отношеніи".

Катковъ проситъ въ этомъ письмѣ познакомить Бакунина съ поэтомъ Лермонтовымъ. „Это было бы—прибавляетъ онъ — пріятно для обоихъ". Онъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ Краевскаго передать его поклонъ Лермонтову. „Я вспомнилъ, что зналъ Лермонтова еще въ дѣтствѣ. Вѣдь онъ изъ Костромской губерніи, сынъ тамошняго помѣщика. Если такъ, то память меня не обманула". Лермонтовы, какъ видно изъ біографіи поэта, имѣли дѣйствительно родовыя имѣнія въ Костромской губерніи. Такъ какъ Лермонтовъ съ 1827

года по 1832 годъ воспитывался въ Москвѣ, то Катковъ могъ здѣсь встрѣтить его.

Характерною чертою дѣятельности Каткова являлась уже въ то время страшная энергія и неутомимость въ работѣ. Обработка имъ слога въ юношескихъ статьяхъ могла бы дать поводъ къ предположенію, что онъ пользовался относительно досугомъ для такого труда. Но онъ въ теченіи того года, когда занимался своими статьями, успѣлъ сдать магистерскій экзаменъ, написать переводъ цѣлой драмы Шекспира и нѣсколькихъ мелкихъ поэтическихъ произведеній и еще помогать своему брату Меѳодію въ подготовкѣ къ университетскому экзамену [1]). Мало того, онъ жилъ и въ другихъ отношеніяхъ кипучей жизнью, которая должна была поглощать много душевной энергіи. И на все это хватало у него силъ.

Каткову еще мало было тѣхъ статей, которыя онъ писалъ. Онъ все открывалъ новые сюжеты. Съ пыломъ юности онъ былъ готовъ пускаться во всякіе отдѣлы искусства, помимо излюбленной имъ художественной литературы.

Онъ писалъ, напримѣръ, Краевскому 22 іюня:

„Вы пишете, что у васъ для отдѣла художествъ нѣтъ статей и что вы намѣрены перепечатать обозрѣніе Эрмитажа. Бога ради, не дѣлайте этого. Подумайте, что это будетъ. Такой интересный отдѣлъ въ журналѣ будетъ наполняться сухимъ перечнемъ картинъ съ сухими же подробностями, и притомъ вы никакъ не упечатаете его за слѣдующій годъ. Это обозрѣніе нужно сколько-нибудь оживить — отложите его до слѣдующаго года. Къ тому времени я думаю побывать у васъ и, можетъ быть, мнѣ удалось бы спрыснуть его живой водой. Вашей же безстатейности по этому отдѣлу я берусь помочь. У меня теперь готовится вамъ превосходная

---

[1]) Вотъ что писалъ онъ по этому поводу Краевскому въ письмѣ отъ 16 августа, извиняясь за недоставку статей: „Братъ мой держитъ экзаменъ въ университетъ—я долженъ былъ оставить все и заняться имъ исключительно.—Я полагалъ, что экзаменъ начнется и кончится въ первыхъ числахъ августа, какъ это почти всегда бывало. Вышло же иначе: почтенные patres conscripti растянули его на цѣлый августъ, и я никакъ не могъ освободиться отъ хлопотъ ранѣе сегочисла“.

статья гегеліанца Карове о новѣйшей нѣмецкой живописи, состоящая изъ описанія художественныхъ выставокъ за 1836 и 1839 годы, во Франкфуртѣ-на-М. Въ ней столько глубокихъ Гегелевскихъ мыслей, столько живыхъ, образныхъ описаній, что, я увѣренъ, вы будете довольны ею. Она поспѣетъ, – хотя бы для этого пришлось мнѣ не поспать ночь,— къ понедѣльнику... Если время не уйдетъ и если теперь у васъ нѣтъ никакой статьи взамѣнъ, то лучше сдѣлайте такъ, какъ вы сдѣлали въ VI №: ничего не печатайте въ отдѣлѣ художествъ. Только, Бога ради, не печатайте обозрѣніе— статей хватитъ на этотъ годъ. Послушайте: статья Карове по своей величинѣ должна быть раздѣлена на двѣ части: въ одной будетъ идти дѣло о выставкѣ за 1836 годъ, въ другой—за 1839 г. Вотъ ужь двѣ статьи есть. Потомъ я вамъ пошлю *описаніе художественнаго класса въ Москвѣ*, а если пріѣдетъ *Рабасъ*,—статейку объ его мастерской. Такъ 4 статьи. Потомъ, я вамъ переведу изъ Готе дивный *очеркъ исторіи живописи* и, наконецъ, возьму у Боткина и пришлю къ вамъ статью, которую онъ написалъ и которую будетъ продолжать: о *итальянской музыкѣ*. Вотъ 6 статей на №№ за этотъ годъ. Если придетъ минута, если картины Брюлова и Рубенса зашевелятся въ душѣ и будутъ проситься наружу, я напишу объ нихъ. Впрочемъ за нихъ не ручаюсь. Можетъ быть, статью о нихъ я напишу, когда буду 2-й разъ въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 іюля Катковъ спрашиваетъ, доволенъ ли Краевскій статьей о нѣмецкой живописи и обѣщается выслать вторую половину ея на-дняхъ (она не была отправлена даже въ серединѣ августа). Онъ сообщаетъ о пріѣздѣ Рабаса и говоритъ опять о намѣреніи, по осмотрѣ его мастерской, написать о ней статейку. Въ то же время Катковъ спрашиваетъ: какъ нужны для журнала обѣщанные имъ переводы философскихъ критикъ Ганса и Рётшера и отрывки изъ эстетики Гегеля? Онъ проситъ также выслать одинъ экземпляръ „Росписанія картинъ Эрмитажа“. „Оно могло бы, прибавляетъ онъ, оживить во мнѣ многія впечатлѣнія, которыя я, можетъ быть, изложу на бумагѣ“.

Въ письмѣ отъ 7 іюля (черезъ два дня) онъ обѣщаетъ выслать, кромѣ статьи Карове, еще небольшую, но прекрасную статейку, почерпнутую изъ превосходнаго нѣмецкаго журнала „Hallische Jahrbuecher“ (1839), о модели скульптора

Кисса: Амазонка—произведеніи, „которое украситъ собою нашъ богатый вѣкъ“ говоритъ Катковъ.

Въ томъ же письмѣ сообщаетъ онъ о намѣреніи составить для журнала біографію Гегеля:

„Странный случай! я вовсе не думалъ составлять этой статьи. Я увѣдомлялъ васъ, что хочу только извлечь изъ превосходной книги Готе характеристику Гегеля. Вы послѣ этого пишете мнѣ, что ждете отъ меня біографіи Гегеля, мною составленной. Я думалъ, какъ пришла вамъ эта мысль и между тѣмъ не замѣтилъ, какъ эта же мысль прокралась и въ мою голову. Что жъ, подумалъ я, почему же не составить. Въ головѣ моей мелькнуло то, другое, третье. Я увидѣлъ, что статья можетъ быть дѣльная и занимательная. Я воспользуюсь для нея многими матеріалами и, между прочимъ, употреблю также въ дѣло письма самого Гегеля къ его друзьямъ, къ ученикамъ, къ женѣ. Что это за письма! Я постараюсь также, руководствуясь Шеллингомъ, Гёшеномъ, опредѣлить его отношеніе къ современному міру и т. д. Впрочемъ, эта статья не поспѣетъ къ сентябрскому №. Намѣреніе ее написать только теперь утвердилось въ моей головѣ, и не всѣ еще нужныя книги у меня подъ рукой. Однако, я постараюсь: можетъ быть и поспѣетъ“.

Большая часть предположеній (въ томъ числѣ и составленіе біографіи Гегеля) оставались невыполненными. Но въ массѣ этихъ затѣй виденъ живой интересъ ко всему и самонадѣянная предпріимчивость молодости, внушающая увѣренность, что все такъ легко можно одолѣть, безъ особеннаго труда справиться со всякой задачей.

Къ сожалѣнію, у Краевскаго не сохранилось писемъ Каткова за періодъ отъ середины августа 1839 года до конца 1840 года, когда уже Катковъ оказался заграницей. За этотъ періодъ мы располагаемъ воспоминаніями Панаева и письмами Бѣлинскаго, въ которыхъ Катковъ рисуется уже не только какъ рабочая сила, но какъ живая личность съ душевными стремленіями и порывами его тогдашней внутренней жизни.

Катковъ былъ въ то время не только гегеліанцемъ, но и романтикомъ. Онъ упивался мистической поэзіей, бредилъ Гофманомъ, Фрейлихратомъ... Къ этому времени его жизни

относится знакомство съ Кольцовымъ, котораго Станкевичъ ввелъ въ кружокъ, познакомившись съ нимъ въ Воронежѣ, откуда Станкевичъ былъ родомъ.

Катковъ былъ, повидимому, очень привязанъ къ Кольцову. Бѣлинскій писалъ къ Боткину 4 октября 1840 года, когда Катковъ былъ почти наканунѣ отъѣзда заграницу: „Кольцова расцѣлуй и скажи ему, что жду, не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго праздника. Катковъ умираетъ отъ желанія хоть два дня провести съ нимъ вмѣстѣ". Кольцовъ успѣлъ пріѣхать къ отъѣзду Каткова — онъ былъ на проводахъ его. Ихъ свиданіе было послѣднимъ. Кольцовъ умеръ въ 1842 году, до возвращенія Каткова изъ-заграницы.

До самаго отъѣзда заграницу, въ 1840 году, Катковъ оставался все тѣмъ же романтическимъ юношей, преданнымъ мечтательности, порой выражавшейся въ странныхъ причудахъ и порывахъ. Кто бы могъ угадать въ немъ будущаго суроваго публициста! Но одну господствующую въ его характерѣ черту можно отмѣтить и въ тогдашнее время. Это необыкновенная страстность натуры, стремившейся доводить усвоенную душевную наклонность до послѣдняго выраженія.

Къ проявленіямъ юношеской фантазіи у Каткова надо, конечно, относиться съ точки зрѣнія условій времени. Нельзя не вспомнить, что Кетчеръ, извѣстный переводчикъ Шекспира, ходилъ тогда не иначе, какъ въ красномъ плащѣ; В. П. Боткинъ даже женился по теоріи на одной француженкѣ и разошелся съ ней вскорѣ послѣ брака, во время перваго путешествія заграницу, изъ-за различія во взглядахъ на одинъ изъ романовъ Жоржъ-Занда.

Въ отношеніяхъ къ своимъ тогдашнимъ пріятелямъ Катковъ отличался чрезвычайною, почти болѣзненною чувствительностью. Результатомъ этого бывали столкновенія и ссоры, вызывавшія иногда весьма рѣзкіе и даже недоброжелательные отзывы о немъ въ этой средѣ. Каткова высоко цѣнили, какъ даровитую личность, но истинно дружескаго чувства нельзя подмѣтить въ отношеніяхъ къ нему лицъ, принад-

лежавшихъ къ кружку Бѣлинскаго. Съ наибольшей теплотой относился къ Каткову самъ Бѣлинскій, но и то урывками. Онъ писалъ: „я люблю его, но не знаю, какъ и до какой степени". За то онъ превозносилъ его дарованіе до небесъ и предсказывалъ ему блестящую будущность.

Періодъ жизни Каткова между осенью 1839 и концомъ 1840 года можетъ быть довольно подробно освѣщенъ, благодаря тому, что Бѣлинскій, переѣхавшій въ концѣ 1839 года въ Петербургъ для ближайшаго сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ", чувствовалъ себя оспротѣвшимъ въ средѣ новыхъ людей и писалъ къ Боткину, чтобы дѣлиться мыслями и впечатлѣніями, длиннѣйшія письма почти въ видѣ дневниковъ. Въ письмахъ этихъ часто упоминается личность Каткова, которымъ Бѣлинскій чрезвычайно интересовался.

Между ними, какъ уже было заявлено, состоялось примиреніе послѣ лѣтней ссоры 1839 года—и когда Панаевъ [1]), вернувшись изъ деревни, проживалъ осенью этого года въ Москвѣ, онъ нашелъ, какъ увѣряетъ, кружокъ московскихъ друзей временно сплотившимся. Въ немъ были, однако, несомнѣнные признаки разложенія. Выступали рѣзкія противоположности характеровъ и стремленій. Друзья, послѣ прожитаго вмѣстѣ періода идеальныхъ увлеченій юности, начинали смотрѣть въ разныя стороны. Бакунинъ, Катковъ и Бѣлинскій не могли, очевидно, продолжать свое дальнѣйшее развитіе рука объ руку. Первый, отличавшійся вообще безпорядочными инстинктами, искалъ бури въ жизни, а въ ожиданіи таковой вызывалъ бури и распри въ дружеской средѣ; въ Бѣлинскомъ загоралось критическое отношеніе къ жизни, сблизившее его съ Грановскимъ и съ Герценомъ; Катковъ, напротивъ, искалъ по своей натурѣ примиренія съ жизнью. Онъ долженъ былъ отстать отъ кружка, а кружокъ долженъ былъ переродиться. Но Панаевъ засталъ еще въ Москвѣ послѣдніе поминки дружескаго единенія. Онъ вспоминаетъ о вечерахъ, которые они проводили всей ком-

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 256, 257.

паніей преимущественно у Бакунина—велись философскіе разговоры, Катковъ и К. Аксаковъ прочитывали свои переводы изъ Гейне, Фрейлихрата и изъ другихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Катковъ обыкновенно декламировалъ съ большимъ эффектомъ, принимая живописныя позы, складывая руки накрестъ, подкатывая глаза подъ лобъ.

Наконецъ, когда день отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ наступилъ, его, направлявшагося туда вмѣстѣ съ Панаевымъ, явились провожать до Черной Грязи — Бакунинъ, Кетчеръ и Катковъ.

Въ самый моментъ прощанія, Катковъ энергически сжималъ Бѣлинскаго въ своихъ объятіяхъ и крѣпко, нѣсколько разъ, поцѣловалъ его.

„Когда карета двинулась, и мы, вспоминаетъ Панаевъ, выдвинулись въ окно,—Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, махая своимъ платкомъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными накрестъ руками, съ надвинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжавшихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ“ [1]).

Еще до отъѣзда Бѣлинскаго, Катковъ познакомился, между прочимъ, съ поселившимся тогда въ Москвѣ семействомъ О—хъ. Въ этомъ домѣ Катковъ встрѣтился съ вернувшимся также въ 1839 году въ Москву Герценомъ. И Бѣлинскій, какъ можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ, тамъ бывалъ, но не сочувствовалъ кружку; онъ не одобрялъ появленіе тамъ Каткова. „Ты правду говоришь, что кружокъ, къ которому приклеился и нашъ юноша — не твой: и не мой, ей-Богу, не мой, братъ“, писалъ онъ 30 декабря Боткину. Впрочемъ, интересъ къ этому дому Каткова не обозначалъ вовсе сочувствія къ образу мыслей, тамъ высказывавшихся. Герценъ, по словамъ А. А. Краевскаго (лично передавшаго намъ это воспоминаніе), разсказывалъ, что Катковъ вращался въ домѣ О—хъ исключительно въ дамскомъ обществѣ. Онъ не входилъ ни въ

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 259.

споры, ни въ общеніе съ мужской частью кружка, появляясь лишь на нѣсколько минутъ въ кабинетѣ среди разговаривавшихъ, съ сложенными на груди руками и какъ бы съ высоты величія посматривая на нихъ.

Для Каткова близость къ Герцену была немыслима. Натуры обоихъ были діаметрально противоположны. Они не могли даже временно сойтись въ этотъ юношескій періодъ. Черезъ двадцать лѣтъ они оказались публицистами совершенно противоположныхъ направленій: одинъ—съ идеаломъ обновленія Россіи посредствомъ будто-бы существующихъ въ русскомъ духѣ основъ новаго общественнаго строя; другой—напротивъ, съ идеаломъ укрѣпленія русской государственности посредствомъ реформы. Они жестоко тогда столкнулись на литературномъ поприщѣ, какъ ярые и непримиримые враги.

Но вернемся къ перепискѣ Бѣлинскаго. Онъ проситъ иногда Боткина читать его письма наиболѣе симпатичнымъ ему въ то время личностямъ: Грановскому, съ которымъ онъ успѣлъ уже подружиться, и Кудрявцеву, бывшему еще студентомъ. Относительно же Каткова Бѣлинскій разрѣшаетъ Боткину прочитывать ему эти письма, но только мѣстами, въ чемъ они до него касались.

Въ письмѣ отъ 30 ноября 1839 года Бѣлинскій спрашиваетъ Боткина: „Что Катковъ? Онъ что-то молчитъ“.

Свѣдѣнія, которыя сообщилъ о Катковѣ Боткинъ, сначала вызвали порицаніе со стороны Бѣлинскаго. Онъ начинаетъ свой отзывъ такъ:

„Не можешь представить себѣ, какъ удивило меня извѣстіе о нашемъ юношѣ. Нечего сказать, „странно себя аттестуетъ“. Это мнѣ не нравится—и субъективнаго участія я не могу въ этомъ принять“ [1]).

Строить догадки о томъ, что именно разумѣли пріятели, говоря такъ о Катковѣ, едва-ли необходимо, тѣмъ болѣе,

[1]) Пользованіе этими письмами Бѣлинскаго (до сихъ поръ не изданными, но лишь упомянутыми въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ) представлено намъ ихъ собственникомъ К. Т. Солдатенковымъ.

что они могли ошибаться не только въ оцѣнкѣ, но и въ содержаніи слуховъ. Довольно знать, что Бѣлинскій вскорѣ отказался отъ высказаннаго имъ осужденія. Друзей всего болѣе коробило отступленіе отъ рецептовъ идеализма, усвоеннаго московскимъ кружкомъ,—рецептовъ, построенныхъ на разсудочной рисовкѣ передъ самимъ собой. Бѣлинскій сталъ понимать искусственную ложь этой точки зрѣнія. Онъ высказывалъ даже прямо зависть къ тѣмъ, которые не запутываются въ этихъ блѣдныхъ, тощихъ соображеніяхъ.

„Въ каждомъ моментѣ человѣка есть современныя этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе,

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ“.

Существуютъ двѣ идеальности, говоритъ Бѣлинскій, здоровая и резонерская—и, увы, относитъ направленіе кружка къ послѣдней. Онъ сознается, что видитъ вокругъ себя только резонерство и самъ пребывалъ въ немъ. „Чѣмъ я особенно восхищался въ Станкевичѣ? Тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ въ себѣ“.

Съ разсудочной высоты ложнаго упоенія идеализмомъ Бѣлинскій вдругъ спускается, въ томъ же письмѣ, въ міръ падшихъ женщинъ и описываетъ впечатлѣнія чисто матеріалистическаго къ нимъ отношенія. Онъ нарочно употребляетъ рѣзкія, тривіальныя выраженія. Онъ отдаетъ, напримѣръ, предпочтеніе нѣмкамъ передъ русскими: послѣднія не понимаютъ любви, какъ таинства, чужды всякой идеальной настроенности духа, онѣ берутъ только деньги, а о Шиллерѣ не имѣютъ никакого понятія. Нѣмка совсѣмъ не то, возьметъ деньги, да ужъ „уважитъ барина“.... Во всемъ этомъ слышится горькая насмѣшка; страданіе сквозитъ слишкомъ явственно въ грубыхъ шуткахъ. „Боткинъ, Боткинъ! восклицаетъ Бѣлинскій—не сердись и не презирай, но пойми“.

Съ Бѣлинскимъ совершалась тогда безсознательная пока ломка его „прекраснодушія“, на которомъ онъ временно остановился. Его душа требовала вѣры и пока не явилось новое умственное увлеченіе, онъ страшно мучился въ душевной апатіи. Въ такія минуты всѣ недочеты жизни отно-

сительно личнаго счастья особенно ярко всплываютъ наружу и тяжело бьется въ груди сердце при мысли, что вотъ прошла уже молодость съ ея радостями и не оставила воспоминаній. Скромный, мечтательный Бѣлинскій доходилъ до того, что его душа, какъ онъ выражался, требовала оргій... А тутъ срочная, скучная, обязательная работа.

Онъ скоро выяснилъ себѣ окончательно несостоятельность порицанія, высказаннаго имъ относительно молодаго пріятеля, и выразилъ, напротивъ, очень теплое къ нему участіе не чуждое даже самоуничиженія.

„Ахъ, Б. (Боткинъ), всей силой любви дѣйствуй на Каткова; онъ лучше всѣхъ насъ, но въ немъ много нашего, т. е. лѣни и мечтательности, рефлекса и фразерства. Да не погибнетъ онъ, подобно мнѣ и многимъ другимъ, отъ недостатка дѣятельности, отъ развычки отъ работы, которая есть альфа и омега человѣческой мудрости, камень спасенія и условіе дѣятельности".

Но порою всплывало опять прежнее отношеніе. Вообще трудно себѣ представить человѣка, болѣе подвижнаго въ своихъ взглядахъ на людей, болѣе подчинявшагося впечатлѣніямъ, чѣмъ Бѣлинскій; 24 февраля онъ пишетъ:

„Твое новое извѣстіе о Катковѣ поразило меня. Вѣдь ты же писалъ мнѣ, что онъ уже образумился? Я получилъ отъ него два письма, въ которыхъ видна грусть и страданіе. Эта исторія начинаетъ возмущать меня: въ ней нѣтъ никакой поэзіи... Знаешь ли что: не брякнуть ли мнѣ къ нему не прямо, а намекамп, но понятно? Отвѣчай, безъ твоего совѣта ничего не сдѣлаю. Добрый благородный К.! О еслибы онъ чаще былъ въ грустномъ состояніи духа.

Но письмо такого содержанія не было написано Бѣлинскимъ; онъ вообще, находясь въ мрачной апатіи, откладывалъ писаніе писемъ другимъ пріятелямъ, кромѣ Боткина. Катковъ сильно пенялъ на него за молчаніе. Потомъ Бѣлинскій возобновилъ предположеніе писать Каткову, но уже не о прежнемъ сюжетѣ, а о безсмертіи души.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Катковъ прислалъ еще Бѣлинскому какіе-то стихи Сатина для помѣщенія въ „Отечественныхъ Запискахъ".

Вѣроятно, по поводу этого письма Бѣлинскій писалъ 16 апрѣля Боткину:

„Что это дѣлается съ К.? Онъ въ восторгѣ отъ Одесскаго альманаха, отъ стиховъ Огарева и Сатина—недостаетъ ему приходить въ восторгъ отъ повѣстей К. Ф. Павлова... Онъ полонъ дивныхъ и дикихъ силъ, и ему предстоитъ еще много, много надѣлать глупостей. Я его люблю, хоть и не знаю, какъ и до какой степени. Я вижу въ немъ великую надежду науки и русской литературы. Онъ далеко пойдетъ, далеко, куда нашъ братъ и носу не показывалъ, и не покажетъ. Славная его статья о книгѣ Максимовича, прекрасная статья; мысль такъ и свѣтится въ каждомъ словѣ. Вообще, преобладаніе мысли въ опредѣленномъ и яркомъ словѣ—есть отличительный характеръ его статей и высокое ихъ достоинство, а отсутствіе сосредоточенной, непосредственной теплоты сердца—недостатокъ, но это недостатокъ не его натуры, а его лѣтъ. Общее поглощаетъ его духъ и, такъ сказать, обезличиваетъ его индивидуальность. Это—чудное начало,—оно всегда останется съ нимъ, укрѣпляясь наукой, а когда онъ перестанетъ пылить... то и недостатокъ, о которомъ я говорю и который опредѣленно не умѣю назвать, исчезнетъ. Я читаю его статьи съ особеннымъ уваженіемъ—наслаждаюсь ими и учусь мыслить“...

Вообще, друзья въ то время на рукахъ носили Каткова. Онъ сразу заявилъ себя истиннымъ мастеромъ литературнаго дѣла. Слава его быстро расцвѣла. Онъ затмилъ на время Бѣлинскаго. Чадъ упоенія успѣхомъ, повидимому, дѣйствовалъ на 21 лѣтняго Каткова, но крайней мѣрѣ, Бѣлинскій сознавался, что друзья развивали въ Катковѣ своимъ поклоненіемъ заносчивость и высокомѣріе.

Первый разъ жалоба на обращеніе Каткова проглядываетъ въ упомянутомъ посланіи Бѣлинскаго отъ 16 апрѣля 1840 года. Онъ разсказываетъ про письмо, написанное Катковымъ Краевскому. Письмо касалось статьи Каткова о книгѣ Мартына Задеки, статьи, которую Бѣлинскій, несмотря на все увлеченіе талантомъ Каткова, признавалъ неудачною. Краевскій, считая означенную книгу не заслуживающею особенно подробнаго анализа, сократилъ статью, а Катковъ выразилъ на это претензію. Онъ намекалъ въ письмѣ

и на то, что Бѣлинскій не шлетъ ему писемъ и высказалъ все это въ тонѣ, проявлявшемъ оскорбленное самолюбіе.

Бѣлинскій написалъ, должно быть, одно или два письма къ Каткову, но письмами этими мы не имѣли случая пользоваться.

Въ серединѣ лѣта Катковъ былъ уже въ Петербургѣ, намѣреваясь ѣхать заграницу. Бѣлинскій съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Онъ звалъ въ Петербургъ и Кудрявцева, котораго приглашалъ даже остановиться у себя. Онъ писалъ по этому поводу: „жду вашего пріѣзда, какъ праздника. Шутка ли—вы и Катковъ, да это Москва цѣлая“.

Катковъ оставался въ Петербургѣ до 19 октября. Обстоятельства пребыванія его тамъ разсказаны, кромѣ писемъ Бѣлинскаго, еще въ воспоминаніяхъ Панаева. Остановимся, прежде всего, на послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ послѣдовательнѣе разсказаны не лишенныя интереса внѣшнія обстоятельства, тогда какъ въ письмахъ Бѣлинскаго глубже затрогиваются событія его внутренней жизни.

Въ апрѣлѣ 1840 года, вспоминаетъ Панаевъ, получилъ онъ отъ Каткова письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что намѣренъ ѣхать заграницу и передъ этимъ прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ. Передъ этимъ Катковъ прислалъ оконченный имъ переводъ Шекспировской „Ромео и Юліи“, который былъ проданъ петербургскими его друзьями книгопродавцу Полякову, бывшему тогда издателемъ „Пантеона“. Деньги должны были быть заплачены по напечатаніи перевода.

Получивъ извѣщеніе о пріѣздѣ Каткова, Панаевъ пригласилъ его остановиться у него—на новой квартирѣ, которую онъ занялъ у пяти Угловъ, въ домѣ Пшеницыной, который Катковъ впослѣдствіи прозвалъ кораблемъ Пшеницына.

Незадолго до пріѣзда Каткова, Панаевъ прочелъ только-что изданный во французскомъ переводѣ романъ Купера: „Путеводитель въ пустынѣ“ (Le lac Ontario). Романъ этотъ произвелъ на Панаева сильное впечатлѣніе, и онъ разсказалъ

его содержаніе Бѣлинскому. Послѣдній посовѣтовалъ перевести для „Отечественныхъ Записокъ“. Каткову романъ также очень понравился. Въ письмѣ къ Ефремову Бѣлинскій приводитъ отзывъ Каткова, что многія мѣста изъ „Путеводителя“ могли бы украсить даже драму Шекспира. Бѣлинскій упросилъ Каткова и Панаева взять переводъ на себя вмѣстѣ [1]). У него бывали и ранѣе того предположенія воспользоваться для этой цѣли трудолюбіемъ Каткова. Онъ писалъ Боткину, что недурно было бы украсить страницы „Отеч. Записокъ“ переведенными послѣднимъ романами Гёте: „Wilhelm Meister“ и „Wahlverwandtschaften“.

Каткову достались первыя двѣ части „Путеводителя“, Панаеву послѣднія двѣ. Первый переводилъ съ англійскаго, второй съ французскаго. Краевскій объявилъ, что за переводъ онъ не можетъ платить деньгами, а отпечатаетъ 200 отдѣльныхъ экземпляровъ, которые переводчики могутъ продать въ свою пользу. Это условіе было принято и переводъ исполнялся съ жаромъ. Цѣлые вечера за однимъ столомъ, на „кораблѣ Пшеницына“, просиживали за переводомъ Панаевъ и Катковъ.

Экземпляры „Путеводителя въ пустынѣ“, доставшіеся переводчикамъ, проданы были книжному магазину Юнгмейстера за 700 рублей ассигнаціями, на долю каждаго пришлось по 350 рублей.

Эти деньги и еще тѣ, которыя Катковъ долженъ былъ выручить за переводъ „Ромео и Юліи“ составляли фондъ, на который задумывалась заграничная его поѣздка. Самъ же Катковъ привезъ въ Москву незначительную сумму (не болѣе 100 рублей ассигнаціями). Но деньги за Шекспировскій переводъ не поступали отъ Полякова, книгопродавецъ, ухмыляясь, изгибаясь и извиняясь, каждый день клялся, что онъ заплатитъ завтра. Поѣздка Каткова поневолѣ откладывалась. Наконецъ, онъ вышелъ изъ терпѣнія и взялъ билетъ

---

[1]) Такъ описываетъ Панаевъ; Бѣлинскій замѣчаетъ въ письмѣ отъ 12 августа къ Боткину, что въ переводѣ этомъ принималъ участіе, кромѣ Каткова и Панаева, еще Языковъ.

на пароходъ... Онъ объявилъ объ этомъ Полякову и сказалъ, что долѣе терпѣть не можетъ. Поляковъ обѣщалъ доставить деньги къ 10 часамъ утра наканунѣ отъѣзда, но опять не явился. Панаевъ и Катковъ отправились къ нему въ лавку—купецъ хотѣлъ скрыться, но былъ задержанъ друзьями и далъ клятвенное увѣреніе, что принесетъ деньги въ день отъѣзда къ десяти часамъ. Но онъ опять не явился; въ 11 часовъ Панаевъ и Катковъ въ совершенной ярости побѣжали въ его лавку. Но Поляковъ предусмотрительно исчезъ, и гнѣвъ прибывшихъ палъ на приказчиковъ.

Каткову пришлось уѣхать заграницу со 100 или 200 рублями ассигнацій. Его петербургскіе друзья: Бѣлинскій, Панаевъ, Языковъ и Кольцовъ, провожали его до Кронштадта. „Бога ради, спасайте же меня, говорилъ онъ, обнимая ихъ на прощаніе—высылайте же мнѣ скорѣе деньги въ Берлинъ... Я могу умереть съ голода, если вы меня забудете“.

Какъ ни тревожило, однако, Каткова его безденежье, онъ былъ, какъ повѣствуетъ Панаевъ, веселъ и счастливъ мыслью, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ западной Европѣ, которая такъ давно манила его, что онъ вступитъ въ самое святилище науки—берлинскій университетъ, о которомъ такъ давно мечталъ. Онъ предавался разнымъ упоительнымъ фантазіямъ, со всѣмъ увлеченіемъ и безпечностью молодости забывая свое положеніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, прибавляетъ Панаевъ, Поляковъ заплатилъ деньги, и онѣ были тотчасъ же отосланы къ Каткову въ Берлинъ, съ прибавкою денегъ отъ Краевскаго. Но въ этомъ отношеніи память измѣнила Панаеву—деньги не тотчасъ же могли быть высланы Каткову. Ему пришлось бѣдствовать. Вообще, какъ мы увидимъ, пребываніе Каткова заграницей не оправдало въ извѣстныхъ отношеніяхъ его свѣтлыхъ надеждъ.

Но остановимся еще на пребываніи Каткова въ Петербургѣ. Съ Бѣлинскимъ Катковъ по-прежнему занимался вопросами философскаго развитія. Бѣлинскій, какъ мы уже упоминали, находился въ то время въ періодѣ душевной апатіи,

вызванной ломкою его убѣжденій. Вслѣдствіе этой апатіи, усиленной еще недавнимъ впечатлѣніемъ смерти Станкевича, онъ высказывалъ мысли о ничтожествѣ всего существующаго и человѣческой личности въ особенности. Это была реакція, своего рода Katzenjammer послѣ упоенія „прекраснодушіемъ“.

Бѣлинскій собирался спорить съ Катковымъ, который оставался на прежней точкѣ идеалистическаго отношенія къ гегелевской философіи и уваженія къ Шеллингу. Описывая встрѣчу съ Катковымъ, онъ заявлялъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ (10 декабря 1840 года):

„Къ пріѣзду Каткова я уже приготовленъ, — и при первой стычкѣ съ нимъ, отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить, и вдругъ вижу, что ужь нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ $^1/_4$ часа, вмѣстѣ съ нимъ, началъ ратовать противъ всѣхъ сбитыхъ съ толку мною же“.

Какъ видно изъ позднѣйшаго письма Бѣлинскаго отъ 15 января 1841 года, на которомъ мы впослѣдствіи подробнѣе остановимся, предметомъ ихъ перваго разговора были жалобы о ничтожествѣ человѣческой личности; Катковъ, по заявленію Бѣлинскаго, осмѣялъ эту точку зрѣнія. Въ чемъ заключалось „плѣненіе“, въ которое Бѣлинскій попался къ Каткову, къ сожалѣнію неизвѣстно. Вѣроятно, послѣдній своимъ вліяніемъ нѣсколько пріостановилъ процессъ разложенія въ Бѣлинскомъ прежнихъ основъ его міросозерцанія. О ихъ спорахъ и занятіяхъ можно судить только по отрывочнымъ указаніямъ, попадающимся въ письмахъ послѣдняго.

Повидимому, и въ Катковѣ проглядывало порою неудовлетвореніе усвоенной ими точкою зрѣнія на философію Гегеля. Въ упомянутомъ письмѣ отъ 15 января Бѣлинскій указываетъ, что Катковъ, осмѣявъ его взглядъ на ничтожество существующаго, самъ затянулъ „черезъ нѣсколько недѣль ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй“. Кромѣ субъективнаго настроенія, этому взгляду посодѣйствовала критика новогегеліанца Фрауенштета. „Катковъ

хандрить—писалъ Бѣлинскій еще ранѣе 12 августа 1839 г., для него исчезла всякая достовѣрность въ жизни и знаніи. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ Фрауенштета — молодецъ Фрауенштетъ! Послѣ его брошюрки пропадаетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что-нибудь утверждать".

Но только, какъ слѣдуетъ заключить изъ дальнѣйшихъ писемъ Бѣлинскаго, пріятелей тянуло въ разныя стороны. Катковъ чувствовалъ влеченіе къ мистическому Jenseits, къ душевному примиренію и вѣрѣ, Бѣлинскаго, напротивъ, влекло въ міръ анализа и критики, гдѣ душа не во всемъ находитъ успокоеніе, но гдѣ за то все освѣщено рѣзкимъ свѣтомъ разсудка. Но Бѣлинскій въ то время колебался между двумя теченіями—и духовное общеніе между пріятелями было еще возможно.

Предаваясь сомнѣніямъ въ достовѣрности знанія и жалуясь на тщету жизни, Бѣлинскій, какъ видно изъ письма его Боткину отъ 5 сентября, выдвигалъ тогда, въ видѣ исхода изъ этого мучительнаго состоянія, вопросъ о безсмертіи души, который онъ признавалъ тогда капитальнѣйшимъ изъ вопросовъ, возникающихъ въ человѣческомъ сознаніи.

„Погоди, говоритъ онъ Боткину, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая только потому съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его".

Этотъ вопросъ глубоко занималъ Бѣлинскаго въ періодъ 1839—1840 гг. Онъ писалъ ранѣе этого времени, въ началѣ 1840 года, къ Боткину, какъ бы указывая на отступленіе свое отъ общаго рѣшенія по этому предмету: „мысли мои объ Unsterblichkeit снова перевернулись: П. (Петербургъ) имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ хрст-у, Миш... (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ. Нѣтъ, объективный міръ страшенъ, и мы съ тобою скоренько порѣшили важный вопросъ". Онъ обѣщалъ тогда же написать по этому поводу письмо Каткову, которое Боткинъ долженъ былъ

прочитать. Намъ неизвѣстно, было ли это письмо написано, но вѣроятно вопросъ о безсмертіи души былъ предметомъ дебатовъ между пріятелями во время ихъ свиданій въ Петербургѣ.

Сходились ли они тогда въ рѣшеніи этого вопроса, мы не беремся рѣшить. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ они сходились. Бѣлинскій въ письмахъ къ Боткину одобряетъ порою взгляды Каткова, такъ, напр., относительно узости гегелевской философіи.

„Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому—писалъ Бѣлинскій 5 сентября,—какъ прямо противоположному опредѣленно дѣйствительному. Катковъ говоритъ, что это ограниченность. Я съ нимъ согласенъ... Не отъ того ли музыка не далась Егору Ѳедоровичу, что она есть нѣчто невыговоримое, слѣдовательно по философіи Гегеля призрачное, ничто“?.

Но въ томъ же письмѣ Бѣлинскій замѣчаетъ, что Катковъ недавно „поразилъ его заступничествомъ своимъ за заживо умершаго Шеллинга, говоря, что у него есть нѣчто, что онъ не можетъ выговорить, ибо возможность выговорить основывается опять-таки на метафизикѣ Гегеля и что это нѣчто—личность человѣческая.

Въ оцѣнкѣ Шеллинга, значитъ, друзья расходились. Бѣлинскій видѣлъ въ возвращеніи къ философіи Шеллинга шагъ назадъ въ развитіи; между тѣмъ, эта философія оказалась впослѣдствіи наиболѣе отвѣчающей духовнымъ стремленіямъ Каткова. Изъ-за этого, какъ мы увидимъ, они впослѣдствіи окончательно разошлись...

Внутреннее разногласіе друзей стало выступать, между прочимъ, въ оцѣнкѣ, данной Бѣлинскимъ статьѣ Каткова о Саррѣ Толстой [1]). Сначала онъ былъ восхищенъ или, какъ говорилъ самъ, оглушенъ этой статьей. Еще 25 октября (уже послѣ отъѣзда Каткова) онъ писалъ Боткину: „по мнѣ, чудесная статья, но чувствуется какая-то тяжеловатость“. Онъ спрашивалъ у Боткина, какое впечатлѣніе она произвела на него и что говорятъ объ этой статьѣ въ Москвѣ.

[1]) Напечатанной въ „Отеч. Запискахъ“ за 1840 годъ.

Въ Петербургѣ она совершенно не понравилась. Но чѣмъ болѣе Бѣлинскій въ нее вчитывался, тѣмъ менѣе она ему казалась существенной. „Я самъ вижу—писалъ онъ 10 декабря, —что много мыслей, но мыслей, которыя проходятъ сквозь голову читателя, какъ сквозь рѣшето, не останавливаясь въ ней. Начну читать—превосходно, закрою книгу—ничего не помню".

Бѣлинскій признавалъ, и во время пребыванія Каткова въ Петербургѣ, и послѣ его отъѣзда, что Катковъ „много заставилъ его двинуться", но прибавлялъ, что онъ это сдѣлалъ, „самъ того не зная". Вѣроятно, Бѣлинскій разумѣлъ въ этомъ случаѣ критическія мысли Каткова о гегеліанизмѣ, которыя впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали въ Бѣлинскомъ развитіе въ противоположную сторону отъ той, куда пошелъ Катковъ.

Общее впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Катковымъ Бѣлинскій высказалъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Съ Катковымъ мнѣ было какъ-то несовсѣмъ свободно, ибо я страдалъ, а онъ еще хуже, такъ что былъ для всѣхъ тяжелъ, но и съ нимъ для меня бывали чудныя минуты" (письмо къ Боткину отъ 10 декабря 1839 года).

Пребываніе Каткова въ Петербургѣ ознаменовалось разными столкновеніями, ссорами, размолвками... Кружокъ окончательно разсыпался. Отношенія между членами перепутались, исказились.

Главное мѣсто среди раздоровъ принадлежитъ столкновенію Каткова съ Бакунинымъ. Мы видѣли, что къ послѣднему Бѣлинскій охладѣлъ еще въ концѣ 1839 года. Отношенія ухудшились весной 1840 года. Чрезвычайная неделикатность Бакунина, его стремленіе совать свой носъ въ интимныя дѣла пріятелей, умѣніе ставить себя и другихъ въ фальшивыя положенія и прибѣгать къ нелѣпому резонерству, чтобы ихъ оправдывать, послужили окончательнымъ основаніемъ къ разрыву. Бѣлинскій былъ такъ возстановленъ противъ Бакунина, что когда Боткинъ сообщилъ ему о враждебности Бакунина къ Каткову, то Бѣлинскій просилъ (въ письмѣ 24 апрѣля 1839 года) расцѣловать за это Кат-

кова. „Я вдвое больше люблю его за это, писалъ онъ; это новое доказательство, что онъ человѣкъ". Бакунинъ успѣлъ въ это время насолить Бѣлинскому, Боткину, Каткову... Послѣдній не принадлежалъ къ числу людей, которые позволяли бы даромъ наступать себѣ на ногу.

Въ бытность Каткова въ Петербургѣ, явился туда и Бакунинъ, также направлявшійся оттуда заграницу. Ни мало не стѣсняясь, онъ пошелъ къ пріятелямъ; завернулъ къ Панаеву, у котораго проживалъ Катковъ. Панаевъ, въ виду произошедшихъ исторій, принялъ его въ высшей степени холодно — и Бакунинъ долженъ былъ отретироваться, не сумѣвъ произвести никакого впечатлѣнія въ свою пользу. Во время его визита тамъ былъ Катковъ, но послѣдній не вышелъ къ нему—и встрѣча произошла уже на слѣдующій день у Бѣлинскаго, который ее подробно описалъ.

Однажды рано утромъ, писалъ Бѣлинскій къ Боткину 12 августа, явился къ нему Катковъ въ какомъ-то необыкновенномъ и страстно-одушевленномъ состояніи и съ разными штуками и мистификаціями объяснилъ, что пріѣхалъ Бакунинъ. Онъ разсказалъ Бѣлинскому про посѣщеніе послѣднимъ Панаева и предупредилъ, что онъ долженъ явиться этотъ день къ нему. Тщетно пріятели ждали гостя продолжительное время, наконецъ, уже около 12 часовъ дня, показалась на дворѣ дома, гдѣ жилъ Бѣлинскій, „уродливая фигура, какъ онъ выражался, въ филистерскомъ прегнусномъ картузѣ". Онъ хотѣлъ встрѣтить его, какъ можно холоднѣе—но Бакунинъ успѣлъ поцѣловать его. Катковъ же привѣтствовалъ Бакунина благодарностью за участіе въ его исторіи (Бакунинъ распустилъ про него какую-то сплетню, въ которой не одинъ Катковъ къ тому же былъ замѣшанъ). Бакунинъ прошелъ въ спальню и отвѣчалъ оттуда: „фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!" — „Какіе тутъ факты, вы продавали меня по мелочамъ". Произошла перебранка, перешедшая въ наступательныя дѣйствія, причемъ наиболѣе потерпѣвшимъ оказался, по справедливости, виновный въ исторіи Бакунинъ. Бѣлинскій былъ весь на сторонѣ Каткова. „Я въ первый разъ, писалъ

онъ, увидѣлъ, что такое мужчина, достойный любви женщины". Бакунинъ, получивъ оскорбленіе, заявилъ, что онъ намѣренъ драться. Катковъ, успокоившись, еще разъ передъ уходомъ подошелъ къ нему и заявилъ: „послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали". Бѣлинскій остался успокоивать Бакунина. Жалость смѣшивалась у него съ отвращеніемъ. Бакунинъ казался ему противнымъ настолько, что онъ не допускалъ возможности любви къ нему со стороны женщинъ и не понималъ, какъ могутъ цѣловать его сестры.

Удаливши Бакунина, Бѣлинскій поѣхалъ къ Панаеву. Катковъ пригласилъ его секундантомъ, но Бѣлинскій сначала отказался, указывая на свою неспособность къ этой роли. Катковъ обратился тогда съ просьбой къ Панаеву, который кивнулъ головой въ знакъ согласія. Отъ Панаева компанія, въ которой находился, кромѣ названныхъ лицъ, еще Языковъ, направилась на дачу къ Краевскому, къ которому они были приглашены. Поѣхали на извощикахъ: Панаевъ съ Катковымъ, Бѣлинскій съ Языковымъ. Послѣдній сталъ уговаривать своего компаньона принять предложеніе Каткова, чтобы избавить отъ него Панаева, какъ семейнаго человѣка. Бѣлинскій согласился и когда пріятели подъѣхали къ дачѣ Краевскаго, онъ объявилъ объ этомъ Каткову. „Иду на войну да и только—восклицалъ онъ въ письмѣ,—что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну".

Война оказалась однако весьма миролюбивой. Противникъ Каткова не проявлялъ воинственнаго пыла. Бѣлинскій былъ на слѣдующій день у Бакунина, который просилъ его передать Каткову какія-то увѣренія и записку, въ которой онъ на трехъ страницахъ—„аналитическимъ и скопческимъ слогомъ", какъ выражался Бѣлинскій—изложилъ, что можно было сказать въ трехъ словахъ. Онъ предлагалъ отложить дуэль до появленія обоихъ въ Берлинѣ, ссылаясь на строгость русскихъ законовъ, присуждавшихъ оставшагося въ живыхъ противника къ отдачѣ въ солдаты. Затѣмъ, въ

письмѣ къ Ефремову Бакунинъ просилъ его посредничества, чтобы уговорить Каткова отложить дѣло на неопредѣленный срокъ, такъ какъ въ Берлинѣ онъ будетъ единственной поддержкой и защитникомъ одной личности (В. А. Д—ой). „Кажется, молодецъ, такъ заключаетъ Бѣлинскій письмо—хочетъ отдѣлаться, а нашъ горячится тѣмъ пуще—говоритъ: надо подлеца стереть съ лица земли. Впрочемъ я подозрѣваю, что онъ прикнучиваетъ себя, ибо дуэль хороша, когда оскорбленіе живо и сильно еще".

Бакунинъ уѣхалъ заграницу, должно быть, въ концѣ сентября, потому что Бѣлинскій говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Боткину отъ 4 октября:

„Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга заграницу—писалъ Бѣлинскій—его провожали не я, не Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Г-нъ (должно быть, Герценъ), произведенный имъ за 1.000 р. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его".

„Мишель думалъ—писалъ по поводу его отъѣзда Бѣлинскій,—что кромѣ глубокой натуры и генія необходимы для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ—условіе sine qua non! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія".

Изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ послѣ пріѣзда написалъ къ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ—діалектическая натура и старался вызвать симпатію со стороны послѣдняго. Но онъ извлекъ только сожалѣніе къ себѣ своего бывшаго друга, который не отвѣчалъ ему даже на посланіе. Про письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину:

„Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что *извѣстное объясненіе* неизбѣжно, да я не вѣрю—у.....ся на мѣстѣ объясненія—и всего вѣрнѣе—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ".

Такимъ fiasco въ средѣ своихъ друзей кончилъ этотъ колоссъ идеализма! Катковъ, какъ видно изъ всего приведеннаго выше, былъ нравственно правъ въ своемъ столкновеніи съ нимъ.

Но у Каткова не совсѣмъ ладились отношенія и съ другими изъ окружающихъ лицъ. На него нашелъ тяжелый стихъ. О Кетчерѣ (бывшемъ московскомъ пріятелѣ), онъ отзывался дурно, имѣлъ какую-то ссору съ Краевскимъ, готовъ былъ разойтись съ Боткинымъ и вызывалъ противъ себя жалобы со стороны Бѣлинскаго, Панаева, Языкова. Друзья старались какъ можно осторожнѣе къ нему относиться, но и то не избѣгали поводовъ къ его неудовольствію.

„Теперь о К—вѣ, пишетъ Бѣлинскій Боткину 5 октября. Онъ хандритъ и мутитъ себя и все близкое къ нему. Ссора его съ Кр. была результатомъ этой хандры, но онъ скоро опомнился и загладилъ это. Теперь его отношенія съ Кр. прекрасныя. Но вотъ другое горе. Ты помнишь, какъ онъ сердился на меня въ Москвѣ, что я не пишу ему, теперь твоя очередь. Недавно я узналъ отъ него, что онъ убѣжденъ, что ты его любишь не болѣе, чѣмъ М. Б. (Бакунинъ). Причиной этому твои поклоны ему въ письмахъ ко мнѣ. Я имѣлъ неосторожность прочитать ему твое письмо (отъ 3 сентября), разумѣется, выпустивши то, что ты говоришь о немъ по поводу его ссоры съ Кр. Замѣтивъ, что я не все прочиталъ, онъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и сталъ допрашивать. Послѣ этого дня два пролежалъ онъ, уткнувши носъ въ подушку. Дикая натура, молодая—много самолюбія! но я понимаю это. Насъ съ нимъ раздѣляетъ разница въ лѣтахъ, онъ это чувствуетъ и ложно объясняетъ. Бога ради, скорѣе напиши къ нему, если письмо твое его не застанетъ (12 онъ думаетъ отправиться), я тотчасъ же перешлю къ нему. Но въ немъ ни слова о томъ, что ты знаешь о его на тебя претензіи, ни слова обо мнѣ—иначе ты убьешь его. Пиши, какъ будто тебѣ самому вздумалось написать ему“.

„Глубокая натура, могучій умъ, блестящій,—пишетъ Бѣлинскій 25 октября, проводивъ Каткова,—богатая надежда въ будущемъ, но теперь К. такой ребенокъ, что съ нимъ тяжелы близкія отношенія. Кольцовъ говоритъ, что онъ весь и вдругъ наваливается и отъ того тяжелъ. Зато взъѣстся

на человѣка—другая крайность: забываетъ деликатность и вѣжливость. Дитя, еще дитя! Твое письмо къ нему подошло кстати и утѣшило его".

Проявлявшіяся шероховатости въ отношеніяхъ Каткова къ пріятелямъ по молодости вызвали въ нихъ даже довольно рѣзкій приговоръ о его характерѣ, сложившійся, очевидно, подъ дурными впечатлѣніями. Примѣръ показалъ въ этомъ отношеніи Боткинъ. Что онъ писалъ—неизвѣстно, но вотъ что отвѣчалъ по этому поводу Бѣлинскій 15 января 1841 года. Приводимъ отзывъ его цѣликомъ:

„Теперь о второмъ пунктѣ твоего письма—о Катковѣ. Признаюсь, огорошилъ ты меня. Я—странная натура—никогда не смѣю высказывать о человѣкѣ, что думаю, и часто наталкиваюсь на любовь и дружбу къ нему, чтобы примирить свое чувство къ нему съ понятіемъ о немъ. Твое сужденіе о Катковѣ ужасно вѣрно. Я тоже чувствовалъ, но не смѣлъ сказать себѣ самому. Изъ этого человѣка (я увѣренъ въ этомъ) еще выйдетъ человѣкъ... Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ началъ съ высоты величія подсмѣиваться надъ моими жалобами о ничтожествѣ человѣческой личности, столь похожей въ общемъ на мыльный пузырь, и говорить, что въ наше время объ этомъ тужатъ только дрянныя и гнилыя натуришки, а черезъ нѣсколько недѣль затянулъ ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй. Потомъ толковалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, о необходимости провести по своей непосредственности рѣзцомъ художника, чтобы придать себѣ виртуозности. У меня странная привычка—принимать въ другихъ самохвальство за доказательство достоинства—я и повѣрилъ, что онъ—статуя, виртуознѣе самого Аполлона Бельведерскаго, да и давай плевать на себя и смиряться передъ нимъ. Вообще, онъ велъ себя со всѣми нами, какъ геніальный юноша съ людьми добродушными, но недалекими... Панаеву съ Языковымъ тоже досталось порядочно за то, что они не знали, какъ лучше выразить ему свое уваженіе и любовь. Не скажу, чтобы у меня съ нимъ не было и пріятныхъ минутъ, ибо это—натура сильная и голова крѣпко работающая. Онъ много разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многаго большая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ отъѣзда. Ясно, что немного прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому пристаетъ отъ него и понимается съ трудомъ. Когда онъ съ торжествомъ созвалъ насъ у Краев-

скаго и прочелъ половину статьи о Саррѣ Толстой, я былъ *оглушенъ*, но нисколько не наполненъ, но сказалъ Комарову и прочимъ, что такой статьи не бывало на свѣтѣ. Статья вышла. Питеръ принялъ ее съ остервенѣніемъ, что еще больше придало ей цѣны въ моихъ глазахъ. Панаевъ и Комаровъ просто сказали мнѣ, что имъ статья не нравится, а послѣдній — что онъ въ ней, за исключеніемъ двухъ, трехъ дѣйствительно прекрасныхъ мѣстъ, ничего не понимаетъ. Я чуть не побранился съ нимъ за то, хоть онъ и говорилъ мнѣ, что въ моихъ статьяхъ все понимаетъ. Уже спустя довольно времени, я самъ поусомнился, замѣтивъ, что ничего не помню изъ дивной статьи. Перечитывалъ—читаю, прекрасно, положу книгу—не помню ничего. Твое письмо довершило. Ты здѣсь—не то, что я,—ты человѣкъ посторонній. Не забудь, что мы съ Катковымъ—соперники по ремеслу, а я по своей натурѣ способенъ видѣть всегда въ соперникахъ Богъ знаетъ что, а въ себѣ—ничего. Когда онъ изъявилъ желаніе писать о Саррѣ Толстой, я не смѣлъ и думать взяться за это дѣло. Теперь каюсь, ибо вижу, что это чудное явленіе погибло для публики. Хочу написать для „Современника“, да книги нѣтъ. Нащокинъ, говорятъ, передалъ для меня экземпляръ К. Аксакову, а тотъ, Богъ знаетъ, что сдѣлалъ съ нимъ. Не можешь ли ты похлопотать объ этомъ дѣлѣ?

„Въ немъ бездна самолюбія и эгоизма—и много мы развили въ немъ и то, и другое. Сперва держали его въ черномъ тѣлѣ, а съ исторіи со Щ.[1]) начали носить его въ хлопочкахъ—вотъ онъ и зазнался.

„Вспоминая объ извѣстной тебѣ моей исторіи съ нимъ, ясно сознаю, что я тогда же видѣлъ то, чего никто не видѣлъ и ты особенно, и что съ другимъ кѣмъ у меня была бы невозможна подобная исторія, что онъ слишкомъ безчестно наслаждался плодами своей побѣды надо мною и что его ненависть послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу, выходила изъ самаго черствaго эгоизма и что не онъ, а я жестоко оскорбленъ былъ. Да, Боткинъ, признаюсь въ слабости, а и теперь иногда тяжело вспомнить объ этой исторіи. Вотъ этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а пристalъ къ нему. И онъ не могъ войти въ него: онъ для этого слишкомъ молодъ, и онъ еще только теперь страдаетъ тѣми болѣзнями, которыя мы или давно перестра-

[1]) Эта исторія была поводомъ перваго столкновенія Бѣлинскаго съ Катковымъ.

дали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ что не чувствуешь ихъ, какъ лошадь хомута или упряжи. Это важное обстоятельство — одновременность развитія! Да, много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее: есть натуры, трудно и туго развивающіяся— къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, эта натура, полная силы, энергіи, могучая, натура широкая, если пока еще не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сантиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое... чортъ знаетъ до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравады субъективности". Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону".

Въ этой подробной характеристикѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отзывахъ подчеркнуты неблагопріятныя впечатлѣнія о Катковѣ. Чрезвычайно искренній, Бѣлинскій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ самъ не отличался объективностью—и въ его оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ у другихъ, сквозило вліяніе впечатлѣній.

Умѣніе ладить съ людьми инымъ не дается сразу и приходитъ съ годами. Позднѣйшая, многолѣтняя дружба Каткова съ Леонтьевымъ доказываетъ, что онъ сумѣлъ впослѣдствіи въ извѣстномъ отношеніи переработать свою натуру. Къ прежнему кругу друзей Катковъ болѣе не возвращался — ихъ разъединило окончательно различіе убѣжденій, такъ что мы не можемъ судить о томъ, какъ отзывались бы о немъ тѣ же люди, еслибы продолжали съ нимъ общеніе въ болѣе зрѣлые и трезвые года.

С.

МОЛОДЕЖЬ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Всю эту зиму жизнь Гриши складывалась какъ-то своеобразно, совсѣмъ не по-петербургскому. Въ такъ называемый „свѣтъ“ онъ по-прежнему не ѣздилъ вовсе, какъ ни уговаривала его тетка бросить свою привычку дичиться, которую она приписывала ребяческому, и вдобавокъ обидчивому самолюбію. Съ товарищами онъ тоже не видѣлся; да и не было у него почти вовсе товарищей. Всѣ, съ кѣмъ онъ былъ на короткой ногѣ въ университетѣ, куда-то исчезли, точно ихъ развѣяло вдругъ. Удивительно быстро, какъ вешній снѣгъ, будто стаяла эта школьная дружба, казавшаяся такою прочной. И все-таки эта почти одинокая жизнь была такъ полна и дѣломъ, и сладкими грезами, что Гриша и не тяготился своимъ одиночествомъ: съ одной стороны было министерство, въ которомъ Гриша работалъ много и усердно, искренно вѣря въ серьезность и важность этого бумажнаго дѣла, и цѣлый кругъ интересовъ и отношеній, тоже казавшихся очень серьезными. Гриша аккуратно посѣщалъ вечернія собранія у Петра Кириловича Радугина, гдѣ собирался весь цвѣтъ либеральной интеллигенціи,—профессора, адвокаты, литераторы и многіе изъ видныхъ представителей судебнаго міра. Гриша тамъ заслушивался хлесткими

и умными рѣчами, и отъ этихъ рѣчей въ головѣ его оставался какой-то опьяняющій туманъ; и съ гордостью онъ говорилъ себѣ, что самъ тоже со временемъ станетъ въ первыхъ рядахъ передовыхъ дѣятелей, такъ хорошо и ясно умѣющихъ рѣшать труднѣйшіе, государственные вопросы. Но на ряду съ этимъ либерально-бюрократическимъ міромъ былъ совершенно иной, еще болѣе заманчивый мірокъ, въ центрѣ котораго вся дышащая свѣжестью и блескомъ стояла маленькая Нелли. И безкорыстное честолюбіе, отъ котораго такъ билось у Гриши сердце, жило въ немъ бокъ о бокъ съ инымъ сладкимъ и трепетнымъ чувствомъ.

Было около десяти часовъ вечера. Гриша весь погрузился въ объемистое дѣло, по которому ему было поручено составить записку. Но какъ ни старался онъ постичь тяжеловѣсную мудрость оффиціальнаго слога, передъ его глазами то и дѣло мелькалъ заманчивый, шаловливый образъ Нелли, и среди сухихъ фразъ, какъ „на отношеніе вашего превосходительства честь имѣю отвѣтить“, Гришѣ вспоминались отрывки бойкихъ, веселыхъ рѣчей, слышанныхъ имъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ комнатѣ Паши. Глаза его искрились, и раза два онъ даже разсмѣялся вполголоса, припомнивъ что-то изъ своего разговора съ Нелли.

— Какъ, ты одинъ у себя въ комнатѣ, — неожиданно услышалъ онъ вдругъ мягкій голосъ сестры, — а я думала, съ тобой кто-то сидитъ: ты сейчасъ такъ весело смѣялся. Это у васъ оффиціальныя бумаги такъ забавно пишутъ въ министерствѣ?

— Я такъ, замечтался, — слегка покраснѣвъ, отвѣтилъ Гриша и тутъ же спросилъ, чтобы перемѣнить разговоръ, — что ты такъ засидѣлась у графини? Неужели тебѣ весело тамъ?

— Видно не скучно было. Тетя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты былъ у нея завтра вечеромъ: будутъ гости.

— Не знаю, право, я вѣдь до вечеровъ не охотникъ. Да ты сама ужь больно часто стала бывать у тети, — прежде ты ее не долюбливала.

— Я просто перестала дичиться, вотъ и все. Сказала себѣ разъ навсегда, что дичиться глупо, потому что въ этомъ собственно никакой независимости нѣтъ, а есть, напротивъ, какая-то нелѣпая боязнь передъ людьми потому только, что они иначе живутъ, чѣмъ мы жить привыкли.

— Вотъ какъ! это я въ первый разъ отъ тебя слышу, весело сказалъ Гриша, предвидѣвшій, что у него тотчасъ начнется съ сестрой одинъ изъ тѣхъ длинныхъ споровъ, которые онъ такъ любилъ.

А съ Наташей дѣйствительно перемѣна случилась, перемѣна, которой братъ до сихъ поръ не замѣчалъ; даже одѣта она была не по-прежнему. Ея свѣтло-сѣрое платье, правда, очень простенькое, сидѣло на ней ловко, изящно, прелестно обрисовывая ея тонкій станъ. И прическа у нея была совсѣмъ не та ужь, какъ въ Солнцевѣ. Во всемъ этомъ сказывалось незамѣтно для самой Наташи вліяніе на нее графини Елизаветы Андреевны. Графиня, какъ женщина умная, тотчасъ поняла, что въ Наташѣ, несмотря на ея деревенское воспитаніе, много природнаго чутья, что стоитъ этимъ самородкомъ заняться, и отшлифуется онъ въ совершенствѣ. Графиня Елизавета Андреевна была далеко не рада пріѣзду брата и невѣстки. Но разъ это событіе совершилось, надо было, хотя бы изъ личнаго разсчета, пристроить семью Непрядвиныхъ какъ можно лучше,—по крайней мѣрѣ за нихъ краснѣть не придется. И Елизавета Андреевна пустила въ ходъ все свое вліяніе на Коловратскаго, чтобы доставить брату мѣсто, а племяннику открыть путь къ возможно быстрой карьерѣ. А Наташа заинтересовала графиню какъ разъ той строптивой независимостью нрава, которая такъ странно у нея мирилась съ мягкостью въ пріемахъ и въ голосѣ. Графинѣ захотѣлось приручить дѣвушку, такъ напоминавшую молодую необъѣзженную лошадь. Къ счастію Варвара Петровна охотно отпускала ее одну. И можно было заняться ея перевоспитаніемъ, не навязывая себѣ на шею скучную маменьку. Сердце Наташи, правда, совсѣмъ не лежало къ графинѣ, но за то ее скоро прельстилъ недюжинный и вдобавокъ совсѣмъ ужь независимый умъ тетки. Графиня въ

душѣ также ненавидѣла все условное, какъ и сама Наташа, хоть и дѣлала всегда неизбѣжныя уступки тому, чего требовало ея положеніе. Желаніе Наташи посѣщать курсы не внушало ей ровно никакого ужаса, она только снисходительно улыбалась, думая про себя, что мимолетное увлеченіе Наташи пройдетъ само собою и пройдетъ очень скоро. И молодая дѣвушка уже нѣсколько разъ присутствовала на ея маленькихъ вечернихъ пріемахъ. Молодежи у графини не бывало почти вовсе, но объ этомъ Наташа и не жалѣла. Слушая остроумныя, вертлявыя рѣчи, какими обмѣнивались гости Елизаветы Андреевны, молодая дѣвушка по-немногу заинтересовалась тѣмъ, что говорили вокругъ нея эти солидные, вліятельные люди. И сдѣлалось какъ-то само собой, что Наташа мало по малу вошла въ новую колею и незамѣтно для самой себя переняла тонъ и пріемы чуждаго ей круга.

Въ этотъ день Наташа провела время у тетки особенно пріятнымъ образомъ. До обѣда она оставалась вдвоемъ съ кузиной Катей, съ которой у нея было столько общихъ милыхъ воспоминаній. И лишній разъ Наташѣ пришлось сказать себѣ, что для такихъ, какъ эта добрая, безобидная Катя, жизнь стелется особенно легко и гладко не потому, чтобы ихъ очень баловала судьба, а въ силу того, что природа ихъ надѣлила такимъ кроткимъ невзыскательнымъ нравомъ. Отъ каждой бесѣды съ Катей словно миромъ вѣяло на сердце Наташи, и въ эти минуты она почти завидовала безропотному смиренію двоюродной сестры. „Да лучше быть такой, гораздо лучше“, твердила она себѣ, слушая мягкія неторопливыя слова кузины, „ничѣмъ не волноваться, ни противъ чего не роптать, но я такой все-таки быть не могу“...

Обѣдали у графини въ этотъ день два молодыхъ генерала, изъ числа тѣхъ, которыхъ всѣ, а въ особенности они сами, считаютъ ближайшими кандидатами въ государственные люди. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Петровичъ Ломовисовъ, уже бойко шелъ по крутой и опасной дорогѣ, ведущей на самую вершину, и занималъ въ ожиданіи лучшаго

одинъ изъ видныхъ второстепенныхъ постовъ; другой, графъ Дмитрій Васильевичъ Албановъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ пошелъ въ гору съ необыкновенною прытью, но увы! свихнулся на полпути, потому что не во́-время зазнался. Съ тѣхъ поръ, въ утѣшеніе себѣ онъ съ какимъ-то франтоватымъ ухарствомъ сыпалъ, гдѣ только могъ, насмѣшками по адресу власть имущихъ. Эта видная роль члена салонной оппозиціи нисколько ему впрочемъ не мѣшала выбиваться изъ силъ, чтобы вновь попасть на покинутую дорогу и тогда, о, тогда уже, конечно, онъ всѣмъ сумѣетъ показать, какъ слѣдуетъ держать въ рукахъ возжи. Дамъ у графини въ этотъ день не было. Мери Столѣнина, которую ожидали, отказалась передъ самымъ обѣдомъ.

Оба генерала были изъ числа самыхъ лучшихъ друзей Елизаветы Андреевны. Ея домъ они любили особенно потому, что въ немъ разъ навсегда установилась привычка о всемъ говорить совершенно свободно. Есть такіе дома, гдѣ всѣмъ кажется, что можно какъ-то особенно не стѣсняться, точно и стѣны и самая мебель внушаютъ довѣріе. И въ этотъ день разговоръ у графини былъ до того смѣлый и непринужденный, что Наташа диву давалась, какъ это ей такія рѣчи приходилось слушать отъ этихъ людей, столь близкихъ къ самому источнику власти. Заговорили сперва про успѣхъ, одержанный въ этотъ самый день Коловратскимъ. Павелъ Александровичъ былъ у графини въ четыре часа и повѣдалъ ей про это подъ секретомъ, но оказалось, что всѣ уже знали о преніяхъ, въ то же утро происходившихъ въ комитетѣ. Павелъ Александровичъ въ этотъ день сжегъ свои корабли: онъ произнесъ горячую рѣчь въ самомъ рѣшительномъ либеральномъ духѣ. Дѣло шло о продолженіи казенной субсидіи одному товариществу, состоявшему изъ иностранцевъ и тѣмъ не менѣе близкому къ банкротству. По этому поводу Коловратскій доказалъ, что мы долго еще будемъ учиться и за это должны платить и что собственное хозяйничанье для насъ убыточнѣе такой науки вслѣдствіе нашей повальной нечестности. Онъ сослался при этомъ на примѣръ недавней войны.

— Что жъ, мы опять понесли всенародное покаяніе и съ великимъ удовольствіемъ признали себя никуда негодными,—сказалъ графъ Албановъ,—это прекрасно! Только вотъ бѣда,—каемся мы усердно, а исправленія что-то не видно. И самъ Коловратскій...

Ломовисовъ подъ столомъ слегка толкнулъ его ногой, этимъ напоминая ему про слухи, ходившіе въ городѣ о близкихъ отношеніяхъ Павла Александровича къ хозяйкѣ дома. Графъ покрутилъ свои блестѣвшіе, мягкіе черные усы.

— Мнѣ сдается, — проговорилъ онъ, — что это начало конца...

— Да ты долженъ быть доволенъ,—замѣтилъ ему Ломовисовъ,—ты вѣдь числишься въ оппозиціи.

— Я всегда доволенъ, когда другіе дѣлаютъ глупости, потому что на это забавно смотрѣть; но все-таки, когда корабль собирается идти ко дну и самъ имѣешь несчастіе плыть на этомъ кораблѣ...

— И вдобавокъ плыть противъ теченія,—вскользь замѣтила графиня.

— Ахъ, Елизавета Андреевна,—разсмѣялся графъ,—кто разберетъ, гдѣ тутъ теченіе. По-моему его совсѣмъ и нѣтъ. И ко дну мы пойдемъ даже не въ открытомъ морѣ, а въ болотѣ какомъ-то; и это тѣмъ стыднѣе.

По словамъ графа никогда нельзя было разобрать, чѣмъ онъ собственно недоволенъ, слабостью власти или, напротивъ, излишнею ея строгостью.

Онъ былъ недоволенъ вообще, какъ всѣ честолюбцы, которымъ не даютъ кормила въ руки. Надо ему, однако, воздать справедливость: желчность его была веселая.

— Vous avez, mon cher, le mécontentement gai, — сказалъ ему Ломовисовъ.

— Самъ знаю, что гожусь только въ оперетку съ своей оппозиціей. Да и ты тоже, мой милый, и всѣ вы тамъ, стряпающіе кухню, прямо взяты изъ оперетки; оттого васъ никто и не боится.

Разговоръ не сходилъ съ этой почвы добродушно-ядовитаго глумленія. Графъ то и дѣло дразнилъ Ломовисова,

обзывая его, между прочимъ, русскимъ „бонапартистомъ". Ломовисовъ слылъ за одного изъ сторонниковъ энергической политики.

— Ну, скажи пожалуйста, — спросилъ его, между прочимъ, графъ, накладывая себѣ на хлѣбъ ломтикъ сыра, — ты вѣришь, что всѣ эти ваши мѣры къ чему-нибудь поведутъ и что вамъ удастся схватить звѣря за хвостъ и раздавить ему голову?

— Да что жъ,—засмѣялся Ломовисовъ, высокій мужчина съ крупнымъ здоровымъ лицомъ и дерзко глядѣвшими сѣрыми глазами,—хвостовъ мы кажется довольно отрубили, да все новые отростаютъ, таковъ ужъ звѣрь. А что насчетъ головы, ты знаешь мое мнѣніе—ее напрасно ищутъ, потому что ея нѣтъ вовсе.

— А все-таки васъ проглотитъ этотъ звѣрь, — сказала графиня.

— И по-вашему, Елизавета Андреевна, подѣломъ? Ну представьте себѣ, иногда вотъ какъ посмотришь на всѣ глупости, какія у насъ творятся—онъ понизилъ голосъ—на это полное отсутствіе системы, на это шатаніе справа налѣво, такъ и подумаешь за одно съ вами, что подѣломъ. Nous sommes pourris, voilà le mot.

— Eh bien! alors vive la pourriture!—воскликнулъ графъ, поднося къ губамъ рюмку отличнаго рейнвейна.

Графиня еще передъ обѣдомъ своимъ обоимъ друзьямъ отрекомендовала Наташу какъ очень горячую опасную головку. „Une tête à l'envers qui ne recule devant rien".

— Будьте при ней осторожны,—сказала между прочимъ графиня,—c'est une jacobine dans l'âme.

При этомъ она потрепала Наташу по щекѣ. Но даже эта страшная кличка, повидимому, ничуть не испугала генераловъ. Напротивъ они обратили на молодую дѣвушку усиленное вниманіе и осыпали ее любезностями. Графиня, напередъ знавшая, что будетъ именно такъ, оттого и выставила племянницу въ этомъ свѣтѣ.

— Я бы очень желалъ,—между прочимъ замѣтилъ Ломовисовъ,—чтобы всѣ хорошенькія женщины стали революю-

ціонерками: роль преслѣдователя сдѣлалась бы гораздо забавнѣе.

— А что,—отозвался на это графъ,—еслибы въ плѣну очутился ты. Прекрасное вышло бы средство покончить споръ—l'enlevemens des sabines à rebours.

Они очевидно смотрѣли на нее просто какъ на хорошенькую дѣвушку, мнѣнія которой не могутъ идти въ счетъ. Ей до крайности претилъ этотъ тонъ вѣчнаго подтруниванія; но природный тактъ подсказалъ ей, что надо отвѣчать въ томъ же легкомъ шутливомъ тонѣ, что всякая попытка говорить съ этими людьми серьезно вышла бы неминуемо смѣшной. И Наташа сдѣлала это какъ нельзя лучше, словно она давно привыкла къ вертлявому языку гостиныхъ. Она сама удивилась, откуда у нея взялось умѣнье уклончиво и бойко отвѣчать на шутки. Оба генерала были отъ нея въ восхищеніи.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ преопасная молодая особа,—твердилъ ей Ломовисовъ, у котораго обычное дерзкое выраженіе глазъ стало заискивающимъ и мягкимъ,—только не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете.

— Il s'est tout à fait emballé pour votre nièce,—сказалъ графъ на ухо Елизаветѣ Андреевнѣ.

Будущіе сановники не только не стѣснялись присутствіемъ Наташи, но какъ будто захотѣли щегольнуть передъ ней своимъ беззастѣнчивымъ глумленіемъ надъ той средой, къ которой они принадлежали сами. Не смотря на легкую шутливость ихъ рѣчей, Наташѣ казалось, что никогда еще ей не доводилось слышать такихъ ѣдкихъ безпощадныхъ обличеній „всероссійской неурядицы“. Графъ Албановъ привелъ одинъ за другимъ два недавно бывшихъ случая, въ которыхъ все поведеніе дѣйствующихъ оффиціальныхъ лицъ было „верхомъ нелѣпости“. А Ломовисовъ, подзадоренный этимъ, разсказалъ еще одинъ эпизодъ, гдѣ представители власти оказались „совершенно одураченными“ двумя юношами изъ числа неблагонамѣренныхъ. И говорили они это оба съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, точно они смаковали всю прелесть этой комической неумѣлости властей

— Что, вы очень удивлены все это слышать, обратился вдругъ къ Наташѣ Ломовисовъ,—cela vous scandalise, n'est ce pas? Nous vous montrons le dessous des cartes les secrets du métier.

— Не правда ли, мы похожи на римскихъ авгуровъ, смѣясь, въ свою очередь вставилъ графъ.

Наташѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что эти двое господъ похожи на языческихъ жрецовъ, которые втихомолку насмѣхаются надъ обрядами своей вѣры. Когда оба генерала уѣхали, графиня спросила у нея, довольна ли она сегодняшнимъ днемъ.

— Я по твоимъ глазамъ замѣтила, что тебѣ весело. Видишь, мой другъ, и отъ свѣтскихъ людей можно услыхать кое-что не совсѣмъ банальное.

— Да,—задумчиво отвѣтила Наташа, — но коли всѣ въ вашемъ свѣтѣ такъ думаютъ и говорятъ,—въ самомъ дѣлѣ, недалеко до начала конца.

— Что дѣлать, мой другъ,—кто заглядываетъ за кулисы, у того иллюзій мало, но вѣдь это нисколько не мѣшаетъ актерамъ доиграть свою роль до конца.

„Всѣ они въ этомъ свѣтѣ“, думала Наташа, пока карета графини увозила ее домой, „въ самомъ дѣлѣ только роль играютъ; и вотъ почему имъ совершенно все равно, чѣмъ бы ни кончилась пьеса, лишь бы имъ самимъ достался на долю успѣхъ. И я была совершенно права, такъ ненавидя этотъ свѣтъ...“ А между тѣмъ – она не могла скрыть этого отъ себя—для нея было что-то привлекательное въ этомъ самомъ ненавистномъ ей обществѣ, въ увѣренной легкости, съ которой оно касалось самыхъ тревожныхъ вопросовъ, самыхъ глубокихъ убѣжденій. И хоть и стыдно было ей признаться въ этомъ передъ собой, она выносила изъ дома тетки какое-то странное возбуждающее чувство удовлетвореннаго самолюбія.

Все видѣнное и слышанное ею у тетки Наташа оживленно передала брату. Гришу поразилъ искристый блескъ ея глазъ, пока она про это разсказывала.

— Ты будто восхищаешься всѣмъ этимъ—перебилъ онъ

ее,—а по-моему здѣсь одинъ наглый цинизмъ, все это безстыдно и гадко.

— Можетъ быть и гадко,—возразила она,—но во всякомъ случаѣ интересно. У нихъ, что ни говори, есть одно —есть смѣлость глядѣть на вещи прямо и называть ихъ по имени; у нихъ кругозоръ не узокъ. И вотъ что я тебѣ еще скажу. Эти люди совсѣмъ не то, что я думала,—они держатъ себя гораздо проще, свободнѣе, чѣмъ тѣ люди, которыхъ мы привыкли видѣть тамъ, въ Солнцевѣ, въ нихъ нѣтъ предразсудковъ.

Гриша собирался возражать, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги,

— Можно войти къ тебѣ на минуту? спросилъ высокій молодой человѣкъ, показавшійся въ дверяхъ.

Это былъ Леонтій Радугинъ. Гриша былъ далеко не радъ приходу товарища, прервавшему его разговоръ съ сестрой. У нихъ за всю эту зиму установились довольно странныя отношенія, и холодныя, и короткія въ то же время. Они видѣлись часто и въ министерствѣ, гдѣ они вмѣстѣ служили, и на вечерахъ у Петра Кириловича. Но настоящей близости между ними уже не было. Леонтій сознавалъ это отлично, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ явной сдержанности бывшаго пріятеля.

— Наташа, прикажи, чтобъ намъ принесли чаю, сказалъ Гриша сестрѣ, — и останься съ нами, мы поболтаемъ втроемъ.

Наташа до сихъ поръ встрѣчалась съ Леонтіемъ лишь мелькомъ. Она догадывалась, что братъ не долюбливаетъ товарища. И на нее тоже онъ сперва производилъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Ей не нравился пристальный, почти дерзкій взглядъ его пытливыхъ глазъ. Но въ глазахъ этихъ она все-таки успѣла прочесть несомнѣнную силу воли, и немногія слова, сказанныя имъ въ ея присутствіи, показались ей незаурядными словами.

Черезъ минуту Наташа вернулась и молча сѣла возлѣ письменнаго стола. У молодыхъ людей успѣлъ уже подняться споръ. Гриша, повидимому, горячился, между тѣмъ

какъ въ спокойномъ тонѣ Леонтія чуть-чуть звучала сдержанная иронія.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что объясни, говорилъ Гриша, возвышая голосъ.—Ты вѣдь радикалъ, стало быть, долженъ вѣрить въ прогрессъ...

— Вѣра тутъ не при чемъ, мой милый!—спокойно перебилъ Леонтій.

— Ну! Не придирайся къ словамъ!—нетерпѣливо возразилъ Гриша.—Ты не можешь отрицать, что у Россіи великое будущее, и что, стало быть, не вѣкъ намъ топтаться въ болотѣ и тянуть старую канитель. Многое, вѣдь, ужь сдѣлано за послѣднія двадцать лѣтъ!

— Да, помазали нѣсколько по губамъ, это правда, а потомъ...

— Знаю я не хуже тебя, что мы остановились на полпути, что реформы не доведены до конца. Но та сила, которая насъ двинула впередъ, можетъ опять взяться за дѣло преобразованія. Стоитъ ей довѣриться народу, и посмотри, какъ мы развернемся! Да и есть уже признаки новаго поворота: назначеніе Павла Александровича... Леонтій разсмѣялся.—Любо васъ, право, слушать, господа оптимисты. Переставятъ тамъ какую-нибудь пѣшку на шахматной доскѣ, назначатъ новенькаго администратора, и все должно пойти какъ по маслу. Больно ужь легко это у васъ выходитъ и немногаго вамъ надо, чтобы воспрянуть духомъ.

— Да развѣ ты не признаешь, что Коловратскій...

— Умный онъ человѣкъ, спору нѣтъ, только одна ласточка весны вѣдь не дѣлаетъ. Нѣтъ, милый мой, авгіевы конюшни въ одинъ день не вычистишь. Да и не Геркулесъ какой-нибудь твой Коловратскій. Когда вѣками громоздились безпорядки да злоупотребленія, когда вездѣ царило распущенное самовластіе, этого не измѣнитъ одинъ человѣкъ, будь онъ семи пядей во лбу. И отъ кого ты ожидаешь спасенія? Отъ тѣхъ, кто такъ долго у насъ давилъ все, въ чемъ были задатки жизни...

Такіе споры часто возникали у молодыхъ людей. Съ тѣхъ поръ какъ Гриша разочаровался въ своемъ поклоненіи

простому народу, въ немъ зародилось убѣжденіе, что благой починъ у насъ можетъ идти только сверху, изъ Петербурга. И на первыхъ порахъ его службы ему твердо вѣрилось, что дѣтищу Великаго Петра надолго еще суждено вести за собою Россію. Все, что дѣлалось и писалось въ министерствѣ Павла Александровича, было такъ преисполнено гуманныхъ идей, все такъ вѣяло тамъ просвѣщеннымъ либерализмомъ, что Гриша чувствовалъ въ себѣ новую увлекавшую его волну служебнаго рвенія. Онъ весь былъ охваченъ петербургскимъ либерализмомъ и не могъ онъ понять, отчего Леонтій насмѣшливо отрицалъ возможность плодотворныхъ реформъ.

— Да на кого же ты разсчитываешь, наконецъ,—горячился онъ, — откуда намъ ждать спасенія, отъ провинціи? отъ помѣщиковъ, что ли, которые умѣютъ лишь раззоряться и бѣгутъ изъ своихъ имѣній на казенное, либо на земское жалованье?

— Ну помѣщики и даже земство ваше,— усмѣхнулся Леонтій,—на этотъ счетъ ты мое мнѣніе знаешь.

— Что жъ народъ по-твоему, народъ?.. Я самъ недавно, признаюсь, крѣпко вѣрилъ въ мужика, но пришлось разувѣриться. Я вѣдь тебѣ говорилъ...

— Въ томъ-то и дѣло, милый мой, что ни на кого разсчитывать не приходится, потому что сверху до низу все никуда не годится.

— И что жъ, стало быть, у насъ по-твоему, у насъ нѣтъ будущаго, нѣтъ будущаго у стомилліоннаго народа?

Гриша вскочилъ со стула и принялся ходить по комнатѣ. Леонтій не отвѣтилъ и только слегка улыбнулся.—Я думаю, Гриша, — сказалъ онъ, — мы Натальѣ Михайловнѣ сильно надоѣдаемъ. И лучше бы намъ...

— Напротивъ,—сказала Наташа,—мнѣ очень интересно васъ слушать.

— Неужели? А вамъ не кажется немножко смѣшнымъ, что въ такихъ спорахъ всегда какъ будто хотятъ сейчасъ вотъ сразу разрѣшить всѣ крупнѣйшіе вопросы, точно вся будущность Россіи въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ того, къ

какому мы прійдемъ заключенію? А вѣдь ни къ какому заключенію мы въ сущности не прійдемъ. Вы это, я думаю, напередъ знаете.

Наташа принялась разливать чай.

— Такъ по-твоему выходитъ, — продолжалъ Гриша, останавливаясь передъ Леонтіемъ,—что намъ такъ вѣчно и остаться недорослемъ среди европейскихъ народовъ? Иль ждать намъ что ли, пока придутъ къ намъ какіе-нибудь новые варяги?

— Совсѣмъ этого изъ моихъ словъ не выходитъ,—все также сдержанно отвѣтилъ Леонтій, — только вотъ что я тебѣ доложу. Мы вотъ недавно, въ прошлую войну, имѣли случай показать себя, провѣрить, чему въ двадцать лѣтъ мы научились. И что жъ?.. какъ въ Севастополѣ мы опять не выдержали экзамена, и опять намъ приходится, какъ провалившемуся гимназисту, повторять зады...

— Знаете, что меня поражаетъ,—задумчиво проговорила Наташа,—съ часъ тому назадъ я слышала почти то же, что говорите вы теперь...

И Наташа разсказала Леонтію про странныя рѣчи молодыхъ генераловъ.—Вотъ съ какими людьми вы сходитесь. Конечно, вы этого не ожидали; удивительныя бываютъ совпаденія.

Леонтій разсмѣялся.—Что жъ я говорилъ тебѣ, Гриша?—сказалъ онъ, вскинувъ на товарища насмѣшливыми глазами,—видишь, какъ плохо вѣрятъ въ себя наши руководители?

— Такъ признайся лучше, что въ самомъ дѣлѣ приходитъ начало конца и, что намъ объ этомъ сожалѣть незачѣмъ.

Леонтій вдругъ оживился, замѣтивъ, что Наташа его слушаетъ охотно. Онъ встряхнулъ своими густыми волосами, откинулъ голову назадъ и заговорилъ бойко и горячо.

— Я вовсе не смотрю безотрадно на будущее, самоувѣренно закончилъ онъ—и черные его глаза такъ и блестѣли—совсѣмъ нѣтъ, природа насъ учитъ, что тамъ, гдѣ есть

гниль, разложеніе, готова зародиться новая лучшая жизнь. Спящее общество можетъ проснуться, лишь бы пробѣжала по немъ электрическая искра. Надо только свыкнуться съ мыслью, что стараго чинить не стоитъ, что только огнемъ и бурей можетъ быть очищенъ воздухъ, а послѣ бури, ты знаешь, наступаютъ ясные дни.

Наташа его слушала съ яснымъ сочувствіемъ. Это ужь совсѣмъ не походило на безотрадное подтруниванье обоихъ генераловъ.

— Однако, я не понимаю,—заговорила она тихо,—какъ это вы съ такими убѣжденіями поступили на службу.

Лицо молодаго человѣка мгновенно приняло сосредоточенное выраженіе. У него даже потупились глаза.

— Вы имѣете право этому удивляться,—медленно отвѣтилъ онъ,—вамъ это можетъ показаться даже нечестнымъ...

И вдругъ Леонтій снова поднялъ на молодую дѣвушку на этотъ разъ нерѣшительный робкій взглядъ, словно онъ искалъ передъ ней оправданія.

— Я можетъ быть въ самомъ дѣлѣ покривилъ душой, потому что—признаюсь въ этомъ—я служу не правительству, а только странѣ. Но если это и не хорошо, что дѣлать, коли иного выбора нѣтъ! Готовятся грозныя событія, и когда они наступятъ, вѣдь нужно, чтобъ имѣлись на лицо люди, готовые пожертвовать собой въ минуту опасности и облегчить неминуемый кризисъ. Вамъ это, можетъ быть, покажется самоувѣреннымъ, я слишкомъ еще молодъ, чтобы такъ говорить, но каюсь въ этомъ, я вѣрю въ себя,—смиреннымъ быть я не умѣю.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, что вы въ этомъ признаетесь, отвѣтила Наташа, на которую слова Леонтія произвели какое-то смутное впечатлѣніе. Она чувствовала, что въ нихъ есть что-то неясное; но въ то же время въ его, можетъ быть, черезчуръ громкихъ фразахъ ей слышалась искренняя вѣра въ собственныя силы. И такая вѣра не только ей не казалась смѣшною, — она подкупала ее въ пользу Леонтія.

Не таково было впечатлѣніе Гриши.—Какъ хочешь,

милый мой, сказалъ онъ, качая головой,—а служить правительству и въ то же время ждать его паденія просто нечестно!

Но Леонтій уже не давалъ себѣ труда возражать Гришѣ. Онъ отвѣтилъ ему вскользь двумя-тремя словами и все свое вниманіе отдалъ Наташѣ. Ему хотѣлось разсѣять ея сомнѣнія на его счетъ. И хоть это ему не совсѣмъ удалось, онъ успѣлъ въ одномъ, онъ заставилъ ее призадуматься надъ тѣмъ, что онъ говорилъ; а вызвать женщину на такое раздумье пожалуй выгоднѣе, чѣмъ внушить ей сразу полное довѣріе къ себѣ.

Когда Леонтій вышелъ отъ Непрядвиныхъ, полный мѣсяцъ ярко свѣтилъ на морозномъ небѣ. Довольный собою Леонтій быстрою походкой шелъ по пустынной улицѣ. Извозчиковъ не было; да онъ радъ былъ пройтись на чистомъ ночномъ воздухѣ, весь еще полный возбуждающаго ожпвленія отъ собственныхъ рѣчей и въ особенности отъ блеска тѣхъ прекрасныхъ глазъ, которые останавливались на немъ такъ загадочно, пока онъ говорилъ. Гордыя мысли наполняли его самонадѣянную голову.

Когда-нибудь, думалось ему, въ этомъ городѣ, гдѣ теперь онъ занимаетъ такое скромное мѣсто, его имя получитъ извѣстность. Конечно, онъ не пойдетъ той заурядной дорогой, на которую поставилъ его отецъ! То, что могло удовлетворять скромныя мечты почтеннаго профессора, казалось Леонтію мелкимъ и презрѣннымъ. Лишь бы представился случай расправить крылья, и онъ всѣмъ покажетъ, каковъ его настоящій полетъ, хотя бы этотъ случай и потребовалъ у него жертвы его убѣжденій. Убѣжденія!.. Онъ внутренно разсмѣялся при этомъ словѣ. Они должны служить человѣку на его пути вверхъ, какъ палка служитъ тому, кому надо взойти на гору, а не являться помѣхой, какъ лишняя обуза. И для этого прежде всего надо выйти изъ той узкой, мѣщанской среды, въ которую поставило его рожденіе. „Вотъ у этой дѣвушки“, подумалъ онъ, вспомнивъ опять про Наташу, „есть, какъ и у меня, стремленіе вверхъ, смѣлое пониманіе жизни“. И ему казалось, что Наташа ему сродни и онъ замечтался, думая объ ней.

Леонтій вышелъ на Сергіевскую. Здѣсь, передъ однимъ ярко-освѣщеннымъ домомъ, толпились кареты. Сквозь занавѣси на окнахъ блестѣли огни. Леонтій окинулъ этотъ домъ жаднымъ, завистливымъ взглядомъ. Тамъ былъ чужой для него, замкнутый міръ, дразнившій своимъ загадочнымъ блескомъ его честолюбивое воображеніе. Туда ему надо проникнуть, если онъ хочетъ завоевать себѣ настоящее, видное положеніе. И онъ не сомнѣвался, что рано или поздно ему удастся это сдѣлать. Вѣдь сколько, и самыхъ громкихъ, русскихъ именъ недавно лишь вышло изъ неизвѣстности. Россія не даромъ страна быстрыхъ, почти сказочныхъ успѣховъ. Надо одно лишь—найдти доступъ въ этотъ міръ, а потомъ уже идти впередъ смѣло и осторожно въ то же время. И Леонтій зналъ, что лишь бы удалось ему найдти этотъ ключъ, сдѣлать первый, необходимый шагъ, а потомъ ужъ онъ съ пути не собьется.

V.

Давно Марья Борисовна такъ много не выѣзжала, какъ въ эту зиму, и никогда еще не тратила она такихъ бѣшеныхъ денегъ на свои платья и уборы. Когда въ ноябрѣ она вернулась изъ-за границы, она ощутила въ себѣ небывалый еще приливъ оживленія, словно ей усиленно захотѣлось шума, блеска и суеты. Въ сущности ей хотѣлось совсѣмъ наго. Ей надо было бросить вызовъ этому обществу, въ которомъ злорадная молва успѣла уже, конечно, пустить на ея счетъ ядовитыя догадки, и предстать предъ ними во всемъ сіяніи своего новаго счастья, своей торжествующей красоты. Она знала, что въ этомъ обществѣ любое положеніе берется только съ боя. И въ то же время ея прежніе друзья и обычные посѣтители ея дома ей какъ-то вдругъ опротивѣли. Передъ ними, передъ этими свидѣтелями ея прежней вседневной жизни, она ощущала теперь какой-то стыдъ, съ ними она не могла уже сохранить давно усвоен-

ный тонъ, держаться обычной колеи установленныхъ отношеній. Мери знала, что они въ сущности гораздо болѣе друзья ея мужа, чѣмъ ея собственные, и за это особенно они стали ей теперь ненавистны. Вернувшись въ Петербургъ, она совершенно измѣнила прежній порядокъ своей жизни, переставъ даже почти вовсе принимать у себя обычныхъ прихлебателей. Огорченные такой неожиданной опалой, они попробовали было сомкнуться вокругъ хозяина дома и, принявъ рѣшительно его сторону, образовать въ его кабинетѣ свой особый лагерь, враждебный Марьѣ Борисовнѣ. Но и это имъ не удалось. Владиміръ Валеріановичъ самъ рѣдко теперь бывалъ дома. Какъ ни старался онъ съ достоинствомъ выносить свое незавидное положеніе, какъ ни спасалъ онъ свое самолюбіе подъ личиной холодной насмѣшливости—ему было неловко въ присутствіи жены: слишкомъ уже явно было ея презрѣніе къ нему, презрѣніе, еще усилившееся въ виду его покорнаго равнодушія. Она не могла простить ему его развязно-насмѣшливаго тона, за которымъ не безъ основанія она чуяла малодушную неспособность къ отпору. Правда, на первыхъ порахъ, когда въ началѣ сентября Юрій пріѣхалъ въ Баденъ, гдѣ тогда жили Столѣпины, и Мери на глазахъ у всѣхъ, съ нимъ вдвоемъ, совершала длинныя прогулки, ничуть не скрывая своей близости къ нему, Владиміръ Валеріановичъ попытался было протестовать. Онъ даже сдѣлалъ женѣ что-то похожее на сцену.

— Вы должны бы понять,—сказалъ онъ ей,—что во всемъ есть границы, требуемыя приличіемъ. Вамъ, кажется, на меня пожаловаться нельзя,—злобно усмѣхнулся онъ,—но я не могу пожертвовать ради васъ своимъ именемъ...

— Ваше имя?! вспылила она,— и вы смѣете про него говорить! вы, у котораго за всѣ эти десять лѣтъ я не замѣтила ни малѣйшаго проблеска чувства!.. Да и какое мнѣ дѣло до вашего имени?! Себя я не уроню, потому что дорожу я на свѣтѣ однимъ только—своимъ собственнымъ мнѣніемъ, а всѣхъ остальныхъ—и васъ, и весь этотъ глупый свѣтъ—я презираю и хохочу надъ ними.

— И князя Юрія вы тоже презираете? неудачно попробовалъ уязвить ее Столѣпинъ.

Она только повела плечами и холодно расхохоталась.

— Вы жалкій и дрянной человѣкъ! Васъ и теперь только хватаетъ на шуточки, и вы меня хотите увѣрить, что въ васъ есть что-то похожее на негодованіе. Полноте! я вѣдь не мѣшаю вамъ жить, какъ вы хотите и никогда не мѣшала, чего же вамъ больше? Вамъ вѣдь этого только и нужно въ сущности,—вашихъ дрянненькихъ удовольствій, которыя вамъ гораздо дороже и меня, и дочери вашей... Такъ не говорите же мнѣ громкихъ словъ, да избавьте меня отъ вашихъ совѣтовъ!

— Въ такомъ случаѣ,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Столѣпинъ,—мнѣ остается одно: уѣхать отсюда и увезти съ собою Олли, чтобы не быть свидѣтелемъ вашихъ сумасбродныхъ выходокъ и, по крайней мѣрѣ, уберечь вашу дочь. Въ ея возрастѣ дѣти уже начинаютъ кое-что понимать...

И, объявивъ, что онъ умываетъ себѣ руки на счетъ поведенія жены, Столѣпинъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ на другой же день, вмѣстѣ съ дочерью, на югъ Франціи, подъ предлогомъ необходимости морскихъ купаній для Олли. А Марья Борисовна воспользовалась данной ей свободою, чтобы вдвоемъ съ Юріемъ уединиться въ очаровательномъ уголкѣ на берегу одного изъ верхне-итальянскихъ озеръ, куда изрѣдка лишь заглядываютъ милые соотечественники. Здѣсь они подъ ласкающей улыбкой осенняго итальянскаго неба провели цѣлый волшебный мѣсяцъ, „мой настоящій медовый мѣсяцъ“, какъ называла его Мери. А когда въ половинѣ октября супруги съѣхались опять, Владиміръ Валерьяновичъ казался уже совсѣмъ примиреннымъ, и лишь ироническій оттѣнокъ его рѣчи, да холодная насмѣшливость въ глазахъ порою выдавали его не совсѣмъ отрадное настроеніе. За то онъ вполнѣ умѣлъ придать себѣ увѣренную развязность тона. Было даже что-то чуть-чуть хвастливое въ этой развязности, точно онъ дразнилъ ею кого-то. Съ Юріемъ въ особенности онъ держалъ себя

какъ-то совсѣмъ по-товарищески, точно ему доставляло удовольствіе вызывать на лицѣ молодаго князя брезгливое раздраженіе своимъ напускнымъ дружескимъ тономъ.

„Странное это дѣло“, говорилъ иногда самому себѣ Владиміръ Валерьяновичъ, по-настоящему я вѣдь долженъ бы ненавидѣть Двинскаго, ощущать какую-то жажду мщенія, словомъ, трагическое чувство какое-то, а между тѣмъ ничего такого нѣтъ, никакого мщенія я не жажду... Должно быть, я, въ сущности, очень добрый человѣкъ!...“

И придя къ такому заключенію, Владиміръ Валерьяновичъ добродушно хохоталъ, точно онъ любовался собою и собственнымъ остроуміемъ. А когда онъ съ женой пріѣхалъ въ Петербургъ и убѣдился, что приняли его какъ всегда, что ровно ничего въ его положеніи не перемѣнилось, Владиміръ Валерьяновичъ нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ, après tout, ничего такого ужаснаго нѣтъ въ роли обманутаго мужа, нѣтъ, пожалуй, даже ничего смѣшнаго.

„Вѣдь сколько, сколько такихъ примѣровъ“, подумалъ онъ и съ какимъ-то наслажденіемъ высчитывалъ эти примѣры: „Кореневъ, Саханскій, графъ Блонскій, Медвѣдевъ... И что же? вѣдь они всѣ чувствуютъ себя какъ нельзя лучше... Да, все это пустяки и предразсудки!“

Юрію сперва очень неловко становилось отъ милой развязности Владиміра Валерьяновича, но мало по малу и онъ съ нею свыкся. Отвращеніе, какое сперва возбуждала въ немъ самодовольная насмѣшливость Столѣнина, смѣнилось немного презрительнымъ равнодушіемъ; онъ просто пересталъ обращать на него вниманіе и мысленно благодарилъ его за то, что Столѣнинъ рѣдко доставлялъ ему случай встрѣчаться съ нимъ у жены. Они, какъ бы сговорившись взаимно избѣгали другъ друга. Но за то, когда имъ приходилось видѣться, они по-прежнему казались хорошими пріятелями—до того беззаботно звучалъ смѣхъ Владиміра Валерьяновича, и радушіе слышалось въ его привѣтствіи, когда онъ обмѣнивался рукопожатіемъ съ любовникомъ жены. Разница была только въ томъ, что притворство это, повидимому, не стоило никакихъ усилій обманутому мужу,

тогда какъ Юрій всякій разъ приневоливалъ себя, чтобы скрыть гадливое выраженіе лица.

Юрій былъ совершенно искрененъ, увѣряя Гришу Непрядвина, что чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ. Любовь его къ Мери, сперва казавшаяся ему самому какимъ-то легкимъ, почти шутливымъ чувствомъ, мало по малу совсѣмъ заполонила все его существо, опутавъ его сѣтью невѣдомыхъ до того ощущеній. Никогда прежде, сближаясь съ женщинами, Двинскій не находилъ въ нихъ той особой, пряной смѣси тонкаго изящества съ безудержнымъ, задорнымъ увлеченіемъ, какими дышала вся прихотливо-своевольная натура Мери. Съ ней никогда нельзя было знать заранѣе, какая причуда ей придетъ въ голову черезъ нѣсколько минутъ, что-за неожиданный поворотъ скажется у нея въ мысляхъ и ощущеніяхъ. Точно на клавишахъ инструмента въ ней могли поочередно звучать самыя разнообразныя, даже противоположныя интонаціи. И не смотря на свои тридцать два года она отдавалась своему чувству съ пылкостью совсѣмъ молодой еще женщины, полюбившей впервые. Да Юрій и былъ ея первой и единственной любовью. Чувство это даже, будто накопляемое годами, какъ драгоцѣнное сокровище, теперь выливалось наружу съ тѣмъ большею полнотою. И Юрій, не смотря на то, что цѣлыми шестью годами былъ ея моложе, подчинился вполнѣ ея обаянію; онъ какъ будто не сожалѣлъ даже о томъ, что среди мягкой праздности, окутавшей его новую жизнь, гибнутъ одна за другою всѣ его прежнія мечты о дѣятельности и власти. Съ однимъ только онъ иногда примириться не могъ—съ шумной, свѣтской жизнью, которою увлекалась Мери, точно ей могъ быть нуженъ этотъ шумъ, точно она искала тщеславныхъ успѣховъ, когда у нея была иная жизнь вдвоемъ съ нимъ, наполненная истиннымъ, незамѣнимымъ счастьемъ. Что для нея это было настоящее, дорогое счастье—въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ. Но зачѣмъ же тогда эта погоня за свѣтомъ, куда и онъ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за нею, скучая среди этого празднаго шума? Неужели она думаетъ сильнѣе

возбудить его чувство, вызывая въ немъ ревность?—Этотъ мелочной разсчетъ былъ бы слишкомъ недостоинъ ихъ отношеній. И онъ часто выговаривалъ ей за это, даже иногда въ шутку увѣряя ее, что самъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ становится какою-то мишенью для ея свѣтскихъ пріятельницъ, явно старавшихся завлечь его потому только, что онѣ догадывались про ихъ взаимную близость.

— Берегись, Мери, смѣясь говорилъ онъ ей, разсказывая, какъ иной разъ его принимались обольщать,—еслибы меня заставили разыграть роль Іосифа, я, чего добраго...

Мери отвѣчала ему въ томъ же шутливомъ тонѣ, зажимая ему губы своей розовой ладонью; а между тѣмъ по тревожному блеску ея глазъ, по сдвигавшимся дугамъ бровей видно было, какъ волновалъ ее даже въ шутку брошенный намекъ.

— Ты не хочешь, чтобы я выѣзжала, въ свою очередь говорила она, становясь серьезной,—изволь, я сдѣлаю все, что ты хочешь... Но, развѣ ты не понимаешь, какая прелесть эти наши разговоры вдвоемъ именно послѣ всей этой толкотни, какъ хорошо тамъ среди толпы чувствовать себя такими близкими. Иногда вдругъ я на тебя посмотрю мелькомъ и дожидаюсь—встрѣтятся ли наши глаза... И каждый разъ они встрѣчаются... и я такъ этимъ счастлива, и въ тотъ же мигъ я словно читаю въ твоихъ мысляхъ... Тутъ есть что-то особенное, чего вы, мущины, не понимаете...

Мери очень любила, какъ разъ среди какого-нибудь бала уловивъ минуту, шепнуть на ухо Юрію два-три слова, исполненныхъ самой неудержимой страсти. Юрію всякій разъ страшно за нее становилось, какъ бы кто-нибудь не услыхалъ этихъ на-лету брошенныхъ словъ, а она, говоря ихъ, улыбалась съ спокойнымъ торжествомъ. И не разъ въ теченіи этой зимы, кутаясь, чтобы ее не узнали, Мери ѣздила съ нимъ вдвоемъ въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ и тамъ, рѣзвясь какъ ребенокъ, она безъ оглядки отдавалась самымъ шальнымъ затѣямъ, точно ей доставляло особое удовольствіе говорить и держать себя какъ одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ обыкновенно можно встрѣтить въ

одной изъ этихъ крошечныхъ душныхъ комнатокъ, наполненныхъ запахомъ газа и вина и какъ бы носящихъ въ себѣ живые отголоски безумныхъ рѣчей и дикаго хохота, такъ часто ихъ оглашавшихъ...

Марья Борисовна любила контрасты. Любилъ ихъ и Двинскій. Но все же здѣсь, въ Петербургѣ, среди этой разгоряченной жизни, точно скачущей во всю лихую прыть, ему жалко было тѣхъ блаженныхъ дней, какіе они провели вдвоемъ на берегахъ Комскаго озера. Тамъ рядомъ съ нимъ была совсѣмъ иная Мери: тихая и нѣжная... И обходились же они тамъ безо всего этого шума, такъ отзывавшагося искусственнымъ возбужденіемъ. Правда, Мери, не особенно любившая и понимавшая природу, иногда и тамъ удивляла Юрія своимъ страннымъ равнодушіемъ къ ея красотамъ, но Юрію было тогда не до того, чтобы подвергать оцѣнкѣ ея слова и мысли. Они жили вдвоемъ, какъ бы слившись въ одно существо и тихо струилась ихъ жизнь, точно ее качала одна изъ тѣхъ лѣнивыхъ итальянскихъ лодокъ, что стояли передъ ихъ виллой на гладкой лазури озера.

Впрочемъ и тамъ произошелъ одинъ не совсѣмъ пріятный случай. Имъ вздумалось совершить вдвоемъ поѣздку въ сосѣднюю Швейцарію. Въ одномъ изъ мѣстечекъ, куда они завернули, Двинскій случайно наткнулся на своихъ родителей; онъ не зналъ, что князь и княгиня пріѣхали въ это мѣстечко уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Встрѣча эта была ему очень непріятна. Онъ предвидѣлъ, хотя Мери и онъ изъ предосторожности даже остановились въ разныхъ отеляхъ, что княгиня Софья Станиславовна, тотчасъ догадается про ихъ связь. И онъ не ошибся. Стопло княгинѣ съ полчаса просидѣть съ ними вмѣстѣ—и сомнѣній на этотъ счетъ у ней не осталось. Съ Мери, которую она знала съ Петербурга, она обошлась необыкновенно любезно, только изрѣдка вглядываясь въ нее пристально своими не совсѣмъ добрыми глазами. И когда въ тотъ же вечеръ сынъ былъ у нея, она, не обинуясь, ему сказала:

— Vous êtes en bonne fortune, je crois... Ne le niez pas,

c'est inutile... Mes compliments d'ailleurs, c'est une femme charmante!

И княгиня съ необычайной развязностью высказала сыну, какъ выгодна, по ея мнѣнію, для молодаго человѣка связь въ большомъ свѣтѣ, придающая, какъ она выразилась окончательную шлифовку воспитанію.

— Но за послѣднее время, добавила она,—это уже не совсѣмъ такъ безопасно, какъ прежде.

И она выразила надежду, что сынъ ея не дастъ себя увлечь „à quelques bêtises sentimentales".

— Еще бы, вмѣшался старый князь, сухо засмѣявшись,— онѣ всѣ теперь помѣшаны замужъ выходить отъ живыхъ мужей. Прежде такія отношенія были совсѣмъ безопасны, а теперь, когда чуть-чуть не сватаются за чужихъ женъ...

— Да и свататься нечего, сказала княгиня,—on a changé tout cela. Онѣ сами вѣшаются на шею каждому, у кого есть имя и состояніе. Но ты поймешь, Юрій, что въ твоемъ положеніи можно найти себѣ иную партію, чѣмъ эта женщина, которая на шесть лѣтъ тебя старше. C'est bon pour un temps, но затѣмъ надо умѣть развязаться; и къ тому же это все-таки неправильная жизнь, а люди въ нашемъ положеніи должны подавать примѣръ.

Юрія тѣмъ болѣе коробило отъ этихъ словъ матери, что ему хорошо было извѣстно, какова на самомъ дѣлѣ ея жизнь и что-за холодная распущенность скрывается за строгой гордостью ея осанки. И теперь, когда ей далеко за-сорокъ, она находится въ близкихъ отношеніяхъ съ какимъ-то докторомъ, который вездѣ ей сопутствуетъ подъ предлогомъ мнимой слабости ея здоровья. И этому проходимцу, котораго презиралъ и ненавидѣлъ, онъ долженъ, ради матери, выказывать наружное уваженіе.

Юрій отвѣтилъ княгинѣ съ почтительной холодностью,— онъ всегда избѣгалъ споровъ, особенно съ родными,—но въ душѣ его какъ разъ отъ этихъ словъ окрѣпла рѣшимость отдать всего себя и всю свою жизнь любимой женщинѣ, еслибы ей нужна была эта жертва. Да въ его глазахъ это и не было жертвою.

Одно только смущало Юрія среди его счастья: онъ не могъ не замѣтить то чувство явнаго пугливаго отвращенія, какое вызывалъ онъ въ маленькой Олли. Глаза дѣвочки — эти большіе, строгіе не по лѣтамъ, глаза—часто останавливались на немъ съ выраженіемъ нѣмаго укора.

Разъ, когда онъ пріѣхалъ къ Столѣнинымъ, узнавъ, что Мери вдругъ заболѣла, и встрѣтивъ Олли въ первой гостиной, съ безпокойствомъ спросилъ у нея про мать, та отвѣтила ему такъ холодно и враждебно, какъ будто онъ даже не имѣлъ права про это спрашивать. А когда онъ, не задумываясь, хотѣлъ тутъ же пройти въ ея спальную, дѣвочка его остановила.

— Мама еще не вставала, сказала она, глядя на него съ какимъ-то испугомъ въ глазахъ.

Но Юрій не послушался; ему было въ эту минуту не до соблюденія приличій. Онъ отворилъ дверь въ комнату молодой женщины и, обернувшись на порогѣ, увидѣлъ, какимъ горестнымъ и въ то же время негодующимъ взглядомъ смотрѣли на него глаза дѣвочки.

А между тѣмъ, ему такъ хотѣлось примириться съ этимъ ребенкомъ, возбудить къ себѣ его довѣріе, хоть сколько-нибудь загладить зло, невольно причиненное имъ этому ребенку. Вѣдь благодаря ему, въ ея молодой умъ запали первыя сѣмена недовѣрія къ людямъ, и отношенія ея къ матери стали такими натянутыми и холодными. Ея безотрадно одинокое дѣтство по его винѣ стало еще болѣе одинокимъ, и бѣдной дѣвочкѣ пришлось такъ рано лицомъ къ лицу увидать то жизненное зло, котораго и не подозрѣваютъ прочія дѣти. И эта ранняя опытность словно тѣнью легла на личико Олли, сгоняя съ него молодой румянецъ. Теперь, въ четырнадцать лѣтъ, она глядѣла совсѣмъ почти большою: только узкія плечи, да не совсѣмъ развившаяся грудь, да еще короткія платья, которыя она переросла, выдавали ея возрастъ. На лицѣ ея теперь уже рѣдко играла улыбка. И совѣсть Юрія громко укоряла его, когда онъ встрѣчался съ дѣвочкой, обмѣниваясь съ ней мимоходомъ двумя, тремя короткими словами...

Домъ Столѣпиныхъ не былъ уже въ этомъ году такъ полонъ шума и толкотни, какъ прежде. „Свой звѣринецъ“, какъ Мери называла иногда сборище своихъ друзей, она распустила. Олли почти радовалась этому, хоть она знала, чему она была обязана наступившей тишиной. Дѣвочку не тревожилъ никто, когда она цѣлые часы просиживала за роялемъ или за книгой, либо задумчиво глядѣла въ окно, на которомъ морозъ выводилъ затѣйливые узоры.

Но въ четырнадцать лѣтъ одинокая тишина—плохое утѣшеніе. И бѣдная дѣвочка замыкалась въ себя, даже себѣ не признаваясь въ томъ неумолимомъ приговорѣ, какой невольно складывался въ ея умѣ на счетъ матери.

Подругъ у нея не было. Изрѣдка лишь ѣздила она къ Непрядвинымъ повидаться съ Наташей, да и съ ней она не могла подѣлиться тѣмъ, что такъ тревожило ея молодое сердце: хотя Наташа и знала всю правду, передъ ней, въ особенности передъ ней, вѣдь нельзя было и заикнуться про эту извѣстную имъ обѣимъ отвратительную тайну. Изъ тѣхъ, кто бывалъ у Столѣпиныхъ, одинъ только Паша Коловратскій иногда заговаривалъ съ дѣвочкой; да и Паша бывалъ у нихъ очень рѣдко и лишь мимоходомъ, на нѣсколько минутъ и, случайно встрѣтивъ Олли, останавливался съ нею.

Съ нимъ только однимъ дѣвочкѣ говорилось легко и довѣрчиво. А онъ, напротивъ, не смотря на то, что былъ такъ многимъ ея старше, передъ ней какъ будто робѣлъ. Всякій разъ, когда вмѣстѣ съ братомъ Викторомъ Паша бывалъ у Столѣпиныхъ, онъ непремѣнно старался улучить минуту, чтобы увидать Олли и заговорить съ нею; но едва скажетъ онъ нѣсколько словъ, странная неловкость овладѣваетъ имъ, точно онъ стыдился чего-то. А стыдился онъ того безсознательнаго чувства, какое влекло его, двадцатилѣтняго юношу, къ этому полуребенку.

Разъ, въ одинъ сумрачный февральскій день, Юрій Двинскій, входя къ Столѣпинымъ, гдѣ онъ бывалъ почти ежедневно, засталъ въ первой проходной гостиной Олли за какой-то работою, въ которой, повидимому, ей помогалъ Паша Коловратскій. Олли затѣяла устроить маленькую благотворп-

тельную лотерею для одного бѣднаго семейства и разставляла на столъ разныя бездѣлки, предназначенныя для этой лотереи. Это были почти все собственныя ея вещи, подаренныя ей въ разное время. Паша усердно занимался приготовленіемъ билетиковъ. Увидѣвъ Двинскаго, онъ вспыхнулъ какъ виноватый.

— Что это, спросилъ Юрій, улыбаясь,—у васъ тутъ цѣлая лавка, Олли? Лотерею устраиваете, да?

Она, какъ всегда, отвѣтила ему неохотно, сдвинувъ брови.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Юрій тутъ же предложилъ принять участіе въ ея сердобольной затѣѣ, доставивъ ей нѣсколько выигрышей.

— И двадцать билетовъ за мной, не правда ли? добавилъ онъ весело.

Но къ его удивленію Олли про это и слышать не хотѣла.

— Нѣтъ, пожалуйста, не нужно, — тихо, но упорно отказалась она отъ его предложенія, избѣгая на него глядѣть.

И какъ ни увѣрялъ ее Двинскій, что онъ отъ всего сердца радъ случаю помочь бѣднымъ людямъ, о которыхъ она хлопочетъ, дѣвочка упорно настаивала на своемъ, точно въ ея глазахъ подарокъ Юрія былъ чѣмъ-то обиднымъ, чѣмъ-то могущимъ испортить затѣянное ею доброе дѣло.

Вдругъ, пока они говорили, вошла Марья Борисовна и, замѣтивъ возбужденныя лица Юрія и Олли, строго и холодно посмотрѣла на дочь и неестественнымъ, измѣнившимся голосомъ обратилась къ Юрію.

— Что же вы не войдете, князь? Мнѣ давно про васъ доложили, и я никакъ не могла понять, гдѣ вы пропадаете все это время...

Онъ молча послѣдовалъ за нею въ ея кабинетъ, не смѣя догадываться про то странное чувство, какое, повидимому, зашевелилось въ сердцѣ Марьи Борисовны. Чувство это было ничто иное, какъ ревность къ дочери, нелѣпое, безсмысленное подозрѣніе, что Двинскій,—чего добраго, можетъ

заинтересоваться этимъ ребенкомъ. „Вѣдь бывали же такіе случаи“, скользнуло у нея въ головѣ. И она вдругъ съ горечью вспомнила про свои года.

— Я пораженъ, — мягко заговорилъ Юрій, — какъ ты иногда строго обходишься съ своей дочерью; ты ее какъ будто не любишь. Она вѣдь такая хорошая дѣвочка, мнѣ часто жаль ее становится...

— Жаль? почему жаль? Развѣ ей недостаетъ чего-нибудь?

Голосъ Мери звучалъ сухо и отрывисто.

— Да за что ты съ ней такая? настаивалъ Юрій, котораго не въ первый разъ уже возмущалъ странный, почти враждебный тонъ Мери съ ея дочерью.

Но Мери не только не смягчалась, а раздраженіе ея все росло, подозрительность была на-сторожѣ и по-своему толковала каждое слово, сказанное Юріемъ въ защиту дѣвочки.

Когда Юрій въ этотъ день уѣхалъ отъ Столѣшныхъ, у него въ первый разъ отчетливо сказалось тягостное сознаніе безсердечія Мери. Прежде онъ въ ней этого не замѣчалъ или вѣрнѣе замѣчать не хотѣлъ; теперь онъ не могъ освободиться отъ досадливаго, непріятнаго ощущенія. Самая мысль о томъ, что она могла смотрѣть на дочь, какъ на соперницу, словно роняла Мери въ его глазахъ. И какъ ни старался онъ придумывать ей извиненія и увѣрять себя, что женскій умъ подверженъ страннымъ мимолетнымъ причудамъ, онъ не могъ стереть впечатлѣнія чего-то жесткаго и безсердечнаго въ натурѣ Мери.

Дома у себя Юрій нашелъ два письма, только-что пришедшихъ изъ-за границы: одно было отъ отца, другое отъ матери. Старый князь напоминалъ про запутанныя дѣла по имѣніямъ, оставшіяся нерѣшенными, и давалъ цѣлый рядъ сложныхъ и важныхъ порученій. Юрій не могъ не сказать себѣ, прочитавъ письмо, что онъ много виноватъ передъ отцомъ, что онъ не оправдалъ его довѣрія. И очень ужъ быстро исчезло въ немъ то рвеніе новичка, которое ощущалъ онъ прошлымъ лѣтомъ, когда на первыхъ порахъ такъ охотно принялся за дѣло.

„Да, придется наверстать упущенное и на-дняхъ поѣхать въ отцовскія деревни“.

Самъ онъ былъ не прочь отъ путешествія и къ своему удивленію даже почувствовалъ какую-то радость при мысли, что онъ стряхнетъ съ себя петербургское бездѣлье. „Но что скажетъ на это Мери? вѣдь придется уѣхать на цѣлый мѣсяцъ, можетъ быть, и больше“.

Юрій почувствовалъ, что онъ уже не вполнѣ свободенъ, что надо ему справляться съ чужой волей, съ чужими причудами и, чего добраго, выдержать цѣлую бурю подозрительныхъ упрековъ. И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сблизился съ Мери, это чувство зависимости сказалось въ немъ, какъ что-то тягостное и докучливое.

Письмо матери было еще непріятнѣе. Княгиня говорила, что съ крайнимъ неудовольствіемъ узнала, какъ разлетѣлись въ прахъ всѣ планы Юрія на счетъ карьеры, планы, живо интересовавшіе самолюбивую мать.

„Можно сколько угодно веселиться и повѣсничать“, писала между прочимъ княгиня, „но умные люди дѣлаютъ это всегда такъ, чтобы оно не мѣшало серьезнымъ цѣлямъ. Умъ и заключается въ томъ, чтобы шутя достигать важныхъ результатовъ, а ты, я вижу, совсѣмъ поставилъ себя въ зависимость отъ прихоти извѣстной особы. Любовь, конечно, многое извиняетъ, но въ твои годы и съ твоимъ умомъ надо и любить не теряя головы. А между тѣмъ, заканчивала она рядъ своихъ упрековъ, судя по тому, что я слышу, на тебя въ Петербургѣ какъ будто махнули рукой, на тебя не смотрятъ какъ на серьезнаго человѣка, имѣющаго шансы впереди; а это всего хуже. Репутація гораздо важнѣе заслугъ и если ты проиграешь свое будущее изъ-за этой глупой страсти, ты глубоко огорчишь меня и разочаруешь въ себѣ“.

Какъ ни черствы были слова матери, они затронули Юрія за живое. Да, онъ не могъ не сказать себѣ, что въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ измѣнилъ тѣмъ горделивымъ мечтамъ, которыми еще за годъ передъ тѣмъ было переполнено его воображеніе. То блестящее мѣсто, про которое лѣтомъ писалъ

ему Борисоглѣбскій, давно было отдано другому. При встрѣчахъ съ нимъ—Юрій это давно успѣлъ замѣтить—высокопоставленныя лица, отъ которыхъ могла зависѣть его судьба, теперь уже только снисходительно улыбались, но о дѣловыхъ вопросахъ болѣе не заговаривали. На него, очевидно, начинали смотрѣть какъ на милаго балагура, отъ котораго многаго ожидать нельзя. Положимъ, онъ показалъ себя храбрымъ офицеромъ и это, конечно, продолжаютъ цѣнить, но въ мирное время съ этимъ далеко не уйдешь; Юрій хорошо зналъ, какъ скоро блекнутъ военные лавры. И честолюбивыя мечты, которыя онъ считалъ заглохшими, опять зашевелились въ его сердцѣ. Вѣдь онъ наконецъ и не имѣетъ права отдать свою жизнь, свое будущее въ жертву одному увлекшему его чувству; вѣдь у него есть обязанности передъ собой и передъ родиной и даны же ему на что-нибудь энергія и способности, какія онъ за собой признаетъ...

И говоря себѣ это, Юрій вспомнилъ, какъ тщетно онъ пытался иногда вызвать въ Мери сочувствіе къ своимъ планамъ на будущее. Онъ заговаривалъ съ ней про это не разъ, ожидал найти въ ней не только любящую женщину, но и подругу, способную понять и оцѣнить его мысли. „Вѣдь настоящая любовь“, думалось ему, „не замыкается въ слѣпомъ, хоть и сладкомъ увлеченіи, и готова все раздѣлить съ любимымъ человѣкомъ, интересоваться всѣмъ, что занимаетъ и тревожитъ его“.

Но не такова была любовь Мери. Молодая женщина упорно отказывалась вникать во всѣ эти вопросы, казавшіеся Юрію такими важными, а въ ея глазахъ лишенные смысла и значенія. Онъ долженъ весь принадлежать ей, и ни одна изъ его мыслей не должна выходить изъ того заколдованнаго круга, въ который любовь замкнула его жизнь. И зачѣмъ думать о будущемъ? Самое это слово ей претило, какъ напоминаніе, что любовь ихъ не будетъ длиться вѣчно, что за предѣлами ея можетъ быть нѣчто иное, могущее завлечь Юрія. Мери сознательно старалась вызвать у него полное равнодушіе къ этому будущему, убить въ немъ

энергію и честолюбіе... Чѣмъ мельче и ниже онъ станетъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ будетъ въ ея власти.

Юрій теперь вдругъ припомнилъ все это и съ горечью сказалъ себѣ, что, чего добраго, эта любовь, которой онъ отдалъ себя безъ оглядки, мало по малу загубитъ въ немъ все, что возвышаетъ человѣка, всякую благородную мечту, всякое стремленіе къ дѣятельности.

На другой день онъ сказалъ Мери про свое намѣреніе уѣхать, сказалъ бережно и мягко, точно онъ боялся оскорбить ее. Но старанія его были напрасны: Мери про его отъѣздъ и слышать не хотѣла; запальчивые упреки посыпались съ ея губъ и страстныя злыя слезы навернулись у нея на глаза.

— Я понимаю, чего ты хочешь,—говорила она прерывающимся голосомъ;—ты ищешь только случая со мной разстаться; эти дѣла, про которыя пишетъ твой отецъ— одинъ предлогъ и больше ничего.

Онъ тщетно старался разувѣрить ее: чѣмъ больше онъ настаивалъ на своемъ, тѣмъ сильнѣе росли ея подозрѣнія. Должно быть, Юрій не сумѣлъ придать своимъ словамъ достаточно искренности и теплоты. Оскорбленный недовѣріемъ молодой женщины, онъ, должно быть, отвѣчалъ ей слишкомъ холодно; природная неуступчивая гордость въ немъ заговорила.

— Уѣзжай, коли хочешь, утирая слезы, продолжала она, и глаза ея теперь сухо заблестѣли,—уѣзжай, ты вѣдь свободенъ; удерживать тебя я не могу и не стану. Но знай, что я не вѣрю ничему изъ того, что ты мнѣ тутъ наговорилъ. Какъ! теперь, зимой тебѣ понадобилось въ деревню изъ-за какихъ-то дѣлъ, и на цѣлый мѣсяцъ! Да развѣ могутъ у тебя быть такія дѣла, которыя важнѣе нашего счастья? И ты, съ твоимъ богатствомъ, не стыдишься со мною заговаривать о какихъ-то денежныхъ вопросахъ, точно деньги могутъ что-нибудь значить для тебя...

Мери неопровержимо доказала ему, что онъ кругомъ передъ ней виноватъ, доказала съ помощью той особой женской логики, которую нельзя опровергнуть никакими дово-

дами, потому что во всемъ, что говорится во имя холоднаго разсудка, для каждой любящей женщины есть что-то обидное и ненавистное, есть непризнаніе всемогущества ея любви. Юрію пришлось не только отказаться отъ своего намѣренія, но просить у нея прощенія, увѣрять ее, цѣлуя ея руки и лицо, мокрое отъ слезъ, что на свѣтѣ у него ничего не можетъ быть важнѣе ея счастья и что отъ всего онъ готовъ отказаться, лишь бы не огорчить ее. Вѣдь та жертва, которую она принесла ему, даетъ ей право имъ располагать. И Мери успокоилась тогда только, когда убѣдилась, что всякая мысль о поѣздкѣ имъ оставлена. Торжествующая улыбка даже показалась въ ея глазахъ, и горделивая радость наполнила ея сердце, радость не тому только, что онъ остается съ нею, а тому въ особенности, что онъ покорился ея волѣ.

Но такія побѣды достаются не даромъ. Тронутый ея слезами Юрій совершенно искренно увѣрялъ ее въ своей готовности исполнить каждую ея прихоть; но когда, два часа спустя, онъ былъ опять наединѣ съ собою, имъ овладѣло горькое чувство стыда за выказанное имъ малодушіе. Онъ заперся у себя въ кабинетѣ, приказавъ не пускать къ себѣ никого, и долго угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по обширной комнатѣ, говоря себѣ, что сдѣлалъ непростительную ошибку, уступивъ на этотъ разъ ея прихоти. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ какими-то невидимыми цѣпями и связаннымъ по своей винѣ. „Не такъ надо было поступить“, говорилъ онъ себѣ; „слѣдовало прямо сказать ей, что я уѣзжаю послѣ завтра, сказать, что это рѣшено безповоротно. Женщины всегда примиряются съ совершившимся фактомъ; онѣ прибѣгаютъ къ слезамъ и упрекамъ тогда только, когда у нихъ есть надежда поставить на своемъ“...

Онъ самъ не замѣтилъ, какъ мысль его невольно приняла направленіе почти враждебное Мери. У нихъ сказывалась уже та всегдашняя глухая взаимная борьба, которая таится, долго незамѣчаемая даже подъ самою искреннею горячею любовью. И теперь это противорѣчіе между нимъ и любимой женщиной выступало наружу. Онъ говорилъ себѣ, что,

уступивъ на этотъ разъ, онъ связалъ себя на будущее время, что отстоять свою волю когда-нибудь потомъ будетъ еще труднѣе.

„Нѣтъ“, возмутился онъ при этой мысли, „нѣтъ, это не повторится. Положимъ, я теперь обѣщалъ ей, но слѣдующій разъ я сумѣю поставить на своемъ; пройдетъ недѣля-другая, и я скажу ей, что есть же у меня иныя обязанности, пренебрегать которыми нельзя. Она пойметъ это, надо только выбрать удачную минуту“.

И Юрій, самъ того не подозрѣвая, уже собирался увернуться отъ даннаго обѣщанія, стряхнуть съ себя добровольно надѣтую узду; онъ какъ будто считалъ себя вправѣ даже мстить за понесенное униженіе...

Юрій остановился передъ широкимъ окномъ, сумрачно глядя, какъ сыпались тяжелые снѣжные хлопья, окутывая дневной свѣтъ тусклой пеленою и ему казалось, что самая его жизнь, такъ недавно еще свѣтлая и полная радостей, также словно тускнѣетъ, будто ее застилаетъ теперь что-то тяжелое и холодное, какъ эта снѣжная пелена.

К. ОРЛОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ.[1])

(продолженіе).

1850 годъ: Непосредственныя послѣдствія поѣздки Муравьева въ Камчатку.—Перемѣна въ составѣ ближайшихъ служащихъ около Муравьева.—Всеподданнѣйшее донесеніе Муравьева по обозрѣнію Восточной Сибири.—Отзывъ о немъ Государя Императора и Цесаревича.—Высочайшія повелѣнія объ основаніи перваго наблюдательнаго поста у входа въ лиманъ Амурскій и о прибытіи Муравьева въ Петербургъ.—Болѣзнь Муравьева.—Вопросъ о продажѣ вина въ Восточной Сибири въ 4-хъ-лѣтіе 1851—1855 г.—Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ.—Ауліенція его у Государя и ея послѣдствія для Амурскаго вопроса.—Борьба по вопросу объ устройствѣ продажи вина въ Восточной Сибири.—1851 г.: Раздвоеніе власти главнаго начальника края.—Высочайшія повелѣнія 15-го января и 12-го февраля 1851 г. по дѣламъ на Кяхтѣ и на устьѣ Амура.—Всѣ преобразовательныя предположенія Муравьева Высочайше утверждаются.—Основаніе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.—Объѣздъ Муравьевымъ Забайкальской области.—Открытіе за Байкаломъ и въ Якутскѣ областныхъ учрежденій на правахъ губернскихъ.

Кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ провинціальною жизнью конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, когда не было еще на Руси ни пассажирскаго пароходства, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфнаго сообщенія, тотъ пойметь, въ какомъ тревожномъ ожиданіи мы вступили въ новый годъ въ Иркутскѣ, отдаленномъ отъ столицы на 6 тысячъ верстъ, куда почта въ хорошее время года ходи-

[1]) „Русск. Вѣстн.“, 1888 г., апрѣль и май.

ла 4 недѣли, слѣдовательно, ближайшій отвѣтъ могъ получаться только черезъ два мѣсяца. Какой успѣхъ имѣли происки, враждебно направленные въ Петербургѣ противъ Муравьева? въ какой мѣрѣ его защитникамъ удалось отклонить удары интриги во время его шестимѣсячнаго отсутствія для обозрѣнія Охотска и Камчатки? какъ Царь посмотрѣлъ на всѣ новыя предположенія, которыя генералъ-губернаторъ повергъ на его усмотрѣніе по возвращеніи съ окраинъ? Эти вопросы въ тиши занимали каждаго изъ насъ, служебная участь которыхъ была неразрывно связана съ положеніемъ Муравьева. Первые же дни 1850 года не замедлили дать отвѣтъ на тревожившіе насъ вопросы и доказать, съ какимъ довѣріемъ Государь отнесся къ представленіямъ Муравьева. Кн. А. С. Меншиковъ, по прибытіи Карсакова въ Петербургъ, доложилъ Государю Императору объ записки Муравьева и рапортъ его о дѣйствіяхъ Невельскаго. Рапортъ этотъ, касавшійся устья р. Амура, Его Величество повелѣлъ передать на разсмотрѣніе особаго комитета подъ предсѣдательствомъ гр. Нессельроде, а объ записки немедленно утвердилъ *собственноручно*. Въ этомъ видѣ эти записки поступили въ Комитетъ Министровъ, который постановилъ: представить Государю проектъ указа Сенату, изложивъ въ немъ главныя основанія удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія предположеній Муравьева, предоставивъ ему сдѣлать распоряженіе къ дальнѣйшему исполненію оныхъ; копіи съ записокъ генералъ-лейтенанта Муравьева о преобразованіи Охотскаго и Камчатскаго управленій препроводить къ министрамъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи, съ тѣмъ, чтобы они чрезъ исправляющаго должность генералъ-губернатора сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія, сообразно съ началами, въ запискахъ изложенными; поручить генералъ-лейтенанту Муравьеву нынѣ же заняться составленіемъ подробнаго проекта положенія и штата управленія Охотскимъ и Камчатскимъ краемъ на основаніяхъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія; о назначеніи капитана Завойко Камчатскимъ военнымъ губернаторомъ предоставить князю Меншикову поднести указъ. Замѣ-

чательна быстрота, съ которою все это совершилось: 16 ноября въ 7 часовъ утра Карсаковъ лично вручилъ Государю рапортъ Муравьева отъ 24 сентября изъ Якутска, а 30 ноября все вышеизложенное было уже совершившимся фактомъ! Вмѣстѣ съ этимъ гр. Перовскій рѣшился доложить Государю объ утвержденіи Муравьева въ должности генералъ-губернатора. При этомъ случаѣ Его Величество изволилъ отозваться, какъ сообщилъ гр. Перовскій Муравьеву въ письмѣ своемъ отъ 7 декабря: „Я ожидаю донесенія Муравьева объ обозрѣніи ввѣреннаго ему края. „До сихъ поръ я знаю объ его путешествіи только изъ „2-хъ записокъ къ кн. Меншикову. Когда онъ представитъ „мнѣ свое донесеніе, то пусть въ то же время проситъ дозволенія сюда пріѣхать. Муравьевъ, кажется, не можетъ „жаловаться, что Я его представленій долго не разрѣшаю; конечно Я убѣжденъ, что это дѣло полезное, но спрашивается, „можно ли будетъ обойтись безъ расходовъ? хотя впрочемъ „онъ обѣщаетъ, что мѣстныхъ способовъ достаточно для „приведенія въ исполненіе его предположеній". Читатель пойметъ, какъ это вниманіе Царя къ представленіямъ Муравьева подбодрило его и насъ всѣхъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, которое Муравьевъ намъ преподалъ и которому онъ рѣшился слѣдовать неукоснительно.

Въ 1850 году предвидѣлась ожесточенная борьба съ финансовымъ міромъ изъ-за устройства въ Восточной Сибири на новое четырехъ-лѣтіе, съ 1851 года, акцизно-откупнаго дѣла, противъ злоупотребленій котораго Муравьевъ такъ рѣшительно выступилъ и основанія котораго возбуждали въ немъ отвращеніе. Въ своихъ письмахъ къ министру финансовъ Ѳ. П. Вронченко Муравьевъ не обинуясь заявлялъ, что онъ признаетъ дѣйствія тогдашнихъ откупщиковъ (они были вмѣстѣ съ тѣмъ изъ числа самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ) вредными для края, избавленіе котораго отъ нихъ было бы, по его мнѣнію, благодѣтельно. „Всѣ хлопоты и за„боты министерства финансовъ клонились и клонятся,—пи„салъ Муравьевъ Л. А. Перовскому,—не къ пользамъ казны, а

„къ поощренію злоупотребленій и незаконныхъ выгодъ от-
„купщиковъ. Нравственное здѣсь (въ Сибири) развращеніе
„народа заключается не въ одномъ пьянствѣ, но въ под-
„властности откупщику. Указывая далѣе на необходимость
„отдѣленія откуповъ отъ золотопромышленныхъ дѣлъ, —
„Муравьевъ выражалъ, — что онъ этому соединенію *двухъ*
„*могуществъ* не находитъ другаго названія какъ *монополія*, а
„съ этимъ словомъ связано понятіе вреда: золотопромыш-
„ленникъ заманиваетъ работника къ усиленному и изнури-
„тельному труду денежнымъ вознагражденіемъ, которое онъ
„увѣренъ воротить какъ откупщикъ. Не должно жертвовать
„зародышемъ народонаселенія для выгодъ откупщиковъ, а не
„казны и даже не откуповъ, являющихся финансовою опера-
„ціею, необходимою при существующемъ порядкѣ. Необходимо
„увеличить выгоды казны, сокративъ безнравственныя зло-
„употребленія откупщиковъ, и этимъ облегчить народъ".
Много, очень много предвидѣлось дѣла, и дѣла тяжелаго. Въ
виду этого генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ сдѣ-
лать одну важную перемѣну въ составѣ ближайшихъ его
сотрудниковъ. Вновь открытымъ въ 1848 году IV Отдѣленіемъ
Главнаго Управленія Восточной Сибири, представлявшимъ, по
роду переданныхъ туда дѣлъ, собственную канцелярію генералъ-
губернатора, завѣдывалъ А. О. Стадлеръ, пользовавшійся
полнымъ довѣріемъ Муравьева, какъ по своимъ блистательнымъ
способностямъ, такъ и по знанію дѣла. Его наблюдательность
была замѣчательна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не щадилъ никого
своимъ острымъ языкомъ; своими насмѣшками онъ нажилъ
себѣ множество враговъ и нерѣдко ставилъ своего начальника
и его супругу въ крайне непріятное положеніе. Къ тому же
онъ во время отсутствія Муравьева, для обозрѣнія Камчатки,
пооблѣнился и не выполнилъ тѣхъ работъ, которыя были ему
заданы Муравьевымъ, предавшись въ обществѣ иностранца-
англичанина Остена и его молодой жены космополитическому
воззрѣнію на дѣла. Все это побудило Муравьева дать Стадлеру
новое назначеніе въ Красноярскъ, подальше отъ „двора", какъ
говорилось въ окружавшей Му-

равьева средѣ. На его мѣсто былъ назначенъ изъ бывшихъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія Дм. Вас. Молчановъ, управлявшій экспедиціею о ссыльныхъ Иркутскаго губернскаго правленія, состоявшій еще въ Западной Сибири въ дружественныхъ отношеніяхъ къ доктору Ю. И. Штубендорфу и теперь съ ловкостью и успѣхомъ ухаживавшій за Еленою Сергѣевною Волконскою. Одновременно съ этимъ перемѣщеніемъ вступилъ на службу по главному управленію сынъ декабриста Михаилъ Волконскій, окончившій въ 1849 году гимназическій курсъ, съ награжденіемъ золотою медалью. Тогдашній шефъ жандармовъ и главноуправляющій 3-мъ Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, графъ Орловъ, отнесся къ генералъ-губернатору письмомъ, которымъ просилъ его обратить особенное вниманіе на этого молодаго человѣка, чтобы занять его дѣятельною службою подъ ближайшимъ его надзоромъ. По военному вѣдомству, по части строевой и генеральнаго штаба, сталъ играть видную роль Ах. Ив. Заборинскій, а по части продовольственной оберъ-провіантмейстеръ Тваровскій. Къ нимъ присоединился вновь назначенный бригадный командиръ, генералъ-маіоръ П. И. Запольскій. Эта новая констелляція внесла въ нашу сибирскую жизнь какое-то вѣяніе, до тѣхъ поръ нами не испытанное.

Со дня возвращенія изъ Камчатки, Муравьевъ принялся за составленіе всеподданнѣйшаго донесенія о сдѣланныхъ имъ обозрѣніяхъ и предположеніяхъ по различнымъ предметамъ къ устройству Восточной Сибири, что составляло не малый трудъ, тѣмъ болѣе, что онъ все писалъ своею рукою, требуя только къ себѣ дѣла. Понятно, что онъ еще усилилъ эти занятія, получивъ вышеизложенное сообщеніе гр. Перовскаго съ изложеніемъ Высочайшей воли относительно этого предмета и вопроса о пріѣздѣ его въ Петербургъ. 3-го марта 1850 года былъ отправленъ всеподданнѣйшій рапортъ Муравьева съ приложеніемъ подробной записки по обозрѣнію Восточной Сибири. Для того, чтобы дать возможность судить, какой это былъ гигантскій трудъ, я перечислю сперва только всѣ приложенія, которыя были

пріобщены къ представленной при рапортѣ отъ 3 марта запискѣ, составлявшей, одна до 60 не широко писанныхъ листовъ и раздѣленной на 21 отдѣлъ: 1) Проектъ положенія и штатовъ Забайкальской области, съ приложеніемъ рисунка герба. 2) Проектъ положенія и штатовъ Кяхтинскаго градоначальства, съ приложеніемъ рисунка герба. 3) Проектъ положенія штатовъ Якутской области. 4) Историческая записка о пограничныхъ нашихъ сношеніяхъ, съ картами I, II и III. 5) Историческая записка о якутскихъ казакахъ, съ картою. 6) Проектъ преобразованія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, съ приложеніемъ штатовъ. 7) Три краткихъ списка по формѣ о чиновникахъ. *Карты*:

№ 1. Карта Восточной Сибири, съ показаніемъ предполагаемаго раздѣленія на губерніи и расположенія въ нихъ войскъ. № 2. Карта общаго отчета геодезическимъ работамъ, произведеннымъ въ Восточной Сибири. № 3. Планъ порта Аянъ. № 4. Планъ города Охотска съ окрестностями. № 5. Планъ города Охотска до перенесенія его въ 1815 году. № 6. Карта рѣкъ: Лены, Алдана и Маи съ сухопутнымъ сообщеніемъ порта Аянъ съ урочищемъ Нельканомъ и съ показаніемъ мѣстъ удобныхъ для заселенія. № 7. Глазомѣрная съемка сѣвернаго залива на островѣ Сахалинѣ. № 8. Карта Авачинской губы. № 9. Планъ Петропавловскаго порта съ расположеніемъ батарей. № 10. Планъ входа въ Авачинскую губу. № 11. Планъ Тарьинской гавани. № 12. Карта предполагаемому укрѣпленію Авачинской губы. № 13. Карта устья р. Камчатки съ окрестностями. № 14. Карта рѣки Камчатки съ сухопутнымъ сообщеніемъ деревень.

„Первое извѣстіе о вашемъ отчетѣ,—писалъ гр. [Л. А. „Перовскій въ своемъ письмѣ отъ 9 мая 1850 г.,—я полу„чилъ отъ Цесаревича, который сказывалъ мнѣ, что Госу„дарь Императоръ нашелъ его весьма интереснымъ, хотя въ „немъ и есть мечты. Его Высочество, которому Государь „передавалъ вашъ отчетъ, равнымъ образомъ изволилъ „отозваться: „что читаетъ его и находитъ чрезвычайно зани-

„мательнымъ“; при чемъ Наслѣдникъ присовокупилъ, что „не всѣ предположенія считаетъ удобоисполнимыми. Дня два „спустя послѣдовало Высочайшее повелѣніе сдѣлать экстрен„ное засѣданіе Комитета Министровъ для прочтенія сказан„наго отчета. Комитетъ собирался 15 апрѣля въ полномъ „составѣ, т. е. *въ немъ присутствовалъ и гр. Нессельроде, кото„рый въ немъ засѣдалъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ.* „О различныхъ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ членовъ, послѣ чте„нія, скажу вамъ при личномъ свиданіи. Впрочемъ направ„леніе, данное этому дѣлу, не допускало критическаго разбора „онаго; очевидно было, что Государю угодно двинуть его „впередъ. Высочайшая воля выражена была повелѣніемъ „передать копіи съ отчета всѣмъ министрамъ, до коихъ „касаются предположенія ваши, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ „нихъ изготовилъ свои замѣчанія ко времени вашего пріѣзда, „дабы вы не были по сему поводу удержаны здѣсь долѣе, „чѣмъ нужно. Я могу вамъ сказать личное мое мнѣніе о „вашемъ отчетѣ: я нашелъ его въ высшей мѣрѣ интереснымъ, „административныя предположенія изложены отчетливо и „представляются полезными, редакція отличная, заключеніе „такое точно, какъ я его желалъ, но я могу сказать, что вы „лучше бы сдѣлали, еслибъ отложили до вашего сюда пріѣзда всякое представленіе на счетъ приведенія въ оборо„нительное положеніе Петропавловскаго порта и снабженіе „укрѣпленія тремя стами орудій большаго калибра. Это-то „и названо Государемъ—мечтою; другими лицами—фантазіею „и почти всѣми приписано пылкости вашего воображенія“.

Послѣ этого нельзя не упомянуть о самыхъ выдающихся указаніяхъ, сдѣланныхъ Муравьевымъ въ его всеподданнѣйшей запискѣ отъ 3-го марта. Учрежденіемъ 1822 года, составленнымъ генералъ-губернаторомъ, впослѣдствіи графомъ, Сперанскимъ, Восточная Сибирь была раздѣлена на двѣ губерніи—Енисейскую и Иркутскую, а къ послѣдней причислены: Якутская область, Охотское и Камчатское приморскія и Троицкосавское пограничное управленія. Въ обѣихъ губерніяхъ одинаковые чины и губернскія присутственныя

мѣста, тогда какъ въ Енисейской 230 тыс., а въ Иркутской 800 тыс. жителей, а площадь Иркутской губерніи въ 10 разъ болѣе Енисейской. Трудно въ настоящее время объяснить причины неуравнительности этого раздѣленія. Замѣтно, что учредитель не считалъ значительными ни Забайкальскій край, ни Якутскую область, ни Охотскъ, ни Камчатку, и причислилъ ихъ къ Иркутскому губернскому управленію, *какъ не требующіе особеннаго вниманія.* Вслѣдствіе этого *бумажное управленіе* краемъ развилось, по учрежденію 1822 г., до огромныхъ размѣровъ и вездѣ замѣнило въ Восточной Сибири *настоящую администрацію*, до того времени существовавшую. Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, Муравьевъ писалъ Перовскому: „грѣхъ Сперанскому, ибо тотъ, кто собирался быть предсѣдателемъ временнаго правленія, не могъ не понимать важности Восточнаго океана и умалчивать объ этомъ передъ государями своими, зная духъ и средства Сибири, было преступленіе—свойственное впрочемъ Сперанскому, который любилъ болѣе свои *идеи*, чѣмъ государей и отечество".

Городъ Троицкосавскъ и Кяхтинская торговая слобода, гдѣ собиралось товаровъ на десятки милліоновъ рублей, преданы были совершенному безначалію. Тамъ дѣйствовали три власти, одна отъ другой не зависимыя. „Не умѣю истолковать себѣ—писалъ Муравьевъ—какъ это могло быть терпимо до сихъ поръ, но я считаю необходимымъ прекратить этотъ безпорядокъ, имѣющій весьма невыгодныя послѣдствія для нашей торговли съ Китаемъ".

Берега Даурiи и Сахалина представляютъ и климатъ и растительность прекрасные; Камчатка въ томъ же положеніи; устья рѣкъ изобилуютъ прекрасною рыбою; словомъ сказать, природа ни въ чемъ не отказала Охотскому морю, оставалось только приложить руку и знаніе человѣческое, между тѣмъ множество иностранныхъ китобойныхъ судовъ, тамъ плавающихъ, не могли этого не замѣчать, равно какъ *безсилія и равнодушія нашего въ этой сторонѣ, какъ будто въ чужомъ для насъ владѣніи.* Китобойство распространилось въ

Охотскомъ морѣ недавно; прежде суда эти опасались тамъ льдовъ и *насъ*, и нѣкоторые только смѣльчаки заходили туда и, получая знатную добычу безъ всякихъ препятствій, скрывали это отъ другихъ; но тайна не могла долго храниться и постепенно число ихъ увеличивалось. Въ 1849 году, по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ и разспросамъ у самихъ же китобоевъ, можно умѣренно исчислять, что ихъ было до 250 судовъ собственно въ Охотскомъ морѣ, всѣ большаго ранга и съ многочисленными экипажами,—мы не видали ни одного менѣе трехмачтоваго и менѣе 500 тоннъ грузу. Одинъ французскій китобой, котораго мы настигли уже въ Восточномъ океанѣ и потомъ видѣли въ Петропавловскомъ портѣ, разсказывалъ, что въ одинъ день іюня мѣсяца онъ въ сѣверной части Охотскаго моря встрѣтился вдругъ съ 22-мя китобойными судами разныхъ націй, и всѣ они окружили массу плывшаго льда, близъ коего было много китовъ и набили ихъ, по словамъ его, безчисленное множество; на другой день они разошлись. Это можетъ служить мѣрою количества этихъ судовъ, плавающихъ во всемъ морѣ, когда въ одинъ день, въ одномъ пунктѣ сошлось ихъ 22. Одинъ изъ американскихъ китобоевъ, встрѣченный нами у Сахалина, разсказывалъ, что они предпочитаютъ Охотское море Беринговому, по умѣренности климата, и самъ онъ намѣренъ былъ оставаться тамъ часть октября мѣсяца, а потомъ полагалъ испытать пройти *между Сахалиномъ и материкомъ*. Онъ при насъ посылалъ три лодки на берегъ Сахалина, гдѣ они съ жителями — гиляками имѣли сношенія. Наши же суда Охотскія и Американской компаніи никогда себѣ этого не позволяли и никогда не подходили къ Сахалину, исключая тѣхъ, которымъ это было *особенно* приказано.

Вовсе не укрѣпленный маленькій Петропавловскій портъ и ничтожное число частныхъ домовъ, называвшихся городомъ, Муравьевъ предполагалъ перевести въ Тарьинскую губу, еслибы военно-морскія средства въ Камчаткѣ были усилены въ томъ размѣрѣ, какъ онъ считалъ необходи-

мымъ [1]). Тарьинская губа, представляя всѣ удобства для большаго порта, могла бы имѣть связь съ главными батареями, которыя, по мнѣнію Муравьева, должны были быть устроены для защиты входа въ Авачинскую губу. Для этого требовалось не менѣе 300 орудій большаго калибра и преимущественно бомбическихъ. Тарьинскую губу Муравьевъ предполагалъ соединить каналомъ для гребныхъ судовъ и канонерскихъ лодокъ съ Ягодною губою, внѣ входа уже находящеюся, съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ блокады входа, гребная флотилія могла этимъ каналомъ выходить изъ Авачинской губы помимо главнаго направленія атаки. Всѣ эти предположенія были нанесены на представлявшіяся при всеподданнѣйшемъ донесеніи карты. „Впрочемъ всѣ „эти соображенія—писалъ Муравьевъ Государю—зависятъ „отъ тѣхъ военныхъ средствъ, которыя Вашему Величеству „угодно будетъ расположить въ Восточномъ океанѣ и Охот„скомъ морѣ и *тѣхъ послѣдствій, которыя Вамъ угодно будетъ „дать открытіямъ, сдѣланнымъ капитаномъ Невельскимъ*. Во „всякомъ случаѣ я смѣю думать, что въ Камчаткѣ и Охот„скомъ морѣ намъ должно имѣть военныя средства, соотвѣт„ственныя тѣмъ, которыя имѣютъ англичане у Китайскихъ „береговъ и Сандвичевыхъ острововъ".

Наша Сѣверо-Американская компанія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи, во-первыхъ, потому, что Кяхтинская торговля не представляла ей уже вѣрнаго сбыта ея произведеній, во-вторыхъ, потому, что, при сдѣлавшейся чрезмѣрной дороговизнѣ въ Калифорніи, колоніи лишились средства пріобрѣтать хлѣбъ для продовольствія по выгоднымъ цѣнамъ. Оба эти обстоятельства отнюдь не могли быть поставлены въ вину компаніи, но должны были имѣть вліяніе на отношенія ея къ подвѣдомственнымъ ей племенамъ и на прочность ея существованія. Существованіе Россійско-Американской компаніи для правительства, по крайней мѣрѣ до времени, было необходимо. Правительству слѣдовало бы оказать содѣйствіе компаніи въ настоящемъ трудномъ ея положеніи: она слиш-

[1]) Вся наша Тихо-Океанская флотилія состояла тогда изъ трехъ жалкихъ небольшихъ транспортовъ и одного полугнилаго бота.

комъ отдалена была отъ всякой правительственной опоры. Весною 1848 г. компанія отправила судно съ товарами для опытной расторжки, въ одномъ изъ открытыхъ для европейской торговли китайскихъ портовъ Шань-гай. Судно благополучно туда пришло, шкиперъ былъ ласково принятъ мѣстнымъ китайскимъ начальствомъ и допущенъ къ промѣну товаровъ, но вскорѣ ему было предложено, по распоряженію уже областнаго начальника, прекратить всѣ сношенія и оставить Шань-гай. Въ дѣлѣ этомъ принималъ дѣятельное участіе Англійскій консулъ, чрезъ котораго производились всѣ сношенія нашего шкипера съ Китайскимъ правительствомъ. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшился вопросъ объ удаленіи русскаго судна изъ Шань-гая; едва-ли даже доведено было объ этомъ до свѣдѣнія высшаго нашего правительства. Это обстоятельство между тѣмъ не могло быть оставлено безъ вниманія и неудобно было намъ, въ сношеніяхъ съ китайцами, посредничество англичанъ и явное передъ нами ихъ тамъ преимущество. „Еслибы Россійско-„Американская компанія — писалъ Муравьевъ — обратила „дѣятельное вниманіе на китоловство и занялась бы этимъ „выгоднымъ дѣломъ въ Охотскомъ морѣ, то, конечно, дѣла „ея скоро приняли бы хорошій оборотъ, но ей это невозможно было безъ содѣйствія правительства. Если правительство и мѣстныя власти видѣли бы въ Россійско-Американской компаніи не одно торговое предпріятіе и поддерживали бы ее зависящими средствами и нѣкоторымъ „участіемъ въ ея распоряженіяхъ для лучшаго направленія ея дѣйствій въ общихъ правительственныхъ видахъ на тѣ „страны, то это учрежденіе могло бы принести существенную „пользу государству. Примѣромъ для этого служатъ быстрые „успѣхи Англійской Остъ-Индской компаніи, поддерживаемой и направляемой своимъ правительствомъ, съ тѣмъ еще „благопріятнымъ для насъ различіемъ, что отъ Петербурга „до Восточнаго океана сплошь одна великая Россійская „Имперія“.

Представленныя Муравьевымъ предположенія о раздѣленіи края на новыя области и губерніи и о преобразованіи

губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ упраздненіемъ окружныхъ управленій не только не были связаны съ увеличеніемъ расходовъ, а должны были составить экономіи болѣе чѣмъ на 30 тысячъ рублей въ годъ.

Въ заключеніе своей записки Муравьевъ, указывая также на необходимость преобразованія строительной, медицинской и межевой частей, а равно Нерчинскаго горнаго управленія и въ особенности по устройству каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибири, излилъ изъ глубины души свою вѣрноподданническую благодарность передъ Государемъ за вниманіе Его Величества къ представленію его о Камчатской области и о перенесеніи Охотскаго порта.

Въ духѣ вышеизложенныхъ воззрѣній Муравьева говорили и дѣйствовали въ Петербургѣ командированные имъ туда М. С. Карсаковъ и Г. И. Невельской. Карсаковъ писалъ Муравьеву длинныя, но весьма сдержанныя письма. „Не вините меня,—писалъ онъ Николаю Николаевичу,—что я пишу вамъ слишкомъ осторожно, всѣхъ подробностей нельзя писать, нѣкоторыя надо разсказывать съ глазу на глазъ, почтѣ я ихъ не довѣряю“. Тѣмъ не менѣе онъ не затруднился извѣстить Муравьева: „Государь *весьма* доволенъ вашею поѣздкою въ Камчатку и результатами оной. Графъ Орловъ пожелалъ меня видѣть, онъ разспрашивалъ меня о Камчаткѣ и китобояхъ; я ему съ жаромъ о нихъ разсказывалъ и графъ *понялъ* меня. Я здѣсь обласканъ властями *до нельзя*“. Эти послѣднія слова относились въ особенности къ кн. А. С. Меншикову и гр. Л. А. Перовскому, которые и въ Высочайше учрежденномъ комитетѣ для разсмотрѣнія представленій Муравьева объ устьѣ р. Амура выступили *рьяными* защитниками дѣйствій Невельскаго и полагали необходимымъ не только утвердить представленія Муравьева, но даже усилить ихъ учрежденіемъ крейсерства въ Амурскомъ лиманѣ и въ Татарскомъ заливѣ. Вслѣдствіе этого послѣдовало 3 февраля 1850 г. Высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора Муравьева: основать въ заливѣ Счастія, т. е. у входа въ лиманъ Амурскій, противъ мыса Головачева, на Сахалинѣ, зимовье-поселеніе.

Исполненіе этого повелѣнія на мѣстѣ и избраніе мѣста для зимовья съ охраненіемъ его командою изъ матросовъ и казаковъ было поручено произведенному тогда же въ капитаны 1-го ранга Г. И. Невельскому, который былъ командированъ для этой цѣли въ распоряженіе генералъ-губернатора. Изъ зимовья этого Россійско-Американская компанія должна была производить расторжку съ гиляками. Въ назначеніи Невельскаго съ командою для охраненія зимовья выразилась первая готовность правительства содѣйствовать упроченію дѣлъ Россійско-Американской компаніи и въ направленіи ея дѣйствій не въ торговомъ только смыслѣ, а въ общихъ правительственныхъ видахъ. Такимъ образомъ, какъ непосредственныя послѣдствія поѣздки Муравьева въ Камчатку, должны были совершиться два дѣла первостепенной важности: 1) поднятіе русскаго флага на материкѣ у самаго входа въ Амуръ, что имѣло для дѣла громадное значеніе въ виду убѣжденія Императора Николая I-го: *„гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ“*, и 2) упраздненіе Охотскаго порта съ перенесеніемъ его въ Петропавловскій портъ на полуостровѣ Камчаткѣ. Для исполненія этой нелегкой задачи М. С. Карсаковъ былъ посланъ въ Охотскъ. 15 апрѣля Карсаковъ вмѣстѣ съ Невельскимъ выѣхали изъ Иркутска. Обоихъ сотрудниковъ своихъ въ этихъ важныхъ дѣлахъ Муравьевъ благословилъ на путь небольшими образками, которые они носили постоянно на груди, дорого цѣня это вниманіе къ нимъ любимаго начальника. Пришлось имъ ѣхать въ самую распутицу; съ ужаснѣйшими затрудненіями добрались они, черезъ Якутскъ, каждый по своему назначенію, Карсаковъ до Охотска, а Невельской до Аяна—и оттуда на транспортѣ „Охотскъ“ въ заливъ Счастія. Съ величайшимъ сочувствіемъ отнеслись къ упраздненію Охотскаго порта почетнѣйшіе члены Императорскаго Географическаго Общества: адмиралъ Литке и другіе. Всѣ мѣропріятія Муравьева къ переносу Охотскихъ учрежденій въ Камчатку и прочія предположенія по морскому управленію симъ краемъ Государь вполнѣ одобрить изволилъ, какъ увѣдомилъ Муравьева кн. А. С. Меншиковъ письмомъ отъ 20 февраля.

Одновременно съ утвержденіемъ представленій Муравьева относительно дѣйствій на устьѣ Амура, Императоръ Николай I изволилъ отозваться графу Перовскому: „Муравьеву не „только можно, но должно сюда прибыть для многихъ объ- „ясненій; жаль только, что онъ пріѣдетъ въ такое время, „когда Я не совсѣмъ свободенъ; хотя можетъ быть обстоя- „тельства Европы и не заставятъ меня быть въ отлучкѣ, но „въ это время года Я всегда занятъ войскомъ. Впрочемъ „все-таки напиши Муравьеву, чтобы сюда пріѣхалъ". Эти указанія Государя побудили Муравьева не слишкомъ торопиться выѣздомъ изъ Иркутска и пріѣздомъ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе что гр. Левъ Алексѣевичъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ извѣстилъ его, что Государь Императоръ предполагалъ 5 или 7 сентября выѣхать для осмотра войскъ въ Южной Россіи, оттуда послѣдуетъ въ Варшаву и возвратится въ Петербургъ черезъ 6 недѣль. „Поэтому, до- ѣхавъ до Москвы, писалъ гр. Перовскій, можетъ быть, не лишнимъ будетъ прежде всего узнать: возвратился ли Госу- дарь Императоръ? если нѣтъ, то остановиться и разсчитать такъ, чтобы быть въ Петербургѣ за нѣсколько дней до пріѣзда Государя".

На сколько оба вопроса о перенесеніи Охотскаго порта и о занятіи устья Амура видимо подвинулись къ вполнѣ удовлетворительной развязкѣ, на столько два другихъ угрожали большими непріятностями для Муравьева, въ виду постоянно повторявшихся напоминаній, что финансовыя дѣла государства въ затруднительномъ положеніи и что нужно изыскать всѣ средства къ увеличенію доходовъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ, для обузданія злоупотребленій по продажѣ вина въ Восточной Сибири, на основаніи акцизно-откупныхъ условій, бывшіе откупщики съ Д. Е. Бенардаки во главѣ сначала рѣшительно отказались принять участіе въ новыхъ торгахъ, запретили своимъ повѣреннымъ содѣйствовать устройству этого дѣла и даже убѣждали другихъ не браться за него. Это былъ своего рода ловкій маневръ. Такъ какъ вопросъ о финансахъ затрогиваетъ самое больное мѣсто всякаго государства и во-

лею неволею всѣ государи и правительства всегда крайне озабочены бываютъ удачнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса, то государственные дѣятели, не сочувствовавшіе образу дѣйствія Муравьева, сильно разсчитывали, что этимъ путемъ удастся имъ поколебать довѣріе Государя къ Муравьеву и свергнуть его съ занимаемаго имъ высокаго поста. Всѣ пружины были пущены въ ходъ для достиженія этой цѣли. Муравьевъ это зналъ; онъ рѣшился неотступно бороться. Въ мартѣ онъ сильно заболѣлъ, мучительныя страданія печени свалили его въ постель, онъ вынужденъ былъ сдать управленіе краемъ заступавшему его мѣсто по гражданскому вѣдомству В. Н. Зарину, а по военному—генералъ-маіору П. Н. Запольскому. Тѣмъ не менѣе откупныя дѣла постоянно его занимали и не давали ему покоя. Пользовавшій его, вмѣстѣ съ Ю. И. Штубендорфомъ, врачъ И. С. Персинъ, отличавшійся удивительнымъ умѣніемъ обращаться со своими паціентами и ловкостью приноравливаться къ ихъ требованіямъ, и въ то же время любимый и уважаемый въ средѣ золотопромышленниковъ и купцовъ, долженъ былъ сдѣлаться посредникомъ по откупному дѣлу между безпокоившимся объ этомъ дѣлѣ больнымъ и тѣми лицами, которыхъ онъ привлекалъ къ этому вопросу, однихъ какъ свѣдующихъ, а другихъ какъ капиталистовъ, которые могли войти въ него. Разсчеты безошибочно показывали, что за это дѣло можно взяться безъ уменьшенія казеннаго дохода и не только безъ убытка, но даже съ значительною выгодою для предпринимателя. Всѣ эти разсчеты были мнѣ хорошо извѣстны, поэтому Муравьевъ поручилъ мнѣ отправиться въ Петербургъ, чтобы доставить министру финансовъ его отзывъ по этому вопросу для назначенія одновременно торговъ въ сенатѣ и въ Иркутскѣ при главномъ управленіи Восточной Сибири, имѣя въ виду, что я, въ случаѣ надобности, могъ бы еще дать устныя объясненія. 9 Мая Муравьевъ потребовалъ меня къ себѣ совершенно неожиданно, какъ всегда. На его страдальческомъ измученномъ болѣзнью лицѣ замѣтно было волненіе. „Хотите ѣхать въ Петербургъ?“ спросилъ онъ меня коротко. „Какъ не хотѣть!“ воскликнулъ

я ему въ отвѣтъ. Мысль, что я послѣ трехъ лѣтъ разлуки опять обниму обожаемыхъ мною старичковъ, отца и мать, увижу братьевъ и сестеръ, встрѣчусь съ товарищами по школьной скамьѣ, мною такъ овладѣла, что я схватилъ руку Муравьева и ее поцѣловалъ. Онъ видимо былъ тронутъ этимъ дѣтскимъ выраженіемъ моей благодарности. „Но уговоръ: не позже 1-го іюня нужно быть въ Петербургѣ".

„За этимъ дѣло не станетъ, коли Богъ милостивъ!" отвѣтилъ я съ твердостью.

„Ну, готовьтесь. Завтра ѣхать". Съ этими словами Муравьевъ меня отпустилъ. На утро меня опять позвали къ нему. Онъ передалъ мнѣ, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ и конфиденціальныхъ писемъ къ министрамъ, написанныя имъ на маленькомъ тоненькомъ листѣ почтовой бумаги соображенія свои по откупному дѣлу, приказалъ мнѣ сѣсть, взять листъ бумаги и перо и продиктовалъ мнѣ цѣлую инструкцію о чемъ и какъ, въ какой мѣрѣ, съ кѣмъ откровенно или сдержанно говорить въ Петербургѣ. „Съ графомъ Перовскимъ обо всемъ совершенно откровенно, съ другими лицами относительно вопроса объ устьяхъ Амура отдѣлывайтесь молчаніемъ или уклончивымъ отвѣтомъ, что вы въ подробности этого дѣла не посвящены", хотя важнѣйшія бумаги по этому вопросу большею частію были переписаны моею рукой; составлялъ ихъ Муравьевъ всегда самъ, своимъ своеобразнымъ слогомъ, дышащимъ энергіею и увѣренностью, что онъ ратуетъ за дѣло правое, какъ истинный патріотъ. Тутъ же Муравьевъ повѣдалъ мнѣ объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ до тѣхъ поръ было извѣстно только одному Карсакову: въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Перовскому Муравьевъ, по возвращеніи изъ Камчатки, упомянулъ, что онъ могъ совершить это путешествіе, которое ему стоило до 12 тыс. руб., только благодаря тому усиленному содержанію, которое Государю угодно было дать ему при самомъ назначеніи его генералъ-губернаторомъ. Гр. Перовскій счелъ справедливымъ возмѣстить Муравьеву этотъ расходъ и довелъ объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Николай Николаевичъ принялъ это за личную себѣ

обиду и на-отрѣзъ отказался отъ предложеннаго вознагражденія. „Если графъ Перовскій съ вами объ этомъ заговоритъ, то вы ему скажете, что я считаю этотъ вопросъ конченнымъ". 10-го мая, вечеромъ, я пустился въ путь подъ проливнымъ дождемъ на перекладной телѣгѣ и въ этомъ незатѣйливомъ экипажѣ я проѣхалъ безостановочно день и ночь 6 тысячъ верстъ до Петербурга. На станціи Средняя Рогатка (Четыре Руки), подъ самымъ Петербургомъ, на свѣту, меня такъ и манило въ Пулково—всего вѣдь шесть верстъ—одна тысячная доля того, что я проѣхалъ! Я только обниму своихъ дорогихъ и поспѣю къ утру въ Петербургъ. Моментъ невыразимой внутренней борьбы... Но сознаніе долга взяло верхъ, я вскочилъ въ телѣгу и помчался въ Петербургъ. 30 мая въ 10 ч. утра я былъ въ пріемной министра внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь меня обдало холодомъ. Директоръ департамента, А. А. Гвоздевъ, сдѣлалъ мнѣ рѣзкое замѣчаніе, какъ я позволилъ себѣ явиться къ его сіятельству въ невыутюженномъ мундирѣ, и только смягчился нѣсколько, когда я ему объяснилъ, что я прямо съ телѣги и едва успѣлъ одѣться, чтобы, согласно приказанію генералъ-губернатора, немедленно представить по принадлежности порученныя мнѣ бумаги. Простите, читатель, что я позволяю себѣ занять ваше вниманіе такими пустяками, но вы увидите, какое значеніе этотъ случай имѣлъ впослѣдствіи для меня. Послѣ сдачи, кому слѣдуетъ, привезенныхъ мною конвертовъ, я, получивъ приказаніе явиться на другое утро за приказаніями, поспѣшилъ переодѣться, забылъ, разумѣется, что мой вице-фракъ лежитъ въ чемоданѣ въ такомъ же измятомъ видѣ, какъ мой мундиръ, и поскакалъ безъ оглядки въ Пулково, оставивъ всѣ мои вещи въ гостиницѣ. На другое утро я надѣлъ вице-фракъ въ такомъ же неприличномъ видѣ, какъ наканунѣ мундиръ, и поѣхалъ къ гр. Перовскому. Но тутъ А. А. Гвоздевъ задалъ мнѣ такую головомойку, какой второй я въ жизни не получалъ, не взирая на всю взыскательность Муравьева по службѣ. Вопросъ объ откупахъ по Восточной Сибири министръ финансовъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, внесъ немедленно

въ комитетъ министровъ. Во время доклада дѣла я сидѣлъ, по желанію министра Вронченко, въ канцеляріи комитета, на случай, что потребуются какія-либо разъясненія къ представленію Муравьева, но никакихъ недоразумѣній не встрѣтили. 7-го іюня уже было отправлено Высочайше утвержденное положеніе съ фельдъегеремъ въ Иркутскъ. Мнѣ было приказано остаться въ Петербургѣ въ ожиданіи пріѣзда генералъ-губернатора. Гр. Перовскій велѣлъ мнѣ, отъ времени до времени, освѣдомляться, не будетъ ли какихъ-либо приказаній. Я явился къ нему какъ-то въ началѣ іюля. Онъ принималъ меня всегда чрезвычайно ласково въ своемъ кабинетѣ, съ величайшею любознательностью разспрашивалъ меня о Сибири, въ особенности о бурятахъ, якутахъ и тунгусахъ. На сей разъ онъ самъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я, для развлеченія, на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга. Я съ радостью согласился на его предложеніе, но только въ такомъ случаѣ, если я могу получить видъ безъ формальнаго отпуска, такъ какъ я имѣлъ въ виду, что можетъ быть впослѣдствіи мнѣ придется воспользоваться отпускомъ.

— Само собою разумѣется. Приходите завтра утромъ въ департаментъ общихъ дѣлъ, я прикажу вамъ выдать видъ на мѣсяцъ.

На другой день прихожу я въ департаментъ. Директоръ Гвоздевъ встрѣчаетъ меня словами:

— Вы желаете куда-то ѣхать? Подайте прошеніе объ отпускѣ, министръ разрѣшилъ.

— Я желалъ бы воспользоваться свободнымъ для меня временемъ безъ формальнаго отпуска, ваше превосходительство, возразилъ я, основываясь на словахъ министра.

— „Этого нельзя!“ былъ короткій и весьма опредѣленный отвѣтъ Гвоздева.

Что же мнѣ оставалось дѣлать, я поклонился и ушелъ. Не идти же жаловаться министру на директора. Черезъ мѣсяцъ приблизительно я явился опять къ графу Перовскому.

„Ну какъ вы съѣздили?“ спросилъ онъ меня.

„Никакъ! ваше сіятельство“.

„Почему, отчего?“

„Да потому, что мнѣ объявили, что безъ формальнаго прошенія объ отпускѣ вида нельзя мнѣ выдавать“.

„Кто вамъ это объявилъ?“

„Его превосходительство Александръ Александровичъ“.

Графъ позвонилъ; входитъ дежурный чиновникъ.

— „Директора Гвоздева попросите ко мнѣ“.

„Онъ уже ушелъ, ваше сіятельство“. „Послать за нимъ!“

Затѣмъ обращаясь ко мнѣ: „приходите завтра въ департаментъ. Видъ безъ отпуска будетъ вамъ выданъ“. Что произошло между министромъ и директоромъ департамента, я не знаю, но на другой день у дежурнаго на столѣ лежалъ уже изготовленный для меня видъ въ томъ смыслѣ, какъ я просилъ. Я росписался въ полученіи и, хотя уже было позднее осеннее время года, волею неволею я поѣхалъ въ Гельзингфорсъ на 10 дней, чтобы только не дать повода къ новымъ толкамъ. Этотъ съ виду ничтожный, но типичный, эпизодъ тяжело отозвался впослѣдствіи на моей службѣ, поэтому я о немъ и вспоминаю. Въ началѣ 1854 года я былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1855 г. причисленъ къ министерству, въ 1856 г. назначенъ Астраханскимъ вице-губернаторомъ, въ 1857 г., по настоянію Его Высочества Константина Николаевича, исправляющимъ должность Астраханскаго губернатора. Въ этой должности я состоялъ пять лѣтъ. За все время, пока А. А. Гвоздевъ былъ директоромъ департамента общ. дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, до выхода моего въ отставку въ 1861 году, въ теченіе 8 лѣтъ, я не получилъ ни одной награды, не былъ утвержденъ въ должности и даже при отставкѣ не удостоился никакого повышенія, между тѣмъ какъ высшее начальство было очень милостиво ко мнѣ расположено.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Иркутска Муравьевъ поручилъ корпуса топографовъ поручику В. В. Ваганову, на преданность котораго онъ могъ разсчитывать, секретную рекогносцировку мѣстностей, прилегающихъ къ правому берегу Амура въ предѣлахъ сѣверной Монголіи. Для этой цѣли Вагановъ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, пере-

шелъ въ августѣ 1850 года рѣку Аргунь около крѣпости Цурухайтуй. Съ того момента о немъ не было получено никакихъ свѣдѣній. Въ 1851 г. мнѣ было поручено развѣдать подъ рукою, нѣтъ ли какихъ-либо слуховъ о Вагановѣ и его спутникахъ. Тогда же говорили, будто онъ убитъ приамурскими орочонами, но ничего вѣрнаго нельзя было узнать. Впослѣдствіи, когда уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Вагановъ погибъ при исполненіи даннаго ему порученія, Кяхтинскій градоначальникъ Н. Р. Ребиндеръ потребовалъ отъ Маймачинскаго Дзаргучея наказанія злоумышленниковъ, лишившихъ его жизни, доставленія останковъ погибшаго и выдачи находившихся при немъ вещей. Вслѣдствіе этого мы предали землѣ въ Иркутскѣ уже въ 1853 г., по обряду православной церкви, доставленныя тогда изъ Кяхты кости Ваганова, самоотверженно принесшаго себя въ жертву за дѣло амурское, а убійцы были казнены въ Маймачинѣ китайскими властями.

Въ ноябрѣ генералъ-губернаторъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, вслѣдъ за нимъ изъ Камчатки М. С. Корсаковъ и съ устья Амура Г. И. Невельской, *поднявшій тамъ 1-го августа на мысѣ Куегдѣ русскій военный флагъ и назвавшій этотъ первый постъ на Амурѣ Николаевскимъ.* О дѣйствіяхъ Невельскаго на Амурѣ Муравьевъ составилъ немедленно для Государя подробную записку, которую онъ имѣлъ счастіе вручить лично Его Величеству. Послѣ этой аудіенціи, состоявшейся въ присутствіи Цесаревича, Государь повелѣлъ разсмотрѣть записку Муравьева въ комитетѣ, *но уже не подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, а подъ предсѣдательствомъ Государя Цесаревича.* Сходя съ лѣстницы Зимняго Дворца, послѣ этой аудіенціи, Муравьевъ вдругъ услышалъ съ верху, что его зовутъ: Муравьевъ! Это его звалъ Наслѣдникъ престола. Муравьевъ поспѣшилъ вернуться. „Амурское дѣло повелѣно разсмотрѣть въ моемъ присутствіи. Будемъ работать и трудиться вмѣстѣ!“ При этомъ Цесаревичъ обнялъ въ порывѣ удовольствія Муравьева и поцѣловалъ его. *Этимъ моментомъ собственно и былъ окончательно рѣшенъ амурскій вопросъ.* Съ какою радостною вѣстью

вернулся Муравьевъ въ гостиницу Hôtel Boucquin (нынѣ Hôtel d'Angleterre на Исакіевской площади), гдѣ мы его ждали въ его квартирѣ въ какомъ-то боязливомъ настроеніи. Это было дѣйствительное торжество при сложившихся въ то время обстоятельствахъ, это было тѣмъ бо́льшее торжество, что устройство винныхъ откуповъ по Восточной Сибири еще не было налажено и положеніе кяхтинской торговли угрожало весьма неблагопріятными послѣдствіями. Торги на содержаніе питейныхъ откуповъ ни въ Иркутскѣ при главномъ управленіи, ни въ сенатѣ не состоялись, таможенныхъ пошлинъ по кяхтинской торговлѣ въ 1849 году поступило меньше на 1.600.000 руб. Государь всѣмъ этимъ былъ крайне озабоченъ. Министръ финансовъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, видимо терялъ голову. По вопросу о кяхтинской торговлѣ онъ затребовалъ, для доклада Императору, свѣдѣнія непосредственно отъ Муравьева, а не отъ директора кяхтинской таможни, какъ это прежде практиковалось по департаменту внѣшней торговли. Относительно откупа онъ писалъ Муравьеву, что, по важности настоящаго дѣла и затруднительности обстоятельствъ, онъ не можетъ вдругъ, безъ ближайшихъ и нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій, рѣшиться на какую-либо мѣру.

Въ такомъ положеніи засталъ Муравьевъ эти дѣла первостепенной важности при пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ.

Много работы предстояло Муравьеву въ Петербургѣ. Съ твердостью взялся онъ за борьбу, которая во всякомъ случаѣ была ему легче въ Петербургѣ, лицомъ къ лицу съ противниками, чѣмъ изъ-за шести тысячъ верстъ. Для усиленныхъ письменныхъ работъ пріѣхалъ къ нему на помощь Дм. Вас. Молчановъ, женившійся въ Иркутскѣ на Е. С. Волконской, когда ей только-что минуло 16 лѣтъ, или даже чуть ли не раньше; она была совершеннымъ ребенкомъ. Молодая красавица, мадамъ Молчанова, дочь именитаго декабриста, обратила на себя вниманіе всего С.-Петербургскаго high-life, въ среду котораго она была немедленно вовлечена силою ея родства съ высшею аристократіею.

Свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій, родной ея дядя, былъ тогда министромъ Императорскаго двора.

Первымъ дѣломъ, подлежавшимъ немедленному разрѣшенію, былъ вопросъ объ устройствѣ продажи вина въ губерніяхъ и областяхъ Восточной Сибири. Отъ разныхъ лицъ были поданы министру финансовъ проекты объ устройствѣ этого дѣла, даже прежніе откупщики, дѣйствія которыхъ Муравьевъ признавалъ положительно вредными для края, позволили себѣ сдѣлать еще разъ попытку, чтобы остаться тамъ при этомъ дѣлѣ. Со всѣхъ сторонъ были пущены въ ходъ происки съ протекціею высокаго и высочайшаго давленія. Муравьевъ стоялъ твердо, но одинъ, какъ гранитная скала среди бурнаго моря. Министръ финансовъ отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность какъ по краткости времени, такъ и новости дѣла, послѣдствія котораго онъ отказывался предусмотрѣть, и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ Императору Николаю, который повелѣлъ представленный Муравьевымъ проектъ разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ въ присутствіи генералъ-губернатора Восточной Сибири. Проектъ, за который стоялъ Муравьевъ, былъ составленъ, по предварительному съ нимъ соглашенію, статскимъ совѣтникомъ Александромъ Кирѣевымъ и Верхотурскимъ 1-й гильдіи купцомъ Ѳедоромъ Соловьевымъ. Новости, за введеніе которыхъ графъ Вронченко не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность, состояли въ томъ, во-первыхъ, что Муравьевъ, во избѣжаніе злоупотребленій при продажѣ полугарнаго вина, не допускалъ раздѣленіе онаго на обыкновенное и улучшенное и, во-вторыхъ, что онъ предполагалъ допустить, по выпускѣ вина изъ магазиновъ контрагента, *свободную* продажу онаго, со взносомъ патентнаго сбора, въ назначенныхъ мѣстахъ и заведеніяхъ, но не иначе какъ на выносъ и при томъ въ запечатанной посудѣ. Мѣра эта должна была быть особенно полезна тѣмъ, что откроетъ соперничество въ продажѣ вина и поведетъ къ уменьшенію числа тѣхъ мѣстъ, гдѣ производится распивочная продажа, чего надо было желать, по убѣжденію Муравьева. Этотъ взглядъ Му-

равьева на вопросъ о продажѣ хлѣбнаго вина въ Россіи, проведенный черезъ высшее правительственное учрежденіе, является основаніемъ всѣхъ преобразованій по этой части законодательства въ послѣдствіи времени. Комитетъ министровъ призналъ объясненіе Муравьева во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворительнымъ и вслѣдствіе этого состоялось наконецъ положеніе, удостоившееся 24 ноября 1850 г. Высочайшаго утвержденія, въ силу котораго управленіе питейными сборами по Восточной Сибири съ 1851 по 1855 г. приняль на себя Верхотурскій 1-й гильдіи купецъ Ѳедоръ Петровичъ Соловьевъ. Для содѣйствія къ скорѣйшей и правильной сдачѣ прежними откупщиками питейнаго управленія Соловьеву и для посредничества между ними въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ немедленно командировать меня изъ Петербурга въ Иркутскъ. Снабженный подробною инструкціею, я выѣхалъ изъ С.-Петербурга 29 ноября, еще на колесахъ, одновременно съ назначеннымъ отъ Соловьева для управленія этими дѣлами коллежск. асс. Гавріиломъ Каспаровичемъ Эрномъ. Въ ночь съ 18-го на 19-е декабря пріѣхали мы въ Иркутскъ. Къ 1-му января 1851 года передача питейнаго управленія отъ прежнихъ откупщиковъ Соловьеву должна была быть совершившимся фактомъ. Привезъ я между прочимъ съ собою въ Иркутскъ Высочайшій приказъ о производствѣ прямо въ статскіе совѣтники старца золотопромышленника, потомственнаго почетнаго гражданина, Ефима Андреевича Кузнецова въ награду за значительныя пожертвованія, сдѣланныя имъ по гражданскому и духовному вѣдомствамъ, для основанія обще-образовательныхъ учебныхъ заведеній, по 350 тыс. по каждому вѣдомству, 125 тыс. на постройку новаго зданія для Иркутскаго института благородныхъ дѣвицъ и 100 тыс. на сооруженіе парохода у соединенія р. Шилки и Онона для сплава по Амуру, когда на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, всего около одного милліона рублей, если считать тѣ, по его понятіямъ, ничтожныя пожертвованія, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 тысячъ, которыя онъ подносилъ генералъ-губернатору при

различныхъ случаяхъ, въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ. За всѣ эти пожертвованія Кузнецовъ получилъ почти одновременно, въ небольшой промежутокъ времени, сперва орденъ Св. Владиміра 3-й степени и потомъ чинъ статскаго совѣтника. Къ счастью наслѣдниковъ Кузнецова, привезенная мною награда не застала его въ живыхъ, онъ скончался за три дня до моего пріѣзда. Еслибы эта награда застала Ефима Андреевича еще такимъ бодрымъ, какимъ онъ былъ до послѣдняго времени, то ихъ наслѣдство уменьшилось бы несомнѣнно еще на милліонъ или другой рублей. Старикъ только и мечталъ о томъ, какъ бы быть произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, чтобы къ нему наравнѣ съ губернаторомъ обращались со словами: „ваше превосходительство", что тогда имѣло громадное значеніе и составляло почти недостижимую мечту самыхъ завзятыхъ честолюбцевъ.

Что же я засталъ въ Иркутскѣ? Полнѣйшій разладъ въ обществѣ! О томъ дружномъ кружкѣ, среди котораго Муравьевъ встрѣчалъ вмѣстѣ съ нами 1-е января 1849 и 1850 г., и помину не было. Еще въ 1849 г. Муравьевъ ходатайствовалъ, чтобы Иркутскій гражданскій губернаторъ, дѣйств. ст. совѣтникъ В. Н. Заринъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ на Кавказѣ въ чинѣ подполковника, былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданскою частью. Этимъ путемъ Муравьевъ желалъ избѣгнуть раздвоенія власти, съ которымъ сопровождалось всякое его отсутствіе изъ Иркутска: на Иркутскаго гражданскаго губернатора возлагалось въ этихъ случаяхъ предсѣдательствованіе въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, а бригадный командиръ вступалъ въ командованіе войсками, въ оной расположенными. Это раздвоеніе власти всегда вредно отзывалось на ходѣ дѣлъ въ отдаленномъ краѣ. Ему было въ этомъ отказано, потому что Императоръ Николай I не допускалъ мысли, чтобы однажды оставившій военную службу могъ бы быть опять въ нее зачисленъ не тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ее оставилъ, а съ переименованіемъ въ тотъ соотвѣтственный чинъ, который онъ выслужилъ по

гражданскому вѣдомству. Между тѣмъ военные офицеры, ничему не учившіеся и никогда не служившіе по гражданскому вѣдомству, постоянно переименовывались въ соотвѣтственные гражданскіе чины, даже съ повышеніемъ, и назначались на высшія должности, не исключая и судебныхъ, требующихъ, кажется, непремѣнно спеціальной подготовки. Таковъ былъ духъ времени, какъ свидѣтельствуетъ продолжительная переписка объ этомъ вопросѣ Муравьева съ графомъ Л. А. Перовскимъ, который приводитъ всего только одинъ случай въ видѣ изъятія изъ этого правила, и то имѣвшій совершенно особую подкладку. Предпочтеніе отдавалось всегда военнымъ, какъ будто лицамъ болѣе способнымъ все постичь и все объять по складу своего ума и по образу воспитанія. Подъ давленіемъ этого духа времени находился отчасти и Н. Н. Муравьевъ. Нерѣдко, оставаясь очень доволенъ какимъ-либо моимъ дѣйствіемъ или распоряженіемъ, онъ говаривалъ мнѣ: „Да вы родились для военной службы, вы не гражданскій чиновникъ“. Частенько мы съ нимъ объ этомъ спорили. Остававшіеся, за отсутствіемъ Муравьева, двѣ главы мѣстнаго главнаго управленія, гражданскаго и военнаго, Заринъ и Запольскій перессорились между собою и все общество, вслѣдствіе этого, разумѣется, раздѣлилось на два лагеря. Оба, и Заринъ, и Запольскій, были люди дѣльные, оба трудились, повидимому, на пользу дѣла,—за Зарина я и тогда и теперь готовъ головою ручаться въ этомъ отношеніи,—но Заринъ скромный, сдержанный, мало говорившій и много дѣлавшій, а Запольскій быстрый, рѣзкій и языкомъ своимъ натворившій много зла—два элемента не соединимые, какъ Муравьевъ ни старался ихъ соединить. Въ этомъ видѣ представлялось и все тогдашнее общество г. Иркутска. Мнѣ, пріѣхавшему изъ Петербурга съ точными указаніями отъ главнаго начальника края, пришлось почти девять мѣсяцевъ изворачиваться между этими непріязненными настроеніями; я не имѣлъ права пристать ни къ одной, ни къ другой сторонѣ, хотя, признаться, я всегда съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относился къ симпатичной для меня личности В. Н. Зарина и

къ его семейству. Мнѣ удалось все время выдержать роль и быть соединительнымъ звеномъ между обоими управленіями. Заринъ въ своихъ бумагахъ и письмахъ ко мнѣ прямо писалъ: „не имѣя возможности вступить въ непосредственные, личные переговоры съ генералъ-маіоромъ Запольскимъ, я поручаю вамъ“ и т. д. Дѣло дошло до того, что скромный, но стойкій В. Н. Заринъ, не считая возможнымъ продолжать службу совмѣстно съ Запольскимъ, подалъ прошеніе о переводѣ его въ одну изъ внутреннихъ губерній или даже объ увольненіи его въ отставку. Муравьеву Запольскій былъ нуженъ, въ виду предстоявшаго образованія Забайкальскаго казачьяго войска на основаніяхъ, изложенныхъ въ всеподд. рапортѣ его отъ 15 мая 1849 г., и хотя онъ въ душѣ глубоко уважалъ Владиміра Николаевича, но онъ считалъ его для предпринимаемыхъ имъ по всей Сибири преобразованій не довольно быстрымъ,—онъ требовалъ болѣе ретиваго исполнителя своихъ предначертаній, безусловно, въ данный моментъ, только исполнителя. По ходатайству Муравьева, находившагося, какъ извѣстно читателю, въ Петербургѣ, Заринъ былъ переведенъ въ Курскъ, вмѣсто его былъ назначенъ генералъ-маіоръ К. К. Венцель, изъ офицеровъ генеральнаго штаба, Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ, а Запольскій изъ бригадныхъ командировъ былъ переименованъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска. Я нѣсколько забѣжалъ впередъ, чтобы доказать и этимъ случаемъ, какъ послѣдовательно Муравьевъ дѣйствовалъ въ дѣлѣ осуществленія задуманныхъ имъ преобразованій: въ видахъ достиженія цѣли онъ, по неволѣ, временно подчинялся настоятельному требованію момента, оставляя въ сторонѣ свои внутреннія влеченія. Его государственный умъ всегда руководилъ его сердцемъ. Крайне требовательный по службѣ, онъ въ то же время былъ очень добръ, и всѣ тѣ, которые обращались къ нему съ какою-либо просьбою, всегда встрѣчали въ немъ человѣка вполнѣ отзывчиваго. Возвращаюсь къ изложенію послѣдствій данныхъ мнѣ порученій. Гавр. Касп.

Эрнъ молодцомъ распорядился сперва проѣздомъ черезъ Красноярскъ, а потомъ изъ Иркутска относительно Забайкальскаго края и Якутска, куда всѣ распоряженіи были посланы по эстафетѣ. Праздники Рождества Христова я провелъ еще въ Иркутскѣ, а новый годъ, 1-го января 1851 г., я встрѣтилъ одинъ въ занятіяхъ, за Байкаломъ въ г. Верхнеудинскѣ, откуда начался мой объѣздъ губерній Восточной Сибири для наблюденія за устройствомъ питейныхъ сборовъ на основаніи новыхъ правилъ. Съ 27 декабря по 23 марта я объѣхалъ всѣ главныя мѣста склада и продажи вина по Забайкалью, Иркутской и Енисейской губерніямъ отъ запада на востокъ, отъ Ачинска до Усть-Стрѣлки и до соединенія Шилки и Аргуни, образующихъ въ этомъ мѣстѣ р. Амуръ, съ юга на сѣверъ, отъ Троицкосавска на китайской границѣ до Туруханска на сѣверѣ Енисейской губерніи. Во время этого объѣзда я впервые познакомился съ декабристами: въ Читѣ съ Д. И. Завалишинымъ, въ Селенгинскѣ съ Ник. Алекс. Бестужевымъ и въ Красноярскѣ съ Василіемъ Львовичемъ Давыдовымъ, а въ Шилкинскомъ и Александровскомъ заводахъ Нерчинскаго горнаго округа я встрѣтился съ Мих. Вас. Буташевичемъ-Петрашевскимъ, котораго я раньше зналъ еще въ Петербургѣ, и съ принадлежавшими въ 1848 г. къ его кружку Львовымъ, Григорьевымъ, Спѣшневымъ и Монбелли. Почтенная личность Н. А. Бестужева произвела на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Свѣтлость его взгляда на современныя событія, опредѣленность его сужденій о далеко еще не совсѣмъ обрисовавшейся дѣятельности Муравьева, труженическая дѣятельность его самого среди мѣстнаго населенія съ цѣлью распространенія образованія, отзывчивость его на все хорошее и изящное въ области науки и художества, все это вмѣстѣ соединенное въ одномъ лицѣ представлялось мнѣ такимъ радужнымъ явленіемъ, что мнѣ казалось, что въ общеніи съ нимъ человѣкъ долженъ просвѣтлѣть и становиться лучше. По поводу предстоявшаго освобожденія Нерчинскихъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, согласно предположенію Муравьева,

съ перечисленіемъ ихъ въ казачье сословье, у насъ завязался длинный разговоръ вообще о крѣпостномъ сословіи въ Россіи. Бестужевъ сообщилъ мнѣ о взглядѣ декабристовъ на крестьянскій вопросъ и о томъ, что они всѣ признавали необходимость безусловнаго упраздненія крѣпостнаго права. При этомъ онъ упомянулъ о полученномъ имъ отъ С. Г. Волконскаго, для прочтенія, сочиненіи Н. И. Тургенева „la Russie et les Russes“, которымъ онъ былъ очень недоволенъ, въ особенности потому, что Тургеневъ не признавалъ значенія общиннаго владѣнія, вслѣдствіе чего и допускалъ возможность освобожденія крестьянъ безъ земли. Умеръ Н. А. Бестужевъ въ 1855 году, совершивъ едва-ли кому-либо извѣстный подвигъ истиннаго человѣколюбія: возвращаясь въ мартѣ изъ Иркутска въ Селенгинскъ, онъ нагналъ на Байкалѣ двухъ пѣшихъ старушекъ-странницъ, при постепенно усиливавшейся метели. Онъ вышелъ изъ своей повозки, усадилъ въ нее этихъ старушекъ, а самъ сѣлъ на козлы и такъ продолжалъ переправу черезъ Байкалъ. При этомъ онъ простудился; пріѣхавъ въ Селенгинскъ, слегъ въ постель и чрезъ нѣсколько дней скончался, какъ праведникъ. Д. И. Завалишину я обязанъ массою крайне интересныхъ и важныхъ свѣдѣній объ образѣ дѣйствіи мѣстнаго купечества и о степени благонадежности чиновниковъ горнозаводскаго и губернскаго вѣдомствъ. Буташевичъ-Петрашевскій и въ ссылкѣ оказался такимъ же, какимъ я его зналъ въ Петербургѣ, т. е. человѣкомъ крайне не деликатнымъ, тщеславнымъ, желающимъ только вездѣ играть роль, чтобы на него указывали, не имѣющимъ въ существѣ никакой серьезной цѣли. Начальникъ Шилкинскаго завода дѣлалъ содержавшимся у него въ заключеніи Буташевичу-Петрашевскому и другимъ всякаго рода облегченія въ ихъ участи. Безтактность и недостатокъ деликатности со стороны Буташевича въ пользованіи этимъ снисхожденіемъ дали поводъ, что на это было обращено вниманіе высшаго правительства въ столицѣ, вслѣдствіе чего послѣдовало распоряженіе о недопущеніи подобнаго послабленія, которое имѣло видъ глумленія надъ строгостью закона. Позднѣйшіе

поступки Буташевича-Петрашевскаго вполнѣ подтверждаютъ отсутствіе въ немъ всякой добросовѣстности.

Хотя 15 января 1851 г. и было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о дополненіи и измѣненіи дѣйствовавшихъ тогда правилъ кяхтинскаго торга, но въ существѣ эти измѣненія не имѣли никакого значенія, а Муравьевъ, по обстоятельствамъ, не считалъ тогда еще своевременнымъ и возможнымъ настаивать на измѣненіи этихъ правилъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ смотрѣлъ на это дѣло. Тѣмъ не менѣе это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта достойно вниманія въ томъ отношеніи, что сколько до этого времени большая часть высшихъ административныхъ лицъ и мѣстъ въ Петербургѣ видимо и не безъ цѣли какъ будто хотѣли игнорировать мѣстнаго главнаго начальника, столько, какъ доказываетъ это мнѣніе, съ начала 1851 г. послѣдовалъ замѣчательный поворотъ въ этомъ направленіи: по всѣмъ предположеніямъ и распоряженіямъ, касавшимся Восточной Сибири, но не требовавшимъ *безотлагательнаго* утвержденія, повелѣно было таковыя внести на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій *непремѣнно черезъ посредство и съ мнѣніемъ* генералъ-губернатора Восточной Сибири, а мѣры, разрѣшаемыя по спѣшности безъ предварительнаго заключенія генералъ-губернатора, приводить въ дѣйствіе *лишь въ видѣ опыта*. Этотъ поворотъ можетъ быть объясненъ только тѣми выраженіями личнаго довѣрія, котораго удостоивали Муравьева Императоръ Николай I и тогдашній Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

12 Февраля 1851 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета подъ предсѣдательствомъ Государя Цесаревича по дѣламъ Амурскимъ, коимъ повелѣвалось учредить Амурскую экспедицію подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Невельскаго. Эта экспедиція должна была состоять подъ главнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство было увѣдомлено, по Высочайшему повелѣнію, что Россійское Императорское правительство прини-

маетъ на себя наблюденіе за устьемъ р. Амура. Карсакову и Невельскому опять приходилось ѣхать вмѣстѣ до Якутска, такъ какъ Карсакову было поручено избрать въ теченіе лѣта 1851 года мѣста поселенія для вновь устраиваемаго Якутско-Аянскаго тракта. Но Невельской попался въ плѣнъ, какъ писалъ Муравьевъ графу Перовскому, который, читая эти слова, въ первую минуту принялъ это извѣстіе въ буквальномъ смыслѣ и испугался, не понимая впрочемъ, кто могъ его взять въ плѣнъ; но увидѣвъ, что дѣло идетъ о женитьбѣ Невельскаго, проѣздомъ черезъ Иркутскъ, на племянницѣ Зарина, совершенно успокоился и даже былъ этому очень радъ, потому что бѣдняку не будетъ такъ скучно, какъ онъ выразился, въ глуши, куда занесенъ судьбою. Карсаковъ уѣхалъ еще зимнимъ путемъ въ Якутскъ, а Невельской остался до перваго сплава. Имя Екатерины Ивановны Невельской, урожденной Ельчаниновой, по всей справедливости, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи Амурской экспедиціи. По словамъ очевидца, не смотря на всѣ неимовѣрныя лишенія и трудности, которыя приходилось ей переносить вмѣстѣ съ другими членами этой экспедиціи, никто никогда не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы или упрека, напротивъ, всѣ всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначало ей Провидѣніе. Ея примѣръ благодѣтельно дѣйствовалъ на всѣхъ.

Почти одновременно съ учрежденіемъ Амурской экспедиціи, нѣсколько ранѣе, 4-го января 1851 года, было Высочайше утверждено положеніе объ Иркутскихъ и Енисейскихъ казачьихъ конныхъ полкахъ съ зачисленіемъ въ составъ этихъ полковъ нѣкоторыхъ селеній государственныхъ крестьянъ, что дало возможность окончательно осуществить передвиженіе линейныхъ баталіоновъ въ Забайкальскій край. Передача этихъ полковъ изъ гражданскаго вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго они прежде состояли, военному, съ перечисленіемъ указанныхъ селеній, предсѣдательствующимъ въ главномъ управленіи Заринымъ была поручена мнѣ. Временно командовавшій войсками генералъ-

маіоръ Запольскій почелъ своею обязанностью лично объявлять по селеніямъ объ этой Высочайшей волѣ. Сопутствуя ему, я былъ пораженъ, съ какою радостью казенные крестьяне встрѣчали вѣсть о перечисленіи ихъ въ казачье сословіе, тогда какъ губернское начальство почему-то ожидало совершенно противное и предписаніемъ на имя мѣстнаго исправника поручило ему даже озаботиться, чтобы жителямъ этихъ селеній заранѣе не было извѣстно о настоящей Высочайшей волѣ. Объ этомъ фактѣ я сообщилъ Муравьеву въ Петербургъ частнымъ письмомъ, въ увѣренности, что это доставитъ ему большое удовольствіе, въ виду предстоявшаго въ томъ же году перечисленія 27 тыс. душъ горнозаводскихъ крестьянъ въ Забайкальское казачье сословіе, о которомъ много рядили и толковали вкривь и вкось. Едва успѣлъ я окончить это порученіе, сравнительно легкое и пріятное, какъ на меня возложили рядъ удостовѣреній крайне тяжелыхъ и отвѣтственныхъ по Нерчинскому горному округу, я говорю тяжелыхъ потому, что трудно даже представить, какое тамъ было царство злоупотребленій и лжи, и отвѣтственныхъ потому, что мнѣ приходилось почти поголовно обвинять всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, а между тѣмъ я боялся впасть въ ошибку, очернивъ напрасно, можетъ быть, невиннаго. Производимыя мною дознанія, разумѣется, были поводомъ, что я подъ различными предлогами входилъ въ разспросы и бесѣды съ людьми самаго разнороднаго положенія на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ и золотыхъ промыслахъ. Между прочимъ, мнѣ пришлось встрѣтить въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ бывшаго ссыльно-каторжнаго, тогда уже старика-поселенца изъ евреевъ, Цейзига, занимавшагося въ то время съ большимъ искусствомъ лѣпными работами изъ разноцвѣтной глины, въ особенности сценъ изъ жизни Христа Спасителя. Я потребовалъ его къ себѣ подъ предлогомъ, что желаю видѣть и купить что-нибудь изъ его лѣпныхъ работъ. Показывая мнѣ свои произведенія, онъ вдругъ спросилъ меня на чисто нѣмецкомъ языкѣ, не сынъ ли я знаменитаго астронома Струве. Пораженный этимъ вопросомъ, я его спросилъ: да что ты знаешь про астронома Струве? Въ отвѣтъ

на это, онъ мнѣ назвалъ нѣсколько сочиненій отца. Потомъ онъ заговорилъ по-французски и, наконецъ, даже по-англійски. „Какъ же ты, Цейзигъ, такой порядочно образованный человѣкъ, дошелъ до такой низости, что занимался дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій, за что́ и попалъ на каторгу? спросилъ я его, глядя на него съ изумленіемъ.—„Я дѣлалъ ассигнаціи на манеръ русскихъ, но не какъ фальшиво-монетчикъ, а какъ директоръ банка польскаго правительства во время возстанія 1831 года“, отвѣтилъ онъ мнѣ съ увѣренностью, что этимъ оправдывается его преступленіе, и что онъ вовсе не простой какой-нибудь преступникъ. Послѣ долгихъ развѣдываній по различнымъ порученнымъ мнѣ дѣламъ я поставилъ ему вопросъ: „Какъ же ты объяснишь мнѣ, что горный начальникъ Иванъ Никифоровичъ Ковригинъ, который, какъ мнѣ извѣстно, очень хорошій человѣкъ, допускаетъ такія невѣроятныя злоупотребленія?“ „Ахъ, ваше высокоблагородіе,—былъ его отвѣтъ,—развѣ это можетъ быть иначе? Горному начальнику стоитъ одного только взять за ухо—пятьдесятъ закричатъ, все вѣдь родня; такъ онъ, чтобы не слышать этого крика, затыкаетъ себѣ уши, закрываетъ глаза и на все махаетъ рукою“. Дѣйствительно, въ Нерчинскомъ горномъ округѣ тогда всѣ такъ между собою перероднились, начиная отъ горнаго начальника до послѣдняго унтеръ-шихтмейстера и нарядчика, отъ купца до крестьянина и даже рабочаго, что начальникъ не могъ преслѣдовать никого, не задѣвая въ то же время цѣлую фалангу своей ближайшей родни. Волею неволею онъ закрывалъ глаза на многое, чего старался не видѣть, лишь бы только самому уцѣлѣть. Въ Нерчинскомъ округѣ высшее духовное начальство, чтобы дать возможность жениться, было вынуждено разрѣшать браки между лицами, состоящими въ болѣе близкомъ родствѣ, чѣмъ это дозволяется общими каноническими законами.

Только 12-го августа Муравьевъ вернулся изъ Петербурга въ Иркутскъ, послѣ разсмотрѣнія тамъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ требовались отъ него личныя объясненія. Результатъ его почти осьмимѣсячнаго пребыванія въ Пе-

тербургѣ былъ самый блистательный какъ по существу разрѣшенныхъ дѣлъ, такъ и по краткости времени, въ теченіе котораго удалось провести черезъ министерства и высшія законодательныя инстанціи всѣ тѣ преобразованія, которыми обусловливалось дальнѣйшее развитіе обширнаго края, имъ управляемаго. Твердая воля Императора Николая I проявилась тутъ во всей своей силѣ: онъ повелѣлъ „*чтобы Муравьевъ, по поводу разсмотрѣнія его предположеній, не былъ задержанъ въ Петербургѣ долѣе, чѣмъ нужно*“, и никакой антагонизмъ въ высшей сферѣ правительственныхъ лицъ и учрежденій, никакія усилія бюрократіи не были въ состояніи затормозить ходъ дѣлъ сибирскаго преобразованія, потому что Государь хотѣлъ его двинуть впередъ. Состоялось и Высочайше было утверждено положеніе о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ на тѣхъ основаніяхъ и въ томъ видѣ, какъ Муравьевъ ходатайствовалъ; области Забайкальская и Якутская были отдѣлены отъ управленія Иркутскою губерніею, и мѣстное управленіе этими областями, на правахъ самостоятельнаго губернскаго, должно было внести новую жизнь въ эти забытыя окраины; учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства открыло возможность ближайшихъ сношеній съ китайскими властями, чтобы болѣе внушительно показать имъ цѣль нашихъ стремленій на востокѣ и вселить въ нихъ довѣріе къ нашей силѣ; открытіе *Сибирскаго* отдѣла Императорскаго Географическаго Общества еще разъ доказало, какъ это Общество понимало свое географическое призваніе, какъ оно должно быть не только географическимъ, но именно *русскимъ* Обществомъ, не просто лишь ученое Общество, а Общество *учено-патріотическое*. Оно признало важнѣйшимъ событіемъ 1851 года въ отношеніи своей дѣятельности учрежденіе Сибирскаго отдѣла подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Открывая дѣйствія Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ, Муравьевъ прекрасно очертилъ предстоявшую этому отдѣлу дѣятельность, обращаясь къ намъ, только-что избраннымъ новымъ членамъ Общества: „Три вѣка тому назадъ,—говорилъ „Николай Николаевичъ,—достославные наши предки завое-

„вали Сибирь въ вѣчное достояніе Россіи, не многочислен-„ностью дружинъ своихъ, но твердостью въ своихъ начи-„наніяхъ, постоянною ревностью къ дѣлу и стремленіемъ „заслужить похвалу Царя и отечества. Такъ предстоитъ „нынѣ нашему отдѣлу пріобрѣсть страну эту для Россіи въ „ученомъ отношеніи не многочисленностью ученой нашей „дружины, но постоянными трудами и ревностнымъ стрем-„леніемъ исполнить Высочайшую волю и оправдать довѣріе „Августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Константина „Николаевича“.

Немедленно по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ, Муравьевъ предпринялъ объѣздъ вновь образуемой Забайкальской области и обозрѣніе станицъ, имѣющихъ входить въ Забайкальскія казачья войска въ новомъ ихъ составѣ. Бывшимъ горнозаводскимъ крестьянамъ объявляли освобожденіе ихъ отъ того тяжелаго крѣпостнаго положенія, подъ гнетомъ котораго они потеряли чувство самосознанія и коснѣли въ невѣжествѣ. Это было одно изъ началъ положенія 19-го февраля 1861 года, несомнѣнно сознательно подготовленнаго твердою рукою Императора Николая I. Въ качествѣ управляющаго путевою канцеляріею генералъ-губернатора Муравьева, во время этого объѣзда Забайкальской области, я былъ свидѣтелемъ той неподдѣльной радости и того восторга, съ которымъ все населеніе Нерчинскаго горнаго округа встрѣчало виновника освобожденія его отъ горнозаводскихъ работъ и повинностей, какъ воспрянуло духомъ Забайкальское казачье сословіе, ободренное вниманіемъ, котораго его удостоилъ Царь. Обо всемъ этомъ Муравьевъ, разумѣется, донесъ во всей подробности Государю и въ то же время писалъ частно вновь назначенному военному министру кн. Вас. Анд. Долгорукому, который не замедлилъ увѣдомить Муравьева, что полученныя извѣщенія были „*весьма пріятны Его Величеству*“. Эти слова имѣли тѣмъ большее значеніе, что невѣжество и заблужденіе многихъ, какъ писалъ генералъ-маіоръ (нынѣ генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта) А. И. Веригинъ, не переставали преслѣдовать Муравьева упре-

ками за образованіе Забайкальскаго атаманства и отдѣльнаго областнаго управленія и за переводъ линейныхъ баталіоновъ въ Забайкалье. Въ подкрѣпленіе своей агитаціи противъ Муравьева злые языки болѣе чѣмъ за десять тысячъ верстъ отъ мѣстъ, о которыхъ они повѣствовали, распускали нелѣпые, но упорно повторяемые, слухи, будто китайцы выставили 100 т. войска на границѣ и заперли входъ въ Маймачинъ, вслѣдствіе посланной Муравьевымъ экспедиціи для изслѣдованія береговъ Амура и выражали опасеніе, что китайцамъ не понравится учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства и что Ургинскіе правители можетъ быть даже не захотятъ сноситься съ Кяхтинскимъ градоначальникомъ вмѣсто Иркутскаго губернатора. Хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Восточной Сибири и поэтому одинъ изъ лучшихъ судей всего, въ то время тамъ происходившаго, А. И. Веригѝнъ, нисколько не довѣрявшій этимъ слухамъ, но не желая быть въ Петербургѣ *безгласнымъ* слушателемъ могущихъ быть различныхъ сужденій по симъ предметамъ, говорилъ и писалъ: „Еслибы даже дѣйствительно китайцы приняли нѣкоторыя мѣры осторожности, то пугаться этого нечего; пора дать почувствовать нашу силу и наше могущество на Востокѣ". Всѣ эти слухи были плодъ празднаго воображенія и злорадства противъ Муравьева: никакихъ 100 тыс. войска китайцы не выставляли на границѣ и воротъ Маймачинскихъ не закрывали, напротивъ Ургинскіе правители, какъ сообщилъ между прочимъ Муравьевъ Великому Князю Константину Николаевичу въ отвѣтъ на милостивый рескриптъ Его Высочества отъ 1-го октября 1851 года,—„поспѣшили войти въ сношеніе со вновь назначеннымъ въ Кяхту градоначальникомъ Н. Р. Ребиндеромъ и присланные ими въ Троицкосавскъ курьеры изъявляли удовольствіе своихъ начальниковъ по случаю этой перемѣны въ убѣжденіи, что сближеніе губернской нашей власти къ границѣ послужитъ лишь къ скорѣйшему разрѣшенію могущихъ возникать по пограничнымъ дѣламъ вопросовъ". Его Императорское Высочество Константинъ Николаевичъ, съ удовольствіемъ вспоминая любопытные разсказы Муравьева о дѣлахъ Восточ-

ной Сибири и въ особенности объ экспедиціи Невельскаго [1]), милостивымъ рескриптомъ отъ 1-го октября 1851 г. изъ г. Павловска, просилъ его „продолжать иногда сообщенія на письмѣ съ тою же откровенностью, которая была въ устной бесѣдѣ". Съ этого времени начинается постоянный обмѣнъ мыслей между Его Высочествомъ и Муравьевымъ по дѣлу Амурскому, развитію котораго генералъ-адмиралъ оказывалъ свое неизмѣнное высокое покровительство и всесильное содѣйствіе.

Дѣло освобожденія крестьянъ отъ обязательныхъ работъ на заводахъ и фабрикахъ, начатое перечисленіемъ 27 тыс. горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго округа въ казачье сословіе, Муравьевъ продолжалъ въ концѣ этого же 1851 г. и по отношенію къ находящейся близъ Иркутска поссессіонной Тальцинской фабрикѣ. По его приказанію я вытребовалъ изъ Иркутскаго губернскаго правленія всѣ дѣла, касавшіяся основанія и преобразованія этой фабрики, равно какъ и всѣ дѣла, когда-либо производившіяся и тогда еще состоявшія въ производствѣ по обоюднымъ претензіямъ владѣльцевъ и рабочихъ этой фабрики, и долженъ былъ приступить къ составленію проекта положенія, имѣвшаго цѣлью прекращеніе всѣхъ этихъ обязательныхъ отношеній и водвореніе *основаній вольнаго труда*. Муравьевъ имѣлъ на эти вопросы совершенно опредѣленный взглядъ, выработанный особенно во время бытности его Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось окончить это порученіе, занимавшее меня въ высшей степени вслѣдствіе тѣхъ практическихъ указаній, которыми снабдилъ меня Муравьевъ и тѣхъ основныхъ началъ, которыя онъ мнѣ преподалъ. По особому, для меня весьма лестному, порученію пришлось мнѣ въ началѣ декабря 1851 г. ѣхать въ Якутскъ. Положеніе объ управленіи Якутскою областью, отдѣленной

[1]) Невельской съ 1836 года въ продолженіи 7 лѣтъ былъ вахтеннымъ лейтенантомъ великаго князя Константина Николаевича, когда Его Высочество въ отроческомъ возрастѣ начиналъ свое морское поприще.

отъ Иркутской губерніи, и объ открытіи тамъ и въ Забайкальской области областныхъ учрежденій на правахъ губернскихъ хотя и было 11 іюля 1851 г. Высочайше-утверждено, но назначеніе въ Якутскъ губернатора почему-то замедлилось. Между тѣмъ Муравьевъ хотѣлъ, чтобы обѣ новыя области были непремѣнно открыты къ наступавшему 1852 году. Въ Забайкальскую область былъ назначенъ находившійся уже на мѣстахъ, въ качествѣ наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Запольскій. Открытіе Якутской области и введеніе тамъ новыхъ областныхъ учрежденій Муравьевъ возложилъ на меня. Выборъ хорошихъ чиновниковъ въ Сибири крайне затруднителенъ. На мое счастье Муравьевымъ, въ бытность его въ Петербургѣ, было принято на службу въ Сибирь нѣсколько молодыхъ людей, которые согласились ѣхать со мною въ Якутскъ: А. А. Ганъ въ качествѣ областнаго прокурора, Н. Д. Свербеевъ и П. А. Налабардинъ чиновниками особыхъ порученій и И. Григ. Яковенко, возвращавшійся изъ Охотска на свою родину, въ Малороссію, послѣ пятилѣтней службы въ непривѣтливомъ приморскомъ краѣ, согласился еще разъ вернуться въ глушь сибирскую на должность совѣтника областнаго правленія. Съ этимъ небольшимъ числомъ честныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ я выѣхалъ изъ Иркутска 11 декабря и, разумѣется, мы должны были ѣхать безостановочно и безъ отдыха, чтобы поспѣть въ Якутскъ за 2,400 верстъ, на столько благовременно, чтобы 1 января 1852 г., согласно распоряженію генералъ-губернатора, открыть тамъ новыя областныя учрежденія. Въ моемъ формулярномъ спискѣ значится, что я *открылъ* 1 января 1852 года Якутскую область, какъ будто эта область раньше не была извѣстна, а я, какъ Христоферъ Колумбъ, открылъ новую невѣдомую страну. Эта канцелярская недомолвка впослѣдствіи нерѣдко подавала поводъ и къ веселому смѣху при воспоминаніи въ дружескомъ кругу о хорошемъ былomъ, и къ ироническимъ, злостнымъ насмѣшкамъ со стороны лицъ нерасположенныхъ ко мнѣ, а измѣнить никакъ нельзя: „что написано перомъ, не вырубишь топоромъ“.

Б. СТРУВЕ.

*
* *

Есть одиночество—въ тиши,
Вдали людей, вблизи природы—
Полно задумчивой свободы,
Оно цѣлебно для души;
Въ немъ утихаютъ сердца бури,
Въ немъ думы, какъ цвѣты полей,
Какъ звѣзды въ тьмѣ ночной лазури,
Сіяютъ чище и свѣтлѣй.

Есть одиночество иное—
Его, мой другъ, не знаешь ты:
Кругомъ холодное, чужое,
Бушуетъ море суеты;
Шумитъ толпа, конца нѣтъ бою
Ея слѣпыхъ безумныхъ волнъ;
Напрасно къ пристани, къ покою
Стремится сердца утлый челнъ.
О, никогда, никто въ пустынѣ
Такъ не забытъ, не одинокъ,
Какъ это сердце въ злой пучинѣ
Чужихъ страстей, чужихъ тревогъ!

ГР. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

НУЖДЫ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ.[1]

(*Окончаніе*).

IV.

Земское представительство.

Внесенный на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта министерскій проектъ придаетъ особую важность умственному и нравственному уровню общественныхъ классовъ, т. е. сословій, призываемыхъ къ участію въ земскихъ дѣлахъ, и распредѣляетъ избирательныя права по относительной политической правоспособности каждой сословной группы собственниковъ. Составители проекта справедливо полагаютъ, что представительство, призываемое къ завѣдыванію общественными дѣлами, въ томъ только случаѣ можетъ оказаться вполнѣ удовлетворительнымъ и цѣлесообразнымъ, если при распредѣленіи избирательныхъ правъ принято будетъ во вниманіе не одно лишь количество собственности, но также и качество собственниковъ.

Съ этой точки зрѣнія, въ виду первенствующаго значенія дворянства, какъ сословія служилаго, проникнутаго бо́льшимъ, чѣмъ прочіе классы населенія, сознаніемъ общественнаго долга, притомъ какъ сословія наиболѣе образованнаго, нельзя не признать, что *государственная* польза требуетъ привлеченія дворянъ въ бо́льшемъ, чѣмъ лицъ другихъ состояній, числѣ къ земскому представительству. Мѣра эта представляется тѣмъ болѣе правильною, что, по основ-

[1]) См. Р. В. 1888 г. № 3.

ной мысли проекта, присутствованіе въ земскомъ собраніи въ качествѣ гласнаго признается *обязанностью*, своего рода *государственною повинностью*.

Участіе въ земскомъ представительствѣ духовенства предположено въ очень ограниченномъ размѣрѣ и на совершенно новыхъ основаніяхъ.

Еще при разработкѣ нынѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, Московскій митрополитъ Филаретъ и высшіе представители вѣдомства православнаго исповѣданія указывали на то, что привлеченіе лицъ духовнаго званія къ участію въ дѣлахъ земства не согласовалось бы съ каноническими правилами православной церкви. Но Государственный Совѣтъ, устранивъ это возраженіе, призналъ необходимымъ предоставить священнослужителямъ право участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ и быть избираемыми въ гласные. Свое мнѣніе Государственный Совѣтъ обосновывалъ необходимостью защиты матеріальныхъ интересовъ церкви и охраны нравственно-религіозныхъ началъ въ вопросахъ народнаго образованія, призрѣнія и благотворенія, подлежащихъ вѣдѣнію земства, а также полезностью усиленія вліянія духовенства (преимущественно на окраинахъ и въ мѣстностяхъ, населенныхъ раскольниками) посредствомъ мѣры, дающей ему возможность принимать на себя защиту интересовъ мѣстныхъ жителей въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія [1]). На практикѣ же оказалось:

Во-первыхъ, большая часть церковныхъ недвижимыхъ имуществъ, а именно земли и угодья, отведенныя на содержаніе церквей и причтовъ, монастырей и архіерейскихъ домовъ, изъята отъ земскаго обложенія, а потому матеріальные интересы церкви въ земствѣ крайне незначительны и конечно не требуютъ самостоятельнаго представительства.

Во-вторыхъ, несомнѣнно важно религіозно-нравственное вліяніе на дѣла народнаго образованія, призрѣнія и благотворенія, но вліяніе это едва-ли обезпечивается участіемъ приходскаго духовенства въ избирательныхъ съѣздахъ, по-

[1]) Матер. по земск. общ. устр., изд. хоз. деп., т. II, стр. 510—515.

тому что самое избраніе въ гласные членовъ этого духовенства зависитъ отъ многихъ случайностей и нерѣдко бываетъ, что въ числѣ избранныхъ гласныхъ не оказывается ни одного священнослужителя.

Въ-третьихъ, участіе духовенства въ избирательныхъ интригахъ и въ борьбѣ земскихъ партій, которая ведется обыкновенно на почвѣ мелкихъ матеріально-эгоистическихъ интересовъ, менѣе всего способствуетъ усиленію его нравственнаго вліянія, въ особенности въ средѣ иновѣрческаго или раскольничьяго населенія.

Въ виду такой дѣйствительности, вовсе не оправдывающей предположеній Государственнаго Совѣта и его заботъ объ охранѣ въ земствѣ матеріальныхъ интересовъ и нравственнаго вліянія приходскаго духовенства, составители новаго проекта признали полезнымъ освободить священнослужителей отъ участія въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ и предоставить епархіальному начальству, на его волю, если оно усмотритъ въ томъ надобность, назначать особыхъ представителей какъ въ губернскія, такъ и въ уѣздныя земскія собранія.

Выше было упомянуто, что къ участію въ земскомъ представительствѣ собственниковъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, не имѣющихъ другаго имущественнаго ценза въ уѣздѣ, общественное мнѣніе относится строже министерскаго проекта, который, исключая изъ состава избирателей лицъ, пользующихся правомъ голоса по суммѣ *годоваго оборота* производства (не менѣе 6.000 р.), оставляетъ это право за владѣльцами промышленныхъ, торговыхъ и хозяйственныхъ заведеній, капитальная цѣнность коихъ не ниже 15.000 рублей. Для уясненія вопроса, не безполезно обратиться къ его исторіи.

При составленіи нынѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, признано было, что „есть особые случаи, гдѣ нельзя не принять въ соображеніе и другихъ (кромѣ пространства земли) условій ея цѣнности, имѣющихъ сильное вліяніе на увеличеніе доли интересовъ землевладѣльца въ общемъ хозяйствѣ уѣзда. Сюда преимуще-

ственно относится случай, когда владѣлецъ, хотя бы и небольшаго участка земли, имѣетъ на ономъ промышленное заведеніе, фабрику, заводъ, мельницу, садъ, виноградникъ и т. п. Если подобное заведеніе довольно велико, то значеніе его въ общемъ хозяйствѣ уѣзда должно давать владѣльцу право на участіе его въ общихъ дѣлахъ уѣзда, на равномъ основаніи съ большими и средними землевладѣльцами. За симъ, можно бы, казалось, допустить къ участію въ избирательномъ собраніи лицъ, владѣющихъ количествомъ земли и менѣе 100 душевыхъ надѣловъ, т. е. менѣе установленнаго для непосредственнаго участія въ земскихъ выборахъ земельнаго ценза, если на этой землѣ существуютъ значительныя, по цѣнности или обороту производства, промышленныя или хозяйственныя заведенія. Предѣльною цифрою цѣнности таковаго заведенія можно положить 15.000 р.—цифру, близкую къ обыкновенной цѣнѣ 100—200 среднихъ душевыхъ надѣловъ земли,—или общій годовой оборотъ производства въ 6.000 рублей (40% капитальной цѣнности)“ [1]).

Если справедливо разсужденіе о томъ, что владѣлецъ небольшаго земельнаго участка, на которомъ устроено значительное промышленное или хозяйственное заведеніе, заинтересованъ не менѣе крупнаго земельнаго собственника въ земскихъ дѣлахъ своей мѣстности, то оно справедливо лишь по отношенію къ владѣльцу такого заведенія, которое облагается на земскія нужды и сборъ съ котораго существенно увеличиваетъ платежи по имѣнію. Облагается же не годовой оборотъ производства, а цѣнность помѣщенія, вмѣстѣ съ машинами и другими необходимыми принадлежностями фабричнаго, заводскаго и промысловаго устройства [2]), и доходность предпріятія. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что законъ не указываетъ никакихъ основаній для исчисленія размѣровъ годовыхъ оборотовъ, земская же практика, руководствуясь ст. 13 правилъ 25 мая 1864 г., признаетъ

---

[1]) Матер. по земск. обществ. устр., т. II, стр. 369 и 370.

[2]) Высоч. утвержд. 3 іюля 1867 г. мнѣніе Гос. Сов.

достаточнымъ заявленіе о томъ владѣльца заведенія, подтвержденное двумя свидѣтелями. При такихъ условіяхъ нерѣдко случается, что въ избирательныхъ съѣздахъ участвуютъ лица, не имѣющія никакой недвижимой собственности или владѣющія мелкимъ ремесленнымъ заведеніемъ, съ котораго они уплачиваютъ земскаго сбора *по нѣсколько копѣекъ* въ годъ. Лица эти являются на съѣзды исключительно для проведенія кандидатовъ той или другой партіи, а въ случаѣ избранія ихъ самихъ въ гласные, дѣйствуютъ въ земскихъ собраніяхъ подъ вліяніемъ побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ добросовѣстною службою обществу. Въ огражденіе достоинства земскаго представительства и интересовъ земскаго хозяйства признано необходимымъ устранить такихъ лицъ отъ участія въ избирательныхъ съѣздахъ и изъ среды торговцевъ и промышленниковъ предоставить право этого участія только „лицамъ, владѣющимъ въ уѣздѣ или въ одномъ изъ находящихся въ предѣлахъ онаго городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, другимъ (кромѣ опредѣленнаго пространства земли) недвижимымъ имуществомъ (домомъ, фабрикою, заводомъ, хозяйственнымъ, промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ), оцѣненнымъ, для взиманія земскихъ сборовъ, не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей“ (п. 2 ст. 15 проекта).

Составители разсматриваемаго проекта вообще ставятъ себѣ задачею очистить земское представительство отъ разныхъ сорныхъ или равнодушныхъ къ общественному дѣлу элементовъ.

Въ этихъ видахъ вопросъ объ участіи въ избирательныхъ съѣздахъ арендаторовъ земель предположено рѣшить отрицательно.

Еще при разсмотрѣніи въ 1863 году проекта дѣйствующаго положенія, въ средѣ Государственнаго Совѣта высказаны были сомнѣнія относительно желательности и даже возможности предоставленія арендаторамъ земель права участія въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ [1]) и хотя право

[1]) Матер. по земск. обществ. устр., т. II, стр. 503—507.

это и было допущено, но съ большими ограниченіями: имъ пользовались только лица, арендующія земли по контрактамъ, заключеннымъ не менѣе какъ за два года до выборовъ и на сроки не менѣе шести лѣтъ, если при томъ до истеченія срока контракта остается не менѣе трехъ лѣтъ, если самъ владѣлецъ не можетъ лично присутствовать на избирательномъ съѣздѣ и уполномочитъ на то своего арендатора. Высказанныя въ Государственномъ Совѣтѣ 25 лѣтъ тому назадъ сомнѣнія вполнѣ оправдались на практикѣ: несмотря на ограниченія, участіе арендаторовъ въ земствѣ оказывается скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Не имѣя прочныхъ интересовъ въ мѣстности, самые добросовѣстные изъ нихъ относятся равнодушно къ земскому дѣлу, большинство же пользуется избирательными правами исключительно съ цѣлью извлечь личную выгоду изъ борьбы партій и успѣха на выборахъ той или другой группы земскихъ дѣятелей.

Относительно участія въ земскомъ представительствѣ юридическихъ лицъ предположено ограничиться промышленными и торговыми обществами, компаніями и товариществами, такъ какъ представляемыя теперь въ земствѣ особыми повѣренными богоугодныя и благотворительныя учрежденія, весьма близко соприкасающіяся съ интересами государства, всегда найдутъ безпристрастнаго и вліятельнаго защитника въ лицѣ губернатора, а въ случаѣ упущеній съ его стороны—въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, предъ которымъ справедливыя заявленія и жалобы подобныхъ учрежденій могутъ быть поддержаны авторитетомъ начальствующихъ лицъ. Но участвовать въ земскихъ выборахъ, чрезъ повѣренныхъ, могутъ только такія общества, компаніи и товарищества, которыя владѣютъ имущественнымъ цензомъ, установленнымъ для *непосредственнаго* участія въ избирательномъ съѣздѣ, т. е. полнымъ земельнымъ цензомъ или инымъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ, для взиманія земскихъ сборовъ, не ниже 15.000 р.

Предлагается существенная поправка къ избирательнымъ правамъ купцовъ.

Въ настоящее время, лица, имѣющія купеческія свидѣтельства 1-й и 2-й гильдій, допускаются къ участію въ городскомъ земскомъ избирательномъ съѣздѣ, хотя бы они не владѣли никакимъ недвижимымъ имуществомъ. Ни одна изъ категорій земскихъ избирателей не пользуется такою льготою, основаніемъ которой послужило единственно то соображеніе, что купеческія свидѣтельства облагаются сборомъ на земскія повинности. Но такимъ же образомъ облагаются и свидѣтельства на право производства промысловъ, а между тѣмъ лица, берущія промысловыя свидѣтельства, тѣмъ самымъ не пріобрѣтаютъ избирательныхъ по земству правъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что купеческія свидѣтельства лучше недвижимой собственности охранены отъ чрезмѣрнаго обложенія на земскія нужды, потому что закономъ установлена предѣльная норма этого обложенія, именно 15% съ пошлины, уплачиваемой въ казну. При такихъ условіяхъ, невладѣющіе недвижимымъ имуществомъ купцы не имѣютъ особаго въ земскихъ дѣлахъ интереса и, какъ указываетъ опытъ, относятся вообще крайне равнодушно къ ходу этихъ дѣлъ. Предоставленное имъ право участія въ избирательныхъ съѣздахъ ведетъ только къ злоупотребленіямъ: нерѣдки случаи зачисленія въ гильдіи лицъ неторговаго званія, исключительно съ партійными цѣлями, или же въ видахъ полученія мѣста на земской службѣ. Поэтому проектировано подчинить купцовъ общеустановленному избирательному порядку, т. е. допускать къ участію въ избирательныхъ или предварительныхъ городскихъ съѣздахъ только тѣхъ лицъ изъ купечества, которыя владѣютъ имущественнымъ цензомъ.

Относительно крестьянъ министерскій проектъ наименѣе склоненъ къ нововведеніямъ.

По дѣйствующему положенію, земское представительство сельскихъ обществъ основано на началѣ двухстепенныхъ выборовъ: каждый волостной сходъ назначаетъ изъ своей среды особыхъ выборщиковъ, въ числѣ не свыше трети общаго числа лицъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ каждаго общества, входящаго въ составъ волости, находилось въ средѣ выборщиковъ не менѣе

одного представителя; затѣмъ выборщики нѣсколькихъ волостей образуютъ участковый избирательный съѣздъ и выбираютъ на немъ сообща причитающееся на участокъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Тѣ же крестьяне, которые внѣ границъ крестьянскаго надѣла пріобрѣли въ собственность участки земли; достигающіе цензовыхъ размѣровъ, кромѣ присутствія на сходахъ и съѣздахъ на общемъ основаніи, участвуютъ еще, лично или чрезъ уполномоченныхъ, въ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

Такую организацію крестьянскаго представительства составители проекта находятъ вполнѣ цѣлесообразною, за исключеніемъ послѣдняго правила. По ихъ мнѣнію, его неудобство состоитъ въ томъ, что, съ одной стороны, оно предоставляетъ нѣкоторымъ лицамъ крестьянскаго сословія двойное представительство: въ составѣ избирательныхъ собраній отъ сельскихъ обществъ и на съѣздахъ землевладѣльцевъ, а съ другой стороны—допускаетъ личное, по праву частной собственности, участіе въ земскихъ выборахъ только въ пользу крестьянъ-землевладѣльцевъ, не распространяя такого участія на лицъ крестьянскаго сословія, владѣющихъ другимъ, кромѣ земли, недвижимымъ имуществомъ. Такое ограниченіе еще могло имѣть нѣкоторое основаніе въ 1864 г., когда крестьяне въ рѣдкихъ только случаяхъ оказывались владѣльцами иныхъ, кромѣ земель, недвижимостей; нынѣ же, вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, основаніе это утратило всякое значеніе. Чтобы ввести крестьянское представительство въ строго сословныя границы и предотвратить двойное представительство, министерскій проектъ предлагаетъ сдѣлать лишь слѣдующую поправку въ статьяхъ, относящихся до крестьянскихъ выборовъ земскихъ гласныхъ: крестьяне, владѣющіе въ уѣздѣ или въ одномъ изъ городскихъ поселеній онаго, на правѣ частной собственности, установленнымъ для личнаго участія въ земскихъ выборахъ цензомъ, принимаютъ участіе въ томъ избирательномъ участковомъ собраніи выборщиковъ крестьянскаго сословія, въ районъ дѣйствій коего входитъ волость или общество, къ которому крестьяне

этп приписаны, а лица крестьянскаго сословія, владѣющія недвижимымъ имуществомъ не менѣе одной десятой доли ценза, участвуютъ въ избранін выборщиковъ на подлежащемъ волостномъ сходѣ.

Проектъ точно опредѣляетъ, что каждый избирательный съѣздъ или сходъ можетъ избирать въ уѣздные земскіе гласные только лицъ, имѣющихъ право участвовать въ томъ съѣздѣ или сходѣ (ст. 45). Такимъ образомъ упрочивается на выборахъ строго сословное начало: дворянскій съѣздъ, состоящій изъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ, какимъ бы родомъ недвижимаго имущества они нп владѣли, можетъ избирать въ гласные только лицъ дворянскаго званія, городской съѣздъ—только лицъ городскихъ сословій, крестьянскій сходъ—только крестьянъ.

Основами земскаго представительства служатъ: недвижимая собственность, сословность и политическая правоспособность—не личная, а цѣлыхъ общественныхъ группъ. Отъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ трехъ началъ ожидается существенное исправленіе земскаго дѣла, засореннаго, такъ сказать, чуждыми ему и непригодными для общественной службы элементами.

Недвижимая собственность и *только* она признается самымъ правильнымъ и наиболѣе твердымъ, но не единственнымъ основаніемъ для опредѣленія числа гласныхъ земскихъ собраній отъ различныхъ разрядовъ избирателей. Выражаясь словами составителей разсматриваемаго законопроекта, „въ земствѣ должна быть представлена не собственность сама по себѣ, какъ мертвая ариѳметическая величина, а собственность, одухотворенная воздѣйствіемъ на нее человѣка.“ Важно знать, въ чьихъ рукахъ она находится, насколько владѣльцы той или другой сословной группы проникнуты сознаніемъ общественнаго долга и въ своей совокупности представляютъ среду способную къ завѣдыванію дѣлами общественнаго хозяйства и благоустройства, насколько они политически правоспособны. Съ этой точки зрѣнія является цѣлесообразнымъ: во-первыхъ, усилить дворянскій элементъ въ земствѣ, по соображеніямъ, высказан-

нымъ въ началѣ настоящей главы; во-вторыхъ, предоставить преимущества крупнымъ земельнымъ собственникамъ, въ большинствѣ принадлежащимъ къ старинному родовому дворянству. Преимущества эти, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, могли бы состоять въ томъ, чтобы владѣльцамъ значительныхъ имѣній присвоено было личное, помимо выборовъ, право присутствовать въ земскихъ собраніяхъ наравнѣ съ гласными. Но льготу эту имѣется въ виду допустить только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе находится во владѣніи собственника или рода его не менѣе 10 лѣтъ (срока земской давности), чтобы ограничить примѣненіе ея лицами, имѣющими прочную связь съ мѣстностью.

Осуществленіе предположенной для владѣльцевъ большихъ имѣній льготы министерскій проектъ обусловливаетъ современнымъ состояніемъ крупнаго землевладѣнія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Онъ не руководствуется однимъ только пространствомъ земли, одною лишь ариѳметическою величиною состоящаго во владѣніи отдѣльныхъ лицъ числа десятинъ, но придаетъ существенное значеніе экономическимъ условіямъ края, характеру мѣстнаго землевладѣнія, и, въ особенности, существующимъ цѣнамъ на земельныя угодья. Въ черноземныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи, густо населенныхъ и исконно дворянскихъ, преобладающею формою землевладѣнія является средняя и даже мелкая собственность, при чемъ, въ виду высокой цѣнности земли, значеніе крупныхъ собственниковъ имѣютъ тамъ лица, владѣющія участками, далеко не достигающими пространства, на которое полагается по одному земскому гласному отъ избирателей дворянъ (20 земельныхъ цензовъ) или лицъ городскихъ состояній (30 земельныхъ цензовъ). Напротивъ того, для мѣстностей лѣсной и степной полосы, преимущественно же для восточныхъ и сѣверныхъ губерній, разсчетъ этотъ даетъ такія цифры, которыя не могутъ служить мѣриломъ крупной собственности. Такимъ образомъ, еслибы росписаніе пространства земли, дающаго право участвовать въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ, было основано исключительно на ариѳметическомъ разсчетѣ, положимъ, 30

средне-сложныхъ земельныхъ цензовъ (высшая норма земельнаго пространства, на которое полагается 1 гласный), то послѣдствіемъ такого исчисленія было бы: въ однихъ губерніяхъ—устраненіе отъ пользованія льготою многихъ владѣльцевъ, которымъ она, по справедливости, должна быть предоставлена, а въ другихъ—распространеніе предполагаемой льготы на лицъ, не принадлежащихъ, въ дѣйствительности, къ разряду крупныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому признано необходимымъ: принявъ за основаніе разсчета 30 средне-сложныхъ земельныхъ надѣловъ, исправить затѣмъ цифры примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, допустивъ для губерній первой категоріи пониженіе въ предѣлахъ до 50%, а для мѣстностей послѣдняго рода—повышеніе цифръ, не болѣе, однако, чѣмъ на 60%. Такимъ образомъ крупнымъ собственникомъ признается лицо, владѣющее въ губерніи или уѣздѣ землями цѣнностію около *полумилліона* рублей. На этомъ основаніи всѣ 34 губерніи, гдѣ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, распредѣлены на 7 группъ.

Къ *первой* группѣ отнесены губерніи: Курская, Орловская, Полтавская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Черниговская. Наименьшій размѣръ земельнаго владѣнія, представляющаго здѣсь право участія въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ, опредѣленъ въ 3.500 дес.

Вторую группу составляютъ губерніи: Бессарабская, Воронежская, Московская, Пензенская, Симбирская и Харьковская, съ земельною нормою въ 5.000 дес.

Въ *третью* группу, съ нормою въ 6.000 дес., зачислены губерніи: Екатеринославская, Казанская, Нижегородская, Саратовская, Таврическая и Херсонская.

Въ составъ *четвертой* группы, съ нормою въ 7.000 дес., входятъ нечерноземныя губерніи центральной полосы: Владимірская, Калужская, Костромская, Смоленская и Ярославская.

Пятую группу, съ нормою въ 10.000 дес., составляютъ только двѣ губерніи: Самарская и Уфимская.

Къ *шестой* группѣ, съ нормою въ 12.000 дес., причислены

мѣстности, расположенныя въ сѣверозападной части центральной полосы, именно губерніи: Новгородская, Псковская, С.-Петербургская и Тверская.

Послѣднюю, *седьмую* группу, съ нормою въ 15,000 дес., составляютъ губерніи: Вологодская, Вятская, Олонецкая и Пермская.

Проектируя льготу для крупнаго землевладѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ не имѣло въ данномъ случаѣ въ виду сословныхъ различій. По его мнѣнію, сословное различіе вполнѣ умѣстно, когда идетъ рѣчь объ опредѣленіи порядка исполненія мѣстнымъ населеніемъ возлагаемой на него *повинности* земскаго представительства, ибо доля участія въ немъ различныхъ элементовъ населенія должна быть опредѣлена по соображенію съ подготовленностью ихъ къ этой задачѣ и съ требованіями государственной пользы. Напротивъ того, при осуществленіи мѣры, которая имѣетъ характеръ льготы въ пользу крупной поземельной собственности и единственная цѣль которой состоитъ въ предоставленіи крупнымъ землевладѣльцамъ наибольшихъ удобствъ для защиты ихъ законныхъ интересовъ, сословное различіе явилось бы ничѣмъ не оправдаемою несправедливостью. Съ разсматриваемой точки зрѣнія интересы всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, заслуживаютъ одинаковаго вниманія, а потому и проектируемая льгота должна быть предоставлена имъ на одинаковомъ основаніи, безъ различія сословнаго ихъ положенія. Тѣмъ не менѣе она прямо ведетъ къ успленію, и очень значительному, дворянскаго элемента въ земствѣ, что̀ видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній о числѣ лицъ, которыя, по пространству своихъ земельныхъ владѣній, могутъ пользоваться правомъ личнаго, безъ выборовъ, участія въ земскихъ собраніяхъ.

Число владѣльцевъ:

Губерніи.	Дворянъ.	Городск. сост.	Крестьянъ.	Итого
1. Бессарабская . .	34	9	—	43
2. Владимірская . .	13	9	—	22
3. Вологодская . . .	3	3	—	6
4. Воронежская . . .	39	6	—	45

Губерніи.	Дворянъ.	Городск. сост.	Крестьянъ.	Итого
5. Вятская	4	1	—	5
6. Екатеринославская	38	5	2	45
7. Казанская	14	2	—	16
8. Калужская	5	2	—	7
9. Костромская . . .	32	16	2	50
10. Курская	29	2	—	31
11. Московская . . .	5	4	—	9
12. Нижегородская .	30	4	1	37 [1]
13. Новгородская . .	20	16	3	39
14. Олонецкая	—	2	—	2
15. Орловская	32	5	—	37
16. Пензенская . . .	30	3	—	33
17. Пермская	37	2	—	39
18. Полтавская . . .	45	3	—	48
19. Псковская	3	1	—	4
20. Рязанская	20	9	—	29
21. Самарская	36	21	4	61
22 С.-Петербургская.	10	6	1	17
23. Саратовская . . .	66	13	1	80
24. Симбирская . . .	40	1	—	41
25. Смоленская . . .	22	2	—	24
26. Таврическая . . .	51	15	6	72
27. Тамбовская . . .	38	14	—	52
28. Тверская	7	3	—	10
29. Тульская	15	1	—	16
30. Уфимская	18	15	—	33
31. Харьковская . . .	23	3	1	27
32. Херсонская . . .	51	20	—	71
33. Черниговская . .	52	11	—	63
34. Ярославская . . .	9	—	—	9
Всего	871	229	21	1123

Изъ общаго числа крупныхъ землевладѣльцевъ на 871 дворянина приходится только 250 лицъ другихъ сословій, при чемъ въ одной только Олонецкой губерніи нѣтъ крупныхъ собственниковъ изъ дворянъ и лишь въ одной Вологодской губерніи дворянская крупная собственность вполнѣ уравновѣшивается въ земствѣ такою же собственностью лицъ городскихъ состояній. Въ центральной промышленной

[1]) Не имѣется свѣдѣній о сословномъ положеніи двухъ землевладѣльцевъ Ардатовскаго уѣзда.

области, гдѣ вообще ослабѣло дворянское землевладѣніе, крупная дворянская собственность относится къ такой же собственности лицъ всѣхъ остальныхъ сословій: въ губерніи Московской, какъ 5 : 4, Владимірской, какъ 13 : 9, Костромской, какъ 32 : 16, Тверской, какъ 7 : 3, Нижегородской, какъ 30 : 5 и Ярославской, какъ 9 : 0.

Какое преобладаніе дворянскому элементу, особенно въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, даетъ одна только льгота, предоставленная крупному землевладѣнію, — лучше всего видно изъ слѣдующихъ сравнительныхъ цифровыхъ данныхъ:

Губерніи.	Общее число гласныхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.	Число дворянъ, пользующихся правами губернскихъ гласныхъ безъ выборовъ.
1. Бессарабская	46	34
2. Владимірская	57	13
3. Вологодская	32	3
4. Воронежская	78	39
5. Вятская	29	4
6. Екатеринославская	44	38
7. Казанская	45	14
8. Калужская	49	5
9. Костромская	52	32
10. Курская	80	29
11. Московская	80	5
12. Нижегородская	60	30
13. Новгородская	44	20
14. Олонецкая	14	—
15. Орловская	76	32
16. Пензенская	56	30
17. Пермская	41	37
18. Полтавская	85	45
19. Псковская	34	3
20. Рязанская	73	20
21. Самарская	61	36
22. С.-Петербургская	58	10
23. Саратовская	79	66
24. Симбирская	55	40
25. Смоленская	54	22
26. Таврическая	28	51
27. Тамбовская	88	38

Губерніи.	Общее число гласныхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.	Число дворянъ, пользующихся правами губернскихъ гласныхъ безъ выборовъ
28. Тверская	74	7
29. Тульская.	60	15
30. Уфимская	36	18
31. Харьковская.	84	23
32. Херсонская	72	51
33. Черниговская	78	52
34. Ярославская.	46	9

Значеніе цифръ послѣдней графы нѣсколько умаляется участіемъ въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ крупныхъ землевладѣльцевъ и не дворянскаго сословія, но въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ существуетъ дворянское представительство, эти цифры служатъ еще недостаточнымъ мѣриломъ успленія дворянскаго элемента, потому что предполагается ввести въ губернскія земскія собранія всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, независимо отъ того, будутъ ли они, или не будутъ избраны въ гласные.

Съ цѣлью усиленія дворянскаго элемента въ уѣздныхъ земствахъ вообще принято за правило, что

а) въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ пространство земельныхъ угодій, принадлежащихъ дворянамъ, превышаетъ общее количество земель, состоящихъ во владѣніи лицъ иныхъ сословій *на правѣ частной собственности*,—число гласныхъ отъ городскихъ состояній и отъ крестьянъ, вмѣстѣ взятое, *не должно превышать числа гласныхъ отъ дворянъ*, за исключеніемъ однако случаевъ необходимости довести составъ уѣзднаго земскаго собранія до того числа гласныхъ (12-ти), которое требуется по закону для производства выборовъ на нѣкоторыя должности [1]);

б) число гласныхъ отъ лицъ городскихъ состояній ни въ какомъ случаѣ не должно превышать числа гласныхъ отъ дворянъ;

---

[1]) На этомъ основаніи допущено отступленіе отъ общаго правила въ уѣздахъ: Мамадышскомъ и Чебоксарскомъ Казанской губ., Камышинскомъ Саратовской губ. и Златоустовскомъ Уфимской губ.

в) назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ въ бо́льшемъ числѣ противъ гласныхъ отъ дворянъ можетъ быть допущено лишь въ случаяхъ исключительныхъ, когда, по принятому порядку исчисленія, количество гласныхъ дворянскаго сословія не можетъ превысить *половины* опредѣляемаго тѣмъ же порядкомъ общаго числа гласныхъ отъ остальныхъ двухъ сословныхъ группъ избирателей и когда назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ въ бо́льшемъ числѣ, нежели гласныхъ отъ дворянъ, оправдывается необходимостью доведенія состава собранія до указаннаго въ п. *а* числа гласныхъ [1]) и

г) когда опредѣленное для уѣзда количество гласныхъ отъ дворянства оказывается менѣе *одной четверти* всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ непосредственный голосъ на земскомъ избирательномъ съѣздѣ дворянъ, то, въ видахъ привлеченія къ участію въ земскихъ дѣлахъ бо́льшаго числа лицъ способныхъ, безъ особаго при томъ обремененія для мѣстнаго дворянства, упомянутое количество можетъ быть увеличено до одной *четвертой* части и даже до одной *трети* общаго числа означенныхъ владѣльцевъ.

Чтобы избѣгнуть, однако, многолюднаго состава земскихъ собраній, являющагося, какъ показываетъ опытъ, препятствіемъ къ основательному и спокойному обсужденію дѣлъ, признано необходимымъ отнюдь не увеличивать нынѣ установленное для каждаго уѣзда общее число гласныхъ; такимъ образомъ усиленіе дворянскаго элемента предполагается произвесть прямо на счетъ представительства отъ крестьянъ и въ особенности отъ городскихъ состояній.

Признаны ненормальными послѣдствія, къ которымъ привела и не могла не привести ложная постановка въ бывшей коммисіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежде-

---

[1]) Въ такихъ именно условіяхъ, кромѣ поименованныхъ выше уѣздовъ, находятся уѣзды: Царевококшайскій и Цивильскій Казанской губ., Валдайскій Новгородской губ., Краснослободскій Пензенской губ. и Бердянскій Таврической губ.,—всего, слѣдовательно, 9 уѣздовъ изъ 362, въ коихъ введено земское положеніе 1864 года.

ніяхъ основаній для земскаго представительства городскихъ обществъ. Невѣрность ея заключается въ томъ, что она разсчитана на искусственное привлеченіе въ составъ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ представителей отъ всякихъ городскихъ поселеній, какъ бы послѣднія ни были сами по себѣ ничтожны. Желаннаго результата, очевидно, возможно было достигнуть только пониженіемъ ценза для горожанъ, сравнительно съ обывателями сельскихъ мѣстностей, и притомъ пониженіемъ бо́льшимъ въ городахъ малонаселенныхъ, чѣмъ въ значительныхъ городскихъ центрахъ. Благодаря этой системѣ, тотъ именно классъ мѣстныхъ обывателей, который уплачиваетъ наименьшую часть земскихъ сборовъ и который не можетъ, конечно, считаться болѣе другихъ мѣстныхъ сословій способнымъ къ добросовѣстному служенію общественнымъ интересамъ, находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно участія въ земскомъ представительствѣ. Такая неуравнительность, не вызываемая никакою практическою надобностью, по справедливости должна быть устранена въ законѣ и на практикѣ. По мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, основаніемъ къ предоставленію участія въ земскомъ представительствѣ долженъ служить исключительно имущественный цензъ и притомъ цензъ одинаковый для всѣхъ сословій и разрядовъ уѣздныхъ жителей, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Соотвѣтственно этому, обыватели каждаго города, каково бы ни было его населеніе, могутъ быть допускаемы въ составъ городскаго избирательнаго съѣзда, если владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ въ 15.000 р. Тѣ же изъ нихъ, за которыми числится недвижимость цѣною отъ 1.500 до 15.000 р., должны участвовать въ предварительномъ съѣздѣ городскихъ состояній для избранія уполномоченныхъ, имѣющихъ затѣмъ присутствовать на *избирательномъ* съѣздѣ; недвижимость цѣною ниже 1.500 р. ни въ какомъ случаѣ никакихъ избирательныхъ правъ въ земствѣ давать не должна. Относительно числа гласныхъ министерскимъ проектомъ предположено назначить для лицъ городскихъ состояній по одному гласному на 30 земельныхъ цен-

зовъ и на 450.000 р. оцѣночной стоимости другихъ, кромѣ земель, недвижимостей, наблюдая притомъ, чтобы въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ на этомъ основаніи можетъ быть допущено земское отъ городскихъ сословій представительство, было не менѣе *двухъ* гласныхъ отъ этихъ сословій. Такимъ образомъ въ земскомъ собраніи явятся не представители городскихъ обществъ или поселеній и даже не горожанъ, а представители собственниковъ изъ среды лицъ городскихъ состояній. Доля участія городскаго населенія въ земскомъ представительствѣ неизбѣжно должна сократиться и многіе города, выставляющіе теперь болѣе или менѣе значительное число избирателей для непосредственнаго участія въ выборѣ земскихъ гласныхъ, будутъ впредь участвовать, чрезъ посредство своихъ гражданъ, только въ предварительныхъ съѣздахъ для избранія уполномоченныхъ. Между тѣмъ каждый городъ самъ по себѣ представляетъ крупную хозяйственную единицу, и интересы городскихъ обществъ требуютъ защиты въ земскихъ собраніяхъ, какъ потому, что они оказываются нерѣдко въ рѣзкомъ противоположеніи съ интересами уѣздныхъ владѣльцевъ, такъ и потому, что большинство городскихъ поселеній, въ качествѣ юридическихъ лицъ, владѣютъ обширными земельными угодьями и другими недвижимыми имуществами значительной цѣнности. Если различнымъ вѣдомствамъ (духовному, государственныхъ имуществъ и удѣловъ), частнымъ товариществамъ и компаніямъ и даже отдѣльнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, а въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Уфимской еще и владѣльцамъ значительныхъ по пространству горнозаводскихъ имѣній и поссессіонныхъ горнозаводскихъ дачъ предоставлено право защиты въ земскихъ собраніяхъ своихъ интересовъ лично или чрезъ особыхъ повѣренныхъ, то нѣтъ основанія отказывать въ такомъ же правѣ владѣющимъ недвижимостями значительной цѣнности городскимъ обществамъ; поэтому предположено предоставить каждому городу или посаду, въ которомъ введено городовое положеніе 16 іюня 1870 г., посылать *одного* депутата въ мѣстное уѣздное зем-

ское собраніе, съ тѣмъ, чтобы лица эти были избираемы подлежащими городскими думами на трехлѣтній срокъ.

Таково, въ главнѣйшихъ чертахъ, предположенное преобразованіе земскаго представительства и состава земскихъ собраній, куда, кромѣ гласныхъ, входятъ представители трехъ вѣдомствъ, депутаты отъ городовъ уѣзда и крупные землевладѣльцы. Въ отличіе отъ гласныхъ всѣ остальныя лица названы общимъ именемъ *членовъ* собранія. На самомъ дѣлѣ особенно существенно различіе между выборными гласными и частными собственниками, пользующимися, безъ выборовъ, непосредственнымъ голосомъ въ земскихъ собраніяхъ. Для первыхъ участіе въ дѣлахъ земства составляетъ *повинность*, для послѣднихъ же оно является *правомъ*.

Министерскій проектъ такъ опредѣляетъ политическое значеніе гласныхъ:

„Съ предполагаемымъ измѣненіемъ системы земскаго представительства, долженъ измѣниться и самый характеръ дѣятельности земскихъ гласныхъ. При существующей организаціи земскихъ учрежденій, построенныхъ на началѣ отдѣленія интересовъ народа отъ интересовъ правительства, причемъ гласные земскихъ собраній призываются къ охраненію интересовъ избравшаго ихъ населенія, участіе въ земскомъ представительствѣ является какъ бы *политическимъ правомъ*, такъ сказать *прерогативою* извѣстныхъ категорій мѣстныхъ обывателей. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ законодательство предоставляетъ усмотрѣнію сихъ лицъ пользоваться означеннымъ правомъ или уклоняться отъ осуществленія онаго, дозволяетъ имъ отказываться отъ званія гласнаго и относиться безразлично къ непосѣщенію гласными земскихъ собраній. Съ признаніемъ же земскаго дѣла—дѣломъ государственнымъ, обязанности гласныхъ пріобрѣтаютъ значеніе служенія государству, характеръ *повинности*, исполненіе коей должно считаться обязательнымъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя общественнымъ довѣріемъ будутъ призваны въ составъ собраній [1]). Если правительство, прини-

[1]) По проекту новаго земскаго положенія, могутъ отказаться отъ званія гласнаго только лица, достигшія *шестидесятилѣтняго* возраста,

мая въ свое завѣдываніе земское хозяйство, какъ отдѣльную лишь отрасль общаго государственнаго хозяйства, считаетъ полезнымъ привлечь къ совмѣстному съ органами администраціи участію въ этомъ важномъ дѣлѣ представителей сословныхъ группъ мѣстнаго населенія, то, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о факультативномъ примѣненіи подобнаго участія, какъ *права* населенія. Понятіе о такомъ правѣ умѣстно въ области отношеній частныхъ, гражданскихъ; въ сферѣ же государственной дѣятельности, всякое право налагаетъ соотвѣтственную обязанность на лицъ, коимъ оно предоставлено. Посему и земское представительство, при проектируемой новой постановкѣ всего земскаго дѣла, слѣдуетъ признать *не только правомъ*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *обязанностію* мѣстнаго населенія, добросовѣстное исполненіе коей должно быть обезпечено, въ случаѣ надобности, каратель-ными постановленіями [1]). Наконецъ, нельзя не замѣтить, что приведенный выше взглядъ на дѣятельность гласныхъ вполнѣ согласуется съ исторически выработавшимся въ нашемъ отечествѣ воззрѣніемъ, на основаніи котораго *служеніе государству и обществу выборныхъ лицъ всегда почиталось у насъ повинностью.* Начало это, строго соблюдавшееся въ древней Руси, сохранилось и въ дѣйствующемъ законодательствѣ, которое воспрещаетъ лицамъ, избраннымъ городскимъ

или исполнявшія уже, въ теченіе не менѣе *двухъ трехлѣтій*, обязанности земскихъ гласныхъ, или состоящія гласными земскаго собранія въ другой губерніи или другомъ уѣздѣ и тѣ изъ состоящихъ на государственной службѣ лица, которыя занимаютъ должности, указанныя въ особомъ спискѣ, составляемомъ на этотъ предметъ въ каждомъ вѣдомствѣ и представляемомъ, чрезъ Комитетъ Министровъ, на Высочайшее утвержденіе (ст. 57).

[1]) Гласный, неявившійся въ земское собраніе безъ уважительныхъ причинъ, можетъ быть подвергнутъ, по постановленію собранія, установленнымъ порядкомъ утвержденному: въ первый разъ—замѣчанію, во второй разъ—денежному взысканію отъ 10 до 100 р., а въ третій и послѣдующій затѣмъ разъ, сверхъ того же денежнаго взысканія,—исключенію изъ состава гласныхъ и членовъ земскаго собранія на все время, остающееся до окончанія срока, на который онъ былъ избранъ (ст. 117).

или сельскимъ обществомъ, отказываться, безъ законныхъ причинъ, отъ принятія должности и установляетъ извѣстныя взысканія за такой отказъ".

ГЛАВА V.

Исполнительные органы и кругъ дѣятельности земствъ.

Признавъ земское дѣло государственнымъ, въ которомъ рѣшающій голосъ долженъ принадлежать правительству, поставивъ себѣ задачею устранить обособленность земскихъ учрежденій и ввести ихъ въ общую систему государственнаго управленія, министерскій проектъ, съ этою цѣлью, придалъ земскому представительству характеръ *повинности* и не допускаетъ примѣненія выборнаго начала къ замѣщенію должностей въ составѣ земскихъ исполнительныхъ органовъ. Подчиненіе выборныхъ органовъ непосредственному надзору и руководству правительства министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ задачею, неразрѣшимою на практикѣ, потому что какія бы мѣры ни были приняты по отношенію къ выборнымъ земскимъ управамъ, онѣ всегда оставались бы учрежденіями частными, а не правительственными, и руководились бы въ своей дѣятельности исключительно волею земскихъ собраній. Въ виду этого, предположено замѣнить губернскія и уѣздныя земскія управы особыми правительственными установленіями подъ наименованіемъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ присутствій. Правительству принадлежитъ назначеніе предсѣдателей и членовъ этихъ присутствій „изъ числа лучшихъ и пользующихся довѣріемъ населенія мѣстныхъ дѣятелей". Такимъ образомъ, въ основаніе новой системы назначенія должностныхъ лицъ, въ составѣ исполнительныхъ земскихъ органовъ, имѣется въ виду положить два начала: назначеніе правительственною властью и, въ извѣстной мѣрѣ, такую рекомендацію мѣстными сословіями, на которую правительство „можетъ положиться".

Наиболѣе правильнымъ и удобнымъ примѣненіемъ начала рекомендаціи кандидатовъ могло бы казаться избраніе должностныхъ лицъ на *трехлѣтній* срокъ изъ числа гласныхъ земскаго собранія. При такомъ порядкѣ, мѣстные жители, недовольные дѣятельностью предсѣдателя или члена присутствія, имѣли бы возможность, забаллотировавъ его на слѣдующихъ выборахъ въ уѣздные земскіе гласные, тѣмъ самымъ устранить потерявшее довѣріе избирателей лицо отъ дальнѣйшаго служенія въ земствѣ. Признавая въ этой формѣ проявляемый контроль населенія не лишеннымъ „полезнаго значенія", министерство внутреннихъ дѣлъ не находитъ, однако, возможнымъ присвоивать рекомендаціи путемъ земскихъ выборовъ въ гласные „безусловно обязательный характеръ". Оно полагаетъ, что примѣненіе начала рекомендаціи сословіями къ высшимъ должностямъ въ составѣ присутствій, именно къ ихъ предсѣдателямъ, слѣдуетъ ограничить мѣстностями, имѣющими дворянское представительство, но и въ такихъ мѣстностяхъ правительство не можетъ быть лишено права назначать на упомянутыя должности членовъ земскаго собранія изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, пользующихся голосомъ безъ выборовъ, если они изъявятъ на то свое согласіе.

Министерство не находитъ препятствій и къ назначенію уѣздныхъ предводителей дворянства, тоже съ ихъ согласія, на должности предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ присутствій, хотя и не отрицаетъ нѣкоторыхъ неудобствъ подобнаго назначенія [1]). Въ мѣстностяхъ съ дворянскимъ представительствомъ постановлено за правило назначать

---

[1]). Въ числѣ этихъ неудобствъ, повидимому, не усматривается неудобство смѣшенія принципа дворянскаго служенія по выборамъ — безвозмезднаго, „изъ чести", — съ принципомъ вознагражденія за трудъ, между тѣмъ недавній судъ надъ касимовскимъ предводителемъ дворянства Алѣевымъ, который одновременно занималъ и платную должность предсѣдателя мѣстной земской управы, показываетъ, что смѣшеніе этихъ принциповъ представляетъ серьезную опасность, увлекая представителей дворянства на ложный путь.

предсѣдателя и членовъ губернскаго присутствія по соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ присутствій—по соглашенію губернатора съ губернскимъ и подлежащимъ уѣзднымъ предводителями, а членовъ уѣздныхъ земскихъ присутствій—по соглашенію губернатора съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ; въ такихъ мѣстностяхъ предположено назначеніе на должности предсѣдателей уѣздныхъ присутствій ограничить кругомъ лицъ дворянскаго званія изъ числа гласныхъ или членовъ мѣстнаго уѣзднаго земскаго собранія, а членовъ губернскихъ присутствій назначать изъ среды губернскихъ гласныхъ или членовъ губернскаго земскаго собранія, т. е. безъ выборовъ присутствующихъ въ собраніи крупныхъ землевладѣльцевъ, пользующихся, по своему происхожденію или образованію, правами государственной службы; что же касается членовъ уѣздныхъ присутствій, то, въ виду невысокаго ихъ служебнаго положенія и того обстоятельства, что и нынѣшніе члены уѣздныхъ земскихъ управъ изъ мѣщанъ и крестьянъ нерѣдко исполняютъ возлагаемыя на нихъ служебныя обязанности вполнѣ удовлетворительно, можно было бы допустить замѣщеніе упомянутыхъ должностей исключительно гласными подлежащихъ земскихъ собраній, въ томъ числѣ и такими лицами, которыя не имѣютъ правъ государственной службы. Но тамъ гдѣ правительство лишено возможности опереться въ своемъ выборѣ на организованный классъ служилыхъ людей, въ лицѣ его представителей — предводителей дворянства, оно по необходимости должно принять на себя безраздѣльно назначеніе личнаго состава исполнительныхъ органовъ земства и не можетъ ставить опредѣленіе къ должностямъ начальниковъ, т. е. предсѣдателей присутствій, равно и продолженіе ими служебной дѣятельности въ зависимость отъ случайностей земскихъ выборовъ, производящихся безъ всякаго участія или при весьма слабомъ участіи наиболѣе образованнаго и проникнутаго у насъ сознаніемъ общественнаго долга сословія—помѣстнаго дворянства. Въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянства, какъ сословія, а имѣются, и притомъ въ

нѣкоторыхъ только уѣздахъ, единичные собственники, пользующіеся правами высшаго состоянія, правительство не можетъ питать увѣренности, что въ каждомъ избираемомъ составѣ гласныхъ окажутся лица способныя и достойныя занять должности предсѣдателей мѣстныхъ земскихъ присутствій. Въ такихъ мѣстностяхъ должность предсѣдателя уѣзднаго присутствія предполагается соединить съ должностью предсѣдателя уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ, учреждаемыхъ по особому проекту преобразованія мѣстнаго управленія, внесенному въ Государственный Совѣтъ еще въ началѣ прошлаго года, а должность предсѣдателя губернскаго земскаго присутствія замѣщается *безсрочно* и *преимущественно* изъ числа лицъ, прослужившихъ не менѣе трехъ лѣтъ въ одной изъ слѣдующихъ должностей: непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ (или по сельскимъ) дѣламъ, предсѣдателя уѣзднаго земскаго присутствія и съѣзда земскихъ начальниковъ, земскаго начальника, члена губернскаго земскаго присутствія, предсѣдателя бывшей губернской или уѣздной земской управы и члена губернской управы. Члены уѣзднаго земскаго присутствія назначаются губернаторомъ, *на три года*, изъ числа гласныхъ подлежащаго земскаго собранія, а члены губернскаго земскаго присутствія—министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленію губернатора, тоже на три года, изъ среды гласныхъ или членовъ губернскаго земскаго собранія.

По проекту, предсѣдатели губернскихъ земскихъ присутствій повсемѣстно сосредоточиваютъ въ своемъ вѣдѣніи направленіе важнѣйшихъ земскихъ дѣлъ и дѣятельность губернскихъ присутствій по надзору за всѣми земскими исполнительными органами въ губерніи; они являются непосредственными руководителями и отвѣтственными распорядителями мѣстнаго хозяйственнаго управленія. Въ виду такого первенствующаго положенія въ земствѣ предсѣдателей губернскихъ присутствій и выдающагося значенія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, признано правильнымъ установить, чтобы лица эти утверждались въ должностяхъ (гдѣ есть дворянское представительство) или назначались (въ гу-

берніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянскаго представительства) Высочайшею властью, по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ. Члены губернскихъ и предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ присутствій подлежатъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ.

Что касается служебныхъ преимуществъ учреждаемыхъ по мѣстному хозяйственному управленію должностей, то, по соображеніи классовъ и разрядовъ, присвоенныхъ нынѣ различнымъ должностямъ въ составѣ административныхъ установленій губерніи и уѣзда, признано соотвѣтственнымъ отнести:

	По должности и шитью на мундиръ.	*По пенсіи.*
Предсѣдателей губернскихъ присутствій	къ V классу и разр.	къ 1 ст. III разр.
Членовъ губернскаго и предсѣдателей уѣзднаго присутствій.	„ VI „ „	„ 2 ст. III „
Членовъ уѣзднаго земскаго присутствія	„ VII „ „	„ IV разря

Для опредѣленія окладовъ содержанія, приняты въ соображеніе земскія смѣты на 1887 годъ. Изъ означенныхъ смѣтъ видно, что вознагражденіе предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ колеблется между 2.500 и 6.000 р. въ годъ, члену губернской управы производится жалованья отъ 1.500 до 3.000 руб., предсѣдателю уѣздной земской управы—отъ 300 до 4.000 р. и члену уѣздной управы—отъ 175 р. до 2.000 р. въ годъ. Средніе же размѣры денежнаго довольствія этихъ лицъ, выведенные посредствомъ раздѣленія итоговъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе каждаго изъ указанныхъ четырехъ разрядовъ выборныхъ чиновъ земства, на общее число должностей соотвѣтствующаго разряда, составляютъ: для предсѣдателей губернскихъ управъ 3.479 р., для членовъ этихъ управъ 2.097 р., для предсѣдателей уѣздныхъ управъ 1.639 р. и для ихъ членовъ 908 р. въ годъ. Первая и вторая изъ этихъ цифръ, съ округленіемъ до 3.500 р. и 2.000 р., приняты въ проектированномъ росписаніи должностей для предсѣдателя и члена губернскаго присутствія; цифры же третью

и четвертую признано справедливымъ увеличить до 2.000 р.[1]) и 1.000 р., въ виду возлагаемыхъ на предсѣдателя уѣзднаго присутствія отвѣтственныхъ обязанностей и предполагаемаго въ бо́льшей части уѣздовъ сокращенія нынѣшняго числа членовъ уѣздныхъ исполнительныхъ органовъ, послѣдствіемъ чего окажется увеличеніе дѣятельности каждаго изъ этихъ членовъ.

Составъ нынѣшнихъ земскихъ управъ, на основаніи дѣйствующаго закона, допускается въ числѣ отъ *двухъ* до *шести* членовъ, кромѣ предсѣдателя. Высшая предѣльная норма оказывается чрезмѣрно высокою. Не смотря на далеко небережливое распоряженіе земскими средствами, нѣтъ ни одной земской управы, гдѣ бы состояло въ настоящее время 6 членовъ, получающихъ содержаніе. Хотя въ Дмитріевской (Курской губ.) и Данковской (Рязанской губ.) уѣздныхъ управахъ и числится по шести членовъ, но въ каждой изъ нихъ получаютъ содержаніе только двое. Опытъ указываетъ, что нормальнымъ составомъ слѣдуетъ признать *двухъ* членовъ для уѣзднаго и *трехъ*—для губернскаго земскаго исполнительнаго органа. Но, установляя эти цифры, нельзя не предвидѣть, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ могутъ оказаться недостаточными, а потому признано необходимымъ въ исключительныхъ случаяхъ допускать превышеніе нормы, не иначе, однако, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. При нормальномъ составѣ будетъ требоваться на содержаніе:

34	предсѣдателей губернскихъ присутствій. .	119.000 р.
102	членовъ „ „ . .	204.000 „
362	предсѣдателей уѣздныхъ присутствій . .	724.000 „
724	членовъ „ „ . .	724.000 „
	Всего . . .	1.771.000 р.

[1]) Окладъ этотъ предположенъ для предсѣдателей присутствій въ уѣздахъ, имѣющихъ уѣздное дворянское представительство, такъ какъ въ остальныхъ уѣздахъ должность предсѣдателя уѣзднаго присутствія соединяется съ должностью предсѣдателя съѣзда земскихъ начальниковъ, которому назначается содержаніе въ размѣрѣ 2.500 р. въ годъ.

Значительно сократятся также и расходы на содержаніе другихъ лицъ. Нынѣ законъ предоставляетъ земскимъ собраніямъ назначать изъ своей среды по выборамъ особыхъ уполномоченныхъ, на которыхъ могутъ быть возлагаемы *постоянныя* обязанности по управленію принадлежащими земству недвижимыми имуществами и разными заведеніями и учрежденіями. Такой порядокъ составляетъ логическое послѣдствіе принятой нынѣ выборной системы замѣщенія всѣхъ должностей по земству и подчиненія его исполнительныхъ органовъ однимъ лишь земскимъ собраніямъ, какъ самостоятельнымъ распорядителямъ въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйства. Но при новой постановкѣ земскаго дѣла, превращающей исполнительные земскіе органы въ учрежденія правительственныя, личный составъ которыхъ назначается правительственною властью и дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ надзоромъ губернатора, избраніе особыхъ лицъ для исполненія такихъ постоянныхъ обязанностей, которыя входятъ въ кругъ непосредственнаго вѣдомства присутствій, очевидно, не можетъ быть допущено. Потребность въ услугахъ смотрителей больницъ, экономовъ и т. п., разумѣется, будетъ существовать и впредь, но присутствіе (никакъ не земское собраніе) можетъ приглашать постороннихъ лицъ для постоянныхъ занятій или для исполненія временныхъ порученій не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Вопросъ о томъ, какія должности медиковъ, техниковъ и иныхъ второстепенныхъ агентовъ земства должны быть сохранены и какія могутъ быть упразднены, съ возложеніемъ соотвѣтственныхъ обязанностей на спеціалистовъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ общей администраціи, требуетъ внимательнаго и всесторонняго соображенія, въ связи съ точными и подробными свѣдѣніями о размѣрахъ и условіяхъ дѣятельности подвѣдомственныхъ земствамъ учрежденій. Такихъ свѣдѣній практика земскихъ управъ не можетъ дать, ибо они, по удостовѣренію министерства внутреннихъ дѣлъ, „при образованіи упомянутыхъ учрежденій и дальнѣйшемъ направленіи ихъ дѣйствій, руководствуются нерѣдко побужденіями, не имѣющими ничего общаго съ заботами объ удовлетворе-

ній дѣйствительныхъ, а не предполагаемыхъ только, подъ вліяніемъ различныхъ тенденціозныхъ теорій, потребностей мѣстнаго населенія“ и не соразмѣряютъ съ платежными средствами послѣдняго необходимыхъ на то матеріальныхъ жертвъ. Удовлетворительно разрѣшить поставленный вопросъ можно лишь въ будущемъ, когда совмѣстный трудъ органовъ администраціи и земства выяснитъ дѣло, покуда же осторожность требуетъ не касаться личнаго состава второстепенныхъ агентовъ по мѣстному хозяйственному управленію.

Сдѣлана важная редакціонная поправка къ ст. 53 дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ статьѣ этой выражено, что въ губернскомъ земскомъ собраніи, „въ тѣхъ случаяхъ, когда Государю Императору не угодно будетъ назначить для предсѣдательствованія въ ономъ особое лицо“, предсѣдательствуетъ губернскій предводитель дворянства. Въ такой редакціи приведенное постановленіе представляетъ весьма существенныя неудобства. Оно указываетъ на первомъ мѣстѣ и какъ бы въ видѣ общаго правила мѣру, примѣнявшуюся крайне рѣдко. Не подлежитъ сомнѣнію, что если Его Величеству благоугодно будетъ устранить того или другаго губернскаго предводителя дворянства отъ предсѣдательствованія въ губернскомъ земскомъ собраніи, то распоряженіе о томъ можетъ послѣдовать въ формѣ сепаратнаго Высочайшаго повелѣнія. Между тѣмъ указаніе на такое устраненіе, въ приведенной выше формѣ, въ законодательномъ актѣ, получившемъ широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ общества, бросаетъ тѣнь, ничѣмъ не заслуженную, на самую почетную въ губерніи должность, потому что можетъ быть истолковано въ смыслѣ принципіальнаго или предвзятаго недовѣрія правительства къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Подобное, несомнѣнно ошибочное, толкованіе находитъ себѣ, повидимому, почву и въ сопоставленіи ст. 53 съ 43-ю статьею, въ которой безъ всякихъ оговорокъ постановлено, что „въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства“. Министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ необ-

ходимымъ постановить также безъ оговорокъ, что „въ губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ губернскій предводитель дворянства“.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ не производятся дворянскіе выборы, было бы затруднительно пріискать незанятыхъ службою людей, на столько пользующихся общимъ уваженіемъ и пріобрѣвшихъ необходимую дѣловую опытность, чтобы имъ можно было поручить предсѣдательствованіе въ земскихъ собраніяхъ. Такихъ людей вообще немного въ упомянутыхъ мѣстностяхъ и наиболѣе достойными изъ нихъ, безъ сомнѣнія, будутъ замѣщены должности предсѣдателей съѣздовъ земскихъ начальниковъ, а съ этими должностями, по проекту земскаго положенія, имѣется въ виду соединить должности предсѣдателей мѣстныхъ земскихъ присутствій. Поэтому наиболѣе цѣлесообразнымъ казалось бы постановить, что въ мѣстностяхъ, гдѣ не производятся дворянскіе выборы, предсѣдательствованіе въ губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ возлагается на предсѣдателей губернскаго и уѣздныхъ земскихъ присутствій.

Земскія собранія и ихъ постановленія, по новому проекту, совершенно теряютъ тотъ характеръ независимости отъ правительственной власти и обособленной самостоятельности, который присвоенъ имъ дѣйствующимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Дѣятельности администраціи предоставленъ широкій просторъ. *Всѣ постановленія* земскихъ собраній подчиняются единообразному порядку, состоящему въ томъ, что они входятъ въ законную силу, т. е. становятся обязательными, лишь въ случаѣ утвержденія ихъ, смотря по роду дѣлъ, властью министра или губернатора. Исполненію можетъ подлежать только такое постановленіе, по которому послѣдовала утвердительная резолюція начальника центральнаго или мѣстнаго управленія, по принадлежности. Чтобы устранить всякія сомнѣнія на практикѣ, предположено постановить, что подобныя резолюціи отмѣчаются на представленныхъ губернатору спискахъ (копіяхъ) постановленій собраній и сообщаются подлежащему земскому присутствію въ

установленномъ порядкѣ сношеній. Если губернаторъ не признаетъ возможнымъ утвердить постановленіе уѣзднаго собранія, то передаетъ его на разсмотрѣніе собранія губернскаго; точно также губернаторъ поступаетъ и съ постановленіями этого послѣдняго собранія, съ которыми онъ не согласенъ. Если губернское собраніе уже закрыто или губернаторъ не согласится съ его вторичнымъ постановленіемъ, то дѣло представляется на разрѣшеніе министру внутреннихъ дѣлъ. Министру предоставлено разрѣшать собственною властью всѣ подобныя разномыслія, кромѣ нѣкоторыхъ, возникающихъ по вопросамъ объ увеличеніи земскихъ расходовъ, т. е. когда этого увеличенія требуетъ губернаторъ. Въ такихъ случаяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, если признаетъ предположенія губернатора заслуживающими уваженія, вноситъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ тѣ отдѣлы земскихъ смѣтъ, по которымъ проектировано увеличеніе расходовъ, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, а впредь до разрѣшенія дѣйствуютъ земскія смѣты и раскладки предшествующаго смѣтнаго періода. Никакими сроками для утвержденія постановленій земскихъ собраній, ни губернаторъ, ни министръ не стѣснены, такъ какъ „ни одинъ губернаторъ не рѣшится затянуть на долгій срокъ“ своихъ представленій министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній пользуется правомъ безусловнаго veto относительно опредѣленій, съ которыми онъ не признаетъ возможнымъ согласиться. Губернатору предоставляется право, въ случаяхъ чрезвычайной важности, когда является необходимость въ принятіи хозяйственныхъ мѣръ, не терпящихъ отлагательства (напр. во время народныхъ бѣдствій, прохожденія по губерніи значительнаго числа войскъ и т. п.), не ожидая созванія земскихъ собраній, подъ своею личною отвѣтственностію, предписывать присутствіямъ произвести потребные расходы изъ мѣстныхъ средствъ. Ему же предоставляется предлагать на обсужденіе подлежащаго земскаго собранія предположенія о мѣрахъ, клонящихся къ улучшенію экономическаго положенія всей губерніи или отдѣльныхъ въ ней мѣстностей, равно какъ заключенія свои по

всѣмъ вообще предметамъ вѣдомства собранія. Ходатайства земскихъ собраній передъ правительствомъ о мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ направляются къ губернатору и уже съ его заключеніемъ представляются по принадлежности.

Предположено важное нововведеніе въ обжалованіи постановленій земства *частными* лицами.

По этому предмету въ дѣйствующемъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ находится крайне неопредѣленное указаніе: „земское собраніе, говорится въ ст. 83, приступаетъ къ обсужденію подвѣдомственныхъ ему дѣлъ, между прочимъ, по жалобамъ частныхъ лицъ“. Указаніе это разъяснено Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ земскія учрежденія, въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно, то существующими узаконеніями не только не установленъ инстанціонный порядокъ обжалованія опредѣленій земскихъ собраній, но и самое право на такое обжалованіе, со стороны частныхъ лицъ, нигдѣ въ законѣ не допущено [1]). Правительствующій Сенатъ вообще не считаетъ себя призваннымъ провѣрять распоряженія земскихъ органовъ по существу [2]). Между тѣмъ именно по существу вопросовъ возникаютъ главнѣйшія столкновенія между земскими и частными интересами. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ тѣ часто встрѣчающіеся на практикѣ случаи, когда чрезмѣрное обложеніе имуществъ земскими сборами зависитъ отъ неправильной ихъ оцѣнки. Такъ какъ установленіе подробностей раскладки и самыхъ нормъ для опредѣленія цѣнности и доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію, предоставлено всецѣло вѣдѣнію земскихъ собраній [3]), то владѣльцамъ, собственность которыхъ оцѣнена слишкомъ высоко и которые узнаютъ о такой оцѣнкѣ обыкновенно лишь по полученіи окладныхъ листовъ, т. е. когда постановленіе собранія, нарушившее ихъ интересы, вступило уже въ за-

[1]) Цирк. мин. внутр. дѣлъ 13 апр. 1867 г., № 81 и рѣшеніе Общ. Собр. Прав. Сен. 6 окт. 1872 г., № 588.

[2]) Тамъ же и ук. Прав. Сен. 20 дек. 1873 г.

[3]) Ук. Прав. Сен. 2 янв. 1873 г., № 5.

конную силу и не можетъ быть опротестовано губернаторомъ, остается только жаловаться земскому собранію и просить о переоцѣнкѣ ихъ имуществъ. Опытъ указываетъ однако, что такимъ путемъ почти никогда нельзя достигнуть возстановленія нарушенной справедливости, ибо въ подобныхъ случаяхъ земскія собранія являются судьями въ собственномъ дѣлѣ и притомъ судьями безапелляціонными. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію прямыхъ и точныхъ указаній въ законѣ, земскія собранія пріобрѣли для плательщиковъ земскихъ сборовъ значеніе власти, на которую нѣтъ ни суда, ни расправы. Въ устраненіе такой несообразности на будущее время предполагается постановить, что опредѣленія земскихъ собраній, утвержденныя губернаторомъ, могутъ быть обжалованы министру внутреннихъ дѣлъ, который, если признаетъ такую жалобу заслуживающею уваженія, сообщаетъ губернатору о пересмотрѣ постановленія въ земскомъ собраніи. Если же собраніе не согласится измѣнить обжалованное опредѣленіе, то возникающее разномысліе подлежитъ разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ на общемъ основаніи. Распоряженія же министра подлежатъ, со стороны частныхъ лицъ, обжалованію въ первый департаментъ Сената.

Здѣсь кстати привести взглядъ министерства внутреннихъ дѣлъ на принятіе на себя земскими гласными, избранными изъ числа присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ (преимущественно въ городахъ), ходатайствъ по судебнымъ дѣламъ противъ своего земства. Лица эти, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, не стѣсняются злоупотреблять своимъ положеніемъ въ земствѣ для полученія свѣдѣній, которыми затѣмъ пользуются въ интересахъ своихъ довѣрителей и въ прямой ущербъ земству. Независимо отъ неблаговиднаго характера такихъ поступковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ, что поступки эти обнаруживаютъ въ лицахъ, не считающихъ ихъ для себя предосудительными, такое отсутствіе пониманія самыхъ основаній и истиннаго значенія обязанностей земскаго гласнаго, призываемаго къ защитѣ интересовъ *земства*,

что дальнѣйшее пребываніе подобныхъ ходатаевъ въ составѣ земскаго собранія не можетъ быть признано полезнымъ, ни даже умѣстнымъ. Поэтому въ проектѣ постановлено, что гласный, принявшій на себя веденіе судебнаго дѣла противъ своего земства, исключается изъ числа гласныхъ подлежащаго земскаго собранія (ст. 58).

Особое вниманіе обращено составителями проекта на порядокъ установленія новыхъ земскихъ сборовъ.

По основнымъ началамъ нашего законодательства, установленіе, измѣненіе и отмѣна обязательныхъ для всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія денежныхъ сборовъ и налоговъ зависитъ исключительно отъ верховной власти. Въ до-реформенную эпоху начало это проведено было съ неуклонною послѣдовательностью относительно всякаго рода повинностей, какъ обще-государственныхъ, такъ и мѣстныхъ. Соотвѣтственно этому, смѣты денежнымъ сборамъ на земскія повинности составлялись министромъ финансовъ на каждое трехлѣтіе и, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, представлялись на утвержденіе Государя Императора. Такой порядокъ примѣняется и теперь къ мѣстностямъ, гдѣ не введены земскія учрежденія.

Первое отступленіе отъ указаннаго основнаго принципа въ дѣлѣ мѣстнаго обложенія было допущено при осуществленіи земской реформы. Положеніемъ 1-го января 1864 года и изданными, одновременно съ этимъ положеніемъ, временными правилами о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи, новымъ земскимъ учрежденіямъ предоставлено было назначать дополнительные, ко взимавшимся до того времени на губернскія и уѣздныя потребности, сборы съ земель, фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній и вообще съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, а также съ свидѣтельствъ на право торговли [1]). Затѣмъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановленіе это было измѣнено въ томъ смыслѣ, что земскимъ собраніямъ при-

[1]) П. С. З. № 40.458, ст. 9.

надлежитъ право установлять денежные на нужды земства сборы съ слѣдующихъ предметовъ: а) съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, какъ то: съ земель, жилыхъ домовъ, фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній и вообще всякаго рода зданій и сооруженій, и б) съ свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ, билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія и съ патентовъ на винокуренные заводы и на заведенія для продажи питей. При этомъ установлены были высшія нормы обложенія поименованныхъ документовъ, опредѣленіе же размѣра сборовъ съ недвижимой собственности предоставлено всецѣло усмотрѣнію земскихъ собраній.

Не имѣя возможности выходить изъ предѣловъ нормъ, назначенныхъ для сборовъ съ торговли и промышленности, земскіе органы сосредоточили всѣ свои бюджетныя мѣропріятія на недвижимыхъ имуществахъ, въ особенности на земляхъ казенныхъ, удѣльныхъ и владѣльческихъ. По удостовѣренію министерства внутреннихъ дѣлъ, широко и неосмотрительно, въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ тенденціозныхъ соображеній, пользуясь правомъ обращать натуральныя повинности въ денежныя, произвольно возвышая или понижая оцѣнки различныхъ категорій недвижимыхъ имуществъ, нерѣдко съ цѣлью удовлетворенія господствующей партіи, наконецъ, назначая оклады безъ надлежащаго соображенія съ дѣйствительною цѣнностью и доходностью имуществъ, многія земства внесли вопіющую неравномѣрность въ распредѣленіе тяжести повинностей между различными группами плательщиковъ, а нѣкоторыя систематически разоряли и продолжаютъ разорять цѣлые классы мѣстнаго населенія. Не менѣе поразительные примѣры земскаго произвола представляютъ размѣры обложенія казенныхъ земель, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, гдѣ земскія учрежденія задавались, повидимому, цѣлью постоянно возвышать сборы съ такихъ земель, не стѣсняясь количествомъ приносимыхъ ими доходовъ и не облегчая притомъ бремени налоговъ для частныхъ владѣль-

цевъ, въ особенности для собственниковъ крупныхъ горнозаводскихъ имѣній [1]).

Подобное ненормальное положеніе, казалось бы, легко устранить. Стоило бы только опредѣлить высшую норму обложенія недвижимой собственности, примѣнительно къ постановленіямъ, содержащимся по этому предмету въ городовомъ положеніи [2]). Именно такую мѣру предлагаетъ баронъ П. Л. Корфъ въ своей брошюрѣ, отчасти уже извѣстной нашимъ читателямъ. Земскій публицистъ говоритъ:

„Владѣлецъ имущества, не зная предѣла возможнаго своего взноса на земскую повинность, не можетъ сдѣлать въ точности своего бюджета и теряетъ отъ того при продажѣ имѣнія и при отдачѣ его въ аренду, не имѣя возможности разъяснить покупщику или арендатору эту статью расхода; владѣльцы домовъ въ городахъ, имѣя опытъ огражденія закономъ всѣхъ предметовъ обложенія собственно на городскія нужды, не могутъ свыкнуться съ этою неопредѣлительностью относительно обложенія на повинности уѣздныя и губернскія; неопредѣлительность эта вредна самому земскому управленію, которое, не имѣя предъ собою закономъ опредѣленнаго предѣла, лишается чрезъ то самаго сильнаго орудія для борьбы какъ съ собственными, подъ-часъ, увлеченіями, такъ и съ настояніями разныхъ мѣстныхъ дѣятелей, и съ требованіями постороннихъ вѣдомствъ и должностныхъ лицъ“...

„Если при изданіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ установить максимумъ земскаго обложенія было трудно, за отсутствіемъ данныхъ, то теперь этого сказать нельзя. Данныхъ имѣется вполнѣ достаточно, и я не вижу препятствія къ изданію нынѣ же закона, опредѣляющаго максимумъ для обложенія земскимъ сборомъ недвижимыхъ имуществъ, по-

---

[1]) Это обстоятельство главнымъ образомъ, повидимому, побудило министерство внутреннихъ дѣлъ предоставить владѣльцамъ крупныхъ горнозаводскихъ имѣній самостоятельный голосъ въ земскихъ собраніяхъ съ правомъ посылать даже вмѣсто себя уполномоченныхъ, чего не могутъ дѣлать остальные крупные землевладѣльцы.

[2]) Ст. 128, 130 и 132.

добно тому, какъ этотъ максимумъ существуетъ уже для городскаго обложенія на всѣ предметы и для самого же земскаго обложенія на торговые документы"...

„Внимательное изученіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ даетъ основаніе для выработки такой нормы обложенія, которая, будучи прежде всего не чрезмѣрно отяготительною для плательщиковъ, давала бы возможность выполнить смѣту, благоразумно составленную, въ которой заключались бы расходы, обязательные въ ихъ минимальномъ размѣрѣ, и также въ умѣренномъ размѣрѣ расходы хотя не обязательные, но продолжительною мѣстною практикою и опытомъ (!) обратившіеся въ необходимые. Полагаю, что благоразумная норма для максимальнаго обложенія на губернское и уѣздное земство вмѣстѣ можетъ составить приблизительно $^3/_4$ % съ цѣнности недвижимаго имущества, т. е. по 7 р. 50 коп. съ каждой 1.000 руб. цѣнности, или, вѣрнѣе сказать, эта норма можетъ колебаться, смотря по мѣстностямъ, между $^1/_2$ % и 1 % цѣнности".

„Я думаю, что можно допустить различныя нормы въ разныхъ мѣстностяхъ. Во всякомъ случаѣ, нужно будетъ спросить по этому вопросу предварительнаго заключенія всѣхъ земскихъ собраній, причемъ въ отвѣтахъ ихъ найдутся полезныя соображенія и данныя, которыя облегчатъ разрѣшеніе вопроса".

Министерство внутреннихъ дѣлъ прямо противоположнаго мнѣнія. Оно полагаетъ, что матеріалъ, накопленный земскими изслѣдованіями и земскимъ опытомъ,—негодный матеріалъ для установленія нормы обложенія недвижимой собственности на земскія нужды, что вполнѣ точныхъ о цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ данныхъ нельзя извлечь ни изъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ, по большей части крайне произвольныхъ, ни изъ свѣдѣній, собранныхъ земскими статистическими изслѣдованіями, которыя производились, въ большинствѣ случаевъ, съ предвзятыми идеями и подъ вліяніемъ побужденій, совершенно чуждыхъ строго научному изученію предмета. Кромѣ того, на основаніи результатовъ дѣятельности существующихъ земскихъ учрежде-

ній невозможно составить вѣрное понятіе и объ истинныхъ потребностяхъ земства. По мнѣнію министерства, благоразумнѣе признать опредѣленіе нормъ обложенія недвижимыхъ имуществъ задачею будущаго, не усложняя разрѣшеніемъ ея и безъ того сложнаго дѣла предстоящаго земскаго преобразованія. Въ настоящее время по необходимости слѣдуетъ ограничиться непосредственнымъ воздѣйствіемъ правительственной власти по завѣдыванію земскими повинностями и установить въ законѣ основнымъ началомъ, что возвышеніе сборовъ на предметы, предоставленные обложенію на земскія потребности, можетъ быть допускаемо лишь путемъ совмѣстныхъ распоряженій администраціи и земскихъ собраній.

Въ иномъ видѣ представляется вопросъ о *новыхъ* сборахъ. Хотя предоставленныя нынѣ по этому предмету земскимъ собраніямъ обширныя полномочія, весьма близко граничащія съ кругомъ непосредственнаго вѣдѣнія законодательной власти, явились послѣдствіемъ ошибки или недосмотра, допущеннаго государственною канцеляріею, при составленіи окончательной редакціи земскаго положенія [1]), тѣмъ не менѣе министерство внутреннихъ дѣлъ не находитъ возможнымъ совершенно устранить земскія собранія отъ дѣла установленія новыхъ сборовъ, въ виду того, что разныя мѣстныя потребности, удовлетвореніе которыхъ возложено на обязанность земскихъ учрежденій, съ теченіемъ времени постепенно возрастаютъ и могутъ, слѣдовательно, вызвать въ будущемъ необходимость обложенія новыхъ источниковъ или возвышенія предѣльныхъ нормъ, установленныхъ въ законѣ для нѣкоторыхъ изъ существующихъ земскихъ сборовъ. Но земскія собранія ни въ какомъ случаѣ не должны пользоваться верховными законодательными правами, а потому ихъ полномочія слѣдуетъ ввести въ предѣлы, установленные нынѣ для

[1]) Ошибка обнаруживается при сопоставленіи п. 8 ст. 68 земскаго положенія съ мнѣніемъ Госуд. Совѣта по поводу ст. 10 проекта „временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ“ (матер. по земск. общ. устр., изд. хоз. д-та, т. II, стр. 562).

городскихъ думъ; въ городовомъ же положеніи (ст. 137) выражено, что установленіе новыхъ сборовъ или налоговъ въ пользу города, а равно опредѣленіе сборовъ свыше указанныхъ предѣловъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по разрѣшенію, законодательнымъ порядкомъ, ходатайствъ о томъ городской думы. Соотвѣтственныя ходатайства предположено предоставить однимъ только *губернскимъ* земскимъ собраніямъ.

Новымъ проектомъ вообще съуженъ кругъ дѣятельности уѣздныхъ земскихъ собраній и расширенъ контроль губернскихъ земскихъ учрежденій надъ уѣздными. Напримѣръ: губернскому земскому собранію принадлежитъ разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ собраній, въ случаѣ несогласія губернатора съ такими постановленіями; въ нѣкоторыхъ случаяхъ обжалованія—распоряженія уѣздныхъ присутствій могутъ быть отмѣняемы по представленіямъ губернскаго присутствія; губернское присутствіе по собственному почину можетъ производить ревизіи уѣзднымъ земскимъ присутствіямъ и всѣмъ подчиненнымъ имъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, равно производить на мѣстахъ дознанія о дѣйствіяхъ лицъ, служащихъ въ уѣздныхъ присутствіяхъ и учрежденіяхъ, представляя губернатору и губернскому собранію о результатахъ такихъ ревизій и дознаній; если уѣздное земское собраніе не состоится за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ, то подлежавшія его обсужденію дѣла разрѣшаются губернскимъ собраніемъ, а нѣкоторыя изъ нихъ направляются къ исполненію по заключеніямъ уѣзднаго земскаго присутствія, утвержденнымъ властью губернатора; предположенія объ открытіи новыхъ или перенесеніи изъ одной мѣстности въ другую прежнихъ ярмарокъ, торговъ и базаровъ разсматриваются исключительно губернскимъ земскимъ собраніемъ и т. п.

Нѣкоторыя изъ существующихъ земскихъ учрежденій признаны несоотвѣтствующими характеру земствъ, какъ органовъ правительственной власти. Таковы, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, банки промышленные или спекулятивные. Въ настоящее время, во всѣхъ 34 губер-

ніяхъ, дѣйствуютъ 22 кредитныя установленія, открытыя земствами на основаніи Высочайше утвержденнаго по ихъ ходатайствамъ 17 мая 1871 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, а именно: Общества взаимнаго кредита: Екатеринославскаго губернскаго земства и уѣздныхъ земствъ: Аткарскаго, Бердянскаго, Брянскаго, Галичскаго, Ефремовскаго, Изюмскаго, Кинешемскаго, Кологривскаго, Кромскаго, Лебединскаго, Макарьевскаго, Пошехонскаго, Псковскаго, Роменскаго, Славяносербскаго, Сумскаго, Сѣвскаго, С.-Петербургскаго, Торопецкаго, Трубчевскаго и Череповецкаго. При учрежденіи каждаго изъ нихъ земствами производились денежные взносы на образованіе складочнаго капитала; взносы эти различны, отъ 500 до 50.000 р., а при образованіи Херсонскаго и Саратовскаго земельныхъ банковъ, получившихъ наименованіе земскихъ, изъ мѣстныхъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ назначены были пособія (теперь возвращенныя) въ размѣрѣ 100.000 р. на каждый изъ нихъ. Бо́льшею частью взносы земствъ подлежатъ возврату, по мѣрѣ развитія операцій обществъ, на основаніи условій, заключенныхъ послѣдними съ мѣстными земскими управами и внесенныхъ въ уставы; но въ нѣкоторыхъ уставахъ не содержится никакихъ указаній по этому предмету [1]). Всего желательнѣе было бы, одновременно съ введеніемъ проектируемаго новаго земскаго положенія, передать всѣ перечисленныя общества взаимнаго кредита въ полное и исключительное вѣдѣніе прочихъ, кромѣ земства, ихъ членовъ, на началахъ частныхъ банковыхъ предпріятій, съ немедленнымъ возвратомъ взносовъ земскихъ учрежденій и устраненіемъ этихъ послѣднихъ отъ всякаго участія въ управленіи дѣлами обществъ взаимнаго кредита и въ отвѣтственности за ихъ операціи; но осуществленіе этой мѣры встрѣтило бы препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что возмѣщеніе зем-

[1]) Какъ можно заключить изъ содержанія уставовъ, Череповецкое, Макарьевское и Изюмское уѣздныя земства, сдѣлавъ членскіе взносы въ 500, 5.000 и 10.000 р., отвѣтствуютъ за убытки въ десять разъ бо́льшіе, т. е. въ 5.000, 50.000 и 100.000 р., остальныя же земства—въ суммѣ ихъ взносовъ.

ствомъ ихъ взносовъ вовсе не предусмотрѣно въ уставахъ нѣкоторыхъ кредитныхъ установленій, воспользовавшихся земскими деньгами, а по другимъ изъ такихъ уставовъ оно должно производиться постепенно, въ сроки и порядкомъ, опредѣленнымъ по соглашенію съ мѣстными земскими управами. Въ виду этого признано необходимымъ, сохранивъ до поры до времени земскія общества взаимнаго кредита на существующихъ основаніяхъ, предоставить государственному контролеру и министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному между собою соглашенію, выработать предположенія о порядкѣ и способахъ ликвидаціи участія земствъ въ упомянутыхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Министерскій проектъ высказывается и противъ нынѣшняго устройства земскихъ эмеритальныхъ кассъ, учрежденныхъ по представленію въ 1882 году тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева.

Разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ правила [1]) были утверждены, въ видѣ опыта на 5 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно представило свои соображенія или о продленіи срока, или о необходимыхъ измѣненіяхъ въ главныхъ основаніяхъ учрежденія земскихъ эмеритальныхъ кассъ. Эта оговорка сдѣлана въ примѣчаніи къ ст. 1876 общ. учр. губ., по прод. 1883 г., но при изданіи земскаго положенія въ 1886 году была устранена, такъ что временнымъ правиламъ о земскихъ эмеритальныхъ кассахъ присвоено, въ кодификаціонномъ порядкѣ, значеніе постояннаго закона.

---

[1]) Главныя ихъ основанія слѣдующія: а) земскія эмеритальныя кассы учреждаются по одной на губернію; б) въ нихъ обязательно участвуютъ всѣ состоящіе на службѣ съ содержаніемъ, какъ въ земскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ подвѣдомственныхъ имъ установленіяхъ и заведеніяхъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ выборныя по земству должности; в) фондъ кассы образуется, кромѣ вычетовъ изъ содержанія участниковъ, ежегоднымъ отчисленіемъ 3% годоваго оклада всѣхъ земскихъ сборовъ; г) опредѣленіе размѣра вычетовъ и нормальныхъ выдачъ (т. е. пенсій и единовремен. пособій) предоставляется губернскому земскому собранію; д) состоятельность кассы обезпечивается всѣми средствами земства.

Мысль объ учрежденіи отдѣльныхъ эмеритальныхъ земскихъ кассъ по губерніямъ, и при томъ исключительно для низшихъ должностныхъ лицъ земства, едва ли можетъ быть признана вполнѣ удачною. Въ основаніи всякой эмеритуры лежитъ начало страхованія, а потому однимъ изъ главнѣйшихъ условій успѣха служитъ по возможности широкая постановка эмеритальной операціи. Чѣмъ больше составъ обязательныхъ членовъ эмеритальной кассы съ самаго ея открытія—тѣмъ скорѣе образуется эмеритальный фондъ, необходимый для обезпеченія обязательствъ кассы передъ пенсіонерами, и тѣмъ прочнѣе станетъ все дѣло эмеритуры. Но земскія кассы, образуемыя по каждой губерніи изъ крайне ограниченнаго числа участниковъ и притомъ изъ лицъ, получающихъ, въ большинствѣ случаевъ, скудное содержаніе,—не обѣщаютъ дать такихъ результатовъ. Относительно этихъ учрежденій непзбѣжною представляется слѣдующая дилемма: или придется отложить начало производства эмеритальныхъ выдачъ на продолжительный срокъ, который долженъ быть исчисляемъ многими десятками лѣтъ; или же земства, принявшія на себя отвѣтственность за исполненіе кассами ихъ обязательствъ, вынуждены будутъ недостающія суммы пополнять изъ своихъ смѣтныхъ средствъ. И тотъ и другой исходъ едва-ли можетъ быть признанъ желательнымъ.

Хотя такимъ образомъ и возбуждаются весьма серьезныя сомнѣнія относительно правильности допущенной организаціи земскихъ эмеритальныхъ кассъ—этихъ, по основной мысли, благодѣтельныхъ учрежденій,— но министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ продолжить срокъ дѣйствія временныхъ правилъ впредь до пересмотра ихъ въ установленномъ порядкѣ.

Такъ какъ изъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій предположено образовать правительственные органы по мѣстному хозяйственному управленію, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что обороты земскихъ суммъ, состоящихъ въ вѣдѣніи этихъ присутствій, должны быть подчинены ревизіи и надзору государственнаго контроля, на общемъ съ

прочими правительственными учрежденіями основаніи; но такая, вполнѣ правильная по существу, мѣра едва-ли можетъ быть введена одновременно съ проектируемымъ преобразованіемъ земствъ, такъ какъ предварительно необходимо подвергнуть тщательному соображенію порядокъ и условія ея примѣненія.

Какъ установленія правительственныя, земскіе исполнительные органы, по дѣламъ судебнымъ и въ своихъ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами, а также по храненію суммъ въ казначействахъ или въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, должны пользоваться всѣми правами и преимуществами казенныхъ управленій.

Новое положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ предположено вводить постепенно, по отдѣльнымъ губерніямъ, вслѣдъ за осуществленіемъ въ каждой изъ нихъ проекта о земскихъ начальникахъ, причемъ признается необходимымъ всѣ по этому предмету распоряженія подчинить высшему надзору министра внутреннихъ дѣлъ и непосредственному въ каждой губерніи вѣдѣнію губернатора, не разсчитывая на содѣйствіе нынѣшнихъ исполнительныхъ органовъ земства, которымъ въ данномъ случаѣ пришлось бы трудиться надъ неблагодарною задачею самоупраздненія.

А. М—СКІЙ.

ГРЯДУЩІЯ БѢДЫ АНГЛІИ.

I.

Говорятъ, что древніе заводы двухъ прочнѣйшихъ матеріаловъ—стали и желѣза—подвержены такой же опасности какъ пороховые склады: желѣзная пыль забирается вѣками въ каждую дырочку и щелку завода и, возгораясь быстрѣе пороха, грозитъ ежеминутно смертельнымъ взрывомъ. Подобный заводъ олицетворяетъ собой современная Англія. Цѣлые вѣка шла она во главѣ цивилизованныхъ націй, гордая и сильная. Нигдѣ въ Европѣ высшіе классы общества не пользовались столь обширными привилегіями, какъ въ этомъ островномъ царствѣ, а между тѣмъ именно тамъ выросъ пышнымъ деревомъ идеалъ приличія въ людскихъ отношеніяхъ, который характеризуется полностью англійскимъ выраженіемъ „gentlemenlike“, столь невѣрно переводимымъ на русскій языкъ словомъ „джентльменство“. Ни въ одномъ изъ цивилизованныхъ государствъ среднее образованіе не было столь прочнымъ достояніемъ массы, а высшее не стояло тверже на почвѣ классицизма, какъ въ Англіи, и въ то же время нѣтъ въ Европѣ другой націи, гдѣ бы столь усердно посѣщались церкви и гдѣ религіозныя проповѣди были бы такъ многочисленны, какъ въ Великобританіи. Слово устное и печатное только въ Англіи дѣйствительно свободно даже отъ малѣйшей тѣни административной опеки, а, между тѣмъ, гдѣ есть другой народъ, который бы столь

мало злоупотреблялъ этой свободой въ ущербъ частной, общественной или государственной жизни? Далѣе, Англія—единственная страна въ мірѣ, твердо держащаяся принциповъ laissez faire, laissez passer и free trade, т. е. принциповъ полнаго отрицанія системы покровительства частной иниціативѣ и отечественному производству, и именно Англія первая въ мірѣ страна по обилію капиталовъ; наконецъ, одна лишь Великобританія, строго уважая индивидуальную свободу, до сей поры не рѣшилась на введеніе общей воинской повинности, оставаясь при ничтожной арміи наемныхъ солдатъ, и, однако, нѣтъ другаго государства, которое бы успѣло столь широко и смѣло раскинуть по всему міру свою власть, чтобы имѣть тождественное съ англичанами право на признаніе своего языка универсальнымъ [1]). Словомъ, смѣло можно утверждать, что со временъ паденія Римской Имперіи ни одинъ изъ народовъ не внушалъ иностранцамъ такъ много законной зависти, не пользовался среди ихъ столь прочнымъ положеніемъ и не оказывалъ такого огромнаго менторскаго вліянія, возбуждая повсемѣстно подражаніе, какъ народъ англійскій.

Не безъ основанія знаменитые публицисты Франціи говорили, что ихъ морская сосѣдка живетъ „полными аккордами“. Нельзя было бы и подыскать болѣе вѣрной фразы для краткаго опредѣленія англійской общественной и государственной жизни.

Но вотъ, уже на нашихъ глазахъ, что-то случилось почти невидимое и еще меньше кѣмъ понимаемое, что словно по волшебству нарушило гармонію этого аккорда. Трудно даже опредѣлить, когда именно это случилось. Политики и дипломаты, послѣ блестящей буффонады графа

---

[1]) По счету г. Онейля, въ его „Not at Home“ (N. C. 1886) четыре милліона двѣсти тысячъ англичанъ проживаютъ внѣ отечества, а профессоръ Ransome въ „Our Colonies and India“ насчитываетъ даже до 10 милліоновъ. Территорія англійскихъ колоній, говоритъ онъ, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 8 милл. квадратныхъ миль, т. е. она въ три раза больше С.-А. Штатовъ, въ 14 разъ больше Германіи, въ 18 разъ больше Франціи и т. д.

Биконсфильдскаго на берлинскомъ конгрессѣ, начали потихоньку отзываться о политической силѣ Великобританіи, какъ о quantité neglegible; вслѣдъ за непомѣрнымъ развитіемъ дешевой германской мануфактуры, возникшей на пособія изъ пятимилліардной французской контрибуціи, англійскій товаръ сталъ какъ бы стушевываться на всемірныхъ рынкахъ; избирательныя реформы 1867 и особенно 1885 гг. затмили въ самой Великобританіи ея блестящую аристократію, поставивъ на первый планъ сѣрую массу. Пошелъ слухъ, что стальная Англія становится зерномъ всесвѣтнаго соціализма и, наконецъ, вотъ уже третій годъ, какъ главныя свѣдѣнія, идущія изъ этой страны, сосредоточиваются на печальной повѣсти о систематическихъ безпорядкахъ—даже для отдаленнаго наблюдателя—растущихъ съ очевидною силой.

Такая быстрая перемѣна декорацій не могла не породить вопросовъ, настоятельно требующихъ отвѣтовъ—какъ случилась эта перемѣна, гдѣ причины ея и каковъ долженъ быть ея вѣроятный конецъ?

Счастье или несчастье занесло пишущаго эти строки въ Англію какъ разъ на эти послѣдніе три года и, въ качествѣ очевидца, я пробую теперь сдѣлать краткій выводъ изъ того, что мною видѣно, слышано—надѣясь тѣмъ посильно уяснить отвѣты на означенные выше вопросы.

Революціонное движеніе въ массѣ не есть явленіе исключительно англійское. Вся западная Европа въ любомъ уголкѣ ея болѣе или менѣе больна тою же болѣзнью. И, понятно, въ движеніи англійской массы должны играть также немаловажную роль причины общеевропейскаго свойства. Онѣ уже знакомы нынѣ каждому: всегда и вездѣ были воры и грабители, но съ той поры, когда собственность публично объявлена кражей, грабящіе и ворующіе превратились изъ преступниковъ въ практическихъ пропагандистовъ передовой экономической теоріи; вездѣ и всегда были люди безнравственные, но со времени публичнаго отрицанія религіи, безнравственный человѣкъ естественно сдѣлался лишь практическимъ послѣдователемъ новѣйшей дарвиновской теоріи о „борьбѣ за существованіе“.

Даже самое ужасное изъ преступленій—убійство значительно упростилось—прежде убійца покушался на „душу“ жертвы, а теперь, при модномъ матеріализмѣ, онъ бьетъ только тѣло. Наконецъ, и Евангеліе начали уже истолковывать въ смыслѣ натуральнаго и прирожденнаго права каждаго пользоваться одинаково съ другими благами жизни. Словомъ, все, что естественно принято считать основой человѣческаго общества, т. е. мораль, религія и наука, — все приводится къ выводамъ и аксіомамъ, представляющимъ полное отрицаніе современныхъ основъ общественной и государственной жизни. И притомъ, новые учители, не облеченные въ рутинный мундиръ, но подогрѣваемые дешевой и опьяняющей популярностью, отличаются энергіей и неустанной дѣятельностью. Безличныя народныя школы даютъ только лишнее оружіе въ руки этихъ новыхъ учителей. Школы не смѣютъ и думать о борьбѣ съ ними, покорно лишь доставляя имъ грамотный контингентъ, могущій не только слушать проповѣдь отрицанія, но и читать эту проповѣдь въ печатномъ оттискѣ.

Думаю, что нѣтъ надобности обладать особой проницательностью для предсказанія опасностей этой новѣйшей борьбы. Безспорный философскій выводъ изъ исторіи человѣчества утверждаетъ, что общественныя формы жизни основаны на суммѣ и общности идей, а потому, разъ идеи, служившія базисомъ зданія общественнаго, расшатываются—завтрашній день, само собой разумѣется, уже не можетъ походить на вчерашній...

Таковы общія причины смутнаго броженія и тревожныхъ ожиданій въ близкомъ будущемъ всей западной Европы, каковы же ближайшія причины спеціально англійскихъ тревогъ?

До 1885 года Англія была строго аристократическимъ государствомъ. Въ палатѣ пэровъ засѣдали, какъ и теперь, лишь старшіе представители благородныхъ фамилій, пользуясь законодательной властью не по милости короля или народа, а въ силу своего первородства. Нижняя палата была не менѣе аристократическою. Высокій цензъ для изби-

рателей допускалъ въ стѣны Вестминстерскаго дворца лишь вторыхъ сыновей лордскихъ фамилій, да представителей крупныхъ финансовыхъ предпріятій. Самые выборы стоили не менѣе 6—10 тысячъ фунтовъ, т. е. требовали отъ кандидата или милліоннаго состоянія, или престижа древней знаменитой родовитости. Грѣхъ исключеній изъ этого общаго правила случался очень рѣдко, когда, во имя партійной борьбы, богатые торіи или виги проводили въ парламентъ на свои средства какого-нибудь особенно талантливаго parvenu, появленіе котораго на трибунѣ могло принести пользу той или другой партіи въ пору горячей борьбы ея съ противникомъ. Притомъ, аристократичность власти не ограничивается въ Англіи одной парламентской ареной—она течетъ сильной струей по всѣмъ волоснымъ сосудамъ государственнаго организма: высшій судебный и административный авторитетъ находится въ рукахъ мировыхъ судей и шерифовъ, безплатно отправляющихъ свои обязанности и потому избираемыхъ изъ среды той же богатой аристократіи; предсѣдатели приходовъ, завѣдующіе, вродѣ нашихъ земствъ, церковью, народнымъ образованіемъ, благотворительностью и всѣмъ хозяйствомъ участка, суть тѣ же титулованные лорды; наконецъ и земля Англіи принадлежитъ крайне ограниченному числу собственниковъ—аристократовъ. Словомъ, если мы скажемъ, что Англія до 1885 года управлялась землевладѣльцами, какъ николаевская Россія помѣщиками—сравненіе не потребуетъ ни малѣйшей натяжки. И тогдашняя Англія, какъ тогдашняя Россія, имѣла свой опредѣленный обликъ стройнаго и цѣльнаго организма, гдѣ сверху до низу, внутри и снаружи была законченность и гармонія [1]).

---

[1]) Вотъ интересный счетъ Лабушера въ его „Hereditary Legislators“: пэры Англіи имѣютъ среднимъ числомъ на каждаго болѣе 300 т. дохода и по 35 т. акровъ земли; кромѣ того они получаютъ отъ казны въ видѣ ренты ежегодно около 8 мил. рублей; 4500 близкихъ родственниковъ ихъ пользуются отъ правительства постояннымъ жалованьемъ; средней цифрой каждый герцогъ, напр., содержитъ на счетъ государства по 56 родственниковъ и т. д.

У насъ эта гармонія разрушена освобожденіемъ крестьянъ, а избирательныя реформы 1867 и 1885 годовъ вынули изъ-подъ прочнаго государственнаго зданія Англіи многое изъ его фундамента. Мало того, онѣ создали на мѣсто гармоніи разладъ, какой едва-ли случалось видѣть въ исторіи другихъ странъ. Земля осталась въ Англіи по-прежнему исключительно аристократической собственностью; лорды съ своимъ правомъ первородства сохраняютъ за собой status in statu, пользуясь привилегіями въ законодательствѣ, судѣ и администраціи, но центральная власть, при крайне пониженномъ избирательномъ цензѣ, на три четверти перешла уже въ руки массы или „улицы", какъ теперь принято называть ее.

Между тѣмъ, старый гармоническій строй націи создалъ колоссальныя частныя богатства и забралъ въ руки извѣстнаго класса все—землю и власть. Крупное землевладѣніе въ пору своего всевластія уничтожило мелкихъ собственниковъ земли; удивительное развитіе фабричнаго дѣла въ свою очередь сокрушило даже память о кустарномъ промыслѣ. Словомъ, нигдѣ масса не была столь обездолена и такъ систематическп приговорена всѣми условіями жизни, обычаями и законодательствомъ къ исключительно подчиненной, зависимой роли, какъ въ Англіи; и вдругъ этой-то именно массѣ избирательная реформа 1885 года отдала почти всецѣло распоряженіе самыми высшими функціями государственной жизни... На сценѣ не замедлилъ появиться чудовищный диссонансъ. Самп творцы этой реформы—Гладстонъ и Брайтъ отказались идти дальше и публично признали опаснымъ даровать Англіи sufrage universel. Но этотъ отказъ едва-ли еще не ухудшилъ общее положеніе дѣлъ.

Пишущему эти строки пришлось быть свидѣтелемъ первыхъ парламентскихъ выборовъ на основаніп закона 1885 года. Аристократическіе салоны для избирательныхъ митинговъ оказались тогда черезчуръ тѣсными, и въ городахъ потребовались уже самые обширные демократическіе театры, а въ деревняхъ нужно было открыть для черни завѣтныя ворота вѣковыхъ аристократическихъ парковъ. Количество избпрателей сразу выросло отъ двухъ до шести милліоновъ душъ,

и эти новые четыре милліона были до сихъ поръ столь безсловесны, что никто не зналъ ихъ думъ, сужденій или желаній. Корреспонденты газетъ бросились во всѣ глухіе уголки, описывая этихъ новыхъ, какъ невѣдомый народъ, невѣдомой страны[1]). Лорды и милліонеры, хотя съ гримасой, но также стали объѣзжать свои владѣнія, дѣлая визиты къ „меньшему брату", пытая его вопросами о высшей политикѣ, о его взглядахъ на свободу, справедливость, братство и равенство. Послѣ такой увертюры началась „чума языка", какъ мѣтко окрестилъ это явленіе одинъ изъ выдающихся публицистовъ Англіи[2]).

Высшій классъ, понимая, что теперь близится часъ смерти его привилегій, стремится удержать ихъ при помощи врага—массы, ублажая эту массу угодничествомъ. Ландлордъ приглашаетъ фермеровъ уже не по-вчерашнему въ переднюю, а прямо въ гостиную и столовую, садится съ ними вмѣстѣ за обѣдъ и угощаетъ ихъ. До обѣда, за обѣдомъ и послѣ обѣда льются льстивыя рѣчи „младшему брату". Въ шестинедѣльный періодъ упомянутыхъ выборовъ одними вожаками партій было сказано 157 рѣчей и, ручаюсь, нигдѣ подобныя рѣчи не были такъ длинны, какъ въ Англіи. По счету Тройля, они заняли 285 печатныхъ столбцовъ „Times'a" (петитомъ), и столбцы ихъ, изъ одной только газеты, могли бы покрыть на землѣ пространство 130 квадратныхъ футовъ. Прежде, замѣчаетъ тотъ же авторъ, кандидаты говорили въ пять разъ, а комитеты ихъ въ десять разъ меньше.

Безчисленное количество мелкихъ непріятностей, при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ грубой массой, заставили многихъ изъ обѣихъ партій придти къ мысли будто бы для поддержанія государства въ томъ видѣ, какъ оно выработано исторіей, необходимо имъ самимъ попробовать встать

---

[1]) См. напр., рядъ корреспонденцій того времени въ „Daily News" подъ заглавіемъ „The new democracy", въ которыхъ авторъ увѣряетъ, что „еслибъ я сказалъ новымъ избирателямъ, что Тель-Эль-Кебиръ въ Австраліи, а Суданъ есть новое имя мѣсяца — они повѣрили бы мнѣ" и т. д.

[2]) The Plague of Tongues by Trail (N. K. 1886).

во главѣ новаго демократическаго движенія и постараться руководить опасной волной, дабы она не залила, не потопила и не разрушила все существующее вмѣстѣ съ будущимъ Англіи. Явились, такимъ образомъ, у партій и фракцій свои демагоги, и на сцену внутренней политики выступилъ удивительный рядъ странныхъ попытокъ примирить крупное землевладѣніе съ безземеліемъ, привилегіи пэровъ съ всеобщимъ равенствомъ и капитализмъ съ соціализмомъ. Ради первой задачи, напр., ультра-консервативный демагогъ, лордъ Энслей, предложилъ дать каждому земледѣльцу треть десятины въ собственность, обрекая, однако, таковаго на вѣчное батрачество у лордскихъ фермеровъ [1]); для примиренія капитала съ комунизмомъ консервативный демагогъ лордъ Чорчиль провелъ черезъ парламентъ постановленіе объ обязанности большихъ городовъ строить казармы для дароваго помѣщенія бѣднаго люда и пр. и пр. Словомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ этой избирательной борьбы не только стѣны народныхъ ауторій и шкафы парламентскихъ проектовъ, но и весь воздухъ Англіи напитался до пресыщенія подобными попытками согласовать несогласимое.

Число рабочихъ синдикатовъ и ассоціацій росло не по днямъ, а по часамъ; многочисленныя торговыя и промышленныя корпораціи гостепріимно раскрывали свои двери для членовъ-рабочихъ; повсемѣстно организовывались консервативные клубы блузниковъ; милліонеры фабриканты проповѣдывали о сокращеніи рабочихъ часовъ и о запретѣ вредныхъ занятій для женщинъ и дѣтей; наконецъ, и парламентъ отпраздновалъ невиданную доселѣ и „радостную“ манифестацію при входѣ на трибуну перваго фермера, попавшаго въ число депутатовъ—Арча, и перваго рабочаго, удостоившагося выбора—каменьщика Гауля... То была кратковременная, странная пора иллюзій. Помнится, многіе изъ серьезныхъ и образованныхъ головъ Англіи не только вѣрили тогда искренно въ будущую возможность миролюби-

[1]) См. Landlords and Allotement by the Earl of Onslow. 1886.

ваго сожитія батрака съ лордомъ и рабочаго съ фабрикантомъ, но и видѣли уже начало осуществленія такой идеальной дружбы...

Но конечно дѣло выяснилось очень скоро. Льстивыя рѣчи господъ, еще вчера еле отвѣчавшихъ на почтительный поклонъ, а сегодня высказывавшихъ настойчивое желаніе нравиться и служить меньшему брату, только взбудоражили массу. Работа, которую народъ несъ терпѣливо цѣлые десятки лѣтъ, вдругъ оказалась ему непосильной. Тамъ и сямъ, на фабрикахъ, заводахъ и рельсовыхъ путяхъ начали образовываться стачки небывалыхъ размѣровъ съ требованіями нелѣпыми и неслыханными. Фабриканты, заводчики и директора желѣзныхъ дорогъ, въ виду этой требовательности, невозможности удовлетворить ее и страха предъ будущимъ ростомъ непокорности, волей-не-волей должны были искать выхода въ полной или постепенной замѣнѣ своихъ служащихъ иностранцами. Еще болѣе настоятельной такая замѣна оказалась относительно интелигентнаго штата обширныхъ учрежденій промышленности. Эти господа не только захотѣли получать болѣе выгодъ отъ хозяевъ, но и нашли удобнымъ для себя стать во главѣ новыхъ требованій массы подчиненныхъ, предъ которой заводчикъ, фабрикантъ или директоръ заискивалъ въ качествѣ члена парламента.

Такимъ образомъ, въ очень короткій срокъ послѣ избирательной реформы притоны нищеты всѣхъ большихъ городовъ, а по преимуществу Лондона, какъ центра промышленности, благотворительности и соціалистической пропаганды, наполнились словно въ годы народнаго голода. Туда собрались тысячи вчера сытыхъ и довольныхъ земледѣльцевъ; пламенныя головы подъ вліяніемъ новаго вѣянія вдругъ признали жизнь въ деревнѣ на старыхъ началахъ невыносимой несправедливостью; тутъ же сошлись всѣ наиболѣе ярые протестанты среди рабочихъ, которыхъ осторожные патроны замѣнили рабочими изъ нѣмцевъ, шведовъ и бельгійцевъ; сюда же, наконецъ, устремился новый и самый опасный элементъ, состоящій изъ прикащиковъ, кон-

торщиковъ, кассировъ и комми-вояжеровъ, только-что возмечтавшихъ играть политическую роль и очутившихся вдругъ на улицѣ съ пустымъ желудкомъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ.

Вотъ почему въ тѣ дни, когда достовѣрная статистика заноситъ въ свои анналы завидный ростъ британской индустріи и территоріи — Лондонъ видитъ воочію небывалую толпу озлобленныхъ, бушующихъ, не находящихъ работы и чуть не ежедневно нарушающихъ спокойствіе столицы [1]).

Указать открыто на корень бѣдъ значило бы дать ужасный совѣтъ публикѣ сложить руки при видѣ надвигающейся грозы, заставить капиталистовъ бѣжать изъ Англіи, а собственниковъ земли—изъ ихъ помѣстій. И безъ того чуткіе капиталы начинаютъ переплывать океаны, направляясь въ дальнія страны новаго свѣта; и безъ того британская деревня, этотъ недавній идеалъ жизни во всѣхъ сантиментальныхъ романахъ англійской литературы, начинаетъ знакомиться съ небывалымъ явленіемъ увеличивающагося абсентеизма собственниковъ [2]).

Палліативныя средства, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ сплошь оказались ведущими не къ пользѣ, а ко вреду. Когда, напр., не было домовъ для дароваго и дешеваго помѣщенія

---

[1]) Трудъ современной статистической знаменитости — Мьюлгаля ясно доказываетъ огромное развитіе благосостоянія Англіи за послѣдніе десять лѣтъ, а именно:

Населеніе ея увеличилось на	12%
Торговля.	29%
Судоходство	67%
и образованіе	68%

(См. Ten. Years of National growth by Mulhall C. R. 1886). Тѣ же выводы и въ знаменитой рѣчи лорда Дерби „Are we rich or poor?“.

[2]) Г. Бойдъ въ его „The Depression of Trade“ (N. R. 1886) удостовѣряетъ, что „теперь въ Англіи золота и серебра на 25 мил. фунт. меньше, чѣмъ было 25 лѣтъ тому назадъ, хотя населеніе страны за это время увеличилось на 37½%“; а солидный Edinburgh Review въ статьѣ „English Land, Low and Labour“ (январь 1887) говоритъ: „Land lords hare curtailed their expenditure, reduced their establishements, let or closed their houses or become absentees an the Continent“.

бѣднаго люда, нуждающихся въ такихъ квартирахъ насчитывали сорокъ тысячъ. Демагоги-консерваторы выстроили образцовые дома для шестидесяти тысячъ жильцовъ и тотчасъ явилось 150 тысячъ кандидатовъ на эти помѣщенія; пришлось лишній разъ опечалить отказомъ въ помощи 90 тысячъ душъ и, послѣ огромныхъ расходовъ, самая мысль дать на казенный счетъ гигіеническій пріютъ бѣдности признана опасной и неосуществимой иллюзіей. Проба удовлетворить требованіе толпы о пріисканіи ей работы наткнулась, конечно, на несокрушимую при настоящихъ порядкахъ силу—страхъ конкурренціи въ коммерческихъ сферахъ—и потому пришлось на первыхъ порахъ удовлетворять въ этомъ смыслѣ толпу лишь увеличеніемъ числа метущихъ улицы. Починъ тутъ принялъ на себя демагогъ изъ купцовъ-милліонеровъ Чемберлэнъ; по его настоянію (онъ былъ тогда министромъ) лондонскіе приходы пригласили вмѣсто штатныхъ ста пятидесяти поденщиковъ по очисткѣ улицъ (по большей части итальянцевъ) 385 и—о, ужасъ—изъ милліонной толпы голодныхъ пожелало придти на эту работу лишь 15 душъ, а въ дѣйствительности явилось только пять; остальныя же сотни тысячъ просили пищи, крова и работы, но отказывались стоять съ метлой. Демагогъ-лордъ-мэръ Сити Фаулеръ изобрѣлъ съ своей стороны еще одно средство для умиротворенія страстей. Предъ праздникомъ Рождества Христова, единственнымъ днемъ въ году, когда англичане, накушавшись плюмъ-пудинга съ бузиннымъ виномъ, сантиментальничаютъ, лордъ-мэръ задумалъ монстръ-подписку въ пользу бѣдныхъ, упросилъ газетчиковъ раздуть ее, расчеркнувшись самъ въ 25 тысячахъ рублей. И точно, въ три дня собрали почтенную сумму въ 800 тысячъ. Въ каждомъ изъ приходовъ тотчасъ образовался комитетъ вспомоществованій, куда на благотворительную дѣятельность важныя леди являлись въ простенькихъ платьяхъ, а титулованные джентльмены безъ перчатокъ. Кончилась эта затѣя такимъ же фіаско, какъ и всѣ подобные проекты умиротворить толпу. Тамъ, гдѣ комитеты рѣшили помочь бѣдѣ денежными пособіями, они были

завалены такой горой просьбъ и удостовѣреній о бѣдности, что пришлось выдать всего по 3 шиллинга (по 1 р. 50 к.) на голодную семью [1]); въ тѣхъ же приходахъ, гдѣ комитеты хотѣли устроить работы для бѣдныхъ, вышелъ скандалъ: бѣдные заявляли съ гнѣвомъ, бранью и побитіемъ стеколъ свое право на пособіе даромъ, ибо жертвователи, давая деньги, не ставили-де условіемъ полученія ихъ какую-либо работу. Въ концѣ концовъ вся демократическая пресса обозвала затѣю лорда-мэра оскорбленіемъ бѣдныхъ людей, которымъ-де богатство бросило грошовую милостыню, а компентентные люди вскорѣ убѣдились, что монстръ-подписка пошла лишь на барышъ кабаковъ [2]).

Хроника такихъ попытокъ и ихъ неудачъ очень велика; она лишь постепенно сгущала туманъ и увеличивала пропасть. Общество, идя навстрѣчу требованій толпы, разжигало аппетитъ послѣдней. Притомъ, въ этихъ случаяхъ люди сами себѣ не могутъ дать отчета о тѣхъ границахъ уступокъ, перейти которыя они не въ силахъ безъ самоубійства; улица въ свою очередь также не можетъ объяснить ни себѣ, ни другимъ, чего она добивается, чего ждетъ и къ чему именно стремится. На вторичныхъ выборахъ 1886 г. изъ шести милліоновъ избирателей воспользовалось правомъ вота уже менѣе 40%; столь же презрительно толпа стала относиться даже къ приходскимъ выборамъ и на нихъ въ Лондонѣ, изъ числа 463 т. приглашенныхъ, явились лишь 143 т.; фермеръ Арчъ и камень-

---

[1]) О количествѣ требованій можно судить по примѣру слѣдующихъ трехъ приходовъ: въ Whitechapel'ѣ было подано комитету 14 т. просьбъ, въ St. Georges—15 т. и въ Hamlet Division—86 т. (см. Distress in East London by Barnett N. C. 1886).

[2]) Кардиналъ Маннингъ въ его „Our National Vice" (Z. R. 1886) высчиталъ, что въ послѣдніе 60 лѣтъ число кабаковъ въ Англіи выросло съ 50 т. до 200 т., а капиталъ, затрачиваемый на продажу водки, съ 82 мил. ф. ст. до 138 мил. Съ своей стороны „Morning Advertiser" констатировалъ въ 1886 г., что число задержанныхъ за буйное пьянство возросло въ одномъ Лондонѣ въ пять лѣтъ съ 172 т. до 198 т. душъ.

щикъ Гауль во второй парламентъ уже не попали [1]). Толпа предпочла легальности демонстраціи на площадяхъ, а вчерашніе благодѣтели ея возложили все упованіе на полицію [2]). Таково было естественное послѣдствіе величайшей въ мірѣ ошибки — дарованія широкаго избирательнаго права грамотной толпѣ при необходимости сохраненія старыхъ правъ дворянства и купечества.

II.

Англія издавна славилась своими митингами и клубами. До 1885 г. эти митинги и клубы были полезными игрушками и школами для народа. Лорды строили клубы на свой счетъ, на свои средства нанимали колесницы и оркестры для митинговъ, являлись на нихъ въ качествѣ президентовъ, выбирали сами и ораторовъ для тѣхъ и другихъ. Толпа, слушая рѣчи, кой-чему училась, отвлекалась на время отъ кабаковъ и, весело вотируя предложенную лордомъ резолюцію, удалялась домой — какъ мы уходимъ изъ театра — довольная времяпрепровожденіемъ. Лорды несли резолюцію въ парламентъ и представляли ее тамъ въ качествѣ свидѣтельства о настроеніи „общественнаго мнѣнія“. Словомъ, обѣ стороны играли, не подозрѣвая, что изъ игрушки рано или поздно выйдутъ не игрушки. Я засталъ по пріѣздѣ въ Англію

[1]) Workhouse Cruelties by Twining (N. C. 1886). Замѣчательно также, что въ первые выборы по закону 1885 г. явилось къ урнамъ болѣе 70% избирателей и въ сотнѣ городовъ были крупные безпорядки; на вторыхъ же выборахъ не было даже и обычнаго шума — такъ индифферентно отнеслась къ нимъ быстро извѣрившаяся масса.

[2]) Такъ одинъ изъ либеральнѣйшихъ журналовъ въ Англіи, еще недавно редактировавшійся Джономъ Морлеемъ — Fortnightly Review помѣстилъ у себя статью полковника Knollys'a „Mobs and Revolution“, въ которой описываются удобнѣйшіе стратегическіе планы для успѣшной борьбы съ толпой при помощи пуль и штыковъ; органъ же маркиза Гартингтона „Spectator“ въ статьѣ „Volunteers versus mob“ настоятельно предлагалъ населенію Лондона пользоваться волонтерскими ружьями для усмиренія толпы.

*

послѣдній изъ такихъ мирныхъ митинговъ и привожу описаніе его, такъ какъ оно было сдѣлано мной тотчасъ послѣ видѣнной сцены. Прочитавшему это описаніе будетъ яснѣе, до какой степени круто и радикально измѣнилась физіономія народныхъ сборищъ въ Лондонѣ.

Г. Стэдъ, редакторъ газеты Pall Mall, изслѣдовалъ лондонскіе притоны разврата; извѣстный филантропъ графъ Шефсбюри (нынѣ умершій), епископъ Контерборійскій и еще нѣсколько почтенныхъ лордовъ были возмущены открывшейся картиной развращенія нравовъ и потребовали отъ парламента строгихъ законовъ противъ зла. 22 августа н. с. 1885 г. съ этой цѣлью лорды устроили огромный митингъ въ Гайдъ-Паркѣ.

Въ четвертомъ часу послѣ полудня со всѣхъ концовъ Лондона и во всѣ ворота обширнаго парка потянулись безчисленныя процессіи ассоціацій. Сотни ихъ шли съ музыкой во главѣ, съ знаменами и подобіемъ хоругвей, на которыхъ или напечатано крупными буквами—„защита дѣвушкамъ!“, „Да здравствуетъ чистое сердце!“, „Слава невинности!“, „Честь газетѣ Pall Mall!“, „Строгое наказаніе пороку!“ и т. п., или что-нибудь нарисовано, напр., Христосъ, пасущій стадо ягнятъ; народъ, спасающій утопленницу; визитъ филантропа въ квартиру голоднаго семейства; вѣнчаніе бѣдняковъ и т. д. Хоругвей, знаменъ, надписей было болѣе тысячи и нѣсколько сотенъ оркестровъ, состоящихъ частью изъ военныхъ музыкантовъ. За оркестромъ обыкновенно ѣдетъ одинъ, иногда и пять, и десять высокихъ открытыхъ омнибусовъ, полныхъ членами ассоціаціи; далѣе пѣшіе члены по четыре въ рядъ и на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга несутъ знамена, хоругви и надписи; кругомъ процессіи, сзади, впереди и съ боковъ толпы народа. Тѣснота ужасная, крикъ, громъ сотни оркестровъ, играющихъ заразъ съ преобладаніемъ барабана различныя плясовыя пьесы; тамъ и сямъ экипажи, опрокинутые испуганными лошадьми; вотъ влетаетъ въ толпу карета, кучеръ бьетъ коней, стараясь прорваться сквозь процессію, а народъ схватилъ коней за узду и выпячиваетъ экипажъ изъ

толпы обратно; солидный старикъ выглядываетъ изъ кареты и смѣется... Здѣсь верховая лошадь джентльмена испугалась, бросилась въ сторону, но двадцать-тридцать молодцевъ изъ процессіи подхватили ее, удержали и спасли сѣдока. А гдѣ же полиція? Одинъ полисменъ на всю полумилліонную толпу. Онъ неподвиженъ какъ статуя: подыметъ руку—процессія останавливается, толпа проходитъ; опуститъ—процессія двинулась, поперечная толпа стала. За то есть здѣсь другіе начальники порядка; еще задолго до начала процессій ко входу въ Гайдъ-Паркъ явились человѣкъ двадцать верхомъ, столько же пѣшкомъ и въ нѣсколькихъ кабріолетахъ распорядители митинга, штатскіе джентльмены съ лиловой шелковой лентой черезъ плечо. Они, пользуясь полнымъ авторитетомъ въ толпѣ, указываютъ дорогу и порядокъ процессій, раздаютъ имъ мѣста, совѣтуютъ, какъ поставить знамена и т. д. Я нарочно зорко наблюдалъ за ихъ дѣятельностью: не смотря на ихъ повелительный голосъ, ни толпа, ни ассоціаціи ни разу не протестовали и, внимательно выслушавъ приказъ, исполняли его немедленно. Когда толпа забралась въ одномъ мѣстѣ парка на деревья, подскакалъ джентльменъ съ лентой черезъ плечо и крикнулъ: „на деревья не влѣзать!“, крикнулъ и ускакалъ обратно. А между тѣмъ молча и тотчасъ публика слѣзла съ деревьевъ и еще какая публика—по большей части уличные оборванные мальчишки. Часа два безъ остановки двигались въ паркъ различныя процессіи подъ неописуемый трескъ музыки и веселые крики толпы. Вотъ, наконецъ, общество охраны невинности—огромный открытый экипажъ, полный маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и бѣлыя шляпки; ихъ встрѣчаютъ громомъ апплодисментовъ и ура. Ѣдутъ далѣе патронессы невинности—по большей части знатныя старухи—въ коляскахъ, каждая высоко держа букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Имъ тоже апплодируютъ. Омнибусы и экипажи ассоціацій въѣзжаютъ на мягкую измятую траву огромнаго поля парка и размѣщаются въ десять кружковъ. Лошадей отпрягли, кругомъ поставили знамена, хоругви и надписи, а одинъ изъ омнибусовъ обращается въ бюро и

каѳедру. Встаетъ господинъ и рекомендуется, снимая шляпу: „я chairman—предсѣдатель!“, встаетъ другой и начинаетъ говорить рѣчь. За нимъ разглагольствуетъ третій и т. д. Какія горла, какіе могучіе голоса! Реветъ вѣтеръ, шумитъ стотысячная толпа, доносится съ улицы громъ экипажей, а ораторскій голосъ покрываетъ все и врывается въ уши даже издалека. Умѣть говорить народу въ паркѣ значитъ обладать рѣдкимъ и особеннымъ даромъ природы. За то, приблизьтесь къ каѳедрѣ и взгляните, какія нечеловѣческія, истинно ужасныя усилія дѣлаетъ надъ собой ораторъ—каждая фраза изъ устъ его вылетаетъ въ одинъ духъ, а вслѣдъ за каждой фразой онъ животомъ, грудью и плечами втискиваетъ въ себя наибольшее количество воздуха, чтобъ выпалить слѣдующую фразу... Полумилліонная масса народа ходитъ отъ одной каѳедры къ другой, слушаетъ, апплодируетъ, а потомъ отдыхаетъ, лежа на травѣ; многіе принесли съ собой корзиночку съ бутербродами, ибо тутъ по близости нѣтъ ни кабаковъ, ни трактировъ. Такъ проходитъ время до 7—8 часовъ, т. е. до сумерекъ, когда толпа мирно расходится изъ парка; знамена и хоругви складываются въ омнибусы, а петиція объ охранѣ невинности дѣвицъ, подписанная на митингѣ сотнями тысячъ людей, увозится торжествующими распорядителями собранія. Я подходилъ къ нѣсколькимъ каѳедрамъ-омнибусамъ, вслушиваясь въ рѣчи, и убѣдился, что англичане умѣютъ строго придерживаться узкихъ программъ; тутъ была только повѣсть о крайнихъ предѣлахъ разврата и звучныя рѣчи о прелести невинности. На всемъ огромномъ пространствѣ десяти каѳедръ не было ни одного полицейскаго...

Таковъ былъ всегда старый, мирный, чинный и благородный митингъ Лондона, для какой бы цѣли его ни собирали богатые лорды — для утѣхи ли своей партіи, или для пораженія „общественнымъ мнѣніемъ“ противниковъ въ парламентѣ. Правда, уже лѣтъ десять, какъ устроилась въ Лондонѣ, говорятъ, по русскому почину, красная колесница съ краснымъ знаменемъ и красной шапкой у кучера, появлявшаяся въ хвостѣ каждаго уличнаго митинга, но до

сихъ поръ ѣздили въ этой колесницѣ такіе мирные революціонеры, что сами лорды-устроители митинговъ приглашали ихъ „для разнообразія картины“.

Проповѣдники соціализма давно уже водятся въ Англіи, при томъ проповѣдники всѣхъ сортовъ: и въ рясѣ пастора, и въ щегольской фрачной парѣ дэнди, и въ рваной блузѣ поденщика. Но до 1885 года они прятались или въ кабинетахъ съ наглухо затворенными дверями, гдѣ вырабатывали разныя философическія основы для перемѣны „всего міра заново“, или въ глухихъ аллеяхъ парковъ, гдѣ, стоя подъ тѣнью дерева на скамейкѣ, разсказывали сказки о медовыхъ рѣкахъ праздношатающемуся десятку слушателей. Притомъ, среди этихъ глашатаевъ не было ни одного громкаго имени, ни одной крѣпкой интеллигентной силы. Открыто называли себя соціалистами, главнымъ образомъ, „разбойники пера и слова“, у которыхъ другіе корабли были сожжены или загажены судебными приговорами за мошенничество, дезертирство, подлогъ и т. п. Это была пора для видной дѣятельности заграничныхъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Лондонѣ—тогда они были еще желанными ораторами и руководителями. Толпа охотно прощала имъ варварскій выговоръ и подчасъ, смѣясь, апплодировала ихъ полуанглійскимъ рѣчамъ. Были, конечно, и въ то время убѣжденные соціалисты среди честныхъ, образованныхъ и вліятельныхъ британцевъ, но они строго хранили тайну своего увлеченія, избѣгая ужаснаго для англичанина „шокингъ“, и на улицу ни лично, ни съ брошюрами не появлялись ни за что. Такіе тайные соціалисты понимали, что въ аристократическомъ парламентѣ нельзя даже заикнуться о какихъ-либо проектахъ, одобряемыхъ краснымъ ученіемъ, и, по врожденной практичности, считали глупостью пробивать лбомъ стѣну, предпочитая безнадежному дѣлу кабинетныя мечтанія.

Но когда Franchise Bill перенесъ центръ законодательной тяжести въ руки толпы, когда толпа заволновалась,—сердце многихъ кабинетныхъ мечтателей не выдержало. На сцену для нихъ явилась возможность компенсаціи: переходъ

въ лагерь толпы пугалъ шокингомъ въ гостиныхъ, но сулилъ за то громкую популярность на улицѣ. Такимъ образомъ, вдругъ у буйной массы открылись неожиданные друзья, сильные именемъ, языкомъ, умомъ и образованіемъ [1]). Появленіе ихъ вырыло пропасть еще глубже, и произошло то, что бываетъ всегда при подобныхъ обстоятельствахъ: новыя головы движенія, въ началѣ мечтавшія о мирныхъ путяхъ, постепенно теряютъ разумъ, развивая вмѣсто него злобу и обращаются въ концѣ концовъ въ остервенителей толпы.

Пишущему эти строки пришлось близко наблюдать столь интересную метаморфозу на одномъ изъ честнѣйшихъ руководителей настоящаго хаоса въ Англіи, г-нѣ Ш. Это былъ добрякъ, энтузіастъ, сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей, блистательно окончившій курсъ Эдинбургскаго университета, другъ и школьный товарищъ многихъ изъ настоящихъ министровъ Великобританіи. Самые чопорные салоны привѣтствовали его какъ желаннаго гостя; фракъ у него всегда былъ сшитъ по послѣдней модѣ, а любовная рѣчь о младшемъ братѣ вносила лишь свѣжій элементъ въ довольно скучную и монотонную атмосферу этихъ салоновъ. Всѣ знали, что Ш. увлекается, но никто ни въ глаза, ни за глаза не осмѣливался звать его „соціалистомъ“, ибо онъ былъ джентльменъ и эсквайръ, при всемъ своемъ увлеченіи никогда не снисходившій до появленія на уличномъ сборищѣ. При первыхъ проблескахъ самостоятельности и власти толпы Ш. смутился. Какъ безукоризненно благородный человѣкъ и какъ горячій патріотъ, онъ не счелъ себя вправѣ оставаться долѣе при салонныхъ и кабинетныхъ мечтахъ.—„Толпа требуетъ теперь честныхъ руководителей, иначе она разрушитъ отечество и убьетъ сама себя“, рѣшилъ онъ и блѣдный, трепещущій, явился на одинъ изъ

---

[1]) Г. Гейндманъ въ Nineteenth Century за ноябрь 1885 г. замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, „теперь въ Англіи оказывается уже невозможнымъ сказать политическую рѣчь безъ упоминанія о соціалистической теоріи, о которой еще на прошлыхъ выборахъ никто не рѣшался говорить“.

многочисленныхъ, безпокойныхъ митинговъ. Тогда онъ поздравлялъ толпу съ великимъ праздникомъ перехода власти въ ея руки, сулилъ мирное и легальное шествіе Англіи по пути къ счастію, правдѣ и равенству, заклиная нетерпѣливыхъ не пятнать высокое знамя насиліемъ и грубостью. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Ш. переродился безъ малѣйшей тѣни лицемѣрія; онъ похудѣлъ и обрюзгъ; старые друзья отвернулись отъ него; нервы его надорвались; раненые и побитые при стычкахъ съ полиціей ослабили послѣднія струны холоднаго разсудка и этотъ Ш., не обидѣвшій мухи во всю свою жизнь, нынѣ громко проповѣдуетъ о мести, крови, рѣзнѣ и анархіи... Такова, говорятъ, участь каждаго, окунувшагося въ толпу: рано или поздно волна зальетъ его и прочно засадитъ на днѣ бурнаго моря въ хрустальный дворецъ самыхъ крайнихъ утопій... Однажды руководители народныхъ движеній въ Лондонѣ пристали къ Брэдло, требуя, чтобы онъ отказался отъ церемонныхъ конференцій и пришелъ бы прямо на площадь.—„Не могу, отвѣтилъ совершенно серьезно ультра-радикальный депутатъ, не могу, потому что не хочу пачкать свои руки въ крови“. Дѣйствительно, кровь льется уже теперь—послѣ каждаго митинга госпитали столицы наполняются сотнями раненыхъ съ обѣихъ сторонъ и кто знаетъ, какое число этихъ раненыхъ отдаетъ черезъ нѣсколько часовъ или дней свою грѣшную душу на судъ Божій. Наконецъ, и въ публицистикѣ начали являться тревожныя рѣчи о близкомъ будущемъ.

Ш.

Перехожу теперь, какъ очевидецъ, къ описанію тактики обѣихъ борющихся партій, если читатель дозволитъ мнѣ выразиться такъ ради краткости. Начнемъ съ толпы. Странно сказать, что руководитель ея—тріумвиратъ, состоящій изъ г.г. Гейндмана, Чемпіона и Уатса—людей съ высшимъ образованіемъ и принадлежащихъ по происхожденію къ благороднымъ фамиліямъ. У каждаго изъ нихъ по два, по

три секретаря и общее бюро, адресъ котораго оффиціально извѣстенъ. Кромѣ этихъ главъ, есть совѣтъ депутатовъ отъ кружковъ, собирающійся въ бюро каждую субботу вечеромъ. Совѣтъ вырабатываетъ программу дѣйствій на цѣлую будущую недѣлю и немедленно сообщаетъ ее сполна въ редакціи столичныхъ газетъ. Мало того, одинъ изъ тріумвировъ пишетъ почтительное письмо къ оберъ-полиціймейстеру столицы, извѣщая, что центральный соціалистическій комитетъ въ такомъ-то мѣстѣ, на такой-то часъ, такого-то дня, организуетъ такую-то процессію; въ другомъ мѣстѣ, на другой день, митингъ и пр. Газеты печатаютъ программу, а власть благодаритъ бюро за сообщенія. Такимъ образомъ, дѣло на первыхъ шагахъ обставляется аттрибутами гласности и легальности, и въ этой части соціалисты чувствуютъ за собой всю силу общественнаго мнѣнія Англіи. Свобода слова, убѣжденій, собраній и печати, составляетъ одинъ изъ такихъ признанныхъ корней національной исторіи страны, что вырвать этотъ корень, даже поранить его, нельзя и потому, даже среди недовольныхъ, въ Англіи до сихъ поръ не было слышно ни одного голоса за нарушеніе этой свободы. Порой власть, придираясь къ неопредѣленности и сбивчивости некодифицированныхъ законовъ Англіи, объявляетъ запрещеніе собираться на какой-нибудь площади, но не рѣшается поддержать запрещеніе силой, зная напередъ, что за это она подверглась бы порицанію даже тѣхъ, которые несутъ непосредственные убытки отъ подобныхъ сборищъ.

Программа дѣйствій соціалистическаго бюро имѣетъ всегда двойную цѣль. Одна изъ нихъ—организація силъ, другая—парадированіе толпы передъ публикой. Ради первой назначаются будничныя утра, когда по Сити разгуливаютъ маленькими группами разныя спеціальности, оставшіяся безъ работы и хлѣба. Вотъ, напр., идутъ чинно и важно въ шелковыхъ цилиндрахъ и черныхъ суконныхъ рединготахъ бывшіе прикащики, конторщики, управляющіе, писцы и кассиры. Самый рослый несетъ впереди большое и тяжелое знамя изъ проклеенной папки, на которомъ крупными буквами напечатано: „Безъ работы! Требуемъ занятій для себя

и хлѣба для семьи!" Смирно, безъ малѣйшаго шума, они подходятъ къ Mansion House'у—лондонской думѣ; депутація съ сверткомъ бумаги въ рукахъ подымается по широкой лѣстницѣ; лордъ-мэръ любезно встрѣчаетъ ее, беретъ петицію и въ краткихъ словахъ заявляетъ о своемъ платоническомъ сочувствіи. Столь же чинно депутаты возвращаются къ толпѣ и знамя безпрепятственно шествуетъ изъ улицы въ улицу, направляясь къ зданію министерствъ. Тамъ депутаціи и петиціи столь же вѣжливо принимаются секретарями министровъ...

На другой день по той же дорогѣ шествуютъ уже не прикащики въ рединготахъ, а „Джаки" въ синихъ сюртукахъ—матросы, не находящіе работы. Ихъ знамя—цѣлый картонъ въ квадратную сажень, поддерживаемый на высокихъ палкахъ четырьмя молодцами и на немъ напечатано: „British Labour sacrificed! Иностранцы завладѣли нашимъ торговымъ флотомъ. Англійскихъ матросовъ болѣе не принимаютъ на службу на англійскія суда. Требуемъ хлѣба и законовъ, возвращающихъ Великобританіи ея торговый флотъ" [1]).

Эти безвредныя съ виду процессіи, однако, пріучая толпы къ строю и взаимности, убиваютъ въ нихъ ту естественную робость, которую испытываетъ каждый изолированный протестующій. Человѣкъ, побывавшій раза три-четыре въ толпѣ своихъ, начинаетъ чувствовать, что онъ не одинъ, что, въ сотовариществѣ съ тысячью такихъ же какъ онъ, онъ не только сила, но и гражданинъ, котораго просьбы и желанія почтительно выслушиваются и лордами, и министрами.

Разсказывая объ этихъ похожденіяхъ съ петиціями, я долженъ оговориться. Пріемъ петицій и свободное разгуливаніе по улицамъ мирныхъ процессій совершается не потому, что лондонская полиція не имѣетъ достаточно силы

[1]) Знатокъ дѣла г. Уалль, прослужившій на британскомъ флотѣ 26 лѣтъ, удостовѣряетъ въ своемъ сочиненіи „The British Merchant Sirvice (N. R. 1886), что дѣйствительно на англійскомъ флотѣ служитъ теперь масса иностранцевъ-капитановъ, иностранцевъ-шкиперовъ, а среди матросовъ осталось лишь 10% англичанъ.

къ воспрещенію ихъ de facto. Нѣтъ, мирную процессію сможетъ остановить и разогнать одинъ полисменъ; депутаты дѣйствительныхъ рабочихъ обыкновенно довольно робкіе и конфузливые люди, и выгнать ихъ изъ пріемной легко для любаго швейцара. Но за процессіями этими и ихъ петиціями стоитъ другая сила—сила историческихъ традицій. Какъ запрещеніе національной лиги въ Ирландіи заставило стать на одну доску съ Парнелемъ сотни именитыхъ людей Англіи, еще вчера брезговавшихъ подать руку коноводу ирландскаго движенія, такъ точно, если не въ бо́льшей степени, запрещеніе мирныхъ процессій въ Лондонѣ вызоветъ цѣлый взрывъ негодованія всѣхъ образованныхъ англичанъ. Они привыкли къ этой свободѣ, впитали ее въ себя съ молокомъ матери, унаслѣдовали любовь къ ней отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, утративъ изъ поколѣнія въ поколѣніе даже тѣнь идеи о возможности жить безъ этого. Мало того, англичане глубоко убѣждены, что безъ этой свободы государство потеряно: при извѣстной долѣ развитія массы и при существованіи феодальныхъ привилегій аристократіи и капитала, необходимо держать открытыми клапаны для мирнаго выхода неудовольствій большинства.

Приготовленія къ параду обставляются бо́льшими хлопотами и бо́льшей торжественностью. Излюбленное мѣсто для парада Трафальгарскій скверъ—огромная площадь въ центрѣ кипучей жизни города съ пятимилліоннымъ населеніемъ. Мы не знаемъ, почему это мѣсто, сплошь устланное каменными плитами, называется скверомъ: на немъ нѣтъ ни одного деревца, ни одного кустика и ни одного цвѣточка. Площадь имѣетъ видъ четыреугольника величиной почти въ 2000 кв. саж., вырытаго на довольно крутомъ скатѣ. Гиганты-фонтаны, статуя Нельсона, напоминающая по виду петербургскій памятникъ Александру Благословенному, четыре великана-льва, стерегущіе подножіе памятника, бюсты Непира, Гавелока и пр. вотъ живописныя украшенія площади. Шесть бойкихъ улицъ сходятся у ея концовъ. На пригоркѣ сѣверной стороны стоитъ уродливое зданіе

національной картинной галлереи, и отсюда идетъ уступъ къ Трафальгару высотой въ тринадцать ступеней. Съ сѣвера же выходитъ на площадь Сенъ-Мартинъ-Лэнъ—узкая и грязная улица, проходящая черезъ знаменитый воровской притонъ—улицу „Семи Сестеръ", составляющую главное звено между двумя центрами торговаго Лондона—Оксофдъ-Стритомъ и Стрендомъ. Съ восточной стороны примыкаетъ къ площади улица Стрендъ, на которой истинно лондонская толкотня и давка не прекращаются съ ранняго утра до поздней ночи. Тутъ рядъ самыхъ лучшихъ отелей, главная центральная городская станція Черингъ-Кроссъ, судебная палата, Эксетеръ-Голлъ и пр. пр. Всѣ первые этажи домовъ Стренда заняты магазинами, вторые—ресторанами, кофейнями и гостиницами. Стрендъ есть главная артерія, связывающая Сити съ Вестъ-Эндомъ, наиболѣе аристократической частью столицы. Съ юга на площадь выходитъ широкая улица, съ легкимъ наклономъ внизъ къ зданіямъ министерствъ, центральной полиціи, парламенту и Букингемскому дворцу—мѣсту жительства королевы въ рѣдкіе дни пребыванія ея въ Лондонѣ. На западъ отъ площади идетъ Pall Mall, широкая и короткая улица, по обѣимъ сторонамъ почти сплошь занятая роскошными зданіями аристократическихъ клубовъ, среди которыхъ красуется печальный памятникъ въ честь славныхъ побѣдъ, одержанныхъ будто бы въ Крыму. На концѣ Pall-Mall'я стоитъ дворецъ Мальборо—резиденція принца Уэльскаго, мимо котораго идетъ прямая дорога отъ Трафальгара на Пикадилли, улицы съ роскошнѣйшими магазинами, въ Гайдъ-Паркъ и въ самую фешенебельную часть Лондона—Вестъ-Эндъ [1]). Площадь съ трехъ сторонъ ниже улицъ и обнесена высокой каменной балюстрадой; кругомъ ея богатые магазины и лучшіе отели.

[1]) Кстати для характеристики демократизирующейся Англіи напомнимъ, что улица Стрендъ почти со всѣми домами и переулками составляетъ собственность маркиза Солюсбири, а Вестъ-Эндъ, гдѣ проживаетъ около милліона населенія, почти цѣликомъ принадлежитъ герцогу Вестминстерскому.

Даже столь краткой топографіи Трафальгарскаго сквера достаточно, чтобъ понять причины, заставившія соціалистовъ избрать это мѣсто для своихъ парадовъ. Высокія балюстрады съ трехъ сторонъ, широкіе бассейны фонтановъ по срединѣ, львы и пьедесталы памятниковъ, какъ импровизированныя каѳедры, представляютъ собой огромное удобство для обращенія къ стотысячной толпѣ съ десятками рѣчей одновременно. А главное, тутъ именно и только тутъ собраніе двухъ-трехъ-сотъ тысячъ пасмурныхъ, мрачныхъ лицъ и полмилліона судорожно сжатыхъ кулаковъ могутъ заставить трепетать кого угодно. Здѣсь, на самомъ скверѣ, направо и налѣво, вверхъ и внизъ отъ него, торгуетъ богатѣйшее купечество; черезъ скверъ лежитъ прямой путь аристократіи въ Сити и обратно; около сквера гнѣзда чиновниковъ, а невдалекѣ блеститъ золотой куполъ дворца народныхъ представителей; даже королева и наслѣдный принцъ могутъ слышать отсюда въ своихъ кабинетахъ тотъ таинственный гулъ шумной толпы, который такъ напоминаетъ приступы сердитаго моря. Лучшаго мѣста дѣйствительно нельзя было найдти....

Обычные дни соціалистическаго парада—воскресные и праздничные отъ трехъ часовъ до наступленія позднихъ сумерекъ. Дня за три до митинга весь Лондонъ въ хлопотахъ. Главнокомандующіе парада подновляютъ знамена, шарфы и петличные красные значки; нанимаютъ музыкантовъ; пишутъ программу для процессій, назначая каждой спеціальный маршрутъ для путешествія къ Трафальгарскому скверу и обратно къ мѣстожительству кружковыхъ знаменъ и т. д. Въ каждомъ клубѣ Pall-Mall'я секретарь окруженъ герцогами, маркизами, графами, лордами и эсквайрами, записывающимися на мѣста въ окнахъ. Въ гостиницахъ, смотрящихъ на скверъ хоть бокомъ, хоть издали, не говоря уже о тѣхъ, которыя какъ Grand-Hôtel выходятъ на площадь главнымъ фасадомъ, комнаты и окна разбираются публикой на расхватъ; Grand-Hôtel, при томъ, каждый разъ даромъ отводитъ двѣ роскошныя залы—одну для высшихъ чиновъ, другую для редакторовъ, корреспондентовъ и ре-

портеровъ. Гостепріимный хозяинъ гостиницы не остается отъ своей любезности въ накладѣ: лорды и газетчики, также какъ прочая публика, созерцающая интересное зрѣлище изъ оконъ отеля, приходятъ часа за два до начала митинга, пока улицы еще свободны отъ толпы, и покидаютъ отель не ранѣе какъ часа черезъ два послѣ конца сборища, ибо раньше выходить опасно—и осторожная полиція, оберегая двери гостиницы, никого не выпускаетъ изъ нея, сурово отвѣчая на каждую попытку „not yet“, пока голодный людъ не разошелся окончательно. Такимъ образомъ дежурить приходится въ гостиницѣ отъ часу до семи и за это время, проведенное съ высокимъ подъемомъ нервовъ, гости пьютъ и ѣдятъ немало.

Наканунѣ митинга кругомъ площади и далеко по всѣмъ радіусамъ отъ нея идетъ энергичный стукъ молотковъ. Тутъ каждый домъ давно уже запасся дубовыми досками и солидными перекладинами, а завтрашніе минифестанты теперь строятъ изъ этихъ досокъ и стропилъ внушительные щиты для охраны дверей и стеклянныхъ оконъ въ лавкахъ и магазинахъ....

Вблизи, на Скотлэндъ-Ярдѣ, у зданія главной полиціи, тысячи народа терпѣливо съ утра до вечера переминаются съ ноги на ногу, образуя толпу, какую нигдѣ и никогда въ другомъ мѣстѣ не увидите. Она вся на подборъ изъ высокихъ плечистыхъ людей, цѣлой головой превышающихъ обыкновенный ростъ человѣка. Это гвардія безработицы, пришедшая сюда искать заработка, ибо Скотлэндъ-Ярдъ, приготовляясь къ завтрашней битвѣ, набираетъ изъ толпы волонтеровъ.

Первый безпорядочный митингъ 3-го февраля 1886 года засталъ полицію врасплохъ—буяны успѣли разбить сотни тысячерублевыхъ оконъ въ клубахъ и магазинахъ, разграбить десятки ювелирныхъ лавокъ, оскорбить и избить сотни проходящихъ и проѣзжающихъ, безнаказанно останавливая кареты, высаживая изъ нихъ въ грязь разряженныхъ барынь и пр. и пр. Послѣ этого разгрома оберъ-полиціймейстеръ Лондона, полковникъ Гендерсонъ былъ тотчасъ

замѣненъ генераломъ Уарреномъ, пріобрѣтшимъ на югѣ Африки опытность въ усмиреніи зулусовъ и готентотовъ, а парламентская оппозиція дала хорошій нагоняй министру внутреннихъ дѣлъ Чальдерсу. Напомнимъ кстати, что этотъ первый безпорядокъ произошелъ при существованіи либеральнаго кабинета съ Гладстономъ во главѣ.

Урокъ, конечно, не пропалъ даромъ. Митинги, угрожающіе благочинію столицы, собирались все чаще и чаще, а полиція въ свою очередь изощрилась въ средствахъ противодѣйствовать грозѣ. Сначала курьерскіе поѣзда свозили ко дню сборищъ сотни полисменовъ изъ другихъ городовъ. Это стоило дорого и оказалось вскорѣ мѣрой опасной: однажды толпа въ Лейсестрѣ, воспользовавшись отъѣздомъ полицейскаго резерва, задала своему городу такой трезвонъ, что теперь ни Манчестеръ, ни Ливерпуль, ни Оксфордъ не даютъ болѣе Лондону своихъ охранителей. Притомъ, митинги становились день ото дня многочисленнѣе и компактнѣе, если можно такъ выразиться, а потому и полиція нуждается теперь не въ сотняхъ помощниковъ, а въ тысячахъ. Напримѣръ, для послѣдняго изъ видѣнныхъ мною подобныхъ сборищъ, лондонская полиція набирала шесть тысячъ волонтеровъ. Недоумѣніе, гдѣ достать такую армію для службы на одинъ день, было разрѣшено весьма остроумно талантливымъ гостемъ Россіи лордомъ Чорчилемъ—„предложите хорошую плату, посовѣтовалъ онъ, всѣмъ рослымъ ворамъ и анархистамъ; одѣньте ихъ въ полицейскій мундиръ, и дѣло будетъ въ шляпѣ; толпа лишится самыхъ сильныхъ мускуловъ, а вы будете имѣть за себя самыхъ здоровыхъ молодцовъ изъ этой толпы!“

Генералъ Уарренъ послушался умнаго и смѣлаго совѣта. Теперь за три дня до каждаго митинга полиція выбираетъ изъ уличной толпы шесть тысячъ рослыхъ малыхъ. Никакихъ рекомендацій или формулярныхъ списковъ не требуется—ростъ, ширина плечъ и объемъ кулака замѣняютъ ихъ. Записываютъ въ книгу фамилію, приводятъ къ присягѣ гуртомъ, пригоняютъ мундиръ, наканунѣ митинга ве-

дутъ на Трафальгарскій скверъ. Тамъ по субботамъ въ 10 часовъ утра импровизированные полисмены собираются въ чинные ряды, на каменнаго льва всходитъ сѣдовласый комиссаръ, по нашему частный приставъ, и обращается къ нимъ съ рѣчью. Онъ популярно излагаетъ правила, обязанности и отвѣтственность полицейской службы, а потомъ указываетъ на тѣ мѣста площади, гдѣ импровизированные полисмены должны находиться завтра, въ день битвы. Ночью, по окончаніи митинга, каждому великану дается хорошій обѣдъ и по шести шиллинговъ платы (3 рубля).

Конечно, девять десятыхъ этихъ курьезныхъ охранителей — воры, дезертиры, но удивительно и интересно видѣть, съ какой гордостью они носятъ мундиръ и какую важную физіономію строятъ тотчасъ, какъ имъ вручена властная палица! Опытъ уже неоднократно доказалъ, что эти охранители честнѣйшимъ образомъ исправляютъ свою обязанность и при стычкахъ бьютъ своихъ собратій съ бо́льшей энергіей, чѣмъ настоящіе обрутинившіеся полисмены. Долго ли сохранится въ нихъ эта энергія—вопросъ другой; пока же коноводы митинговъ волосы на головѣ рвутъ, а противодѣйствовать полицейскому набору не въ силахъ. Во-первыхъ, на такую мѣру полиція каждый разъ расходуетъ 30 т. рублей, а, во-вторыхъ, страсть къ мундиру и сладость хотя и временной власти берутъ свое.

И такъ, все готово. Лавки и магазины забиты досками; движеніе экипажей на площади пріостановлено; полиція вооружена; гостинницы и клубы полны, а мы съ вами сидимъ у окна въ Грандъ-Отелѣ и наблюдаемъ поразительную картину.

IV.

Находись мы въ Италіи, зрѣлище было бы, конечно, во сто разъ красивѣе, но за то вѣчно сѣрое небо Лондона и свинцовая полоса тумана, лежащая здѣсь на каждомъ отда-

ленномъ предметѣ, болѣе гармонируютъ съ дикимъ ревомъ толпы, ея мрачнымъ видомъ и съ шумными рѣчами ея ораторовъ. Умный художникъ не могъ бы нарисовать такія сцены при радостныхъ лучахъ южнаго солнца или подъ міріадами яркихъ звѣздъ безоблачнаго неба.

Еще рано, но площадь уже измѣнила свой обычно-воскресный видъ пустоты. По прилегающимъ къ ней улицамъ замѣтно движеніе фешенебельныхъ экипажей съ дамами, въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ на козлахъ. Порокъ Евы—любопытство—не чуждъ и чопорнымъ леди британской столицы: имъ хочется поглазѣть на монстръ-толпу, и беретъ ихъ страхъ, а потому онѣ довольствуются созерцаніемъ мостовой, на которой вскорѣ имѣетъ быть „ужасъ“, при первомъ же звукѣ оркестра приближающейся процессіи экипажи ихъ быстро покидаютъ опасную арену. По радіусамъ съ разныхъ концовъ собирается полиція верховая и пѣшая, та и другая вооруженная лишь палицами въ полтора вершка толщиной и аршина полтора длиной. Это почетное оружіе, на подобіе сабли, покоится въ кожаномъ чехлѣ у лѣваго бедра. Верховые выстроиваются съ боковъ, пѣшіе размѣщаются на самой площади.

Подходитъ „mob“. Эта нація въ націи, государство въ государствѣ—двѣсти тысячъ душъ постояннаго лондонскаго населенія, изъ котораго нѣтъ ни одного четырнадцатилѣтняго мальчика, еще не судившагося хоть дважды за пьянство, развратъ, бродяжничество, кражу или разбой. „Mob“ не имѣетъ квартиры, опредѣленной ѣды или другаго занятія, кромѣ воровства. Онъ дѣлится на многочисленныя шайки съ атаманами, капитанами и даже съ собственной территоріей эксплоатаціи. По мѣрѣ развитія комфорта и цивилизаціи совершенствуются, конечно, и воровскія шайки. Такъ, напр., онѣ одобрили недавно и примѣненіе пара, купивъ пароходъ и разъѣзжая на немъ въ количествѣ двухсотъ душъ по приморскимъ городамъ своего отечества. Полиція Лейты накрыла этотъ пароходъ въ тотъ моментъ, когда онъ,

сполна нагруженный краденными драгоцѣнностями, приблизительно на сумму ста тысячъ рублей, уже собирался въ заграничное плаваніе...

„Mob“ любитъ соціалистическіе митинги, и первымъ является на нихъ, выступая впереди на всѣхъ безпорядкахъ. Это естественно, ибо толпа для воровъ, что вода для рыбы, и при томъ воры, слушая коммунарныя рѣчи, нѣкоторымъ образомъ приподнялись въ своихъ собственныхъ глазахъ; теперь въ англійскихъ тюрьмахъ почти нѣтъ преступниковъ, а есть лишь угнетенные несправедливымъ строемъ жизни XIX вѣка и „не признающіе собственность въ принципѣ“.

Отличить „mob“ отъ соціалистовъ не трудно, увидавъ хоть разъ тѣхъ и другихъ. Первый всегда ежится, словно стараясь сократить свою фигуру; смотритъ дико и удираетъ подальше отъ каждаго приближающагося полисмена. Глядя сверху на ростущую толпу „mob“, кажется, что она не ходитъ, а какъ-то шмыгаетъ изъ угла въ уголъ площади. Во время безпорядковъ „mob“ первый бьетъ стекла, залѣзаетъ въ магазины, тащитъ и крадетъ все, что попадется подъ руку, даетъ подзатыльники встрѣчающемуся по дорогѣ бо-монду, но чуть полиція бросилась въ атаку—„mob“ мгновенно и съ кошачьей ловкостью проскальзываетъ черезъ толпу назадъ, предоставляя поле брани протестующимъ.

Чу, слышенъ вдали барабанъ первой приближающейся процессіи. Фешенебельные экипажи любопытныхъ леди торопливо поворачиваютъ оглобли; верховые полисмены натягиваютъ мундштуки, пѣшіе озабоченно выправляютъ грудь. У насъ въ отелѣ сразу прекращается разговоръ, окна съ поспѣшностью отворены настежь и любопытные взоры направлены туда, откуда все яснѣе и громче доносятся звуки „марсельезы“ и пѣніе подъ нее:

Give back the land, the stolen land,
Ye know not how to hold;
To us it will yield food and life,
To you it yeelds base gold.

*

Give back the land,
Ye stole it from your God и т. д. [1]).

Впереди, выдѣлывая различныя па и кувыркаясь черезъ голову, идетъ армія рваныхъ ребятишекъ, та армія квартала крайней нищеты Истъ-Энда, которая въ любую пору дня и ночи окружаетъ тамъ каждаго порядочно одѣтаго прохожаго и кричитъ: „Дай пенсъ! дай пенсъ твоему сыну!“

За этой рваной арміей, не видавшей никогда своихъ отцовъ, шествуетъ соціалистическій тамбуръ-мажоръ —великанъ старикъ, лишь по преклонному возрасту не годный въ полицейскіе волонтеры. На его головѣ сѣдые локоны, на локонахъ утрированная фригійская шапка длиной въ греческую феску съ кисточкой на концѣ; черезъ грудь широкая красная лента съ золотой бахрамой; въ петлицѣ красная роза; въ рукахъ на высокомъ древкѣ красное знамя, заканчивающееся блестящей сѣкирой или стальнымъ копьемъ. Старикъ ласково и гордо отправляетъ свою важную обязанность и я вѣрю, что онъ способенъ лечь костьми за тамбуръ-мажорскую честь. Глядя на публику свысока, но любовно, онъ шлетъ направо и налѣво кивки и поцѣлуи, приговаривая мягкимъ голосомъ: „Долой, джентльмены, всѣхъ эксплоататоровъ. Красавицы леди, благословите насъ на битву противъ капитала“ и т. п.

За тамбуръ-мажоромъ слѣдуетъ нанятой оркестръ, у котораго всѣ инструменты украшены красными бантиками. Пѣніе и музыка, какъ всякія пѣнія и музыка англійскаго произведенія, отличаются, конечно, больше усердіемъ, чѣмъ гармоніей звуковъ.

За оркестромъ идетъ чинно, по-солдатски, рядами, кружковое бюро. Ихъ въ каждой процессіи немного—около сотни или меньше. За ними начинается безконечная и разнообраз-

---

[1]) Что въ переводѣ значитъ: отдайте намъ землю, украденную землю; теперь вы ее не удержите въ своихъ рукахъ; намъ она дастъ пищу и жизнь, а вамъ она приноситъ лишь золото; возвратите же землю, вы украли ее у Бога и т. д.

ная толпа, текущая какъ лава такой плотной, безпорядочной массой, что, глядя сверху, видишь лишь широкую полосу двигающихся шляпъ разнаго фасона, колера и древности.

Только-что показалась первая процессія справа, какъ одновременно являются торжественныя, столь же многолюдныя процессіи изо всѣхъ шести улицъ, сходящихся на площади. Дѣло въ томъ, что пролетаріатъ до сихъ поръ ютится посреди богатыхъ частей Лондона, занимая въ нихъ особые кварталы. Даже въ Вестъ-Эндѣ есть свой глухой притонъ—Сенджоржъ. А потому, центрально-соціалистическому бюро очень удобно организовать процессіи во всѣхъ концахъ столицы и, затѣмъ, высчитавъ для каждой пространство до Трафальгарскаго сквера, легко свести ихъ туда одновременно. Такимъ образомъ зрѣлище выходитъ дѣйствительно внушительное и импозантное, а шесть оркестровъ, съ энергіей играющихъ каждый въ свой собственный тактъ, придаютъ картинѣ еще болѣе грозный и дикій видъ.

Процессіи огибаютъ на площади полукругъ и ставятъ свои знамена на опредѣленныя мѣста. Для насъ, смотрящихъ сверху, видны лишь ряды головъ, словно въ водоворотѣ двигающіяся плотными зигзагами одна мимо другой, пока каждый кружокъ не займетъ указанной для него заранѣе позиціи. Тотчасъ вслѣдъ за разстановкой сплъ, на балюстрадахъ, львахъ, фонтанахъ и пьедесталѣ памятника Нельсону являются фигуры ораторовъ. Они кланяются толпѣ, и толпа привѣтствуетъ ихъ апплодисментами. Около каждаго оратора, ступенькой ниже, кучки репортеровъ и стенографовъ, записывающіе рѣчи на спинѣ ближайшаго сосѣда.

Гулъ словно отъ моря, то приближающагося съ громомъ, то удаляющагося съ глухимъ ропотомъ, сразу умолкъ. Стало тихо, такъ жутко тихо, что даже до насъ въ окна третьяго этажа ясно и отчетливо долетаетъ рѣчь ближайшаго оратора. Онъ началъ ее спокойно и мѣрнымъ тономъ, но чѣмъ дальше льются аргументы, тѣмъ горячѣе становится его голосъ, тѣмъ страстнѣе дѣлаются его жесты, а черезъ четверть часа слышны лишь залпы проклятій, гнѣва и раз-

нузданной злобы. Разогрѣваются и слушатели; краткіе взрывы аплодисментовъ раздаются все чаще и чаще, гулъ одобренія рѣзче и грознѣе. Кончилась рѣчь, сошелъ внизъ ораторъ красный, утирающій платкомъ обильный потъ на лицѣ, и демонъ буйной толпы вырвался наружу: раздался оглушительный крикъ изъ сотни тысячъ устъ, крикъ, пробѣгающій по всему тѣлу зрителя, какъ струя пахнувшаго мороза. Даже лошади полицейскихъ верховыхъ отъ этого крика нервно зашевелились подъ своими сѣдоками [1]).

Черезъ пять минутъ на балюстрадахъ новые ораторы, но уже нѣтъ на площади прежней тишины—термометръ толпы поднялся до невозможности заставить ее слушать рѣчи покойно. Этотъ особаго свойства жаръ сообщается даже и намъ, наблюдающимъ картину издали: сердце начинаетъ биться усиленнѣе и болѣзненно ждетъ чего-то страшнаго, невѣдомаго, словно предъ глазами появился чудовищный звѣрь, грозящій гибелью и разрушеніемъ. Сумерки съ свинцовымъ покрываломъ опускающагося тумана придаютъ еще болѣе таинственности грозному зрѣлищу и, во тьмѣ дикій ревъ толпы чудится зловѣщимъ.

Снова раздались звуки марсельезы и снова начался круговоротъ головъ на площади. Настала самая страшная минута—разгоряченная толпа теперь еще злѣе. Одни оркестры возвращаются строемъ; остальныя тысячи перепутались и, гудя какъ взбаломученное море, льются потоками во всѣ улицы. Оживился и „mob“. Вотъ онъ набросился на франта въ перчаткахъ (оказался потомъ лакеемъ, шедшимъ къ своей обязанности). Въ мигъ его цилиндръ смятъ, пиджакъ изорванъ и самъ онъ валяется въ грязи, взывая о помощи.

---

[1]) Какъ образчикъ рѣчей на подобныхъ митингахъ привожу дословно патетическое мѣсто изъ рѣчи г. Чампіона, какъ оно напечатано въ Times'ѣ: „if he thought the miserable system under which they lived, and all its attendant horrors, could be done away with to—morrow by cutting the throats of that million and a quarter of people who took so much more than their share of the bountias of Nature, he would, if it wos possible, do it with his own hand that minute“.

Отрядъ верховой полиціи примчался на мѣсто сцены, но уже поздно—„mob“ прошмыгнулъ черезъ толпу. Свистнула полицейская палица, послышался глухой ударъ по головѣ и началась битва: бѣгутъ полицейскіе, бѣжитъ толпа, кричатъ, дерутся; тамъ звякнуло разбитое камнемъ окно, въ другомъ мѣстѣ слышенъ раздирающій крикъ отчаянной боли... Темно и нѣтъ силъ долѣе смотрѣть на эту сцену; мы захлопываемъ окно и опускаемся въ кресла молчаливые, усталые и изнеможенные созерцаніемъ этого долгаго и печальнаго зрѣлища...

Подкрѣпившись пищей и питьемъ, увѣдомленные стражей у дверей, что опасность миновала, расплачиваемся съ гостепріимнымъ хозяиномъ отеля, садимся въ мягкій кэбъ и спѣшимъ домой. На улицахъ уже совсѣмъ ночь; тамъ и сямъ народъ еще толпится маленькими кучками, сурово поглядывая на ѣдущихъ въ экипажахъ; а вотъ и носилки—рослые полицейскіе тянутъ ихъ по направленію къ госпиталю подъ строгимъ конвоемъ—несутъ раненыхъ, если не убитыхъ...

Черезъ нѣсколько дней встрѣчаемъ въ ресторанѣ члена центральнаго бюро соціалистовъ и, будучи еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнной сцены, не можемъ удержаться отъ упрековъ:

— Не грѣшно ли, сэръ, говоримъ мы, вести сознательно этотъ темный, голодный и безотвѣтный по невѣжеству, народъ на такія вещи?

— Значитъ такъ нужно! сурово отвѣтилъ намъ дѣятель толпы...

А.—ОВЪ.

Наша культура и всемірное единство.

Замѣчанія на статью г. Влад. Соловьева: *Россія и Европа*. („Вѣстникъ Европы", 1888, февр. и апрѣль).

> Чти отца твоего и матерь твою и благо ти будетъ, и долголѣтенъ будеши на земли (Катехизисъ, глава: *О любви*).

Какъ бы намъ не ошибиться? Какъ бы намъ не придать этой статьѣ г. Влад. Соловьева больше значенія, чѣмъ онъ самъ ей придаетъ? Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свой громкій и рѣшительный тонъ, эта статья просто неуловима по зыбкости своихъ разсужденій, по разнообразію и неопредѣленности своихъ точекъ зрѣнія. Не даромъ она такъ удобно нашла себѣ мѣсто въ *Вѣстникѣ Европы*. Сначала кажется, что главная цѣль автора—воевать противъ „національной исключительности"; но скоро мѣсто этого врага заступаетъ другой—самая книга Н. Я. Данилевскаго *Россія и Европа*. Дѣло идетъ уже не о вредномъ стремленіи книги къ „національной исключительности", а о томъ, чтобы отыскать въ книгѣ „умственную безпечность", „незнакомство съ данными", „произвольныя измышленія", однимъ словомъ отнять у книги всякое научное достоинство. Для этой цѣли г. Соловьевъ часто утверждаетъ то, чего ему вовсе не нужно, и не соглашается на то, что ему ничуть не мѣшаетъ, но онъ дѣйствуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ будто именно съ уничтоженіемъ этой книги у насъ должна исчезнуть и всякая „національная исключительность".

Кромѣ того, въ статьѣ г. Соловьева разсѣяно много самыхъ пессимистическихъ замѣтокъ объ нашей культурѣ, всякихъ уколовъ нашему народному самолюбію; именно съ этой стороны статья пришлась нашимъ читателямъ чрезвычайно по вкусу. Но развѣ все это имѣетъ какую-нибудь силу противъ національной исключительности? Г. Соловьевъ во всѣхъ этихъ замѣткахъ какъ будто даже ее одобряетъ; онъ какъ будто хочетъ сказать не то, что національная исключительность есть зло, а что мы, русскіе, не имѣемъ будто бы на нее никакого права, что мы не доросли до нея, не смѣемъ на нее претендовать. Пусть и такъ, но что же изъ этого слѣдуетъ?

Между тѣмъ, ради этого вывода, г. Соловьевъ счелъ нужнымъ разсмотрѣть и *Дарвинизмъ* Н. Я. Данилевскаго, и мои книги *Борьбу съ Западомъ* и *О вѣчныхъ истинахъ*. Онъ старается различными средствами уронить эти книги въ глазахъ читателей, не столько потому, что не согласенъ съ ихъ содержаніемъ, но главнымъ образомъ для того, чтобы читатели какъ-нибудь не подумали, что въ нихъ есть нѣчто самобытное, оригинальное. Боже мой! Какія жестокія мѣры противъ „народнаго самочувствія“! Пусть эти книги дѣйствительно такъ слабы и незначительны, какъ вы того желаете; но вѣдь есть и будутъ другія, истинно хорошія русскія книги. Что же намъ съ ними дѣлать? Ужели необходимо огорчаться отъ ихъ достоинствъ и сомнѣваться въ нихъ, сколько хватитъ силъ? Изъ вражды къ „національной исключительности“ г. Соловьевъ желаетъ думать, что мы, русскіе, „одинъ изъ полудикихъ народовъ востока“, что философія у насъ даже невозможна, что искусство, наука и литература, хотя существуютъ у насъ, но ничего не обѣщаютъ впереди и отнынѣ будутъ клониться къ упадку. Какая странная логика! Не лучше ли было бы доказывать, что когда у насъ будетъ много прекрасныхъ, самобытныхъ книгъ, когда мы перестанемъ быть полудикими, когда у насъ процвѣтетъ философія, наука и литература, тогда-то мы и будемъ совершенно безопасны отъ „національной исключительности“?

Но бываетъ въ человѣческой душѣ какое-то странное

ожесточеніе. Когда другіе думаютъ и дѣйствуютъ не по-нашему, то мы приходимъ къ мысли и желанію—отнять у нихъ всякую силу и жизненность, обезличить ихъ, обратить въ безцвѣтную и бездѣйственную массу—и тогда заставить ихъ дѣлать и думать, какъ мы того желаемъ. Отсюда высокомѣріе и недоброжелательство, отсюда слѣпота и глухота къ явленіямъ жизни. Помѣщали г. Соловьеву разныя русскія книги, русское искусство, русская литература; ну онъ и сталъ въ нихъ сомнѣваться, чтобы себя потѣшить; можетъ быть даже ему нужно себя *утѣшить*, и тогда намъ слѣдуетъ пожалѣть его.

Впрочемъ, общіе взгляды на способности русскаго народа, на достоинства и недостатки нашей литературы, искусства, науки, философіи,—все это такіе неопредѣленные и широкіе вопросы, что въ нихъ нельзя и требовать безошибочности и можно дать просторъ выраженію всякихъ личныхъ вкусовъ и пристрастій. Многіе жестоко негодуютъ на г. Соловьева за сдѣланныя имъ оцѣнки, и, думаемъ, негодуютъ справедливо; въ этихъ оцѣнкахъ очень ясно обнаружился тотъ *недостатокъ любви*, въ которомъ упрекалъ его когда-то И. С. Аксаковъ. Г. Соловьевъ отвѣчалъ на это, что онъ не разъ заявлялъ о своей любви къ Россіи; да развѣ любовь доказывается заявленіями? Она обнаруживается въ томъ сердечномъ вниманіи къ предмету, которое не допускаетъ легковѣсныхъ сужденій и которое даетъ намъ великую проницательность въ пониманіи достоинствъ того, что намъ дорого. Въ этомъ отношеніи г. Соловьевъ, конечно, провинился непростительно своими задорными и небрежными выходками. Но, повторяемъ, тутъ онъ желалъ воспользоваться неопредѣленностію предмета; пусть же его пользуется. Всѣ признали, кажется единогласно, что замѣтки его отличаются болѣе недоброжелательствомъ, чѣмъ остроуміемъ и мѣткостію; вообще, можно надѣяться, что за справками о состояніи русской науки и русскаго искусства никто не пойдетъ въ статью г. Соловьева.

Но на свою бѣду и къ нашему огорченію, на пути своей мысли онъ встрѣтилъ не только общія мѣста, а нѣ-

котораго опредѣленнаго писателя и опредѣленную книгу этого писателя. Тутъ положеніе дѣла совершенно измѣняется. Книга Н. Я. Данилевскаго есть произведеніе превосходное, между прочимъ, и по ясности и полнотѣ мысли, въ ней, изложенной, и по точности выраженія этой мысли. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ мѣста никакимъ снисхожденіямъ и отговоркамъ, да тутъ готова и самая мѣрка ясности и правильности сужденій того, кто читаетъ и критикуетъ. Между тѣмъ, г. Соловьевъ ничуть не остановился въ смѣлости и поверхности своихъ соображеній: онъ, что̀ называется, *уничтожилъ* книгу, и сдѣлалъ это съ такой же легкостію, съ какою провозгласилъ, что будто бы русская наука и литература должны отнынѣ клониться къ упадку. Вотъ его главный грѣхъ и вмѣстѣ главное наказаніе. Мы попробуемъ разобрать здѣсь его возраженія, такъ какъ считаемъ нѣкоторымъ долгомъ, по мѣрѣ нашей возможности, помочь въ этомъ дѣлѣ читателямъ. Мы увидимъ, что не то слабо, на что̀ г. Соловьевъ нападаетъ, но что самъ онъ на этотъ разъ явился печальнымъ образчикомъ немощи русскаго просвѣщенія.

I.

Обвиненія.

Говорю *обвиненія* не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ, потому что нашъ критикъ переноситъ въ концѣ концовъ все дѣло въ область нравственности и религіи. Сначала, правда, онъ, почему-то, вовсе не хотѣлъ восходить до этого высшаго трибунала. Онъ говорилъ:

„Опровергать эти положенія (книги *Россія и Европа*) съ точекъ зрѣнія христіанской и гуманитарной (которыя въ этомъ случаѣ совпадаютъ) мы теперь не станемъ. Мы будемъ спрашивать не о томъ, насколько эта теорія національнализма нравственна, а лишь о томъ, насколько она *основательна*“ [1]).

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1888, февр., стр. 747.

Но потомъ онъ безъ всякихъ оговорокъ и переходовъ сталъ высказывать такого рода сужденія:

„Національнизмъ, возведенный въ систему нашимъ авторомъ, противорѣчитъ основной христіанской и гуманитарной идеѣ (единаго человѣчества)“, такъ что„ это опровергаетъ его въ глазахъ людей съ искреннимъ христіанскимъ убѣжденіями, или же особенно чуткихъ къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ“ [1]).

Какія страшныя обвиненія! Они до такой степени страшны, что даже теряютъ правдоподобіе. Не даромъ авторъ первоначально вовсе не хотѣлъ разсматривать дѣло съ этой стороны; онъ, конечно, чувствовалъ, что тутъ нужна величайшая осмотрительность и что въ подобныя обвиненія чаще всего пускаются люди, которые сгоряча ищутъ не самаго правильнаго, а только самаго сильнаго оружія противъ своихъ противниковъ. То ли дѣло логика, или историческіе факты? Почему бы имъ не ограничиться?

Но г. Соловьевъ не удержался и, желая показать всю слабость русскихъ умовъ, торжественно провозгласилъ теорію Данилевскаго не-христіанскою.

„Идея племенныхъ и народныхъ дѣленій“, говоритъ онъ, „(принятая какъ высшій и окончательный культурно-историческій принципъ), столь же мало, какъ и юліанскій календарь, принадлежитъ русской изобрѣтательности. Со временъ вавилонскаго столпотворенія мысль и жизнь всѣхъ народовъ имѣли въ основѣ своей эту идею національной исключительности. Но европейское сознаніе, въ особенности благодаря христіанству, *возвысилось рѣшительно* надъ этимъ по преимуществу языческимъ началомъ и, не смотря даже на *позднѣйшую націоналистическую реакцію*, никогда *не отрекалось вполнѣ* отъ высшей идеи единаго человѣчества. Схватиться за низшій, на 2.000 лѣтъ опереженный человѣческимъ сознаніемъ, языческій принципъ суждено было лишь русскому уму“ (апр., стр. 727).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Народы новой, христіанской Европы, воспринявъ заразъ изъ Рима и изъ Галилеи истину *единаго по природѣ и по нравственному назначенію* человѣчества, никогда не отрекались въ принципѣ отъ этой истины. Она осталась непри-

[1]) „Вѣстн. Европы“, апрѣль, стр. 753.

коснованною даже для крайностей возродившагося въ нынѣшнемъ вѣкѣ національнаго. Самъ Фихте ставилъ нѣмецкій народъ на исключительную высоту только потому, что видѣлъ въ этомъ народѣ *сосредоточенный разумъ всего человѣчества, единаго и нераздѣльнаго*. Только русскому отраженію европейскаго національнаго принадлежитъ сомнительная заслуга—рѣшительно отказаться *отъ лучшихъ завѣтовъ исторіи и отъ высшихъ требованій христіанской религіи* и вернуться къ грубо-языческому, не только до-христіанскому, но даже доримскому воззрѣнію" (стр. 737, апр.).

Обвиненія эти, очевидно, заходятъ такъ далеко и занеслись такъ высоко, что падаютъ сами собою. Ну какъ можно подумать, что человѣкъ съ такимъ свѣтлымъ умомъ и такой истинный христіанинъ, какъ Н. Я. Данилевскій, сталъ проповѣдовать „языческій принципъ?" Что онъ не разумѣлъ главной истины, возвѣщенной людямъ въ Галилеѣ? Что онъ „рѣшительно отрекся отъ высшихъ требованій христіанской религіи и лучшихъ завѣтовъ исторіи"?

Совершенно ясно, что такая странная загадка должна имѣть какую-нибудь очень простую разгадку, но что г. Соловьевъ трудится не надъ тѣмъ, чтобы понимать книги и людей, о которыхъ судитъ, а напротивъ избралъ темою своего краснорѣчія тотъ загадочно-нелѣпый видъ, въ которомъ ему представляются эти люди и книги.

Разрѣшеніе загадки можно найти уже въ приведенныхъ нами мѣстахъ, въ самой формулѣ ужасныхъ обвиненій. Что значитъ „единое по природѣ" человѣчество? По обыкновенному пониманію это значитъ, что *природа у всѣхъ людей одна*, что они *равны* между собою по своей природѣ, слѣдовательно, и „по нравственному назначенію". Г. Соловьевъ самъ нерѣдко употребляетъ это слово *равенство*; но потомъ, безъ всякихъ оговорокъ, ставитъ на мѣсто его *единство*, а „единству" онъ даетъ совершенно другой смыслъ—и въ этомъ-то простѣйшемъ софизмѣ заключается источникъ всего его воодушевленія!

Подъ единствомъ онъ разумѣетъ такое отношеніе между людьми, по которому они образуютъ „единое и нераздѣльное цѣлое". Вотъ будто бы въ чемъ „лучшій завѣтъ исто-

ріи", „высшее требованіе христіанства", вотъ почему заслужилъ похвалу и Фихте, воображавшій будто бы, что въ нѣмецкомъ народѣ „сосредоточенъ весь разумъ человѣчества".

Попробуемъ, однако, ясно и твердо отличить единство отъ равенства. Это два понятія ничуть не совпадающія, и всѣ разсужденія г. Соловьева превосходно подтверждаютъ только то логическое ученіе Гегеля, что гдѣ есть различіе, тамъ непремѣнно въ извѣстномъ отношеніи окажется противорѣчіе. Если мы признаемъ всѣхъ людей равными, какъ по-христіански слѣдуетъ и какъ твердо вѣровалъ и исповѣдывалъ Н. Я. Данилевскій, то каждый человѣкъ, взятый отдѣльно, какого бы племени и положенія ни былъ, будетъ для насъ одинаковымъ предметомъ человѣколюбія и нравственнаго долга. Мы тогда не задаемъ себѣ никакого вопроса объ его отношеніи къ остальному человѣчеству. Вотъ къ чему ведетъ понятіе *равенства*. Если же мы каждаго человѣка считаемъ *частью* единаго человѣчества, то, какъ часть, онъ, конечно, будетъ равенъ другимъ частямъ и будетъ равняться съ ними также въ томъ, что, *вообще говоря*, онъ связанъ съ цѣлымъ и съ сосѣдними ему частями; но тутъ сейчасъ же являются вопросы, не различается ли онъ отъ другихъ частей въ другихъ отношеніяхъ? Части всякаго цѣлаго могутъ быть различны по своему достоинству, по значенію для цѣлаго и даже по свойству и по большей и меньшей крѣпости самой связи, соединяющей ихъ съ цѣлымъ. Такимъ образомъ, единство въ извѣстномъ отношеніи непримиримо съ равенствомъ, и равенство не можетъ безусловно согласоваться съ единствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія (какъ странно намъ въ этомъ увѣрять!), что Данилевскій отвергалъ всякое неравенство людей „передъ Богомъ и Его святою церковью". Но поэтому онъ даже и не задумывался надъ тѣмъ *единствомъ*, которое г. Соловьевъ принимаетъ за столь ясную и великую истину. Средоточіе человѣчества, по Данилевскому, находится въ Богѣ, для котораго всѣ мы равно дѣти, какъ проповѣдывалъ Христосъ. Связь человѣка съ Богомъ безконечно сильнѣе, чѣмъ всѣ связи, которыя могутъ существовать и образоваться между

людьми; она сохраняетъ свою силу и тогда, когда эти связи слабѣютъ и разрушаются.

Полагаемъ, что такъ это должно быть для всякаго истинно-религіознаго человѣка, что это и есть главная христіанская идея, высшее требованіе христіанства.

Къ чему приводитъ г. Соловьева желаніе какого-то другаго *единства*, мы сейчасъ увидимъ. Но всѣ его нападенія на Данилевскаго, всѣ его страшныя обвиненія происходятъ только оттого, что онъ на мѣсто истиннаго равенства подставляетъ свое мнимое единство.

II.

Начало народности.

Очень жаль, что г. Соловьевъ, порицая такъ сильно принципъ національности, нигдѣ не объясняетъ, чѣмъ же именно онъ противенъ нравственности, все равно, высшей или низшей. Рѣчь о появленіи и свойствахъ этого принципа находится на страницахъ 744 и 745 (февр.), но ровно ничего опредѣленнаго въ себѣ не заключаетъ. Тутъ бросается въ глаза только развѣ насмѣшливый отзывъ о Фихте: „Прежде всѣхъ отличился въ этомъ дѣлѣ знаменитый Фихте“, при чемъ ни мало не объясняется, почему такая иронія постигла этого доблестнаго и по всѣмъ правамъ знаменитаго философа. Мы можемъ только отсюда видѣть, какъ высоко залетѣлъ г. Соловьевъ, объявляющій себя поклонникомъ *крылатыхъ* теорій. Утѣшьтесь, русскіе писатели и художники! Не вы одни кажетесь *ползучими* нашему парящему на высотѣ мыслителю; вѣроятно, многіе геніи и великаны Европы окажутся у него тоже какими-то козявками!

Безнравственность принципа народности г. Соловьевъ, кажется, считаетъ вовсе и не требующею доказательствъ. Онъ, вообще, держится методы не развивать своихъ мыслей, а только утверждать ихъ на разные лады. Между тѣмъ вся

его статья, конечно, имѣла бы нѣкоторый смыслъ и оправданіе именно тогда, еслибы онъ объяснялъ въ ней предполагаемое имъ противорѣчіе между нравственностію и національностію. Тогда намъ было бы видно также, что это такое, дѣйствительное ли убѣжденіе, или только ссылка на него. Но онъ ограничивается одною ссылкою. Въ самомъ началѣ онъ говоритъ о книгѣ Н. Я. Данилевскаго такъ:

„Авторъ стоитъ всецѣло и окончательно на почвѣ племеннаго и національнаго раздора, осужденнаго, но еще не уничтоженнаго евангельскою проповѣдью“ (стр. 744, февр.).

Послѣ этого, что же еще говорить! Если начало народности, на которомъ основана книга Н. Я. Данилевскаго, есть не болѣе какъ начало *племеннаго и національнаго раздора*, то, конечно, остается только негодовать и возноситься въ сферы „высшихъ нравственныхъ требованій“. Посмотрите, вѣдь тутъ такъ и сказано: *раздора*, не раздѣленія или обособленія, а прямо *раздора*.

Отъ г. Соловьева можно было бы, казалось, ожидать хоть небольшаго умѣнья обращаться съ понятіями, умѣнья не брать вещи съ одной стороны. Какой предметъ, какое явленіе въ человѣческомъ мірѣ не можетъ сдѣлаться источникомъ раздора? Все, что угодно, право, собственность, религія, всякая сфера, гдѣ одинъ человѣкъ вступаетъ въ отношеніе къ другому, все можетъ быть источникомъ и любви и вражды, и согласія и раздора. Человѣкъ есть странное животное. Наивный Плиній замѣчаетъ: „Свирѣпые львы не „воюютъ между собою, змѣи не жалятъ змѣй; да и чудища „морскія и рыбы свирѣпствуютъ только противъ существъ „другаго рода. А человѣку, божуся, человѣкъ же всего „больше наноситъ бѣдствій“. (Hist. natur. L. VII). Все это происходитъ оттого, что, по богатству развитія, міръ человѣческій порождаетъ внутри себя огромное разнообразіе, котораго вовсе не существуетъ у какихъ-нибудь животныхъ одного рода; при этомъ, человѣкъ возводитъ свои мысли и желанія до такой силы, что легко ставитъ ихъ выше своей жизни и смерти; такъ что и въ самомъ обиліи бѣдствій, терпимыхъ одними людьми отъ другихъ, все-таки сказывается

превосходство человѣка надъ животными. Войны, конечно, скоро прекратились бы, еслибы вовсе исчезла между людьми готовность жертвовать своею жизнью, то есть черта высокой доблести.

Все это мы говоримъ не для того, чтобы защищать раздоръ и войну; мы хотимъ только показать, что, какимъ бы великимъ зломъ ни были войны, но то, изъ-за чего они ведутся, и тѣ силы, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, могутъ быть однако же прекрасными благами. Такъ, пожаръ есть, конечно, большое бѣдствіе, но огонь вообще ничуть не зло, а великое и незамѣнимое благо.

Что касается до начала народности, то положительная сторона его очень ясна. Положительное правило здѣсь будетъ такое: народы, уважайте и любите другъ друга! Не ищите владычества надъ другимъ народомъ и не вмѣшивайтесь въ его дѣла!

Эти требованія станутъ намъ яснѣе, если посмотримъ, къ чему именно они должны быть прилагаемы. Начало народности имѣетъ силу главнымъ образомъ какъ поправка или дополненіе идеи государства. Государство есть понятіе преимущественно юридическое—люди живутъ, связанные одною властью и подчиненные однимъ законамъ. Это понятіе долго имѣло силу въ своемъ отвлеченномъ видѣ. Для государства все равно, къ какой народности принадлежитъ тотъ или другой его подданный; но мы теперь знаемъ, что для подданныхъ это не бываетъ и не можетъ быть равно. И вотъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка стала возникать сознательная идея (при чемъ и знаменитый Фихте отличился), что наилучшій порядокъ тотъ, когда предѣлы государства совпадаютъ съ предѣлами отдѣльнаго народа. Эта идея была возбуждена завоеваніями Наполеона Перваго; на фактѣ же, на дѣлѣ, значеніе народности обнаружилось въ Россіи, въ 1812 году, когда силы всей Европы сокрушились отъ неодолимаго сопротивленія русскаго народа. Потомъ та же идея заправляла всею исторіею Европы до нашихъ дней: совершилось освобожденіе Греціи, Сербіи, Болгаріи, соединилась въ одно государство Италія, потомъ Гер-

манія, и, дастъ Богъ, эти освобожденія и соединенія пойдутъ и дальше и будутъ доведены до наилучшей сообразности съ идеею, которая ими руководитъ. Европа ищетъ для себя самаго естественнаго порядка и все тверже и спокойнѣе укладывается въ свои естественные раздѣлы; не будь великаго *интернаціональнаго* зла, соціализма, начало народности, исповѣдываемое Европою, обѣщало бы ей успокоеніе.

Г. Соловьевъ смотритъ на это съ негодованіемъ; онъ видитъ въ этомъ нѣкоторое возвращеніе языческаго начала, „націоналистическую реакцію.“ Какъ жаль, что онъ такъ высоко залетѣлъ! Если подойти къ дѣлу ближе, то мы увидимъ, напротивъ, что одухотвореніе міра подвигается нѣсколько впередъ. Теперь мы требуемъ, чтобы государство не было только мертвою, сухою формою, чтобы оно имѣло живую душу, чтобы его подданные соединялись не одними узами закона, а были связаны мыслями и желаніями, родствомъ физическимъ и нравственнымъ. Нашему вѣку свойственно умѣнье понимать и цѣнить всякія духовныя связи и духовныя формы. Мы знаемъ теперь, что языки людей, ихъ обычаи, нравы, вкусы, пѣсни, сказки, и т. д., что все это не произвольныя, случайныя выдумки, а все тѣсно связано и растетъ въ этой связи, развиваясь подъ вліяніемъ глубокаго единства. Въ силу таинственнаго морфологическаго процесса родъ людской раздѣлился на племена, и каждое изъ нихъ представляетъ не только особую внѣшнюю форму, но и особую форму душевной жизни, самый ясный признакъ которой состоитъ въ особомъ языкѣ. Принципъ національности и состоитъ въ стремленіи къ тому, чтобы не чинилось насилія этому человѣческому развитію, чтобы не была разрываема естественная связь между людьми и не были они сковываемы противъ ихъ воли.

Національнизмъ нашего вѣка вовсе не похожъ на національнизмъ древняго міра. У язычниковъ, можно сказать, всякій народъ хотѣлъ завладѣть всѣми другими народами; у христіанъ явилось правило, что никакой народъ не долженъ владѣть другимъ народомъ. Современное ученіе о народности, очевидно, примыкаетъ къ ученію любви и свободы.

Въ одномъ мѣстѣ своей статьи г. Соловьевъ указываетъ на различіе между взглядами Данилевскаго и взглядами прежнихъ славянофиловъ.

„Тѣ утверждали, что русскій народъ имѣетъ всемірно-историческое призваніе, какъ носитель всечеловѣческаго окончательнаго просвѣщенія: Данилевскій же, отрицая всякую общечеловѣческую задачу, считаетъ Россію и славянство лишь особымъ культурно-историческимъ типомъ".

Это различіе, по мнѣнію г. Соловьева, явнымъ образомъ обращается во вредъ теоріи Данилевскаго.

„Коренные славянофилы, не отвергая всемірной исторіи и признавая, хотя лишь въ отвлеченномъ принципѣ, солидарность всего человѣчества, были ближе, чѣмъ Данилевскій, къ *христіанской* идеѣ и могли утверждать ее, не впадая въ явное внутреннее противорѣчіе" (стр. 746, февраль).

Тутъ черезчуръ много словъ и въ каждомъ словѣ оговорка; но смыслъ все-таки тотъ, что признаніе русскаго народа „носителемъ окончательнаго всечеловѣческаго просвѣщенія" ближе къ христіанской идеѣ, чѣмъ теорія Н. Я. Данилевскаго.

Между тѣмъ, нѣсколькими строками выше, тотъ же г. Соловьевъ, возставая вообще противъ „національнаго самочувствія", говоритъ, что это самочувствіе легко приходитъ къ такой *формулѣ*:

„Нашъ народъ есть самый лучшій изъ всѣхъ народовъ и потому онъ предназначенъ, такъ или иначе, покорить себѣ всѣ другіе народы, или, *во всякомъ случаѣ*, занять первое высшее мѣсто между ними".

Формула, какъ видитъ читатель, довольно логическая; но г. Соловьевъ справедливо осуждаетъ пныя ея послѣдствія.

„Такою формулой, говоритъ онъ, освящается всякое насиліе, угнетеніе, безконечныя войны, все злое и темное въ исторіи міра" (стр. 745).

Не ясно ли, однако, что эта формула какъ разъ и совпадаетъ съ ученіемъ прежнихъ славянофиловъ? Выходитъ, что это ученіе въ одно время и ближе къ христіанской идеѣ, и ближе къ „освященію всякаго насилія, угнетенія"

*

и пр. и пр. Вотъ какъ трудно разсуждать о „солидарности всего человѣчества!“

Если мы, безъ шутокъ, вспомнимъ, что въ древности первымъ народомъ считали себя греки и римляне, а въ новой исторіи нѣмцы, французы, англичане, то значеніе этого первенства въ исторіи міра намъ представится довольно ясно. Въ послѣдовательномъ преобладаніи этихъ народовъ историки именно и видѣли то, что̀ даетъ всей исторіи видъ нѣкотораго объединенія, хотя это преобладаніе достигалось, конечно, посредствомъ „всякаго насилія, угнетенія“ и пр. и пр. Вотъ отчего и первые славянофилы, когда въ нихъ пробудилось живое чувство народности, стали представлять себѣ будущее Россіи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ историки изображали судьбы всякаго великаго народа, то есть, въ видѣ преобладанія надъ другими народами и управленія ходомъ всемірнаго прогресса.

Н. Я. Данилевскій первый почувствовалъ и призрачность этихъ понятій объ исторіи, и всю опасность и мечтательность этихъ притязаній на будущее первенство. Нельзя не подивиться той ясности ума и чуткости сердца, которая обнаружилась въ этомъ случаѣ. Еще недавно кто-то самодовольно утверждалъ, что Россія, будто бы, государство завоевательное. Данилевскій въ своей книгѣ очень основательно и обстоятельно отказывается отъ такой ужасной чести. И кто вдумается въ его теорію, тотъ, конечно, долженъ будетъ признать, что, отказываясь отъ „солидарности всего человѣчества“, онъ имѣлъ въ виду также избѣжать и „всякаго насилія, угнетенія“ и пр. и пр., посредствомъ которыхъ нѣкогда достигалась видимость этой солидарности; слѣдовательно, онъ въ своей теоріи ближе къ христіанской идеѣ, чѣмъ иные мыслители.

Вообще, книга Н. Я. Данилевскаго дышетъ истинно славянскимъ благодушіемъ, отсутствіемъ всякой народной ненависти, и, говоря о будущемъ, даетъ Россіи только однѣ справедливыя и великодушныя задачи. Этотъ духъ книги есть и духъ теоріи, которая въ ней излагается. Повторю

здѣсь сужденіе, высказанное мною при первомъ появленіи книги:

„Славяне не предназначены обновить весь міръ, найти „для всего человѣчества рѣшеніе исторической задачи; они „суть только особый культурно-историческій типъ, рядомъ „съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованіе и разви„тіе другихъ типовъ. Вотъ рѣшеніе, разомъ устраняющее „многія затрудненія, полагающее предѣлъ инымъ несбыточ„нымъ мечтаніямъ и сводящее насъ на твердую почву дѣй„ствительности. Сверхъ того, очевидно, что это рѣшеніе — „чисто славянское, представляющее тотъ характеръ терпи„мости, котораго вообще мы не находимъ во взглядахъ Ев„ропы, насильственной и властолюбивой не только на прак„тикѣ, но и въ своихъ умственныхъ построеніяхъ“ [1]).

Если Карамзинъ горестно замѣчалъ: „прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою?“, то Н. Я. Данилевскій, мнѣ думается, больше другихъ имѣлъ право предаваться мыслямъ

о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

III.

Человѣчество, какъ организмъ.

Понятно теперь, почему у г. Соловьева нѣтъ вовсе доводовъ, объясняющихъ безнравственность начала народности; такихъ доводовъ и быть не можетъ. Поэтому, на первый планъ онъ выдвигаетъ другаго рода аргументъ. Главный тезисъ его статьи тотъ, что человѣчество образуетъ *единый организмъ*. Вотъ что онъ считаетъ „основною христіанскою и гуманитарною идеею“. Сюда онъ подводитъ всѣ тѣ

[1]) *Россія и Европа*, Предисл., стр. XXVI.

мысли о любви къ *каждому* человѣку, о равенствѣ *всѣхъ* людей, объ *одинаковой* у нихъ природѣ и душѣ,—мысли, столь знакомыя и обыкновенныя для насъ, христіанъ.

„Авторъ *Россіи и Европы*“, говоритъ г. Соловьевъ, „не сдѣлалъ даже и попытки опровергнуть или устранить иной взглядъ на дѣло, тотъ взглядъ, который со временъ Ап. Павла (а отчасти и Сенеки) раздѣлялся лучшими умами Европы, а въ настоящее время становится даже достояніемъ положительно-научной философіи. Я разумѣю взглядъ, по которому человѣчество относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, не какъ родъ къ видамъ, а какъ *цѣлое къ частямъ*, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ или членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла. Понятіе тѣла не есть пустое отвлеченіе отъ представленій о его членахъ, и точно также тѣло не можетъ мыслиться и какъ простая совокупность или аггрегатъ своихъ членовъ; слѣдовательно, отношеніе родоваго къ видовому непримѣнимо здѣсь ни въ одномъ изъ двухъ значеній, различаемыхъ авторомъ. А между тѣмъ, идея человѣчества, какъ живаго цѣлаго (а не какъ отвлеченнаго понятія и не какъ аггрегата), настолько вошла, еще съ первыхъ временъ христіанства, въ духовные инстинкты мыслящихъ людей, что отъ этой идеи не могъ отдѣлаться и самъ Данилевскій, называющій въ одномъ мѣстѣ свои „культурно-историческіе типы“—*живыми и дѣятельными органами человѣчества*[1]). Къ сожалѣнію, въ этихъ словахъ можно видѣть именно только проявленіе безотчетнаго инстинкта истины. Еслибы это была серьезная и сознательная мысль автора, то ему пришлось бы отречься отъ всего содержанія и даже отъ самыхъ мотивовъ его труда. Если, въ самомъ дѣлѣ, культурно-историческіе типы суть живые и дѣятельные (а слѣдовательно въ нѣкоторой степени и сознательные) органы человѣчества, какъ единаго духовно-физическаго организма, то понятія „общечеловѣческаго“ и „всечеловѣческаго“ получаютъ, по отношенію къ частнымъ группамъ, такое положительное и существенное значеніе, которое прямо противорѣчитъ основному воззрѣнію Данилевскаго на коренную самостоятельность и необходимое обособленіе культурно-историческихъ типовъ. Тогда уже нужно бросить и то практическое заключеніе, что будто бы интересы человѣчества для насъ не существуютъ и не должны существовать, и будто бы никакихъ обязанностей мы къ нему имѣть

[1]) *Россія и Европа*, стр. 131.

не можемъ. Придется, напротивъ, принять совершенно иное заключеніе: если всякая частная группа, національная или племенная, есть лишь органъ (орудіе) человѣчества, то наши обязанности къ народу или племени, т. е. къ *орудію*, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношенію къ тому, для чего это орудіе должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ самъ подчинялся высшимъ интересамъ цѣлаго человѣчества. Стоитъ только въ „систему“ культурно-историческихъ типовъ серьезно подставить понятіе о живыхъ и дѣятельныхъ органахъ человѣчества,—и уже однимъ этимъ опредѣленіемъ вполнѣ опровергается партикуляризмъ нашего автора, и вмѣсто всякой критики ему достаточно было бы напомнить старую римскую басню о членахъ тѣла, пожелавшихъ жить только для себя“ (апрѣль, стр. 752, 753).

Вотъ главное мѣсто статьи, центральное по содержанію, торжественно заявляющее опредѣленные догматы и громко празднующее ихъ побѣду. Что же мы скажемъ? Если такіе прыжки, такія, можно сказать, „преухищренныя измышленія“ необходимы для опроверженія Данилевскаго, то, должно быть, онъ совершенно правъ. Онъ непобѣдимъ, если для побѣды надъ нимъ, для уличенія его въ отсутствіи истиннаго человѣколюбія, непремѣнно понадобилось признать, что человѣчество есть организмъ, т. е. нѣкоторое существо, столь же обособленное и централизованное, какъ отдѣльное животное или растеніе.

Слова *организмъ*, *органическій* употребляются безпрестанно, но многихъ они сбиваютъ съ пути правильнаго пониманія. Не нужно никогда забывать, что эти выраженія часто указываютъ только *аналогію*, только уподобленіе дѣйствительнымъ организмамъ. Когда мы говоримъ о *движеніи* дѣлъ въ какомъ-нибудь вѣдомствѣ, о *механизмѣ* какого-нибудь управленія, то, конечно, никто не воображаетъ, что въ присутственныхъ мѣстахъ вмѣсто живыхъ чиновниковъ находятся мертвые винты, рычаги и колеса, которыми и производится дѣло. То же самое различіе нужно дѣлать и при употребленіи терминовъ *органъ*, *органическій* и т. д. По аналогіи съ извѣстными явленіями, можно назвать организмомъ государство, армію, школу, департаментъ, но еще лучше—народъ,

языкъ, миѳологію, семейство, всякую форму, которая растетъ сама собою, гдѣ намѣренность и сознательность отступаютъ на задній планъ. Но не отличать всего этого отъ дѣйствительныхъ организмовъ было бы большою нелѣпостью [1]).

Лѣтъ за пятьсотъ до Р. Х. сравненіе государства съ организмомъ сыграло, какъ разсказываютъ, важную роль въ исторіи самаго государственнаго изъ народовъ земли, римлянъ. Мененій Агриппа укротилъ возмущеніе плебеевъ, разсказавъ возмутившимся, какая бѣда случилась, когда члены человѣческаго тѣла вздумали однажды возстать противъ брюха, и руки перестали носить пищу въ ротъ, ротъ пересталъ ее брать, а зубы жевать; тогда все тѣло и всѣ члены стали гибнуть отъ истощенія. Та же басня теперь направлена г. Соловьевымъ противъ „узкаго и неразумнаго патріотизма покойнаго Данилевскаго“ (апр. стр. 731). Г. Соловьевъ утверждаетъ, что человѣчество есть „живое цѣлое“, что оно „относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ и членамъ; жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла“. Значитъ, это есть существо даже превосходящее своимъ сосредоточеніемъ то, что мы обыкновенно называемъ организмами; ибо и въ тѣлѣ человѣка, самаго совершеннаго дѣйствительнаго организма, бываетъ, какъ показалъ Вирховъ, много мѣстныхъ явленій, независящихъ *существенно и необходимо* отъ жизни всего тѣла.

Но чѣмъ же доказывается такая организація человѣчества? У г. Соловьева—ничѣмъ; онъ, повидимому, думаетъ,

---

[1]) Кстати поправимъ здѣсь ссылку, сдѣланную г. Соловьевымъ. Данилевскій нигдѣ не называетъ культурно-историческіе типы вообще *органами человѣчества*; но въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о славянахъ: „ежели они по внѣшнимъ или внутреннимъ причинамъ не въ состояніи *выработать самобытной цивилизаціи*, т. е. стать на степень *развитаго* культурно-историческаго типа,—живаго и дѣятельнаго органа человѣчества, то..“ и проч. Тутъ, очевидно, другой смыслъ, тутъ разумѣется нѣкоторое участіе въ томъ, что тотъ же Данилевскій называетъ *общею жизнью, общимъ развитіемъ* человѣчества, и о чемъ рѣчь будетъ дальше.

что это вовсе и не нуждается въ доказательствахъ. Онъ только пышными словами ссылается на различные авторитеты: 1) на Сенеку, 2) на Ап. Павла, 3) на „положительно-научную философію“, т. е. на Огюста Конта; онъ утверждаетъ, что будто бы этотъ взглядъ, уже со временъ Ап. Павла и Сенеки вообще „раздѣлялся лучшими умами Европы“ и даже „вошелъ въ духовные инстинкты мыслящихъ людей“.

Не слишкомъ ли уже много этихъ ссылокъ? Притомъ, очень жаль, что все это *глухія* ссылки, то-есть не показано, что тѣ, кто тутъ названъ по имени, или тѣ, кто принадлежитъ къ толпѣ таинственныхъ незнакомцевъ, названныхъ гуртомъ „лучшими умами Европы“, что они держались именно того мнѣнія, которое такъ опредѣленно и рѣшительно высказалъ г. Соловьевъ. Нельзя же считать приверженцемъ теоріи *единаго организма* всякаго, кто высказывалъ чувство всеобщаго человѣколюбія, или мысль о происхожденіи всѣхъ людей отъ Адама и объ одинаковомъ отношеніи ихъ къ Богу. Читатель, напримѣръ, не можетъ не почувствовать, что есть, вѣроятно, не малая разница между мнѣніями стоическаго пантеиста Сенеки, христіанина Ап. Павла и атеиста Огюста Конта. Сей послѣдній представитель „лучшихъ умовъ Европы“ и выразитель „духовныхъ инстинктовъ мыслящихъ людей“ именно нашего вѣка—могъ бы подать поводъ ко многимъ замѣчаніямъ. Онъ отвергалъ бытіе Бога, но придумалъ, какъ извѣстно, свою собственную троицу и проповѣдывалъ поклоненіе ей. Кромѣ Великаго Существа (Grand-Être), соотвѣтствующаго тому, что г. Соловьевъ называетъ организмомъ человѣчества, Контъ признавалъ еще Великаго Фетиша, т. е. земную планету, и Великую Среду, т. е. пространство. Ничего нѣтъ мудренаго, что мыслитель, одолѣваемый такимъ неудержимымъ стремленіемъ создавать миѳы, воплощать, олицетворять всякіе предметы, что такой мыслитель призналъ человѣчество за единый организмъ. Впрочемъ, онъ вѣдь вводилъ въ свое Великое Существо не однихъ людей, а считалъ его членами также лошадей, собакъ и вообще животныхъ, служащихъ людямъ. Что ска-

жетъ на это г. Соловьевъ? Не принять ли намъ лучше, что все животное царство составляетъ одинъ организмъ? Тогда мы станемъ, пожалуй, нѣсколько ближе къ пантеизму стоиковъ, который вѣдь, какъ хотите, есть дѣйствительный фазисъ философской мысли, не то что ваша пресловутая „положительно-научная философія", интересная только по тупому упорству, съ которымъ она держится своей односторонности.

Но мы оставимъ всѣ эти блужданія по исторіи человѣческой мысли. Нѣтъ никакой надобности старательно доказывать, что г. Соловьевъ сдѣлалъ совершенно голословную ссылку на эту исторію. Возьмемъ прямо мысль, за которую онъ стоитъ. Если человѣчество есть организмъ, то гдѣ его органы? На какія системы эти органы распадаются и какъ между собою связаны? Гдѣ его центральныя части и гдѣ побочныя, служебныя? Напрасно г. Соловьевъ говоритъ, что какъ только Данилевскій призналъ бы мысль *единаго организма*, то „ему пришлось бы отречься отъ всего содержанія и даже отъ самыхъ мотивовъ его труда". Ничуть не бывало. Книга Данилевскаго представляетъ намъ, такъ сказать, очеркъ *анатоміи и физіологіи человѣчества*. Еслибы мы даже вовсе отказались отъ физіологіи, предложенной въ этой книгѣ, то анатомія осталась бы, однако, еще неприкосновенною. Культурно-историческіе типы, ихъ внутренній составъ, ихъ взаимное положеніе и послѣдовательность—весь этотъ анализъ намъ необходимо будетъ вполнѣ признать, все равно, будемъ ли мы думать, какъ Данилевскій, что эти типы суть *какъ будто* отдѣльные организмы, послѣдовательно возникающіе и совершающіе циклъ своей жизни, или же мы, вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ, вообразимъ, что это „живые и дѣятельные (а слѣдовательно въ нѣкоторой степени и сознательные) органы человѣчества, какъ единаго „духовно-физическаго организма". Какую бы тѣсную связь между органами мы ни предполагали, но прежде всего сами органы должны быть на лицо; какое бы соподчиненіе жизненныхъ явленій мы ни воображали, но прежде всего должно быть дано то разнообразіе, которое подчиняется единству.

Объ этомъ совершенно забылъ г. Соловьевъ, весь поглощенный своими мыслями объ отвлеченномъ единствѣ. Онъ вовсе и не думаетъ, что долженъ бы хоть намекнуть намъ, какъ онъ представляетъ себѣ организацію человѣчества. Какое же право мы имѣемъ называть что-нибудь организмомъ, если не можемъ указать въ немъ ни одной черты органическаго строенія? Вмѣсто того, г. Соловьевъ съ величайшими усиліями вооружается противъ культурно-историческихъ типовъ Данилевскаго и старается подорвать ихъ со всевозможныхъ сторонъ, очевидно, воображая, что, когда человѣчество явится передъ нами въ видѣ безформенной однородной массы, въ видѣ простаго скопленія человѣческихъ недѣлимыхъ, тогда-то оно будетъ всего больше походить на „живое цѣлое“.

IV.

Естественная система въ исторіи.

Обо всей исторіи культурно-историческихъ типовъ, объ этой „естественной системѣ“ исторіи, г. Соловьевъ, на основаніи своего разбора, произноситъ слѣдующій заключительный приговоръ:

„Эта система, соединяющая разнородное, раздѣляющая однородное и вовсе пропускающая то, что не вкладывается въ ея рамки, есть лишь произвольное измышленіе, главнымъ образомъ обусловленное малымъ знакомствомъ Данилевскаго съ данными исторіи и филологіи, и явно противорѣчащее тѣмъ логическимъ требованіямъ всякой классификаціи, которыя онъ самъ позаботился выставить“ (стр. 758, апрѣль).

Боже! Какъ громко и рѣзко, а какая путаница! Я хочу сказать, что тутъ набраны всякіе, самые разнородные, но все *общіе* упреки, такъ что эту характеристику можно отнести ко всякому очень плохому разсужденію; и, напримѣръ, она къ статьѣ г. Соловьева примѣняется какъ нельзя лучше. Если система Данилевскаго несостоятельна, то, очевидно,

нужно открыть ея *главный грѣхъ*, и тогда мы вполнѣ поймемъ ея несостоятельность, и не нужно будетъ подбирать разныхъ частныхъ доказательствъ, изъ которыхъ не выходитъ одного общаго. „Произвольное измышленіе, обусловленное незнакомствомъ съ данными“! Да что же можетъ быть *обусловлено незнакомствомъ*? Если человѣкъ чего-нибудь не знаетъ, то развѣ онъ такъ сейчасъ и пустится въ *измышленія* и притомъ совершенно *произвольныя*?

Прошу извиненія за это отступленіе; слогъ и логика г. Соловьева занимаютъ меня, можетъ быть, больше, чѣмъ читателя. Обратимся къ дѣлу.

Прежде всего г. Соловьевъ безъ сомнѣнія вовсе не понимаетъ требованій естественной системы. Онъ приступаетъ къ Данилевскому съ вопросомъ: „почему принято столько типовъ, а не больше и не меньше?“ а потомъ съ упрекомъ, что тотъ „не предпослалъ своей таблицѣ прямаго опредѣленія того, что онъ признаетъ за особый культурно-историческій типъ“ (стр. 733, 734, апрѣль). Можно подумать, что дѣло идетъ не объ опытной, а о какой-нибудь апріорной наукѣ, напр., о геометріи. Тамъ сперва опредѣляютъ, что такое треугольникъ, а потомъ выводятъ различные виды этой фигуры, напр., что треугольники бываютъ равносторонніе, равнобедренные и неравносторонніе.

Но въ наукѣ наблюдательной, какъ исторія, и опредѣленіе, и раздѣленіе не даны напередъ, а напротивъ составляютъ искомое, суть то, что должно еще получиться изъ нашихъ наблюденій и сравненій. Типъ у Данилевскаго есть просто высшее дѣленіе, какое можно найти въ исторіи, то есть самая широкая группа людей, о которой бы можно было сказать, что она при смѣнѣ своихъ поколѣній дѣйствительно переживаетъ нѣкоторую исторію, имѣетъ историческую, слѣдовательно, культурную жизнь, дѣйствительно бываетъ и молодою, и зрѣлою, и дряхлою, и наконецъ совершенно отживаетъ свою жизнь. Самыя ясныя изъ этихъ группъ прямо бросаются намъ въ глаза, и потому Данилевскій и указываетъ на нихъ прямо, какъ на нѣчто всѣмъ извѣстное. Но, разумѣется, и точное разграниченіе ихъ, и правильная харак-

теристика, также какъ изложеніе особенностей жизни и развитія каждой группы составляютъ предметъ долгихъ изысканій и совершенствуются вмѣстѣ съ успѣхами самой науки исторіи. Такъ и въ зоологіи, и въ ботаникѣ, нѣкоторыя главныя, крупныя черты естественной системы животныхъ и растеній приняты съ самаго начала и остаются давно неизмѣнными, но въ частностяхъ, въ оцѣнкѣ отношеній между группами, въ подраздѣленіяхъ на меньшія группы, дѣлаются все новые и новые шаги къ полной опредѣленности и всесторонности.

Чтобы дать оправданіе нѣкоторымъ своимъ возраженіямъ, г. Соловьевъ говоритъ, что не сталъ бы ихъ дѣлать, „еслибы мы имѣли дѣло съ обыкновенною приблизительною классификаціею явленій, а не съ претензіей на строго-опредѣленную и точную «естественную систему исторіи»“ (стр. 737, апр.).

Значитъ, г. Соловьевъ не понимаетъ, что *строго-опредѣленными и точными* бываютъ сразу только искусственныя системы, а для естественныхъ системъ строгая опредѣленность и точность есть лишь идеалъ, о полномъ достиженіи котораго сейчасъ же—могутъ говорить только тѣ, кто вовсе не понимаетъ важности и трудности задачи. Книга Данилевскаго указываетъ только методу и общій планъ изслѣдованія, а вовсе не есть полная *естественная система исторіи*, потому что вѣдь это была бы наука исторіи въ полномъ ея составѣ. Иное дѣло искусственная система—она сразу бываетъ точна и опредѣленна. Такъ у насъ въ большомъ ходу дѣленіе исторіи по столѣтіямъ, и тутъ ужь нѣтъ ни колебаній, ни успѣховъ. Если событіе случилось въ 1799 году, то оно относится къ восемнадцатому вѣку, а если въ 1800, то къ девятнадцатому. Очень точно и удобно, но именно потому, что тутъ не обращается вниманія ни на какія естественныя отношенія.

Должно быть, однако же, г. Соловьевъ кой-что знаетъ о естественной системѣ. Такъ у него проскользнуло слѣдующее замѣчаніе: „Въ особенности составителямъ естественныхъ системъ приходилось устранять многое общеизвѣстное.

Иначе, напримѣръ, въ классификаціи животныхъ пришлось бы принять кита за рыбу" (стр. 733, апрѣль).

Вотъ примѣръ, прекрасно поясняющій дѣло. Классъ рыбъ есть общеизвѣстный классъ, группа, признаваемая внѣ всякой науки. Въ то же время, это группа чрезвычайно естественная, почему она и была съ самаго начала принята въ естественной системѣ. Эта система, однако, вникая глубже въ устройство животныхъ, *поправила* общеизвѣстную группу рыбъ, именно отдѣлила отъ нея кита, и тогда эта группа стала *совершенно* естественною.

Итакъ, поправки, которымъ постепенно подвергается естественная система, не значатъ, что эта система разрушается, а напротивъ ведутъ ее только къ бо́льшей и бо́льшей естественности.

Между тѣмъ г. Соловьевъ очень смутно сообразилъ эти понятія и совершенно сбился въ своихъ выводахъ. Онъ упрекаетъ Данилевскаго въ томъ, что тотъ прямо беретъ общеизвѣстные культурные типы; въ этомъ онъ видитъ только „крайнюю произвольность". Когда же онъ замѣтилъ, что одинъ типъ Данилевскаго допускаетъ поправку, что тутъ нашелся китъ, котораго нужно отдѣлить отъ рыбъ, то г. Соловьевъ чрезвычайно обрадовался этому, какъ отличнѣйшему средству для своей цѣли, состоящей только не въ томъ, чтобы найти истинную систему исторіи, а въ томъ, чтобы опровергнуть Данилевскаго.

Китъ, о которомъ идетъ рѣчь,—финикіяне. Данилевскій вовсе не разсуждаетъ объ этомъ народѣ и его исторіи; онъ только голословно, ссылаясь на одну лишь *общеизвѣстность*, соединилъ его (въ своемъ перечисленіи типовъ) въ одинъ типъ съ ассиріянами и вавилонянами. Противъ этой *одной* строчки г. Соловьевъ написалъ нѣсколько страницъ, блистающихъ самою свѣжею ученостью и ссылками даже на подлинныя слова Ренана.

А какой же выводъ изъ ученыхъ изысканій? Прежде всего нашъ критикъ утверждаетъ слѣдующую „возможность":

„Возможность отвести такой важной культурной націи какъ Финикія, любое изъ трехъ мѣстъ въ исторической

классификаціи (кромѣ того невозможнаго положенія, какое она занимаетъ въ quasi-естественной системѣ нашего автора), а именно: или видѣть во Финикіи одинъ изъ членовъ единаго обще-семитическаго типа, или признать ее, вмѣстѣ съ еврействомъ за особую хананейскую или кенаано-пуній-скую группу, или наконецъ выдѣлить ее въ отдѣльный культурно-историческій типъ" (стр. 737, апр.).

Ну такъ въ чемъ же дѣло? Мы видимъ, что тутъ исчерпаны всѣ возможности; когда нужно опредѣлить положеніе какого-нибудь предмета въ системѣ, то можно: 1) или подвести его подъ классъ уже извѣстный, 2) или составить изъ него особый классъ, притомъ: а) изъ него одного, или b) съ присоединеніемъ какихъ-нибудь другихъ сродныхъ предметовъ. Чтобы рѣшить вопросъ, нужно приняться за точныя и обстоятельныя изслѣдованія; такъ и теперь, нужно, значитъ, пуститься въ изученіе исторіи финикіянъ, которой Данилевскій никогда не изучалъ, почему и судилъ въ этомъ случаѣ по неточнымъ свѣдѣніямъ объ исторіи Востока, какія были общеизвѣстны во время писанія его книги.

Но г. Соловьеву ни исторія вообще, ни финикіяне въ частности вовсе не нужны; почему онъ и приходитъ къ совершенно другому заключенію, преудивительному:

„Эта одинаковая возможность принять по этому предмету три различные взгляда, изъ конхъ каждый имѣетъ свое научное оправданіе, ясно показываетъ, насколько шатокъ и неустойчивъ самый принципъ дѣленія человѣчества на культурно-историческіе типы, насколько смутно понятіе такого типа, насколько неопредѣленны границы между этими условными группами, которыя Данилевскій наивно принимаетъ за вполнѣ дѣйствительныя соціальныя единицы" (тамъ же).

Какъ *одинаковая возможность*? Но вѣдь только логически эти три случая одинаково возможны, т. е. когда дѣло идетъ о предметѣ неизвѣстномъ, или лучше о неизвѣстно какомъ предметѣ. Въ дѣйствительности же, когда предметъ намъ данъ, то не три случая могутъ разомъ имѣть мѣсто, а только *одинъ изъ трехъ*. Развѣ же тутъ возможно совершенно равное „научное оправданіе"? Злополучные финикіяне, очевидно, только тогда не могли бы найти себѣ мѣста въ системѣ исторіи, еслибы было доказано, что самое понятіе

особой культуры вовсе неприложимо къ человѣчеству, что нѣтъ и не бывало культуръ, постепенно развивающихся, процвѣтающихъ и падающихъ. Но о культурѣ вообще, о томъ понятіи различныхъ культуръ, въ которомъ заключается весь узелъ вопроса, г. Соловьевъ ровно ничего не говоритъ. Онъ думалъ обойтись побочными средствами.

Между тѣмъ ясно, что для него осталась только *четвертая* возможность, о которой онъ однако не упоминаетъ. Эта четвертая возможность та, что въ человѣчествѣ и его исторіи вовсе не существуетъ никакихъ дѣленій, никакой системы. Логика самого предмета невольно вынуждаетъ г. Соловьева къ такому заключенію, которое высказать онъ только затрудняется. Такъ, упомянувъ о томъ, что дѣленіе человѣчества по частямъ свѣта и дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую обличаются Данилевскимъ въ искусственности, неточности и нелогичности, онъ замѣчаетъ:

„Для тѣхъ, кто видитъ въ человѣчествѣ единое живое цѣлое, вопросъ о томъ или другомъ распредѣленіи частей этого цѣлаго имѣетъ *во всякомъ случаѣ лишь второстепенное значеніе*.— Иначе представляется дѣло для Данилевскаго“ (стр. 732 апр.).

Совершенно справедливо! Данилевскій никогда не думалъ, никакъ не могъ и представить себѣ, что дѣленіе въ какой бы то ни было наукѣ, въ какомъ бы то ни было предметѣ имѣетъ малое значеніе, будто бы во всѣхъ отношеніяхъ второстепенное. Только крылатые мыслители подымаются до такой высокой мысли. Данилевскій же, очевидно, какъ способный лишь къ *ползучимъ* теоріямъ, вздумалъ воевать противъ того недостатка научной строгости, который такъ обыкновененъ въ историческихъ сочиненіяхъ и такъ по душѣ приходится г. Соловьеву. Въ самомъ дѣлѣ, историки постоянно подвержены и постоянно поддаются искушенію въ томъ отношеніи, что порядокъ фактовъ ихъ науки, повидимому, имъ данъ заранѣе, именно порядокъ *времени* этихъ фактовъ. Поэтому иные излагатели исторіи вовсе и не думаютъ о надобности точнаго опредѣленія періодовъ, а также о такой группировкѣ явленій, которая можетъ не совпадать

съ единою прямою линіею времени. Но, тѣмъ глубже понимаетъ свое дѣло историкъ, тѣмъ чаще его разсказъ вынуждаетъ его отступать отъ порядка простой хроники. Вмѣсто этихъ попытокъ, предоставленныхъ уму и взгляду каждаго историка, и вмѣсто грубыхъ крупныхъ дѣленій, не играющихъ никакой существенной роли, Данилевскій и пожелалъ яснаго и точнаго распредѣленія фактовъ, общей группировки ихъ по степени ихъ естественнаго сродства и предложилъ теорію культурныхъ типовъ. Вотъ его преступленіе противъ тѣхъ, кому низшія требованія науки мѣшаютъ предаваться высшимъ полетамъ.

На страницѣ 739-й (апрѣль) г. Соловьевъ совершенно спутываетъ мысли Данилевскаго. Онъ приводитъ его правило: „группы должны быть однородны, то есть степень „сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ одноименныхъ группахъ“, и толкуетъ, что здѣсь подъ *членами* должно разумѣть отдѣльные народы, входящіе въ составъ культурнаго типа.

Никогда этой мысли не было у Данилевскаго. Подъ членами онъ тутъ понималъ всякаго рода историческія событія и хотѣлъ сказать, что только событія, относящіяся къ исторіи одного культурнаго типа, бываютъ связаны между собою столь же тѣсно, какъ событія другаго типа между собою. Это суть явленія, переживаемыя типомъ въ неразрывной цѣпи поколѣній, и потому составляющія дѣйствительную исторію; — такой связи не можетъ быть между явленіями различныхъ типовъ.

Между тѣмъ г. Соловьевъ, превратно понявъ правило, выставляетъ противъ него цѣлый рядъ возраженій. Напримѣръ: „Любопытно было бы знать, какіе члены дѣленія — „соотвѣтствующіе цѣлымъ великимъ націямъ, на которыя „дѣлится Европа,—можно найти въ древне-египетскомъ, или „въ еврейскомъ культурномъ типѣ?“ (стр. 739). Вотъ въ какомъ явномъ и грубомъ недосмотрѣ рѣшился обвинять Данилевскаго г. Соловьевъ, вѣроятно разлакомившись своими финикіянами. А затѣмъ и готово: система эта обусловлена-де незнакомствомъ съ данными исторіи!

Вообще замѣтимъ, что въ книгѣ Данилевскаго нѣтъ какого-нибудь изслѣдованія всѣхъ указанныхъ имъ типовъ; различныя свойства этихъ типовъ, различный ихъ составъ, различная исторія—все это предлежитъ труду историковъ. Поправки и всякое углубленіе и уясненіе чертъ разъ намѣченныхъ и неизбѣжны, и желательны; но самая идея типовъ вполнѣ останется и получитъ лишь бо́льшую твердость.

Только два типа подробно и тщательно разсматриваетъ книга Данилевскаго, именно тѣ, которые указаны въ заглавіи: славянскій и германо-романскій; тутъ много опредѣленныхъ и обстоятельныхъ замѣчаній объ ихъ составѣ, ихъ исторической судьбѣ, ихъ духовныхъ свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ,—такъ что именно на этихъ двухъ типахъ мы можемъ (если желаемъ) изучать, что́ такое Данилевскій называетъ культурнымъ типомъ, и точно ли онъ правъ, утверждая, что такіе типы существуютъ въ исторіи. И что же? Г. Соловьевъ, критикующій эту книгу, очень заинтересовался финикіянами, о которыхъ въ ней только упомянуто, и вовсе не разсуждаетъ о типахъ славянскомъ и германо-романскомъ! Его статья называется *Россія и Европа*, но въ ней вовсе не разбираются всѣ тѣ отношенія между Россіею и Европою, которыя составляютъ самый существенный предметъ книги и были путеводною нитью для всѣхъ ея мыслей! Просвѣщенный читатель „Вѣстника Европы“ не получитъ по статьѣ г. Соловьева даже слабаго понятія о содержаніи книги Данилевскаго. О, крылатая критика! Ты плохо видишь; но точно ли отъ того это происходитъ, что ты высоко летаешь?

V.

Объединители.

Если мы не будемъ признавать никакихъ культурныхъ типовъ, если будемъ всячески доказывать, что въ исторіи все путается и переплетается, такъ что нельзя найти въ ней

никакихъ правильныхъ группъ явленій, и бѣднымъ финикіянамъ нельзя вовсе указать опредѣленнаго мѣста, то отсюда еще не слѣдуетъ, что человѣчество представится намъ въ видѣ „живаго цѣлаго“, въ видѣ организма. Для такого представленія, очевидно, нужно, напротивъ, показать въ человѣчествѣ хоть какой-нибудь порядокъ, нужно хоть съ какой-нибудь стороны, хоть въ малой мѣрѣ внушить мысль, что въ этомъ организмѣ не одна путаница, а есть и нѣкоторое единство. Г. Соловьевъ это и дѣлаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Тотъ обширный и законченный періодъ въ жизни историческихъ народовъ, который называется древнею исторіею, рядомъ съ господствомъ національнаго сепаратизма, представляетъ, однако, несомнѣнное движеніе впередъ въ смыслѣ все бо́льшаго и бо́льшаго объединенія чуждыхъ въ началѣ и враждебныхъ другъ другу народностей и государствъ“. „Тѣ націи, которыя не принимали участія въ этомъ движеніи, получили тѣмъ самымъ совершенно особый анти-историческій характеръ“.

И такъ, вообще говоря, въ древней исторіи совершалось нѣкоторое *объединеніе*; процессъ этого объединенія г. Соловьевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Политическая и культурная централизація не ограничивалась отдѣльными народами, ни даже опредѣленными группами народовъ, а стремилась перейти въ такъ называемое всемірное владычество, и это стремленіе дѣйствительно приближалось все болѣе и болѣе къ своей цѣли, хотя и не могло осуществиться вполнѣ. Монархія Кира и Дарія далеко не была только выраженіемъ иранскаго культурно-историческаго типа, смѣнившаго типъ халдейскій. Вобравши въ себя всю прежнюю ассиро-вавилонскую монархію и широко раздвинувшись во всѣ стороны между Греціей и Индіей, Скиѳіей и Эѳіопіей, держава великаго царя во все время своего процвѣтанія обнимала собою не одинъ, а по крайней мѣрѣ цѣлыхъ четыре культурно-историческихъ типа (по классификаціи Данилевскаго), а именно мидо-персидскій, сиро-халдейскій, египетскій и еврейскій, изъ коихъ каждый, подчиняясь политическому, а до нѣкоторой степени и культурному единству цѣлаго, сохранялъ, однако, свои главныя образовательныя особенности и вовсе не становился простымъ этнографическимъ матеріаломъ (*т. е. куль-*

*

турнаго единства не было?). Царство Александра Македонскаго (распавшееся послѣ него лишь политически, но сохранившее во всемъ объемѣ новое культурное единство (*откуда же* новое, *когда никакого стараго не было?*) эллинизма) расширило предѣлы прежней міровой державы, включивши въ нихъ съ запада всю область греческаго типа, а на востокѣ захвативши часть Индіи. Наконецъ, Римская Имперія, вмѣстѣ съ новымъ культурнымъ элементомъ, латинскимъ, ввела въ общее движеніе всю западную Европу и сѣверную Африку, соединивъ съ ними весь захваченный Римомъ міръ восточно-эллинской культуры" (апр. 727, 728).

Этотъ разсказъ заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, такъ какъ онъ есть единственная попытка г. Соловьева указать нѣкоторую органическую цѣльность въ исторіи человѣчества, несогласную будто бы съ теоріей Данилевскаго.

Но что же мы видимъ здѣсь? Если г. Соловьевъ дѣйствительно признаетъ человѣчество за организмъ, то изъ приведеннаго разсказа видно, что оно есть какой-то удивительный организмъ, вовсе непохожій на обыкновенные организмы. Того единства, которое изначала свойственно каждому обыкновенному организму, въ человѣчествѣ сперва вовсе не было; напротивъ, намъ говорятъ, что въ началѣ человѣчество состояло „изъ чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу народностей и государствъ". Потомъ, однако же, происходитъ „все большее и большее объединеніе"; но это вѣдь значитъ, что единства все-таки еще нѣтъ, а что совершается только „несомнѣнное движеніе" къ единству. Три степени этого движенія указываетъ г. Соловьевъ: 1) монархію Кира и Дарія, 2) царство Александра Македонскаго и 3) Римскую Имперію; но онъ забываетъ прибавить, что за каждой степенью слѣдуетъ нѣчто особенное; именно, обыкновенно объединеніе, достигшее болѣе высокой степени, опять разрушается. Такъ разсыпалось царство Александра Македонскаго, такъ распалась потомъ и сама Римская Имперія, которую г. Соловьевъ называетъ „воистину всемірною имперіею" (стр. 728).

Вотъ какой странный процессъ происходилъ въ человѣчествѣ, при его стремленіи къ единству; но не нужно кромѣ

того забывать, что были еще въ человѣчествѣ *анти-историческія части*, вовсе „не принимавшія участія въ этомъ движеніи“.

Не правда ли, что все это такъ нескладно, какъ только возможно? Мнимый организмъ человѣчества есть такой непонятный и путаный организмъ, что другаго подобнаго нарочно не выдумаешь. Не правъ ли Данилевскій, разрѣшающій всю эту путаницу своими культурными типами?

Между тѣмъ, это не помѣшало г. Соловьеву заключить свой краткій обзоръ древней исторіи слѣдующими громкими и торжественными словами:

„И такъ, вмѣсто простой смѣны культурно-историческихъ типовъ, древняя исторія представляетъ намъ постепенное ихъ *собираніе* чрезъ подчиненіе болѣе узкихъ и частныхъ образовательныхъ элементовъ началамъ болѣе широкой и универсальной культуры. Подъ конецъ этого процесса вся сцена исторіи занимается единою Римскою Имперіею, не смѣнившею только, а совмѣстившею въ себѣ всѣ прежніе преемственно выступавшіе культурно-историческіе типы“ (стр. 728).

Замѣтьте, какъ тутъ ловко подставлена *культура*! И какъ хорошо выбрано слово *совмѣстившею*, дѣлающее такое впечатлѣніе, какъ будто разныя культуры слились въ одну. Мы видѣли, что объединеніе совершалось, какъ указываетъ самъ же г. Соловьевъ, *черезъ* завоеваніе, посредствомъ покоренія многихъ народовъ одной общей государственной власти. Такъ, сперва персидскіе цари пытались покорить Грецію, потомъ греки покорили персидское царство, потомъ римляне покорили и грековъ, и всѣ страны, нѣкогда покоренныя персами. И вдругъ намъ говорятъ, что всѣ эти перекрестныя завоеванія были ничто иное, какъ „*собираніе* культурныхъ типовъ“ и что это собираніе происходило „*чрезъ* подчиненіе узкихъ началъ культуры началамъ болѣе широкимъ“! Не ясно ли, однако, что, напротивъ, это была яростная борьба между народами, рядъ постоянныхъ покушеній одного народа завладѣть другими, и одной культуры—подавить всѣ другія культуры? Остановка въ этой борьбѣ совершилась и могла совершиться только тогда, когда нашелся

наконецъ народъ, единственный въ цѣлой исторіи человѣчества и по своей воинственности, и по своей государственности, а потому и одолѣвшій всѣ другіе народы и сумѣвшій надолго удержать ихъ въ своей власти. Правда, духъ человѣческій обращаетъ въ свою пользу всѣ случаи, и даже встрѣча на полѣ битвы становится не только взаимнымъ убійствомъ, но и взаимнымъ знакомствомъ. Правда, эти два геніальные народа, греки и римляне, внесли много души и ума во всѣ свои дѣла и, можно сказать, по праву владычествовали надъ міромъ. Но это совершенно другой разрядъ явленій, другое теченіе въ глубокихъ водахъ исторіи. Распространителями культуры одинаково бываютъ и побѣдители и побѣжденные. Объединитель Александръ Македонскій накладывалъ свою культуру на Востокъ, но объединители римляне сами подверглись вліянію Греціи, которую покорили. И какую бы важность мы ни придавали великой государственности и гражданственности Рима, а все-таки нужно благословлять судьбу, что лишь немногіе народы были романизованы. Исторія христіанскаго міра есть въ сущности исторія новыхъ народовъ.

Скучно и почти безполезно распутывать то гладкое и красивое, но обманчивое сочетаніе словъ, которому часто предается г. Соловьевъ въ своей статьѣ, и примѣръ котораго мы видѣли въ предъидущей выдержкѣ. Интересно здѣсь только его ослѣпленіе мыслью о единствѣ, ослѣпленіе, вслѣдствіе котораго ему кажется, что всякіе объединители работали не для себя самихъ, а на пользу человѣчества. Особенно онъ чувствуетъ расположеніе къ Риму. Къ несчастію, почему-то онъ сдѣлалъ очеркъ только древней исторіи, а о новой ничего не говоритъ, кромѣ развѣ странныхъ словъ, уже нами приведенныхъ, будто бы „европейское сознаніе“ сперва „возвысилось рѣшительно“ до „идеи единаго человѣчества“, но затѣмъ только „никогда не отрекалось отъ нея вполнѣ“ (см. выше, стр. 204). Судя по насмѣшкѣ надъ Фихте, г. Соловьевъ долженъ въ новой исторіи сочувствовать Наполеону, отъ владычества котораго Фихте испытывалъ такое неразумное страданіе. Точно также въ англичанахъ г. Со-

ловьеву, должно-быть, пріятно видѣть ихъ постоянное стремленіе завладѣть народами другихъ культурныхъ типовъ; они навѣрное имѣютъ въ виду не открыть себѣ новые рынки, а „подчинить узкіе и частные образовательные элементы началамъ болѣе широкой и универсальной культуры". Что же касается до австрійскихъ жандармовъ, то это, конечно, превосходные объединители!

Однако, черезъ нѣсколько строкъ послѣ приведенныхъ словъ, г. Соловьевъ почувствовалъ потребность немножко поправить и оговорить свои положенія и продолжаетъ свое разсужденіе о древней исторіи слѣдующимъ образомъ:

„Но еще важнѣе этого внѣшняго объединенія историческаго человѣчества въ Римской Имперіи (*какъ? подчиненіе всѣхъ культуръ одной есть только внѣшнее объединеніе?*) было развитіе самой идеи *единаго человѣчества*. Среди языческаго міра эту идею не могли выработать ни восточные народы, слишкомъ подчиненные мѣстнымъ условіямъ въ своемъ міросозерцаніи, ни греки, слишкомъ самодовольные въ своей высокой культурѣ и отожествлявшіе человѣчество съ эллинизмомъ (несмотря на отвлеченный космополитизмъ кинической и стоической школы). Величайшіе представители собственно-греческой мысли, Платонъ и Аристотель, не были способны подняться до идеи единаго человѣчества. Только въ Римѣ нашлась благопріятная умственная почва для этой идеи: съ полною опредѣленностію и послѣдовательностію ее поняли и провозгласили римскіе философы и римскіе юристы".

„Тогда какъ великій Стагиритъ возводилъ въ принципъ и объявлялъ на вѣки неустранимою противоположность между эллинами и варварами, между свободными и рабами,—такіе, сравнительно съ нимъ, неважные философы, какъ Цицеронъ и Сенека, одновременно съ христіанствомъ, возвѣщали существенное равенство всѣхъ людей. „Природа предписываетъ,—писалъ Цицеронъ,—чтобы человѣкъ помогалъ человѣку, кто бы тотъ ни былъ, по той самой причинѣ, что онъ человѣкъ" и т. д. (стр. 728, 729, апр.).

Это мѣсто въ статьѣ г. Соловьева поразительно. Исторія человѣческой мысли тутъ извращена самымъ грубымъ, безъ зазрѣнія идущимъ противъ очевидности образомъ. Посмотрите, какъ тутъ подставлены одни слова вмѣсто другихъ. Сперва *единство человѣчества*, а потомъ просто *равенство всѣхъ людей*. Сперва вообще *греки не могли*, а потомъ не могли

только *представители собственно-греческой мысли*; какъ будто циники и стоики не принадлежатъ къ „собственно-греческой мысли“! Сперва *выработать идею*, а потомъ только *нашлась умственная почва*, и не *выработали*, а только *поняли и провозгласили*. И еще—у стоиковъ это былъ *отвлеченный космополитизмъ*, а у римлянъ *полная опредѣленность и послѣдовательность*. Какъ будто одно другому противоположно!

Возможно ли писать подобнымъ образомъ! Кому же неизвѣстно, что идея равенства всѣхъ людей есть именно плодъ свѣтлаго греческаго генія и что она „съ полною опредѣленностію и послѣдовательностью“ проповѣдывалась школами циниковъ и стоиковъ за нѣсколько столѣтій до Цицерона и Сенеки? Такъ какъ дѣло идетъ о философіи, то можно назвать черною неблагодарностію эту попытку отнять у грековъ заслугу въ выработкѣ философскихъ идей и приписать ее—кому же?—римлянамъ. Ни одинъ культурный типъ въ цѣлой исторіи рода человѣческаго не можетъ равняться съ греками по наслѣдію, которое онъ завѣщалъ намъ, по всесторонности и силѣ своего творчества въ искусствѣ и поэзіи, въ наукахъ и философіи. Между тѣмъ, римляне составляютъ знаменитый примѣръ односторонности; отъ нихъ не осталось намъ ни единой математической теоремы, и точно также у нихъ не развилось ни единой самобытной философской идеи. Цицеронъ и Сенека, которые, по осторожному выраженію г. Соловьева, суть неважные философы въ сравненіи съ Аристотелемъ, въ сущности почти не заслуживаютъ самаго имени философовъ, такъ какъ были простые компиляторы или перифразпровщики ученій, созданныхъ греками, притомъ компиляторы безсвязные и односторонніе. Слова объ обязанности равно помогать всѣмъ людямъ самъ Цицеронъ вовсе и не выдаетъ за выраженіе своего мнѣнія, а прямо выставляетъ ихъ какъ изложеніе ученія стоиковъ, Панэція, Хризиппа и самого Зенона (см. De finibus, l. III. c. 19). Послѣ этого нужна удивительная смѣлость, чтобы говорить, что греки не могли возвыситься до этой идеи, а вотъ Цицеронъ возвысился!

А все изъ-за чего? Все изъ-за того, чтобы государствен-

ному объединенію народовъ въ Римской Имперіи приписать какъ можно больше культурнаго значенія. Г. Соловьева постоянно плѣняетъ мысль не о равенствѣ, а объ *единствѣ* людей, и потому онъ хватается въ исторіи за всякіе примѣры насильственнаго объединенія и видитъ въ нихъ нѣчто великое и въ духовномъ отношеніи. Онъ готовъ считать за сердце человѣчества, какъ „единаго организма“, то Вавилонъ, то Римъ, тѣ самые Вавилонъ и Римъ, имена которыхъ не даромъ же въ Библіи составляютъ символъ всякаго насилія, воплощенія темной силы, враждебной царству духа. „На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамъ мы сидѣли и плакали“. Вавилонъ былъ жестокимъ мучителемъ народа Божія, а Римъ былъ сверхъ того гонителемъ христіанъ. Въ гоненіяхъ христіанъ, людей никогда не возмущавшихся и никогда не сопротивлявшихся, хорошо обнаружилось, что́ такое то единство Римской Имперіи, которое г. Соловьевъ считаетъ столь необходимымъ для идеи человѣческаго братства. Даже лучшій изъ римскихъ стоиковъ, императоръ Маркъ Аврелій допускалъ и одобрялъ страшныя казни христіанъ, покорно слѣдуя въ этомъ случаѣ священной идеѣ римскаго государства. Мы видимъ отсюда, что идея единства не только не совпадаетъ вообще съ идеею братства, а можетъ стать и безпрестанно становится въ жестокое съ нею противорѣчіе. Мысль о всемірномъ владычествѣ пустила глубокіе корни въ Римѣ и до сихъ поръ живетъ въ немъ. Вмѣсто распавшагося мірскаго царства, тамъ возникло духовное царство, питающее такую же мысль о своемъ единствѣ. Казалось бы, тутъ уже нельзя было ожидать гоненій, но мы знаемъ, что казни и преслѣдованія, возбужденныя римскою церковью, далеко превзошли своимъ обиліемъ, своимъ огнемъ и кровью, всѣ ужасы, нѣкогда совершенные безбожными императорами Рима. Что́ и говорить—единство есть дѣло прекрасное, но только когда мы твердо помнимъ, что подъ нимъ нужно разумѣть единеніе душъ и сердецъ. Когда-то и была христіанская церковь въ этомъ смыслѣ единою по всей землѣ. Если же она потомъ распалась, если сперва произошло раздѣленіе между запад-

ными и восточными христіанами, а потомъ въ западной части между сѣверными и южными, то причиною распаденія во всякомъ случаѣ былъ недостатокъ главнаго условія духовнаго единенія, недостатокъ свободы; одна часть церкви стремилась къ такой власти надъ другими частями, слѣдовательно, къ такому единству, которое было противно духовной свободѣ. Г. Соловьевъ называетъ начало народности началомъ племеннаго *раздора*; если слѣдовать его манерѣ, то несравненно основательнѣе можно бы назвать начало единства человѣчества началомъ *насилія*; насиліе же всегда ведетъ къ ненависти, къ возмущенію и къ неугасимой враждѣ расторгающихся частей.

Объ цивилизаціи древняго Рима, конечно, пришлось бы много говорить, еслибы мы стали судить объ ея дѣйствительномъ содержаніи и объ ея значеніи въ исторіи. Христіанскіе писатели часто указываютъ на то, что соединеніе народовъ подъ одною властью благопріятствовало распространенію христіанства, и видятъ въ этомъ пути Провидѣнія. Можно указать и другія блага, которыя зависѣли отъ развитія римскаго владычества. Но не нужно забывать—и этимъ замѣчаніемъ мы ограничимся—что тутъ многое происходило никакъ не вслѣдствіе объединенія людей подъ одною властью, а вовсе помимо этой власти, и даже вопреки ея прямымъ цѣлямъ. Духъ человѣческій обращаетъ въ свою пользу всякія обстоятельства. Неправильно думать, что самымъ источникомъ его побѣдъ было то, что, можетъ быть, было лишь препятствіемъ, которое ему пришлось побѣждать.

Кстати: у Данилевскаго есть прекрасная страница (99 и 100), содержащая нѣкоторую характеристику римской культуры. Мы были очень удивлены, встрѣтивъ объ этой страницѣ такую фразу у г. Соловьева:

„Изъ уваженія къ памяти покойнаго писателя, мы пройдемъ молчаніемъ чрезвычайно странное его разсужденіе объ отношеніяхъ римской культуры къ греческой“ (стр. 99). (Апрѣль, стр. 744).

Въ такомъ изъявленіи уваженія, заключающемъ въ себѣ

пущую обиду, иной читатель можетъ увидѣть, пожалуй, только нахальство надъ „покойнымъ писателемъ“; но мы вполнѣ увѣрены, что живой авторъ въ своемъ высокомѣріи просто не замѣтилъ смысла своихъ словъ.

VI.

Общая сокровищница.

Человѣчество не представляетъ собою чего-то единаго, „живаго цѣлаго“, а скорѣе походитъ на нѣкоторую живую стихію, стремящуюся на всѣхъ точкахъ складываться въ такія формы, которыя представляютъ бо́льшую или меньшую аналогію съ организмами. Самыя крупныя изъ этихъ формъ, имѣющія ясную связь между частями и ясную линію общаго развитія, составляютъ то, что̀ Данилевскій назвалъ культурно-историческими типами. Чтобы убѣдиться въ ихъ существованіи, нужно только ясно представить себѣ нѣкоторую совокупность множества людей, связанныхъ и сосѣдствомъ по мѣсту, и общностью языка, душевнаго склада и всего быта, и вообразить, что въ подобной массѣ, по мѣрѣ того, какъ поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, совершается ясное культурное развитіе, нарастаніе, расцвѣтъ и одряхленіе особаго склада всѣхъ сферъ человѣческой жизни. Тутъ, очевидно, существуетъ нѣкоторая реальная и органическая связь между отдѣльными людьми, какой мы никакъ не можемъ видѣть въ человѣчествѣ, взятомъ въ совокупности. Въ то же время, исторія намъ показываетъ, что эта связь имѣетъ великую важность, потому что только въ такихъ большихъ группахъ мы и находимъ высокое развитіе человѣческихъ силъ и дѣйствій, такъ что только судьба такихъ группъ и составляетъ настоящій предметъ исторіи.

Но изъ этихъ ясныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было такихъ нравственныхъ обязанностей и такихъ естественныхъ правъ, въ которыхъ всѣ

люди равны между собою; не слѣдуетъ, вообще, что вовсе нѣтъ такой общей области, которая стоитъ выше культурныхъ типовъ, и исторію которой можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать жизнью человѣчества. Дѣло это ясное, и если мы не будемъ его умышленно путать, то легко усвоимъ себѣ то разграниченіе, которое нужно при этомъ дѣлать. Вотъ какъ выражается объ этомъ предметѣ Н. Я. Данилевскій:

„Народы каждаго культурно-историческаго типа не вотще трудятся; результаты ихъ труда остаются собственностью всѣхъ другихъ народовъ, достигающихъ цивилизаціоннаго періода своего развитія, и труда этого повторять незачѣмъ".

Напримѣръ:

„Развитіе положительной науки о природѣ составляетъ существеннѣйшій результатъ германо-романской цивилизаціи, плодъ европейскаго культурно-историческаго типа; такъ точно, какъ искусство, развитіе идеи прекраснаго, было преимущественнымъ плодомъ цивилизаціи греческой; право и политическая организація государства—плодомъ цивилизаціи римской; развитіе религіозной идеи единаго истиннаго Бога—плодомъ цивилизаціи еврейской" (*Россія и Европа*, стр. 134).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Науки и искусства (и преимущественно науки) составляютъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, оставляемое послѣ себя культурно-историческими типами, составляютъ самый существенный вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества" (стр. 135).

И такъ существуетъ *общая сокровищница* человѣчества, въ которую каждый типъ вноситъ *плодъ* своей цивилизаціи, какъ нѣкоторое *наслѣдіе*, равно принадлежащее всѣмъ существующимъ и будущимъ типамъ. То, что разъ вошло въ эту сокровищницу, сохраняется тамъ навсегда, и сокровищница растетъ, хотя типы смѣняются и исчезаютъ. Человѣчество живетъ, постоянно пользуясь этими общими сокровищами, такъ что отвлеченно можно сказать, что жизнь человѣчества становится все богаче и богаче.

Вотъ въ какой области и какой прогрессъ признавалъ Н. Я. Данилевскій въ общемъ ходѣ исторіи.

Всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно существованіе этихъ наслѣдственныхъ богатствъ, и всѣ мы знаемъ, какая разница между этимъ общечеловѣческимъ достояніемъ и тѣмъ имуществомъ, которое принадлежитъ намъ, какъ членамъ особаго культурнаго типа. Носители нашей родной культуры суть живые люди, которые насъ родили и воспитали, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Общая же сокровищница не имѣетъ живыхъ носителей въ точномъ смыслѣ слова; она хранится въ книгахъ и всякаго рода памятникахъ, равно всѣмъ доступныхъ и дорогихъ, но и равно всѣмъ чуждыхъ, ни съ кѣмъ прямо не связанныхъ. Разница всего яснѣе на отношеніяхъ, въ которыхъ, напримѣръ, мы стоимъ къ нашему родному языку и родной литературѣ и къ какой-нибудь древней письменности, латинской, греческой. Для образованія нашего ума и чувства, для пониманія поэзіи и красоты человѣческой рѣчи, Пушкинъ и Гоголь служатъ намъ больше, чѣмъ Гомеръ и Виргилій, какія бы усилія мы ни дѣлали, чтобы усвоить себѣ эти творенія отжившихъ народовъ. Да мы хорошо знаемъ, что и богатства общей сокровищницы всего больше доступны именно тому, кто умѣетъ вполнѣ владѣть и наслаждаться своими родовыми богатствами.

Но, съ другой стороны, существованіе общей сокровищницы есть великое благо, которымъ хотя отчасти восполняется всегдашняя ограниченность и слабость человѣческихъ силъ. „Для человѣчества“, пишетъ Н. Я. Данилевскій, „какъ для коллективнаго и все-таки конечнаго существа — нѣтъ другаго назначенія, другой задачи, кромѣ разновременнаго и разномѣстнаго (т. е. разноплеменнаго) выраженія разнообразныхъ сторонъ и направленій жизненной дѣятельности, лежащихъ въ его идеѣ и часто несовмѣстимыхъ какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и въ одномъ культурно-историческомъ типѣ развитія“ (стр. 124).

Не можетъ никакой человѣкъ быть всестороннимъ, со-

вмѣщать въ себѣ всѣ направленія человѣческой дѣятельности; такъ точно и тѣ огромныя скопленія людей, которыя соединены культурною связью, хотя расширяютъ и углубляютъ свою дѣятельность въ теченіе множества поколѣній, хотя въ силу этого въ такихъ скопленіяхъ развитіе человѣческой души достигаетъ высшей степени, но и они никогда не представляютъ всесторонности, и ихъ культура запечатлѣна нѣкоторымъ органическимъ своеобразіемъ. Поэтому люди спохватились и стали собирать общую сокровищницу, въ которой сохранялось бы все, чѣмъ они могутъ владѣть, но чего сами добыть не въ состояніи. Стали хранить и изучать исторію, стали печатать и изучать книги минувшихъ культурныхъ типовъ, построили архивы и музеи для всякаго рода памятниковъ. Въ людяхъ живетъ всеобъемлющее духовное начало, и потому человѣчество постоянно борется съ своею ограниченностью и съ разрушительною силою времени. Наша сокровищница уже очень обильна и содержитъ величайшія драгоцѣнности.

Но какое значеніе она имѣетъ въ дѣйствительной жизни народовъ? Хотя она всѣмъ открыта и, въ силу самой своей идеи, должна содержать все общечеловѣческое, оказывается, что пользоваться ею очень трудно. „Наши библіотеки“, писалъ Сен-Симонъ, „эти собранія всевозможныхъ заблужденій, противорѣчій и нелѣпостей“,—и онъ правъ: бережно сохраняются въ нашихъ библіотекахъ всевозможныя заблужденія, противорѣчія и нелѣпости въ тысячекратно большемъ количествѣ, чѣмъ истина, и безъ живыхъ руководителей безмѣрно трудно было бы найти ее въ однихъ мертвыхъ книгахъ. Одинъ изъ крымскихъ хановъ (если не ошибаюсь, послѣдній), для просвѣщенія своего народа желалъ, чтобы была переведена на татарскій языкъ энциклопедія Дидро и Даламбера. Не великое бы вышло просвѣщеніе!

Мы знаемъ, что всего легче заимствуется изъ общей сокровищницы: печатные станки, желѣзныя дороги, телеграфы и пр. Но знаемъ, что во всемъ этомъ еще не заключается образованіе. Оказывается, что для того, чтобы народъ могъ пользоваться сокровищницей человѣчества, онъ долженъ уже

до извѣстной степени развить свою собственную культуру, совершенно такъ, какъ, для перевода геніальнаго поэта на другой языкъ, нужно, чтобы это былъ языкъ уже богатый и гибкій.

VII.

Религія и наука.

Послѣ того, что сейчасъ сказано, для читателя, конечно, не можетъ быть никакихъ сомнѣній и неясностей въ вопросѣ, какъ понималъ Н. Я. Данилевскій отношеніе науки и религіи къ народному и къ общечеловѣческому. Наука, какъ дѣло, по самому существу своему, совершенно отвлеченное, должна цѣликомъ поступать въ общую сокровищницу человѣчества. Значеніе народности можетъ здѣсь состоять только въ томъ, что въ многосложномъ и многотрудномъ дѣлѣ науки одна народность болѣе способна производить одну работу, а другая другую, почему и необходимо для успѣховъ науки, чтобы различныя народности содѣйствовали постройкѣ общаго зданія. Религія, по тому понятію, до котораго давно уже возвысилось человѣческое сознаніе, есть также нѣчто универсальное, долженствующее имѣть силу для всѣхъ людей одинаково. Такъ смотримъ на религію не только мы, христіане, но также смотрятъ и буддисты, и магометане. Совершенно несправедливо Ренанъ недавно упрекалъ покойнаго императора Вильгельма за привычку говорить: *нашъ Богъ*. Ренанъ выводитъ изъ этихъ словъ, что императоръ признавалъ особаго „Бога нѣмцевъ“ [1]). Но подобная мысль объ особомъ Богѣ давно уже стала для людей вовсе невозможною; *нашъ Богъ* значитъ просто—тотъ Богъ, котораго мы безусловно исповѣдуемъ, которому всецѣло предаемъ себя, но который есть единый истинный Богъ, и если

[1]) Histoire du peuple d'Israel, t. I, p. 264.

не всѣми еще признается, то долженъ быть признаваемъ всѣми людьми. Можетъ существовать мѣстная церковь, но мѣстная религія есть для насъ уже contradictio in adjecto.

Между тѣмъ, г. Соловьевъ, упорно закрывая глаза на эту правильную и вполнѣ очевидную постановку дѣла, наставилъ въ своей статьѣ множество возраженій Н. Я. Данилевскому, въ сущности не нуждающихся ни въ какомъ опроверженіи. Напримѣръ:

„Индія, несмотря на то, что она относится къ уединеннымъ типамъ, передала высшее выраженіе своей духовной культуры—буддизмъ—множеству народовъ совершенно другаго племени и другаго типа, передала не какъ матеріалъ только, не какъ „почвенное удобреніе“, а какъ верховное опредѣляющее начало ихъ цивилизаціи. Не даромъ нашъ авторъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ такъ тщательно умалчиваетъ о буддизмѣ: это огромное всемірно-историческое явленіе никакъ не можетъ найти мѣста въ „естественной системѣ“ исторіи. Религія—индійская по своему происхожденію, но съ универсальнымъ содержаніемъ и не только вышедшая за предѣлы индійскаго культурно-историческаго типа, но почти совсѣмъ исчезнувшая изъ Индіи,—за то глубоко и всесторонне усвоенная народами монгольской расы, *не имѣющими въ другихъ отношеніяхъ ничего общаго съ индусами*,—религія, которая создала, какъ свое средоточіе, такую своеобразную мѣстную культуру, какъ тибетская, и, однакоже, сохранила свой универсальный международный характеръ и исповѣдуется пятью или шестью стами милліоновъ людей, разсѣянныхъ отъ Цейлона до Сибири и отъ Непала до Калифорніи—вотъ колоссальное фактическое опроверженіе всей теоріи Данилевскаго; ибо нѣтъ никакой возможности ни отрицать великой культурно-исторической важности буддизма, ни пріурочить его къ какому-нибудь отдѣльному племени или типу“ (апр. 740, 741).

Да кто же васъ просилъ пріурочивать? Развѣ Данилевскій когда-нибудь училъ, что каждый типъ долженъ имѣть *свою* религію? При томъ, истинное отношеніе вещей какъ нельзя яснѣе выступаетъ въ томъ самомъ очеркѣ судебъ буддизма, который сдѣланъ г. Соловьевымъ. Несмотря на „великую культурно-историческую важность“ этой религіи, она распространилась по народамъ, которые „въ другихъ отношеніяхъ не имѣютъ ничего общаго“ между собою; т. е.

культурные типы продолжаютъ существовать, несмотря на общую религію. Вотъ „колоссальное фактическое“ доказательство правды Данилевскаго. Г. Соловьевъ самъ не замѣчаетъ, что, когда онъ хочетъ выставить на видъ внутреннюю *силу* буддистской религіи, то приписываетъ ей „великую культурно-историческую важность“, называетъ ее „верховнымъ опредѣляющимъ началомъ цивилизаціи“, когда же дѣло коснется ея *универсальности*, то онъ начинаетъ упирать на полное различіе народовъ, на „своеобразныя мѣстныя культуры“. Странное неумѣнье справиться съ очень простыми отношеніями понятій! Еслибы г. Соловьевъ догадался, что ему нужно уяснить себѣ отношеніе культуры и религіи, о чемъ онъ ни слова не говоритъ, и что нѣтъ ни малѣйшей надобности ни отрицать значеніе религіи изъ-за культурныхъ типовъ, ни жертвовать культурными типами изъ-за религіи, то всѣ его недоумѣнія разомъ бы исчезли, и онъ вполнѣ согласился бы съ Данилевскимъ.

Въ судьбахъ буддизма особенно интересенъ фактъ, что онъ почти исчезъ въ самой Индіи, его породившей. Не то же ли мы видимъ въ христіанствѣ, не удержавшемся въ той еврейской культурѣ, которая была его первоначальною почвою? Такова сила особой культуры, ея неизбѣжная ограниченность; другіе типы должны бываютъ принять на себя дѣло, которое превышаетъ жизненный захватъ первоначальной культуры. Къ доказательствамъ неодолимой силы типоваго культурнаго развитія слѣдуетъ отнести и то своеобразіе, которое накладывается различными типами на общую имъ религію.

Что касается до науки, то, повидимому, тутъ нѣтъ и повода къ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ. Христіанство есть единая истинная религія; но и буддизмъ и магометанство имѣютъ притязаніе на такой же характеръ универсальности. Наука же одна для всего земнаго шара, и человѣкъ, столь глубоко, можно сказать страстно, преданный наукѣ, какъ Н. Я. Данилевскій, не могъ не понимать этой ея существенной черты. Между тѣмъ г. Соловьевъ преспокойно приписалъ ему дикое и даже неудобопонятное мнѣніе, что

между различными науками одна принадлежитъ одному типу, другая другому и т. д., и потомъ пространно потѣшается доказательствами, какъ это нелѣпо. Свои разсужденія объ наукѣ г. Соловьевъ прямо начинаетъ такъ:

„Позволительно, прежде всего, спросить: къ какому культурно-историческому типу, къ какой *мѣстной* цивилизаціи должно пріурочить ту науку, или ту совокупность наукъ, о которой такъ хорошо разсуждаетъ нашъ авторъ?“ (апр. стр. 754).

Нѣтъ, г. Соловьевъ, это вовсе не „позволительно прежде всего“. Ни прежде, ни послѣ нельзя предлагать вопроса, къ которому разбираемый авторъ не подавалъ никакого повода. Между тѣмъ нашъ критикъ распространяется:

„Древній грекъ (Гиппархъ) создаетъ искусственную систему для астрономіи, славянинъ (Коперникъ) возводитъ эту науку на степень естественной системы, нѣмецъ (Кеплеръ) [1]), опираясь на систему своего предшественника поляка, доходитъ до частныхъ эмпирическихъ законовъ въ астрономіи, а англичанинъ (Ньютонъ), продолжая ихъ труды, возвышается, наконецъ, до общаго раціональнаго закона. Къ какому же культурно-историческому типу все это относится?“ (апр. стр. 754, 755).

Странная логика! Именно изъ того, что успѣхи астрономіи потребовали участія различныхъ народовъ и даже различныхъ культурно-историческихъ типовъ, именно изъ этого и выходитъ подтвержденіе мысли Данилевскаго, что для прогресса человѣчества необходимо это разнообразіе и особое развитіе большихъ человѣческихъ группъ. Съ необыкновеннымъ остроуміемъ Данилевскій старался даже показать, какой народъ представляетъ явную способность къ извѣстнымъ научнымъ задачамъ, и какой другой къ другимъ. Но и вообще, отвлеченно, мы имѣемъ право утверждать, что безъ поляка можетъ быть долго еще не была бы найдена истинная система міра, безъ нѣмца—ея эмпирическіе законы, безъ англичанина—ея общій законъ. По ка-

[1]) Весьма непріятно, что г. Соловьевъ исказилъ это знаменитое имя, а ученая редакція не досмотрѣла и напечатала *Кепплеръ*. Въ кенаано-пунійскихъ именахъ такая ошибка, конечно, была бы простительна.

кой же логикѣ можно вывести изъ этихъ фактовъ, что типы не имѣютъ никакого значенія для науки, потому-де, что одна и та же наука никакъ не развивается въ одномъ лишь типѣ?

Для насъ просто непостижима та развязность, съ которою г. Соловьевъ навязываетъ Данилевскому мнѣніе, что науки должны быть раздѣлены по типамъ. Возьмемъ одно мѣсто:

«Нашъ авторъ, настаивающій на національномъ характерѣ науки и *совершенно забывшій при этомъ о своихъ культурно-историческихъ типахъ*, не придаетъ никакого яснаго и опредѣленнаго смысла своимъ надеждамъ на „самобытную славянскую науку».

Видите ли, какое прекрасное объясненіе! У Данилевскаго совсѣмъ выскочили изъ головы его культурно-историческіе типы—какъ это правдоподобно! Вотъ отчего и вышли у него „неясныя и неопредѣленныя“ сужденія о славянской наукѣ, которыя уяснить въ его духѣ г. Соловьевъ считаетъ теперь долгомъ. Онъ продолжаетъ:

„Ожидать отъ славянства, т. е. прежде всего отъ Россіи, дѣятельнаго и самостоятельнаго участія въ развитіи „романо-германской“ науки было бы, *конечно*, несогласно съ общимъ воззрѣніемъ нашего автора, но не заключало бы въ себѣ никакой внутренней невозможности“ (апр. 757).

Надѣемся, нѣтъ нужды доказывать, какъ нелѣпы подобныя соображенія о взглядахъ Данилевскаго. Мы только замѣтимъ по случаю этихъ толковъ о наукѣ, что, вообще, статья г. Соловьева должна несомнѣнно послужить поддержкою того мнѣнія о славянофилахъ, которое въ большомъ ходу въ публикѣ и не разъ излагалось на страницахъ *Вѣстника Европы*, а именно, что славянофилы—самодовольные, хвастливые патріоты, что они противники прогресса, свободы и европейскаго просвѣщенія, приверженцы „исключительнаго національнаго“, отвергаютъ „лучшіе завѣты“ современной науки, поклонники китайщины и застоя. Нельзя сказать, чтобы все это доказывалось въ статьѣ г. Соловьева, но именно въ эту сторону клонятся его возраженія противъ Данилевскаго, и онъ хорошо зналъ, что въ такомъ смыслѣ онъ будетъ по-

нять многими усердными почитателями *Вѣстника Европы*. Такимъ образомъ, при томъ положеніи дѣлъ, которое господствуетъ въ нашей литературѣ, мы думаемъ, что статья его уже не просто статья, а нѣкоторый поступокъ. Чѣмъ бы онъ при этомъ ни руководился, мы можемъ развѣ только пожалѣть его, но никакъ не одобрить.

VIII.

Научная самобытность.

Для чего г. Соловьевъ включилъ въ свое разсужденіе замѣчанія на книги: *Дарвинизмъ*, *Борьба съ Западомъ*, *О вѣчныхъ истинахъ*? Мы вовсе не думаемъ тутъ о какихъ-нибудь „высшихъ нравственныхъ требованіяхъ“, а просто хотимъ только спросить, какую тему онъ желалъ доказать своими замѣчаніями?

Онъ, видите ли, думаетъ, что подъ „самобытною славянскою наукой“ нужно, „согласно основному воззрѣнію *Россіи и Европы*, разумѣть особый, небывалый доселѣ типъ науки, существенно отличный отъ европейскаго“ (апр. 758), а потому и принялся искать этого „небывалаго типа“ въ названныхъ книгахъ, авторы которыхъ будто бы заявляли стремленіе къ такому „вполнѣ самобытному научному творчеству“.

Можно бы подумать, что г. Соловьевъ пишетъ все это на смѣхъ, что онъ только шутитъ надъ дикою претензіей создать нѣчто совершенно невозможное, шутитъ, не замѣчая, что эту претензію онъ самъ же и выдумалъ. Какимъ образомъ онъ могъ бы отыскивать небывалый типъ науки? Подъ такое понятіе могутъ подойти развѣ только какія-нибудь нелѣпости, которыя, какъ извѣстно, до того разнообразны, что бываютъ свои собственныя даже у отдѣльныхъ людей.

Но нашъ критикъ не шутитъ, или, лучше сказать, у него такъ сплетаются мысли, что онъ и самъ не разберетъ, гдѣ онъ шутитъ и гдѣ говоритъ серьезно. Насмѣшка надъ

„существенно новымъ типомъ науки“ перешла вдругъ въ очень простое и всѣмъ извѣстное требованіе—самостоятельности въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Вотъ какъ г. Соловьевъ излагаетъ это требованіе относительно книги *Дарвинизмъ*:

„Все позволяло ожидать, что русскій и притомъ сла-
„вянофильскій критикъ (*значитъ, искатель небывалаго типа?*)
„не ограничится однимъ отрицательнымъ разборомъ, а про-
„тивопоставитъ англійской теоріи столь же глубокое (*глубо-
„кое?*), но болѣе вѣрное и многостороннее (по крайней мѣрѣ,
„съ его собственной точки зрѣнія) рѣшеніе этой міровой за-
„дачи, и при томъ рѣшеніе, ярко запечатлѣнное русскою ду-
„ховною особенностью. Конечно, и такой трудъ не основалъ
„бы еще самобытной славянской науки (т. е. *небывалаго типа*),
„но все-таки нѣчто было бы сдѣлано (*для какого же типа?*) и
„наша научная самобытность не представлялась бы уже та-
„кою пустою и смѣшною претензіею“ (стр. 759).

Этотъ потокъ словъ, вѣроятно оглушающій самого ихъ автора, сводится, какъ видитъ читатель, къ простой мысли, что *Дарвинизмъ* исполнилъ только „отрицательную“ задачу, а потому не есть доказательство научной самобытности. Положимъ, пока, что такое разсужденіе вѣрно; но развѣ у насъ одинъ Данилевскій? Если требуются непремѣнно положительные труды, не критика, а созиданіе, то развѣ у насъ мало найдется этихъ доказательствъ научной самобытности? Наши математики, химики, зоологи, физіологи, оріенталисты, византисты, слависты—уже извѣстны цѣлому міру, уже внесли и вносятъ въ общую сокровищницу вклады самаго высокаго достоинства. Какъ же послѣ этого смѣетъ г. Соловьевъ говорить, что „наша научная самобытность представляется такою пустою и смѣшною претензіей“?

Но и возраженіе противъ *Дарвинизма*, что это лишь критика и что тутъ нѣтъ новой теоріи, — конечно, не основательно. Какой ученый можетъ согласиться съ тѣмъ, что отрицательная работа не имѣетъ научной важности? Правильное отрицаніе должно вѣдь опираться на чемъ-нибудь положительномъ, и всякое опредѣленное отрицаніе даетъ въ выводѣ опредѣленное положеніе. И развѣ „новая теорія“ была

бы непремѣнно чѣмъ-нибудь истинно новымъ? Вѣдь такъ могутъ судить только поверхностные люди, не отличающіе названія отъ сущности. Скажемъ прямо, еслибы Н. Я. Данилевскій пустился создавать теорію происхожденія видовъ, какъ создавали ее де-Маллье, Ламаркъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Негели и пр., то тутъ-то онъ и обнаружилъ бы истинное отсутствіе самостоятельности. Мы видимъ, напротивъ, его великую оригинальность въ той трезвости и вполнѣ славянской ясности ума, по которой никакіе соблазны не могли увлечь его на ложный путь. Вѣдь всѣ эти теоріи—суть плодъ того матеріалистическаго броженія умовъ, которое такъ сильно въ Европѣ и составляетъ, конечно, нѣкоторую болѣзнь европейской науки.

Г. Соловьевъ самъ почувствовалъ, что указать на отрицательный характеръ *Дарвинизма* еще не достаточно для осужденія этой книги, а потому постарался и еще подбавить доказательствъ для своей цѣли. Признавая полную компетентность автора въ дѣлѣ, и находя, что онъ „превосходно разбираетъ чужія научныя идеи", г. Соловьевъ, однако, такъ опредѣляетъ сущность этой книги:

„Это есть, вообще говоря, самый полный, самый обстоятельный и прекрасно изложенный сводъ всѣхъ существенныхъ возраженій, сдѣланныхъ противъ теоріи Дарвина *въ европейской наукѣ* (подчеркнулъ)" (стр. 760).

Ну такъ бы вы и говорили! Тогда не нужно было бы и никакихъ вашихъ разводовъ. Если Данилевскій есть просто компиляторъ чужихъ возраженій, то нечего тутъ и разсуждать объ немъ.

Читатели, если помнятъ мою статью *Всегдашняя ошибка дарвинистовъ* (Русск. Вѣстн. 1887, ноябрь и дек.), знаютъ, что я совершенно другаго мнѣнія, что я нахожу великую оригинальность въ трудѣ Н. Я. Данилевскаго. Не стану здѣсь повторять своихъ доказательствъ, а скажу только, что г. Соловьевъ, хорошо зная свою некомпетентность въ этомъ дѣлѣ [1]), рѣшился однако произнести свое сужденіе о компи-

[1]) Подробное сравненіе книги Н. Я. Данилевскаго съ тѣмъ, что сдѣлано въ европейской наукѣ, было бы огромнымъ трудомъ, кото-

лятивномъ свойствѣ этого труда, не ради истины, а только чтобы набросить тѣнь на заслуги автора и въ томъ разсчетѣ, что подобныя чисто-отрицательныя сужденія трудно опровергаются.

Мы и не станемъ опровергать. Положеніе дѣла теперь такое: въ европейской наукѣ сдѣланы будто бы всѣ возраженія, какія есть у Данилевскаго; между тѣмъ дарвинова теорія господствуетъ въ Европѣ. Въ Россіи же эта теорія уже потеряла право на существованіе, ибо русскій ученый можетъ только по упорству или несообразительности обойти или не понять книгу Н. Я. Данилевскаго, а эта книга вполнѣ опровергаетъ теорію Дарвина.

Понадобилась г. Соловьеву и моя книга *О вѣчныхъ истинахъ*; онъ въ ней увидѣлъ самое легкое средство доказать, что у меня нѣтъ никакой „самобытности“. Именно, онъ утверждаетъ, что я тутъ держусь „механическаго міровоззрѣнія“, то есть просто матеріализма, и значитъ, „являюсь не только *западникомъ*, но еще западникомъ *крайнимъ и односторонниме*“ (стр. 763).

Откуда же это? А изъ того, что я опровергалъ *стритизмъ* и настаивалъ на непреложности физическихъ истинъ. Опять скажу, только на смѣхъ можно говорить подобныя вещи; но г. Соловьевъ говоритъ совершенно серьезно. Разсужденіе его чрезвычайно просто:

„Маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики; но признавать далѣе, что и остановленъ, и приведенъ въ движеніе маятникъ можетъ быть псключительно только механическою причиною—значитъ изъ области научной механики переступать на почву той умозрительной системы, для которой...“ и пр.—словомъ—матеріализма (стр. 763).

Боже мой! Какое убожество діалектики! Какое неумѣнье установить ясно хоть единое понятіе! Мнѣ такъ и хочется

рый не только никѣмъ не сдѣланъ, но можетъ быть и не будетъ никогда вполнѣ сдѣланъ, такъ какъ эта работа чисто-историческая, къ которой мало расположены натуралисты. Въ моихъ статьяхъ указываются только общія черты, общія отношенія. Подробный разборъ, конечно, долженъ только яснѣе показать самобытныя достоинства *Дарвинизма*.

тѣ слова Rabanus Maurus'a, которыя г. Соловьевъ язвительно примѣняетъ вообще къ русской философіи, примѣнить къ его собственному разсужденію; оно „есть нѣчто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя достаточно пролить слезъ надъ такимъ прискорбнымъ состояніемъ".

Въ самомъ дѣлѣ, „маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики"—вотъ гдѣ эти законы непреложны; пока онъ качается, онъ имъ подчиненъ „исключительно". Между тѣмъ, остановить его или привести въ движеніе можно, будто бы, и вопреки этимъ законамъ, какою-нибудь „немеханическою" причиною. Но какая же разница? Вѣдь качаніе, и остановка, и приведеніе въ движеніе—вѣдь всѣ эти три случая суть равно механическія явленія, *явленія движенія*; научная механика и не дѣлаетъ между ними никакого различія. Если спиритическіе духи, по г. Соловьеву, могутъ остановить маятникъ или привести его въ движеніе, то они могутъ измѣнять по-своему и его качаніе; если же они надъ качаніемъ безсильны и тутъ дѣйствуетъ непреложный законъ, то они не въ силахъ и начать, и остановить это движеніе. Вотъ почему физики съ такимъ непоколебимымъ упорствомъ утверждаютъ, что на спиритическихъ сеансахъ всякія вещи приводятся въ движеніе и останавливаются не духами, а руками и ногами живыхъ людей, т. е. тѣломъ, матеріею.

Съ необычайной наивностію г. Соловьевъ повторилъ самое ходячее заблужденіе, которому поддаются спириты и вообще всѣ, незнакомые съ началами механики; онъ не уяснилъ себѣ *перваго* ея закона, закона *инерціи*, по которому движеніе и покой суть нѣчто равно сохраняющееся, и измѣненія того и другаго происходятъ отъ одинаковыхъ причинъ и имѣютъ одинаковую сущность.

Съ полнымъ правомъ мнѣ можно бы здѣсь уличать г. Соловьева не только въ незнаніи самыхъ основаній физики, но также въ непониманіи великихъ философскихъ ученій Декарта и Лейбница, ученій, положившихъ навсегда правильную границу между духомъ и веществомъ. Но перейду лучше прямо къ заключенію и скажу вообще, что истинно печально видѣть такое состояніе понятій, какъ у г. Соловьева,

состояніе совершенно однородное съ тѣмъ, какое господствуетъ у спиритовъ и которымъ порожденъ самый спиритизмъ. Очевидно, духъ представляется просто въ видѣ тонкоматеріальнаго, но одушевленнаго существа, которое сидитъ въ нашемъ тѣлѣ, какъ въ мѣшкѣ, или гуляетъ на свободѣ безъ этого мѣшка. Печально здѣсь то, что такимъ образомъ искажается и теряется *истинное понятіе о духѣ*, то понятіе, которое одно способно насъ руководить, спасать и животворить въ нашихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Г. Соловьевъ называетъ меня матеріалистомъ; между тѣмъ все, что я писалъ по этому предмету, было направлено именно къ выясненію истиннаго понятія о духѣ. Три моихъ книги—*Міръ какъ цѣлое*, *Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи* и *О вѣчныхъ истинахъ*, можно сказать, всѣ написаны на эту тему; въ нихъ я старался о томъ, чтобы, установивши точнѣе понятія о веществѣ, о вещественномъ мірѣ, показать полнѣйшую противоположность вещества духу и очистить самое понятіе духа отъ малѣйшей примѣси матеріалистическихъ представленій. Вотъ почему я и воевалъ съ спиритизмомъ, который есть ничто иное, какъ грубѣйшее овеществленіе духовныхъ явленій, почему онъ и нашелъ себѣ поддержку у натуралистовъ, давно чуждающихся всякаго философскаго образованія.

Г. Соловьеву извѣстны мои три книги; но теперь мнѣ ясно, что онъ главнаго въ нихъ и не могъ понять, несмотря на свои занятія философіею. Онъ заявляетъ, что не нашелъ у меня нималой научной самобытности. Ну что жъ дѣлать? Если кто говоритъ: „не вижу“, „не понимаю“, „не нахожу“, то онъ, значитъ, признаетъ себя за судью, на котораго уже нѣтъ апелляціи.

Книга *Борьба съ Западомъ*, если судить по отзыву г. Соловьева, не представляетъ какихъ-нибудь недостатковъ, но за то и не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Удивительная книга! Мнѣ вовсе не приходитъ и въ мысли защищать свою книгу отъ такого сужденія; оно для того и сказано голословно и безсодержательно, чтобы отъ него нельзя было защищаться. Но при этомъ г. Соловьевъ дѣлаетъ мнѣ

упрекъ, о которомъ скажу нѣсколько словъ. Онъ насмѣшливо предполагаетъ, что у меня есть особое знамя, „восточное“; на которомъ что-то написано, и упрекаетъ меня, зачѣмъ я не развернулъ этого знамени въ своей *Борьбѣ*. Такіе и подобные упреки мнѣ приходится уже давно и часто слышать. Въ этомъ отношеніи я даже совершенно несчастный человѣкъ. Объ чемъ бы я ни заговорилъ и какъ бы ни старался быть яснымъ и занимательнымъ, есть множество читателей, которые не хотятъ ничего слушать, нимало не заинтересовываются моими разсужденіями, а сейчасъ же пристаютъ ко мнѣ: „да вы кто такой? выкиньте ваше знамя!“ [1]). Это приводитъ меня въ отчаяніе. Ну какое имъ дѣло до меня, и почему они не занимаются предметомъ, о которомъ я говорю? Вотъ и теперь, г. Соловьевъ, который самъ такъ часто и съ такимъ успѣхомъ развертывалъ разныя знамена, требуетъ отъ меня тоже знамени, если я желаю, чтобъ онъ удостоилъ вниманіемъ мои мысли. Нужно мнѣ наконецъ объясниться.

Скажу откровенно: я вовсе не умѣю выкидывать знамена, вовсе не способенъ къ этому. Да кромѣ того, я считаю это выкидываніе часто безполезнымъ, а большею частію превреднымъ дѣломъ. Говорятъ: толчекъ, даваемый умамъ, возбужденіе сознанія. Согласенъ, что это можетъ быть полезно; но каковы обыкновенные результаты? Обыкновенно и тотъ, кто поднялъ знамя, и тѣ, кто обратилъ взоръ на это знамя, пускаются въ неистовое словоизліяніе.

---

[1]) Недавно г. Модестовъ очень жалѣлъ, что никакъ не можетъ дать мнѣ опредѣленной клички. „Пантеистъ ли онъ“, говоритъ обо мнѣ г. Модестовъ, „деистъ ли, исповѣдуетъ ли онъ положительную религію, матеріалистъ ли онъ, идеалистъ ли онъ, либералъ ли онъ, консерваторъ ли онъ,—однимъ словомъ, кто г. Страховъ въ области философіи и политики, для меня оставалось и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ“ (Новости, 1887, 20 окт.). Какое, по истинѣ, праздное любопытство и какое обидное невниманіе! Г. Модестовъ наготовилъ много разныхъ клѣтокъ и занятъ вопросомъ, въ какую меня посадить. Въ цѣломъ фельетонѣ, онъ только объ этомъ и говоритъ и, къ моему огорченію, вовсе не коснулся вопросовъ, которымъ посвящена моя книга.

Обыкновенно прекращается всякая работа мысли, всякій трудъ доказательства и уясненія предмета, а наступаетъ лишь безконечное повтореніе одного и того же и верченье на одномъ и томъ же мѣстѣ. Люди, которымъ понравилось знамя, чаще всего думаютъ, что кромѣ этого сочувствія отъ нихъ ничего больше не требуется, и подымаютъ крикъ и гамъ, какъ будто въ крикѣ все дѣло. И такимъ образомъ мысль, которая могла бы созрѣть и развиться, остается у самого автора на степени одной краснорѣчивой выходки, а у послѣдователей искажается, истрепливается, опошляется на тысячу ладовъ и наконецъ всѣмъ надоѣдаетъ. Тогда публика начинаетъ съ тоской посматривать, не выкинулъ ли кто новаго знамени, и снова начинается шумъ, и снова та же исторія безплоднаго броженія мыслей и непомѣрнаго словоизверженія. Такъ идетъ почти все наше литературное и умственное движеніе—порядокъ печальный и жалкій, которому слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами.

Вотъ почему я не очень огорчаюсь своимъ неумѣньемъ выкидывать и развертывать знамена.

Впрочемъ, что жъ я? Вѣдь и я какими-то судьбами выкинулъ знамя, именно то, на которомъ написанъ девизъ: *борьба съ Западомъ*. Но съ моимъ знаменемъ случилась престранная исторія. Сколько могу судить, множество читателей поняли, что́ я хочу сказать, вѣроятно, потому, что подъ знаменемъ находились два томика опытовъ, стремившихся показать приложеніе девиза къ дѣлу. Но за то писатели, какъ оказалось, никакъ не могутъ уразумѣть моей мысли и моего желанія, и такъ упорны въ своемъ непониманіи, какъ бываютъ только люди, твердо рѣшившіеся не понимать. Г. Модестовъ пишетъ что не можетъ себѣ и представить такого происшествія, какъ борьба съ Западомъ. И г. Соловьевъ говоритъ: „все-таки борьбы съ Западомъ мы не видимъ“. А доказательство слѣдующее: „Авторъ „Борьбы“ въ сущности не говоритъ ничего такого, чего бы не могъ сказать любой толковый европеецъ“ (стр. 762, апр.).

Ну что жъ? Покорно благодарю и за это. Мнѣ и это годится. Мнѣ именно хотѣлось, чтобы русскіе люди были хоть

столько же самостоятельны въ своихъ сужденіяхъ, какъ „любые толковые европейцы“, а еще лучше, еслибы они поравнялись даже съ самыми толковыми европейцами, еслибы они судили о разныхъ явленіяхъ Запада съ полною свободою ума, безъ того постыднаго подобострастія и преклоненія передъ Европою, которое вызвало у поэта выраженіе:

Не слуги просвѣщенья, а холопы!

и которое отзывается на сей разъ и въ статьѣ г. Соловьева.

Очень громки эти слова: *борьба съ Западомъ*, но смыслъ ихъ, какъ знаютъ читатели, очень скромный. Они выражаютъ желаніе труда, твердой умственной работы, при которой одной невозможно рабство передъ авторитетомъ. Проповѣдуется не отрицаніе авторитетовъ, а ихъ точная и правильная критика, требующая самостоятельной работы мысли.

Пусть мои собственныя попытки слабы и маловажны, какъ того желаетъ г. Соловьевъ; но я стою не за нихъ, а за свое знамя, и такъ какъ оно зоветъ къ строгому размышленію и труду, то мнѣ можно, кажется, не бояться отвѣтственности за то, что я распустилъ это знамя.

Будьте свободны духомъ, и дадутся вамъ всѣ умственныя блага и успѣхи. Возможно ли не видѣть, какъ рабство передъ умственнымъ міромъ Европы подавляетъ наши силы? Если статья г. Соловьева на кого-нибудь подѣйствовала (не думаю, впрочемъ), то вліяніе ея должно быть только вредное. Греки говорили: *познай самого себя*, а намъ, кажется, всего больше нужно твердить: *будь самимъ собою*! Изъ тщеславія, изъ слабости, изъ самолюбія мы тянемся за Европою, принимаемъ на себя всякіе чужіе виды, исповѣдуемъ всякія чужія мысли и чувства и, предаваясь горячо и спѣшно такому самоусовершенію, забываемъ и заглушаемъ то, что̀ одно имѣетъ цѣну въ мірѣ духовной дѣятельности—собственную мысль, собственное чувство. Между тѣмъ, если мы только будемъ сами собою, если только научимся искусству стоять на своихъ ногахъ, то, что̀ бы мы ни писали, стихи или критику, ученую диссертацію или шутливый фельетонъ,—на всемъ будетъ лежать яркая печать самобытнаго русскаго ума и чувства. Таковъ законъ человѣческой

души, таковъ законъ жизни, которая проявляетъ силу своего творчества лишь въ опредѣленныхъ формахъ, слѣдовательно, въ своеобразныхъ.

IX.

Упреки и сомнѣнія.

Славянофилы никогда не были оптимистами въ сужденіяхъ о русскомъ просвѣщеніи. Напротивъ, они очень строго судили о нашей литературѣ, наукѣ, искусствѣ, иногда даже грѣшили по избытку строгости. У Хомякова, у И. Аксакова можно найти много самыхъ горькихъ упрековъ нашей культурѣ, ея зыбкости, фальшивости и внутреннему безсилію. Западники всегда были довольнѣе нашимъ просвѣщеніемъ, потому что требованія ихъ были очень просты и, можно сказать, плоски, число ихъ приверженцевъ было несравненно больше, и всякая умственная дѣятельность въ духѣ западничества нарастала и распространялась съ каждымъ днемъ. Западники желали больше всего прогресса въ нашихъ общественныхъ порядкахъ, славянофилы же брали дѣло гораздо выше и полагали главное въ умственномъ переворотѣ, въ глубокомъ преобразованіи чувствъ и мыслей. Н. Я. Данилевскій въ этомъ смыслѣ былъ ничуть не доволенъ развитіемъ Россіи и посвятилъ этому вопросу особую главу: *Европейничанье—болѣзнь русской жизни*, главу, оставленную г. Соловьевымъ безъ всякаго вниманія.

И такъ, если западники считаютъ лучшимъ своимъ занятіемъ ежедневно въ газетахъ и журналахъ щеголять нѣкоторою скорбью, то напрасно они присвоиваютъ себѣ какую-то монополію на скорбь. Кто больше и истиннѣе любитъ, тому и приходится больше и истиннѣе не только радоваться, но и огорчаться, и приходить въ уныніе и боязнь. И какъ обидно бываетъ, когда эту скорбь и волненіе глубоко-любящаго человѣка поставятъ вдругъ на одну доску

съ злорадными обличеніями человѣка равнодушнаго или даже ненавидящаго! Когда изъ словъ, относящихся къ частному случаю, или выражающихъ временное огорченіе, вдругъ, съ бездушною недобросовѣстностью, сдѣлаютъ какой-то общій приговоръ! Такія извращенія не рѣдкость у иностранныхъ писателей и газетчиковъ, которымъ нѣтъ дѣла до нашихъ чувствъ; можно сказать, что нѣчно подобное сдѣлалъ и г. Соловьевъ, когда въ концѣ своей статьи привелъ одно восклицаніе Данилевскаго и нѣсколько моихъ строкъ, какъ подтвержденіе своихъ сужденій. Г. Соловьевъ, мы надѣемся, чуждъ злорадства и ненависти, но его мнѣнія, какъ онъ самъ знаетъ, придутся по душѣ многимъ злорадникамъ и ненавистникамъ, и нѣтъ никакого удовольствія вмѣстѣ съ нимъ служить для нихъ потѣхою.

Между тѣмъ есть великая разница въ самомъ смыслѣ славянофильскихъ и западническихъ упрековъ, даже еслибы они совпадали въ предметѣ осужденія. Извѣстно, что славянофилы видѣли въ Россіи нѣкоторое раздвоеніе, что они глубоко чтили духъ русскаго народа, живущій въ массѣ низшихъ сословій, и питали мало уваженія къ объевропеившейся части народа, которую Данилевскій такъ хорошо называлъ „внѣшнимъ вывѣтрившимся слоемъ“, покрывающимъ твердое ядро. Упреки славянофиловъ относятся именно къ этому слою, заправляющему у насъ почти вполнѣ и внѣшними, и внутренними дѣлами, но никакъ не ко всему народу, взятому въ его внутреннихъ силахъ и возможностяхъ. Вотъ и разгадка того противорѣчія, которое нашелъ г. Соловьевъ въ моихъ унылыхъ словахъ, сказанныхъ по случаю смерти Аксакова. „Онъ смущается“, пишетъ г. Соловьевъ обо мнѣ, „и унываетъ *только за насъ*, а само славянофильство остается для него въ своемъ прежнемъ ореолѣ“. И черезъ нѣсколько строкъ: „Онъ“ (все я же) „разсуждаетъ такъ: мы оказываемся духовно-слабыми и для всемірныхъ дѣлъ непригодными,—слѣдовательно, *намъ должно быть стыдно* передъ славянофилами, которые такъ *на насъ* уповали. Но не правильнѣе ли будетъ обернуть заключеніе: мы оказались духовно-слабыми и несостоятельными для великихъ

дѣлъ *къ стыду славянофильства*, которое понапрасну и неосновательно надѣялось на наши мнимыя силы?“ (стр. 765, апр.). Г. Соловьевъ хочетъ сказать, что я смущаюсь и унываю и стыжусь будто бы за весь русскій народъ; нѣтъ, онъ ошибся, къ такимъ чувствамъ я вовсе не расположенъ; я часто смущаюсь и унываю и стыжусь, но *только за насъ* въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. за себя съ г. Соловьевымъ, за наше общество, за вѣтеръ въ головахъ нашихъ образованныхъ людей и мыслителей, за то, что мы не исполняемъ обязанностей того положенія, которое занимаемъ, что мы такъ непсцѣлимо тщеславны и легкомысленны, что мы не любимъ труда и постоянства, а предпочитаемъ разливаться въ краснорѣчіи и только *являться* дѣятелями. Много у меня предметовъ смущенія, унынія и стыда; но за русскій народъ, за свою великую родину я не могу, не умѣю смущаться, унывать и стыдиться. Стыдиться Россіи? Сохрани насъ, Боже! Это было бы для меня неизмѣримо ужаснѣе, чѣмъ еслибы я долженъ былъ стыдиться своего отца и своей матери. Иныя рѣчи г. Соловьева объ Россіи кажутся мнѣ просто непочтительными, дерзкими. Вотъ какое у меня настроеніе чувствъ, и вотъ почему я такъ уважаю славянофиловъ; по моему мнѣнію, это самое настроеніе есть истинный корень славянофильства.

Не легко было богатырю Н. Я. Данилевскому, когда онъ, читая въ своей книгѣ, что никакъ не можетъ оказаться, чтобы Россія была

Больной, разслабленный колоссъ,

черкнулъ на поляхъ: „Увы! начинаетъ оказываться!“ Что онъ разумѣлъ подъ этимъ? и что бы онъ написалъ, еслибы ему довелось вполнѣ изложить свою мысль? Можетъ быть эта замѣтка была сдѣлана послѣ печальныхъ вѣстей о Берлинскомъ конгрессѣ. Но если такъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что упрекъ здѣсь относился только къ злополучному ходу нашей внѣшней политики, а не къ русскому народу и его будущимъ судьбамъ. Послѣдняя наша война сама служитъ только яркимъ доказательствомъ того, какъ часто наши внѣшнія дѣла ничуть не соотвѣтствуютъ исполинской

душевной мощи нашего народа. Г. Соловьевъ съ видимымъ удовольствіемъ признаетъ въ замѣткѣ Данилевскаго будто бы согласіе съ своими мыслями, извлеченное изъ опыта, и, слѣдовательно, полагаетъ, что Россія дѣйствительно „больной, разслабленный колоссъ". Но не то говоритъ чувство тѣхъ, кто никогда не отдѣлялъ себя отъ родины. Много болѣзней точатъ безмѣрное тѣло Россіи; но, не смотря на то, чувство душевной бодрости, молодой свѣжести и отваги, неисчерпаемаго избытка жизни и здоровья, съ такою силою разлито по этому колоссу, безпечно растущему и безпечно проживающему день за днемъ, годъ за годомъ, что всѣ мы невольно сознаемъ это стихійное богатырство, и сомнѣніе въ немъ готовы считать за признакъ „больныхъ, разслабленныхъ" людей, которыхъ гдѣ же не бываетъ. Данилевскій, который не только живо чувствовалъ въ себѣ это здоровье, но умѣлъ привести себѣ къ сознанію самый духъ и судьбу своего народа и даже облекъ это сознаніе въ научныя формы,— нѣтъ, Данилевскій не могъ изъ-за Берлинскаго конгресса усумниться въ Россіи!

Н. СТРАХОВЪ.

10 мая.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ БРЕТЪ ГАРТА

„МИЛЛІОНЕРЪ".

I.

Ну ужь теперь сомнѣнія нѣтъ и не можетъ быть: онъ нашелъ золото.

Всего одну минуту назадъ оно мелькнуло передъ нимъ въ видѣ неуклюжаго куска темнаго кварца съ желтыми, металлическими жилками; минеральная порода была настолько мягка, что его остроконечная кирка могла пробить ея золотоносную сердцевину, но настолько тяжела, что не удержалась на кончикѣ киркп, когда онъ пытался приподнять кварцъ съ красной земли.

Все это онъ ясно видѣлъ теперь, хотя и очутился, самъ не понимая, какимъ образомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста своего открытія, съ сердцемъ безумно бьющимся, съ тяжело вздымающеюся грудью. Онъ медленно и безсознательно пошелъ прочь, по временамъ останавливаясь и безсмысленно озираясь. Онъ надѣялся, что инстинктъ или сила привычки поможетъ ему опомниться и, однако, увидавъ сосѣда, работавшаго на смежномъ пріискѣ, попятился назадъ и затѣмъ повернулся къ нему спиной.

И однако всего лишь мгновеніе тому назадъ онъ готовъ былъ бѣжать къ нему и закричать: — провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! а вѣдь я нашелъ! Но это мгновеніе прошло, и теперь ему казалось, что онъ не въ силахъ крикнуть, а

еслибы и крикнулъ, то восклицаніе вышло бы принужденнымъ и искусственнымъ. Не могъ онъ также спокойно подойти къ сосѣду и хладнокровно объявить о своей находкѣ; и вотъ частію по какой-то диковинной застѣнчивости, частію въ надеждѣ, что если еще разъ взглянетъ на свое сокровище, то придетъ въ нормальное состояніе, онъ вернулся къ своей шахтѣ.

Да, вотъ она! вотъ та жила, которую онъ такъ долго искалъ. Вотъ она тутъ передъ нимъ, наперекоръ насмѣшливымъ отрицаніямъ враговъ; вотъ практическія доказательства его теорій, награда его упорнаго труда. Тутъ, тутъ она! Но почему-то онъ не только не могъ припомнить первой радости открытія, а испытывалъ какое-то смутное сознаніе отвѣтственности и тревогу. Для человѣка въ его положеніи находка равнялась огромному богатству: быть можетъ нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ долларовъ, если жилу разработать какъ слѣдуетъ!

Съ рѣшительной тревогой снова вышелъ онъ изъ шахты на солнечный свѣтъ и просторъ. Сосѣдъ все еще виднѣлся на смежномъ пріискѣ; но онъ, очевидно, пересталъ работать и задумчиво курилъ трубку подъ большой сосной. На секунду онъ позавидовалъ его наружному довольству. Въ немъ проснулось даже и необъяснимое желаніе бѣжать къ нему и смутить его безпечную бѣдность сообщеніемъ о найденномъ кладѣ. Но и это ощущеніе быстро прошло, и онъ снова безсмысленно уставился на окрестность.

Какъ только-что открытіе его обнародуется, и его цѣнность будетъ опредѣлена, онъ пошлетъ за женой и дѣтьми въ Соединенные Штаты, онъ выстроитъ прекрасный домъ на противоположномъ холмѣ, если она на это согласится, если она не предпочтетъ, ради дѣтей, поселиться въ Сан-Франциско.

Сознаніе потери независимости, перемѣны въ обстоятельствахъ, лишающей его свободы дѣйствія, начинало тяготить его среди веселыхъ проектовъ. Связь съ другими членами семьи, ослабѣвшая отъ разлуки и его личнаго ничтожества, должна вновь окрѣпнуть. Онъ долженъ помочь сестрѣ Джэнъ,

брату Уильяму, бѣднымъ родственникамъ жены. Было бы несправедливо сказать, что онъ думалъ объ этихъ вещахъ съ чувствомъ, чуждымъ великодушія: но все же онъ испытывалъ смущеніе и растерянность.

Тѣмъ временемъ, однако, сосѣдъ докурилъ трубку, выколотилъ изъ нея золу, внезапно всталъ и положилъ конецъ его нерѣшительности, направясь къ нему. Владѣтель клада пошелъ было ему навстрѣчу, но затѣмъ нерѣшительно остановился.

— Эй, Слиннъ! закричалъ сосѣдъ довѣрчиво.

— Я самый, Мастерсъ, отвѣтилъ слабо Слиннъ.

— Чего вы тамъ застряли? Въ чемъ дѣло?

И вдругъ, замѣтивъ блѣдное и встревоженное лицо Слинна, прибавилъ:

— Вы больны?

Слиннъ готовъ былъ сказать ему о своей удачѣ, но промолчалъ. Тревожный вопросъ подтвердилъ его сознаніе о своемъ физическомъ и умственномъ разстройствѣ, и онъ побоялся показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарища. Онъ сообщитъ ему позднѣе. Мастерсу не зачѣмъ знать,—*когда* онъ нашелъ золото. Кромѣ того, въ томъ состояніи смущенія и безпокойства, въ какомъ онъ находился, онъ пугался торопливыхъ, практическихъ разспросовъ, если сообщить это такому человѣку какъ Мастерсъ.

— У меня голова кружится, сказалъ онъ, прикладывая руку ко лбу.

Мастерсъ пристально оглядѣлъ его сѣрыми, зоркими глазами.

— Знаете, что я вамъ скажу, дружище! если вы не бросите эту, Богомъ проклятую, шахту, то рехнетесь! Говорю вамъ, что вы идете на гибель.

Вотъ удобный случай сообщить ему все и оправдать вѣрность своихъ теорій!

Но онъ опять промолчалъ, и къ смущенію его примѣшивалась какая-то странная боязнь умственнаго напряженія, связаннаго съ объясненіемъ. Онъ страдальчески улыбнулся и пошелъ прочь.

*

— Послушайте-ка, дружище! сказалъ Мастерсъ наставительно, вамъ слѣдуетъ пропустить рюмочку виски для ободренія. Пойдемте со мной! Чортъ побери! выпьемъ вмѣстѣ въ послѣдній разъ! Не глядите такъ растерянно! Я хочу сказать... я порѣшилъ десять минутъ назадъ бросить эту чортову шахту и взяться за новый участокъ. Мнѣ надоѣло попусту терять время и трудъ. Потому-то я и говорю, что мы выпьемъ въ послѣдній разъ. Вы знаете мою манеру: сказано, сдѣлано.

Это была правда. Слиннъ часто завидовалъ быстротѣ и рѣшительности Мастерса. Но теперь онъ съ чувствомъ облегченія поглядѣлъ ему въ лицо. Онъ *уходитъ*! И ему, Слинну, незачѣмъ объясняться.

Онъ пробормоталъ что-то о недосугѣ. Онъ боялся, что Мастерсъ захочетъ идти въ его шахту.

— Вы, вѣроятно, хотите отправить это на почту, сухо проговорилъ Мастерсъ. Почта отходитъ только завтра утромъ, и вы успѣете до тѣхъ поръ дописать письмо и вложить его въ конвертъ.

Слѣдуя за глазами Мастерса, Слиннъ къ крайнему своему удивленію, увидѣлъ, что держитъ въ рукѣ недописанное письмо. Откуда оно взялось, когда онъ написалъ это, онъ рѣшительно не могъ сказать; онъ смутно помнилъ, что однимъ изъ его первыхъ движеній было написать женѣ; но что онъ это уже сдѣлалъ, объ этомъ онъ совсѣмъ позабылъ. Онъ поспѣшно спряталъ письмо въ карманъ жилета съ безсмысленной улыбкой. Мастерсъ глядѣлъ на него полупрезрительно, полусострадательно.

— Не положите въ разсѣянности письма въ древесное дупло, замѣтилъ онъ. Ну-съ, а затѣмъ... такъ какъ вы не желаете со мной выпить... счастливо оставаться.

И повернувшись Мастерсъ ушелъ.

Слиннъ наблюдалъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида, а затѣмъ съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ своей дорогой.

Онъ былъ теперь одинъ съ самимъ собой и съ своимъ сокровищемъ. Единственный человѣкъ въ мірѣ, знавшій въ

точности положеніе его шахты, уходитъ навсегда. Врядъ ли этотъ случайный товарищъ послѣднихъ двухъ или трехъ недѣль, вернется въ эту мѣстность. Онъ остается теперь самъ-другъ съ своимъ кладомъ, пока не составитъ плана или не отыщетъ друга, которому могъ бы довѣриться. Замкнутая жизнь, привычка углубляться въ самого себя создали вокругъ него пустыню. А хотя онъ усидчиво выработалъ теорію нахожденія золота, но никогда не занимался методомъ и способомъ его обработки. И теперь, когда онъ всего болѣе нуждался въ своемъ умѣ, откуда такое странное помраченіе его умственныхъ способностей!

Терпѣніе! ему нужно только немного отдохнуть, чтобы совсѣмъ оправиться. На большой дорогѣ у поселка стоитъ широкая каменная скамья подъ большимъ деревомъ—тѣнистое убѣжище, гдѣ онъ часто дожидался прибытія почтовой кареты. Онъ пойдетъ туда и когда совсѣмъ отдохнетъ, вернется домой.

Но по дорогѣ онъ завернулъ въ рощу и безъ всякой другой цѣли, повидимому, какъ найти дупло въ деревѣ.

„Дупло въ деревѣ!“ Да! объ этомъ говорилъ Мастерсъ; онъ ясно это помнилъ; но что такое надо было сдѣлать съ дупломъ—этого онъ не помнилъ. Однако онъ сдѣлалъ это—положилъ туда письмо—и какъ разъ во-время, такъ какъ, дойдя до скамьи, повалился на нее какъ пластъ.

И теперь, странно сказать, смущеніе и безпокойство, овладѣвшія имъ съ той самой минуты, какъ онъ открылъ свое сокровище, оставили его, точно бремя, которое ему удалось свалить съ плечъ. Безграничное спокойствіе овладѣло имъ и сквозь него проносились чудныя видѣнія о найденномъ богатствѣ, и они больше не тревожили его, а радовали; онъ создастъ счастіе и благосостояніе кругомъ себя. Не только жену, дѣтей, близкихъ и дальнихъ родственниковъ, но всѣхъ знакомыхъ облагодѣтельствуетъ онъ.

Солнце заходило какъ будто въ розовыхъ лучахъ его счастія. Затѣмъ наступили сумерки и смѣнились ночнымъ мракомъ. Онъ терпѣливо сидѣлъ, какъ бы не замѣчая этого.

Но когда на другое утро, при яркомъ свѣтѣ солнца, по-

казалась почтовая карета, при шумѣ проснувшейся жизни, кучеръ неожиданно остановилъ свою рѣзвую четверку около укромной скамьи подъ деревомъ. Почтальонъ слѣзъ съ козелъ и подошелъ къ тому, что казалось какой-то кучею платья.

— Онъ, кажется, не пьянъ, отвѣтилъ онъ на сварливый вопросъ пассажировъ. Не понимаю, что съ нимъ. Глаза у него открыты; но онъ не говоритъ и не шевелится. Взгляните-ка, докторъ.

Грубый, совсѣмъ не профессіональнаго вида, человѣкъ вылѣзъ изъ кареты и, безпечно растолкавъ другихъ пассажировъ, наклонился надъ грудой платья.

— Онъ умеръ? спросилъ одинъ изъ пассажировъ.

Грубый человѣкъ мягко опустилъ обратно безжизненную голову.

— Нѣтъ, къ несчастію для него, онъ не умеръ, проговорилъ онъ коротко. Его хватилъ параличъ... и знатный. Хитро будетъ, коли онъ когда-нибудь теперь пошевелится или заговоритъ.

II.

Когда Эльвинъ Мольреди объявилъ о своемъ намѣреніи сажать картофель и садовые овощи на зеленыхъ скатахъ Лосъ-Гатосъ, золотопромышленники этого округа, и жители прилегающей деревушки, отнеслись къ этому съ презрительнымъ равнодушіемъ, которое питаютъ всѣ авантюристы ко всякаго рода буколическимъ затѣямъ и стремленіямъ.

Никто не протестовалъ противъ занятія двухъ скатовъ холма, который такъ мало обѣщалъ въ смыслѣ добычи золота, что говорили, что его прежній арендаторъ, Слиннъ, когда-то сошелъ съ ума или впалъ въ идіотизмъ отъ неудачныхъ поисковъ.

Единственный протестъ, страннымъ образомъ, явился со стороны первоначальнаго землевладѣльца — нѣкоего дона

Рамона Альваредо, претензіи котораго на семи-верстное протяженіе холмовъ и долинъ, включая цвѣтущіе нынѣ города Савименто и Красный-Догъ,—встрѣчались хохотомъ и насмѣшками всѣхъ рудокоповъ и скуатеровъ.

— Туда же, воображаетъ, что мы пришли сюда за семь верстъ киселя хлебать, чтобы его чортова земля давала ему доходы, какъ же! иронически замѣтили они.

Мольреди конечно было извинительно примкнуть къ общественному мнѣнію; но по странному противорѣчію, свойственному человѣку, это не помѣшало ему пойти къ дону Рамону и предложить купить у него землю или же платить ему аренду продуктами.

Говорятъ, что донъ Рамонъ былъ такъ пораженъ этой уступкою, что не только отдалъ землю, но еще завелъ родъ дружбы съ простодушнымъ земледѣльцемъ и его семействомъ.

Врядъ ли нужно прибавлять, что на эту дружбу золотопромышленники взирали съ тѣмъ презрѣніемъ, какого она заслуживала. Ихъ презрѣніе было бы еще сильнѣе, знай они мнѣніе дона Рамона объ ихъ промыслѣ, которое онъ сообщилъ и Мольреди.

— Они дикари и хотятъ жать, гдѣ не сѣяли; брать изъ земли и ничего не возвращать ей, кромѣ своихъ драгоцѣнныхъ костей; язычники, поклоняющіеся тѣмъ самымъ камнямъ, которые они вырываютъ изъ земли.

— А развѣ не было испанцевъ, которые бы добывали золото? спросилъ добродушно Мольреди.

— Ахъ! были испанцы, были и мавры! отвѣчалъ донъ Рамонъ, сентенціозно; золото добывалось и кавалерами, но добра изъ этого никогда не выходило. Не пристало дворянину начкаться съ золотомъ, не говоря уже о проклятіи.

— Проклятіе! повторила Мемн Мольреди съ дѣвическимъ суевѣріемъ,— что это значитъ?

— Вы не знаете, другъ Мольреди, что когда эти земли были пожалованы моимъ предкамъ Карломъ V, то епископъ Монтерэ наложилъ проклятіе на тѣхъ, кто осквернитъ ихъ.

Ну вотъ, слушайте дальше. Ихъ трехъ американцевъ, основавшихъ вонъ тотъ городъ, одинъ былъ застрѣленъ, другой умеръ отъ лихорадки—отравленный, понимаете, почвой,—а третій съ ума сошелъ. Даже ученый [1]), пріѣзжавшій много лѣтъ тому назадъ соглядатайствовать за деревьями и за травами, былъ наказанъ за свое святотатство и умеръ неестественной смертью. Но, прибавилъ донъ Рамонъ съ степенной вѣжливостью, это васъ не касается. Черезъ меня *вы* здѣсь у себя, на *своей* землѣ.

И дѣйствительно казалось, что если не быстрое, то вѣрное благосостояніе было результатомъ владѣльческаго покровительства дона Рамона. Картофель и овощи процвѣтали; роскошная почва вознаграждала за труды сторицей и даже солнце смѣялось надъ обычнымъ раздѣленіемъ временъ года, допуская необычайныя и преждевременныя жатвы.

Поселенцы, сидѣвшіе на соленой свининѣ и сухаряхъ, не смотря на презрѣніе къ труду Мольреди, не пропустили случая перемѣнить діэту. Золото, извлекаемое ими изъ земли, переходило въ его карманы взамѣнъ его болѣе скромныхъ сокровищъ. Избушка, пріютившая вначалѣ его семью—жену, сына и дочь—была покинута для болѣе удобнаго и просторнаго дома на противоположномъ холмѣ. Бѣлый заборъ замѣнилъ простую грубую изгородь. Мало-по-малу первые признаки культуры — вывороченные комки красной земли, грудки хвороста, голая пашня и груды камня исчезли и уступили мѣсто зеленому ковру, превратившему въ оазисъ дикую пустыню. Только въ водѣ отказано было новому Эдему—и то количество, какое необходимо было для орошенія полей, привозилось изъ дальняго пруда скупо и съ большими издержками.

Въ виду этого Мольреди задумалъ вырыть артезіанскій колодезь на солнечномъ скатѣ позади своего дома, конечно не безъ серьезной консультаціи съ своимъ испанскимъ па-

---

[1]) Донъ Рамонъ намекалъ на натуралиста Дуглоса, посѣтившаго Калифорнію до золотой горячки и умершаго отъ удара на Сандвичевыхъ островахъ.

тромъ и сильныхъ возраженій съ его стороны. Съ большой убѣдительностью донъ Рамонъ доказывалъ, что взрывать нѣдра земли было не только преступленіемъ противъ природы, почти равнымъ съ устройствомъ шахтъ и туннелей, но и нарушеніемъ священныхъ интересовъ.

— Я и мои предки, Санъ-Діего упокой ихъ души! говорилъ донъ Рамонъ, осѣняя себя крестомъ,—довольствовались колодцами и цистернами, наполняемыми небомъ въ опредѣленное время; скотъ, даромъ что безсловесный, умѣлъ тоже находить воду, которая ему была нужна. Но ты говоришь правду, прибавилъ онъ, вздыхая, что это было раньше, чѣмъ потоки и дождь были осквернены языческими машинами и отравлены ихъ пѣной. Ступай, другъ Мольреди, рой и буравь, если хочешь, но по-христіански, а не посредствомъ грѣховныхъ землетрясеній, производимыхъ дьявольскимъ порохомъ.

Послѣ этой уступки Эльвинъ Мольреди сталъ рыть свою первую артезіанскую шахту. Но безъ помощи пара и пороха дѣло медленно подвигалось. Огородъ не страдалъ тѣмъ временемъ, такъ какъ Мольреди нанялъ двухъ китайцевъ ухаживать за нимъ, пока онъ наблюдалъ за прорытіемъ колодца. Это пустое обстоятельство составило эпоху въ общественномъ положеніи фамиліи. М-съ Мольреди сразу получила серьезное значеніе среди сосѣдей. Она говорила про „рабочихъ“ мужа; она толковала о „предпріятіяхъ“ м-ра Мольреди, разумѣя подъ этимъ колодезь; и обуздывала грубоватую фамильярность своихъ покупателей къ хорошенькой Меми Мольреди, своей семнадцатилѣтней дочкѣ. Простодушный Эльвинъ Мольреди съ удивленіемъ глядѣлъ на то, какъ всходили сѣмена, зароненныя въ женскую натуру и дающія пышный цвѣтъ при первыхъ лучахъ солнца фортуны.

— Послушай-ка, Мальви, ты ужь очень носъ воротишь отъ молодцовъ, что ухаживаютъ за Меми. Точно она имъ не пара.

— Неужели ты хочешь этимъ сказать, Эльвинъ Мольреди, отвѣчала м-съ Мольреди съ внезапной суровостью, что

думаешь выдать нашу дочку за простаго рудокопа, или же что я позволю ей выйдти замужъ за человѣка не нашего круга?

— Не нашего круга, безпомощно повторялъ Мольреди, уставясь въ изумленіи на нее и затѣмъ переводя глаза то на сына, то на китайцевъ, копавшихъ капусту.

— О! ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, рѣзко объявила м-съ Мольреди, нашъ кругъ—это Альваредо и его пріятели! Развѣ старый донъ не приходитъ къ намъ ежедневно и развѣ его сынъ не подходящій женихъ для Меми? И развѣ они здѣсь не первая фамилія... все равно, дворяне? Нѣтъ; предоставь Меми мнѣ и занимайся колодцемъ; еще не родился мужчина, который бы что-нибудь смыслилъ въ этихъ дѣлахъ или зналъ свои обязанности передъ своей фамиліей.

Какъ и всѣ мужчины вообще, Мольреди охотно соглашался съ мнѣніемъ, предоставлявшимъ мелочи жизни въ женскія руки, и пошелъ на свою шахту. Но въ это утро онъ былъ смущенъ. Онъ былъ слишкомъ преданный мужъ, чтобы не гордиться неожиданной проницательностью и сообразительностью жены, хотя, подобно всѣмъ мужьямъ, былъ нѣсколько этимъ озадаченъ. Онъ старался не думать объ этомъ. Но, глядя съ холма на свою небольшую усадьбу, постепенно расширявшуюся и процвѣтавшую подъ его управленіемъ, онъ почувствовалъ приливъ такого же честолюбія, какое проявила его дражайшая половина.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ хуже дона Рамона? Но, однако, въ душѣ онъ сомнѣвался, чтобы донъ Рамонъ съ этимъ согласился и вотъ, отравленный женскимъ тонкимъ ядомъ, онъ почти возненавидѣлъ своего стараго благодѣтеля. Онъ глядѣлъ на маленькій Эдемъ, гдѣ его Ева только-что соблазнила его роковымъ плодомъ, и почувствовалъ, что навѣки утратилъ способность мирно и невинно имъ наслаждаться.

Къ счастію вскорѣ послѣ этого донъ Рамонъ умеръ. Невѣроятно, чтобы онъ догадывался о любезныхъ планахъ м-съ Мольреди на счетъ его сына, наслѣдовавшаго

отцовскому имѣнію, которое жестоко обкарнали родственники и кредиторы.

Миссисъ и миссъ Мольреди присутствовали на похоронахъ въ дорогомъ траурѣ, выписанномъ изъ Сакраменто. Даже кроткаго Эльвина облекли въ черный сюртукъ, обличившій его добродушную, но безспорно вульгарную наружность. М-съ Мольреди открыто говорила о своей „потерѣ"; объявляла, что старыя фамиліи вымираютъ и внушила женамъ вновь прибывшихъ въ Красный Догъ поселенцевъ мысль, что ея собственная фамилія въ родствѣ съ Альваредами и что здоровье ея мужа не особенно крѣпко. Она выказывала материнское участіе осиротѣвшему дону Цезару. Сдержанный по природѣ, какъ и его отецъ, онъ былъ еще церемоннѣе, удрученный своей потерей. И, быть можетъ, изъ застѣнчивости, чувствуя пристрастіе къ Мемѣ Мольреди, онъ рѣдко пользовался любезнымъ гостепріимствомъ ея матери. Но онъ исполнилъ намѣреніе отца, продавъ за небольшую сумму Мольреди участокъ земли, арендуемый имъ. Мысль о покупкѣ земли подана была м-съ Мольреди.

— Такимъ образомъ она останется въ роду, замѣтила эта хитрая особа и гораздо приличнѣе, чтобы мы были землевладѣльцами, а не арендаторами.

Прошло нѣсколько недѣль, и вотъ разъ утромъ ее поразилъ голосъ мужа, доносившійся съ холма, откуда онъ опрометью бѣжалъ домой. Мемѣ была въ своей комнатѣ, гдѣ надѣвала новое розовое ситцевое платье, въ честь ожидаемаго визита юнаго дона Цезара, а м-съ Мольреди подметала и прибирала въ домѣ въ виду того же событія. Что-то въ тонѣ голоса мужа, а также и возвращеніе его домой въ необычный часъ, заставило ее бросить половую щетку и выбѣжать къ нему навстрѣчу изъ кухни. Она увидѣла, что онъ бѣжалъ черезъ гряды съ капустой, съ краснымъ и возбужденнымъ лицомъ и съ такими блестящими глазами, какихъ она не видывала у него уже долгіе годы. Она припомнила, хотя безъ всякаго умиленія, что такимъ именно видѣла она его, когда позвала, въ бытность

его простымъ батракомъ на фермѣ ея отца въ Иллинойсѣ, чтобы сообщить о согласіи ея родителей на ихъ бракъ. Воспоминаніе было тѣмъ неудобнѣе, что онъ охватилъ ее обѣими руками и звонко поцѣловалъ въ увядшую щеку.

— Помилосердуй, Мольреди! воскликнула она, сгоняя передникомъ нѣчто въ родѣ румянца, вспыхнувшаго на ея лицѣ, до того ли, когда гости могутъ прійдти съ минуты на минуту.

— Мальви! я нашелъ его! и нашелъ здóрово.

Она высвободилась изъ его объятій равнодушная, и блестящими, но хитрыми и наблюдательными глазами поглядѣла на него.

— Я нашелъ его въ колодцѣ. Ту самую жилу, какой доискивались рудокопы. Теперь ты и Мемн богачихи: золота видимо-невидимо.

— Подожди минутку.

Она поспѣшно оставила его и, подойдя къ лѣстницѣ, закричала къ его великому удивленію.

— Мемн, сними новое платье.

Послышалось восклицаніе неудовольствія Мемн.

— Тебѣ говорятъ! еще строже сказала мать.

Мемн стихла. М-съ Мольреди вернулась къ мужу. Перерывъ этотъ какъ-то потушилъ его радость. Онъ сразу угомонился и сталъ ждать, что она скажетъ.

— Ты никому еще не говорилъ?

— Нѣтъ. Я былъ одинъ, внизу, въ шахтѣ. Видишь ли, Мальви, я никакъ не ожидалъ...

Онъ опять было развеселился.

— Я копалъ себѣ землю и ни на что не разсчитывалъ...

— Вотъ видишь, я была права, совѣтуя тебѣ купить землю.

Лицо Мольреди омрачилось.

— Я надѣюсь, донъ Цезаръ не подумаетъ, началъ онъ, запинаясь, я думаю, можетъ быть, слѣдуетъ мнѣ вознаградить его, знаешь.

— Глупости, рѣшительно проговорила м-съ Мольреди. Не будь дуракомъ. Ты нашелъ золото и, значитъ, оно твое—

таковъ законъ. И ты купилъ землю безъ ограниченій. Кромѣ того, тебѣ и въ голову не приходило это!...

Она умолкла и вдругъ поглядѣла ему въ лицо.

— Или приходило?

Мольреди широко раскрылъ честные, свѣтлосѣрые глаза.

— Что ты, Мальви! вѣдь ты же знаешь, что не приходило, хоть побожиться!

— Не божись и слушай меня, и голосъ ея зазвучалъ повелительно.

— Прекрати всякую работу въ шахтѣ, и отошли теперь же работника. Надѣнь сюртукъ и ступай съ первымъ омнибусомъ въ Сакраменто, да захвати съ собой и Меми.

— Меми! слабо повторилъ Мольреди.

— Прежде всего повидайся съ стряпчимъ Коль и съ моимъ братомъ Джимомъ, продолжала она, не обращая вниманія на перерывъ. А Меми нужно провѣтриться и заказать себѣ приличное платье. Остальное предоставь мнѣ. Я скажу что нужно Меми и снаряжу ее.

Мольреди провелъ рукой по спутаннымъ волосамъ. Онъ гордился энергіей и дѣятельностью жены, онъ и не мечталъ сопротивляться ей, но былъ немного разочарованъ. Волшебная радость открытія разсѣялась прежде, нежели онъ успѣлъ порядкомъ ослѣпить жену; или, вѣрнѣе сказать, она вовсе не была ослѣплена. Все вышло такъ практично и дѣловито, что ему стало скучно. И при томъ ему пріятнѣе было бы самому сообщить дочери и видѣть, какъ вспыхнутъ ея щеки и засверкаютъ радостью глаза, чего онъ не видѣлъ у жены.

— Времени терять нечего, сказала она нетерпѣливо, замѣтивъ его колебаніе.

Быть можетъ, ея нетерпѣніе досадило ему; быть можетъ, еслибы она не отнеслась такъ самоувѣренно къ удивительному счастію, доставшемуся ей, онъ бы и не сказалъ тутъ же того, что было у него на умѣ. Какъ бы то ни было, онъ степенно проговорилъ:

— Постой-ка, Мальви, я не все еще сказалъ тебѣ.

— Говори, поспѣшно пригласила она.

— Между обломками кварца я нашелъ кирку и жила

какъ будто была открыта раньше; сбоку у подошвы холма виднѣются какъ бы признаки старой шахты, но только она обвалилась и засыпана обломками.

— Ну такъ что жъ? презрительно спросила м-съ Мольреди.

— А то жъ, отвѣтилъ ея супругъ, какъ бы недовольно, что похоже, какъ будто кто-то открылъ ее раньше.

— И бросилъ, оставилъ для другихъ! Какъ это похоже на дѣло? перебила жена съ нескрываемой досадой. Всякій знаетъ, что съ этимъ холмомъ не стоило возиться и онъ былъ совсѣмъ заброшенъ, когда мы сюда пріѣхали. Это твоя собственность и ты за нее заплатилъ денежки. Ты, можетъ быть, собираешься вызывать черезъ газеты владѣльца жилы, Эльвинъ Мольреди? А ужь въ Сакраменто не поѣдешь?

Мольреди вздрогнулъ. Онъ серьезно еще не подумалъ, что дѣйствительно кто-нибудь могъ раньше его сдѣлать это открытіе. Но по добросовѣстности характера немедленно принялъ это въ соображеніе. Да, вѣроятно, она права. Но онъ не сталъ вникать въ то, какъ бы онъ поступилъ, будь жена также добросовѣстна, какъ и онъ самъ.

— Ладно, сказалъ онъ просто. Я сейчасъ отправлюсь въ путь.

— И когда будешь говорить съ стряпчимъ Колемъ и Джимомъ оставь про себя эти глупыя исторіи про кирку. Нѣтъ никакой надобности внушать другимъ дикія мысли, только потому что онѣ лѣзутъ тебѣ въ голову.

Когда торопливыя приготовленія были окончены и м-ръ Мольреди съ Мемп, въ сопровожденіи молчаливаго и скромнаго китайца, несшаго ихъ немудрый багажъ, пошли по большой дорогѣ, на встрѣчу почтовой каретѣ, отецъ тревожно и выжидательно взглянулъ въ лицо дочери. Ему хотѣлось насладиться свѣжестью и наивностью юношескаго восторга и радости Мемп и отдохнуть отъ практическаго дальновиднаго реализма жены. На нѣжныхъ щечкахъ дѣвушки игралъ живой румянецъ, полуоткрытый ротикъ дѣт-

ски улыбался, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось радостное изумленіе,—все такіе хорошіе признаки.

— Ну, Меми, весело быть богатой невѣстой?

— Что?

Она не слыхала вопроса. Нѣжнымъ красивымъ глазамъ рисовались полки съ разнообразнымъ товаромъ на „Дамскомъ Базарѣ“ въ Сакраменто; они читали восхищеніе на лицахъ у прикащиковъ; всматривались въ даль большой дороги, не ѣдетъ ли почтовая карета, и оглядывали, хорошо ли сидятъ новыя перчатки: короче сказать—они были заняты всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ любящихъ взглядовъ человѣка, шедшаго съ нею рядомъ.

Онъ однако повторилъ вопросъ, тронутый ея прелестной разсѣянностью и охватилъ рукой ея тонкую талію.

— Я очень рада, па!

И ловко высвободилась изъ его объятій, ласково стиснувъ ему локоть, чтобы смягчить свое движеніе.

— Я вчера была увѣрена, что случится *необыкновенное*. Я думаю, я похожа на пугало, прибавила она, но ма такъ торопила меня; она хотѣла, чтобы я уѣхала прежде чѣмъ придетъ донъ Цезаръ.

— А тебѣ не хотѣлось уѣзжать прежде, чѣмъ онъ придетъ? лукаво спросилъ отецъ.

— Я бы не хотѣла, чтобы онъ меня видѣлъ въ этомъ платьѣ, отвѣчала Меми просто. Потому, вѣрно, ма и заставила меня переодѣться, прибавила она со смѣхомъ.

— Ну, я думаю, ты для него во всѣхъ нарядахъ хороша, сказалъ отецъ, внимательно наблюдая за ней. А *теперь* ты къ тому же и выгодная невѣста, прибавилъ онъ съ торжествомъ.

— Не знаю. Онъ былъ всегда богатъ, и его отецъ и дѣдъ были богаты, а мы были сначала бѣдны и его арендаторы.

Лицо отца измѣнилось; за удивленіемъ, съ какимъ онъ ее слушалъ, выражалась на немъ сначала боль, потомъ гнѣвъ.

— Неужели онъ говорилъ такія глупости? поспѣшно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Желала бы я, чтобы онъ это сказалъ! Теперь у меня могутъ быть женихи и получше его.

Они нѣсколько минутъ прошли молча, насупившись, и китаецъ могъ бы подумать, что они поссорились. Но вдругъ бѣлые зубки снова засверкали въ полуоткрытыхъ устахъ.

— Слушай, па! это все не то! онъ меня любитъ и я его; и еслибы только ма не забрала себѣ въ голову новыхъ идей!...

Она вдругъ умолкла.

— Какихъ новыхъ идей? тревожно спросилъ отецъ.

— О, ничего! я желала бы, па, чтобы на васъ были другіе сапоги. Всякій можетъ видѣть, что они смазные; а вы вѣдь больше не огородникъ.

— Что же я такое? засмѣялся Мольреди не то самодовольно, не то смущенно.

— Вы—капиталистъ, какъ я говорю; а ма говоритъ, что вы землевладѣлецъ.

Какъ бы то ни было, а новый землевладѣлецъ, когда достигъ скамьи на дорогѣ подъ развѣсистымъ деревомъ, усѣлся на ней, опустивъ голову на грудь и не то задремалъ, не то погрузился въ невеселыя, какъ будто, размышленія. Меми, къ тому времени опять повеселѣвшая, пошла бродить въ нетерпѣніи, что карета не ѣдетъ. Она забрела даже такъ далеко, что каретѣ въ свою очередь пришлось дожидаться, когда она подходила.

Когда наконецъ Меми благополучно усѣлась внутрь кареты, а Мольреди вскарабкался на козлы рядомъ съ кучеромъ, тотъ коротко замѣтилъ:

— Вы таки порядкомъ напугали меня минуту тому назадъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ три года тому назадъ я такъ же подъѣзжаю къ этому мѣсту, а на скамьѣ сидитъ какъ разъ человѣкъ и какъ разъ въ той же позѣ, да и по росту, и по годамъ точь въ точь вы. Я соскочилъ съ козелъ и зову его садиться въ

карету, а онъ! вотъ провалиться мнѣ! и не пошевелится и не взглянетъ, и словечка не промолвитъ. Я обругалъ его безъ церемоніи и поѣхалъ дальше. Но на другой день, когда я ѣхалъ назадъ, я, увидѣлъ, вотъ провалиться мнѣ! что онъ уже сидитъ не на скамьѣ, а валяется какъ снопъ на землѣ. Джимъ соскочилъ и подобралъ его. А докторъ Дюшенъ сказалъ, что это обманувшійся золотоискатель, разбитый параличемъ, и мы доставили его, какъ мертвый пластъ, въ окружную больницу. Съ тѣхъ поръ я какъ-то боюсь этого мѣста и когда сейчасъ увидѣлъ васъ въ такой точно позѣ, съ опущенной головой, какъ у того молодца, такъ меня всего и передернуло.

Въ томъ необъяснимомъ и суевѣрномъ смущеніи, которое овладѣло, лишеннымъ фантазіи, умомъ Мольреди, онъ чуть было не похвастался своей удачей передъ кучеромъ, чтобы доказать, что совсѣмъ не похожъ на того несчастнаго, но во-время удержался.

— Узнали вы, кто это такой? перебилъ одинъ нетерпѣливый пассажиръ.

— Выздоровѣлъ онъ или нѣтъ? прибавилъ другой.

Помолчавъ съ секунду, чтобы выразить презрѣніе къ такому безтактному перерыву, кучеръ продолжалъ, обращаясь исключительно къ Мольреди.

— Я было принялъ васъ за его привидѣніе.

И, снова помолчавъ, безпечно прибавилъ:

— Говорятъ, онъ такъ и не поправлялся съ тѣхъ поръ, хотя бы на столько, чтобы сказать, кто онъ и откуда пришелъ. Его перевезли въ лечебницу для неизлечимыхъ идіотовъ и тамъ онъ и по сіе время.

II.

Когда извѣстіе о томъ, что Мольреди открылъ золото распространилось, то произвело волненіе еще небывалое въ исторіи страны. Полнаселенія Краснаго Дога повалило на желтоватые холмы, окружавшіе холмъ Мольреди, и ихъ ла-

герные костры походили на костры арміи, осаждающей его мирное идиллическое жилище и готовящейся брать его приступомъ.

Къ несчастію для себя, они нашли, что различные участки уже снабжены подписями: „заняты“ для разработки руды отъ имени различныхъ членовъ фамиліи Альваредо. Это дѣловитое распоряженіе придумала м-съ Мольреди, какъ средство успокоить совѣсть мужа и вознаградить Альваредо надеждой на возможное обогащеніе.

Говоря правду, такое униженіе кастильскихъ отцовскихъ принциповъ было не по душѣ дону Цезару.

— Зачѣмъ вамъ самимъ разрабатывать ихъ, убѣждала м-съ Мольреди; вамъ стоитъ только продать тѣмъ, кто захочетъ; это единственное средство помѣшать аферистамъ завладѣть ими, не платя.

Донъ Цезаръ въ концѣ концовъ согласился, не столько, быть можетъ, убѣжденный дѣловыми аргументами жены Мольреди, сколько изъ желанія угодить матери Мемп. Короче сказать—онъ получилъ такую сумму денегъ за нѣсколько акровъ земли, которая превосходила десятилѣтній доходъ дона Рамона съ цѣлыхъ семи миль.

Такой же неслыханной и безумной была реализація мѣсторожденія золота въ шахтѣ Мольреди. Говорили, что компанія, наскоро образовавшаяся въ Сакраменто, заплатила ему милліонъ долларовъ, предоставивъ кромѣ того двѣ-трети доходовъ съ рудника. Но съ упорствомъ, доходившимъ до нравственнаго убѣжденія, онъ отказывался включить домъ и картофельное поле въ продажу. Когда компанія уступила и на этомъ пунктѣ, онъ съ такой же настойчивостью не соглашался на самыя безумныя предложенія.

Тщетно м-съ Мольреди протестовала; тщетно указывала она ему, что такое доказательство ихъ первоначальнаго скромнаго положенія въ обществѣ ляжетъ большимъ пятномъ на ихъ карьерѣ.

— Если хочешь удержать землю, застрой ее и сравняй поле.

Но Мольреди былъ непоколебимъ, какъ скала.

— Это единственное, что я самъ заработалъ, надъ чѣмъ потрудился и добылъ изъ земли собственными руками, говорилъ онъ. Я съ этого началъ, да, можетъ быть, этимъ и кончу. Можетъ быть, я радъ буду вернуться сюда современемъ и благодаренъ за то, что могу пропитать себя на этомъ клочкѣ земли.

Но вслѣдствіе непрестанныхъ просьбъ и убѣжденій, Мольреди пошелъ на компромиссъ и согласился, чтобы часть огорода превращена была въ виноградникъ и цвѣтникъ, роскошь которыхъ маскировала общую вульгарность мѣста. Другія усилія этой энергической женщины сгладить первоначальную грубость ихъ происхожденія были менѣе удачны. Ей пришло въ голову утилизировать мягкое произношеніе домомъ Цезаромъ ихъ фамиліи, и „Мольредъ“ замѣстилъ было Мольреди на ея визитныхъ карточкахъ.

— Наша фамилія, можетъ быть, испанская, доказывала она; стряпчій Коль говоритъ, что большинство американскихъ фамилій искажены и, почемъ знаешь, что твоя не въ томъ числѣ.

Мольреди, который могъ побожиться, что его предки переселились въ Каролину изъ Ирландіи въ 98 году, не въ силахъ былъ опровергать этого увѣренія.

М-съ Мольреди тотчасъ же усвоила себѣ испанскую вѣжливость, благодаря которой ея мужъ превратился въ „дона Альвино“ и иначе не называла его въ его отсутствіе. Но въ присутствіи его низенькой, плотной фигуры, морковно-рыжихъ волосъ, косыхъ сѣрыхъ глазъ и вздернутаго носа, даже эта властолюбивая женщина отбрасывала титулъ. Въ городѣ Красный Догъ составилась легенда, что когда одинъ знаменитый иностранецъ подошелъ къ Мольреди съ обычной формулой:

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ домомъ Альвино Мольреди? то этотъ простодушный гидальго отвѣчалъ:—можете прозакладывать свои сапоги, чужакъ, и не проиграете, я самый онъ.

Хотя м-съ Мольреди предпочла бы, чтобы Меми остава-

лась въ Сакраменто до тѣхъ поръ, пока ей самой можно будетъ пріѣхать туда и отправиться въ „Штаты“, а оттуда въ Европу, она уступила желанію дочери ослѣпить городъ Красный Догъ до отъѣзда своимъ новымъ гардеробомъ и развернуть въ родимомъ гнѣздышкѣ изящныя и пестрыя крылышки, на которыхъ она собиралась отлетѣть навѣки.

— Я не хочу, ма, чтобы они помнили обо мнѣ, какъ о дѣвчонкѣ, бѣгавшей въ старыхъ ситцевыхъ платьяхъ, и говорили бы, что мнѣ и одѣться-то не во что, пока я отсюда не уѣхала.

Было что-то до того похожее на мать въ этой тонкой прозорливости дочери, что тронутая родительница поцѣловала ее и согласилась. Результатъ былъ удачнѣе, чѣмъ она ожидала. Въ нѣсколько недѣль своего пребыванія въ Сакраменто молодая дѣвушка совсѣмъ освоилась съ послѣдними модами, превзойдя обычную въ этихъ случаяхъ способность молодыхъ американокъ.

М-ръ Мольреди съ гордостью и страхомъ глядѣлъ на свою дочь. Возможно ли, что это изящное созданіе, казавшееся безконечно выше его, точно отпрыскъ какой-то невѣдомой и старинной расы—его родная дочь? Возможно ли, что она дочь своей матери, которая даже въ молодости никогда не бывала такъ хорошо одѣта?

Поэтому естественно, что вышитое батистовое платье, которое было надѣто на Мемп Мольреди въ одно лѣтнее утро, когда она прогуливалась въ Лосъ-Гатосъ, казавшееся слишкомъ дорогимъ и прихотливымъ для критическихъ женскихъ взоровъ, вовсе не представлялось такимъ парѣ откровенныхъ, насмѣшливыхъ глазъ, обращавшихся на нее по временамъ, въ то время какъ ихъ владѣлецъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, прохаживался около нея. То былъ новый издатель „Туземныхъ извѣстій“, побывавшій нѣсколько разъ въ ихъ домѣ по приглашенію ея отца, познакомившагося съ нимъ на обратномъ пути изъ Сакраменто. М-съ Мольреди не мѣшала его ухаживанью.

— Когда я скажу, что мнѣ жаль, что вы покидаете насъ, миссъ Мольреди, сказалъ молодой человѣкъ шутливо,—то

вы поймете мое самоотверженіе, если я откровенно сознаюсь вамъ, что вашъ отъѣздъ будетъ для меня, какъ издателя и мужчины, значительнымъ облегченіемъ. Поэтическій отдѣлъ „Извѣстій“ совсѣмъ заваливается стихами, воспѣвающими васъ и, къ несчастью, я не могу отвергать ихъ, будучи самъ вашимъ поклонникомъ.

— Ужасно, когда служишь мишенью для взглядовъ цѣлаго околодка, сказала Мемп, не выражая однако никакого ужаса на лицѣ.

— Они считаютъ, что очень почтительно относятся къ вамъ, когда называютъ васъ Мемп, а нѣкоторые изъ вашихъ поклонниковъ,—люди зрѣлаго возраста и съ средневѣковымъ слогомъ. Я открылъ, что аматеры-стихотворцы не всегда бываютъ юношами. Полковникъ Кашъ такъ же убійственно владѣетъ риѳмой, какъ и двухствольнымъ ружьемъ и такъ же мало бережетъ заряды. Судья Бутсъ и докторъ Вильсонъ оба открыли въ васъ сходство съ Венерой, а въ самихъ себѣ съ Аполлономъ. Но не презирайте этихъ поклонниковъ—миссъ Мольреди, прибавилъ онъ болѣе серьезно; у васъ будутъ ихъ тысячи, куда бы вы ни поѣхали, но вы нигдѣ не найдете болѣе честныхъ и почтительныхъ, чѣмъ ваши подданные въ „Красномъ Догѣ“.

Онъ умолкъ и затѣмъ прибавилъ еще серьезнѣе:

— Что, донъ Цезаръ пишетъ стихи?

— У него есть болѣе интересныя занятія, дерзко отвѣтила она.

— Могу себѣ представить, замѣтилъ онъ насмѣшливо; стихи были бы блѣдной замѣной другихъ преимуществъ.

— Зачѣмъ вы сюда явились? внезапно спросила она.

— Чтобы видѣть васъ.

— Глупости! Вы знаете, что я хочу сказать. Зачѣмъ вы оставили Сакраменто и пріѣхали сюда? Мнѣ кажется, тамъ для васъ гораздо приличнѣе быть, чѣмъ здѣсь.

— Я, можетъ быть, соблазнился примѣромъ вашего батюшки и захотѣлъ найти золотоносную руду.

— Люди, какъ вы, никогда ее не находятъ!

— Что это, комплиментъ, миссъ Мольреди?

— Не знаю. Но думаю, что вы примете за комплиментъ.

Онъ съ удовольствіемъ поглядѣлъ на нее, точно нашелъ неожиданно симпатичный ему умъ.

— Неужели? Это интересно. Сядемъ.

Въ своей безцѣльной прогулкѣ они дошли до скамьи на большой дорогѣ подъ развѣсистымъ деревомъ. Мемп колебалась минутку, оглядѣла дорогу и, наконецъ, съ привычнымъ уже ей равнодушіемъ богатыхъ людей къ тому, что она можетъ запачкать платье, сѣла на скамью, держа зонтикъ на колѣняхъ двумя маленькими ручками. Молодой издатель не то сѣлъ, не то оперся о камень и принялся чертить фигуры на пескѣ тросточкой.

— Напротивъ того, миссъ Мольреди, я надѣюсь нажить здѣсь деньги. Вы уѣзжаете изъ Краснаго Дога, потому что богаты, а мы пріѣхали сюда, потому что бѣдны.

— Мы? повторила Мемп, лѣниво глядя на дорогу.

— Да. Мой отецъ и двѣ сестры.

— Очень жаль. Я могла бы съ ними познакомиться, еслибы мы не уѣзжали.

И въ ту же минуту у нея мелькнула мысль, что если они похожи на него, то могли бы оказаться непріятно независимыми и насмѣшливыми.

— Вашъ батюшка въ какомъ-нибудь дѣлѣ?

Онъ покачалъ головой. И помолчавъ прибавилъ, какъ бы подчеркивая свои слова тросточкой на мягкомъ пескѣ.

— Онъ разбитъ параличемъ и не въ своемъ умѣ, миссъ Мольреди. Я пріѣхалъ въ Калифорнію, чтобы розыскать его, такъ какъ впродолженіи трехъ лѣтъ мы не имѣли о немъ никакого извѣстія и нашелъ его всего двѣ недѣли тому назадъ одинокаго, безпомощнаго, никѣмъ невѣдомаго нищаго въ мѣстной больницѣ.

— Двѣ недѣли тому назадъ? Это когда мы поѣхали въ Сакраменто.

— Очень вѣроятно.

— Вы, должно быть, очень огорчились?

— Очень.

— Вамъ, должно быть, очень тяжело?

— Бываетъ.

Онъ улыбнулся и положилъ тросточку на скамейку.

— Вы видите теперь, миссъ Мольреди, какъ необходимо мнѣ богатство, котораго вы считаете меня недостойнымъ. А пока я долженъ устроиться какъ-нибудь здѣсь.

Миссъ Мольреди встала съ мѣста.

— Намъ пора идти, знаете.

— Почему?

— Потому что почтовая карета сейчасъ проѣдетъ.

— И вы думаете, пассажиры насъ увидятъ?

— Разумѣется.

— Миссъ Мольреди, умоляю васъ, останьтесь.

Онъ наклонился къ ней съ такой серьезной мольбой въ голосѣ и жестѣ, что она покраснѣла. Съ минуту она не рѣшалась взглянуть на него, но когда взглянула, то разсердилась. Онъ смѣялся.

— Если вы хоть сколько-нибудь жалѣете меня, то не уходите, повторилъ онъ. Побудьте еще минутку и я—богатъ. Пассажиры разскажутъ въ Красномъ Догѣ, что мы помолвлены. Всѣ подумаютъ, что я пользуюсь довѣріемъ вашего батюшки, и новыя компаніи наперерывъ будутъ приглашать меня въ директоры. Число подписчиковъ „Извѣстій“ удвоится, поэзія удалится съ нхъ столбцовъ, и мѣсто ея займутъ объявленія, а я буду получать пятью долларами въ недѣлю больше, если не всѣми семью съ половиной. Не заботьтесь о послѣдствіяхъ для самой себя. Увѣряю васъ, что нхъ совсѣмъ не будетъ. Вы можете на другой же день опровергнуть слухъ; я самъ опровергну его... Мало того: „Извѣстія“ опровергнутъ его въ экстренномъ изданіи въ тысячѣ экземплярахъ по десяти центовъ за каждый. Побудьте еще минутку, миссъ Мольреди. Не уходите! о! не уходите еще! Вотъ они ѣдутъ!.. Эхъ! это только донъ Цезаръ!

Дѣйствительно то юный отпрыскъ дома Альваредо, голубоглазый, смуглолицый и сутоловатый, скакалъ по направленію къ нимъ на дикой, почти не объѣзженной лошади, необузданныя и порывистыя движенія которой только сильнѣе выдавали степенное и величавое спокойствіе всадника.

Не смотря на свою шутовскую озабоченность, издатель „Извѣстій“ не могъ не полюбоваться такимъ превосходнымъ наѣзникомъ. Мемн, самолюбіе которой было такъ задѣто, что она съ наслажденіемъ отдѣлала бы своего спутника, вынуждена была воздержаться отъ этого удовольствія.

Донъ Цезаръ приподнялъ шляпу и поклонился съ мягкой серьезностью—дамѣ и съ солидной вѣжливостью—кавалеру. Въ то время какъ нижняя часть этого центавра вся дрожала, повидимому, отъ бѣшенства и стучала копытами о землю съ очевиднымъ желаніемъ растоптать юную чету, верхняя половина съ спокойнымъ достоинствомъ поглядывала то на одного, то на другаго, какъ бы въ ожиданіи объясненія. Но Мемн была слишкомъ умна, а ея спутникъ слишкомъ равнодушенъ, чтобы объясняться. Легкая тѣнь пробѣжала по лицу дона Цезара. Какъ бы для усложненія дѣла въ этотъ моментъ съ трескомъ и стукомъ проѣхала почтовая карета. Съ женской проницательностью Мемн схватила выраженіе лицъ кучера и почтальона, отраженное въ насмѣшливыхъ глазахъ ея спутника, говорившихъ о томъ, что онъ угадалъ, какое истолкованіе будетъ сдѣлано при видѣ ихъ пассажирами, которые даже оглядывались на юную чету съ очевиднымъ и многозначительнымъ любопытствомъ.

Юный испанецъ, чуждый какъ юмору, такъ и любопытству, пребывалъ невозмутимъ.

— Вы знакомы съ м-ромъ Слинномъ изъ „Извѣстій“, сказала Мемн,—неправда ли?

Донъ Цезаръ никогда еще не встрѣчался съ сеньоромъ Эслинномъ. Онъ думалъ, что синьоръ Робинзонъ издаетъ „Извѣстія“.

— О! *онъ* былъ застрѣленъ! отвѣчалъ Слиннъ.—И я занялъ его мѣсто.

— *Bueno*! Тоже, чтобы быть застрѣленнымъ? Надѣюсь, что этого не случится.

Слиннъ зорко и быстро поглядѣлъ въ серьезное молодое лицо дона Цезара. Онъ, казалось, неспособенъ говорить двусмысленно. Какъ бы то ни было, такъ какъ у него не было серьезныхъ поводовъ желать возбудить ревность въ донѣ

Цезарѣ и очень мало охоты быть лишнимъ въ бесѣдѣ втроемъ, и даже, чего добраго, въ тягость молодой особѣ, онъ простился съ нею. Съ внезапнымъ женскимъ противорѣчіемъ или же по какому-то тайному побужденію, Меми сказала, протягивая руку:

— Надѣюсь, что вы найдете квартиру для вашего семейства неподалеку. Мама желаетъ, чтобы па отдалъ внаймы нашъ старый домъ. Можетъ быть онъ будетъ для васъ пригоденъ, если недалекъ отъ вашей конторы. Переговорите объ этомъ съ ма.

— Благодарю васъ, непремѣнно, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ непринужденной привѣтливостью.

Донъ Цезаръ наблюдалъ за нимъ, пока онъ не исчезъ изъ виду.

— Онъ человѣкъ семейный... этотъ.. вашъ соотечественникъ?

Ей показалось страннымъ, что простаго знакомаго называютъ „ея соотечественникомъ“... не въ первый и не въ послѣдній, конечно, разъ. Такъ какъ ни въ манерахъ, ни въ голосѣ дона Цезара не было и слѣда ревности, она отвѣчала кратко, но неопредѣленно.

— Да; это грустная исторія. Его отецъ пропалъ безъ вѣсти нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и онъ только-что нашелъ его... безпомощнаго и разбитаго параличемъ... въ больницѣ, въ Сакраменто. Ему надо содержать его... а они очень бѣдны.

— И такъ, значитъ, они не всегда независимы другъ отъ друга... эти отцы и дѣти американцевъ?

— Нѣтъ, коротко отвѣтила Меми.

Неизвѣстно, почему манеры дона Цезара обижали ее. Его серьезная степенность, при всей мягкости и благовоспитанности, порою раздражали ее сильнѣе даже, чѣмъ непочтительный юморъ Слинна. Она не безъ нетерпѣнія взяла зонтикъ, собираясь уходить. Но донъ Цезаръ уже сошелъ съ коня и привязалъ его къ дереву.

— Вернемся домой черезъ рощу, я приду за лошадью послѣ. Я не былъ бы такъ назойливъ, прибавилъ онъ съ

гордымъ смиреніемъ, еслибы ваша матушка не показалась мнѣ очень странной за все это время. Объ этомъ, Мемп, я и хотѣлъ съ вами переговорить. Она совсѣмъ перемѣнилась. Можетъ быть, я не понимаю американскихъ матерей; можетъ быть... кто знаетъ?.. Я какъ-нибудь оскорбилъ этикетъ, не соблюдя должныхъ церемоній... Но вы говорили мнѣ, Мемп, что вовсе не нужно переговорить *сначала* съ нею, что это не въ американскихъ обычаяхъ...

Мемп вздрогнула и покраснѣла.

— Да, заторопилась она, конечно; но ма была дѣйствительно сама не своя въ послѣднее время; быть можетъ, она думаетъ, знаете, что такъ какъ я теперь такая богатая невѣста, то слѣдуетъ посовѣтоваться съ нею на счетъ приданаго.

— Если такъ, то посовѣтуемся съ нею немедленно, милое дитя! А что касается приданаго, то пусть она распоряжается имъ, какъ ей угодно. Упаси Боже, чтобы кто-нибудь изъ Альваредо когда-либо гонялся за приданымъ. Да и на что оно намъ, моя крошка? Довольно того, что донья Мемита Альваредо не уступитъ въ знатности никакой богатѣйшей невѣстѣ.

Мемп не забыла, что всего лишь мѣсяцъ тому назадъ, хотя бы даже она была такъ же равнодушна къ этому человѣку, какъ и теперь, слова его наполнили бы ее восторгомъ! Даже и теперь они ее тронули... потому что ей пріятно было сознаніе, что „знатность“ была къ ея услугамъ, стоило захотѣть!

— Конечно, мой милый, пролепетала она съ дѣтскимъ удовольствіемъ, придававшимъ ея лицу такое прелестное выраженіе, что оно мѣшало вникнуть въ истинный его смыслъ и значеніе; конечно, но намъ незачѣмъ говорить объ этомъ теперь, и, быть можетъ, возстановить противъ себя ма. Она не хочетъ слышать о томъ, чтобы я теперь же вышла замужъ, и будетъ противъ нашей помолвки.

— Но вы уѣзжаете?

— Я поѣду въ Нью-Іоркъ *сначала* и въ Европу, знаете, наивно отвѣчала Мемп, еслибы даже мы и были помолвлены.

Мнѣ надо заказать себѣ приданое! Здѣсь и одѣться нельзя прилично.

Припоминая о розовомъ ситцевомъ платьѣ, въ которомъ она впервые призналась ему въ любви, онъ сказалъ:

— Но вы и такъ прелестны. Для меня вы лучше не станете, и если я доволенъ, малютка, тѣмъ, какъ вы одѣты, то поѣдемъ вмѣстѣ заказывать туалеты, которые должны нравиться другимъ людямъ.

Она не ожидала такой настойчивости. Право же, когда такъ, то ей лучше было бы быть помолвленной съ человѣкомъ, въ родѣ Слинна; тотъ бы понялъ ее. Онъ былъ гораздо умнѣе, и ужь, конечно, практичнѣе и больше зналъ людей. Когда Слиннъ обращался къ ней свысока, то съ юмористической снисходительностью болѣе опытнаго существа, а не съ дидактическими стремленіями опекуна. Но она этого не сказала, и ея хорошенькіе глазки тоже этого не выразили, какъ не выразили гнѣва, когда она разговаривала съ Слинномъ. Она кротко сказала:

— Я никогда не ожидала, чтобы вы, именно вы, захотѣли, чтобы жена ваша поступала не такъ, какъ требуютъ приличія. Но все равно! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Можетъ быть, это васъ такъ стѣсняетъ и затрудняетъ, что лучше совсѣмъ оставить.

Не думаю, чтобы молодая особа намѣренно вывела такое нелогическое слѣдствіе изъ словъ дона Цезара или, чтобы она предвидѣла дѣйствіе своихъ словъ, но ей свойственно было ихъ сказать и воспользоваться ихъ дѣйствіемъ. При такомъ несправедливомъ обвиненіи гордость его смирилась.

— Ахъ! неужели вы не видите, почему я хочу ѣхать вмѣстѣ съ вами? сказалъ онъ съ внезапной и неожиданной страстью. Вы красивы; вы добры; небу угодно было сдѣлать васъ и богатой, но вы дитя по неопытности и сами не знаете своего сердца. Съ вашей красотой, добротой и богатствомъ вы будете привлекать всѣхъ къ себѣ—какъ вы это дѣлаете и здѣсь—потому что это естественно. Но вы будете безпомощны, малютка, если *они* закружатъ васъ и если васъ не будутъ связывать никакія узы.

Замѣчаніе это было неудачно. Слова говорилъ донъ Цезаръ; но мысль она слышала уже раньше отъ матери, хотя и съ другимъ выводомъ. Меми слушала дона Цезара съ сверкающимъ, но мечтательнымъ взоромъ. Должно быть, есть правда въ томъ, что онъ сказалъ. Мать говоритъ это; м-ръ Слиннъ, хотя шутя, но допускаетъ это. Передъ нею блестящая будущность! Вправѣ ли она лишить себя ея, поспѣшно и опрометчиво связавъ себя? Онъ самъ сказалъ, что она неопытна. Она знала это; и однако, что же онъ-то теперь дѣлаетъ, какъ не хочетъ воспользоваться ея неопытностью? Если онъ дѣйствительно ее любитъ, то долженъ согласиться на испытаніе. Она отъ него требуетъ того же и готова выйдти за него замужъ, если вернется свободной.

Въ этой мысли, казалось, было такъ много благородства, что она на минуту увлеклась ею и съ сострадательной нѣжностью улыбнулась ему.

— Вы согласны, Меми?

И торопливо обнялъ ее за талію.

— Нѣтъ, не теперь, Цезаръ, высвободилась она. Я должна хорошенько подумать; мы оба слишкомъ молоды и не должны дѣйствовать опрометчиво, это будетъ нехорошо относительно васъ; вы слишкомъ мало видѣли дѣвушекъ американскихъ, чтобы жениться на первой, съ которой познакомились. Когда я уѣду, вы больше будете выѣзжать. Вотъ у м-ра Слинна есть двѣ сестры, я не удивлюсь, если онѣ умнѣе и образованнѣе меня... и каково мнѣ будетъ, если я узнаю, что только данное слово удерживаетъ васъ отъ того, чтобы въ нихъ не влюбиться.

Она умолкла и опустила глаза.

То была ея первая попытка къ кокетству, такъ какъ, съ свойственнымъ ей очаровательнымъ себялюбіемъ, она была всегда прямодушна и откровенна.

— Если вы допускаете такую возможность для меня... то значитъ это возможно и съ вами!

Она поняла свою ошибку.

Можетъ случиться, что мы больше не увидимся на-

единѣ, спокойно отвѣтила она, не будемъ тратить время на обвиненіе другъ друга. Условимся лучше, какъ намъ сообщаться другъ съ другомъ, если что-нибудь помѣшаетъ нашему свиданію. Вспомните, что и сегодня мы встрѣтились случайно. Мама, вѣроятно, уже тревожится. Я должна идти домой. Каждую минуту можетъ кто-нибудь пойти меня разыскивать.

— Но мнѣ надо такъ много сказать. Мы пробыли вмѣстѣ такъ недолго!

— Вы можете написать.

— Но что подумаетъ ваша матушка объ этомъ? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

Она покраснѣла.

— Конечно, дома не должны знать, что мы въ перепискѣ. Вы можете какъ-нибудь иначе доставить мнѣ письмо. Постойте! прибавила она съ дѣтской веселостью. Вотъ вамъ почтовый ящикъ. Поглядите!

Она указала на гнилой стволъ сикомора, росшаго неподалеку отъ тропинки. Въ немъ было дупло, наполненное орѣховой скорлупой и сухими листьями, показывавшими, что оно служило убѣжищемъ для бѣлки, почему-то ею покинутымъ.

Донъ Цезаръ съ восхищеніемъ поглядѣлъ на нее и хотѣлъ обнять.

— Тсъ! что такое? послушайте!

— Это бѣлка въ вѣтвяхъ, прошепталъ онъ ей на ухо.

— Нѣтъ; это кто-то идетъ! пустите меня! пожалуйста, Цезаръ, милый! Ну вотъ...

Она отвѣтила на его поцѣлуй, высвободилась изъ его объятій и убѣжала.

Донъ Цезаръ, со вздохомъ прислушивался къ замирающему звуку ея шаговъ и взглянулъ на дерево, какъ бы желая запечатлѣть его въ своей памяти.

Онъ былъ правъ въ объясненіи причины внезапнаго шороха, помѣшавшаго ихъ свиданію. Пара блестящихъ, милыхъ глазокъ смотрѣла на него съ вѣтки сосѣдняго дерева. То была бѣлка, которая раньше людей собиралась серьезно и

дѣловито осмотрѣть дупло, но вѣжливо воздержалась при ихъ появленіи. Теперь, когда они ушли, она привела свое намѣреніе въ исполненіе.

III.

Очевидно, недовольное результатомъ своихъ изслѣдованій, доказавшихъ, что дупло непригодно для храненія запасовъ скромной бѣлки, хотя и могло хранить любовныя посланія отважныхъ людей, маленькое животное принялось немедленно приводить его въ порядокъ. Она прежде всего разбросала пропасть сухихъ листьевъ, смела гнѣздо древесныхъ пауковъ, разогнала колонію муравьевъ, но вдругъ встрѣтила на своемъ пути болѣе серьезное препятствіе, а именно сложенную вчетверо бумагу, съ которой никакъ не могла справиться. Поэтому она оставила ее на мѣстѣ и только прикрыла свѣжими листьями.

Но каковы же были ея ярость и негодованіе, когда, вернувшись черезъ нѣсколько дней, она нашла въ приготовленномъ ею для себя домѣ другую бумажку, свернутую какъ и прежняя, но только гораздо бѣлѣе и новѣе. Этого бѣлка уже рѣшительно не могла вынести и такъ какъ къ тому же бумажка была меньше первой и не задѣвала за стѣнки дупла, то ей удалось энергическими ударами хвостика вышвырнуть ее изъ дупла и бумажка позорно полетѣла на землю. Тамъ ее замѣтили зоркіе глаза вороны; она немедленно слетѣла съ дерева и схватила бумажку. Бумажка оказалась несъѣдобной, но ворона тѣмъ не менѣе унесла ее въ клювѣ, будучи изъ породы любителей коллекцій. Но усѣвшись на вѣткѣ дерева, она съ обычной разсѣянностью низшаго животнаго забыла о первоначальномъ намѣреніи и равнодушно выронила бумажку изъ клюва. Бумажка попала на сосѣдній кустъ, гдѣ и пролежала до вечера, когда пробѣгавшая мимо дикая кошка, направлявшаяся въ курятникъ къ Мольреди, толкнувъ кустъ, сва-

лила бумажку, и, увидѣвъ, какъ мелькнуло что-то бѣлое, со страху забѣжала въ сосѣдній кустъ.

Но треволненія бѣлки тѣмъ не кончились. На слѣдующій день молодой человѣкъ, сопровождавшій молодую женщину, пришелъ одинъ къ дуплу, и бѣлка только-только успѣла изъ него выскользнуть, какъ онъ запустилъ въ него руку и принялся шарить. Восхищеніе, выразившееся на его серьезномъ и тревожномъ лицѣ отъ того, что письмо исчезло и, значитъ, было кѣмъ-то взято, ясно доказывало, что онъ туда его положилъ и, быть можетъ, пробудило смутное воспоминаніе у вороны и даже угрызеніе совѣсти, такъ какъ она даже громко закаркала. Но молодой человѣкъ скоро ушелъ, и бѣлка опять могла занять свое жилище.

Прошла недѣля. Скучное, тяжкое время для дона Цезара, который ничего не слышалъ о Меми и не видѣлъ ее съ ихъ послѣдняго свиданія. Слишкомъ проникнутый чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы идти къ Мольреди послѣ двусмысленнаго поведенія хозяйки дома и слишкомъ гордый, чтобы бродить около него, подкарауливая случайную встрѣчу съ ея дочерью, какъ бы сдѣлалъ обыкновенный влюбленный, онъ скрывалъ мрачныя мысли въ монастырской тѣни усадьбы Лосъ-Гатосъ или же находилъ облегченіе въ бѣшеной скачкѣ днемъ и ночью по большой дорогѣ. Не разъ мимо почтовой кареты проносился вихремъ точно тѣнь, всадникъ, и только огонекъ его сигары показывалъ, что то былъ человѣкъ, а не привидѣніе.

Въ одну изъ такихъ бѣшеныхъ прогулокъ онъ долженъ былъ остановится раннимъ утромъ передъ кузницей въ Красномъ Догѣ и поручить кузнецу укрѣпить ослабѣвшую подкову, а самъ въ ожиданіи взялся за газету. Донъ Цезаръ рѣдко читалъ газеты, но, увидя, что то были „Извѣстія“, сталъ проглядывать ея столбцы. Знакомое имя внезапно бросилось ему въ глаза. Съ сердцемъ бившимся и стучавшимъ въ унисонъ съ кузнечнымъ молотомъ, онъ прочиталъ слѣдующее:

„Нашъ именитый согражданинъ, Эльвинъ Мольреди, эсквайръ, уѣхалъ изъ города третьяго дня, чтобы присут-

ствовать на важномъ собраніи директоровъ Краснодоговой минной компаніи въ Сан-Франциско. Общество съ сожалѣніемъ услышитъ, что м-съ Мольреди и ея очаровательная дочка, намѣревавшіяся отправиться въ Европу въ концѣ мѣсяца, воспользовались случаемъ сопровождать м-ра Мольреди до Сан-Франциско по пути на востокъ.

„М-съ и миссъ Мольреди намѣрены посѣтить Лондонъ, Парижъ и Берлинъ и пробудутъ въ отсутствіи три года. Возможно, что м-ръ Мольреди позднѣе съѣдется съ ними въ одной изъ этихъ столицъ. Весь городъ очень сожалѣетъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ устроить проводы, достойные уважаемой семьи и той симпатіи, какую къ нимъ питаютъ въ Красномъ Догѣ“.

Газета выпала у него изъ рукъ. Уѣхала! не написавъ ни единаго слова! Нѣтъ, это невозможно! Тутъ какая-то ошибка; она написала, да письмо еще не дошло. „Третьяго дня!“ онъ могъ еще получить письмо изъ Сан-Франциско! Ахъ!.. а дерево-то!

Конечно, письмо лежало въ дуплѣ, онъ не ходилъ туда уже съ недѣлю. Почему онъ не подумалъ объ этомъ раньше. Онъ виноватъ во всемъ, а не она. Быть можетъ, она уѣхала, подумавъ, что онъ измѣнилъ ей! деревенскій медвѣдь!

— Чортъ васъ возьми! что, вы намѣрены продержать меня здѣсь цѣлую вѣчность!

Кузнецъ выпучилъ на него глаза. Донъ Цезаръ вдругъ вспомнилъ, что онъ говорилъ, какъ и думалъ... по испански.

— Десять долларовъ прибавки, мой другъ, если отпустите меня черезъ пять минутъ.

Кузнецъ разсмѣялся.

— Вотъ это по-американски. И живѣе принялся за работу. Донъ Цезаръ опять принялся за газету. Тамъ былъ другой параграфъ, напомнившій ему о послѣднемъ свиданіи съ Меми:

„М-ръ Гарри Слиннъ младшій, издатель этой газеты, только-что переѣхалъ въ домъ, первоначально занимаемый Эльвиномъ Мольреди, эсквайромъ, и который уже сталъ историческимъ въ околодкѣ. М-ръ Слиннъ перевезъ съ

собой отца м-ра Слинна эсквайра, и двухъ сестеръ. М-ръ Слиннъ, старшій, страдавшій нѣсколько лѣтъ отъ паралича, медленно поправляется и по совѣту врачей предпочелъ живительный воздухъ здѣшнихъ холмовъ разслабляющему зною Сакраменто".

Дѣло скоро уладилось, размышлялъ донъ Цезаръ не безъ ревности.

Черезъ пять минутъ онъ уже скакалъ къ дереву. Вотъ онъ опускаетъ руку въ дупло. Нѣтъ! письма нѣтъ! онъ роется въ немъ обѣими руками: и... что это?.. бумага хруститъ подъ его пальцами... Радость охватила его душу, но увы! скоро смѣнилась разочарованіемъ.

Вынутое имъ письмо было, очевидно, не къ нему; конвертъ былъ изъ самой простой сѣрой бумаги, имѣлъ грязный, залежавшійся видъ и былъ надписанъ карандашемъ, который почти стерся; при этомъ въ немъ остались какіе-то твердые кусочки, точно руда или металлъ.

Онъ съ трудомъ разобралъ полустертую надпись: „м-съ Меми Слиннъ", да и то только потому, что это имя въ послѣднее время особенно навязывалось ему. Въ своемъ разочарованіи и досадѣ онъ заподозрилъ, что это неприличная шутка Слинна надъ нимъ, шутка, въ которой, быть можетъ, участвовала Меми: эти американцы такіе вульгарные.

Онъ держалъ конвертъ въ дрожащихъ рукахъ. Онъ могъ разорвать его, если хотѣлъ и ознакомиться съ его содержаніемъ; но оно было адресовано *не къ нему*, а инстинктъ чести былъ въ немъ всесиленъ, несмотря на бѣшенство. Нѣтъ, Слиннъ вскроетъ письмо при немъ и отвѣтитъ за все.

Онъ поскакалъ къ старому дому Мольреди и, привязавъ коня къ изгороди, вошелъ въ домъ. Дверь была гостепріимно растворена, но когда онъ переступилъ за порогъ, то очутился лицомъ къ лицу съ двумя хорошенькими дѣвушками. То были, очевидно, сестры Слинна, о которыхъ онъ совсѣмъ было и позабылъ.

— Мы видѣли, какъ вы подъѣхали, сказала старшая непринужденно. Вы донъ Цезаръ Альваредо. Братъ говорилъ намъ о васъ.

Эти слова привели дона Цезара въ себя и напомнили ему о вѣжливости. Не могъ же онъ ссориться съ красивыми незнакомыми дѣвушками при первомъ свиданіи. Онъ долженъ объясниться съ ихъ братомъ въ другомъ мѣстѣ.

— Братъ Гарри уѣхалъ въ Красный Догъ, продолжала старшая изъ дѣвушекъ, Эсфирь; онъ будетъ очень жалѣть, что вы не застали его; м-съ Мольреди говорила ему о васъ, вы, кажется, были ихъ домашнимъ другомъ. Вы были, конечно, коротко знакомы съ ихъ дочерью Меми; говорятъ, она прехорошенькая.

Хотя донъ Цезаръ убѣдился теперь, что Слиннъ не могъ знать о странномъ поведеніи съ нимъ Меми, его смущалъ этотъ разговоръ.

— Миссъ Мольреди очень хороша собой, сказалъ онъ серьезно и вѣжливо, какъ и всѣ ея соотечественницы, вообще. Она уѣхала очень неожиданно, прибавилъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Они, кажется, разсчитывали оставаться здѣсь дольше, но что-то помѣшало. Я знаю, что братъ былъ очень удивленъ, когда м-ръ Мольреди сказалъ ему, что онъ можетъ, если хочетъ, тотчасъ же переѣхать, такъ какъ самъ онъ займетъ большой домъ.

Донъ Цезаръ всталъ и раскланялся.

— Вы уже уходите? томно спросила Эсфирь; если такъ, то, проходя по саду, загляните къ бѣдному папа. Онъ тамъ гдѣ-то около рощи, и мы не любимъ оставлять его подолгу одного. Если вы увидите, что ему что-нибудь требуется, кликните насъ, пожалуйста. А у насъ теперь столько дѣла, что самимъ бѣжать къ нему некогда.

Донъ Цезаръ хотѣлъ было извиниться; но внезапное сочувствіе къ чужому страданію, проснувшееся въ немъ и сопровождающее всякое благородное горе, остановило его. Онъ поклонился въ знакъ согласія и ушелъ. Дѣвушки слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида.

— Ну, сказала меньшая, уже теперь меня никто не увѣритъ, что между нимъ и Меми Мольреди ничего не было.

Ужь если это не обманутый любовникъ, то у меня нѣтъ глазъ.

— Если такъ, то тебѣ не слѣдовало глядѣть на него такъ нѣжно, точно ты не прочь утѣшить его, уколола ее Эсфирь.

Между тѣмъ донъ Цезаръ отправился на поиски старика Слинна и нашелъ его на скамьѣ подъ развѣсистымъ деревомъ.

Онъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни, и глядѣлъ разсѣянно передъ собой.

Онъ слегка вздрогнулъ, когда донъ Цезаръ остановился передъ нимъ, и перевелъ глаза на него. Молодой человѣкъ былъ удивленъ, увидѣвъ, что бѣдняга былъ вовсе не такъ старъ, какъ онъ думалъ, и что выраженіе его лица было спокойное и даже счастливое.

— Ваши дочери сказали мнѣ, что вы здѣсь, поклонился ему съ ласковымъ почтеніемъ донъ Цезаръ. Я—Цезаръ Альваредо, вашъ близкій сосѣдъ; очень радъ познакомиться съ вами и вашимъ семействомъ.

— Мои дочери? сказалъ старикъ разсѣянно; о, да! онѣ хорошенькія дѣвочки. А сынокъ мой, Гаррп? вы видѣли Гарри? миленькій крошка, неправда ли?

— Я радъ слышать, что вы поправляетесь, поспѣшно сказалъ донъ Цезаръ. Богъ да благословитъ васъ, сеньоръ, и возвратитъ вамъ скорѣе здоровье и счастіе.

— Счастіе? съ удивленіемъ сказалъ Слиннъ. Я счастливъ... очень счастливъ. У меня есть все, что мнѣ надо; хорошій воздухъ, хорошая пища, теплое платье, хорошенькія дѣтки, добрые друзья... Ваше имя... васъ зовутъ Ма..,

— Альваредо, поправилъ мягко донъ Цезаръ.... Цезаръ Альваредо.

— Вы сказали: Мастерсъ, настаивалъ старикъ съ внезапной сварливостью.

— Нѣтъ, добрый другъ, я сказалъ: Альваредо, серьезно отвѣчалъ донъ Цезаръ.

— Если вы не сказали: Мастерсъ, то почему же я сказалъ? я не знаю никакого Мастерса.

*

Донъ Цезаръ молчалъ. Черезъ минуту выраженіе счастливаго спокойствія вернулось на лицо Слинна, и донъ Цезаръ продолжалъ:

— Ко мнѣ недалеко, отсюда черезъ холмы, хотя по дорогѣ дальше; когда вы совсѣмъ поправитесь, милости просимъ. Вы дойдете до рощи, а тамъ...

Онъ замолкъ, потому что лицо больнаго выразило безпокойство. Частію, чтобы развлечь его, частію по какой-то необъяснимой идеѣ, вдругъ охватившей его, донъ Цезаръ продолжалъ:

— Тамъ есть странное дерево около дорожки, съ дуплomъ. И въ этомъ дуплѣ я нашелъ это письмо.

Онъ снова умолкъ на этотъ разъ въ испугѣ. Слиннъ вскочилъ на ноги съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ и глядѣлъ на письмо, которое донъ Цезаръ вынулъ изъ кармана. Мускулы его горла напряглись, точно онъ глоталъ что-то; губы шевелились, но не издавали ни звука. Наконецъ, конвульсивнымъ усиліемъ ему удалось пролепетать нѣсколько словъ едва слышнымъ голосомъ.

— Мое письмо, мое письмо! Оно мое! отдайте его мнѣ! Это мое богатство! все мое! въ шахтѣ... на холмѣ! Мастерсъ укралъ его! укралъ мое богатство! Укралъ все! Видите! видите!

Онъ схватилъ письмо изъ рукъ дона Цезара и разорвалъ конвертъ: нѣсколько желтыхъ песчинокъ выпало изъ него, величиной съ дробь, и упало на землю.

— Видите, видите, что это правда! Мое письмо! мое золото! моя шахта! Мой... мой... мой Богъ!

Дрожь пробѣжала у него по лицу. Рука, державшая письмо, внезапно упала какъ плеть. Онъ покачнулся и, выскользнувъ изъ рукъ дона Цезара, упалъ на землю.

Донъ Цезаръ поспѣшно наклонился къ нему, но только затѣмъ, чтобы удостовѣриться, что онъ живъ и дышетъ, хотя и недвижимъ.

Послѣ того донъ Цезаръ поднялъ письмо и, пробѣжавъ его сверкающими глазами, сунулъ въ карманъ вмѣстѣ съ образчиками золота. Затѣмъ поспѣшно поглядѣлъ на дорогу.

Каждая минута была ему теперь дорога; но онъ не могъ оставить больнаго на большой дорогѣ, не могъ и снести его въ домъ. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что лошадь его такъ и осталась привязанной къ изгороди. Онъ пойдетъ за ней и положитъ черезъ сѣдло несчастнаго. Онъ съ трудомъ приподнялъ его съ земли и положилъ на скамью и затѣмъ побѣжалъ къ своей лошади. Онъ недалеко еще ушелъ, какъ услышалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. То неслась почтовая карета. Онъ хотѣлъ позвать кучера на помощь. Но тотъ привсталъ на козлахъ и хлесталъ изо всей мочи испуганныхъ лошадей, которыя пролетѣли вихремъ мимо скамейки.

Часомъ позже, когда карета подъѣзжала къ гостиницѣ Краснаго Дога, кучеръ сошелъ съ козелъ весь блѣдный, но молчаливый. Когда же онъ проглотилъ рюмку виски залпомъ, то обернулся къ удивленному почтальону.

— Одно изъ двухъ, Джимъ, сказалъ онъ мрачно,—или скамейку снесутъ съ дороги, или меня на кладбище. Я опять *его* видѣлъ!...

(*Окончаніе въ слѣд. №*).

Юбилей А. Н. Майкова.

Значеніе юбилея и таланта А. Н. Майкова.—Его прежнія и послѣднія произведенія.—Значеніе праздника для „Русскаго Вѣстника".—Адресъ сотрудниковъ нашего журнала.—Письмо гр. Д. А. Толстаго.—Адресъ Лит.-драм. Общ.—Телеграммы августѣйшихъ Особъ и князя Черногорскаго.—Стихотвореніе Е. И. В. В. К. Константина Константиновича.—Письмо И. А. Гончарова.—Рѣчь М. Н. Островскаго.—Стихотворенія.

30-го апрѣля состоялся юбилейный праздникъ нашего славнаго поэта А. Н. Майкова. Нѣсколько дней потомъ всѣ ежедневныя изданія были наполнены болѣе или менѣе подробными описаніями этого торжества. Въ настоящую минуту можно сказать навѣрное, что фактическая сторона этого *русскаго* литературнаго торжества извѣстна не только всей читающей Россіи, но и вообще всѣмъ, кого интересуетъ то, что совершается въ нашемъ отечествѣ. Теперь, по прошествіи цѣлаго мѣсяца, намъ, на страницахъ ежемѣсячнаго изданія, было бы совершенно излишне снова передавать всѣ подробности, а потому мы мало коснемся внѣшней стороны этого замѣчательнаго праздника. Эта сторона необходимо должна отступить на второй планъ и уступить мѣсто внутреннему значенію торжества, которое русское общество сумѣло достойно обставить въ честь своего любимаго поэта.

Юбилейныя торжества въ честь литературныхъ дѣятелей у насъ вовсе не рѣдкость... На устройство ихъ гораздо болѣе щедры, нежели бы слѣдовало, и эта преувеличенная щедрота сдѣлала то, что наше общество относится по справедливости холодно къ этимъ торжествамъ. Большинство ихъ имѣетъ характеръ корпоративный или просто кружковой... Но трудно представить себѣ болѣе достойный поводъ юбилейнаго праздника, который имѣлъ бы притомъ такое *всеобщее*, не только русское, но и переходящее за предѣлы нашего отечества значеніе, какъ праздникъ 30-го апрѣля.

Необходимо сказать то, что́ не сказано было никѣмъ изъ участвовавшихъ—именно: въ настоящую минуту такой поэтъ, какъ А. Н. Майковъ, представляетъ собою выдающееся явленіе не только у насъ въ Россіи, но и вообще въ современной литературѣ. Кто слѣдитъ за художественною литературой, тотъ долженъ признать, что едва-ли въ какой странѣ Европы можно назвать въ настоящее время поэта, имя котораго могло бы быть поставлено рядомъ съ именемъ автора „Двухъ міровъ", „Трехъ смертей" и другихъ всѣмъ извѣстныхъ произведеній.

По глубинѣ замысла своихъ произведеній, по красотѣ ихъ формы и по мастерству исполненія А. Н. Майковъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между современными поэтами. Для Россіи онъ имѣетъ значеніе непосредственнаго преемника Пушкина и пушкинскихъ поэтическихъ традицій... Пока онъ живетъ и дѣйствуетъ среди насъ—до тѣхъ поръ источникъ русской истинно-поэтической рѣчи не изсякнетъ и не перестанетъ бить живымъ, неистощимымъ ключомъ. Талантъ Майкова невольно поражаетъ своей неувядаемою свѣжестью и силою. Напечатанная въ этой книгѣ „Русскаго Вѣстника" его новая превосходная поэма *Брингильда* служитъ тому лучшимъ и неоспоримымъ подтвержденіемъ.

Независимо отъ этой неувядаемой свѣжести, талантъ поэта носитъ въ себѣ нѣчто своеобразное, нѣчто дѣлающее его глубоко симпатичнымъ для всякаго, кто познакомится ближе съ его поэзіей и прослѣдитъ ее отъ первыхъ моментовъ его творчества до настоящей минуты. Кромѣ того, оставаясь постоянно *чисто русскимъ* поэтомъ, А. Н. Майковъ, подобно великому Пушкину, умѣетъ, какъ никто, усвоить себѣ форму, вполнѣ соотвѣтствующую содержанію. Его произведенія переносятъ читателя всецѣло въ ту среду, которую описываетъ поэтъ. Приводить примѣры этого было бы совершенно излишне. Сколько поколѣній выросло и воспиталось на стихахъ нашего поэта! Кто изъ живущихъ теперь, читающихъ людей русскихъ не знаетъ ихъ наизусть? У кого съ тѣмъ или другимъ стихотвореніемъ не соединяется самыхъ лучшихъ, свѣтлыхъ воспоминаній прошлаго, лучшихъ впечатлѣній юности?

Но считаемъ необходимымъ указать здѣсь, что полный жизни и отзывчивости поэтъ не могъ стоять всегда на одномъ уровнѣ; онъ жилъ вмѣстѣ съ умственною жизнью страны и, постоянно развиваясь и совершенствуясь, въ послѣднее время дошелъ до того полнаго и твердаго строя мысли и мастерства формы, которыми мы восхищаемся. Въ то же время и его прежнія

произведенія, какъ превосходныя „Три смерти“, „Савонарола“ и друг., полны такого истиннаго одушевленія и пылкаго вдохновенія, въ такой степени тѣсно сливается въ нихъ изящество формы съ силою и яркостью мысли, что независимо отъ нашихъ взглядовъ и настоящей точки развитія поэта, тѣ прежнія его вдохновенія намъ близки и дороги глубокими наслажденіями, которыя они намъ доставили въ дни былые, и такъ тѣсно связаны съ нашею жизнью, что не иначе какъ съ болью мы могли бы оторвать ихъ отъ сердца. Но въ этомъ нѣтъ и надобности: мы можемъ и теперь ими восхищаться такими, какія они есть.

Мудрено ли, что, въ виду всего этого, чествовали поэта со всѣхъ концовъ русской земли и славянства, и отъ всѣхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества. Самое собраніе такого количества русскихъ людей во имя празднованія, посвященнаго только воспоминаніямъ о славной художественно-поэтической дѣятельности, уже само-по-себѣ составляетъ явленіе, въ наши дни въ высшей степени знаменательное и отрадное. Значитъ, въ обществѣ, слава Богу, воскресло ясное представленіе о значеніи изящнаго, о значеніи поэзіи въ жизни страны. Уже одно это само-по-себѣ пробуждаетъ радостное чувство. Такое торжество дѣйствительно можетъ вызвать истинный подъемъ духа. На этотъ разъ русское общество проявило рѣдкое единодушіе, и если есть даже такіе, которые не пришли на этотъ праздникъ русскаго искусства, родной поэзіи, они лишь добровольно отлучили сами себя отъ русскаго общества.

Что касается собственно *Русскаго Вѣстника*, то юбилейный праздникъ А. Н. Майкова имѣлъ для него особое значеніе, былъ невольно ближе къ сердцу, роднѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Много лѣтъ Аполлонъ Николаевичъ украшалъ страницы нашего журнала лучшими своими произведеніями и украшаетъ доселѣ. Настоящій редакторъ журнала позволяетъ себѣ здѣсь сказать, что многіе годы добраго расположенія къ нему со стороны Аполлона Николаевича, а съ его стороны привязанности и любви лично къ нему и его семейству и къ несравненному таланту поэта связываютъ его тѣсными сердечными узами съ этимъ радостнымъ для него праздникомъ.

Прежніе сотрудники *Русскаго Вѣстника*, оставшіеся неизмѣнно и при настоящей редакціи, равно и всѣ новые, привѣтствовали поэта слѣдующимъ адресомъ, прочитаннымъ редакторомъ, Ф. Н. Бергомъ, во время торжества:

Аполлонъ Николаевичъ,

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ эпоху полнаго расцвѣта вашей блестящей художественной дѣятельности, до настоящаго вре-

мени включительно, *Русскій Вѣстникъ* украшался лучшими произведеніями вашего поэтическаго творчества. При покойномъ знаменитомъ основателѣ журнала и нынѣ, мы, сотрудники журнала, привыкли видѣть всегда ваше славное имя на страницахъ этого изданія, гордясь такимъ сотовариществомъ. Въ знаменательный день вашего юбилея приносимъ сердечныя поздравленія и пожеланія, чтобы еще многіе годы продолжалось ваше высокое служеніе на поприщѣ отечественной словесности на честь и славу родной странѣ.

Ниже мы приводимъ прекрасныя стихотворенія нашихъ сотрудниковъ, прочитанныя ими на торжествѣ.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ праздникѣ.

Организацію торжества въ честь поэта приняло на себя Литературно-драматическое Общество, чѣмъ выказало истинную чуткость, тактъ и пониманіе своихъ задачъ и своего значенія, а также значенія такого литературнаго имени, какъ А. Н. Майковъ и, надо сказать, исполнило какъ нельзя лучше принятую на себя задачу. Еще въ началѣ февраля состоялось общее собраніе членовъ Общества, на которомъ былъ избранъ комитетъ, въ составъ коего вошли: Я. П. Полонскій, П. Н. Исаковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. К. Случевскій, М. И. Семевскій и П. А. Гайдебуровъ.

Празднество происходило въ помѣщеніи Общества и состояло изъ торжественнаго акта и обѣда.

Утромъ 30-го апрѣля въ квартирѣ Аполлона Николаевича собрались многіе его близкіе друзья и родные. Въ это утро посѣтилъ нашего поэта и Августѣйшій поэтъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, привѣтствовавшій юбиляра прекраснымъ стихотвореніемъ, прочитаннымъ на юбилеѣ гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ,

Къ двумъ часамъ юбилейный комитетъ пригласилъ А. Н. и его семью въ помѣщеніе Литературно-драматическаго Общества. Театральная зала Общества, въ ожиданіи появленія юбиляра, уже наполнилась сверху до низу самою блестящею, разнообразною публикой. Сцена была декорирована цѣлымъ лѣсомъ живыхъ растеній, среди которыхъ возвышался бюстъ юбиляра. На мѣстѣ оркестра была устроена эстрада, на которой полукругомъ сидѣли члены Литературно-драматическаго Общества, огибая столъ, за которымъ стояли кресла для юбиляра и предсѣдателей Общества—П. Н. Исакова и комитета—Я. П. Полонскаго. Депутаціи помѣстились тутъ же по близости. Всѣ мѣста партера и ложи были заняты публикой. Освѣщенная a giorno зала представляла прекрасный праздничный видъ. Стоило взглянуть на публику, наполнявшую ее, чтобы составить себѣ понятіе о личности юбиляра. Начиная съ представителей высшаго свѣта и администраціи и кончая самыми

скромными столичными обывателями, всѣ слои и классы общества имѣли тутъ своихъ представителей. Люди самыхъ разнообразныхъ состояній и профессій пришли поклониться русскому поэту... Въ переднихъ рядахъ креселъ мы видѣли министровъ: государственныхъ имуществъ—М. Н. Островскаго, финансовъ—И. А. Вышнеградскаго, управляющаго морскимъ министерствомъ И. А. Шестакова, членовъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскаго и И. Н. Дурново, члена адмиралтействъ-совѣта, генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Веселаго, товарища министра народнаго просвѣщенія, князя М. С. Волконскаго, начальника главнаго управленія по дѣламъ печати тайнаго совѣтника Е. М. Ѳеоктистова и друг.

Въ началѣ третьяго часа былъ введенъ въ залъ П. Н. Исаковымъ самъ юбиляръ и, при громѣ рукоплесканій, занялъ мѣсто на эстрадѣ. Долго несмолкали шумныя привѣтствія. Вся зала находилась видимо въ восторженномъ настроеніи. Когда наконецъ воцарилось молчаніе, къ юбиляру подошелъ Е. М. Ѳеоктистовъ и прочелъ письмо министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго, слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь
Аполлонъ Николаевичъ!

По случаю исполнившагося сегодня пятидесятилѣтія со времени выступленія вашего превосходительства на литературное поприще, Его Величество Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, въ уваженіе плодотворной вашей литературной дѣятельности, а также не маловажныхъ вашихъ заслугъ на государственной службѣ, произвести васъ въ тайные совѣтники и получаемую вами ежегодно въ размѣрѣ 1.750 руб. пенсію увеличить до 3.500 р. Считаю пріятнымъ долгомъ поздравить ваше превосходительство съ таковою Монаршею милостію и вмѣстѣ съ тѣмъ, лично отъ себя, сердечно васъ привѣтствовать. Въ этотъ торжественный для васъ день многочисленнымъ поклонникамъ вашего глубокаго и блестящаго дарованія, къ которымъ причисляю и себя, остается только желать, чтобы еще долго не оскудѣвало ваше творчество, чтобы къ цѣлому ряду произведеній, которыя навсегда упрочили за вами одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ русской литературѣ, присоединялись и другія, отмѣченныя такою же высотою помысловъ и такимъ же художественнымъ совершенствомъ.

Это выраженіе Царева вниманія къ поэту вызвало единодушный восторгъ всего собранія. Раздались звуки оркестра, и народный гимнъ огласилъ залу.

Слѣдующая затѣмъ часть торжества была посвящена представленію различныхъ депутацій и чтенію поздравительныхъ адресовъ, писемъ и стихотвореній. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра Петербургъ, въ лицѣ своего головы В. И. Лихачева; затѣмъ академикъ Я. К. Гротъ,

въ качествѣ представителя Отдѣленія русскаго языка и словесности, прочелъ адресъ отъ Академіи Наукъ. Академія Художествъ, въ свою очередь, также откликнулась на это общее русское торжество: отъ имени Августѣйшаго ея президента, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича и совѣта Академіи устно привѣтствовалъ юбиляра конференцъ-секретарь. Университеты С.-Петербургскій, Казанскій и Кіевскій избрали А. Н. Майкова своимъ почетнымъ членомъ. Дерптскій университетъ прислалъ адресъ. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія и коммиссія народныхъ чтеній прислали депутаціи и адресы. Славянское благотворительное Общество и Московскій публичный и Румянцевскій музей избрали уважаемаго поэта своимъ почетнымъ членомъ.

Наступилъ чередъ періодическихъ изданій: выступили представители: старѣйшаго изъ существующихъ журналовъ *Русскаго Вѣстника*, а затѣмъ *Русской Старины*, *Новаго Времени*, *Гражданина*, *Сѣвера*, *Русской Мысли*, *Историческаго Вѣстника*, *Родника*, *Живописнаго Обозрѣнія*, *Сына Отечества* и другихъ повременныхъ изданій; происходило чтеніе адресовъ. Ихъ смѣнило чтеніе многочисленныхъ телеграммъ и поздравительныхъ писемъ. Въ ряду телеграфическихъ привѣтствій поэту, первое мѣсто занимаетъ слѣдующая телеграмма Князя Николая Черногорскаго:

„По случаю вашего славнаго 50-лѣтняго служенія братской намъ русской литературѣ и славянству, приношу вамъ мое сердечное поздравленіе и наилучшія пожеланія".

Николай.

Затѣмъ была прочитана привѣтственная телеграмма отъ князя Даніила, наслѣдника черногорскаго престола.

Князь и княгиня Карагеоргіевичи поздравили поэта въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Съ сѣвера и юга славянскаго стекаются къ вамъ сегодня безчисленныя поздравленія по случаю исполнившагося 50-лѣтія вашей литературной дѣятельности. Просимъ васъ принять и наше, какъ отъ вашихъ искреннихъ поклонниковъ. Князь и княгиня Карагеоргіевичи".

Изъ множества другихъ телеграммъ упомянемъ телеграммы: отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, отъ университетовъ Харьковскаго и Варшавскаго, отъ историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ Московскаго и Новороссійскаго, отъ университетскаго отдѣленія лицея цесаревича Николая. Московское Общество любителей русской словесности, Пушкинское Общество въ Казани,

Самарское городское Общество, русскій посолъ при Оттоманской Портѣ А. И. Нелидовъ, пражскія газеты: *Politik* и *Гласъ Народовый*, Русскій литературный кружокъ въ Ригѣ, студенты Славянскаго Общества въ Лейпцигѣ, Старорусское православное братство св. Ѳедора Тирона также находились въ числѣ привѣтствовавшихъ юбиляра. Литературно-драматическое Общество, устроившее праздникъ, привѣтствовало Аполлона Николаевича слѣдующимъ адресомъ:

Аполлонъ Николаевичъ! Литературно-драматическое Общество въ настоящій знаменательный день привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ славнаго русскаго поэта и своего дорогаго почетнаго члена, имя котораго съ самаго основанія Общества составляетъ его честь и гордость. Поэзія ваша воплотила въ художественныхъ образахъ существенныя черты русскаго народнаго духа; ваше творчество отзывалось на все человѣческое; ему доступны были всѣ области бытія:—и древній міръ въ его пластической красотѣ, и средніе вѣка въ расцвѣтѣ романтизма съ его мистическимъ экстазомъ, и залитыя солнцемъ картины Италіи, и мрачные образы скандинавскаго эпоса,—все это живетъ и дышетъ во вдохновенныхъ твореніяхъ вашихъ, не отрывая васъ въ то же время отъ родной почвы: въ вашей поэзіи не умолкали русскія струны, русскія простыя и добрыя чувства.

Но ярче и превыше всего религіозная мысль свѣтила въ вашемъ творчествѣ и, вдохновляемые ею, вы въ горячо излюбленной вами поэмѣ „Два міра“ дали намъ величавую картину борьбы язычества съ немеркнущимъ свѣтомъ христіанства.

Столь разнообразному и высокому содержанію вашей поэзіи въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ пластическое совершенство воплотившихъ его образовъ и та „гармонія стиха“, божественную тайну которой вы разгадали съ юныхъ лѣтъ. Неугасающая въ васъ сила вдохновенія и вѣчно-юное чувство красоты ручаются намъ, что и впредь мы еще многіе годы будемъ наслаждаться новыми, обильными дарами вашей музы.

Послѣ корпоративныхъ поздравленій и привѣтствій наступилъ рядъ личныхъ выраженій сочувствія поэту-юбиляру. Прежде всего гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочелъ стихотвореніе Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича:

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты—черни вѣтренной въ угоду—
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ;
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

Ты пѣль въ теченіи полвѣка,
Безсмертья лаврами увитъ,
Ту пѣснь, что душу человѣка
И возвышаетъ и живитъ.

О! еслибъ струны эти пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ!

Особенно сочувственное вниманіе публики обратило на себя письмо нашего романиста И. А. Гончарова:

Дорогой нашъ поэтъ

Аполлонъ Николаевичъ!

Привѣтствуя васъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія блистательнаго служенія вашего русской поэзіи, глубоко радуюсь, что дожилъ до апогея вашей славы—я, едва-ли не единственный, оставшійся въ живыхъ, близкій свидѣтель, съ раннихъ лѣтъ вашей юности, постепеннаго развитія и созрѣванія въ васъ поэтическаго дара, которымъ утѣшалась и гордилась ваша семья и кругъ друзей, и которымъ гордится теперь русская поэзія.

Вмѣстѣ съ этимъ юбилеемъ праздную про себя и другой, параллельный юбилей — нашей полувѣковой съ вами и со всѣмъ домомъ вашимъ, отъ отцовъ до дѣтей вашихъ, дружбы, которая никогда ничѣмъ не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и свѣтла, какъ... ваша поэзія.

Жалѣя, что по лѣтамъ и слабости здоровья не могу нынѣ самъ явиться среди многолюднаго собранія друзей вашей музы, обнимаю васъ заочно и горячо желаю, чтобы вы унаслѣдовали, нерѣдкій въ вашемъ фамильномъ роду, даръ долголѣтія, и достигли, по примѣру отца и дѣда вашихъ, глубокихъ предѣловъ жизни, оставаясь „вѣчно юнымъ“ и славнымъ пѣвцомъ, яркимъ свѣтиломъ русской поэзіи.

Примите привѣтъ и эти добрыя, искреннія пожеланія отъ глубоко и неизмѣнно преданнаго вамъ почитателя вашей личности, вашего таланта и стараго вѣрнаго друга

И. Гончаровъ.

Надо замѣтить, что авторъ „Обыкновенной Исторіи“ и „Обломова“ знакомъ съ семействомъ Майковыхъ отъ ранней своей молодости и въ юности Аполлона Николаевича былъ нѣкоторое время его наставникомъ.

Я. П. Полонскій, послѣ письма Гончарова, прочелъ свое стихотвореніе. Мы не станемъ перечислять всѣхъ стихотворныхъ привѣтствій, обращенныхъ въ этотъ знаменательный день къ виновнику торжества. Нѣкоторыя изъ нихъ, принадлежащія нашимъ сотрудникамъ, читатели найдутъ ниже. Другія напечатаны уже по нѣскольку разъ. Когда чтеніе привѣтствій окончилось, юбиляръ всталъ съ своего мѣста и растроганнымъ голосомъ благодарилъ собраніе въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Настоящій праздникъ, которымъ угодно было меня почтить, совершенно противорѣчитъ моему характеру и всей моей жизни. Я жилъ, не выдѣляясь, работалъ, не думая о будущемъ, повинуясь только внутренней своей потребности. Единственно, что исповѣдовалъ я во всю мою жизнь, это—трудъ; на него я всегда указывалъ

и всѣмъ тѣмъ начинающимъ поэтамъ, которые ко мнѣ обращались. Таланты отъ Бога, а обработка и развитіе ихъ зависятъ отъ насъ самихъ, отъ нашего труда. Я такъ привыкъ къ самому скромному мнѣнію о своихъ произведеніяхъ, что всѣ слышанныя мною сегодня похвалы кажутся мнѣ преувеличенными.. И потому",—продолжалъ юбиляръ, переходя отъ увлеченія, съ которымъ говорилъ, къ шутливому тону,—„прошу васъ позволить мнѣ прочесть вамъ послѣднее, что написалъ, поэму *Бринхильду*, и сдѣлать такимъ образомъ мнѣ какъ бы *повторный экзаменъ*"...

Этимъ чтеніемъ А. Н. Майкова, вызвавшимъ дружныя рукоплесканія, закончилась первая, такъ сказать, оффиціальная часть праздника.

Въ седьмомъ часу вечера друзья и почитатели А. Н. Майкова собрались въ той же залѣ, обращенной въ обширную и изящную столовую для юбилейной трапезы.

Обѣдъ прошелъ замѣчательно оживленно. Провозглашено было множество тостовъ, начиная съ тоста за здоровье Царственнаго Вождя русской земли. Прочитаны были привѣтственныя телеграммы Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь Александры Іосифовны и Вѣры Константиновны. Произнесено было много рѣчей и привѣтствій. Весьма замѣчательна рѣчь министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго:

Дорогой Аполлонъ Николаевичъ!

„Я не принадлежу къ числу литераторовъ, но съ гордостью могу сказать, что не считаю себя чуждымъ литературной семьѣ, благодаря тому мѣсту, которое занималъ въ ней мой покойный братъ. Я знаю, какъ онъ высоко цѣнилъ и какъ горячо любилъ васъ; знаю, съ какою готовностью онъ принялъ бы участіе въ сегодняшнемъ торжествѣ вашемъ и съ какою радостію привѣтствовалъ бы васъ. Но его уже нѣтъ болѣе и мы никогда не услышимъ его искренняго, сочувственнаго вамъ слова.

„Позвольте же мнѣ привѣтствовать васъ не только лично отъ себя, но и отъ имени моего усопшаго брата, какъ бы незримо здѣсь, вмѣстѣ съ нами, на этомъ свѣтломъ праздникѣ присутствующаго.

„Я сказалъ, что онъ высоко цѣнилъ и горячо любилъ васъ; но не этими только личными чувствами ограничивалась тѣсная связь его съ вами: его связывали съ вами многія общія стороны вашего и его поэтическаго таланта. Какъ вы, онъ въ своихъ изящныхъ произведеніяхъ не преслѣдовалъ иныхъ цѣлей, кромѣ чисто художественныхъ; какъ вы, онъ въ своемъ творчествѣ исполненъ былъ самыхъ добрыхъ чувствъ и высокихъ помысловъ; какъ вы, онъ чутокъ былъ къ языку природы и горячо любилъ нашу, мѣстами скудную, мѣстами суровую природу сѣвера. Я никогда не забуду, съ какимъ восторгомъ онъ читалъ ваше стихотвореніе „Рыбная ловля", посвященное и ему въ числѣ многихъ другихъ любителей рыбной ловли, помню, съ какимъ умиленіемъ онъ повторялъ тѣ мѣста вашей поэмы, гдѣ вашею художественною, но трезвою кистью рисуются картины нашей природы... Это умиленіе раздѣлялъ съ нимъ и я... И теперь, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, я не могу безъ глубокаго

чувства повторять тѣ строки, въ которыхъ вы, обращаясь къ этой природѣ, восклицаете:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню, умирая,
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня;
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня?

„И вы были правы, дорогой Аполлонъ Николаевичъ, говоря, что природа учитъ насъ жить въ мирѣ съ людьми... Но не одна она учитъ насъ этому... Этому учатъ насъ и тѣ вдохновенные истолкователи сокровенныхъ тайнъ ея, къ числу которыхъ и вы, по своему поэтическому таланту, безспорно, принадлежите. Да, вы были въ этомъ отношеніи учителемъ, были учителемъ добрымъ, учителемъ многихъ поколѣній... И если въ благодарномъ сердцѣ человѣка навсегда сохраняется чувство признательности къ тѣмъ людямъ, которые научили его въ жизни чему-либо доброму, то вѣрьте, что это чувство сохраняется навсегда неизмѣннымъ въ глубинѣ многихъ и многихъ благодарныхъ вамъ сердецъ.

„Проникнутый этимъ чувствомъ, проникнутый, надѣюсь, вмѣстѣ со всѣми, здѣсь присутствующими, я молю Бога—хранить васъ на долгіе и долгіе годы во всей неувядаемой свѣжести вашего чистаго, трезваго и глубокаго дарованія, на радость и въ назиданіе соотечественникамъ и на гордость и славу дорогой нашей родины.

„Господа, я предлагаю тостъ за здоровье нашего дорогаго юбиляра Аполлона Николаевича и за вѣчную свѣжесть и силу его поэтическаго дарованія“.

Изъ числа прочитанныхъ на обѣдѣ писемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя слѣдующее письмо К. Н. Бестужева-Рюмина, которое въ мѣткихъ выраженіяхъ характеризуетъ отличительныя свойства поэзіи А. Н. Майкова:

Глубокоуважаемый Аполлонъ Николаевичъ! Представители русской мысли и русскаго слова собираются въ этотъ день чествовать пятидесятилѣтіе вашей славной дѣятельности. Знаю, что съ разныхъ сторонъ будутъ оцѣнивать вашу поэзію; хорошо понимаю, что не скажу ничего такого, что не будетъ сказано другими, но не могу устоять предъ искушеніемъ привѣтствовать васъ, хотя бы на письмѣ за невозможностію привѣтствовать лично.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ съ восторгомъ прочелъ я первый сборникъ вашихъ произведеній и съ тѣхъ поръ усердно слѣдилъ я за развитіемъ вашей поэтической дѣятельности. Въ тѣ далекіе годы изящные образы вашихъ антологическихъ стихотвореній развивали въ насъ любовь къ изящному, уносили въ тотъ міръ, о которомъ вздыхалъ Шиллеръ, въ тотъ „цвѣтущій возрастъ природы“, который живетъ теперь лишь въ „волшебной странѣ пѣсенъ“. Жизнерадостная сторона этого міра отразилась въ вашихъ стихахъ, которые такъ напоминаютъ мраморный барельефъ: такъ они пластичны и такъ много совмѣщено въ ограниченномъ объемѣ. Любо было молодежи тѣхъ давно минувшихъ лѣтъ уходить вмѣстѣ съ вами въ безпечальное созерцаніе этого свѣтлаго міра. Но еще тогда вы недовольствовались изящными образами, васъ влекла къ себѣ другая задача, которая заняла много лѣтъ вашей жизни, къ разрѣшенію которой вы приступали не разъ, и которую разрѣшили наконецъ въ „Двухъ мірахъ“, едва-ли не самымъ высшемъ изъ вашихъ созданій. Предъ

нами въ яркихъ образахъ предстали два міра, и ясно стало для умственнаго взора каждаго, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало вашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи „Изъ темныхъ доловъ“. Кто живетъ мыслью, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно его заключительныя слова:

Туманомъ міръ внизу сокрытъ,—
Но надо мною все гудитъ
Во весь широкій небосклонъ
—Сюда, сюда!—все тотъ же звонъ.

Высокое стремленіе къ постоянному душевному усовершенствованію влечетъ васъ къ изученію и воспроизведенію жизни разныхъ народовъ и поэзіи разныхъ эпохъ: вы уводили насъ съ собой въ Неаполь и въ Римъ, вы сдѣлали общедоступнымъ Эсхиловъ, Агамемнона, вы знакомили насъ съ поэзіею народовъ славянскихъ и съ мрачной поэзіей древнихъ скандинавовъ и въ послѣдней поэмѣ вашей вы изъ отрывковъ и намековъ „Старой Эдды“ создали полную художественную картину и т. д. Много человѣческихъ міровъ облетѣла мысль ваша; вездѣ она была гостьей, сочувственно относящейся къ тому, что ей сочувственно, умѣвшей возобновлять для насъ Пушкинскія преданія; но дома, у себя, она была только въ русской жизни, въ русской исторіи. Вы когда-то сказали Погодину, что имъ руководилъ одинъ идеалъ: „Идеалъ этотъ—Россія, въ ея настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, Россія, какъ она создалась вѣками въ силу своихъ историческихъ судебъ“. Смѣю думать, что эти слова приложимы и къ вамъ. Вы не разъ воспроизводили прошедшее Россіи и въ поэтическихъ образахъ, которые дышатъ и жизненной правдой, и глубокимъ русскимъ чувствомъ, и въ прозаическихъ разсказахъ, въ которыхъ однако такъ много задушевности и поэзіи; вы угадали, какъ передать современному читателю „Слово о полку Игоревѣ“; въ вашемъ несравненномъ „Емшанѣ“, этомъ перлѣ русской поэзіи, вы сумѣли придать жизнь и краски темному намеку лѣтописи; вы сочувственно отзывались на всѣ событія современности, начиная отъ Крымской войны; вы воздвигли передъ нами не одинъ образъ изъ древней Руси, вы сумѣли чуткой душой вашей понять не только событія, но и самый смыслъ ихъ, вознестись къ высшему религіозному началу и въ немъ слиться съ своимъ народомъ.

Боюсь больше говорить, чтобы не утомить вниманія, но все, сказанное доселѣ, сказано только почитателемъ вашего таланта, я же имѣю счастіе не только знать васъ лично, но и пользоваться, смѣю надѣяться, вашимъ дружескимъ расположеніемъ, этимъ счастіемъ я наслаждаюсь уже болѣе 20 лѣтъ. Душѣ моей нужно въ этотъ день высказать вамъ хоть небольшую долю любви и уваженія, которыя я чувствую къ вамъ не только, какъ къ поэту, высокія произведенія котораго не разъ бодрили меня въ минуты унынія, но и какъ къ человѣку, нравственныя качества котораго я привыкъ уважать и расположеніемъ котораго я привыкъ гордиться. Живите же долго, а пока вы живы, духъ вашъ будетъ тотъ же: старость его не постигнетъ, и талантъ вашъ, кажется, только растетъ съ годами. Искренно преданный вамъ Константинъ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ общемъ, настроеніе въ залѣ торжества было самое теплое, задушевное. Самъ юбиляръ принимался нѣсколько

разъ говорить. Вотъ что, между прочимъ онъ сказалъ въ отвѣтъ на рѣчь М. Н. Островскаго:

„Напоминанія Михаила Николаевича о его братѣ Александрѣ Николаевичѣ вызвали въ моей памяти чрезвычайно важное событіе въ моей жизни: въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для меня эпохъ, Крымскую войну 1853—54 годовъ, я бросился изъ Петербурга въ Москву, чтобы почувствовать подъ собою почву, найти для себя оправданіе и сочувствіе хотя бы только у стѣнъ кремлевскихъ, у этихъ золотыхъ куполовъ соборовъ, подъ сѣнью которыхъ я родился; я попалъ въ молодую редакцію „Москвитянина“, гдѣ были Островскій, Филипповъ, Аполлонъ Григорьевъ, Эдельсонъ, Горбуновъ и многіе, которыхъ теперь не помню. У нихъ я нашелъ не только оправданіе и сочувствіе, но увидѣлъ въ нихъ совсѣмъ моихъ единомышленниковъ.

„Вообще я былъ всегда такъ счастливъ въ жизни, что встрѣчалъ хорошихъ людей болѣе, чѣмъ дурныхъ, а если и встрѣчалъ послѣднихъ, то ихъ не замѣчалъ, не помню! И еслибы мнѣ надо было дать отвѣтъ на вопросъ: каковъ человѣкъ,—я бы отвѣтилъ, что онъ созданіе, достойное своего Творца; что Божество дало ему Свое дуновеніе, Свою искру, и онъ, несмотря ни на что, не потерялъ ея“.

На это вставилъ свое замѣчаніе Т. И. Филипповъ, приведя русскую пословицу: „чего не найдешь въ себѣ, не найдешь и въ селѣ“.

Въ другой разъ юбиляръ обратился къ одному изъ привѣтствовавшихъ его поэтовъ:

„На одну изъ выраженныхъ вами мыслей, позволю себѣ замѣтить, — нѣтъ — чувствую сильную потребность выразить нѣкоторый протестъ. Вы сказали, что теперь нѣтъ такихъ поэтовъ и не предвидится ихъ—это неправда! Они есть, они здѣсь, можетъ быть, въ этой залѣ, не тутъ—такъ за нею, внѣ ея, въ Россіи,—они еще выйдутъ, наконецъ, изъ земли—и явятся, и, можетъ быть, еще затопчутъ насъ въ грязь—и давай Богъ! Я никогда не льстилъ молодому поколѣнію, никогда не заискивалъ у него, никогда не боялся его, а всегда училъ и буду учить, но безъ этой вѣры въ русскія силы—нельзя жить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника, маститый юбиляръ отблагодарилъ всѣхъ, выразившихъ ему свое сочувствіе, письмомъ, напечатаннымъ во всѣхъ столичныхъ газетахъ. Этимъ отвѣтнымъ письмомъ заканчивается юбилейный праздникъ въ честь А. Н. Майкова, праздникъ, большое значеніе котораго—повторяемъ—нельзя не признать, и которому нельзя не сочувствовать и не радоваться, какъ проявленію въ нашемъ обществѣ сознанія высоты заслугъ, оказанныхъ на поприщѣ чисто художественно-поэтической дѣятельности.

———

Вотъ стихотворенія, прочитанныя на празднествѣ сотрудниками нашего журнала:

I.

Какъ солнце горные хребты
Златитъ отъ главъ и до подножій,
Такъ ты, поэтъ, свѣтильникъ Божій,
Жизнь озаряешь съ высоты.
Твоимъ лучамъ равно доступны
И высь умовъ, и глубь сердецъ;
Глашатай правды неподкупный —
Ты ими властвуешь, пѣвецъ:
Ты будишь правыя надежды,
Караешь лживыя мечты,
Ты облекаешь міръ въ одежды
Нетлѣнной, чистой красоты;
Страстей смиряешь злыя бури,
Сомнѣній гасишь тщетный споръ
И отъ земли въ предѣлъ лазури,
Отъ праха къ небу манишь взоръ.
И вотъ, за даръ твой лучезарный,
За подвигъ многихъ славныхъ лѣтъ,
Ты днесь отчизны благодарной
Пріемлешь радостный привѣтъ.
Внимай: на голосъ твой родные
Отвсюду отклики звучатъ,
Сердца, какъ свѣточи живые,
Тобой возженные горятъ,
Тобой - носителемъ желаннымъ
Святой поэзіи даровъ,
Тобой — преемникомъ избраннымъ
Руси прославленныхъ пѣвцовъ.
О, вѣрно ихъ родныя тѣни
Сюда слетѣлись въ этотъ часъ
И въ хорѣ дружномъ пѣснопѣній
Звучитъ и ихъ хвалебный гласъ,
Въ цылу признательнаго чувства
Слилися всѣ въ мечтѣ одной,
На свѣтломъ праздникѣ искусства
Любуясь и гордясь тобой!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

II.

Пятьдесятъ лебедей пронесли
Съ юга вешніе клики въ полѣсье,
И мы слышали, дѣти земли,
Какъ звучала ихъ пѣснь въ поднебесьѣ.

Майковъ мѣдь этихъ звуковъ для насъ
Отчеканилъ стихомъ-чародѣемъ,
И за это въ торжественный часъ
Мы встрѣчаемъ пѣвца юбилеемъ.

Кто же выступитъ съ гимномъ похвалъ
Передъ тѣмъ, кто, поднявшись надъ нами,

Полстолѣтія Русь осыпалъ
Драгоцѣнныхъ стиховъ жемчугами?

Хоть восторгъ не даетъ намъ молчать,
Но восторженныхъ скоро забудутъ,
А пѣвца по поднебесью мчать
Лебединыя крылья все будутъ. *А. Шеншинъ (Фетъ).*

III.

Вокругъ святилища,—гдѣ свѣтлый сонмъ жрецовъ,
Жрецовъ прекраснаго и высшаго въ твореньи,—
Опять проснулась жизнь, и слышенъ вѣщій зовъ,
Сдвигается толпа и никнетъ въ умиленьи.

* * *

На встрѣчу ей идетъ одинъ вѣнчанный мужъ
Въ порфирѣ, сотканной лучами дивныхъ пѣсенъ,—
Онѣ запали въ глубь несмѣтно-многихъ душъ,
И потому толпѣ просторъ у храма тѣсенъ.

* * *

Съ молитвой на устахъ мы чтимъ тебя, пѣвецъ!
Чаруй насъ, какъ и встарь, волною вдохновенья,
Цари надъ міромъ грезъ и тайнами сердецъ,
Служеньемъ красотѣ спаси насъ отъ паденья.

Кн. Э. Ухтомскій.

IV.

Разбросавъ свои кумиры,
Велики на взглядъ,
Облаченныя въ порфиры
Царства древнихъ спятъ.
Спятъ, умаявшись, другія
Длинной чередой:
Тоже саваны большіе,
Но покрой другой.
Всѣмъ имъ жизнь далась иная!
Но была вѣчна
Нерушимая, живая
Красота одна...
Красота очей глубокихъ,
Вспыхнувшихъ огнемъ;
Блескъ небесъ тысячеокихъ
Надъ полночнымъ сномъ;
Красота въ живыхъ стремленьяхъ,
Въ радостяхъ весны,
Въ чувствѣ дружбы, въ пѣснопѣньяхъ,
Въ быляхъ старины!
Только это—всюду вѣчно,
И свѣтло глядитъ
Въ жизни, рушащей безпечно
Все, что ни творитъ...
Уловить пѣвучей тканью
Безтѣлесныхъ словъ
То, что обще мірозданью
Въ шествіи вѣковъ,

*

Въ духѣ истинномъ народа
И родной земли,
Полстолѣтья, въ годъ изъ года,
Многіе ль могли?
Ты же могъ! и вотъ за это
Слышно, какъ идетъ
Обликъ вѣщаго поэта
Съ пѣснію въ народъ;
Говоритъ душа устами...
Знать: тебѣ дано—
Съ моремъ, лѣсомъ и степями
Думать заодно! *К. Случевскій.*

V.

Какъ былъ бы міръ унылъ и тѣсенъ
Безъ сладкихъ думъ, безъ дивныхъ пѣсенъ,
Безъ вдохновенья сладкихъ грезъ!
Духъ тьмы дробилъ бы насъ, какъ молотъ,
И безъ пощады жизни холодъ
Насъ вѣчнымъ снѣгомъ бы занесъ.
Мы шли бъ скорбя средь тьмы глубокой,
Когда бъ порою гласъ пророка
Не раздавался въ царствѣ тьмы;
Когда бъ, главу склоняя долу,
Его священному глаголу,
Волнуясь, не внимали мы!
Поэтъ, ты былъ такимъ пророкомъ!
Ты свыше былъ ниспосланъ рокомъ,
Чтобъ указать намъ къ свѣту путь;
Врачуя скорбь, врачуя муки,
Твоихъ стиховъ живые звуки
Отраду лили въ нашу грудь;
Любовью къ истинѣ согрѣтый,
Ты шелъ, бросая волны свѣта
На нивѣ родины твоей.
Ты шелъ и правду сѣялъ въ мірѣ!
Поэтъ, ты не игралъ на лирѣ:
Ты на сердцахъ игралъ людей.

П. Козловъ.

Значеніе А. Н. Майкова и его юбилейнаго празднника очертилъ въ своемъ стихотвореніи, также прочитанномъ на торжествѣ, редакторъ *Русскаго Вѣстника*, Ф. Н. Бергъ. Вотъ это стихотвореніе:

Нашъ вѣкъ всегда привыкли называть
Практическимъ и черствымъ, и холоднымъ.
Его ли намъ стихами увлекать
И образомъ поэта благороднымъ?

Но здѣсь къ кому тѣснимся мы толпой?
Зачѣмъ теперь, подъ этой мирной сѣнью,
Здѣсь собрались мы дружною семьей,
Покорные невольному влеченью?

Одна здѣсь мысль у всѣхъ, какъ одного,
Одушевило всѣхъ одно насъ чувство:
Мы чествуемъ поэта своего,
Служителя высокаго искусства.

Какъ дорога намъ прелесть думъ твоихъ,
Какъ дорогъ намъ твой лучезарный геній!
Полвѣка намъ звучитъ твой чудный стихъ—
Полвѣка думъ и чистыхъ вдохновеній!

Нѣтъ, не одна забота торгаша
Стремитъ нашъ вѣкъ въ погонѣ неустанной,
И грезитъ все тревожная душа
О берегахъ земли обѣтованной!

Поэтъ, веди жъ насъ правою стезей
И источи ключъ животворный нынѣ!
Столпъ огненный поэзіи святой
Да свѣтитъ намъ, блуждающимъ въ пустынѣ!

И долго пусть звучитъ твой голосъ намъ,
Звучитъ твой стихъ, чудесный, задушевный,
И насъ зоветъ къ Сіонскимъ высотамъ
Отъ мелкихъ бурь тревоги ежедневной!

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Волынь. Историческія судьбы Юго-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-мя хромолитографіями и 69-ю гравюрами. С.-Петербургъ. 1888.

Изданнымъ въ прошломъ году, съ Высочайшаго соизволенія, сочиненіемъ „Холмская Русь" открыта цѣла серія правительственныхъ изданій по исторіи западныхъ окраинъ нашихъ, бывшихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій подъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ. Къ этой серіи принадлежитъ и озаглавленная книга, за которою будутъ слѣдовать отдѣльными выпусками историческія описанія Бѣлоруссіи и Литвы. Согласно данной программѣ, издатель имѣлъ задачею представить въ ясномъ свѣтѣ коренныя начала русской народности и православія, развившіяся на Волыни въ первый періодъ ея исторіи, т. е. до начала XIV вѣка, обозначить различныя стороннія и „наружныя" наслоенія на коренной пластъ мѣстнаго русскаго населенія, наложенныя на него литовскимъ и особенно польскимъ владычествомъ, и провести въ сознаніе различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія мысль о необходимости и неизбѣжности полнѣйшаго объединенія этой окраины Россіи съ другими коренными ея частями. Изданіе книги о Волыни пріурочено къ празднованію девятисотлѣтія крещенія русской земли св. Владиміромъ, а потому главною цѣлью ея составителей было прослѣдить, какимъ образомъ русская народность и православіе въ краѣ, не смотря на всѣ препятствія со стороны враждебныхъ имъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ, развивались и укрѣплялись здѣсь отъ временъ св. Владиміра и до нашихъ дней. Изложены только такія

событія изъ исторической жизни Волыни, которыя содѣйствовали или препятствовали развитію русской народности и православія, все остальное—опущено, какъ не идущее къ дѣлу.

По заявленію П. Н. Батюшкова, трудъ составленія историческаго описанія судебъ Волыни принадлежитъ профессору Кіевской духовной академіи Н. И. Петрову, при содѣйствіи профессора той же академіи И. И. Малышевскаго. Самостоятельныхъ изслѣдованій въ этомъ трудѣ нѣтъ; онъ всецѣло составленъ по готовымъ пособіямъ, преимущественно по учебникамъ и монографіямъ, пользующимся большею или меньшею извѣстностію въ нашей и польской исторической литературѣ, и очень далекъ отъ первоисточниковъ, за исключеніемъ „Сводной галицко-русской лѣтописи“ (съ 1600 до конца августа 1772 года) Петрушевича, почтеннаго труда издателя: „Памятники старины въ зап. губ.“ и записокъ нѣкоторыхъ современниковъ—выдающихся дѣятелей православія.

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ рисунки и объясненія къ нимъ, состоящія изъ четырехъ отдѣловъ: священныхъ изображеній, портретовъ и изображеній историческихъ лицъ, видовъ мѣстностей и зданій и разныхъ гравюръ, снимковъ съ монетъ, рукописей и проч. Въ этихъ объясненіяхъ много новаго и глубоко интереснаго для слѣдящихъ за ходомъ возрожденія православія и русской народности на Волыни. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе замѣтки о Н. М. Карамзинѣ, графѣ Д. Н. Блудовѣ, его дочери графинѣ А. Д. Блудовой и о церковно-строительномъ дѣлѣ въ западныхъ губерніяхъ въ послѣднее тридцатилѣтіе.

Не многимъ извѣстно, что первый голосъ въ приближенной къ трону средѣ противъ намѣренія Императора Александра I, подпавшаго вліянію кн. Адама Чарторыйскаго, возстановить историческую Польшу—послышался изъ устъ Николая Михайловича Карамзина. „Я слышу русскихъ и знаю ихъ,—писалъ исторіографъ Государю въ своей знаменитой запискѣ 1819 года.—Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душею и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ рабы... А вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и

хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ, — и Господь сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину,—однимъ словомъ возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію польскую землю и снова возьмутъ штурмомъ Прагу".

Графъ Д. Н. Блудовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, велъ бесѣду съ духовникомъ своимъ, протопресвитеромъ Бажановымъ, о ненормальномъ положеніи воспитательнаго дѣла въ нашихъ западныхъ окраинахъ, гдѣ царило въ то время (1864 г.) польское направленіе, и высказывалъ пожеланіе, чтобы тамъ учредить такія воспитательныя заведенія, въ которыхъ будущія жены нашихъ священно-и церковно-служителей получали бы совершенно русское направленіе. Въ самый день своей смерти онъ сказалъ своей дочери: „Надѣюсь, что устроятся такія училища; это мой послѣдній планъ, послѣдняя мысль и желаніе. Дай Богъ, чтобы они осуществились и ты помогла этому."

Графиня Антонина Дмитріевна свято выполнила послѣднюю волю отца, положивъ широкое основаніе на Волыни частной воспитательной дѣятельности, направленной къ укрѣпленію въ мѣстномъ южно-русскомъ народѣ національнаго и православно-религіознаго самосознанія. Она учредила въ г. Острогѣ, бывшей отчинѣ ревнителей православія князей Острожскихъ, православное братство во имя святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Въ мартѣ 1865 г. послѣдовало утвержденіе его устава, а въ октябрѣ открыты начальная Кирилло-Меѳодіевская школа и приготовительное женское училище. На средства, пожертвованныя Государемъ Императоромъ (19.000 р.), Императрицей Маріей Александровной, графиней Алекс. Григ. Шереметевой, княгиней Дарьей Андр. Голицыной, рожденной Остерманъ-Толстой, и другими лицами, перестроенъ изъ бывшаго капуцинскаго монастыря и 8 октября 1876 г. освященъ православный храмъ о трехъ придѣлахъ. Учреждено „женское высшее имени графа Дмитрія Николаевича Блудова училище". Оно пользуется правами женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія; его общее направленіе, по мысли гр. Блудова, состоитъ въ развитіи семейнаго духа и семейныхъ обычаевъ, какъ основы женскаго призванія. Училище это—закрытое учебное заведеніе, съ допущеніемъ и приходящихъ ученицъ; въ училищѣ существуютъ стипендіи, которыя пріурочены къ именамъ замѣчательныхъ русскихъ писателей: Карамзина, Державина, Жуковскаго, Ба-

тюшкова, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Кирѣевскаго, Хомякова и др. При Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ состоятъ еще и другія полезныя учрежденія.

Въ программу всѣхъ основанныхъ братствомъ училищъ положено развитіе въ молодомъ русскомъ поколѣніи убѣжденія, что ихъ родина—искони русская земля, что свѣтомъ христіанскаго ученія она озарена съ востока, что вмѣстѣ съ другими славянами они получили изъясненіе евангелія и всего священнаго писанія отъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія и ихъ преемниковъ, что православная церковь сохранила евангельскую истину отъ временъ апостольскихъ, что поляки стремились обратить русскихъ въ латинство и унію изъ ненависти къ русскому народу и для усиленія Польши.

Кромѣ Кирилло-Меѳодіевскаго, пользуются извѣстностью еще слѣдующія братства на Волыни: Яполотское, Ровенскаго уѣзда, душею котораго была Н. С. Соханская, извѣстная въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Кохановской [1]); Александро-Невское въ м. Радзивиловѣ, Кременецкаго уѣзда; Крестовоздвиженское въ г. Староконстантиновѣ; Преображенское въ г. Дубнѣ и Крестовоздвиженское въ г. Луцкѣ.

Общественная и частная дѣятельность пришла на помощь правительству въ дѣлѣ утвержденія русской народности и православія тотчасъ же по усмиреніи польскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ и какъ только выяснилась твердая воля государственной власти пресѣчь ополяченіе края. Въ началѣ 1860-хъ годовъ на одну Волынь послано было изъ Москвы церковной утвари, ризъ и другихъ принадлежностей для безостановочнаго богослуженія въ православныхъ церквахъ болѣе чѣмъ на *тысячу* храмовъ. Но церковное строительство едва-ли бы пошло быстро и успѣшно безъ крупныхъ пожертвованій непосредственно со стороны государства. Еще въ 1851-мъ году было Высочайше повелѣно: 1) въ селеніяхъ съ православнымъ населеніемъ, гдѣ вовсе нѣтъ церкви, но есть костелъ, послѣдній обратить въ церковь, если помѣщикъ не согласится выстроить каменную церковь, и 2) въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ

[1]) На пожертвованія, полученныя главнымъ образомъ изъ Москвы, она учредила при Яполоткомъ братствѣ школу и сельскій банкъ и оказывала помощь и другимъ церквамъ и церковно-приходскимъ братствамъ Ровенскаго уѣзда. Главнымъ жертвователемъ былъ извѣстный своею благотворительностью въ западномъ краѣ Ив. Ив. Четвериковъ.

костелъ и церковь, но первый находится въ хорошемъ видѣ, а послѣдняя пришла въ ветхость, помѣщикъ же отказывается отъ починки или постройки церкви, костелъ также обратить въ церковь. Тогдашняя полиція, вмѣсто энергичнаго исполненія монаршей воли, стала отбирать отъ помѣщиковъ подписки о починкѣ или постройкѣ церквей для ихъ крестьянъ. Подписки охотно давались, но равносильныя отказу и содержавшія въ себѣ явное глумленіе надъ правительствомъ. Въ книгѣ г. Батюшкова приведены факты, не оставляющіе въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія:

„Одинъ состоятельный помѣщикъ, полякъ, назначилъ на ремонтъ половъ въ церкви *восемь* лѣтъ; другой въ подпискѣ, данной въ 1853 году, обязался исправить церковь въ теченіи 4 лѣтъ, но съ тѣмъ, что работы будутъ начаты въ 1869 году; давались обязательства непремѣнно выстроить церковь, но только деревянную и въ теченіи 25 лѣтъ".

И подобныя подписки представлялись по начальству, какъ ни въ чемъ не бывало!

Только въ 1858 году правительство рѣшилось взять церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ въ свои руки и поставить его въ положеніе независимое отъ воли частныхъ лицъ.

Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ С. С. Ланскимъ, по докладу предсѣдателя образованнаго при этомъ министерствѣ церковно-строительнаго отдѣла, П. Н. Батюшкова, и съ Высочайшаго утвержденія, были приняты слѣдующія мѣры: а) полное отстраненіе помѣщиковъ отъ участія въ устройствѣ православныхъ церквей; б) командированіе въ юго-западныя губерніи штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба для осмотра церквей и зданій для священно-церковно-служителей; в) назначеніе правительствомъ суммъ на сооруженіе новыхъ и ремонтъ обветшалыхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; г) приглашеніе русскаго общества къ добровольнымъ пожертвованіямъ на это дѣло. Правительствомъ ежегодно были назначаемы суммы на постройку православныхъ храмовъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Суммъ этихъ за время 1858—1887 гг., т. е. въ теченіи 30 лѣтъ, было отпущено 9.860.549 р., что дало возможность произвести до 1.700 церковныхъ сооруженій. За то же время пожертвовано деньгами: Императрицей Маріей Александровной и ея августѣйшими дѣтьми 69.910 р.; частными лицами и обществами 246.238 рублей. По почину съ высоты трона, пожертвованія *вещами* приняли широкіе размѣры. Поступило: отъ Государя Императора

Александра Николаевича 25 иконъ въ богатыхъ окладахъ; отъ Императрицы и членовъ Императорскаго дома разныхъ церковныхъ предметовъ на 40 приходовъ; отъ Наслѣдника Цесаревича 80 серебряныхъ дарохранительницъ, отъ митрополитовъ Московскаго и Петербургскаго, отъ лавръ Троице-Сергіевской и Александро-Невской, отъ разныхъ монастырей и приходскихъ церквей первопрестольной столицы, а также отъ частныхъ благотворителей Петербурга и Москвы—ризъ и другихъ облаченій 6.565, иконъ въ окладахъ 1.396, серебряныхъ чашъ 1.090, дарохранительницъ 524, крестовъ напрестольныхъ 1.435 и наперстныхъ 1.000.000 (?), евангелій въ окладахъ 913, сосудовъ водосвятныхъ, антидорныхъ и др. 2.808, подсвѣчниковъ выносныхъ и напрестольныхъ 1.422, паникадилъ и лампадъ 797, плащаницъ 275 и много мелкихъ церковныхъ предметовъ: кадилъ, мирницъ, дароносицъ и т. п. Нѣкоторыя изъ лицъ Петербургскаго высшаго общества приняли на свое иждивеніе снабженіе утварью, богослужебными книгами и проч. на цѣлую церковь, а Императрица Марія Александровна приняла на свое попеченіе по одной церкви каждаго уѣзда.

Все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что патріотическое чувство, двадцать лѣтъ тому назадъ, съ большою силою проявилось едва-ли не во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Представленные въ 1865 году волынскимъ преосвященнымъ 420 благодарственныхъ всеподданнѣйшихъ адресовъ приходскихъ обществъ: Кременецкаго, Новградволынскаго, Заславскаго, Овручскаго, Владиміро-Волынскаго, Луцкаго, Староконстантиновскаго, Дубенскаго, Острожскаго и Житомірскаго уѣздовъ составляютъ отрадную страницу въ исторіи развитія гражданской жизни южно-русскаго народа. Въ этихъ адресахъ, за подписью 587 священно-церковно-служителей и 1.314 свѣтскихъ лицъ, уполномоченныхъ отъ 378.219 прихожанъ, „вспоминается о древнемъ единствѣ православной Руси и послѣдовавшихъ затѣмъ бѣдственныхъ событіяхъ, нарушившихъ это единство; указывается на былое господство иноплеменной и иновѣрной власти, остановившей и отчасти заглушившей самобытное развитіе русскаго народа, вынесшаго многовѣковую тяжкую борьбу; возвышается и должнымъ образомъ освѣщается фактъ возвращенія Волыни подъ сѣнь единокровной и единовѣрной Россіи,—фактъ, предотвратившій конечную гибель русскаго народа, но не прекратившій однако борьбы между народностями, пока не появились манифесты 19 февраля 1861 г. и 30 августа 1863 г., положившіе предѣлъ этой борьбѣ освобожде-

ніемъ православнаго населенія отъ крѣпостной зависимости его отъ польско-католическаго дворянства".

II.

Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны И. А. Бычковымъ. Спб., 1887.

Въ числѣ пріобрѣтеній Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ бумаги нашего знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго, принесенныя ей въ даръ сыномъ поэта, П. В. Жуковскимъ. Самый богатый отдѣлъ въ этомъ собраніи составляютъ бумаги самого поэта (сочиненія, переводы, дневники, замѣтки, записныя книжки, письма, педагогическія работы), обнимающія почти всю его литературную дѣятельность съ 1800 по 1852 г. Въ прекрасномъ и чрезвычайно полномъ описаніи этихъ бумагъ, составленномъ г. Бычковымъ, онѣ распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: а) матеріалы для автобіографіи поэта и его путевые дневники; б) сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ; в) нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества „Арзамасъ"; г) бумаги, относящіяся до самообразованія Жуковскаго, и д) педагогическія его работы. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мы находимъ весьма много новаго историко-литературнаго и библіографическаго матеріала. Для характеристики личности поэта наибольшее значеніе имѣютъ бумаги перваго отдѣла, дневники и планы автобіографіи. Въ 1804 г. Жуковскій набросалъ первый такой планъ. Онъ предполагалъ: „разсмотрѣть свою прошедшую жизнь; разобрать свой собственный характеръ и характеръ нѣкоторыхъ знакомыхъ; разсмотрѣть свое настоящее положеніе; сдѣлать планъ для будущей жизни; привести въ порядокъ свою моральную систему". Такимъ образомъ, автобіографія должна была имѣть для Жуковскаго особенную цѣль, онъ желалъ оглянуться на прошлое, чтобы установить нравственныя основанія для будущаго. Интересенъ журналъ, начинающійся 13-мъ іюня 1805 г. и кончающійся 12 августа 1806 года,—это не простой дневникъ, въ которомъ записываются разныя происшествія, задача журнала была гораздо шире; Жуковскій отдавался въ немъ бесѣдѣ съ самимъ собой, пытался рѣшать различные вопросы философскіе и нравственные, представлявшіеся его уму. Приведемъ для примѣра первые два параграфа:

„Даже говоря правду, надобно быть нѣсколько *скрыт-*

нымъ, то-есть, надобно правдѣ, самой непріятной, давать такой образъ, который бы помогъ отвратить отъ нея *того человѣка, которому ее предлагаешь*. Иначе она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ *грубостью и жестокостію*, которыми хвалились стопки, есть нѣкоторымъ образомъ непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь, и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдолюбія. Сверхъ того, никто не позволитъ себя учить: это противно самолюбію, слѣдовательно безполезно, потому что недѣйствительно. Учи людей такимъ тономъ, какъ будто бы отъ нихъ самъ желаешь научиться. Заставь ихъ самихъ сказать то, что бы желалъ сказать имъ. *Говорить правду другу другое дѣло.*—Главная обязанность человѣка есть быть честнымъ. Счастіе, наслажденіе, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависятъ болѣе отъ темперамента и обстоятельствъ. Честность зависитъ отъ него же самого".

Указаннымъ характеромъ нравственно-философскихъ размышленій отличаются вообще всѣ дневники Жуковскаго. Конечно, отъ этого увеличивается ихъ значеніе, они являются весьма важнымъ источникомъ для опредѣленія нравственной личности поэта, въ нихъ выясняется его чистота, его тонкое нравственное чутье и тактъ, ярко отражается та „красота души", которой поэтъ придавалъ такую большую цѣну, какъ это видно изъ его письма къ гр. С. А. Самойловой, гдѣ онъ говоритъ: „счастіе жизни—красота души, неизмѣняемая посреди перемѣнчивыхъ случаевъ жизни";—этою красотой души самъ поэтъ обладалъ въ высшей степени. Не можемъ не привести еще одного изъ подобныхъ разсужденій, въ которомъ поэтъ высказываетъ свой взглядъ на счастіе. „Наша цѣль, говоритъ онъ, *общее счастіе*. Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастію кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно, общему. Дѣлать все только, что бы къ нему способствовало. Въ чемъ состоитъ это *общее счастіе*? Въ семейственномъ спокойствіи, то-есть, чтобы у насъ въ семьѣ все было весело, чтобы въ ней была полезная дѣятельность, чтобъ не было недостатка ни въ чемъ необходимомъ. Чтобъ быть веселымъ, надобно быть довольнымъ своимъ положеніемъ, довольнымъ другими, довольнымъ собою. NB. Средства на это самыя легкія, самыя простыя и всѣ отъ насъ зависятъ. Чтобы составить наше счастіе, намъ

не надобно ходить вдаль за способами: они всѣ у насъ подъ руками; только хотѣть и не отдѣлять себя отъ другихъ,—а соглашать свои понятія объ немъ съ понятіями своихъ товарищей". Какъ просты эти мысли! и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онѣ возвышенны! Эгоизму нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ требуется „свое особенное все приноровлять къ общему". Можно было бы цитировать еще очень много подобныхъ нравственныхъ размышленій нашего поэта, въ которыхъ является та же его высокая чистота души, но мы остановимся на нѣкоторыхъ его политическихъ мысляхъ. „Самодержавіе, говоритъ онъ, есть природа русскаго государства". Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ самодержавіе: „оно есть высшая форма правленія, если оно соотвѣтствуетъ смыслу своего слова. Самъ держу и самого себя держу. И то и другое заключается въ словѣ самодержавіе". Это опредѣленіе чрезвычайно мѣткое, въ немъ очень вѣрно разграничиваются самодержавіе, восточный деспотизмъ и западный абсолютизмъ, въ этомъ опредѣленіи указывается та нравственная гарантія, которую даетъ самодержавіе и которой не можетъ дать никакой самый усовершенствованный, самый либеральный конституціонный аппаратъ. Въ связи съ этими мыслями можетъ быть поставленъ слѣдующій „набросокъ" о свободѣ: „Въ обществѣ человѣческомъ неограниченной свободы быть не можетъ. Еслибы кто-нибудь изъ составляющихъ общество могъ имѣть неограниченную свободу, всѣ прочіе сдѣлались бы его рабами".

Всѣ эти мелкія замѣтки имѣютъ весьма важное значеніе для характеристики личности и міросозерцанія Жуковскаго. Безъ нихъ невозможна настоящая біографія поэта. Весьма крупный біографическій интересъ представляютъ собою бумаги, отнесенныя г. Бычковымъ въ четвертый и пятый отдѣлы и касающіяся самообразованія и педагогической дѣятельности Жуковскаго. Изъ послѣднихъ многія изданы Русскимъ Историческимъ Обществомъ, какъ матеріалъ для жизнеописанія Императора Александра II.

Но какъ ни богатъ біографическій матеріалъ, заключающійся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, главную ихъ часть составляетъ второй отдѣлъ, въ которомъ находятся его переводы и сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Въ описаніи г. Бычкова бумаги размѣщены, на сколько возможно, въ хронологической послѣдовательности. Сборники, въ которыхъ содержатся произведенія за нѣсколько лѣтъ, помѣщены подъ тѣмъ годомъ, къ которому относится самое раннее изъ находящихся въ нихъ произведеній. Тетради разныхъ го-

довъ, но относящіяся до одного какого-либо произведенія (напримѣръ, до перевода Одиссеи) помѣщены непосредственно одна за другою. Такое размѣщеніе тетрадей, относящихся къ одному произведенію, имѣетъ весьма существенное значеніе: благодаря ему, мы получаемъ возможность слѣдить за самымъ процессомъ поэтическаго творчества Жуковскаго. Въ этомъ отношеніи г. Бычковъ иногда самъ намъ помогаетъ, сравнивая подстрочный, прозаическій переводъ Жуковскаго съ окончательнымъ, стихотворнымъ текстомъ, при чемъ близость стиха къ прозаическому изложенію оказывается полною. Вотъ напримѣръ начало прозаическаго перевода Гердерова: „Сида“:

„Побѣда надъ пятью царями маврами. Они именуютъ Родрига своимъ Цидомъ и признаютъ себя его вассалами. Ихъ послы являются къ Родригу Баварскому и такъ смиренно его привѣтствуютъ: Добрый Цидъ, мы посланы пятью царями, твоими вассалами, чтобы заплатить тебѣ дань ихъ“.

Въ стихахъ же, въ печатномъ изданіи „Сидъ“ начинается такимъ образомъ:

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ Родриго побѣдилъ;
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали.

Историко-литературный матеріалъ, заключающійся во второмъ отдѣлѣ бумагъ Жуковскаго, имѣетъ весьма большую цѣнность. Издатель сочиненій поэта найдетъ въ немъ множество важныхъ указаній, много совсѣмъ новаго. Помѣты на рукописяхъ даютъ возможность устранить многія неточности послѣдняго полнаго собранія произведеній поэта, установить ихъ строгую хронологическую послѣдовательность. Многія сочиненія, считавшіяся „приписываемыми“, оказываются несомнѣнно принадлежащими поэту, напр. стихотвореніе „Смерть“, признанное даже г. Ефремовымъ произведеніемъ кн. Вяземскаго. Наконецъ, нашлось немало произведеній поэта, совсѣмъ не вошедшихъ въ послѣднее полное собраніе. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній были прежде напечатаны, нѣкоторыя совсѣмъ не были изданы; относительно первыхъ г. Бычковъ указываетъ, гдѣ они были помѣщены; что же касается сочиненій неизданныхъ, то при

нѣкоторыхъ кромѣ заголовка онъ приводитъ начало, а иногда болѣе или менѣе обширныя выдержки, нѣкоторыя же печатаетъ цѣликомъ. Такъ въ приложеніи къ описанію помѣщенъ стихотворный переводъ „Слова о Полку Игоревѣ“, въ текстѣ напечатаны 64 стиха изъ поэмы: „Вѣчный Жидъ“, стихотворенія: „Солнце и Борей“, „Умирающій Лебедь“, „Могила“, „Любовь“, „Къ младенцу“, „Утѣшеніе“, „Къ сестрамъ и братьямъ“, „Жалоба“, „Тоска“, „Стремленіе“, „Перп“, „Пѣснь бедуинки“, „Мечта“ и многія другія болѣе мелкія или не имѣющія заглавія. Переводъ „Слова о Полку Игоревѣ“ близокъ къ подлиннику, такъ что не уступаетъ позднѣйшимъ переводамъ нашихъ поэтовъ. Среди мелкихъ стихотвореній есть прелестныя, положительно образцовыя по формѣ, образности выраженія и по самой мысли, каковы напр. „Солнце и Борей“, „Умирающій Лебедь“, „Пѣснь бедуинки“. Есть много стихотвореній, написанныхъ гекзаметромъ,—этимъ размѣромъ Жуковскій владѣлъ въ совершенствѣ,—вотъ напримѣръ одно изъ такихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Стремленіе“:

Часто при тихомъ сіяніи мѣсяца, полная тайной
Грусти, сижу я одна, и вздыхаю и плачу, и душу
Вдругъ обнимаетъ мою содроганье блаженства. Живая,
Свѣжая, чистая жизнь приливаетъ къ душѣ, и глазами
Вижу я то, что въ гармоніи струнъ лишь дотолѣ таилось;
Вижу незнаемый край, и мнѣ сквозь лазурное небо
Свѣтится издали радостно, ярко звѣзда упованья.

Таковъ богатый матеріалъ, заключающійся въ бумагахъ Жуковскаго, и г. Бычковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, „что безъ обращенія къ нимъ немыслимы теперь ни составленіе біографіи Жуковскаго, ни изданіе полнаго собранія его сочиненій“.

III.

Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. Пер. А. Шмаковъ. Москва. 1888 г.

Названная книга заключаетъ въ себѣ переводъ судебныхъ рѣчей французскихъ адвокатовъ: Беррье, Шэ д'Естъ Анжа, Жюля Фавра, Лашо отца, двухъ Дюпеновъ, Порталиса и наконецъ Мерельи, который, не будучи присяжнымъ адвокатомъ, выступилъ на защиту своего собственнаго бракоразводнаго дѣла, начатаго по иску его жены Мерельи. Насколько мы знаемъ, настоящій трудъ — первая попытка въ нашей юридической литературѣ познакомить русскую публику съ французскимъ адвокатскимъ краснорѣ-

чіемъ въ переводѣ образцовъ его на русскій языкъ. Появленіе этого труда какъ разъ непосредственно за „судебными рѣчами“ А. Ф. Кони какъ будто-бы нарочно вызываетъ на сравненіе обѣихъ этихъ книгъ между собою. Но мы, разумѣется, воздержимся отъ подобнаго сравненія, уже во-первыхъ потому, что такіе талантливые ораторы, какъ А. Ф. Кони, составляютъ пока еще въ нашей магистратурѣ явленіе почти единичное. За все время возникновенія у насъ судебной ораторской дѣятельности, появилось всего какихъ-нибудь два, три—много четыре имени, которыя можно было бы поставить въ параллель или на ряду съ именемъ бывшаго прокурора, а потомъ предсѣдателя Петербургскаго Окружнаго Суда. Авторъ книги „Судебныя рѣчи“ дѣйствительно владѣетъ рѣчью такъ, какъ немногіе даже и французскіе адвокаты владѣютъ ею. Мы говоримъ „даже и французскіе“ потому, что во Франціи уже цѣлыя столѣтія существуетъ цѣлая ораторская школа; молодыя поколѣнія французскихъ адвокатовъ воспитываются на старыхъ образцахъ, и юридическое краснорѣчіе развивается тамъ преемственно... Наши же немногіе ораторы являются сами основателями русской школы юридическаго краснорѣчія. Наши адвокаты должны изучать ихъ настолько же, насколько и иностранные образцы.

Обращаемся, впрочемъ, къ книгѣ г. Шмакова. Прежде всего надо отдать справедливость переводчику за его благое намѣреніе познакомить русскую публику съ образцами французскаго юридическаго краснорѣчія, объ которомъ, замѣтимъ, между прочимъ, у насъ въ громадномъ большинствѣ составилось совершенно ложное представленіе. У насъ полагаютъ, что французскіе адвокаты въ своихъ рѣчахъ бьютъ исключительно на ораторскіе эффекты и внѣшнимъ блескомъ фразъ и фейерверками громкихъ словъ замѣняютъ внутреннюю содержательность рѣчи, отсутствіе серьезнаго подбора фактовъ, ихъ умѣлой группировки и вообще всего, что должно дѣйствовать на разумъ и убѣжденіе, а не на нервы слушателей. На самомъ дѣлѣ это совершенно не вѣрно. Свой успѣхъ строятъ исключительно на внѣшнемъ блескѣ рѣчи и на ораторскихъ эффектахъ (при томъ нерѣдко позаимствованныхъ), какъ у насъ, такъ и вездѣ—во Франціи только разныя адвокатскія посредственности и бездарности, которымъ недоступна ни глубина мысли, ни разработка фактическаго матеріала. Настоящіе же ораторы—такъ сказать столпы адвокатскаго сословія—отличаются дѣйствительнымъ знакомствомъ со всѣми условіями успѣха серьез-

наго ораторскаго искусства: ихъ рѣчи отличаются логической связью частей, подборомъ и группировкой фактовъ и дѣйствуютъ на убѣжденіе.

Въ книгѣ г. Шмакова мы находимъ нѣсколько такихъ рѣчей—напримѣръ рѣчь Шэ д'Естъ Анжа по дѣлу Ла Ронсьера и рѣчи Лашо по дѣламъ Поммере и Маріи Бьеръ. Въ первомъ изъ названныхъ дѣлъ (Ла Ронсьера) мы рядомъ съ дѣйствительно образцовой защительной рѣчью знаменитаго адвоката Шэ д'Естъ Анжа находимъ рѣчь не менѣе знаменитаго Беррье, которая можетъ служить весьма поучительнымъ примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ говорить адвокату, мало-мальски уважающему себя. Эта рѣчь знаменитаго Беррье заключаетъ въ себѣ именно всѣ тѣ недостатки, которые, какъ было замѣчено выше, у насъ любятъ приписывать французской адвокатурѣ вообще. Она построена исключительно на трескучихъ фразахъ и была произнесена исключительно *съ разсчетомъ на нервы* аудиторіи. Впрочемъ, дѣло Ла Ронсьера представляетъ собою образецъ одной изъ самыхъ нелѣпыхъ ошибокъ суда присяжныхъ, вынесшихъ обвинительный вердиктъ подсудимому несмотря на несомнѣнно доказанную *невозможность* для него совершить преступленіе, въ которомъ его обвиняли. Въ этомъ дѣлѣ не только alibi и цѣлый рядъ доказательствъ, ясно говорившихъ, что то дѣяніе, которое приписывалось подсудимому, *не могло* быть совершено имъ—словомъ ничто не помогло и Ла Ронсьеръ былъ обвиненъ „въ умышленномъ нанесеніи ранъ Маріи Морель“ *потому только*, что адвокатъ мнимо потерпѣвшей — Беррье со слезами увѣрялъ присяжныхъ, что если оправдаютъ Ла Ронсьера, то этимъ оправданьемъ—*обвинятъ и покроютъ позоромъ* Марію Морель и ея семью... Присяжные повѣрили на слово краснорѣчивому адвокату и принесли правосудіе въ жертву симпатіямъ, которыя внушала имъ дѣвица Морель. На самомъ же дѣлѣ Марія Морель была истерически больная и страдала галлюцинаціями, которыя и создали въ ея воображеніи всю исторію преступленія Ла Ронсьера.

Для молодыхъ адвокатовъ знакомство съ исторіей процессовъ, подобныхъ этому, можетъ принести большую пользу. То же можно сказать и о процессахъ Поммера (отравленіе) и о Маріи Бьеръ (покушеніе на убійство). Но справедливость требуетъ замѣтить, что выборъ другихъ процессовъ, приведенныхъ въ книгѣ г. Шмакова—едва-ли можетъ быть объясненъ чѣмъ-либо, кромѣ какой-нибудь случайности. Во французской литературѣ уже многіе десятки

лѣтъ существуетъ очень полезное и интересное изданіе „Les causes célèbres“. Въ немъ болѣе цѣлесообразно собрано все или болѣе интересное.

Книга г. Шмакова можетъ быть разсматриваема, какъ попытка въ этомъ направленіи и попытка, заслуживающая сочувствія. Внѣшній видъ изданія роскошенъ, и нельзя не пожалѣть, что эта роскошь, возвышая цѣну его до 4-хъ руб., дѣлаетъ его мало доступнымъ начинающимъ адвокатамъ, т. е. какъ разъ тѣмъ, кому оно могло бы принести пользу.

IV.

К. К. Случевскій.—По Сѣверу Россіи. Т. III. „Балтійская сторона“. Путешествіе Ихъ Имп. Высоч. в. кн. Владиміра Александровича и в. кн. Маріи Павловны.

Каждое лѣто въ теченіи 1884, 85, 86 и 87 годовъ, Его Имп. Выс. великій князь Владиміръ Александровичъ, въ качествѣ командующаго войсками С.-Петербургскаго военнаго округа, предпринималъ довольно отдаленныя поѣздки для осмотра войсковыхъ частей ввѣреннаго ему округа и ознакомленія съ мѣстностью ихъ расположенія. Кромѣ того, по волѣ Государя Императора—Его Августѣйшій братъ долженъ былъ осмотрѣть и часть мѣстъ расположеній войскъ, входящихъ въ составъ Виленскаго военнаго округа, вслѣдствіе чего великій князь имѣлъ возможность вполнѣ ознакомиться съ нашей военно-морской границей на всемъ протяженіи ея отъ Выборга до Либавы. Въ теченіи названныхъ годовъ былъ постепенно осмотрѣнъ весь сѣверный край, составляющій почти четвертую часть всего пространства Европейской Россіи.

Авторъ книги, заглавіе которой значится выше, К. К. Случевскій, сопутствовалъ великому князю во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, и свои путевыя впечатлѣнія излагалъ въ весьма пространныхъ и подробныхъ корреспонденціяхъ, печатавшихся въ свое время на столбцахъ „Прав. Вѣст.“ и „Моск. Вѣд“. Впослѣдствіи г. Случевскій началъ издавать свои корреспонденціи въ видѣ отдѣльныхъ книгъ. Вышедшая теперь въ свѣтъ „Балтійская сторона“ составляетъ третій томъ этого изданія.

Этотъ томъ представляетъ совершенно исключительный и весьма живой интересъ для всякаго, кого занимаютъ судьбы нашихъ окраинъ.

Прибалтійскія губерніи или, какъ ихъ любятъ называть хозяйничающіе въ нихъ потомки благородныхъ ливонскихъ

и тевтонскихъ рыцарей, „Остзейскій край“ представляетъ наибольшій интересъ: они служатъ живымъ, такъ сказать, примѣромъ какъ добродушіемъ и потворствомъ нельзя подчинять своему вліянію племена, подчиненныя силой оружія государственной власти. Мягкость и добродушіе русской администраціи, сталкиваясь до сихъ поръ съ пассивнымъ, но крайне упорнымъ противодѣйствіемъ — съ мѣстной, такъ называемой, интеллигенціей, всегда въ концѣ концовъ уступала ей, и всѣ попытки къ сліянію „Балтійскаго края“ съ остальной Россіей оставались неуспѣшными. Не только каждая губернія этого края, но и каждый городъ имѣетъ свои *особыя права* „рыцарскія“ и иныя, полученныя, Богъ вѣсть, отъ какихъ разношерстныхъ нѣмцевъ. Вся эта пестрая амальгама разныхъ „нѣмецкихъ правъ“ находитъ постоянную поддержку и питаніе въ „нѣмецкомъ“ дерптскомъ университетѣ съ его богословскимъ факультетомъ, который служитъ разсадникомъ нѣмецкаго сепаратизма, разсылая по всѣмъ концамъ Россіи агентовъ „великаго фатерланда“ подъ видомъ ученыхъ пасторовъ.

Извѣстно, что великій князь Владиміръ Александровичъ во время своей поѣздки въ 1886 году произнесъ въ стѣнахъ дерптскаго университета рѣчь, въ которой, напомнивъ остзейскимъ баронамъ слова своего почившаго Родителя, сказанныя четверть вѣка тому назадъ—указалъ на необходимость тѣснаго сліянія съ общимъ русскимъ отечествомъ. Кому неизвѣстно, вслѣдствіе чего понадобилось такое напоминаніе. Книга г. Случевскаго настолько глубоко и серьезно затрогиваетъ этотъ вопросъ и знакомитъ читателя съ судьбами „Балтійскаго края“, что объ ней нельзя сказать лишь нѣсколько словъ. Въ будущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* мы надѣемся посвятить ей отдѣльную статью. Въ настоящую же минуту мы ограничимся лишь указаніемъ на тотъ интересъ, который она, по нашему мнѣнію, представляетъ для читателя. Лица, незнакомыя съ двумя первыми томами путевыхъ замѣтокъ г. Случевскаго, могутъ ознакомиться съ этимъ третьимъ томомъ, который представляетъ трудъ вполнѣ отдѣльный и самостоятельный.

Книжныя новости.

Книги, вышедшія въ свѣтъ за послѣдній мѣсяцъ:

Въ С.-Петербургѣ:

Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями и 69 гравюрами. XV+288+127 стр. 8 д. л.

Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныя Е. Е. Замысловскимъ. Изданіе Археографической Коммиссіи. Выпускъ первый. VI+314 стр. 8 д. л.

Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. 1878—1881 г.г. Выпускъ восьмой. 125+307+28+80+44 стр. 8 д. л.

Вел. Князь Георгій Михайловичъ. *Монеты царствованія Императора Александра II.* VIII+223 стр. XXVIII табл. 2 д. л.

Le Feld-Maréchal Prince Paskévitsch. Sa vie politique et militaire d'apres des documents inédits par le general prince Stchenbatow de l'état-major. Tome premier 1782—1826. Traduit par une russe 280 p. in 8°.

К. Случевскій. *По сѣверу Россіи.* Т. III. Балтійская сторона путешествія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны, въ 1886—87 гг. Съ картою пути. 487+3 стр. 4 д. л.

Сборникъ статей по классической филологіи. 1888. Выпускъ I. 239 стр. 8 д. л.

Аттическое нарѣчіе по надписямъ и рукописному преданію. Обзоръ изслѣдованія въ области аттическаго нарѣчія за послѣднія десятилѣтія. 146 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи русской арміи. *Походы 64-го пѣхотнаго Казанскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка.* 1642—1700—1886. Составили В. Борисовъ и А. Сыцянко. XVI+819 стр. 8 д. л.

С. Ѳ. Платоновъ. *Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.* VI+372 стр. 8 д. л.

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ восьмой и послѣдній. IV+493+LX стр. 8 д. л.

Общій указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ исторіи Россій-

ской Академіи, составленный М. И. Сухомлиновымъ. LX стр. 8 д. л.

Симбирская губернская гимназія (1786—1887 г.). Библіографическая монографія. Составилъ И. Г. Безгинъ. 40+376 стр. 8 д. л.

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени Вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Т. VI. *Возстаніе и возрожденіе Греціи.* 484 стр. 8 д. л.

Владиміръ Соловьевъ. *Національный вопросъ въ Россіи.* Изданіе второе, дополненное. VII+209 стр. 8 д. л.

30 апрѣля. *Стихотворенія А. Н. Майкова* (1883—1888). II+68 стр. 12 д. л.

А. Н. Майковъ. По поводу пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Съ портретомъ А. Н. Майкова. 27 стр. 8 д. л.

Reiseskizzen von le Flâneur. VI+436 s. in 8°.

Избранныя сочиненія Пушкина для народнаго чтенія. Изданіе СПБ. комитета грамотности. XXIII+444+III стр. 8 д. л.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Сочиненіе А. И. Радищева. Воспроизведеніе изданія 1790 года. IV+453 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Н. П. Жандра. Томъ первый. 195 стр. Томъ второй. 251 стр. 8 д. л.

Викторъ Крыловъ (Александровъ). *Драматическія сочиненія.* Томъ четвертый. XIII+386 стр. 8 д. л.

Анатолій Леманъ. *Очерки кадетской жизни.* 248 стр. 8 д. л.

И. Панаевъ. *Львы въ провинціи.* 368 стр. 8 д. л.

Сѣверные цвѣты. Выборъ изъ стихотвореній А. С. Пушкина. 144+IV стр. 12 д. л.

А. А. Греве. *Статьи, письма и замѣтки.* Часть II. 1887 г. 59 стр. 8 д. л.

Н. Лендезъ. *На Волгѣ.* Очерки, картинки, путевыя замѣтки и обозрѣнія. (Волжскій спутникъ). 235 стр. 12 д. л.

Былъ. В. И. Немировичъ-Данченко. Второе изданіе. 501 стр. 8 д. л.

Приключенія Финна. Сочиненіе Марка Твэна (Самуэла Клеменса). Съ 172 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. 486 стр. 8 д. л.

Какъ я жилъ и что видѣлъ въ расколѣ. Разсказъ крестьянина Ѳ. В. Мучкина. 64 стр. 8 д. л.

Какъ увеличить заработокъ русскаго землевладѣльца? 37 стр. 8 д. л.

Письма матери къ матерямъ. М. Колоколовой. 118 стр. 12 д. л.

Особенная часть русскаго уголовнаго права. Дополненіе къ курсу, читанному профессоромъ, докторомъ правъ, Н. А. Неклюдовымъ. Выпускъ I. Посягательства на личность. Издатель поручикъ графъ Валуевъ. 176 стр. 8 д. л.

Военная аэронавтика. (Опытъ краткаго обзора воздухоплаванія). Составилъ Б. Д. Потемкинъ. 116 стр. 8 д. л.

Н. В. Жуковскій. *Маленькій пиротехникъ.* Руководство къ приготовленію фейерверковъ съ 49 рецептами и 54 рисунками. IV+74 стр. 8 д. л.

Руководство къ производству электрическихъ измѣреній изолированныхъ проводниковъ (кабелей). Составлено Н. Писаревскимъ. VIII+II+288+22 стр. 8 д. л.

Клиническія лекціи профессора Германа Нотнагеля въ Вѣнѣ. Выпускъ первый. *Терапія болѣзней сердца.* Переводъ д-ровъ М. и Е. Блюменау. IV+28 стр. 8 д. л.

Двѣнадцатая ночь. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ А. А. Соколовскаго. Текстъ редактированный для сцены. 48 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Алюминій, его добываніе, свойства, обработка, сплавы и соединенія наиболѣе важныя въ техникѣ. Составилъ А. И. Коренблитъ. 110 стр. 8 д. л.

Девятисотлѣтіе русской іерархіи 988—1888. Епархіи и Архіереи. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. 104+XX ст. 8 д. л.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Томъ двадцать первый. Изданіе третье. 369+II стр. 8 д. л.

Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія. По поводу столѣтней годовщины его рожденія. Съ портретомъ А. Шопенгауера. VI+240 стр. 8 д. л.

Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. Заслуженнаго ординарнаго профессора Московскаго университета М. Троицкаго. Книга третья. Логика геометріи и наукъ о духѣ. Выпускъ I. 148 стр. 8 д. л.

Судебные ораторы во Франціи. Беррье.—Шэ д'Естъ Анжъ.—Жюль Фавръ.—Лашо.—Филиппъ Дюпенъ.—Портализъ.—Дюпенъ Старшій.—Мирабо.—Избранныя рѣчи. Перевелъ Алексѣй Шмаковъ. 439 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ исторіи русскаго рыболовства. *Госуда-*

рева погонная шехонская ловля стерлядей въ XVII столѣтіи. 31 стр. 8 д. л.

Воспоминанія о Степанѣ Алексѣевичѣ Масловѣ. А. Краснопѣвкова. 29 стр. 8 д. л.

Памяти Александра Ѳедоровича Малинина. Съ портретомъ. 64 стр. 8 д. л.

Армянская колонія въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ. Составилъ Габріэль Теръ-Габріэльянцъ. VI+112+X стр. 8 д. л.

„*Лирика Пушкина*“ (Разборъ). Составилъ Е. Воскресенскій. 77 стр. 8 д. л.

Литературный сборникъ. 145 стр. 8 д. л.

Потерянный и возвращенный рай. Поэма въ IV частяхъ Мильтона. Полный переводъ Н. М. Бородина. 335 стр. 8 д. л.

Русскія народныя былины. Тексты, объяснительныя статьи и примѣчанія. Составилъ Левъ Поливановъ (Для всѣхъ возрастовъ). Съ тремя оригинальными фотогравюрами и многими политипажами въ двѣ краски. XXI+194+II стр. 8 д. л.

Съ міра по нитки. Стихотворенія. 104 стр. 8 д. л.

Съ міра по нитки. Повѣсти и разсказы. 121 стр. 8 д. л.

Гюи-де-Мопассанъ. *Новѣйшіе очерки и разсказы*. (Le Horla). Переводъ А. С. Размадзе. 319 стр. 12 д. л.

А. Д. Мясоѣдовъ. *Жертвы сердца*. Картины современной жизни. 440 стр. 8 д. л.

Русская Хрестоматія. Памятники древней русской литературы и народной словесности съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ Ѳедоръ Буслаевъ. Четвертое изданіе, исправленное и дополненное. II+478+II стр. 8 д. л.

Медицина въ 1886 году. Годичникъ врачебной литературы по всѣмъ ея спеціальностямъ, составленный подъ редакціей Спримона. Выпускъ третій. Стр. 1005—1342. 8 д. л.

Въ Казани:

Сзятое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа отъ Матѳея. Древне-славянскій текстъ. Издалъ Н. Ильминскій. V+76 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской церкви. П. Забѣлина. Въ трехъ частяхъ. Изданіе вто-

рое, исправленное и дополненное новѣйшими узаконеніями. X+656 стр. 8 д. л.

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1886 г. Составленъ В. К. Совинскимъ подъ редакціей проф. Н. А. Бунге. XI+387 стр. 8 д. л.

Краткій обзоръ государствъ и колоній въ Америкѣ. Составилъ Н. Черкуновъ. 52 стр. 12 д. л.

Исторія древней медицины. Составилъ С. Ковнезъ. Выпускъ третій и послѣдній. Стр. 547—1000. 8 д. л.

Въ Костромѣ:

Лѣтопись Макаріева Унженскаго монастыря Костромской епархіи. Выпускъ первый 1439—1682 г. Составилъ членъ Костромской ученой коммиссіи И. Херсонскій. 129 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Г. М. Щелкарь. *Стихотворенія.* Книга II. 64 стр. 8 д. л.

Въ Орлѣ:

Дѣтскій театръ. Новыя піэсы для дѣтей отъ 8—15 лѣтъ. Соч. Н. З. З. 109 стр. 8 д. л.

Въ Саратовѣ:

Сергѣй Панчулидзевъ. *Земство и медицина въ Саратовскомъ уѣздѣ.* Выпускъ 1-й. 84 стр. 8 д. л.

Въ Сорокахъ:

Повторительный курсъ полковыхъ учебныхъ командъ кавалеріи. II+II+II+123 стр. 8 д. л.

Въ Тулѣ:

Книга для чтенія въ стихахъ. Составилъ М. Т. Яблочковъ. V+211 стр. 8 д. л.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Начало лѣта и о лѣтнихъ судьбахъ молодаго поколѣнія.—Начальныя училища города Москвы въ томъ видѣ, какъ засталъ ихъ текущій годъ.—Городскія утреннія школы.—Вечерне-воскресныя школы.—Начальныя училища.—Братья А. и И. Поповы передъ лицомъ правосудія и афера «выдѣлки» чая.—Исходъ процесса перемѣна мѣста жительства.

Лѣто. Дачный сезонъ въ полномъ разгарѣ сталъ прочно. Переѣзжающіе на дачи на нихъ переѣхали, и тѣ дачныя резиденціи, которыя не заняты о сю пору, рискуютъ пустовать все лѣто. Въ городѣ, грязномъ и пыльномъ, остались заканчивать свои экзамены гимназисты всѣхъ возрастовъ, покинутые на время родителями, которые переселились на дачи, поручивъ надзоръ родственникамъ, невыѣзжающимъ на дачу, и репетиторамъ. Дѣвочкамъ лучше: онѣ всѣ на дачѣ; ихъ и отпускаютъ раньше, и вакаты ихъ длиннѣе. Еще свободнѣе дѣти, которыя обучаются въ начальныхъ городскихъ училищахъ: для нихъ и ученье, и экзамены окончены вполнѣ. Ихъ гулянки и игры должны невольно вращаться въ предѣлахъ камеръ-коллежскаго вала. Родителямъ ихъ не на что нанимать дачи.

Много такихъ дѣтей въ Москвѣ. Такъ много, что Дума, конечно, не въ состояніи догнать быстрое умноженіе стремящихся поступить въ начальныя училища. Недавно вышелъ въ свѣтъ общій обзоръ начальныхъ городскихъ училищъ на 1888 годъ. Данныя обзора интересны. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними.

Городскихъ утреннихъ школъ, считая съ тремя открытыми въ прошломъ году, въ Москвѣ имѣется 76. Изъ нихъ женскихъ 37, мужскихъ—36 и смѣшанныхъ—3. При двадцати шести изъ нихъ существуютъ параллельные классы въ

виду особенно большаго наплыва учащихся. Въ этихъ школахъ обучаются:

Въ женскихъ училищахъ:

въ I классѣ	2,257 ученицъ	= 4,475 ученицъ.
во II »	1,535 »	
въ III »	683 »	

Въ мужскихъ училищахъ:

въ I классѣ	1,984 ученика	= 4,009 учениковъ.
во II »	1,382 »	
въ III »	643 »	

Въ смѣшанныхъ училищахъ:

въ I классѣ	112 ученицъ и 202 ученика	= 197 ученицъ и 384 ученика.
во II »	61 » » 120 »	
въ III »	24 » » 62 »	

И такъ всего въ утреннихъ школахъ 9,065 учащихся, изъ коихъ: 4,672 ученицы и 4,393 ученика.

По возрасту большинство этой учащейся молодежи отъ 8—13 лѣтъ; считая по годамъ, контингентъ распредѣляется такъ:

мальчиковъ	отъ 8— 9 лѣтняго возраста	659
»	» 9—10 »	950
»	» 10—11 »	1,105
»	» 11—12 »	855
»	» 12—13 »	501
	Итого	4,070

На остальные возрасты (отъ 7—8 лѣтъ и отъ 13—16 лѣтъ) выпадаетъ сравнительно небольшое количество.

У дѣвочекъ дѣло поставлено относительно возрастовъ въ нѣсколько иное положеніе по части взаимнаго отношенія возрастовъ, взятыхъ вмѣстѣ съ количествомъ учащихся; въ школахъ имѣется дѣвочекъ:

отъ 8— 9 лѣтняго возраста	834
» 9—10 » »	1 342
» 10—11 » »	1,183
» 11—12 » »	735
» 12—13 » »	361
Итого	4,455

Иначе говоря: мальчиковъ 8—13 лѣтняго возраста въ школахъ имѣется 92% изъ общаго ихъ количества, дѣвочекъ же свыше 95%; сверхъ того высшій процентъ у мальчиковъ выпадаетъ на возрастъ 10—11 лѣтъ, а у дѣвочекъ—на возрастъ 9—10. Очевидно, дѣло обученія у женской молодежи начинается ранѣе, чѣмъ у мужской. Остается при этомъ изумительнымъ, что за то кончается оно позднѣе: у мальчиковъ окончаніе не заходитъ за предѣлы 15 лѣтняго

возраста, у дѣвочекъ же оказывается, что и 16 лѣтнія ученицы еще посѣщаютъ школу. Кромѣ того, взявъ процентное отношеніе распредѣленія учениковъ по классамъ въ томъ видѣ, какъ оно приведено выше, мы получаемъ слѣдующее:

Старшихъ классовъ достигаютъ:

въ женскихъ училищахъ 15% воспитанницъ,
въ мужскихъ же » 16% учениковъ.

Въ смѣшанныхъ школахъ разница эта еще замѣтнѣе, ибо тамъ въ старшихъ классахъ имѣлось къ нынѣшнему году:

учениць 12%
учениковъ 17¾%

Въ обзорѣ исчислено количество отказовъ въ пріемѣ въ школы учащихся.

Въ 1886 году было отказано 2,103 дѣтямъ въ пріемѣ. Въ 1887 г. открылись три новыя школы и тѣмъ не менѣе отказовъ было 1,930. Ясно, что три вновь открытыя училища —капля въ морѣ, и что догнать въ данномъ случаѣ растущую съ каждымъ годомъ потребность можно открытіемъ не трехъ, а, быть можетъ, двадцати новыхъ школъ. По крайней мѣрѣ такъ оно выходитъ изъ сравненія погодныхъ цифръ отказовъ при условіи постепеннаго и почти постояннаго открытія новыхъ училищъ; начиная съ 1882 г. цифра отказовъ въ пріемѣ держится примѣрно на 2,000, и не смотря на открытіе новыхъ школъ, за шесть лѣтъ, она спустилась лишь на 70 случаевъ отказа, остановившись на 1,930 вмѣсто 2,000.

Изъ общаго числа учащихся освобождены были отъ платы за отчетный годъ 759 дѣвочекъ и 859 мальчиковъ, всего 1,618 учащихся, что составляетъ около 18% общаго ихъ количества. Обошлось городу содержаніе утреннихъ начальныхъ училищъ за годъ въ 325,968 р., что составляетъ безъ малаго по 36 р. на каждаго учащагося.

Въ вечерне-воскресныхъ городскихъ школахъ, гдѣ обучаются только мальчики и которыхъ имѣется всего 16, всѣ учащіеся, въ количествѣ 1,290 учениковъ, были распредѣлены по классамъ такъ:

въ I	классѣ	689 учениковъ
во II	„	440 „
въ III	„	161 „

Такъ что тутъ % учениковъ, достигшихъ старшаго класса, много ниже, чѣмъ въ утреннихъ школахъ; онъ не простирается за 12½%.

Весьма характернымъ является слѣдующее обстоятельство: число великовозрастныхъ учениковъ, иначе говоря, число юношей, принявшихся за грамоту хотя бы въ зрѣломъ сравнительно возрастѣ, ежегодно растетъ въ воскресно-вечернихъ школахъ. Такъ въ первый годъ существованія этихъ школъ въ нихъ было всего 5% учащихся свыше 17 лѣтняго возраста; теперь же, въ двѣнадцатый годъ существованія школъ, ихъ уже 14¼%. Смыслъ этого явленія, конечно, состоитъ въ томъ, что съ каждымъ годомъ все больше и больше количество юношей хватается за умъ, хотя бы пропустивъ настоящую пору, и принимается за обученіе грамотѣ по минованіи 17 лѣтняго возраста.

Главный контингентъ учащихся въ вечерне-воскресныхъ школахъ составляютъ: крестьяне (66¾%), мѣщане (19¾%) и солдатскіе сыновья (8½%). Остальные 5% выпадаютъ на долю неимущихъ дворянъ, купцовъ, дѣтей духовенства и цеховыхъ. По вѣроисповѣданіямъ, конечно, большинство православные ученики; *но непосредственно за ними слѣдуютъ евреи* и уже только затѣмъ идутъ дѣти старообрядцевъ и иностранцевъ. Почему евреямъ надобится посылать своихъ дѣтей въ такомъ количествѣ въ вечерне-воскресныя школы, опредѣлить трудно, но фактъ тотъ, что на 20 учениковъ старообрядцевъ (а ихъ очень много въ Москвѣ) приходится 65 учениковъ евреевъ.

Освобождается отъ платы въ вечерне-воскресныхъ школахъ масса учениковъ; въ отчетномъ году ихъ было 778 изъ общаго количества 1,290 учащихся, т. е. 61⅓%. Содержаніе всѣхъ шестнадцати школъ обошлось за годъ 32,000 р., что составляетъ по 24 р. 80 к. на каждаго учащагося.

Переходя къ училищамъ, содержимымъ не городомъ, но въ соучастіи съ нимъ, мы имѣемъ, во-первыхъ, казенныя начальныя училища. Ихъ всего въ Москвѣ 16, и городъ отпускаетъ имъ субсидію въ тринадцать съ половиною тысячъ. Обучалось въ этихъ училищахъ въ отчетномъ году 757 человѣкъ, и обошлось обученіе безъ малаго по 21 р. на каждаго учащагося.

Далѣе слѣдуютъ классы техническаго рисованія, содержимые Московскимъ Обществомъ распространенія техническихъ знаній въ соучастіи съ городомъ, субсидировавшимъ въ отчетномъ году лишь 1,700 р., классовъ этихъ всего 18; всѣхъ обучающихся въ нихъ (и въ воскресныхъ, и въ будничныхъ классахъ) было 403 человѣка. Какъ кажется, вопросъ объ отпускѣ субсидіи городомъ на содержаніе классовъ скоро разрѣшится въ томъ смыслѣ слова, что нѣкото-

рые воскресные классы техническаго рисованія будутъ прямо перенесены въ городскія вечерне-воскресныя школы, при чемъ, конечно, окончится и выдача обществу субсидіи на содержаніе его классовъ. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ слова состоялся уже давно приговоръ Думы, и дѣло стоитъ пока въ неопредѣленномъ положеніи въ ожиданіи представленія Управою доклада по этому вопросу.

Училищъ, содержимыхъ разными обществами, учрежденіями и частными лицами, въ Москвѣ очень много, во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ городскихъ утреннихъ начальныхъ школъ, а именно:

Церковно-приходскихъ школъ имѣется	5
Школъ, содержимыхъ разными обществами и учрежденіями	16
Школъ, содержимыхъ при фабрикахъ	9
Училищъ, содержимыхъ частными лицами	56
Итого всѣхъ училищъ	86

Контингентъ учащихся расположенъ въ нихъ слѣдующимъ образомъ:

въ 5 церковно-приходскихъ школахъ	288 уч.
» 16 школахъ, содержимыхъ обществами и учрежденіями	1,689 »
» 9 фабричныхъ школахъ	775 »
» 56 школахъ, содержимыхъ частными лицами.	1,008 »
Всего учащихся	3,760 уч.

На содержаніе этихъ школъ расходуется 156,669 р. 32 к., изъ каковой суммы выпадаетъ: на долю приходовъ 5.665 р. 65 к., на долю обществъ и учрежденій—96,578 р. 6 к., на долю фабрикантовъ—21,250 р. и на долю частныхъ лицъ—33,205 р. 61 к. Послѣдняя цифра, впрочемъ, стоитъ въ сущности ниже дѣйствительности, такъ какъ свѣдѣнія о стоимости содержанія частныхъ школъ не вполнѣ точны, и есть между ними такія, которыя должны стать дороже, чѣмъ какъ оно подсчитано въ общей массѣ, потому что ученики въ нихъ не только учатся, но и получаютъ квартиру, столъ, обувь, платье, какъ напр. въ школѣ г. Андреева, дающей ученикамъ полное содержаніе.

Невольно задумаешься при такихъ значительныхъ, все возрастающихъ цифрахъ школъ и учащихся, въ большинствѣ отрываемыхъ отъ прежнихъ занятій. Это безличное обученіе безъ всякаго воспитанія (ибо школа не можетъ этого дать и не даетъ) обученіе чему и какъ? Надзоръ можетъ быть только формальный, да и что онъ можетъ сдѣ-

лать? Что потомъ выйдетъ и выходитъ изъ этой массы городской молодежи?..

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Московскомъ окружномъ судѣ, втеченіи нѣсколькихъ дней слушалось дѣло братьевъ Александра и Ивана Петровичей Поповыхъ, дѣло довольно интересное въ бытовомъ отношеніи и представшее передъ присяжными во всеоружіи громкаго процесса: больше сорока свидѣтелей, десять экспертовъ, многотомное слѣдствіе, г. Плевако въ качествѣ гражданскаго истца (отъ имени чайной торговой фирмы братьевъ же К. и С. Поповыхъ), и два брата богатѣи въ качествѣ обвиняемыхъ.

Въ краткихъ словахъ суть дѣла въ слѣдующемъ. Братья Александръ и Иванъ Поповы, богатые Московскіе коммерсанты воспользовались тѣмъ, что они „братья“ да еще „Поповы“, и тѣмъ, что другіе братья Поповы—торговый домъ, пользующійся отличной репутаціей и ведущій громадную чайную торговлю. Ни настоящіе „братья Поповы“, ни правосудіе, затѣяннаго ими предпріятія не одобрили, почему и возникло судебное дѣло. Дѣльцамъ пришлось на время переселиться изъ своихъ роскошныхъ палатъ—а жили они совсѣмъ таки на широкую ногу—и переселиться во-первыхъ на скамью обвиняемыхъ и подвергнуться тому мучительному процѣживанію, которое составляетъ особенность гласнаго процесса, а затѣмъ въ мѣста отдаленныя.

Торговали проштрафившіеся „братья“ главнымъ образомъ чаемъ, и ужь конечно не настоящимъ, а разбавляя его капорской травой и спитымъ чаемъ, кромѣ того они не брезговали и другими продуктами: продавали и какой-то „оподельдокъ“ поддѣльный, и скверное касторовое масло за настоящее англійское, и плохой лакъ за хорошій Тихоновскій, и простую синьку за французскую, и мыло съ великокняжескимъ гербомъ, и сургучъ съ императорской короной, и даже какую-то „эссенцію перечной мяты“ якобы издѣлія Моренкова, совсѣмъ не соотвѣтствующую своему названію. Торговля шла, очевидно, бойко, судя по тому, что съ 1-го апрѣля 1885 г. по 7 февраля 1886 г., когда былъ сдѣланъ осмотръ „братскаго“ склада, братьями продано ни мало, ни много 737,947$^{3}/_{4}$ фунта чая, при чемъ, какъ выяснило слѣдствіе, на приходъ чая поступило за тотъ же періодъ времени 689,633$^{1}/_{4}$ фунта. Очевидно, разница въ 50 тысячъ фунтовъ и была той благостыней, которая доставалась „братьямъ“.

Продолжалось предпріятіе долго, цѣлые годы, и было

обставлено прекрасно; сорочки, въ которыхъ продавался чай, до того походили на тѣ, въ которыхъ обертывается чай фирмы К. и С. Поповыхъ, что безграмотные, малограмотные, а частію и грамотные покупатели вѣроятно расшивали продаваемое мѣсиво, съ совершенно спокойной совѣстью ругая братьевъ К. и С. Поповыхъ за то, что за ихъ счетъ братья А. и И. Поповы продавали изъ своего склада. Капорская трава доставлялась изъ Питера сначала Ботинымъ, потомъ Хохловымъ и доставлялась въ огромномъ количествѣ; въ книгахъ она обозначалась вмѣстѣ съ спитымъ чаемъ подъ именемъ „синяго сандала“, а самое подмѣшиваніе всей этой дряни, ни мало нескрываемое отъ служащихъ, именовалось „работать по-лондонски“. „Работали по-лондонски“ столь усердно, что у мальчиковъ, занимавшихся этой „работой“, болѣли руки. Сотрудники „братьевъ“, Хохловъ и Ботинъ, тоже попались и были преданы суду, но одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума во время производства слѣдствія и дѣло его было выдѣлено, другой же фигурировалъ на судѣ вмѣстѣ съ „братьями“.

Защитниками были гг. Коробчевскій и Высоцкій, обвинялъ тов. прок. г. Горнштейнъ и поддерживалъ гражданскій искъ г. Плевако.

Публика, заинтересованная процессомъ въ качествѣ сборища людей, знающихъ и „настоящихъ“ братьевъ Поповыхъ, и братьевъ Поповыхъ обвиняемыхъ, охотно просиживала въ дни процесса въ залѣ судебнаго засѣданія. Кончилось все это тѣмъ, что присяжные признали старшаго брата, Александра Попова, виновнымъ, обвинили также Ботина и оправдали младшаго брата, Ивана Попова, дѣйствительно разыгрывавшаго въ дѣлѣ скорѣе роль жертвы брата, чѣмъ виновнаго въ манипуляціяхъ фирмы. Будучи теперь молодымъ человѣкомъ 21 года, Иванъ Поповъ служилъ у старшаго брата на жалованьи, пока тотъ пользовался плодами своего долголѣтняго „производства“, совершаемаго фирмою, т. е. какъ бы обоими братьями; а началось-то это мошенничество еще тогда, когда Иванъ Поповъ былъ мальчикомъ.

Александръ Поповъ лишенъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, и приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Ботинъ приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію.

И вотъ получались большіе барыши, жили на широкую ногу, и теперь приходится мѣнять обширную квартиру съ

лѣпными потолками на подневольное житье въ Сибири, а четырехмилліонные торговые обороты на скромное прозябаніе поселенца въ тѣхъ укромныхъ уголкахъ, гдѣ Макаръ телятъ не гоняетъ. Хорошо еще, что уголки эти лежатъ сравнительно не вдалекѣ отъ мѣстъ произростанія чайнаго дерева; все-таки оно какъ-будто можетъ служить утѣшеніемъ бывшему чайному воротилѣ Александру Попову.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу преобразованія земства.—Замѣна ссылки тюрьмою.—Лондонская конференція по вопросу объ отмѣнѣ сахарныхъ премій.—Новый лѣсной законъ.—Открытіе движенія по закаспійской желѣзной дорогѣ до Самарканда; значеніе и будущность этой дороги.

Въ настоящей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* оконченъ обзоръ главныхъ чертъ вновь проектированнаго преобразованія земскихъ учрежденій, по которому Государственному Совѣту предстоитъ высказать свое мнѣніе. Общество ждетъ и надѣется, что новая постановка земскаго дѣла значительно упорядочитъ важную дѣятельность мѣстныхъ хозяйственныхъ органовъ, получающую особое значеніе въ настоящее время, когда странѣ приходится переживать тяжелый экономическій кризисъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять усиленныя матеріальныя средства на удовлетвореніе постоянно возрастающихъ нуждъ государственнаго общежитія. Основная мысль проекта: уничтожить искусственно созданную рознь между органами правительства и земства, получающими свои полномочія отъ одной и той же верховной власти и призванными служить одному и тому же дѣлу общественнаго благоустройства. Проектъ ставитъ себѣ задачею ввести земскія учрежденія въ общую систему государственнаго управленія и, признавая необходимымъ участіе въ завѣдываніи мѣстнымъ хозяйствомъ общественныхъ силъ, стремится къ возстановленію правительственнаго вліянія на ходъ земскихъ дѣлъ, къ объединенію дѣятельности агентовъ власти и выборныхъ представителей населенія. Наконецъ, онъ задается трудною задачею призвать къ работѣ на пользу общую *лучшія* мѣстныя силы и тамъ, гдѣ правительство можетъ опереться на рекомендацію организованнаго сословія дворянъ—единственнаго у насъ политическаго сословія,—ста-

вить выборъ отвѣтственныхъ передъ закономъ исполнителей въ зависимость отъ этой рекомендаціи. Противъ такой постановки дѣла едва-ли могутъ встрѣтиться серьезныя возраженія со стороны людей, понимающихъ истинный смыслъ порядка и законности, не видящихъ блага въ упраздненіи правительственной власти и органической розни между государственными и общественными интересами въ вопросахъ хозяйственной жизни.

Но есть одна частность, существенная частность, которая возбуждаетъ сомнѣнія. Мы очень опасаемся, что предположенное раздѣленіе будущихъ земскихъ дѣятелей на двѣ кореннымъ образомъ различныя группы, — на выборныхъ *гласныхъ*, несущихъ *повинность* сословнаго представительства, завѣдующихъ дѣлами общественнаго хозяйства по обязанности, отъ которой они не въ правѣ отказаться, и на вольныхъ *членовъ* собранія, самостоятельно, безъ выборовъ, имѣющихъ голосъ и *по праву* крупныхъ землевладѣльцевъ являющихся для защиты *своихъ собственныхъ* частныхъ интересовъ,—такое раздѣленіе можетъ повести на практикѣ земскаго дѣла къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Несомнѣнно, что труды всего личнаго состава земскихъ собраній, какъ совѣщательныхъ органовъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія, должны быть направлены къ достиженію общественной пользы путемъ удовлетворенія потребности всего мѣстнаго населенія въ земскомъ благоустройствѣ, а потому всѣ участвующіе въ совѣщаніяхъ должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковыя обязанности. Если при обсужденіи и направленіи дѣлъ общественнаго хозяйства крупные землевладѣльцы имѣютъ право защищать свои частные интересы, то очевидно, что такое же право принадлежитъ и представителямъ средняго и мелкаго землевладѣнія, т. е. земскимъ гласнымъ, дѣйствующимъ по довѣрію и уполномочію сословныхъ группъ, изъ среды которыхъ они избраны; въ противномъ случаѣ самое избраніе не имѣло бы никакого смысла и *повинность* гласнаго всего правильнѣе было бы отбывать по очереди. Съ другой стороны, если такъ называемые *члены* собранія, т. е. крупные землевладѣльцы, имѣющіе право голоса безъ выборовъ, не обязаны заботиться объ общественномъ благоустройствѣ, то ихъ сотрудничество въ завѣдываніи мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ не только излишне, но прямо вредно, потому что вмѣсто дружной работы сообща съ гласными на пользу всего мѣстнаго населенія они будутъ преслѣдовать въ земствѣ свои частныя, эгоистическія цѣли. Что касается осо-

*

быхъ, будто бы, въ земствѣ интересовъ крупной собственности и опасности чрезмѣрнаго ея обложенія налогами на мѣстныя нужды, то произволъ представителей среднихъ и мелкихъ собственниковъ можетъ быть устраненъ и безъ личнаго присутствія въ собраніи владѣльцевъ большихъ имѣній—надзоромъ и руководствомъ административной власти, которой предоставляются широкія полномочія по отношенію къ постановленіямъ и ходу занятій земскихъ собраній. Непонятно также, въ силу какихъ соображеній государственной или общественной пользы могутъ быть освобождаемы отъ повинности завѣдыванія земскими дѣлами люди богатые, слѣдовательно, наиболѣе располагающіе досугомъ и наименѣе стѣсненные въ средствахъ на поѣздку и пребываніе въ городѣ на время сессіи земскаго собранія,—непонятно особенно въ виду категорическаго заявленія въ проектѣ новаго земскаго положенія, что „гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвояется и никакого содержанія не полагается (ст. 59)".

Въ дѣйствительности, средняя и мелкая собственность имѣютъ въ земствѣ весьма важные интересы, нисколько не уступающіе, по своей совокупной величинѣ и по своему значенію для государства, интересамъ крупнаго землевладѣнія; въ дѣйствительности, интересы государства въ мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ идутъ рука объ руку съ интересами и всѣхъ частныхъ собственниковъ, къ какому бы разряду они ни принадлежали. Возьмемъ для примѣра мѣстные пути сообщенія. Весьма понятно, что дороги и мосты должны быть содержимы въ исправности не для однѣхъ только государственныхъ цѣлей или непосредственныхъ надобностей правительства—для проѣзда должностныхъ лицъ, прохода войскъ, провоза фуража и провіанта и т. п. Содержаніе въ исправности дорогъ и мостовъ важно опять же не для однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, — оно необходимо для всего мѣстнаго населенія. Всѣ мѣстные жители нуждаются въ удобствѣ взаимныхъ сношеній и передвиженія товаровъ, ими потребляемыхъ или производимыхъ. Бездорожье губитъ хозяйства не только крупныхъ землевладѣльцевъ, но и среднихъ и мелкихъ собственниковъ, потому что всѣхъ ихъ отрѣзываетъ отъ рынковъ. Такъ и во всемъ. Если же интересы и государства, и собственниковъ всѣхъ категорій постоянно соприкасаются и требуютъ совокупной и дружной работы общественныхъ силъ на различныхъ ступеняхъ мѣстнаго хозяйственнаго благоустройства, то нѣтъ достаточнаго основанія къ раздѣленію сотрудниковъ одного и

того же дѣла на двѣ группы—подневольныхъ и добровольныхъ. Еще менѣе основанія, усиливая дворянскій элементъ въ земствѣ, поселять рознь въ средѣ помѣстнаго дворянства, дѣлить его на патриціевъ и плебеевъ, признавать за первыми присущее дворянскому сословію право служенія изъ чести и навязывать послѣднимъ несвойственную дворянскому достоинству принудительную службу обществу, вопреки указу императора Петра III о вольности дворянской и дѣйствующей уже болѣе ста лѣтъ жалованной Россійскому дворянству грамотѣ императрицы Екатерины II.

Служба обществу изъ чести, по сословному довѣрію и избранію несовмѣстима съ понятіемъ о *повинности*. Такое понятіе въ нашемъ законодательствѣ примѣняется только къ сословіямъ, политически неразвитымъ, къ тѣмъ самымъ сословіямъ, которыя министерскимъ проектомъ признаются наименѣе подготовленными и способными къ завѣдыванію общественными дѣлами даже въ тѣсной рамкѣ мѣстнаго хозяйственнаго благоустройства. Никогда дворянство, въ его цѣломъ, помѣстное же дворянство въ особенности, не можетъ быть принижено до нынѣшняго умственнаго и нравственнаго уровня этихъ сословій, и еслибы дворяне пошли въ земскіе гласные для отбыванія повинности, вмѣсто того, чтобы исполнять эту безплатную должность изъ чести, по внутреннему побужденію принести пользу обществу и государству, то пришлось бы навсегда распроститься съ надеждою положить конецъ нашимъ земскимъ неустройствамъ: тогда среда земскихъ гласныхъ наполнилась бы или хищниками, или бездарностью изъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ, т. е. не „лучшими“, а худшими людьми, какъ и выборныя должности по сельскому управленію, гдѣ старшины, старосты, сотскіе, десятскіе и прочіе выборные дѣйствительно отбываютъ *повинность*. Исправить земское представительство усиленіемъ въ немъ дворянскаго элемента, разумѣется, не значитъ замѣнить въ немъ Разуваевыхъ изъ купцовъ, сельскихъ кулаковъ и разночинцевъ—Разуваевыми изъ дворянъ, а чтобы въ земскіе гласные пошли дворяне, обладающіе тѣми цѣнными качествами, которыя дѣлаютъ дворянина благороднымъ, т. е. порядочнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, для этого нужно поставить званіе гласнаго на надлежащую нравственную высоту, чтобы, пріобрѣтая его въ силу общественнаго довѣрія, а не ради отбыванія сословной повинности, всякій дворянинъ считалъ за честь послужить въ этомъ званіи обществу, какъ служатъ всякому доброму или полезному дѣлу,—по совѣсти, а не по внѣшнему принужденію.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что можно исполнять по повинности, по принужденію, работу физическую; по повинности можно драться съ врагомъ подъ командою начальника, свободно избравшаго поприще военной службы, но мыслить по повинности и мыслить разумно—невозможно; между тѣмъ трудъ гласнаго есть по преимуществу умственный, обусловленный личными способностями и наклонностями, которыхъ нельзя предписать и которыя не возникаютъ по требованію начальства. Поэтому для успѣшнаго обновленія земскаго представительства цѣлесообразнѣе было бы, кажется, не пріурочивать земской службы по выборамъ къ государственнымъ *повинностямъ*. Представительство само по себѣ есть уже право, а для осуществленія этого права въ должномъ направленіи и законныхъ границахъ, достаточно установить, что *нѣтъ правъ безъ обязанностей*, какъ это и выражено въ соображеніяхъ министерскаго проекта.

Отправляясь отъ данныхъ оффиціальной статистики землевладѣнія, трудно придти къ заключенію о необходимости, „въ государственныхъ интересахъ“, льготъ для крупныхъ землевладѣльцевъ. Возьмемъ для примѣра губерніи Орловскую и Пензенскую, принадлежащія къ центральной черноземной полосѣ. Въ первой изъ нихъ, по министерскому проекту, крупнымъ поземельнымъ собственникомъ считается владѣлецъ не менѣе 3.500 дес., а во второй не менѣе 5.000 десятинъ. Въ какомъ же отношеніи находится здѣсь крупная поземельная собственность къ среднему дворянскому землевладѣнію? На поставленный вопросъ вполнѣ удовлетворительно отвѣчаютъ слѣдующія цифры, относящіяся къ 1878 году:

1. Орловская губернія.

Размѣръ владѣнія.	*Число помѣстныхъ дворянъ.*	*Общее количество земли въ помѣстьяхъ.*
Болѣе 200 до 550 дес.	668	215.452 десят.
„ 500 „ 1.000 „	324	223.125 „
„ 1.000 „ 3.000 „	202	321.128 „
Итого среднепомѣстныхъ дворянъ	*1.194*, владѣющихъ	*759.705* десят. земли
Болѣе 3.000 до 10.000 дес.	31	166.023 десят.
Свыше 10.000 „	6	167.421 „
Итого дворянъ крупныхъ собственниковъ.	37, владѣющихъ	333.444 десят. земли

Размѣръ владѣнія.	*Число помѣстныхъ дворянъ.*	*Общее количество земли въ помѣстьяхъ.*
Да лицъ городскихъ сословій	3, „	30.021 „ „
Всего крупныхъ землевладѣльцевъ	*40* „	*363.465* „ „

2. Пензенская губернія.

Болѣе 200 до 500 дес.	308	99.465 десят.
„ 500 „ 1.000 „	184	129.808 „
„ 1.000 „ 3.000 „	163	283.456 „
„ 3.000 „ 4.000 „	32	108.913 „
Итого среднепомѣстныхъ дворянъ	*688*, владѣющихъ	*621.642* десят. земли
Болѣе 4.000 до 10.000 дес.	38	217.243 десят.
Свыше 10 000 „	9	179.919 „
Итого дворянъ крупныхъ собственниковъ	47, владѣющихъ	397.162 десят. земли
Да лицъ городскихъ сословій	5, „	36 082 „ „
Всего крупныхъ землевладѣльцевъ	*52*, „	*433.244* „ „

По составленному въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ росписанію значится пользующихся правомъ голоса въ земскомъ собраніи безъ выборовъ:

Въ Орловской губерніи:

дворянъ 32, противъ приведенной нами цифры *менѣе* на 5,
друг. лицъ 5, „ „ „ „ *болѣе* на 2.

Въ Пензенской губерніи:

дворянъ 30, противъ приведенной нами цифры *менѣе* на 17,
друг. лицъ 5, „ „ „ „ *менѣе* на 2.

Эта разница относительно дворянъ главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что въ оффиціальномъ изданіи: „Статистика поземельной собственности“ средніе размѣры владѣній крупныхъ собственниковъ исчислены въ неопредѣленныхъ величинахъ между полными тысячами десятинъ, почему и невозможно выдѣлить изъ общей массы, по Орловской губерніи, помѣстій въ 3.500 десят., а по Пензенской губерніи—въ 5.000 десятинъ земли, т. е. предѣльныхъ нормъ, для пользованія правомъ самостоятельнаго голоса. Представляется вѣроятнымъ также и то объясненіе, что дворянскія помѣстья нѣсколько измельчали за послѣднее десятилѣтіе, особенно въ Пензенской губерніи. Что же касается

разницы въ цифрахъ относительно крупныхъ собственниковъ городскихъ состояній, то эта разница указываетъ, на нашъ взглядъ, на успѣхъ не-дворянскаго крупнаго землевладѣнія въ Орловской губерніи и на неустойчивость того же землевладѣнія въ губерніи Пензенской.

Полученные итоги можно считать достаточнымъ основаніемъ для правильнаго вывода, а выводъ таковъ:

Въ мѣстностяхъ строго дворянскаго землевладѣнія средняя помѣстная собственность преобладаетъ надъ крупною[1]); здѣсь ядро культурной земской силы составляютъ среднепомѣстные дворяне, а не крупные землевладѣльцы изъ среды разныхъ сословій, большею частью даже не живущіе въ своихъ имѣніяхъ и мало знакомые съ мѣстными хозяйственными условіями.

Ни интересы мѣстнаго управленія, ни интересы общегосударственные не требуютъ созданія льготнаго положенія въ земствѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ; олигархическіе и тѣмъ паче плутократическіе порядки не соотвѣтствуютъ ни историческому складу нашей общественной жизни, ни дѣйствительнымъ нуждамъ населенія, страждущаго отъ земской неурядицы, и никакою государственною необходимостью не вызываются. Вполнѣ справедливо удовлетворить давнишнему желанію крупныхъ собственниковъ имѣть самостоятельный голосъ въ земскомъ собраніи, но пользованіе такимъ голосомъ должно быть имъ предоставлено не въ видѣ льготы, а какъ заурядное право, на общемъ основаніи, потому что каждый изъ нихъ владѣетъ пространствомъ земли, близкимъ къ тому размѣру, который принятъ за единицу при опредѣленіи числа земскихъ гласныхъ въ уѣздномъ собраніи, а иногда и значительно бо́льшимъ.

Разсматриваемый законопроектъ о замѣнѣ ссылки тюремнымъ заключеніемъ составляетъ, можно сказать, жизненный вопросъ для полноправныхъ гражданъ ссыльныхъ мѣстъ. Постоянно принимать въ свою среду людей порочныхъ и по суду опозоренныхъ—это такая повинность, которая ложится на населеніе тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ, подрываетъ самую основу человѣческаго общежитія и нарушаетъ коренное, органическое право общества предохранять себя отъ нравственной заразы. Если даже и со-

[1]) Есть губерніи (Воронежская, напр.), гдѣ замѣчается обратное отношеніе, но такихъ немного и подобныя мѣстности слѣдуетъ разсматривать какъ исключеніе.

гласиться съ мнѣніемъ, что съ общества не можетъ быть вполнѣ снята отвѣтственность за совершаемыя въ его средѣ преступленія и что „уголовные капиталисты", обыкновенно остающіеся внѣ всякаго преслѣдованія или слабо наказываемые, питаютъ „уголовный трудъ" [1]), строго караемый, то и въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія справедливости, совершенно непонятно: почему жители Бузулука должны терпѣть за прегрѣшенія, напр., Полтавы, почему Шенкурскъ долженъ служить козломъ отпущенія для обѣихъ столицъ, наводняющихъ его своими казнокрадами и мошенниками, а сибирскіе города превращены въ клоаку всероссійскихъ подонковъ самого злокачественнаго свойства?

Можно отстаивать ссылку въ каторжныя работы, сопровождаемую удаленіемъ навсегда изъ гражданскаго общества и въ послѣднее время локализуемую на островѣ Сахалинѣ, находить правильнымъ положеніе ссыльно-поселенцевъ, разселяемыхъ въ отдаленныхъ степныхъ мѣстностяхъ и въ сообществѣ съ такими же лишенными всѣхъ правъ состоянія отверженниками, частію уже искупившими свою вину,— обѣ эти категоріи ссылки до извѣстной степени удовлетворяютъ главной цѣли уголовнаго правосудія: ограждать общественное спокойствіе и безопасность отъ насильственныхъ дѣйствій со стороны порочныхъ людей; но что сказать въ защиту ссылки на житье въ сибирскія или отдаленныя отъ средоточія государственной жизни губерніи Европейской Россіи?

Прежде всего надо замѣтить, что эта кара, сопровождаемая потерею осужденнымъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, примѣняется только къ лицамъ привилегированныхъ сословій, т. е. къ дворянамъ, духовенству, почетнымъ гражданамъ и купцамъ. Мѣщане и крестьяне за однородныя преступленія наказываются срочнымъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ и въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Ссылаемые на житье тоже выдерживаются въ заключеніи нѣкоторое время, соотвѣтственно степени отдаленности назначаемыхъ по суду мѣстъ ссылки, но не могутъ быть употребляемы въ общественныя работы и вообще принуждаемы къ труду, какъ арестанты исправительныхъ отдѣленій и рабочихъ домовъ. Такое различіе въ наказаніяхъ за одни и

[1]) Эту своеобразную терминологію мы заимствуемъ изъ трудовъ Лондонскаго тюремнаго конгресса 1872 г.

тѣ же преступленія впервые установлено въ нашемъ законодательствѣ Екатериною II-ою, когда физическій трудъ составлялъ удѣлъ людей, несвободныхъ и не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, а потому и считался позорнымъ въ средѣ привилегированныхъ сословій. Для уголовныхъ бѣлоручекъ, высылаемыхъ на житье въ отдаленныя или сибирскія губерніи за растраты, подлоги и мошенничества всякаго рода, необходимость работать настаетъ лишь по выходѣ изъ тюрьмы и въ томъ только случаѣ, если они не имѣютъ собственнаго состоянія и ни откуда не получаютъ пособій. Многіе изъ нихъ, какъ показываетъ опытъ, обнаруживаютъ наклонность къ купеческой торговлѣ, но законъ категорически и, разумѣется, вполнѣ основательно воспрещаетъ имъ заниматься этимъ промысломъ, равно не дозволяетъ вступать въ государственную или общественную службу и ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, на что изъ ихъ среды тоже находилось и находится не мало охотниковъ и людей, даже спеціально подготовленныхъ; ремесла же они обыкновенно никакого не знаютъ и, будучи свободны отъ обязательной работы, не могли быть пріучены ни къ какому физическому труду во время довольно продолжительнаго, иногда до 4 лѣтъ, заключенія въ тюрьмѣ. Не устраиваетъ ихъ и дозволеніе пріобрѣтать земли для обработыванія на правѣ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ: занятіе земледѣліемъ далеко не легкій трудъ, да и чтобы обзавестись даже крестьянскимъ хозяйствомъ, необходимы нѣкоторыя средства и умѣнье распорядиться ими.

Такимъ образомъ, волей-неволей, уголовные бѣлоручки поступаютъ на иждивеніе ссыльныхъ городовъ, вымогая себѣ средства къ жизни разными предосудительными способами, и образуютъ въ средѣ гражданъ растлѣвающій общественную нравственность элементъ. Тѣ же изъ нихъ, которые принадлежатъ къ разряду состоятельныхъ людей, живущихъ доходами съ капиталовъ, вносятъ только соблазнъ въ среду честныхъ гражданъ, въ потѣ лица добывающихъ себѣ средства къ существованію, и становятся въ самыя неправильныя отношенія къ должностнымъ лицамъ, которымъ порученъ надзоръ за ними.

Не меньшимъ зломъ въ гражданской жизни, для общественнаго спокойствія и безопасности, являются и тѣ преступники изъ крестьянъ, въ особенности же изъ мѣщанъ столичныхъ и губернскихъ городовъ, которые, по отбытіи наказанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и рабочихъ домахъ, не принимаются обратно своими обще-

ствами, а потому подлежатъ высылкѣ на 4 или на 2 года подъ надзоръ полиціи въ дальніе уѣзды. Екатерина II повелѣвала такихъ людей употреблять въ казенныя и частныя работы (зак. 1790 г., П. С. З. № 16.910), теперешнее же наше уложеніе о наказаніяхъ оставляетъ ихъ проживать тунеядцами и тѣмъ самымъ создаетъ изъ поднадзорныхъ рецидивистовъ, которымъ самое пребываніе въ тюрьмѣ облегчаетъ составленіе воровскихъ и мошенническихъ шаекъ.

Ссылка на житье не только не „препятствуетъ возгнѣздиться преступленіямъ", какъ выразилась Екатерина въ своемъ знаменитомъ наказѣ (гл. VI, ст. 61), но прямо плодитъ злоумышленниковъ, враговъ общественнаго порядка и спокойствія; она не заключаетъ въ себѣ ровно ничего дисциплинирующаго или исправляющаго, хотя и отнесена къ разряду наказаній *исправительныхъ* (ст. 30 улож.). Озлобленный или угнетенный ограниченіемъ правъ, судебнымъ позоромъ и въ конецъ развращенный острожнымъ обществомъ и острожною лѣнью, привилегированный преступникъ не станетъ, разумѣется, на свободѣ стремиться къ честному заработку и еще менѣе, чѣмъ прежде, будетъ гнушаться предосудительныхъ способовъ къ легкой наживѣ. Попадающіе въ дальніе уѣзды подъ надзоръ полиціи бывшіе арестанты изъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, оторванные отъ своихъ хозяйствъ или мастерскихъ, въ глуши, гдѣ зачастую нѣтъ спроса на ихъ трудъ со стороны частныхъ лицъ, а правительство считаетъ себя не въ правѣ употреблять ихъ въ казенныя или общественныя работы, — такіе люди, на свободѣ, въ рѣдкихъ только случаяхъ не погрязнутъ окончательно въ преступныхъ замыслахъ или не будутъ поставлены въ необходимость питаться милостыней.

Возставать противъ замѣны ссылки на житье тюремнымъ заключеніемъ съ принудительными работами возможно развѣ только по недоразумѣнію и при весьма слабомъ знакомствѣ съ нашимъ уголовнымъ законодательствомъ. По уложенію, каждый ссылаемый на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи выдерживаетъ тюремное заключеніе предварительно жительства на свободѣ подъ надзоромъ полиціи, слѣдовательно, вопросъ состоитъ, въ сущности, не въ замѣнѣ ссылки тюрьмою, а въ томъ, чтобы тюремнымъ заключеніемъ исчерпывалось присуждаемое наказаніе и чтобы тюрьма дисциплинировала, по возможности исправляла заключеннаго, подготовляя его къ трудовой жизни, а не развращала еще болѣе острожною праздностью. По за-

кону (ст. 47 улож.), сосланные съ потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ, правъ и преимуществъ, на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, обязаны по освобожденіи ихъ изъ временнаго заключенія, избрать себѣ родъ жизни на мѣстѣ водворенія своего, записываясь, съ дозволенія начальства, въ мѣщанское или другое податное состояніе. Преступникъ изъ бѣлоручекъ долженъ стать рабочимъ человѣкомъ, долженъ избрать себѣ „родъ жизни“, т. е. родъ занятій, поступая или въ ремесленники или въ землевладѣльцы. Понятно, что не только ради общественной безопасности и спокойствія, но и для блага самого же понесшаго наказаніе необходимо, прежде чѣмъ онъ будетъ выпущенъ на свободу, научить и пріучить его работать, другими словами—надѣлить его способностью честнымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ средства къ существованію въ новомъ его состояніи. Кромѣ того, работа въ тюрьмѣ оказываетъ на заключеннаго безусловно дисциплинирующее вліяніе, способствуетъ его внутреннему перерожденію къ лучшему и укрѣпляетъ его физическія силы. Физическій трудъ въ наше время уже не считается позорнымъ ни для кого, а потому рѣшительно можетъ и долженъ быть введенъ въ систему перевоспитанія.

Говорятъ, что устройство тюремъ съ мастерскими дорого стоитъ и не подъ силу нашему государственному казначейству въ настоящее время. Такое мнѣніе едва-ли основательно. Рабочія тюрьмы не должны быть промышленными дворцами съ электрическимъ освѣщеніемъ, обширными залами въ два свѣта и тому подобными затѣями, а капиталъ для устройства при тюрьмахъ обыкновенныхъ мастерскихъ, т. е. какой-нибудь десятокъ милліоновъ, можетъ быть всегда позаимствованъ правительствомъ у себя дома. Мы думаемъ даже, что рабочія тюрьмы никогда и не должны строиться на бюджетныя средства, если нѣтъ свободныхъ остатковъ; изъ доходовъ государства должны быть покрываемы только проценты на строительный капиталъ и его погашеніе; преступники же должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы размѣръ ихъ заработка, во время исполненія надъ ними наказанія, покрывалъ ихъ содержаніе, такъ чтобы общество хотя въ нѣкоторой степени было освобождаемо отъ тягости, которая налагается на него преступленіями. Послѣдняя мысль настойчиво проводилась на международномъ тюремномъ конгрессѣ 1871 г. въ Цинциннати и была

единодушно принята. Тѣмъ же конгрессомъ формулировано слѣдующее положеніе:

„Трудъ не помогаетъ добродѣтели, если онъ не есть средство къ существованію. Трудъ постоянный, дѣятельный, честный есть основа всѣхъ исправительныхъ мѣръ: не споспѣшествуетъ исправленію, а есть существенная его часть. На сто заключенныхъ восемьдесятъ не знаютъ никакого ремесла. Поэтому нужно ихъ чему-нибудь научить. Научить заключеннаго ремеслу значитъ освободить его отъ нужды, значитъ сдѣлать его господиномъ великаго искусства помогать самому себѣ. И какъ только онъ не пріобрѣтетъ, во время заключенія, знанія ремеслъ и привычки къ труду, т. е. власти и воли жить честно, то и является десять шансовъ противъ одного, что рано или поздно онъ откажется отъ самообладанія и вернется къ преступленію“.

По газетнымъ извѣстіямъ, международная лондонская конференція, обсуждавшая вопросъ объ отмѣнѣ премій на вывозной сахаръ, окончила свои занятія. Всѣ государства, принимавшія участіе въ конференціи, за исключеніемъ Бельгіи, одобрили систему обложенія акцизомъ готоваго фабриката и высказались за полную отмѣну какихъ бы то ни было вывозныхъ премій. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты общинъ первый лордъ казначейства, г. Смидтъ, заявилъ, что заключительный протоколъ конференціи подписанъ, и державамъ разосланъ проектъ конвенціи, которая имѣетъ быть подписана въ Лондонѣ не позже 16 августа. Такимъ образомъ, для нашей отпускной торговли сахаромъ наступаетъ новая эра: торговля эта лишается пособій за счетъ государственнаго казначейства и въ то же время на европейскихъ рынкахъ ограждается международнымъ договоромъ отъ соперничества не иностранныхъ производителей, а правительствъ, которыя щедрыми вывозными преміями поощряли чрезмѣрное развитіе свеклосахарнаго производства въ ихъ государствахъ и тѣмъ самымъ произвели во всей Европѣ кризисъ въ этой важной отрасли сельскаго хозяйства.

За послѣдніе два года вывезено сахара рафинада изъ европейскихъ государствъ:

	Франціи.	Голландіи.	Бельгіи.	Германіи.	Австро-Венгріи.	Россіи.	
			тонъ.				
Въ 1886 г.	97.100	73.334	10 394	116.288	139.705	51.984	по европ.
„ 1887 „	91 936	86.759	16.721	172.195	167.228	57.779	границѣ.

Всего вывезено: въ 1886 году 488.805 тоннъ, а въ 1887 уже 592.618 тоннъ, тогда какъ 10 лѣтъ тому назадъ общій вывозъ рафинада изъ означенныхъ государствъ не достигалъ и 350.000 тоннъ. Сильно упалъ отпускъ Франціи, изъ которой десять лѣтъ тому назадъ, въ 1878 году, вывезено рафинада 166.624 тонны. На счетъ Франціи развился отпускъ Австро-Венгріи, которой удалось вытѣснить французскій сахаръ съ левантійскихъ рынковъ и Балканскаго полуострова. Съ 1878 года отпускъ Австро-Венгріи постоянно увеличивался, не смотря на высокіе тарифы и усиливавшуюся конкурренцію другихъ странъ; но въ 1887 году Австро-Венгрію опередила Германія, на долю которой въ 1878 году приходилось только 8% общаго вывоза, а въ 1887 году около 30%. Всю эту перетасовку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣшательство въ сахарной торговлѣ, разразившееся кризисомъ въ свеклосахарной промышленности, произвели вывозныя преміи.

Еще въ 1880 году въ Англіи проявилось сильное движеніе противъ премій, допускаемыхъ при вывозѣ сахара, и англійское правительство, по предложенію спеціальной коммиссіи въ палатѣ общинъ, сочло своевременнымъ пригласить правительства странъ, заинтересованныхъ въ вопросѣ о преміяхъ, къ участію въ международной конференціи, главною цѣлью которой предполагалось согласованіе дѣйствующихъ законодательствъ по сахарной части, чтобы избѣжать или по меньшей мѣрѣ понизить до крайнихъ предѣловъ преміи на вывозимый сахаръ. Конференція не состоялась, однако, такъ какъ англійское предложеніе не было встрѣчено сочувственно нѣкоторыми государствами. Потерпѣла неудачу и попытка бельгійскаго правительства созвать конференцію въ 1884 году. Но когда повсемѣстно наступилъ сахарный кризисъ и маркизъ Салисбёри, циркулярною депешею отъ 2 іюля 1887 г. къ представителямъ королевы при иностранныхъ дворахъ, возобновилъ сдѣланное семь лѣтъ тому назадъ предложеніе, то оно было охотно принято правительствами: Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Нидерландовъ, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Швеціи и Норвегіи, Даніи и Бразиліи.

Первое засѣданіе конференціи состоялось 12 (24) ноября. Представителемъ Россіи былъ дѣйств. ст. сов. Каменскій, агентъ министерства финансовъ въ Лондонѣ. Онъ объяснилъ дѣйствующую у насъ систему обложенія сахара акцизомъ, т. е. взиманіе налога съ готоваго продукта, равно какъ и правила по надзору за свеклосахарнымъ производствомъ.

Нашъ фискальный порядокъ признанъ неподлежащимъ никакому измѣненію и представляющимъ наиболѣе гарантіи тому, что при сложеніи акциза съ отпускаемаго заграницу сахара никакая скрытая премія выдаваема не будетъ. У насъ выдается только прямая премія за сахаръ, вывозимый по азіятской границѣ, которая имѣетъ остаться въ силѣ до 1891 года. Прямую противоположность съ нынѣшнею системою представляетъ бельгійская система взиманія акциза, называемая „prise en charge“ и въ принципѣ сходная съ прежде дѣйствовавшею у насъ. Она основана на нормальномъ исчисленіи выхода сахара въ $1^1/_2$ килограмма изъ одного гектолитра свекловичнаго сока. При помощи контрольныхъ аппаратовъ исчисляется полученный на заводѣ сокъ и заводчикъ платитъ пошлину по числу гектолитровъ сока. Это и называется „prise en charge“. На самомъ же дѣлѣ количество сахара, полученнаго изъ гектолитра сока, значительно превышаетъ $1^1/_2$ килограмма. Разность между дѣйствительнымъ выходомъ и законнымъ (excédent) остается, слѣдовательно, безъ обложенія, и такъ какъ при вывозѣ сахара заграницу заводчику возвращается пошлина въ размѣрѣ 45 фр. на каждые 100 килогр., то правительство, въ сущности, выдаетъ ему премію.

Въ проектѣ конвенціи существенны первые ея два параграфа:

„§ 1. Высокія договаривающіяся стороны обязуются принять или предложить своему законодательному учрежденію такія мѣры, которыя представятъ полное и безусловное ручательство въ томъ, что не будетъ допускаемо при вывозѣ сахара никакой преміи, явной или скрытой“.

„§ 2. Высокія договаривающіяся стороны обязуются принять или предложить своему законодательному учрежденію систему взиманія налога съ количествъ выдѣланнаго и предназначеннаго для внутренняго потребленія сахара, какъ единственную, которая доставила бы возможность достичь уничтоженія помянутыхъ премій, и подчинить этому же роду обложенія заводы, выдѣлывающіе глюкозу и приспособленные для извлеченія сахара изъ патоки“.

Въ засѣданіи конференціи 11 мая делегатомъ англійскаго правительства было заявлено, что въ отношеніи государствъ, которыя до 16 августа не примкнутъ къ конвенціи, будутъ постановлены особыя рѣшенія, въ силу которыхъ они изъемлются отъ имѣющихъ установиться общихъ правилъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что для нашихъ сахарозаводчиковъ очень важно регулированіе международной торговли сахаромъ.

Русская свеклосахарная промышленность на столько развилась и окрѣпла, что не нуждается болѣе ни въ какихъ поощреніяхъ и казенныхъ субсидіяхъ. У себя дома ей необходима только охрана таможеннымъ тарифомъ въ размѣрѣ, лишь нѣсколько превышающемъ взимаемый казною акцизъ, а на европейскихъ рынкахъ—прекращеніе вмѣшательства государственныхъ властей въ торгово-промышленное соперничество между народами. Такое вмѣшательство насильственно нарушаетъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ на международныхъ и внутреннихъ рынкахъ и въ состояніи только поддерживать спекулятивную горячку въ торговлѣ сахаромъ, поражающую частыми кризисами самую свеклосахарную промышленность, которая изъ полезнаго дѣла стала повсемѣстно превращаться въ опасную для предпринимателей и вредную для народнаго хозяйства азартную игру.

Опубликованъ давно ожидавшійся законъ о сохраненіи лѣсовъ.

Новое „Положеніе“ значительно ограничиваетъ владѣльческое право злоупотребленія (jus abutere) лѣсною собственностью. Для сбереженія лѣсовъ установлены мѣры: а) ограждающія лѣса отъ истребленія и истощенія и б) поощряющія веденіе въ лѣсныхъ дачахъ правильнаго хозяйства и разведеніе новыхъ лѣсовъ. Тѣ лѣса, безусловное сохраненіе которыхъ оказывается необходимымъ въ видахъ государственной или общественной пользы, подчиняются особымъ мѣрамъ сбереженія. Лѣса эти именуются *защитными* [1]). Признаніе въ каждой мѣстности данной лѣсной площади защитною возлагается на вновь учреждаемые въ губернскихъ и областныхъ городахъ лѣсохранительные комитеты подъ предсѣдательствомъ губернатора и съ участіемъ губ. предводителя дворянства, предсѣдателя или члена окружнаго

[1]) Защитными признаются лѣса и кустарники: а) сдерживающіе сыпучіе пески или препятствующіе ихъ распространенію по морскимъ прибрежьямъ, берегамъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ, каналовъ и искусственныхъ водохранилищъ; б) защищающіе отъ песчаныхъ заносовъ города, селенія, желѣзныя, шоссейныя и почтовыя дороги, обработываемыя земли и всякаго рода угодья; в) охраняющіе берега судоходныхъ рѣкъ, каналовъ и водныхъ источниковъ отъ обрывовъ, размывовъ и поврежденія ледоходомъ, и г) произрастающіе на горахъ, крутизнахъ и склонахъ, если притомъ сіи лѣса и кустарники удерживаютъ обрывы земли и скалъ, или препятствуютъ размыву почвы, образованію снѣжныхъ обваловъ и быстрыхъ потоковъ (ст. 4).

суда, непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, чиновъ министерства государственныхъ имуществъ и удѣльнаго вѣдомства, предсѣдателя губернской земской управы и выборныхъ отъ земства мѣстныхъ лѣсовладѣльцевъ. Право заявлять комитетамъ о необходимости признанія лѣсныхъ площадей защитными предоставляется исключительно губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ и управленіямъ вѣдомствъ путей сообщенія, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ. Кому бы ни прпнадлежала лѣсная дача, признанная защитною, обращеніе ея почвы въ другой видъ угодій воспрещается и до утвержденія плана хозяйства вовсе не допускается рубка растущаго на ней лѣса. Ограничивая право пользованія владѣльцевъ защитныхъ лѣсныхъ дачъ, законъ вознаграждаетъ ихъ за это освобожденіемъ такихъ дачъ отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для сбереженія защитныхъ лѣсовъ признаны будутъ необходимыми хозяйственныя мѣры, соединенныя съ денежными расходами, и владѣльцы (за исключеніемъ казны и удѣльнаго вѣдомства, обязанныхъ выполнить требуемое) не согласятся принять эти расходы на свой счетъ, министерство государственныхъ имуществъ имѣетъ право пріобрѣсти лѣса въ казну, по оцѣнкѣ, производимой на основаніи правилъ о вознагражденіи за имущества, отчуждаемыя изъ частнаго владѣнія, по распоряженію правительства; но за владѣльцами означенныхъ лѣсовъ въ теченіи десяти лѣтъ сохраняется право выкупить ихъ обратно, уплативъ сумму, равную той, за которую они были пріобрѣтены казною, съ добавленіемъ къ ней стоимости произведенныхъ въ лѣсу работъ и роста по 6% въ годъ на обѣ суммы.

Для общенародной и общегосударственной пользы существенную важность имѣютъ, разумѣется, тѣ статьи новаго закона, которыя имѣютъ цѣлью сбереженіе защитныхъ лѣсовъ. Онѣ изложены нами въ общихъ и главныхъ чертахъ, по характеру которыхъ легко судить о принятой министерствомъ государственныхъ имуществъ системѣ дѣйствій. Оно стремится водворить порядокъ въ лѣсномъ хозяйствѣ не страхомъ карательныхъ мѣръ—за незаконныя порубки и расчистку лѣсныхъ площадей даже въ защитныхъ лѣсахъ назначены весьма умѣренныя денежныя взысканія,—не самовластіемъ административныхъ органовъ, а облегченіемъ лѣсовладѣльцамъ выхода изъ затруднительнаго положенія. Если крестьянскія или станичныя общества не въ состояніи или несогласны произвести необходимыя работы въ своихъ

лѣсныхъ дачахъ, признанныхъ защитными, то такія дачи обмѣниваются на свободные казенные или войсковые лѣса, или же указанныя работы выполняются на спеціальныя средства лѣснаго вѣдомства, а за недостаткомъ послѣднихъ—на счетъ государственнаго казначейства или войсковаго капитала по принадлежности. Даже когда производится опустошительная вырубка, то постановленію лѣсоохранительнаго комитета о ея прекращеніи должно предшествовать изслѣдованіе чинами казеннаго лѣснаго управленія всѣхъ относящихся къ дѣлу обстоятельствъ на самомъ мѣстѣ нахожденія лѣса и о времени самаго изслѣдованія лѣсовладѣлецъ извѣщается по крайней мѣрѣ за семь дней впередъ. На составленный протоколъ лѣсовладѣлецъ имѣетъ право подать отзывъ въ теченіи 30 дней, и только по прошествіи этого срока, съ присоединеніемъ къ нему срока поверстнаго, лѣсоохранительный комитетъ приступаетъ къ рѣшенію дѣла, извѣщая владѣльца о времени слушанія онаго. Можно подумать, что покуда будутъ совершаться всѣ эти обрядности, то въ лѣсу не останется ни одного пня, но нельзя упрекнуть новый законъ въ недостаткѣ осмотрительности или въ поблажкѣ административному самовластію...

Ясно видно стремленіе споспѣшествовать благоустройству лѣснаго хозяйства не строгостью охранныхъ мѣръ, а поощреніемъ добрыхъ хозяевъ и академическими услугами чиновъ лѣснаго вѣдомства. Наравнѣ съ лѣсами, признанными защитными, освобождаются отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ лѣсныя площади, занятыя искусственно разведенными лѣсонасажденіями, но не навсегда, а въ теченіи тридцати лѣтъ и если, притомъ, взамѣнъ этихъ площадей не были произведены расчистки. Лѣсной департаментъ избираетъ изъ числа состоящихъ при управленіяхъ государственными имуществами лѣсныхъ ревизоровъ наиболѣе опытныхъ лицъ, которымъ, съ цѣлью техническаго воспособленія частному лѣсному хозяйству, поручаетъ, по приглашеніямъ лѣсовладѣльцевъ, осматривать принадлежащія послѣднимъ лѣсныя дачи, давать совѣты по лѣсному хозяйству, а также руководить разнаго рода лѣсными по этимъ дачамъ работами, въ порядкѣ, указанномъ особыми инструкціями, которыя утверждаются министромъ государственныхъ имуществъ и публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Надо полагать, что академическіе труды лѣсныхъ ревизоровъ, въ виду большаго разнообразія произрастающихъ въ Европейской Россіи, со включеніемъ Кавказа, лѣсныхъ породъ и климатическихъ и почвенныхъ условій, примутъ

обширные размѣры. Даже награды, предназначенныя къ выдачѣ лѣснымъ сторожамъ въ частныхъ лѣсахъ и въ крестьянскихъ лѣсныхъ надѣлахъ, носятъ на себѣ нѣкоторый академическій отпечатокъ: сторожа эти, за усердную и долговременную службу, равно какъ за особыя услуги по лѣсной части, удостоиваются министерствомъ государственныхъ имуществъ *похвальныхъ листовъ* и медалей; но имъ могутъ быть выдаваемы и денежныя награды изъ спеціальныхъ средствъ лѣснаго вѣдомства.

Дѣйствіе новаго лѣснаго закона, по отношенію къ лѣсамъ защитнымъ, распространяется на всю Европейскую Россію, но, по отношенію къ другимъ правиламъ его, покуда допущены изъятія для разнаго рода владѣнія лѣсными пространствами и для различныхъ мѣстностей, довольно многочисленныхъ и обширныхъ. Впрочемъ, министру государственныхъ имуществъ Высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено отмѣнять эти изъятія повсемѣстно по собственному усмотрѣнію и только относительно земель казачьихъ войскъ входить съ представленіями въ комитетъ министровъ.

15-го мая, въ день священнаго коронованія Ихъ Величествъ, открыто движеніе на послѣднемъ участкѣ Закаспійской желѣзной дороги, отъ Чарджуя до Самарканда. Законченная покуда у гробницы Тамерлана, у входа въ роскошно одаренныя природными богатствами русскія владѣнія, дорога эта протяженіемъ въ 1350 верстъ уже теперь представляетъ собою величественный памятникъ побѣды знанія и энергіи надъ песчаною пустынею, считавшеюся наиболѣе непроходимою даже у мѣстныхъ кочевниковъ. Тамъ, гдѣ во времена господства татарской орды отъ песчаныхъ заносовъ гибли не только караваны, но и цѣлые культурные города и области, тамъ пролегаетъ теперь безопасный рельсовый путь, соединяющій между собою раскинутые оазисы, выводящій ихъ населеніе изъ замкнутаго круга жизни и пробуждающій его къ новой и плодотворной гражданской дѣятельности. Цивилизующее и промышленное значеніе для нашихъ средне-азіятскихъ владѣній этого пути несомнѣнно. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ: участіе самихъ туземцевъ въ трудахъ по его сооруженію, предпринятыя въ широкихъ размѣрахъ оросительныя работы и усилившееся разведеніе хлопка въ Бухарѣ и Туркестанѣ.

Генералу Анненкову безспорно принадлежитъ честь и слава изобрѣтателя способа сооруженія рельсоваго пути

наиболѣе пригоднаго для песчаныхъ степей. Мы не станемъ высчитывать поверстную стоимость новоявленной дороги съ ненадлежащими профилями, безъ необходимаго балласта, безъ станціонныхъ сооруженій для пріюта пассажировъ и склада товаровъ, даже безъ полотна, въ строгомъ смыслѣ слова, на большей части ея протяженія. Обошлась ли казнѣ верста Закаспійской дороги, не считая рельсовъ и подвижнаго состава, въ 17, 18 или 23 тысячи (считаютъ различно) и во что еще обойдется—это, на нашъ взглядъ, не имѣетъ значенія; дѣло не въ томъ, что дорога стоитъ дорого или дешево, а въ томъ, что сооруженіе ея въ безлюдной и безплодной степи, куда всякій матеріалъ надо было возить за тысячи верстъ изъ Россіи, оказалось возможнымъ; что она существуетъ; что̀ движеніе по ней производится и будетъ производиться, такъ какъ подвижные пески не составляютъ серьезнаго препятствія, что̀ уже доказано. Но у нѣкоторыхъ русскихъ и не-русскихъ людей съ представленіемъ о Закаспійской желѣзной дорогѣ слишкомъ разыгрывается воображеніе; съ нею связываютъ они политическіе замыслы и планы, имѣющіе міровое значеніе, и вотъ на этихъ-то мечтахъ стоитъ остановиться, по нашему мнѣнію.

За нѣсколько дней передъ открытіемъ Самаркандскаго участка, въ Петербургѣ вышла брошюра, озаглавленная „Закаспійская желѣзная дорога, ея значеніе и будущность“. Авторъ мечтаетъ о соединеніи Закаспійской дороги съ индійскими рельсовыми путями. По его мнѣнію, Россія должна употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы преобразовать эту дорогу въ *центрально-азіятскую* и довести ее до соединенія съ остъ-индскими желѣзно-дорожными линіями. Онъ совѣтуетъ не медлить, потому-де, что Англія поспѣшитъ предупредить Россію: англичане уже теперь озабочены постройкою желѣзной дороги отъ Измида, чрезъ Малую Азію, въ Діарбекиръ, а оттуда въ Персію и далѣе, чрезъ Белуджистанъ, въ Индію. Англія не отступаетъ даже предъ постройкою колоссальнаго моста чрезъ Босфоръ (мостъ этотъ, по проекту инженера Реблинга, обошелся бы въ 22½ милліона марокъ), ни предъ тѣми препятствіями, которыя неизбѣжны при проложеніи желѣзной дороги чрезъ горный хребетъ Тавръ и безводныя степи Ирана. Если же Россія будетъ бездѣйствовать и проектъ малоазійской желѣзной дороги осуществится, то Англія будетъ тогда энергически противиться всякому соединенію своей остъ-индской желѣзной дороги съ русскою желѣзно-дорожною линіею. Самое справедливое и удобное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе вопроса, помнѣнію автора брошю-

ра, сводится къ тому, чтобы Россія достроила свою Закаспійскую дорогу до Герата, а Англія тоже до Герата продолжила свою индійскую дорогу изъ Сиби, чрезъ Кандагаръ. Такимъ образомъ образуется почтовый идно-европейскій транзитъ via Парижъ — Варшава—Москва — Баку — Каспійское море—Узунъ-Ада—Серахсъ—Гератъ — Кандагаръ — Кветта — Шикарпуръ,—путь, будто бы, „кратчайшій и наиболѣе практичный". Изъ Парижа, по этому пути, можно было бы прибыть въ Шикарпуръ на *одиннадцатыя сутки*.

Вопросъ о сухопутномъ англо-индійскомъ транзитѣ чрезъ Россію несомнѣнно имѣетъ громадное, и не одно только политическое, значеніе и для Россіи, и для Англіи; но мы не думаемъ, чтобы онъ могъ разрѣшиться, сколько-нибудь удовлетворительно для насъ русскихъ, предлагаемымъ авторомъ брошюры способомъ.

Доведя свою дорогу только до Герата даже по соглашенію съ Англіей и при обязательствѣ послѣдней достроить до этого же пункта индійскую Шикарпуро-Кветтскую линію, Россія ничѣмъ не можетъ быть гарантирована, что съ теченіемъ времени и даже, быть можетъ, весьма скоро Англія не осуществитъ проекта *непрерывнаго* рельсоваго транзитнаго пути въ Индію отъ Кале, чрезъ Босфоръ, Малую Азію и Персію, такъ какъ этотъ путь изъ Европы въ Индію былъ бы и много „короче" и много „практичнѣе" кружнаго пути на Москву, Баку и далѣе, съ переправою черезъ море, по Закаспійской желѣзной дорогѣ. Выгоды сухопутнаго европейско-индійскаго транзита, просто какъ промышленнаго предпріятія, слишкомъ велики, чтобы тутъ можно было останавливаться передъ вопросомъ о стоимости его сооруженія. Линія же отъ границъ Индіи до Герата всегда сослужила бы Англіи (а не Россіи) политическую службу и была бы выгодна для англичанъ уже тѣмъ, что, съ одной стороны, владѣя транзитомъ чрезъ Персію по Константинопольскому пути и съ другой—стоя у самаго входа въ русскія среднеазіатскія владѣнія у Герата, они навсегда остановили бы не только политическое, но и торгово-промышленное поступательное движеніе Россіи по направленію къ открытому океану. Не въ Гератѣ ключъ къ осуществленію мысли Петра Великаго, на которую ссылается брошюра. Россіи нужны не новыя земли и не сокровища Индіи—ей нуженъ океанъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдствія посѣщенія Берлина королевой Викторіей.—Англія готовится къ активной политикѣ на Востокѣ.—Усиленіе англійскаго вліянія въ Константинополѣ.—Князь Бисмаркъ бесѣдуетъ со „знатными иностранцами". Русскій панславизмъ и австро-нѣмецкіе драконы.—Сущность австрійской политики.—Истинное значеніе „болгарскаго вопроса".—Уничтоженіе рабства въ Бразиліи.

Мы заключили наше послѣднее „обозрѣніе" извѣстіемъ о прибытіи въ Берлинъ королевы Викторіи. Въ то время, когда престарѣлая Императрица Индіи среди безмолвствующей толпы нѣмцевъ, населяющихъ столицу Германской Имперіи, прогуливалась по ея улицамъ—англійскія газеты выбивались изъ силъ для того, чтобы доказать, что посѣщеніе королевою семьи Шарлоттенбурскаго страдальца, является событіемъ міровой политической важности и должно, чуть ли не вверхъ дномъ, перевернуть всю современную политику европейскаго материка. Имъ дружно вторили продажные органы австро-мадьярской печати, очень серьезно увѣрявшей, что это свиданіе должно положить предѣлъ „руссофильству" (?) политики князя Бисмарка. Само собою разумѣется, что еврейскіе публицисты вѣнскихъ и пештскихъ оффиціозовъ усматривали это руссофильство въ той относительной умѣренности, которую большинство органовъ германской оффиціозной печати стало проявлять по отношенію къ Россіи со времени воцаренія Императора Фридриха II. Этимъ упрекомъ австрійскіе политическіе кружки считали долгомъ мстить германскому канцлеру за поддержку, оказанную имъ русскимъ требованіямъ въ Константинополѣ по вопросу объ удаленіи изъ Болгаріи Фердинанда Кобургскаго.

Завѣщаніе отходившаго въ вѣчность Императора Виль-

гельма, давно извѣстное миролюбіе его прямаго наслѣдника, затѣмъ слова манифеста новаго Императора и, наконецъ, видимо примирительный образъ дѣйствій самого канцлера въ болгарскомъ вопросѣ, все это вмѣстѣ взятое давало полное право надѣяться, что ни посѣщеніе индійской Императрицей Берлина, ни заигрыванья лондонской печати, ни австро-мадьярскія науськиванья не будутъ въ состояніи повліять на дальнѣйшій ходъ германской политики. Послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ временное удаленіе германскаго канцлера въ свои Варцинскія помѣстья заставляло предполагать, что Германія рѣшилась на нѣкоторое время воздержаться отъ активнаго вмѣшательства въ вопросы международной политики.

Оказалось, что такія надежды и предположенія были совершенно неосновательны. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить въ виду той совершенно неожиданной метаморфозы, которая совершилась нѣсколько недѣль тому назадъ въ германской ультра-оффиціозной печати!.. Мы давно уже привыкли ничему не удивляться со стороны пенсіонеровъ бисмарковскаго „Reptilienfond'a". Для этихъ почтенныхъ публицистовъ никогда не было, нѣтъ, да вѣроятно и не будетъ никакихъ границъ, поставляемыхъ обыкновеннымъ смертнымъ условіями честности, порядочности и справедливости или самыми обыденными рамками самаго неприхотливаго приличія. Въ отношеніи Россіи они никогда и ничѣмъ не стѣснялись и церемониться сколько-нибудь съ нею не считали за нужное. Но едва-ли когда-нибудь эта безцеремонность достигала такихъ невѣроятныхъ предѣловъ, какихъ достигла она и, достигла, надо замѣтить, совершенно неожиданно и безъ всякой видимой причины, въ настоящую минуту. Починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ и на сей разъ, какъ и во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ проявленія крайняго руссофобства, взяли на себя высокооффиціозные—прирейнскій лейбъ-органъ Бисмарка „Kölniche Zeitung" и берлинскій „Post". Обѣ названныя газеты, Богъ знаетъ почему и на основаніи какихъ источниковъ, совершенно неожиданно пришли къ заключенію, что русскій „панславизмъ" снова торжествуетъ и что есть признаки, ясно указывающіе на то, что вліяніе „панславистовъ" и ихъ намѣренія снова стали приниматься весьма сочувственно въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи. Это сенсаціонное свѣдѣніе появилось въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Германское правительство предостерегалось отъ излишней довѣрчивости къ своему сѣверному сосѣду и приглашалось, вмѣсто содѣй-

ствія русскимъ интересамъ въ Болгаріи, позаботиться лучше о собственной „безопасности“. Въ отвѣтъ на эти запугиванья оффиціозы болѣе умѣреннаго оттѣнка, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, стали оппонировать застрѣльщикамъ руссофобскаго лагеря, ссылаясь на авторитетъ самого канцлера и на его разговоръ съ какими-то двумя „знатными иностранцами“. „Фоссова газета“, которая на столько же благоволитъ къ канцлеру, какъ и къ Россіи, замѣтила по этому поводу, что по международнымъ вопросамъ нерѣдко вслѣдъ за нападками со стороны оффиціозной печати пускаются въ ходъ частныя сообщенія отъ лица князя Бисмарка, долженствующія служить предостереженіемъ на случай преувеличенія значенія этихъ нападокъ и возбужденія ими чрезмѣрной тревоги. Это можно было наблюдать всякій разъ, какъ чернильная война обострялась и заставляла опасаться воинственныхъ усложненій. И выдвинутыя теперь по поводу русскихъ дѣятелей оффиціозныя газетныя орудія врядъ ли заряжены такими боевыми патронами, какъ это можетъ казаться. По полученному по телеграфу, съ ручательствомъ за достовѣрность, извлеченію изъ сообщенія, посланнаго изъ Берлина въ одну франкфуртскую газету, князь Бисмаркъ принималъ надняхъ двухъ знатныхъ иностранцевъ и высказался имъ съ большою откровенностью о современномъ положеніи. Въ ближайшемъ будущемъ онъ никакого нарушенія мира не опасается. Относительно намѣреній русскаго правительства онъ теперь совершенно спокоенъ. Какое положеніе предоставляется отдѣльнымъ вождямъ панславизма въ оффиціальной Россіи—это безразлично, такъ какъ оказывать вліяніе на иностранную политику русское правительство этимъ лицамъ не позволитъ. Относительно восточныхъ дѣлъ князь Бисмаркъ выразилъ убѣжденіе, что „австрійскіе государственные люди никакого нервнаго раздраженія не проявятъ, если на Востокѣ что-либо выйдетъ изъ обычной колеи. *„Относительно занятія Константинополя Англіи всегда будетъ предоставленъ первый шагъ“.*

Такой „обмѣнъ мыслей“ между берлинскими пресмыкающимися различныхъ мастей, происшедшій совершенно неожиданно среди самаго мирнаго, повидимому, настроенія не только русской (которая всегда и была таковою), но и нѣмецкой политики, очень прозрачный намекъ на предпочтеніе англійскихъ интересовъ интресамъ Россіи явно указывали на то, что дѣйствительно берлинскій визитъ королевы Викторіи и бесѣда ея съ германскимъ канцлеромъ не про-

шли безъ слѣда... Приведенная выходка состоящей на содержаніи Бисмарка нѣмецкой печати послужила сигналомъ къ всеобщей чернильной кампаніи противъ Россіи, кампаніи, которая въ настоящую минуту дошла до геркулесовыхъ столбовъ.

Ниже мы отмѣтимъ новѣйшіе подвиги руссофобствующихъ оффиціозовъ Бисмарка. Прежде слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что пробный шаръ, пущенный „Кёльнской газетой“, послужилъ сигналомъ не только для Вѣны, но и для Лондона. Еврейскіе публицисты, подвизающіеся въ австро-мадьярской столицѣ, тотчасъ же заговорили о возможности тѣснаго сближенія Англіи съ Австро-Венгріей. Въ Лондонѣ стали обсуждать „необходимость активнаго образа дѣйствій на Востокѣ“. „Активная роль“, которую Англія якобы намѣревается принять на себя въ восточной политикѣ, заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Что̀ именно собирается дѣлать Англія—неизвѣстно, и мы, разумѣется, не считаемъ возможнымъ обращать какое бы тамъ ни было вниманіе на статьи мадьярскихъ газетъ, питающихъ надежду видѣть въ Англіи орудіе для сокрушенія Россіи. Мы лишь можемъ сопоставить только-что изложенное извѣстіе о таинственномъ собесѣдованіи Бисмарка со „знатными иностранцами“ съ извѣстіями, приходящими въ послѣднее время изъ Константинополя. Еще очень недавно изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ къ намъ доходили извѣстія о крайне шаткомъ положеніи великаго визиря Кіамиля-паши, стариннаго англофила, пользующагося постоянною поддержкой представителей Великобританіи. По слухамъ, которые не опровергались даже и вѣнскими и лондонскими газетами, султанъ былъ крайне недоволенъ Кіамилемъ и ему угрожало изгнаніе. Въ преемники попавшаго въ опалу визиря молва прочила турецкаго посла при Петербургскомъ Кабинетѣ, Шакира-пашу, давно уже пользующагося самыми искренними симпатіями въ петербургскомъ обществѣ и милостивымъ вниманіемъ русскаго Двора. Въ то же время было слышно, что англійскій посолъ въ Константинополѣ за послѣднее время встрѣчалъ самый холодный пріемъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Теперь, все измѣнилось: пресловутый сэръ Вильямъ Уайтъ такъ хорошо умѣлъ повести дѣло, что не только Кіамиль-паша усидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но и самъ Уайтъ вдругъ сдѣлался persona grata при Дворѣ падишаха. Нѣсколько времени тому назадъ султанъ самъ послалъ за Уайтомъ и бесѣдовалъ съ нимъ около двухъ часовъ. Телеграфъ,

который не замедлилъ разнести по всей Европѣ извѣстіе объ этой аудіенціи, конечно, ради скромности прибавляетъ, что во время бесѣды повелителя правовѣрныхъ съ представителемъ ея британско-индійскаго величества о политикѣ ничего не говорилось, но все-таки довольно трудно предположить, чтобы Абдулъ-Гамидъ бесѣдовалъ съ сэромъ Уайтомъ о погодѣ или о послѣднемъ представленіи итальянской оперы. Во всякомъ случаѣ, это свиданіе и бесѣда указываютъ на то, что отношенія султана къ Англіи измѣнились къ лучшему. Поводомъ къ такой перемѣнѣ выставляютъ въ свѣдущихъ политическихъ кружкахъ опасенія относительно Россіи, которыя умѣлъ возбудить въ душѣ султана Уайтъ, при помощи представителя Австро-Венгріи и, какъ прибавляютъ, не безъ содѣйствія представителя интересовъ Германіи. Въ правящихъ сферахъ Оттоманской имперіи порѣшили снова всецѣло отдаться руководительству Англіи, которая одна только и можетъ, якобы, спасти Турцію въ томъ случаѣ, если Россія, пользуясь возможностью новаго столкновенія между Германіей и Франціей, рѣшилась бы напасть на Константинополь. Вовсе не нужно обладать большой политической проворливостью для того, чтобы угадать, кто и для чего позаботился внушить эти фантастическіе страхи турецкому правительству, но нельзя не удивляться, что горькій опытъ до сихъ поръ еще не научилъ падишаха познанію истиннаго значенія англійскихъ совѣтовъ и дружбы. Много разъ въ продолженіе хотя бы одного текущаго столѣтія Турціи пришлось на своей спинѣ испытать, что такое значитъ англійская дружба! Сколько разъ, подводя Турцію подъ удары Россіи, Англія пользовалась побѣдами великодушнаго соперника Турціи для того, чтобы обобрать своего друга и protegé. Но турецкіе правители и ихъ совѣтники обладаютъ неизмѣнной привычкой не почерпать никакого назиданія изъ уроковъ исторіи и забывать эти уроки.

Хотя мы далеки отъ того, чтобы вѣрить вѣнскому оффиціозному листку („Politische Correspondenz“) вполнѣ, но его откровенія пріобрѣтаютъ нѣкоторую цѣнность, если ихъ сопоставить съ необъяснимымъ задоромъ мадьярскихъ газетъ и довольно достовѣрными извѣстіями о вооруженіяхъ, предпринимаемыхъ въ широкихъ размѣрахъ, и ужь, конечно, не на свой счетъ, Турціей. Въ теченіи послѣдняго мѣсяца телеграфъ очень часто сообщалъ намъ о новыхъ фортификаціонныхъ работахъ, предпринимаемыхъ турецкимъ правительствомъ. Укрѣпленія Адріанополя дополняются но-

выми линіями верковъ. Доступъ къ Константинополю со стороны суши имѣется въ виду сдѣлать невозможнымъ при помощи обширнаго укрѣпленнаго лагеря, уже давно построеннаго вчернѣ вокругъ Чаталджи. Лагерь этотъ существуетъ уже давно, но онъ, какъ и большинство турецкихъ фортификаціонныхъ работъ, находится въ забросѣ и запущеніи. Его предположено расширить и также дополнить новыми верками. Около Эрзерума отчасти выстроены, отчасти строятся новые форты, и этотъ стратегическій пунктъ, въ свою очередь, обращенъ въ укрѣпленный лагерь. Впрочемъ, укрѣпленія Эрзерума начаты уже давно, и если работы не окончены еще до сихъ поръ, то виною тому—хроническое безденежье оттоманскаго правительства. Весьма компетентный въ военныхъ вопросахъ корреспондентъ берлинской „Post“ находитъ постройки превосходными во всѣхъ отношеніяхъ, но замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ фортовъ не снабжены колодцами, а потому и представляютъ неудобство на случай непріятельскаго обложенія.

Параллельно съ турецкими приготовленіями къ защитѣ отъ мнимаго нападенія со стороны Россіи и въ самой Англіи въ послѣднее время весьма настойчиво поднятъ вопросъ о необходимости развитія вооруженныхъ силъ Англіи и увеличеніи боевой готовности этихъ силъ. Въ этомъ смыслѣ внесенъ даже въ палату уже и билль, въ которомъ однако не рѣшаются затрогивать вопросъ объ увеличеніи бюджета военнаго министерства, а лишь предлагается рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, мобилизація могла совершиться съ возможной быстротою. Впрочемъ, на послѣдней недѣлѣ канцлеръ казначейства внесъ билль объ ассигнованіи 2.500.000 фунтовъ стерлинговъ для укрѣпленія военныхъ портовъ и угольныхъ станцій. Вся англійская печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ поддерживаетъ этотъ билль. Предполагаемая имъ затрата, конечно, не будетъ послѣдней, и давнишнее желаніе главнокомандующаго англійской арміей герцога Кембриджскаго имѣть всегда возможность мобилизировать и посадить на суда хотя одинъ армейскій корпусъ въ боевомъ составѣ теперь, быть можетъ, наканунѣ своего исполненія.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ отмѣтить весьма курьезное явленіе: въ англійской печати съ нѣкоторыхъ поръ начинаютъ раздаваться очень настойчивые и авторитетные голоса, требующіе замѣны гражданскихъ министровъ, военнаго и морскаго, людьми этихъ спеціальностей. Забавно, что это требованіе раздается въ Англіи какъ разъ въ то время,

когда во Франціи ссылаются на примѣръ Англіи, для того чтобы во главѣ военнаго и морскаго министерствъ поставить людей далеко не боевыхъ, въ родѣ Фрейсинэ.

Военная суматоха, поднятая въ Англіи, если ее разсматривать въ связи съ грозными завываніями вѣнско-мадьярскихъ оффиціозовъ, по словамъ которыхъ можно думать, что Австрія рѣшилась во что бы то ни стало разгромить Россію—указываетъ не только на то, что между Вѣной и Лондономъ условились (по крайней мѣрѣ до извѣстнаго предѣла) дѣйствовать за-одно, но и на то, что и тутъ и тамъ считаютъ возможнымъ разсчитывать на поддержку берлинскаго канцлера.

На сколько же основательны такіе разсчеты, и до чего можетъ простираться нѣмецкая поддержка руссофобскимъ вожделѣніямъ Салисбюри и Кальноки?

Не подлежитъ сомнѣнію, что Бисмаркъ по отношенію къ Россіи продолжаетъ, по меньшей мѣрѣ, крайне двусмысленную политику. Мы уже замѣтили, что политическое завѣщаніе почившаго Императора Вильгельма и миролюбивыя заявленія его преемника давали право С.-Петербургскому Кабинету разсчитывать на большую лойяльность или, по крайней мѣрѣ, прямодушіе германской политики. Разсчеты эти, къ сожалѣнію, не оправдались, и нѣмецкая политика не только не сдѣлалась болѣе откровенной, но напротивъ того, съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе загадочный характеръ и не обѣщаетъ ничего добраго въ смыслѣ русскихъ интересовъ. Если до сихъ поръ у насъ и существуютъ крайніе оптимисты, не усматривающіе ничего тревожнаго въ отношеніяхъ Германіи къ Россіи, то, казалось бы, послѣ ежедневныхъ выходокъ оффиціозной нѣмецкой печати, не скупящейся ни на клеветы, ни на угрозы по адресу Россіи, этотъ розовый оптимизмъ долженъ бы былъ улетучиться и уступить мѣсто болѣе трезвому и правдивому воззрѣнію на русско-нѣмецкія отношенія. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что Россіи угрожаетъ немедленное нападеніе со стороны Германіи и что мы должны опасаться ежеминутно австро-нѣмецкаго нашествія, поддержаннаго какими-либо воинственными демонстраціями „коварнаго Альбіона“. Отнюдь нѣтъ. Мы, напротивъ того, глубоко убѣждены, что если Австрія, а особенно мадьяры и были бы готовы напасть на Россію, разумѣется, не иначе, какъ въ хвостѣ германской арміи, то князь Бисмаркъ съ своей стороны, ужъ конечно, ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ потворствовать австро-мадьярскимъ вожделѣніямъ

и едва-ли рѣшится затѣять вооруженную ссору съ Россіей. Потому-то онъ и не допускаетъ никогда своихъ „пресмыкающихся“ заходить далѣе тѣхъ границъ, за которыми онъ былъ бы не въ силахъ предотвратить непріятныя послѣдствія ихъ усердія не по разуму. Выше мы указали на тѣ пріемы, которыми канцлеръ обыкновенно смягчаетъ впечатлѣніе, производимое уже черезъ-чуръ рѣзкими выходками. Эти „смягченія“ практикуются германской печатью совершенно систематично, и мы можемъ замѣтить, что они даже проявились весьма замѣтнымъ образомъ въ послѣдніе дни. Конечно, было бы смѣшно придавать какое-либо значеніе этимъ періодическимъ извиненіямъ и заигрываньямъ точно также, какъ и смотрѣть въ увеличительное стекло на китайскихъ драконовъ, показываемыхъ намъ со столбцевъ бисмарковскихъ „пресмыкающихся“; тѣмъ не менѣе, какъ періодически усиливающіеся нападки на Россію и угрозы по ея адресу, такъ и слѣдующія за ними время отъ времени виляніе хвостомъ имѣютъ значеніе, котораго нельзя отрицать.

Всѣ клеветы, взводимыя на Россію въ послѣднее время, сводятся въ нѣсколькихъ словахъ къ тому, что, какъ замѣчено выше, панславитская партія снова взяла перевѣсъ въ правительственныхъ сферахъ, и что дѣйствія ея уже выразились въ тѣхъ неурядицахъ и безпорядкахъ, которые почти повсемѣстно царствуютъ на славянскомъ Востокѣ, начиная съ Румыніи и кончая все той же Болгаріей. Все, что совершалось за послѣднее время въ Румыніи, Сербіи и Болгаріи, и можетъ служить громкимъ протестомъ противъ существующихъ тамъ режимовъ, — все это относится дружнымъ хоромъ австро-мадьярской, нѣмецкой и англійской печати на счетъ Россіи и объясняется русской интригой и, по обыкновенію, магическимъ дѣйствіемъ русскаго рубля. Австрійскій гульденъ, которымъ оплачиваются, дѣйствительно, сербскіе и болгарскіе дѣятели, разумѣется, забывается. Объ немъ ни слова. Но, какъ бы то ни было, нѣмцы порѣшили, что Европа должна, во что бы то ни стало, парализировать губительное дѣйствіе русскаго панславизма, угрожающее ея спокойствію, а Германія, кромѣ того, вооружиться противъ пагубной для нѣмецкихъ интересовъ финансовой и экономической политики Россіи. Само собою разумѣется, для этой послѣдней цѣли предъявляются новыя требованія объ увеличеніи пошлинъ на русскій зерновой хлѣбъ. Спеціальный органъ германскаго министра финансовъ берлинская „Politische Nachrichten“ съ пѣной у рта требуетъ

настолько энергическаго экономическаго похода на Россію, чтобы онъ окончательно поразилъ ее.

Никто, конечно, не окажется настолько наивнымъ, чтобы предположить, что имперскій канцлеръ дѣйствительно вѣритъ въ пугало русскаго панславизма, и всѣ понимаютъ очень хорошо, что финансовая борьба противъ Россіи допускается имъ въ цѣляхъ, быть можетъ, не имѣющихъ ничего общаго съ „экономическими интересами“ самой Германіи. Высказанная нами мысль подтверждается весьма наглядно даже и въ настоящую минуту отступленіемъ по всей линіи, начатымъ германскими оффиціозами по сигналу лейбъ-органа князя Бисмарка „Nordeutsche Allg. Zeitung“. Желѣзный канцлеръ нашелъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, что уже достаточно запугалъ русское общественное мнѣніе или, наоборотъ, пришелъ къ заключенію, что запугать его не представляется никакой возможности, но, во всякомъ случаѣ, онъ счелъ за нужное укоротить сворки своихъ оффиціозныхъ шавокъ и прикрикнуть на тѣхъ изъ нихъ, которыя ужъ черезчуръ безцеремонно разлаялись. Теперь Болгарію и „славянскій вопросъ“ начинаютъ мало-по-малу замалчивать, а относительно финансовой войны вообще и боевыхъ пошлинъ въ частности замѣчаютъ, что статьи оффиціозовъ, трактующихъ объ этихъ предметахъ, отнюдь не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ намѣреній Германіи немедленно приступить къ предлагаемымъ ими мѣрамъ, такъ какъ означенныя статьи выражаютъ только платоническія разсужденія о правѣ Германіи бороться противъ аггрессивной (?) финансовой и экономической политики Россіи. Замѣчательно, что одновременно съ отступленіемъ нѣмецкой печати понижается тонъ по отношенію къ Россіи и въ лондонской, и въ вѣнской, и въ пештской политической публицистикѣ.

Такимъ образомъ, существованіе извѣстнаго единенія образа мыслей по отношенію къ Россіи со стороны Германіи, Англіи и Австріи, единенія, впрочемъ едва-ли способнаго перейти границы газетной войны, можно считать не подлежащимъ сомнѣнію. Запѣвалой и дирижеромъ въ этомъ трогательномъ терцетѣ является, очевидно, маститый канцлеръ Императора Фридриха. Политика его не представляетъ собою положительно ничего на столько новаго, чтобы могла поражать насъ или тревожить общественное мнѣніе Россіи въ томъ, конечно, случаѣ, если наше правительство твердо рѣшилось продолжать настоящій строго-спокойный и самостоятельный образъ дѣйствій или, точнѣе,—выжидающаго бездѣйствія.

Намъ сильно сдается, что самое метаніе изъ стороны въ

сторону и рѣзкіе переходы отъ угрожающаго Россіи тона къ тону, заигрывающему съ ней со стороны оффиціозной печати Германіи, Англіи и Австріи, объясняются исключительно положеніемъ, которое занимаетъ въ настоящую минуту Россія. Наша дипломатія прежняго времени настолько пріучила всю такъ называемую Европу вообще, а за послѣднее время Германію въ особенности,—къ отсутствію всякой самостоятельности и иниціативы въ своихъ дѣйствіяхъ, что наши европейскіе друзья никакъ не ожидали проявленія какой-либо самостоятельности въ русской международной политикѣ. Эти господа настолько привыкли видѣть русскихъ дипломатовъ прислушивающимися къ желаніямъ не только князя Бисмарка, но и менѣе его выдающихся корифеевъ европейской политики, и спѣшащими исполнить эти желанія, что были крайне удивлены, когда русская дипломатія высказала *свои* желанія. Князь Бисмаркъ едва успѣлъ заявить во всеуслышаніе Европѣ, что если результаты берлинскаго конгресса не удовлетворили желанія Россіи, то это произошло исключительно оттого, что русскіе дипломаты не хотѣли или не умѣли высказать болѣе точно и опредѣленно желанія своего правительства, и что въ противномъ бы случаѣ, онъ, Бисмаркъ, конечно, поспѣшилъ бы помочь осуществленію этихъ желаній... Европа еще не перестала удивляться вмѣстѣ съ желѣзнымъ канцлеромъ чудовищной неблагодарности Россіи, тому, что русское правительство еще разъ совершенно прямо и откровенно изложило свою программу по „болгарскому вопросу“ и категорически заявило, что не считаетъ возможнымъ отступить отъ этой программы. Хотя новая программа Россіи была лишь повтореніемъ того, что ею было уже высказано осенью 1886 г., но европейскіе политики сочли за нужное притвориться, что въ требованіяхъ Россіи видятъ нѣчто совершенно новое, и собирались было заняться выторговываньемъ, по обыкновенію, уступокъ у русскаго правительства. Они даже приступили къ устройству этого гешефта, но внезапная кончина Императора Вильгельма смѣшала на время ихъ карты. Теперь, очевидно, игра возобновилась и дѣло идетъ, не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, какъ бы разрѣшить „болгарскій вопросъ“ съ наименьшими, по возможности, уступками въ пользу Россіи. Эту цѣль, главнымъ образомъ, преслѣдуютъ въ Австріи и, отчасти, въ Англіи. Что же касается собственно Германіи, то имперскій канцлеръ, поддерживая оффиціознымъ образомъ австро-мадьярскаго друга, заботится вовсе не о болгарскомъ

вопросѣ и не объ интересахъ Австріи. Онъ преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли. Его больше, чѣмъ кого-нибудь, быть можетъ, смущаетъ перспектива самостоятельной политики Россіи. Онъ, какъ и всегда, стремится къ тому, чтобы заставить своего сѣвернаго сосѣда идти рука объ руку съ нимъ, т. е. служить нѣмецкимъ интересамъ.

Мы не разъ уже имѣли случай говорить, что единственной цѣлесообразной политикой со стороны Россіи можетъ быть только политика, преслѣдующая исключительно русскіе интересы и направленная къ осуществленію задачъ, поставленныхъ Россіи ея исторіей и историческими судьбами. Всякій разъ, когда Россія, подъ вліяніемъ какого бы то ни было внѣшняго стимула или увлекаясь политическими теоріями или традиціями, или такъ называемой „политикой чувствъ", уклонялась отъ этой цѣли, забывала для другихъ свое призваніе—всякій разъ она жестоко платилась за эту измѣну своему историческому служенію. Припомнимъ только 1848 г. и крымскую кампанію, 1870 г. и берлинскій конгрессъ. Этихъ великихъ историческихъ уроковъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы русская дипломатія усвоила себѣ, наконецъ, исключительно русскія цѣли и, забывъ традиціи своихъ канцелярій, памятовала, что она имѣетъ дѣло не съ бумагой, на которой пишутся разныя ноты, декларація и трактаты, а съ милліонами живыхъ людей, составляющихъ Россію, на стражѣ государственнаго достоинства и чести которой она стоитъ.

На путь такой политики своихъ собственныхъ интересовъ, несомнѣнно, повторяемъ, и вступила Россія въ послѣднее царствованіе. Этого не можетъ не замѣтить такой опытный и проницательный политикъ, какъ канцлеръ Германской Имперіи. Что бы тамъ ни говорили, въ сокровенныхъ помыслахъ князя Отто фонъ-Бисмарка таится желаніе ранѣе, чѣмъ судьба удалитъ его съ житейской сцены, повторить исторію 1870 г., съ тѣмъ, чтобы на долго, если не навсегда, отбить у Франціи охоту и надежду возмездія. Для того, чтобы достичь чего-либо похожаго на разгромъ Франціи, ему необходимо быть увѣреннымъ, если не въ дружественномъ нейтралитетѣ со стороны Россіи, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что она не протянетъ въ рѣшительную минуту руку помощи погибающей Франціи.

Правду сказать, въ настоящую минуту псевдополитическіе дѣятели французской республики сами играютъ въ руку своего исконнаго врага и дѣлаютъ невозможнымъ союзъ съ Франціей ни для одного изъ уважающихъ себя европей-

скихъ правительствъ. Но вѣдь гг. Карно, Флокэ и К° еще не представляютъ собою Франціи. Эта страна въ настоящую минуту находится, какъ мы объяснимъ ниже, наканунѣ какого-нибудь серьезнаго переворота. Нѣтъ той политической неожиданности, на которую нельзя бы было разсчитывать, говоря о современной Франціи. Не сегодня-завтра, если судьба еще не совсѣмъ отступилась отъ французскаго народа, власть надъ нимъ можетъ попасть въ какія-нибудь твердыя и сильныя руки, и тогда, быть можетъ, Франція рѣшится на все для того, чтобы разъ навсегда, хотя и со страшнымъ рискомъ, избавиться отъ тѣхъ безпрерывныхъ булавочныхъ уколовъ бисмарковской политики, подъ которыми она живетъ съ роковаго дня франкфуртскаго мира. Сильнаго правительства во Франціи и сочувствія къ нему со стороны Россіи—вотъ чего опасается Бисмаркъ сегодня, точно также какъ опасался вчера и будетъ опасаться завтра и до тѣхъ поръ, пока богъ войны не разрѣшитъ такъ или иначе вопросъ о реваншѣ.

Подъ гнетомъ этого двоякаго опасенія и цѣль Бисмарка идетъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны имъ пускаются въ ходъ всѣ тайныя пружины политическаго шпіонства для поддержанія внутреннихъ неурядицъ въ самой Франціи, а съ другой—онъ не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобы снова заманить Россію въ желѣзныя объятія Германіи. Съ Франціей ему пока очень не трудно ладить, благодаря поголовной бездарности ея настоящихъ правителей. Далеко не такъ легко снова заманить въ свои сѣти едва успѣвшую выбиться изъ нихъ Россію. Благодаря преслѣдованію Бисмаркомъ этой послѣдней цѣли совершается не только тотъ бумажный походъ на Россію, который мы отмѣтили выше, но и раздается бряцаніе оружія въ Вѣнѣ и Пештѣ, подвигаются къ русской границѣ австрійскія войска, пускаются въ ходъ слухи объ австро-сербско-румынскомъ союзѣ, о мобилизаціи сербской арміи и, наконецъ, о готовности Англіи выступить въ активной роли на Востокѣ. Ради той же цѣли желѣзный канцлеръ, откровенничая съ таинственными „знатными иностранцами“, обѣщаетъ подарить Константинополь королевѣ Викторіи.

Уже болѣе мѣсяца продолжается во всей средней Европѣ самая безцеремонная буфонада подъ звуки грозныхъ завываній по адресу Россіи; подстрекаемы германскимъ канцлеромъ Кальноки, Кальманъ, Тисса, а за ними и разная политическая мелкота, начиная съ Карла Румынскаго и Милана

Сербскаго и кончая послѣднимъ политическимъ прихлебателемъ болгарскаго самозванца, проявляютъ невиданную и неслыханную до сихъ поръ заносчивость по адресу Россіи... Ничто не помогаетъ. Россія остается, однако, неизмѣнною и непоколебимою въ своихъ намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ. Никакія инсинуаціи, никакія угрозы, ни весь политическій сумбуръ, происходящій на Балканскомъ полуостровѣ—ничто не могло до сихъ поръ заставить ее измѣнить занятаго ею положенія. И вотъ въ чемъ секретъ затишья, наступившаго вслѣдъ за безконечнымъ шумомъ и гамомъ. Благодаря спокойствію Россіи, измѣнили тонъ германскіе оффиціозы, перестали быть столь грозными австрійскіе политики, и даже самъ король Миланъ слегъ въ постель какъ разъ въ то время, когда ему, вслѣдствіе вѣнскаго приказа, надлежало ѣхать встрѣчать принцессу Клементину, пробирающуюся въ Софію.

Таково въ общихъ чертахъ въ настоящую минуту взаимное положеніе Россіи и Германіи, руководящей политикой Австріи, а, пожалуй, отчасти и Англіи... Франція, хотя и косвеннымъ путемъ, но играетъ весьма серіозную роль въ отношеніяхъ двухъ великихъ сѣверныхъ имперій. Выше мы указали въ нѣсколькихъ словахъ на сущность этой роли, дальнѣйшія разъясненія этой мысли были бы совершенно излишни. Россія или, по крайней мѣрѣ, русское общественное мнѣніе никогда не скрывало своихъ симпатій къ Франціи, или точнѣе, къ французскому народу. До сихъ поръ этимъ симпатіямъ никогда не приходилось выливаться въ какую-либо политическую форму и напротивъ того, Франція и Россія нерѣдко являлись воюющими сторонами. Не можетъ быть рѣчи ни о какомъ политическомъ единеніи Россіи и Франціи даже и въ настоящую минуту. Не говоря уже о томъ, что въ интересахъ Россіи не быть въ настоящую минуту связанной какимъ бы то ни было союзомъ, не говоря о томъ, что политическая свобода и самостоятельность теперь всего дороже для Россіи. Даже и помимо этихъ общихъ, несомнѣнно вѣрныхъ соображеній, союзъ съ Франціей является въ настоящую минуту совершеннымъ абсурдомъ не только для Россіи, но и для кого бы то ни было. Французская республика въ настоящую минуту представляетъ такой печальный видъ внутренней политической неурядицы, какого она не имѣла даже и въ послѣдній моментъ существованія второй имперіи, наканунѣ тевтонскаго нашествія.

Въ прошломъ обозрѣніи мы указали на тѣ безсильныя по-

туги, въ которыхъ изнываетъ только-что народившееся министерство Флокэ, стараясь какъ-нибудь избавиться отъ давящаго его кошмара буланжизма. Трудно повѣрить, до какихъ крайнихъ предѣловъ нелѣпости доходятъ руководители современной политики Франціи, а между тѣмъ они начинаютъ серіозно поговаривать объ изданіи новаго закона, который бы изгонялъ изъ предѣловъ Франціи генерала Буланже наравнѣ съ претендентами Орлеанскаго дома и членами фамиліи Бонапартовъ. Самая идея подобнаго проекта вызываетъ гомерическій смѣхъ. Буланже до сихъ поръ не совершилъ ровно ничего противозаконнаго, а между тѣмъ кары одна за другой сыплются на него безъ всякаго смысла и причины. Въ настоящую минуту его собираются приравнять къ членамъ домовъ, царствовавшихъ когда-либо во Франціи, и все это только потому, что гг. Карно, Флокэ, Фрейсинэ и проч. видятъ въ немъ человѣка, намѣревающагося сдѣлаться диктаторомъ Франціи. Карно и Флокэ предпринимаютъ даже поѣздку по Франціи со спеціальной цѣлью противодѣйствовать распространенію буланжизма. Флокэ произноситъ рѣчи предъ представителями французской арміи, въ которыхъ сѣтуетъ на опасность, угрожающую республикѣ и очень прозрачно намекаетъ на то, что эта опасность грозитъ со стороны Буланже. Онъ забываетъ и то, что опальный генералъ до сихъ поръ пользуется популярностью среди арміи, что политическое значеніе его ростетъ день ото дня и что, наконецъ, противниками Буланже, рядомъ съ правительствомъ, являются представители крайней анархіи. Въ борьбѣ, которую генералъ Буланже и его партія намѣреваются вести съ парламентскимъ оппортунизмомъ на легальной почвѣ, правительство можетъ опереться лишь на анархію, и при томъ *только на одну* анархію. Не правда ли, союзъ достойный правительства, признающаго себя законнымъ и требующаго себѣ довѣрія и уваженія отъ народа? Во главѣ анархистовъ разныхъ оттѣнковъ красуется въ настоящую минуту невозможный Клемансо. Орудіе, которымъ почтенные сторонники коммуны намѣрены побѣдить ex-командира 13-го корпуса, заключается чуть-ли не въ ежедневномъ напоминаніи французской публикѣ, что генералъ Буланже, тогда еще въ чинѣ капитана, былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ преслѣдователей коммунаровъ 1871 г., и что ему версальскія войска были много обязаны быстротой взятія Парижа и подавленіемъ невообразимыхъ звѣрствъ и безобразій дѣятелей коммуны. Надо полагать, что большинство французской

*

публики настолько благоразумно, что признаетъ сокрушеніе коммуны одною изъ лишнихъ причинъ, дающихъ генералу право на уваженіе честныхъ и порядочныхъ людей. Къ той же цѣли, къ увеличенію популярности Буланже ведутъ весьма вѣрно и всѣ нападки на него со стороны правительства. Еслибы всѣ эти господа: Карно, Фрейсинэ, Флокэ et tutti quanti имѣли хоть сколько-нибудь политическаго такта, то они смотрѣли бы на Буланже, какъ на самаго обыкновеннаго депутата и игнорировали бы его чрезвычайное значеніе. Но для этого нужно не только тактъ, но и сознаніе собственной силы. Вотъ этимъ-то сознаніемъ они и обладаютъ еще менѣе, чѣмъ необходимымъ для государственныхъ дѣятелей политическимъ тактомъ.

Разумѣется, нигдѣ такъ бдительно не слѣдятъ за всѣмъ, совершающимся во Франціи, какъ въ Берлинѣ. Не только послушные велѣнію канцлера нѣмецкіе рептиліи, но и сами представители германской дипломатіи говорятъ о французской республикѣ и относятся къ ней сообразно съ тѣмъ, что совершается въ ея нѣдрахъ. Царящая тамъ въ настоящую минуту неурядица, готовая не сегодня-завтра превратиться въ настоящую катастрофу, конечно, не можетъ ни въ какомъ случаѣ содѣйствовать проявленію какой-либо особой сдержанности и деликатности по отношенію къ Франціи со стороны Германіи. Въ имперской канцеляріи очень хорошо понимаютъ, что въ настоящую минуту Франція находится въ такомъ положеніи, что ея правительству было бы довольно трудно проявлять какую-либо чрезвычайную щепетильность въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Этимъ положеніемъ даже уже поспѣшили воспользоваться для того, чтобы раздуть до степени инцидента какое-то пограничное недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго французскія пограничныя власти не допустили переѣхать черезъ французскую границу какого-то нѣмца Литтауэра, направлявшагося изъ Эльзаса. Почему именно не былъ допущенъ на французскую территорію этотъ Литтауэръ, до сихъ поръ еще не разъяснено надлежащимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія объ этомъ, собственно говоря не стоющемъ выѣденнаго яйца, случаѣ, разнорѣчивы. Съ наибольшей достовѣрностью можно предположить, что нѣмецъ, изъза котораго загорѣлся весь сыръ-боръ, былъ уже давно на замѣчаніи у французской полиціи, какъ субъектъ подозрительный... Какъ бы тамъ ни было, но случай съ этимъ Литтауэромъ послужилъ поводомъ къ многочисленнымъ запросамъ со стороны германскаго правительства и

породилъ даже дипломатическую переписку. Нѣмецкія газеты, разумѣется, не преминули воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы обрушить на Францію всѣ чернильные громы, которые только имѣются въ арсеналахъ оффиціозныхъ редакцій. Былъ пущенъ въ ходъ даже слухъ, что германское правительство намѣрено вовсе запретить французскимъ подданнымъ въѣздъ въ имперскія провинціи и пребываніе въ нихъ. Этотъ слухъ, въ концѣ концовъ, оказался преувеличеннымъ и дѣло, повидимому, ограничится тѣмъ, что французскіе подданные будутъ допускаемы въ имперскія области не иначе, какъ по предъявленію паспортовъ, визированныхъ въ германскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Эта мѣра уже обнародована, но еще не примѣнена на практикѣ, и вызвала во Франціи нѣкоторое неудовольствіе. Для французовъ эта мѣра стѣснительна, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, французское правительство, если ему только не удастся войти въ какой-либо компромиссъ съ Германіей, постарается обойти какъ-нибудь неудобство, вызываемое ею. Въ этихъ видахъ, говорятъ, Флокэ уже вошелъ въ переговоры съ компаніями желѣзныхъ дорогъ для направленія поѣздовъ помимо Эльзасской границы. Удастся ли ему это устроить—неизвѣстно, но если придуманная Бисмаркомъ мѣра будетъ приведена въ исполненіе, то французы волей-неволей должны будутъ увидать въ ней новое доказательство полнѣйшей несостоятельности своего правительства, умѣвшаго настолько дискредитировать международное значеніе Франціи, что она вынуждена безмолвно сносить всякую грубость со стороны своего тевтонскаго сосѣда.

Этотъ, повидимому ничтожный, случай дастъ еще одинъ минусъ въ общемъ итогѣ состоятельности правительства Карно-Флокэ.

Не лишенъ знаменательности тотъ фактъ, что, пользуясь впечатлѣніемъ этого пограничнаго „инцидента“ на князя Бисмарка, Тиссa вздумалъ подслужиться желѣзному канцлеру и, что называется, ни съ того, ни съ сего нанесъ весьма тяжкое оскорбленіе французскому національному самолюбію. Говоря въ венгерскомъ парламентѣ объ участіи мадьярскихъ фабрикантовъ и промышленниковъ на выставкѣ 1889 г. и заявляя, что правительство не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ этой выставкѣ, онъ замѣтилъ, что участіе въ ней можетъ быть не совсѣмъ безопаснымъ для венгерцевъ, и что они рискуютъ не только оскорбленіемъ своего національнаго флага, но и своей матеріальной соб-

ственностью, такъ какъ нельзя предвидѣть событій, могущихъ совершиться во Франціи. „Nemzet“, „Pesther Loyd“ и другіе оффиціозы подхватили эту грубую выходку и стали доказывать, что еще, быть можетъ, и то, что новое бомбардированіе Парижа разрушитъ зданіе выставки и всѣ выставочныя затѣи французовъ... Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе грубое и невѣжественное, чѣмъ эти выходки оффиціозной Венгріи противъ Франціи и не мѣшаетъ замѣтить, что мадьярскіе публицисты совершенно не стѣсняясь мотивируютъ ихъ симпатіями, проявляемыми Франціей по адресу Россіи...

Первымъ проявленіемъ протеста со стороны Франціи противъ такого образа дѣйствій венгерской оффиціозной печати и словъ Тиссы былъ отказъ со стороны французскихъ коммерсантовъ въ обычномъ кредитѣ своимъ венгерскимъ покупателямъ. Въ то же время, какъ говорятъ, представитель Франціи въ Вѣнѣ обратился къ Кальноки съ запросомъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, дипломатическія объясненія приведутъ къ извиненію, по крайней мѣрѣ, вся независимая или выдающая себя за таковую венгерская печать вдругъ перемѣнила тонъ—и начала осыпать Тиссу всяческими порицаніями. Между тѣмъ довольно трудно предположить, чтобы онъ рѣшился затронуть такимъ образомъ международныя отношенія Австро-Венгріи, не переговоривши предварительно съ имперскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы Тисса взялъ на себя отвѣтственность за подобную выходку. Наиболѣе правдоподобнымъ будетъ предположеніе, что изъ Берлина какъ-нибудь довольно прозрачно намекнули въ Вѣну, „что-де не слѣдуетъ особенно церемониться съ Франціей“; а тамъ и рѣшились угодить желѣзному канцлеру, что называется, во-всю. Вѣдь, давно извѣстно, что нѣтъ никого на свѣтѣ храбрѣе Австріи въ тѣхъ случаяхъ, когда она знаетъ, что ей нечего бояться. Впрочемъ, мадьяры въ частности еще храбрѣе, чѣмъ Австрія вообще. Цѣлый мѣсяцъ громили мадьярскіе публицисты Россію, теперь они набросились на Францію и дѣлаютъ видъ, что готовы растерзать ее; но эта воинственность, направленная за австро-венгерскіе предѣлы, не мѣшаетъ однако храбрымъ мадьярамъ будировать и противъ старѣйшей половины двухголовой имперіи Габсбурговъ. Такъ, очень недавно, по случаю какихъ-то смотровъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, инспектировавшій венгерскія войска австрійскій фельдцехмейстеръ долженъ былъ замѣтить, что венгерской арміи

не существуетъ, а есть императорская австрійская армія. Это замѣчаніе было вызвано тѣмъ, что на какихъ-то казармахъ, рядомъ съ австрійскимъ флагомъ былъ поднятъ венгерскій національный флагъ.

Стремленіе къ преобладанію и самостоятельности, быть можетъ, и заставляетъ мадьяръ подстрекать имперское правительство на путь политики приключеній. Въ этомъ отношеніи мадьяры являются очень рьяными пособниками германскаго канцлера. Австрія въ настоящую минуту находится въ такомъ положеніи, что ей предстоятъ только два выхода: или отказаться отъ всѣхъсвоихъ „мирныхъ завоеваній“ на Балканскомъ полуостровѣ и въ томъ числѣ отъ Босніи и Герцеговины или, при малѣйшей возможности, пользуясь нпчтожнѣйшимъ предлогомъ, броситься, очертя голову, въ политику приключеній. Такимъ положеніемъ имперія Габсбурговъ всецѣло обязана своей алчности, съ одной стороны, и своему непзмѣнно-вѣрному нѣмецкому другу, съ другой. Нѣмецкая дружба помогла ей захватить и удержать до сихъ поръ въ своихъ рукахъ Боснію и Герцеговину, пособила опутать Сербію и даже водворить своего собственнаго поручика въ Болгаріи. Но, прикармливая ее этими подачками, Германія требовала отъ нея прогрессивныхъ вооруженій. Долго упиралась Австрія, предпочитая зрѣлище вооруженія сосѣдей затрачиванію собственныхъ гульденовъ и разсчитывая, что въ критическую минуту Германія *должна будетъ* выручить своего друга и союзника. Но этотъ разсчетъ оказался невѣренъ: еще прошлой осенью германскій канцлеръ очень ясно далъ понять въ Вѣнѣ, что, если Австрія отказывается отъ вооруженія и не желаетъ развивать свою боевую готовность, то Германія ни въ какомъ случаѣ не можетъ полагаться на нее и предпочтетъ оставить ее дѣйствовать за свой собственный страхъ и счетъ. Это заставило въ Вѣнѣ серьезно отнестись къ нѣмецкому требованію. Пришлось поставить ребромъ дорогіе гульдены—и съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, Австрія вооружается. Говорятъ, что, совершая свои воинственныя приготовленія, имперія Габсбурговъ выбилась изъ силъ, и теперь ей остается: или пустить въ дѣло всѣ сдѣланныя приготовленія и идти на рискъ—либо панъ, либо пропалъ,—или мало-по-малу разоружаться до тѣхъ размѣровъ, какіе въ силахъ вынести ея скромный бюджетъ. Мы едва-ли ошибемся, если замѣтимъ, что именно такимъ положеніемъ Австріи и объясняется ея непомѣрная воинственность. Признавая себя готовою къ бою или, точнѣе, дѣлая видъ, что она признаетъ себя такою,

Австрія систематически пробуетъ запугать Россію и заставить ее пойти на извѣстныя уступки въ „болгарскомъ вопросѣ“ или, если это не удастся, то раздражить ее настолько, чтобы вызвать на какой-нибудь рѣшительный шагъ и затѣмъ воспользоваться имъ, какъ casus belli. Само собою разумѣется, что при этомъ имѣется въ виду, такъ или иначе, въ концѣ концовъ, втянуть въ столкновеніе и Германію. Еслибы въ глубинѣ души австрійскихъ политиковъ не было этой сладостной недежды и они разумѣли бы, что Германія и не думаетъ помогать имъ, то едва-ли бы отъ ихъ воинственности остались какіе-либо слѣды. Но князь Бисмаркъ ведетъ и будетъ вести дѣло такъ, что надежда до конца не покинетъ его австро-венгерскаго друга, и разочарованіе наступитъ для него только въ такую рѣшительную минуту, когда никакое отступленіе не будетъ возможно. Обо всемъ этомъ не мѣшало бы серьезно поразсмыслить вѣнскимъ и пештскимъ политикамъ, прежде чѣмъ дѣлать грубости въ отношеніи не только Россіи, но и Франціи.

Въ виду воинственнаго азарта Австро-Венгріи и несомнѣнно двусмысленной политики Германіи, роль Россіи опредѣляется сама собою. То, что враждебные намъ органы европейской печати называютъ „изолированнымъ положеніемъ Россіи“, въ дѣйствительности составляетъ ея великую побѣду въ международной политикѣ. Это „изолированное положеніе“ въ переводѣ на обыкновенный языкъ означаетъ свободу ея отъ путъ, которыя носили громкое названіе тройственнаго союза и связывали ее по рукамъ и ногамъ.

Пресловутый „болгарскій вопросъ“ своимъ настоящимъ положеніемъ обязанъ исключительно существованію этого союза: только на его почвѣ онъ и могъ вырости и созрѣть. Этотъ союзъ была ловушка, въ которую Германія и Австрія, заключивъ между собою соглашеніе 1879 года, потомъ уловили Россію. Всѣ ошибки нашей дипломатіи, сознаваемыя и не сознаваемыя ею, но уже достаточно разъясненныя, обязаны своимъ существованіемъ тому, что точкою отправленія всей дѣятельности нашей дипломатіи было постоянно соглашеніе съ Европой и сообразованіе дѣйствій Россіи съ ея дѣйствіями. Наши дипломаты задавались вопросомъ не о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть для Россіи тотъ или другой дипломатическій шагъ, а спрашивали, какъ отнесется къ этому шагу Германія, Англія или Австрія? Интересы Россіи отступали на задній планъ и уступали мѣсто вопросамъ, что станетъ говорить Европа. Союза, какъ опоры и помощи, Россіи не въ комъ искать, да, пожалуй, и не зачѣмъ:

ея естественные союзники, союзники, которые рано или поздно сами придутъ къ ней—славяне—находятся въ періодѣ внутренняго броженія и не могутъ еще управиться сами съ собою, всѣ же искусственные союзы не прочны и не надежны. Вотъ почему Россія, оставаясь совершенно самостоятельною, внѣ всякихъ союзовъ, можетъ только выиграть: ея спокойная, твердая выжидательная политика гораздо болѣе внушительно дѣйствуетъ на ея европейскихъ антагонистовъ, чѣмъ всякіе союзы, составляемые въ Европѣ, дѣйствуютъ на Россію. Что намѣрена предпринять Россія, что она предприметъ, какъ она отнесется къ той или иной европейской политической комбинаціи—вотъ вопросы, которые, очевидно, смущаютъ не только Англію и Австрію, но и самого канцлера Германской Имперіи. Въ этомъ смущеніи, въ этой, быть можетъ, даже просто боязни—сила Россіи.

Пораженіе, нанесенное русскому вліянію въ Болгаріи, само собою можетъ обратиться въ пользу Россіи, если только она, отодвинувъ собственно „болгарскій вопросъ“ на задній планъ, будетъ смотрѣть на болгарскія событія, исключительно, какъ на такія существенныя нарушенія берлинскаго трактата, которыя уничтожаютъ всякое значеніе этого международнаго акта, направленнаго, какъ извѣстно, исключительно къ умаленію русскаго вліянія на славянскомъ Востокѣ. Стоитъ только Россіи стать на такую точку зрѣнія и заявить положительнымъ образомъ державамъ, что въ виду продолжающагося, не смотря на ея неоднократное заявленіе, систематическаго нарушенія берлинскаго трактата, она признаетъ этотъ актъ прекратившимъ свое дѣйствіе для того, чтобы та же самая Австрія и Германія были вынуждены измѣнить свой настоящій образъ дѣйствій. Ни та, ни другая не рѣшатся на уничтоженіе берлинскаго трактата: Австрія потому, что ей придется разстаться со своей пресловутой „сферой вліянія“, а Германія—изъ опасенія за цѣлость другихъ трактатовъ, на которые опирается ея настоящее могущество.

Мы смѣемъ думать, что только съ этой точки зрѣнія и можетъ интересовать въ настоящую минуту Россію „болгарскій вопросъ“...

Впрочемъ, не смотря на скудость доходящихъ къ намъ извѣстій изъ этой несчастной страны, есть основаніе предполагать, что орудующіе тамъ политическіе дѣятели довели ее до дурнаго положенія. Въ послѣднее время болгарское правительство исключительно занимается преслѣдованіемъ духовенства, въ которомъ усматриваетъ

остатки русскихъ симпатій къ Россіи. Священниковъ бросаютъ въ тюрьмы, они подвергаются побоямъ и увѣчьямъ, и цѣлыя селенія и города остаются безъ православныхъ пастырей, на смѣну которымъ являются іезуитскіе миссіонеры съ католической пропагандой. Народъ страдаетъ. Долго ли продлится это невозможное положеніе?

Въ заключеніе настоящаго обозрѣнія отмѣтимъ знаменательный фактъ—уничтоженіе невольничества въ Бразиліи. Этотъ актъ принадлежитъ почину Императора донъ-Педро, только-что начинающаго оправляться отъ тяжкаго недуга. Монархическая Бразилія уже не повторила тѣхъ кровавыхъ сценъ, какими сопровождалось уничтоженіе рабства въ республиканскихъ Американскихъ Штатахъ. И здѣсь мирнымъ разрѣшеніемъ такого вопроса страна обязана своему монархическому строю.

Сообщенія и извѣстія.

I.

Могила Озерова (сообщ. академикомъ Я. К. Гротомъ). Наши губернскія архивныя коммиссіи, возникшія по почину покойнаго Калачова, не остаются праздными. Особенную дѣятельность проявляютъ, сколько намъ извѣстно, тѣ, которыя существуютъ въ Тамбовѣ и Твери. Въ концѣ прошлаго года предсѣдатель тверской коммиссіи А. К. Жизневскій сдѣлалъ въ ней весьма интересное сообщеніе о могилѣ знаменитаго драматическаго писателя Озерова. Могила эта находится въ Зубцовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Боркахъ, расположенномъ на правомъ берегу р. Волги, въ 12 верстахъ отъ Зубцова. Каменный памятникъ представляетъ подобіе гроба, утвержденнаго на двухъ плитахъ. На верхней (горизонтальной) сторонѣ изображенъ шестиконечный крестъ, а на боковыхъ высѣчены надписи: на лицевой сторонѣ: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло генералъ-маіора и ордена св. Владиміра 3 ст. кавалера Василія Александровича Озерова, который родился 1769 года, сентября 30 дня, скончался 1816 г., сентября 5 дня, житія его было 46 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 6 дней". Вмѣсто имени „Владиславъ" въ этой надписи выбито „Василій", вѣроятно потому, что въ православныхъ святцахъ нѣтъ имени Владислава. На другой продольной сторонѣ значится:

„Сей памятникъ плачевный,
Гдѣ прахъ почіетъ въ мирѣ твой,
Тебѣ душевною любовью посвященный,
Сердечной орошенъ слезой".

У изголовья памятника надпись: „И сотвори ему вѣчную память", а съ противоположной стороны: „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ".

Село Борки было родиною нашего трагика. Здѣсь было имѣніе и усадьба, принадлежавшія отцу его, статск. сов. Александру Иринарховичу Озерову; въ настоящее время эта усадьба принадлежитъ внуку его по женской линіи, Алексѣю Михайловичу Безобразову, директору народныхъ училищъ Тверской губерніи. По разсказу родной племянницы трагика, восьмидесятилѣтней старушки Пелагеи Евграфовны Озеровой (о Евграфѣ Озеровѣ не разъ упоминается въ изданіи сочиненій Державина, который съ нимъ переписывался, какъ и съ Петромъ Евграфовичемъ. Изъ отчества упоминаемой старушки, можно заключить, что они были въ родствѣ съ поэтомъ Озеровымъ), проживающей нынѣ въ г. Ржевѣ, дядя ея Владиславъ Александровичъ, по выходѣ въ 1808 году въ отставку, жилъ въ своемъ имѣніи въ Казанской губерніи. Во время войны съ французами, онъ былъ настолько потрясенъ извѣстіемъ о взятіи Москвы Наполеономъ, что потерялъ разсудокъ. Едва-ли вѣрно это объясненіе помѣшательства Озерова, которое, кажется, справедливѣе приписываютъ оскорбленному честолюбію. Такого же мнѣнія былъ двоюродный братъ его, графъ Д. Н. Блудовъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что Озеровъ послѣднее время служилъ въ Лѣсномъ Департаментѣ (принадлежавшемъ тогда къ Министерству Финансовъ) и терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника Голубцова. Кончилось тѣмъ, что онъ былъ уволенъ, и въ бумагѣ объ его отставкѣ сказано было просто: „увольняется отъ службы“, даже не упомянуто о назначенной ему пенсіи. Озеровъ уѣхалъ въ свою деревню и тамъ предался своему горю, которое и убило его. Поэтому-то и Жуковскій сказалъ о немъ:

Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была.

Бывшій въ то время еще въ живыхъ, отецъ писателя перевезъ его больнаго къ себѣ въ Борки, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе четыре года своей жизни, въ томъ же болѣзненномъ состояніи. Обыкновеннымъ занятіемъ больнаго въ Боркахъ была игра въ пикетъ со своимъ камердинеромъ; говорилъ онъ, большею частью, одну фразу: „хороши большіе девять пріѣдутъ“. Впрочемъ, по совѣту врачей, Владиславъ Александровичъ работалъ въ саду, и памятникомъ этихъ трудовъ осталась, насыпанная имъ собственноручно, горка (курганъ) съ винтообразною дорожкою къ вершинѣ ея.

Въ настоящее время Борковская усадьба Озеровыхъ и домъ, въ которомъ родился и умеръ нашъ трагикъ, сохранились почти въ прежнемъ своемъ видѣ. Кромѣ кургана о немъ напомнаетъ стоящій въ саду старый, развѣсистый дубъ. Отецъ писателя имѣлъ обыкновеніе при рожденіи каждаго сына сажать въ саду новое деревцо; при рожденіи Владислава Александровича и былъ посаженъ этотъ дубъ, который пережилъ своего сверстника, преждевременно сошедшаго въ могилу. Почтенная Пелагея Евграфовна, между прочимъ, разсказываетъ, что вмѣстѣ съ болѣзнью Владислава Александровича съ дуба опали на половину листья; по смерти его, дубъ потерялъ послѣдніе свои листья и годъ стоялъ какъ бы въ траурѣ по покойникѣ; но затѣмъ снова зазеленѣлъ и теперь достигъ громадной толщины.

II.

Императоръ Вильгельмъ и русскія депутаціи. (Сообщ. П. П. Карцовымъ). Двѣ командировки доставили мнѣ случай довольно долго находиться въ Берлинѣ и по роду порученій, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, ежедневно видѣть Императора Вильгельма, тогда еще короля прусскаго. Это было въ мартѣ и въ августѣ мѣсяцахъ 1863 года. Первый разъ я былъ во главѣ депутаціи, посланной въ Берлинъ отъ полка, которымъ я командовалъ, по случаю закладки монумента шефу полка королю Фридриху-Вильгельму III и празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея со времени учрежденія ордена „желѣзнаго креста“; второй разъ я былъ посланъ на маневры прусской гвардіи.

Въ день пріѣзда депутаціи, король принялъ насъ въ своемъ дворцѣ, тотчасъ по прибытіи поѣзда.

„Я душевно благодаренъ—сказалъ онъ—моему искреннему другу, вашему Императору, за то, что онъ вспомнилъ о предстоящемъ юбилеѣ нашего военнаго ордена и прислалъ депутацію отъ полка имени моего родителя. Я вижу въ этомъ не только личное ко мнѣ расположеніе, но и выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя, 50 лѣтъ назадъ, соединяли обѣ націи узами взаимной дружбы и довѣрія“.

Представленіе еще не кончилось, какъ доложили, что подносятъ знамена, присланныя изъ полковъ арміи. Выходя на подъѣздъ для ихъ встрѣчи, король предложилъ намъ слѣдовать за нимъ. Покуда знамена приближались, онъ пояснилъ, что приказалъ прислать въ Берлинъ штандарты и

знамена всѣхъ тѣхъ полковъ, которые участвовали въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ.

„Я дѣлаю это для того,—говорилъ онъ,—чтобы мой народъ и моя армія помнили и чтили славныя дѣянія своихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ ихъ Государь цѣнитъ память героевъ достославной эпохи. Завтра вы увидите ея представителей: я пригласилъ на закладку монумента моему отцу всѣхъ ветерановъ великой войны и очень радъ, что при этомъ будутъ представители русской арміи".

На слѣдующій день мы дѣйствительно видѣли то, что рѣдко кому приходится видѣть въ жизни. Въ 10 часовъ утра отъ Бранденбургскихъ воротъ тронулось шествіе ветерановъ къ мѣсту закладки. Впереди всѣхъ, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ маститый фельдмаршалъ Врангель, генералъ 1813 года. Появленіе его сопровождалось оглушительными криками: „Lebe hoch! Bravo, papa Vrangel!". За нимъ шли 1.200 ветерановъ, по 6 въ рядъ, въ мундирахъ тѣхъ самыхъ полковъ, въ которыхъ они служили. Ихъ длинная колонна раздѣлялась на 4 отряда, по числу корпусовъ того времени. Передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ герольдъ, несшій на золоченомъ древкѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, надпись фамиліи корпуснаго командира; за герольдомъ слѣдовалъ хоръ музыкантовъ, игравшій марши 13 и 14 годовъ, и затѣмъ шли ветераны, служившіе въ этомъ корпусѣ. Впереди былъ корпусъ Іорка, потомъ Бюлова, Блюхера и наконецъ Клейста. Особенно умилительное впечатлѣніе производило то, что между представителями великой эпохи мы видѣли ихъ сыновей. Въ одномъ мѣстѣ дряхлаго генерала поддерживалъ молодой солдатикъ, состоящій на службѣ; въ другомъ—безногаго инвалида велъ его сынъ, генералъ настоящаго времени; въ третьемъ—два кадета везли въ креслахъ израненнаго родственника.

На другой день празднества король прислалъ ко мнѣ дежурнаго флигель-адъютанта съ извѣщеніемъ, что онъ назначенъ шефомъ нашего полка и что въ 12 часовъ Его Величество желаетъ представиться чинамъ полка. Когда я подошелъ съ почетнымъ рапортомъ, король сказалъ:

„Назначеніе меня шефомъ полка, носящаго на вѣчныя времена имя моего отца, считаю особеннымъ знакомъ пріязни вашего Императора, моего добраго друга и племянника. Чтобы выразить ему мою признательность, я сегодня же прошу его быть шефомъ моего кирасирскаго имени Императора Николая полка. Я еще вчера получилъ увѣдомленіе о моемъ новомъ назначеніи, но не хотѣлъ объявлять объ

этомъ, чтобы не смѣшивать національнаго торжества съ моимъ личнымъ праздникомъ".

Черезъ нѣсколько дней король пожелалъ видѣть чиновъ депутаціи въ различныхъ формахъ одежды. Особенно понравились ему высокіе сапоги нашихъ солдатъ. Взявъ находившуюся въ ранцѣ рядоваго пару, онъ отошелъ къ окну, долго ее разсматривалъ и отдавая сказалъ ему по-русски: „это очень хорошо", но, обратясь къ генералу Роону, прибавилъ: „Aber das kostet zu viel".

10-го марта, въ день своего рожденія, Вильгельмъ впервые вышелъ въ мундирѣ нашего полка. Давая мнѣ руку, онъ сказалъ: „Взгляните, все ли у меня по формѣ!" Я не замѣтилъ, что на немъ была поясная портупея, а не черезъ плечо. Это послужило поводомъ сдѣланнаго мнѣ въ слѣдующую бытность въ Берлинѣ, хотя и шутя, замѣчанія. Тогда проѣзжалъ черезъ Берлинъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою. Во время моего представленія великой княжнѣ вошелъ король. Я хотѣлъ откланяться, но онъ остановилъ меня и, принявъ серьезный видъ, говоритъ:

„Я недоволенъ вами. Великій князь сейчасъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не по формѣ одѣтъ въ вашемъ мундирѣ, а вы не предупредили меня, что портупею слѣдуетъ имѣть черезъ плечо, а не на поясѣ".

— Смѣю доложить Вашему Величеству, отвѣчалъ я,— что эта перемѣна сдѣлана полгода назадъ и потому я полагалъ, что вашъ военный агентъ въ Петербургѣ, генералъ Лоонъ, уже сообщилъ объ этомъ; я же въ этотъ пріѣздъ не имѣлъ еще случая видѣть васъ въ нашемъ мундирѣ.

„Совершенно вѣрно — сказалъ король, уже улыбаясь, Лоонъ прозѣвалъ" и, давъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ ее.

Имѣя приглашеніе быть всегда въ большой королевской ложѣ, я почти каждый свободный вечеръ проводилъ въ оперѣ. Однажды король прислалъ мнѣ прочесть полученную имъ во время спектакля депешу о томъ, что банды Лангевича разбиты и самъ онъ заключенъ австрійскимъ правительствомъ въ крѣпость. Въ слѣдующій антрактъ я пошелъ лично возвратить депешу и поблагодарить за радостное извѣстіе. Увидя меня въ аванзалѣ, король вошелъ въ нее съ слѣдующими словами:

„Поздравляю васъ съ побѣдой, которая, вѣроятно, положитъ конецъ возстанію. Впрочемъ я былъ увѣренъ, что ва-

шимъ войскамъ не трудно будетъ справиться съ мятежниками. Ну, а что же дальше?"

Я молчалъ.

„Вотъ что я скажу вамъ—продолжалъ онъ,—когда мой дѣдъ получилъ Силезію, то въ ней было три четверти землевладѣльцевъ-поляковъ, теперь тамъ всего три польскихъ помѣщика. Вотъ въ чемъ вѣрное средство противъ повторенія безпорядковъ".

Во время маневровъ король принималъ видимое участіе во всемъ происходившемъ. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ замѣчаніи его проявлялась любовь къ войскамъ и къ военному дѣлу. Припоминаю, какое впечатлѣніе произвела на насъ манера, съ которою онъ объявилъ капитану Эркерту жалуемую ему награду. Послѣ горячей, но отбитой атаки одной горы, занятой полкомъ, въ которомъ служилъ Эркертъ, король въѣхалъ на гору и, приказавъ офицерамъ окружить его, сказалъ имъ шутливымъ тономъ:

„Да, горячее было дѣло! много пало храбрыхъ, но не мало и отличившихся, и первый между ними капитанъ Эркертъ, а потому я поздравляю его маіоромъ".

Несомнѣнно, что Эркертъ зналъ о предстоявшемъ производствѣ, но большая разница, прочесть ли это въ газетѣ и въ заурядномъ приказѣ, или узнать о наградѣ изъ устъ своего Государя. Подобныя минуты не забываются и, вѣроятно, Эркертъ помнилъ ихъ, умирая черезъ 7 лѣтъ на поляхъ Гравелота.

Благоволеніе и вниманіе, оказываемое русской депутаціи королемъ, начиная съ его братьевъ, переходило и на всѣхъ его окружавшихъ, но болѣе другихъ обнаруживалъ сочувствіе къ нашей арміи престарѣлый фельдмаршалъ Врангель. При первомъ ему представленіи, онъ принялъ насъ въ кабинетѣ, подвелъ меня къ письменному столу и, указывая на акварельные портреты Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны, сказалъ:

„Вотъ тѣ, съ кѣмъ я никогда не разстаюсь и которые всегда въ моемъ сердцѣ. Это была не женщина, а ангелъ. Ему же (при этомъ онъ указалъ на портретъ Николая Павловича) я ежедневно молюсь. Это былъ монархъ и человѣкъ, какихъ больше нѣтъ".

Популярность Врангеля до того поражала насъ, что въ одно изъ слѣдующихъ свиданій я рѣшился спросить его, что породило ее?

„Берлинцы народъ благодарный—отвѣчалъ фельдмар-

шалъ,—они не забыли, какъ я въ 1848 году угощалъ ихъ картечью и тѣмъ спасъ отъ анархіи, вотъ за это они и любятъ меня".

Двухъ-недѣльное пребываніе депутаціи въ Берлинѣ можно было назвать рядомъ овацій въ честь русскихъ гостей. Ни одинъ изъ обѣдовъ не проходилъ безъ самыхъ сочувственныхъ рѣчей. На обѣдѣ, данномъ полкомъ Императора Александра I-го, представителемъ короля былъ военный министръ генералъ Боонъ. Имъ было сказано слѣдующее:

„Каждому прусскому офицеру извѣстны узы дружбы и уваженія, связывающія насъ съ русскою арміею. Каждый изъ насъ, отъ короля до солдата, раздѣляетъ эти чувства. Въ томъ, что русскому Императору угодно было къ достопамятному для Пруссіи дню прислать къ намъ дорогихъ гостей, мы видимъ знакъ его любви. Доколѣ прусскіе офицеры будутъ помнить слова Императора Николая, сказанныя имъ послѣ 1848 года кирасирскому его имени полку въ Потсдамѣ, до тѣхъ поръ армія останется твердымъ оплотомъ престола. *Слова эти должны быть Евангеліемъ прусской арміи.*"

На тѣ же слова сослался и фельдмаршалъ Врангель, на данномъ имъ депутаціи прощальномъ обѣдѣ. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

„Скажите вашему Императору и вашимъ товарищамъ, что кто вмѣстѣ крещенъ огнемъ и кровью, какъ мы и русскіе, того не поссорятъ никакіе парламенты, кто слышалъ сказанное Императоромъ Николаемъ, въ трудныя для Пруссіи дни,—тотъ никогда не измѣнитъ его сыну. Скажите всѣмъ вашимъ, что куда бы ни пошла русская армія, мы всегда будемъ надежнымъ ея резервомъ".

Вспоминая все это, невольно думается: какъ времена и люди мѣняются.

III.

Древности города Торопца. (Сообщ. Е. Н. Опочининымъ). Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, какое богатство древнихъ памятниковъ сохранилось въ разныхъ концахъ русской земли. Съ увѣренностью можно сказать, что у насъ почти не найдется города и даже села, гдѣ не было бы какихъ-нибудь остатковъ прошлаго, которые могутъ интересовать изслѣдователя страны. Кто не знаетъ, какъ богаты въ этомъ отношеніи Новгородъ, Вологда, Псковъ, Яро-

славль, Ростовъ-Великій и многіе другіе города, древніе памятники которыхъ дали матеріалъ для цѣлаго обширнаго ряда ученыхъ изслѣдованій. Но то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи до сихъ поръ,—только капля въ морѣ, и русскимъ ученымъ предстоитъ еще большая работа, которой, можетъ быть, хватитъ на цѣлое столѣтіе, такъ какъ не только многіе отдѣльные города и села, но даже цѣлыя мѣстности донынѣ остаются не облѣдованными въ археологическомъ отношеніи. Къ числу такихъ мѣстностей относится, между прочимъ, городъ Торопецъ (Псковской губерніи) съ его округою, представляющій непочатой уголъ археологическаго матеріала, и несмотря на это не имѣющій во всей нашей исторической литературѣ сколько-нибудь обстоятельнаго описанія. Для того чтобы уяснить себѣ, какой интересъ представляетъ этотъ городъ для изслѣдователя, стоитъ только припомнить нѣкоторые факты изъ его исторіи, начало которой относится еще къ до-христіанскимъ временамъ; по крайней мѣрѣ, лѣтописное сказаніе утверждаетъ, что въ Торопцѣ родился и жилъ преподобный Исакій, удалившійся въ Кіевскія пещеры въ 1016 году и носившій языческое имя „Чернь“. Такимъ образомъ, историческое существованіе этого города начинается съ первыхъ годовъ XI столѣтія и проходитъ затѣмъ черезъ длинный рядъ вѣковъ, отмѣчаясь весьма часто важными событіями, въ которыхъ Торопцу выпадала та или другая роль. Такъ Торопчане вмѣстѣ съ Новгородцами совершили немало подвиговъ подъ знаменами князя Мстислава Удалого. Александръ Невскій въ 1239 году обвѣнчался въ Торопцѣ съ дочерью Полоцкаго князя Брячислава, Параскевою, которая въ память этого событія оставила въ здѣшнемъ Богородичномъ соборѣ образъ Божіей Матери Эфесскія, донынѣ сохраняющійся въ Торопецкомъ соборѣ. Мѣстное преданіе разсказываетъ, что св. князь Александръ Невскій вѣнчался въ Троицкой церкви. Нынѣ этотъ храмъ не сохранилъ никакихъ слѣдовъ древности, точно такъ же, какъ и большинство Торопецкихъ церквей, вслѣдствіе пожаровъ и Литовскихъ набѣговъ, неоднократно посѣщавшихъ городъ. Размѣры краткой замѣтки не позволяютъ останавливаться здѣсь на всѣхъ событіяхъ, пережитыхъ Торопцемъ, да въ этомъ, повидимому, нѣтъ и надобности, такъ какъ моя цѣль сказать нѣсколько словъ о томъ, что до сихъ поръ сохранилось здѣсь интереснаго изъ старины. На первомъ планѣ тутъ должны быть поставлены остатки древнихъ укрѣпленій—знаменитое Торопецкое „городище“, нынѣ предметъ

народныхъ преданій и сказаній всей Торопецкой окрѹги и любимое мѣсто лѣтнихъ прогулокъ горожанъ. Затѣмъ въ городѣ немало каменныхъ домовъ и развалинъ, относящихся къ XVII столѣтію. Иные изъ такихъ домовъ до того пострадали отъ передѣлокъ и неумѣлыхъ, невѣжественныхъ возобновленій, что ихъ трудно отличить отъ современныхъ построекъ, но нѣкоторые сохранились весьма хорошо и носятъ на себѣ ясные признаки оригинальнаго старо-русскаго стиля. Внутри многихъ домовъ также встрѣчаются любопытные остатки старины: кафельныя расписныя печи, изрѣдка рѣзныя старинныя двери, кое-какія принадлежности давно отжившей русской меблировки, и проч. Въ одномъ богатомъ купеческомъ домѣ мнѣ, между прочимъ, показывали двѣ великолѣпныя печи, напоминающія своею формою московскія теремныя и сложенныя изъ красивыхъ глазированныхъ изразцовъ, съ библейскими и бытовыми изображеніями. Эти печи, безспорно, могли бы служить украшеніемъ любаго дворца или музея, вызывая общее любопытство, а между тѣмъ въ Торопцѣ никто ими не интересуется, никто не обращаетъ на нихъ вниманія...

Еще болѣе любопытнаго сохранилось въ церквахъ, гдѣ встрѣчаются вещи положительно неоцѣнимыя по рѣдкости и художественному значенію. Такъ, въ соборѣ, кромѣ упомянутой уже иконы Эфесской Божіей Матери, подаренной, по преданію, супругою св. князя Александра Невскаго и приписываемой кисти евангелиста Луки,—имѣется нѣсколько замѣчательнѣйшихъ священныхъ предметовъ: древнія, въ финифтяныхъ окладахъ, панагіи, кресты и проч. Въ другой церкви, именно въ Никольской, я видѣлъ древнѣйшій (XIII—XIV столѣтія) крестъ-панагію изъ янтаря. Однимъ словомъ, почти въ каждой изъ церквей Торопца я встрѣчалъ вещи, заслуживающія вниманія. Между прочимъ, мнѣ довелось видѣть нѣсколько древнихъ серебряныхъ ковшей, лампадъ, много оловянной церковной утвари, также по большей части древней, и много другихъ разнообразныхъ предметовъ церковнаго обихода, носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды глубокой старины. Заканчивая настоящую краткую замѣтку, не лишнимъ считаю упомянуть еще объ одной любопытной вещи, встрѣченной мною въ Архангельской церкви. Это—древній, тончайшей прорѣзной работы, фонарь со слюдою вмѣсто стеколъ, употреблявшійся въ церковныхъ процессіяхъ; сохранился онъ замѣчательно хорошо: уцѣлѣло даже древко, съ желѣзнымъ полукругомъ въ видѣ ухвата, въ которомъ фонарь вращается на желѣзномъ

стержнѣ. Въ заключеніе нѣсколько словъ о старинномъ костюмѣ Торопчанокъ, который въ нѣкоторыхъ семьяхъ держится до сихъ поръ. Самая интересная его часть—головной уборъ, оригинальной формы, рогатый кокошникъ, всегда вынизанный жемчугомъ. Поверхъ его одѣвалась шитая золотомъ или серебромъ, лѣтомъ—кисейная, а зимою—тяжелая, шелковая косынка, закалывавшаяся булавкою на шеѣ; затѣмъ нарядъ составляли ферязи (сарафанъ), штофныя или парчевыя, смотря по состоянію, подпоясывавшіяся кованымъ серебрянымъ поясомъ. Въ послѣднее время, къ сожалѣнію, этотъ старинный нарядъ начали замѣнять, такъ-называемыми, нѣмецкими платьями модныхъ покроевъ, представляющимися жалкою пародіею на одежду въ сравненіи съ самобытнымъ торопецкимъ костюмомъ, весьма живописнымъ и оригинальнымъ. Коснувшись, хотя и весьма поверхностно, древностей Торопца, я далекъ отъ мысли указывать на этотъ городъ, какъ на выдающійся пунктъ, заслуживающій подробнаго, всесторонняго описанія: на громадномъ пространствѣ Россіи найдется множество городовъ, и въ бо́льшей мѣрѣ достойныхъ вниманія и, подобно Торопцу, ожидающихъ изслѣдователей, которые, безъ сомнѣнія, найдутъ въ нихъ богатый матеріалъ для важныхъ археологическихъ и историческихъ работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.
Издатели: Ф. П. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТАГО.

МАЙ.

Стран.

Севастіанъ-мученикъ. Стихотвореніе. *К. Р.* 1
Воспоминанія о Сибири. (Продолженіе). *Б. В. Струве.* 27
Недѣлимые дворянскіе участки. *Н. Е. Баратынскаго* . 71
Молодежь. Романъ. Часть 2-я. Гл. II—III. (Продолженіе). *К. Ѳ. Орловскаго.* 87
У гроба Грознаго. Стихотвореніе. *А. Н. Майкова.* . . 116
Какъ было дѣло? (Отвѣтъ г. Мехелину). *К. Ф. Ордина.* 120
Земство и статистика. *А. И. Рошток* 137
Разсказы Джемса Пэна. (Glow-worm tales. I.—Возмездіе. II—Хорошенькаго понемножку. III.—Судья не впопадъ. IV.—Жертва стойкости. *А. Э.* 177
Теорія культурно-историческихъ типовъ. *К. Н. Бестужева-Рюмина.* 210
Тьма Египетская. Романъ. *Вс. Вл. Крестовскаго.* Гл. XVI—XVII. 271
Наши задачи на крайнемъ востокѣ. II.—Россія и Японія. *А. Я. Максимова.* 308
Критика. I.—Новыя страницы Русской исторіи. Родъ Шереметева. Александра Барсукова. Книга пятая. Спб. 1888. *И. П. Хрущова.* II.—Книга Э. Энгеля. Eduard Engel. „Geschichte der englischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neuste Zeit. 1888. Leipzih. *И. В. Супорскаго.* 322
Новости литературы. I.—А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи 1868—1888. Спб. 1888. — II. Внѣшняя политика Императора Николая Перваго. С. С. Татищева. Спб. 1887 г.—III. Книжныя новости 340

Стран.

Московская хроника. Праздникъ Пасхи. — Московскія улицы.—Статистика преступленій и роль еврейства въ этой статистикѣ.—О московскомъ нищенствѣ.—Консерваторская статистика. — Подмосковная деревня, попавшая въ еврейскій передѣлъ.—По поводу двухъ крупныхъ еврейскихъ дѣлъ о сбытѣ фальшивыхъ кредитокъ и купоновъ. 357

Внутреннее обозрѣніе. Возобновленный походъ на русскіе финансы и опубликованіе баланса обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1887 годъ.—Дѣятельность сберегательныхъ кассъ государственнаго банка.—Итоги нашихъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ.—Сомнѣнія въ существованіи сельско-хозяйственнаго кризиса. — Помощь земледѣлію тарифными ставками. — Промышленныя училища.—Прибалтійская оппозиція передъ судомъ западно-европейской печати и демонстративный приговоръ эстляндскаго оберъ-ландгерихта 372

Политическое обозрѣніе. Неумѣлость республиканскаго правительства Франціи.—Паденіе министерства Тирара.—Воцареніе радикальнаго кабинета Флоке.—Исторія отношеній къ генералу Буланже.—Промахи новаго кабинета.—Стремленія современной Франціи.—Монархія или диктатура. — Настоящее положеніе Германіи.—Ухудшеніе здоровья Императора.—Романъ трехъ Викторій и германскій канцлеръ. 397

Сообщенія и извѣстія. I. Еще къ письмамъ Императора Александра Павловича. (Сообщ. П. Н. Батюшковымъ). — II. Изъ неизданныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго. (Сообщ. И. А. Бычковымъ).—III. Кіевскій кладъ. (Сообщ. проф. Н. В. Покровскимъ).—IV. Къ исторіи русскаго флота. (Сообщ. Е. В. Бренковымъ). 423

Объявленія.

При этой книгѣ приложенъ гравированный И. Матюшинымъ портретъ Аполлона Николаевича Майкова.

ІЮНЬ.

Стран.

Брингильда. (Поэма). *А. Н. Майкова.* 1
Катковъ и Бѣлинскій. (По неизданнымъ письмамъ Бѣлинскаго. 1837—1840) 16
Молодежь. Романъ. Часть 2-я. Гл. IV—V. (Продолженіе). *К. Ѳ. Орловскаго.* 55
Воспоминанія о Сибири. (Продолженіе). *Б. В. Струве.* 87
Стихотвореніе. *Гр. А. А. Голенищева-Кутузова* 124
Нужды мѣстнаго управленія. (Окончаніе). *А. М—скаго.* 125
Грядущія бѣды Англіи. *А—ова.* 167
Наша культура и всемірное единство. I—IX. *Н. Н. Страхова.* 200
Новая повѣсть Бретъ Гарта „Милліонеръ“. I—IV . . 257
Юбилей А. Н. Майкова. 294
Новости литературы. I. Волынь. Историческія судьбы Юго-Западнаго края. П. Н. Батюшкова. Съ 2-мя хромол. и 69-ю гравюрами. Спб. 1888.—II. Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны И. А. Бычковымъ. Спб., 1887.—III. Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. Перевелъ Алексѣй Шмаковъ. Москва, 1888 г.—IV. К. К. Случевскій.—По сѣверу Россіи. Т. III. „Балтійская сторона“. Путешествіе Ихъ Имп. Высоч. в. кн. Владиміра Александровича и в. кн. Маріи Павловны.—V. Книжныя новости 310
Московская хроника. Начало лѣта и о лѣтнихъ судьбахъ молодаго поколѣнія.—Начальныя училища города Москвы въ томъ видѣ, какъ засталъ ихъ текущій годъ.—Городскія утреннія школы.—Вечерне-воскресныя школы.—Начальныя училища.—Братья А. и И. Поповы передъ лицомъ правосудія и афера „выдѣлки“ чая.—Исходъ процесса и перемѣна мѣста жительства. 330
Внутреннее обозрѣніе. По поводу преобразованія земства.—Замѣна ссылки тюрьмою.—Лондонская конференція по вопросу объ отмѣнѣ сахарныхъ премій.—Новый лѣсной законъ.—Открытіе движенія по Закаспійской желѣзной дорогѣ до Самарканда; значеніе и будущность этой дороги. 338

Стран.

Политическое обозрѣніе. Послѣдствія посѣщенія Берлина королевой Викторіей. — Англія готовится къ активной политикѣ на Востокѣ.—Усиленіе англійскаго вліянія въ Константинополѣ.—Князь Бисмаркъ бесѣдуетъ со „знатными иностранцами“.—Русскій панславизмъ и австро-нѣмецкіе драконы.—Сущность австрійской политики.—Истинное значеніе „болгарскаго вопроса“.—Уничтоженіе рабства въ Бразиліи. 358

Сообщенія и извѣстія. I. Могила Озерова. (Сообщ. академикомъ Я. К. Гротомъ).—II. Императоръ Вильгельмъ и русскія депутаціи. (Сообщ. П. П. Карцовымъ).—III. Древности города Торопца. (Сообщ. Е. Н. Опочининымъ). 379

Объявленія.

Приложеніе: Одинъ изъ „безсмертныхъ“. Романъ *Альфонса Доде*. Гл. I—IV. . . . . 1—48

ОДИНЪ ИЗЪ „БЕЗСМЕРТНЫХЪ".

Романъ Альфонса Доде.

I.

Въ „Словарѣ знаменитостей" („Dictionnaire des Célébrités contemporaines"), изд. 1880 г., въ статьѣ „Астье-Регю", можно прочесть слѣдующее:

„Астье или Астье-Регю" (Пьеръ-Александръ-Леонаръ), „членъ французской Академіи, родился въ 1816 году, въ Сованья (Пюи-де-Домъ), въ бѣдной крестьянской семьѣ. Въ самомъ юномъ возрастѣ онъ выказалъ уже наклонности и рѣдкія способности къ занятіямъ исторіей.

„Солидная подготовка, какая теперь все рѣже встрѣчается, пріобрѣтенная въ Ріомской коллегіи и въ коллегіи Людовика (куда онъ, впослѣдствіи, возвратился уже профессоромъ), открыла ему двери Высшей Нормальной Школы. По выходѣ оттуда, онъ занялъ каѳедру исторіи въ Мандскомъ лицеѣ; въ это время былъ имъ написанъ его „Этюдъ о Маркѣ Авреліи", увѣнчанный французской Академіей. Переведенный, въ слѣдующемъ году, г-мъ де-Сальванди въ Парижъ, молодой и блестящій профессоръ сумѣлъ оправдать оказанное ему вниманіе новыми трудами, появившимися въ печати одинъ вслѣдъ за другимъ,—„Великіе министры Людовика XIV" (увѣнчан. французской Академіей), „Бонапарте и Конкордатъ" (увѣнчан. французской Академіей) и замѣчательное „Введеніе въ исторію Орлеанскаго дома",—этотъ грандіозный портикъ зданія, сооруженію котораго историкъ посвятилъ почти двадцать лѣтъ своей жизни. На этотъ разъ, Академія, исчерпавъ весь запасъ отличій, приняла его въ среду своихъ избранниковъ. Астье отчасти какъ бы и раньше принадлежалъ къ этой высокой средѣ, онъ былъ женатъ на дочери столь оплакиваемаго Полена

Регю, знаменитаго архитектора, члена Академіи надписей и внукѣ достопочтеннаго Жана Регю, бывшаго президентомъ французской Академіи, прославившагося своими изящными переводами Овидія, а также—„Письмами къ Ураніи".

„Всѣмъ извѣстно, съ какимъ безкорыстіемъ Леонаръ Астье-Регю, призванный г. Тьеромъ, его товарищемъ и другомъ, на должность начальника архива министерства иностранныхъ дѣлъ—отказался, въ 1878 г., отъ этой должности, не желая приносить независимость своего пера и безпристрастіе исторіи въ жертву эгоистическимъ требованіямъ нынѣшнихъ правителей Франціи. Но и разлученный съ дорогимъ ему архивомъ, писатель съ пользой употребилъ оставшееся ему свободное время. Въ какихъ-нибудь два года, онъ подарилъ насъ тремя послѣдними томами своей исторіи и, кромѣ того, скоро издастъ трудъ о Галилеѣ, источникомъ которому послужили чрезвычайно интересные и доселѣ совершенно неизвѣстные документы. Сочиненія Астье-Регю продаются у Пти-Секара,—въ книжномъ магазинѣ Академіи".

Составитель „Словаря" предложилъ „знаменитостямъ" самимъ доставить матеріалы для своихъ біографій, и въ достовѣрности такихъ біографическихъ свѣдѣній не можетъ быть, конечно, сомнѣній. Но мы должны сказать, что одинъ фактъ здѣсь сообщенъ невѣрно — именно, что Леонаръ Астье-Регю добровольно будто бы отказался отъ должности начальника архива. Ни для кого не тайна, что его просто прогнали, какъ лакея, за одну неловкую фразу, вырвавшуюся у него, историка Орлеанскаго дома, фразу на стр. 327, т. V: „Въ ту эпоху, какъ и въ наше время, Франція была затоплена волнами демагогіи..."

Вотъ къ чему можетъ привесть какая-нибудь простая метафора! Роковыя „волны демагогіи" унесли съ собой двѣнадцать тысячъ франковъ содержанія, квартиру на набережной Орсэ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и, кромѣ того, ту сокровищницу историческихъ документовъ, въ которой ученый почерпалъ содержаніе своихъ книгъ. Бѣднякъ былъ неутѣшенъ. Два года прошло съ тѣхъ поръ, а все его терзали горькія сожалѣнія о комфортѣ и почестяхъ, связанныхъ съ утраченнымъ имъ положеніемъ. Въ иные дни онъ чувствовалъ эту утрату сильнѣе, живѣе, и, въ особенности, въ дни появленія Тейсседра.

Тейсседръ былъ простой полотеръ. Къ Астье онъ постоянно приходилъ по средамъ; а, затѣмъ, въ этотъ день, послѣ полудня, m-me Астье принимала гостей, и именно въ рабочемъ кабинетѣ мужа, единственной приличной комнатѣ во всей ихъ квартирѣ, въ третьемъ этажѣ дома, въ улицѣ Бонъ; помѣщеніе это, нѣкогда роскошное, теперь лишь обветшалая развалина прежняго великолѣпія, съ высокими потолками и стѣнами, но чрезвычайно не-

удобное. Нельзя себѣ вообразить разстройство, въ которое, въ каждую среду, приходилъ знаменитый историкъ, усидчивыя и методическія занятія котораго были прерываемы безъ всякой жалости. Онъ возненавидѣлъ этого полотера, полотеръ этотъ былъ его „землякъ“.

Желтая какъ воскъ и жесткая физіономія этого Тейсседра ему опротивѣла, опротивѣла его болтовня — полотеръ гордился тѣмъ, что онъ былъ родомъ изъ Ріома, „тогда какъ мёшьё Аштье — только изъ Шованья“. Тейсседръ съ грубымъ пренебреженіемъ толкалъ тяжелый столъ, заваленный тетрадями и кипами замѣтокъ, изслѣдованій, и, изъ одной комнаты въ другую, гналъ передъ собой нашего великаго ученаго, которому приходилось наконецъ забираться въ маленькую свѣтелку надъ кабинетомъ, такую низенькую, что онъ тамъ могъ помѣщаться не иначе, какъ сидя. Меблировка этой коморки, освѣщавшейся верхнею частью большаго окна, выходившаго во дворъ, состояла всего изъ одного древняго кресла, стараго ломбернаго стола и картона для бумагъ. Тамъ сидѣлъ онъ однимъ утромъ, погруженный въ какой-то старинный манускриптъ, когда въ прихожей раздался сильный звонокъ, задребезжавшій сквозь грохотъ, которымъ Тейсседръ, въ этотъ день, по обыкновенію, наполнилъ всю квартиру.

— Фажъ, это вы? спросилъ академикъ своимъ густымъ и металлическимъ басомъ.

— Нѣтъ, мёшьё Аштье, это вашъ шынъ.

Утромъ, по средамъ, парадную дверь отворялъ Тейсседръ, такъ какъ Корантина, въ эти часы, была занята туалетомъ своей госпожи.

— Какъ здоровье профессора? крикнулъ Поль Астье, направляясь въ комнату матери.

Академикъ не отвѣтилъ ни слова. Ему чрезвычайно былъ непріятенъ ироническій тонъ, съ какимъ сынъ всегда произносилъ слова: „профессоръ, дорогой профессоръ“, какъ бы подсмѣиваясь надъ званіемъ, составлявшимъ гордость отца.

— Когда г. Фажъ придетъ — пошлите его на верхъ, сказалъ онъ, не обращаясь непосредственно къ полотеру.

— Хорошо мёшьё Аштье... и замолкнувшій было грохотъ возобновился въ квартирѣ опять.

— Здравствуй, m'man...

— Ахъ, это Поль! Войди... Осторожнѣе съ плиссэ, Корантина!

Г-жа Астье надѣвала юбку передъ зеркаломъ; длинная, худощавая, она была еще однако не дурна собой, не смотря на увядшія черты и слишкомъ тонкую кожу лица. Не двигаясь съ мѣста, она подставила ему свою, бархатистую отъ пудры, щеку, къ ко-

торой тотъ слегка прикоснулся бѣлокурой, остроконечной бородкой. Ни въ матери, ни въ сынѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго проблеска чувства.

— М-г Поль останется завтракать? спросила Корантина, толстая крестьянка, съ маслянистымъ, рябоватымъ отъ оспы лицомъ. Она сидѣла на коврѣ, зашивая бортъ юбки барыниной; по ея фамильярному тону и развязности, съ какою Корантина себя держала, можно было сразу видѣть, что въ домѣ она была „на всѣ руки“ и что платили ей мало.

— Нѣтъ, Поль не останется завтракать. Онъ обѣщалъ быть въ другомъ мѣстѣ. Внизу ждетъ его „бёгги“, и онъ заѣхалъ только на минуту.

— Твой новый англійскій бёгги?.. Покажи!

Г-жа Астье подошла къ отворенному окну, слегка раздвинувъ озаренныя веселымъ майскимъ солнцемъ драпировки, увидѣла внизу легкій экипажъ, весь еще сіявшій свѣжестью новой кожи и полированной березы, и человѣка Поля, Стенна, стоявшаго въ новой ливреѣ, у головы лошади, которую онъ сдерживалъ.

— О, барыня, какъ это великолѣпно! воскликнула Корантина, смотрѣвшая тоже, сзади,—и какой, я думаю, m-r Поль миленькій, когда сидитъ въ этомъ кабріолетѣ!

Мать была въ восторгѣ; но окна напротивъ уже начали отворяться, и народъ собирался около экипажа, взбудоражившаго все населеніе этой части улицы Бонъ. Г-жа Астье отослала горничную, и, усѣвшись на кушетку, сама дошивала край юбки; она ждала, что скажетъ ей сынъ, и хотя отчасти догадывалась, въ чемъ дѣло, но притворилась, будто очень занята своей работой. Поль Астье, откинувшись въ кресло, тоже молчалъ, вертя въ рукахъ старинный костяной вѣеръ матери, знакомый ему съ самаго дѣтства. Сидя такъ близко другъ отъ друга, они поражали своимъ сходствомъ. У обоихъ тотъ же смугло-розоватый цвѣтъ кожи креоловъ, тотъ же гибкій станъ, тѣ же сѣрые, непроницаемые глаза, тонкій, слегка уклонившійся отъ прямой линіи, носъ, что́ придавало лицу нѣсколько лукавое выраженіе. Оба безмолвно и незамѣтно слѣдили другъ за другомъ, какъ бы подкарауливали одинъ другаго. Въ отдаленіи слышались щетки Тейсседра.

— Очень мило все это... произнесъ Поль.

— Что такое—„это“?

Въ отвѣтъ онъ указалъ кончикомъ вѣера на обнаженныя руки и обозначавшійся подъ тонкимъ батистомъ контуръ плечъ матери. Онъ сдѣлалъ это такъ, какъ сдѣлалъ бы художникъ, разсматривающій у себя въ мастерской натурщицу. Она засмѣялась.

— Да, но вотъ что портитъ... Она вытянула свою шею, чересчуръ длинную и гдѣ впадины показывали устарѣлость жен-

щины.—Ну, да и... Она хотѣла сказать: что же изъ этого—главное то, что ты очень красивъ... но промолчала. Эта патентованная говорунья, привычная къ болтовнѣ, искусившаяся въ свѣтской лжи, не умѣла никогда найдти слова, чтобы выразить единственное искреннее чувство, на которое была способна.

Въ сущности она не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя упорно молодятся. Задолго до того времени, когда она начала стариться—а, быть можетъ, ее никогда и не волновала никакая страсть—задолго до этой поры, все ея кокетство, вся женская жажда нравиться и побѣждать сердца, все ея свѣтское честолюбіе сосредоточились въ одномъ чувствѣ—чувствѣ любви къ сыну, этому двадцатилѣтнему, статному красавцу съ бѣлокурой бородкой и коротко остриженными волосами, всегда одѣтому строго по модѣ, принятой въ средѣ артистовъ нашихъ дней и сохранявшему въ манерахъ не лишенную нѣкоторой граціи военную осанку, которая остается у нынѣшней молодежи послѣ волонтаріата.

— Твой первый номеръ уже нанятъ? спросила мать.

— Да, какъ бы не такъ! нанятъ!.. ничего не помогаетъ — ни бумажки на окнахъ, ни объявленія, ничего..... могу, сказать, какъ Ведрёнъ, на его частной выставкѣ: не понимаю, что съ ними сдѣлалось, не приходятъ.

Онъ засмѣялся. Ему вспомнилась спокойно-гордая самоувѣренность Ведрёна, одиноко расхаживавшаго посреди своихъ эмалей, скульптурныхъ работъ и незлобиво удивлявшагося равнодушію публики. Но m-me Астье не смѣялась; этотъ первый номеръ такой роскошный, и пустуетъ, вотъ, уже два года!.. Улица Фортюни! великолѣпный кварталъ, домъ въ стилѣ Людовика XII и, наконецъ, что важнѣе всего, — домъ, выстроенный ея сыномъ!.. Чего же имъ еще надо? Имъ, вѣроятно, тѣмъ самымъ, которые не пошли къ Ведрёну...

— Но, вѣдь, это очень выгодное дѣло! произнесла она, перекусивъ нитку, которой зашивала юбку.

Отличное, но надо денегъ, чтобы его поддержать... Поземельный Кредитъ забираетъ все, а тутъ еще и подрядчики на него навалились... за однѣ столярныя работы необходимо уплатить въ концѣ мѣсяца, а у него въ карманѣ—ни одного луи для этого.

Мать, надѣвавшая, въ эту минуту, передъ зеркаломъ корсажъ, поблѣднѣла и увидѣла свою блѣдность. Это была дрожь, въ родѣ той, какая на дуэли пробѣгаетъ по всему тѣлу, когда видишь, что пистолетъ поднятъ и прямо наведенъ на тебя.

— Ты уже получилъ за реставрированіе Муссо?

— Муссо! давнымъ давно.

— А могила Розеновъ?

— Все еще ни съ мѣста... Ведрёнъ никакъ не можетъ окончить статую.

— Да къ чему же это непремѣнно Ведрёну было заказывать, отецъ, вѣдь, тебѣ говорилъ.

— Да, знаю... Это ихъ антипатія, тамъ, въ Академіи. Онъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Но, вѣдь, ты меня знаешь! Я человѣкъ практичный. Если я ему поручилъ, то имѣлъ свои основанія.

И повернувшись вдругъ къ матери, онъ спросилъ въ упоръ:

— А ты не можешь дать мнѣ тѣ 10,000 франковъ?

Это было именно то, чего она ожидала съ минуты его появленія; только за этимъ онъ и пріѣзжалъ къ ней.

— Десять тысячъ франковъ? Но откуда?

Выраженіе безпомощнаго отчаянія, разлившееся по лицу матери, безъ словъ ясно говорило: „Ты знаешь, что я тебѣ отдала все, что я хожу въ заштопанномъ тряпьѣ, что вотъ уже три года я ношу одну и ту же шляпу, что мое бѣлье Корантина стираетъ на кухнѣ, потому что мнѣ стыдно было бы отдать эти лохмотья прачкѣ; и ты знаешь также, что самое худшее изъ всѣхъ лишеній—невозможность тебѣ помочь. Такъ зачѣмъ же ты меня просишь о томъ?“ И этотъ укоръ матери былъ такъ краснорѣчивъ, что Поль Астье отвѣтилъ громко:

— Нѣтъ, конечно, я не думалъ обращаться къ тебѣ...—Э, чортъ возьми! будь они у тебя... затѣмъ, своимъ обычнымъ тономъ холодной насмѣшки:

— Ну—произнесъ онъ—а профессоръ-то, тамъ, на верху... можетъ быть, ты у него могла бы добыть... ты такъ хорошо умѣешь съ нимъ справляться!

— Нѣтъ, эти дни ужь миновали, теперь кончено...

— Но, однако, онъ работаетъ, его книги въ ходу, раскупаются хорошо, ваши расходы ничтожны.

Поль обвелъ глазами всю нищенскую обстановку комнаты, ея бѣдную меблировку, полинялыя занавѣски, вытертые ковры, не обновлявшіеся впродолженіи тридцати лѣтъ, съ самой ихъ свадьбы. Куда шли его деньги?—„О! да ужь... да ужь, чего добраго—не покучиваетъ ли виновникъ моихъ дней!...“ Но одна мысль о Леонарѣ Астье-Регю, какъ о кутилѣ, была настолько чудовищна, настолько неправдоподобна, что его жена, не смотря на свое горе, не могла не разсмѣяться. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи она была вполнѣ спокойна:—„Тутъ совсѣмъ другое—что же ты будешь съ нимъ дѣлать? онъ скрытничаетъ, сталъ недовѣрчивъ... крестьянская натура—свои сбереженія въ землю прячетъ, мы ужь у него слишкомъ много повытянули“. Они говорили между собой

шепотомъ, какъ заговорщики, не глядя другъ на друга, уставившись глазами въ коверъ.

— А дѣдушка? произнесъ Поль, голосомъ, въ которомъ, впрочемъ, не звучало ни малѣйшей надежды,—еслибъ ты попробовала?..

— Дѣдушка? ты съ ума сошелъ? ..

Онъ, однако, хорошо зналъ Регю и суровый эгоизмъ этого почти столѣтняго старика; зналъ, что тотъ скорѣе далъ бы имъ умереть, нежели пожертвовалъ бы своей щепоткой табаку или одною изъ булавокъ, которыми постоянно былъ утыканъ бортъ его сюртука. О, бѣдный Поль, бѣдное дитя! значитъ, его положеніе было въ самомъ дѣлѣ безвыходное, если ему пришла въ голову такая мысль.

— Хочешь? Я попрошу?

— У кого?

— Въ улицѣ Курселль... авансомъ за памятникъ.

— Я тебѣ запрещаю это! крикнулъ ей Поль повелительнымъ тономъ; губы его побѣлѣли, глаза злобно сверкнули; но онъ почти немедленно овладѣлъ собой и вновь принялъ свой сдержанный и насмѣшливый видъ.

— Брось думать объ этомъ, сказалъ онъ, это не болѣе, какъ временный кризисъ... у меня случались еще не такіе.

Поль искалъ свою шляпу, собираясь уѣхать, такъ какъ видѣлъ, что ничего не вытянетъ у матери. Она подала ему его шляпу и, желая удержать его хоть на нѣсколько лишнихъ минутъ, заговорила объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, уже въ ходу—о свадьбѣ, которую было ей поручено устроить

При словѣ „свадьба“ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, искоса взглянувъ на нее.

— Кто же это?

Она поклялась никому ничего не говорить пока, но—ему...

— Князь д'Атисъ.

— Князь Сами!... На комъ?

Но она хитрила.

— Ты ея не знаешь... одна иностранка... очень богатая... Если мнѣ удастся это—я тебѣ помогу... условія у насъ сдѣланы, все на бумагѣ...

Онъ улыбался совершенно успокоенный.

— А герцогиня?

— Конечно ничего не знаетъ!

— Ея Сами, ея князекъ, пятнадцатилѣтняя связь!

Г-жа Астье сдѣлала жестъ безжалостнаго равнодушія женщины къ другой женщинѣ.

— Ну—чего же она хочетъ... Въ ея годы...

— Сколько же ей?

— Она родилась въ 1827 году... теперь у насъ 1880-й годъ... сосчитай. Она ровно годомъ старше меня.

— Какъ! Герцогиня старше тебя! воскликнулъ Поль, въ изумленіи.

Мать засмѣялась.

— Ну да, невѣжа... почему это тебя такъ удивляетъ? я увѣрена, что ты ее считалъ на двадцать лѣтъ моложе... Видно правда, что самый распутный изъ васъ ничего въ этомъ не смыслитъ... Во всякомъ случаѣ ты понимаешь, что бѣдный князь не можетъ же тянуть на себѣ это ярмо всю свою жизнь, и тѣмъ болѣе: старый герцогъ умретъ скоро и тогда князю пришлось бы жениться. Вообрази себѣ его женатымъ на этой старухѣ...

— Чортъ возьми! а ты вѣрный другъ своимъ пріятельницамъ.

Она вспылила: „Герцогиня—ея пріятельница, ея другъ!.. Да, нечего сказать!.. У женщины шестьсотъ тысячъ франковъ годоваго дохода, онѣ настолько близки, что ей прекрасно извѣстна ихъ нужда! а, между тѣмъ никогда она и не подумала придти имъ на помощь. Кое-когда, ничтожныя подачки, какое-нибудь платье, позволеніе взять шляпу у ея поставщицы, всегда что-нибудь такое, а не то что могло бы доставить удовольствіе".

— Въ день рожденія дѣдушки Регю—атласъ, географическую карту.... поддакнулъ Поль.

— Я думаю, что Антонія еще скупѣе. Вспомни, какими сливами насъ угощали въ Муссо, когда мы пріѣхали туда въ самый разгаръ сезона фруктовъ,—въ отсутствіе Сами, и это не смотря на то, что тамъ не перечтешь всевозможныхъ плодовыхъ садовъ и оранжерей но все, вѣдь, идетъ на рынки въ Блуа, въ Вандомѣ. У нихъ это въ роду: маршалъ, ея отецъ, прославился этимъ при дворѣ Людовика-Филиппа... А прослыть скупцомъ при томъ дворѣ! Всѣ эти знатныя фамиліи одинаковы—одно только скряжничество и тщеславіе, изволятъ на драгоцѣнной посудѣ, съ гербами, кушать такіе вкусные и свѣжіе каштаны, отъ которыхъ свиньи отшатнутся... Герцогиня! знаешь ли ты, что она сама провѣряетъ своего дворецкаго... каждое утро ей говядину приносятъ на верхъ, а по вечерамъ,—это я слышала отъ князя—поджидая его на свиданіе, сводитъ дневные счеты.

Этой тирадой, произнесенной ея звонкимъ, пронзительнымъ, какъ у морской птицы, голосомъ, г-жа Астье отвела себѣ душу. Поль, котораго это сначала забавляло, пришелъ, наконецъ, въ нетерпѣніе,—онъ уже уходилъ.

— Бѣгу... дѣловой завтракъ... очень важное дѣло.

— Что такое, заказъ?

— Нѣтъ, на этотъ разъ архитекторщина не причемъ.

Она настаивала съ сильнымъ любопытствомъ.

— Потомъ, потомъ, послѣ разскажу.... все идетъ хорошо.

Однако, при прощаньи, слегка цѣлуя мать, онъ шепнулъ ей: „А ты, все-таки, подумай о моихъ десяти тысячахъ“.

Астье-Регю, не будь у нихъ этого сына, поселившаго между ними глухую вражду, являли бы собою прекрасный примѣръ супружескаго сожительства, удовлетворяющаго условіямъ свѣта и, въ особенности, требованіямъ академической среды. Послѣ тридцатилѣтней брачной жизни, ихъ взаимныя чувства не измѣнились, остались прежними.

Когда, около 1850 года, „увѣнчанный“ профессоръ Астье просилъ руки Аделаиды Регю, жившей, въ то время, во дворцѣ Мазарини, у своего дѣда; его прельщала въ невѣстѣ не ея тонкая красота, ни свѣжій цвѣтъ ея лица, а также и не ея приданое, такъ какъ родители ея, внезапно умершіе отъ холеры, оставили ей очень немного, а дѣдъ, креолъ съ о. Мартиники, бывшій красавецъ временъ Директоріи, игрокъ, кутила и дуэлистъ, громко заявлялъ всѣмъ и каждому, что не прибавитъ ни одного су къ этому тощему приданому.

Нѣтъ, Астье, скорѣе честолюбиваго, нежели жаднаго къ деньгамъ, привлекала въ лицѣ дѣвушки Академія. Тѣ два большіе двора, чрезъ которые онъ проходилъ съ ежедневнымъ, обязательнымъ букетомъ въ рукахъ, величавые корридоры, пересѣкаемые пыльными лѣстницами, были для него болѣе путемъ къ славѣ, нежели къ любви. Какъ Мекка, притягивали его къ себѣ и Поленъ Регю, членъ Академіи надписей и Жанъ Регю, авторъ „Писемъ къ Ураніи“, и вообще, весь Институтъ, съ его львами, куполомъ; онъ вступилъ въ бракъ съ всѣмъ этимъ, а не съ Аделаидой Регю.

Предавшись красотѣ, которая никогда не увядаетъ, совершенно отдавшись страсти къ наукѣ, на которую время не оказываетъ никакого вліянія, онъ съ женой всегда держалъ себя съ высокомѣріемъ одного изъ тѣхъ смертныхъ миѳологическихъ временъ, которымъ боги, иногда, жаловали въ супруги своихъ дочерей. Что же касается госпожи Астье, согласившейся на этотъ бракъ только, какъ на средство, избавлявшее ее отъ эгоистическаго и скучнаго дѣда, надоѣвшаго своими анекдотами,—она, въ короткое время, поняла, что ходульно-торжественная внѣшность академическаго лауреата, фабриканта толстыхъ фоліантовъ, его громкая, какъ органная труба рѣчь, вполнѣ пригодная для аудиторій, что все это прикрывало собой убогій и узкій умъ трудолюбиваго по натурѣ крестьянина, — не болѣе. И, при всемъ томъ, когда, при помощи всевозможныхъ интригъ, просьбъ, хода-

тайствъ, ей удалось провести его въ академики, она почувствовала къ нему родъ уваженія, забывая, что онъ именно ей только и былъ обязанъ шитымъ зелеными пальмовыми вѣтвями мундиромъ, замаскировавшимъ его ничтожество.

Единственнымъ согрѣвающимъ лучемъ въ этомъ, хотя и безупречно-образцовомъ, но холодномъ, безрадостномъ супружествѣ былъ ребенокъ, однако—этотъ-то ребенокъ и нарушилъ гармонію. Началось съ того, что сынъ не оправдалъ ни одной изъ надеждъ, возлагавшихся отцомъ, желавшимъ для него университетскихъ лавровъ, „grand concours", затѣмъ вступленія въ Нормальную Школу и профессорства. Въ лицеѣ Поль удостоивался наградъ только за гимнастическія упражненія и фехтованіе отличаясь упорнымъ, намѣреннымъ нежеланіемъ заниматься, и лѣнью. Въ эти лѣта, однако, въ немъ таился уже практическій духъ и слишкомъ рановременное пониманіе жизни. Очень занятый собой, своимъ личикомъ, своимъ туалетомъ, онъ, между товарищами-мальчиками, всегда громко высказывалъ свою увѣренность непремѣнно понравиться богатой. Два или три раза, отецъ, выведенный изъ себя этой систематической лѣностью, хотѣлъ, было, расправиться съ сыномъ по-своему, „по оверньятски", но мать всегда была тутъ, всегда была готова защитить и отвести грозу. Астье-Регю кричалъ, бранился, скрежеталъ зубами, еще болѣе выпячивая и безъ того выдавшуюся впередъ нижнюю челюсть, за которую въ университетѣ былъ прозванъ крокодиломъ, онъ пригрозилъ, наконецъ, что броситъ все, уѣдетъ въ Сованья и посвятитъ себя исключительно своему винограднику.

— О, Леонаръ, Леонаръ... произносила только, съ легкой улыбкой, г-жа Астье въ этихъ случаяхъ, и тѣмъ все прекращалось. Однажды, впрочемъ, когда Поль, послѣ трехлѣтняго курса архитектуры въ Школѣ Искусствъ, отказался участвовать въ состязаніи на „prix de Rome", академикъ едва не привелъ въ исполненіе свою угрозу, и, въ самомъ дѣлѣ, собрался уѣхать. Онъ еле могъ говорить отъ охватившаго его негодованія: „несчастный, но, подумай, Римъ... развѣ ты не знаешь... Римъ, вѣдь это — Институтъ!" Юноша смѣялся надъ этимъ. Онъ жаждалъ богатства, а Институтъ его не даетъ, доказательство—его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, старикъ Регю. Выступить на сцену теперь, сейчасъ же, броситься въ аферы, и немедленно начать загребать деньги, вотъ, къ чему онъ стремился, а вовсе не къ пальмовому шитью на зеленомъ, форменномъ фракѣ.

Леонаръ Астье задыхался, ему было нестерпимо слышать, что сынъ осмѣлился произносить такія святотатственныя рѣчи и что его жена, дочь славныхъ Регю, его поддерживаетъ! На этотъ разъ, съ чердака былъ спущенъ уже чемоданъ, его старый чемоданъ

провинціальнаго профессора, весь обитый гвоздями и скобками, высокій и обширный: вѣдь нѣкогда онъ вмѣщалъ въ себѣ и громадную рукопись „Марка Аврелія“, и всѣ честолюбивыя мечты своего хозяина о славѣ, объ Академіи. Какъ ни приговаривала г-жа Астье, прикусывая себѣ губы:—„О, Леонаръ, Леонаръ...“ ничто не помогало — онъ, таки, уложился. Цѣлыхъ два дня чемоданъ стоялъ посреди кабинета, а затѣмъ его перетащили въ переднюю, гдѣ онъ уже и остался, такъ какъ его превратили въ ящикъ для дровъ.

Начало карьеры Поля Астье ознаменовалось рядомъ успѣховъ; при посредствѣ своей матери и ея связей въ большомъ свѣтѣ, а также благодаря собственной ловкости и подкупающей внѣшности, онъ очень скоро получилъ нѣсколько заказовъ, которые сразу выдвинули его впередъ. Герцогиня Падовани, жена бывшаго посланника и министра, поручила ему реставрировать свой знаменитый великолѣпный замокъ Муссо-на-Луарѣ, древнее королевское жилище, долгое время остававшееся совершенно заброшеннымъ, и молодой архитекторъ, съ удивительнымъ въ недавнемъ, ничтожномъ ученикѣ Школы Искусствъ, талантомъ и артистичностью, сумѣлъ возвратить дворцу его прежній видъ.

Блестящая реставрація Муссо доставила ему работы по сооруженію новаго отеля турецкаго посольства; затѣмъ княгиня Розенъ заказала ему, Полю, мавзолей князя Герберта, погибшаго трагической смертью въ экспедиціи Христіана Иллирійскаго. Въ виду всего этого, отецъ Астье, увлеченный своей женой, выдалъ изъ своихъ сбереженій восемьдесятъ тысячъ франковъ для покупки, въ улицѣ Фортюни участка, на которомъ Поль выстроилъ себѣ отель, или, лучше сказать, красивый флигель, примыкавшій къ изящному доходному дому; онъ былъ практичный молодой человѣкъ и если ему хотѣлось имѣть свой собственный отель, подобно другимъ моднымъ артистамъ, то, въ то же время, онъ желалъ, чтобы этотъ отель приносилъ доходы.

Къ сожалѣнію, дома не всегда нанимаются съ такою легкостью, какъ на то разсчитываютъ владѣльцы; а, между тѣмъ, дорого стоющій образъ жизни молодаго архитектора, лошади, клубъ, свѣтъ, туго поступавшія уплаты, все это ставило его въ затруднительное положеніе, не давало ему возможности ждать. А тутъ еще, отецъ Астье внезапно объявилъ, что больше ничего не дастъ, и всѣ попытки, всѣ хлопоты матери за дорогаго сына не привели ни къ какому результату; ея воля, ея желанія, составлявшія, до того, законъ въ домѣ, оказались безсильными предъ безповоротной рѣшимостью мужа. Съ этой минуты началась неустанная борьба; мать утягивала, что только было возможно, изъ расходовъ для того, чтобы не отказывать сыну, когда онъ нуж-

дался въ деньгахъ; Леонаръ, подозрѣвая ее, провѣрялъ счеты до мелочей; въ этой унизительной распрѣ, г-жа Астье, лучше воспитанная, изнемогла первая; вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, Полю приходилось плохо, если она рѣшилась на новую попытку.

Войдя въ столовую, длинную, грустнаго вида комнату, еле освѣщавшуюся высокими, узкими окнами, къ которымъ вели ступеньки (прежде тутъ была трапезная для монаховъ),—г-жа Астье нашла мужа уже за столомъ; видъ у него былъ озабоченный, почти злой. Обыкновенно же, напротивъ, профессоръ приходилъ сюда веселымъ, улыбающимся, всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Ѣлъ онъ съ аппетитомъ, все пережевывая своими прекрасно сохранившимися зубами какъ у горной собаки, зубами, предъ которыми ничто не могло устоять: ни черствый хлѣбъ, ни жесткая говядина, и дѣятельность которыхъ не останавливали даже и обычныя въ жизни людей неудачи.

— Тейсседръ—причина, вѣроятно... подумала г-жа Астье и она усѣлась на свое мѣсто, шумя своимъ парадным платьемъ, нѣсколько удивленная, что онъ не дѣлаетъ ей привычнаго комплимента, которымъ всякую среду привѣтствовалъ ея туалетъ. Полагая, что его дурное расположеніе разсѣется послѣ первыхъ же проглоченныхъ кусковъ, она рѣшила немного выждать, прежде чѣмъ приступить къ аттакѣ. Но раздраженіе мужа, напротивъ, росло: вино отдавало пробкой... котлеты пережарены!

— Все это оттого, что вашъ m-r Фажъ надулъ васъ и не пришелъ сегодня! крикнула изъ кухни, по сосѣдству, взбѣшенная Корантина, и ея лоснящаяся и изборожденная физіономія на минуту показалась въ окошечкѣ, сквозь которое подавались блюда, еще во времена монаховъ.

— Эта женщина дошла до удивительнаго нахальства!.. пробормоталъ Леонаръ Астье, когда та громко захлопнула форточку. Въ сущности, онъ былъ нѣсколько сконфуженъ тѣмъ, что имя Фажа было произнесено при его женѣ. Дѣло въ томъ, что, въ другое время, г-жа Астье не преминула бы сдѣлать замѣчаніе: А! А!.. опять этотъ Фажъ... опять вашъ переплетчикъ... что непремѣнно повело бы къ семейной сценѣ, на которую и разсчитывала Корантина, „бросивъ“ въ столовую свою предательскую фразу. Но, на этотъ разъ, надо было не раздражать г-на Астье, и, наоборотъ, ловкими маневрами привести его къ желаемой цѣли; полезно было, напримѣръ, заговорить о состояніи здоровья несмѣняемаго секретаря Академіи, Луазильона, которому, по слухамъ день-ото-дня хуже. Постъ Луазильона, его квартира въ зданіи Института, должны были перейдти къ Леонару Астье, въ видѣ награды за утраченную имъ должность, и, хотя историкъ былъ

очень друженъ съ умиравшимъ товарищемъ, однако, надежда получить хорошее содержаніе, здоровое, удобное помѣщеніе и иныя выгоды, открывала, посредствомъ этой, ожидавшейся всѣми, смерти довольно пріятную перспективу, ожиданіе которой, можетъ быть, и причиняло Леонару нѣкоторый тайный стыдъ, но о которой онъ, иногда, наивно говаривалъ съ женой. Оказалось, что и это не могло его разсѣять.

— Бѣдный Луазильонъ, онъ уже забываетъ слова, говорила г-жа Астье,—намъ вчера, у герцогини, разсказывалъ Гаво—онъ выговариваетъ только одно: „би... библо... би... библо!..“ А онъ, вѣдь, въ коммиссіи составленія словаря, прибавила она, сжавъ губы и вытянувъ свою длинную шею.

Астье-Регю оставался, по-прежнему, суровымъ.

— Хорошая шутка... произнесъ онъ наставительнымъ тономъ и вытягивая нижнюю челюсть. Я замѣтилъ гдѣ-то, въ моей исторіи, во что Франціи прочно и постоянно только одно временное. Луазильонъ умираетъ уже десять лѣтъ, онъ всѣхъ насъ похоронитъ; всѣхъ, всѣхъ насъ! повторилъ онъ, съ бѣшенствомъ.

Нѣтъ, Тейсседръ, положительно, уже черезъ чуръ его разсердилъ.

Г-жа Астье перемѣнила разговоръ. Она заговорила о предстоявшемъ на-дняхъ большомъ засѣданіи пяти академій, въ присутствіи великаго герцога фридландскаго, Леопольда. Въ этомъ засѣданіи, Астье-Регю, въ качествѣ очереднаго директора триместра, предстояло предсѣдательствовать и открыть собраніе рѣчью, въ которой включено было привѣтствіе его высочеству. Она такъ ловко разспрашивала Леонара объ этой рѣчи, планъ которой уже составлялся имъ, что онъ передалъ ей главныя положенія, свою пылкую филиппику противъ современной литературной школы; онъ готовился, публично, солидно посѣчь этихъ бродягъ, этихъ павіановъ!..

Его расширенные зрачки обжоры сверкали среди раскраснѣвшагося широкаго, четырехугольнаго лица, подъ густымъ кустарникомъ черныхъ бровей, составлявшихъ рѣзкій контрастъ съ бѣлой рамкой бороды.

— Ахъ, да, кстати, сказалъ онъ вдругъ... а мой фракъ? осмотрѣли ли его? Въ послѣдній разъ, когда я его надѣлъ, на похоронахъ Монтрибо....

Но развѣ женщины не подумаютъ обо всемъ? Г-жа Астье, въ это же самое утро тщательно осмотрѣла парадное одѣяніе своего мужа. Шелкъ пальмовыхъ вѣтвей поблекъ, подкладка уже не держалась. Очень понятно — фракъ старый! Сшитъ — ну, конечно, сшитъ еще по случаю назначенія академикомъ, для дня его всту-

пленія, 12-го октября 1866 года. Самое лучшее было бы заказать новый. И правду сказать — пять академій, его высочество, „весь Парижъ“—стоятъ того.

Леонаръ защищался довольно слабо, оправдываясь значительностью расхода; кромѣ фрака, пришлось бы сдѣлать и новый жилетъ, по крайней мѣрѣ жилетъ.

— Это необходимо, другъ мой.

Она настаивала. Вѣдь ихъ чрезмѣрная экономія можетъ ихъ сдѣлать смѣшными. Въ ихъ обстановкѣ многое уже устарѣло; напримѣръ, мебель въ ея комнатѣ... ей стыдно всякій разъ, когда входитъ кто-нибудь изъ пріятельницъ... можно бы очень дешево...

— Э!.. Какой-нибудь дуракъ!.. совсѣмъ тихо произнесъ Астье-Регю, складка на его лбу углубилась, лицо, до того, широко открытое, съежилось. Онъ такъ часто давалъ то для уплаты по счетамъ модистки или швеи, то для покупки новыхъ обоевъ или бѣлья, а, затѣмъ, оказывалось, что деньги шли вовсе не на уплату счетовъ, или покупку необходимаго, а переправлялись въ улицу Фортюни, въ карманы мота; теперь довольно: онъ уже больше на это не поддастся. Онъ сгорбился надъ своей тарелкой, на которой лежалъ огромный кусокъ Оверньскаго сыра, уставился въ нее и замолчалъ.

Г-жѣ Астье уже хорошо были знакомы и это упорное молчаніе, и это пассивное сопротивленіе, къ которымъ прибѣгалъ ея мужъ, когда заходилъ разговоръ о деньгахъ, но она рѣшилась заставить его отвѣчать ей.

— А! вы опять свернулись въ клубокъ... мы хорошо знаемъ, что значитъ, когда вы становитесь какимъ-то ежомъ!.. Денегъ нѣтъ, не правда ли? а? совсѣмъ, совсѣмъ нѣтъ? нисколько?

Спина Леонара закруглялась, съеживалась все больше и больше.

— У васъ ихъ, однако, хватаетъ для Фажа...

Леонаръ Астье вздрогнулъ, и выпрямился, съ безпокойствомъ взглянувъ на жену... Денегъ!.. онъ... Фажу!..

— Ну, послушайте, говорите, что́ хотите, а ваши переплеты сто́ятъ не мало... продолжала она, обрадованная, что ей удалось вывесть мужа изъ его упорнаго молчанія, — и, скажите мнѣ, пожалуйста, какая нужда переплетать всю эту бумажную дребедень.

Онъ успокоился. Она, очевидно, ничего не знала, говорила на удачу. Но „бумажная дребедень“ его задѣла, автографы величайшей рѣдкости, письма, подписанныя Ришельё, Кольберомъ, Ньютономъ, Галилеемъ, Паскалемъ, сокровища, пріобрѣтенныя почти даромъ и заключающія въ себѣ цѣлое состояніе. Да, сударыня— цѣлое состояніе! Онъ горячился, приводилъ цифры, суммы, кото-

рыя ему предлагали; Босъ, знаменитый Босъ, изъ улицы Аббатства—а онъ знаетъ толкъ въ этомъ!—даетъ ему двадцать тысячъ франковъ только за три письма Карла V Франциску Раблэ.

— Эта „бумажная дребедень“! какъ бы не такъ!

Г-жа Астье была поражена. Она знала, что, года два или три назадъ, онъ началъ собирать старинныя бумаги, иногда онъ ей разсказывалъ о находкахъ, которыя ему удавалось при этомъ сдѣлать; она выслушивала его равнодушно и разсѣянно, какъ женщина, привыкшая уже тридцать лѣтъ слушать этотъ голосъ; но никогда она не могла вообразить себѣ... Двадцать тысячъ франковъ за три письма!.. такъ почему же онъ не соглашался?

Академикъ вспыхнулъ, какъ порохъ:

— Продать моего Карла V! Никогда!.. Я скорѣе васъ пущу по міру, нежели дотронусь до этихъ писемъ! вы слышите! Онъ застучалъ по столу, весь блѣдный, страшный, свирѣпый; жена не узнала своего мужа, передъ ней былъ какой-то другой Астье-Регю, необычайный, какимъ она его не видала доселѣ. Часто люди, когда ихъ внезапно охватываетъ сильная, неотразимая страсть, преображаются, какъ бы пріобрѣтаютъ совсѣмъ новую внѣшность, незнакомую самымъ близкимъ ихъ. Почти немедленно вслѣдъ затѣмъ, академикъ успокоился и, нѣсколько сконфуженный, объяснилъ, что документы эти ему необходимы для его работъ и, въ особенности, теперь, когда у него были подъ рукой богатства архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Продать эти матеріалы все равно для него, что отказаться отъ своихъ занятій по исторіи, отказаться писать! А, потому онъ, напротивъ, предполагалъ увеличить свое собраніе. И онъ закончилъ тономъ, полнымъ горечи, сквозь которую звучала нѣжная нота сожалѣнія любителя: „Послѣ меня, конечно, мой сынокъ ихъ продастъ, у него одно только желаніе,—быть богатымъ, и я вамъ отвѣчаю, что онъ будетъ богатъ“.

— Да, хорошо, но—до тѣхъ поръ...

Это „до тѣхъ поръ“, произнесенное съ чудовищнымъ спокойствіемъ и естественностью, возмутило Леонара, въ которомъ сказалась ревность къ сыну, совершенно заполонившему его жену.

— А до тѣхъ поръ, возразилъ онъ, двинувъ челюстью впередъ, пусть другіе дѣлаютъ то же, что и я. У меня нѣтъ ни отеля, ни лошадей, ни англійскаго кабріолета, для передвиженій я вполнѣ довольствуюсь трамвеемъ, а для жилья—антресолемъ въ третьемъ этажѣ, гдѣ Тейсседръ постоянно мучитъ меня; я работаю и днемъ, и ночью, выпускаю ежегодно по два, по три тома, занимаюсь въ двухъ академическихъ коммиссіяхъ, не пропускаю ни одного засѣданія, присутствую на всѣхъ похоронахъ и, даже, лѣтомъ отказываюсь отъ всякихъ приглашеній, чтобы только не потерять

ни одного платнаго жетона. Желаю моему сынку быть въ шестьдесятъ пять лѣтъ такимъ же дѣятельнымъ!

Сегодня онъ, впервые, послѣ долгаго времени, заговорилъ о Полѣ и въ тонѣ, звучавшемъ такъ рѣзко. Мать была удивлена, но, въ взглядахъ, полныхъ почтительности, которые она бросала на мужа изъ подлобья, свѣтилось выраженіе невольнаго уваженія.

— Звонятъ... поспѣшно произнесъ Леонаръ, поднявшись и повѣсивъ салфетку на спинку своего стула... вѣроятно, это ко мнѣ.

— Кто-то къ барынѣ... Они нынче рано начинаютъ! И Корантина, своими толстыми, влажными, торопливо обтертыми о передникъ, пальцами кухарки, положила на край стола визитную карточку.

Г-жа Астье посмотрѣла карточку: „Виконтъ де-Фрейдэ“. Въ глазахъ ея сверкнула молнія.

— Такъ виконтъ де-Фрейдэ—въ Парижѣ? произнесла она серьёзнымъ тономъ, скрывавшимъ ея радость.

— Да, пріѣхалъ по поводу своей книги.

— Ахъ, Боже мой! его книга... А я-то еще и не разрѣзала ее... О чемъ тамъ говорится въ этой книгѣ?

Пока она доѣдала послѣдніе куски и полоскала кончики своихъ бѣлыхъ пальцевъ въ стаканѣ, мужъ, разсѣяннымъ тономъ, передавалъ ей нѣкоторыя свѣдѣнія о новой книгѣ Фрейдэ... Богъ въ природѣ, философская поэма... Ему хочется добиться преміи Буассо...

— Онъ ее получитъ, не правда ли? Надо, чтобы онъ ее получилъ... Они такъ милы, онъ и его сестра... Онъ такъ добръ къ бѣдной параличной страдалицѣ.

Астье сдѣлалъ неопредѣленно-уклончивый жестъ. Онъ не могъ ничего обѣщать навѣрное, но, конечно, будетъ рекомендовать Фрейдэ, который, какъ ему кажется, въ самомъ дѣлѣ, совершенствуется. „Мое личное мнѣніе—если онъ о немъ спроситъ—таково: въ книгѣ есть кое-что лишнее по-моему, но уже гораздо менѣе, нежели въ прежнихъ. И передайте ему, что его старый учитель доволенъ“.

Чего, это, было лишняго? чего гораздо менѣе? г-жа Астье, вѣроятно, знала, такъ какъ, не спрашивая никакихъ объясненій, она встала изъ-за стола и, веселая и довольная, прошла прямо въ кабинетъ, преобразованный, въ этотъ день, въ гостиную.

Леонаръ Астье, оставшійся въ столовой, казался все болѣе и болѣе озабоченнымъ; впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ медленно доканчивалъ по кусочкамъ лежавшій на тарелкѣ сыръ, затѣмъ, потревоженный въ своихъ размышленіяхъ Корантиной, которая принялась, не обращая ни малѣйшаго вниманія на него, поспѣшно убирать со стола, онъ тяжело поднялся и, забрав-

шись опять въ свою каморку, вновь взялся за лупу и за древній манускриптъ, изслѣдованіе котораго поглощало его съ самаго утра.

II.

Гэпъ!.. гэпъ!... Поль Астье быстро катитъ, высоко и ловко держа возжи, въ своемъ двухколесномъ кабріолетѣ, на таинственный дѣловой завтракъ: мелькаютъ и тянутся Понъ-Руаяль, набережныя, площадь Согласія Будь онъ хоть немного мечтателемъ, ему, среди этой декораціи террасъ, зелени и воды, могло бы казаться, что онъ несется на крыльяхъ фортуны—до такой степени безпрепятственно и прямо лежалъ передъ нимъ путь, такъ ярко и весело было утро; но молодой человѣкъ мало интересуется миѳологіей, его вниманіе сосредоточено на новой сбруѣ его лошади, онъ занятъ разговоромъ о конюшнѣ съ сидящимъ около него нагловатымъ грумомъ; это напоминаетъ ему еще объ одномъ изъ поставщиковъ, которому онъ долженъ. Затѣмъ, мысли его принимаютъ другое направленіе. Онъ думаетъ о томъ, что разсказывала ему мать. Пятьдесятъ три года, ей, прелестной Антоніи!.. Эта спина, эти плечи, безукоризненнѣйшій изъ всѣхъ декольтированныхъ бюстовъ сезона. Это невѣроятно!.. „Гэпъ!...“ Онъ вспоминаетъ, какъ онъ ее видѣлъ, однажды, прошлымъ лѣтомъ, въ Муссо: она встала, какъ-то, раньше всѣхъ и гуляла, съ своими собачками, еще по росѣ, волосы ея были распущены, губки такія свѣжія!... Конечно, она нисколько не была похожа на женщину „сфабрикованную“... вспомнилъ онъ также, какимъ уничтожающимъ взглядомъ его наградили, когда онъ, одинъ разъ, сидя около нея въ ландо, слегка коснулся длинной, стройной, упругой ноги, ноги Гебы,—этотъ взглядъ отогналъ его, какъ лакея! и чтобъ этой ногѣ было пятьдесятъ три года! никогда!... „Гэпъ! гэпъ! берегись же! Какъ неудобенъ тутъ этотъ поворотъ у rond point'а и улицы Антенъ... Да! но скверную штуку устраиваютъ этой бѣдной женщинѣ, что женятъ ея князя“.

„Тамъ, что ни говори m'man—а салонъ герцогини немало принесъ пользы намъ всѣмъ... Развѣ отецъ былъ бы академикомъ безъ ея помощи; а онъ самъ, всѣ эти заказы его... А Луазильоновское наслѣдство, перспектива получить ту прекрасную квартиру подъ куполомъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, эти женщины!... Ну и мужчины, тоже... Этотъ д'Атисъ, когда подумаешь, чего только она не сдѣлала для него... Познакомился онъ съ ней разореннымъ въ пухъ и прахъ, весь былъ тогда какимъ-то лохмотьемъ. Теперь же полномочный министръ, членъ Академіи нравственныхъ и поли-

тическихъ наукъ—въ награду за книгу, въ которой ни одно словечко не принадлежитъ ему: „Миссія женщины въ свѣтѣ!“ И пока она хлопочетъ, чтобы добыть ему должность посланника, онъ только ждетъ приказа въ „Оффиціальной газетѣ“, а затѣмъ—только его герцогиня и видѣла. Поступить съ ней такимъ образомъ послѣ пятнадцати лѣтъ безоблачнаго счастія! Да, вотъ одинъ изъ тѣхъ, который хорошо понялъ миссію женщины въ свѣтѣ!... Гэпъ! гэпъ!.., Отворите ворота пожалуйста!“ Монологъ былъ оконченъ; кабріолетъ остановился передъ однимъ изъ отелей улицы Курселль; медленно распахнулись тяжелыя створы воротъ, какъ бы давно потерявшихъ привычку и способность отворяться.

Тутъ жила княгиня Колетта Розенъ, запершаяся отъ всего свѣта и погрузившаяся въ свой трауръ послѣ трагическаго происшествія, сдѣлавшаго ее въ двадцать шесть лѣтъ вдовой. Въ современныхъ хроникахъ много говорилось о шумномъ отчаяніи молодой женщины, о томъ, какъ она отрѣзала и бросила въ гробъ мужа свои бѣлокурыя косы, какъ за ея одинокимъ столомъ всегда накрывалось два прибора, о томъ, какъ строго соблюдалось, чтобы трость, перчатки и шляпа князя постоянно лежали на своемъ мѣстѣ, какъ будто князь дома и сейчасъ выйдетъ. Но во всѣхъ этихъ подробныхъ свѣдѣніяхъ ни слова, однако, не было сказано о выказанной, при этихъ грустныхъ обстоятельствахъ, г-жею Астье „бѣдненькой княгинѣ“ нѣжной преданности и почти материнской заботливости.

Дружба между обѣими дамами возникла за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ; поводомъ послужила премія, которою Академія увѣнчала историческій трудъ князя Розена, причемъ Астье-Регю былъ докладчикомъ. Впрочемъ, разница въ возрастѣ и соціальномъ положеніи поддерживала между ними извѣстное разстояніе; но трауръ княгини уничтожилъ это разстояніе. Порвавъ, съ такимъ шумомъ, свои отношенія къ свѣту, княгиня сдѣлала исключеніе для г-жи Астье; только одна г-жа Астье имѣла право переступать порогъ отеля, превращеннаго въ монастырь, гдѣ проливала слезы бѣдная черная кармелитка, съ остриженной головой, только ей одной разрѣшалось присутствовать на служившихся въ церкви св. Филиппа, два раза въ недѣлю, панихидахъ по князѣ Гербертѣ, ей одной прочитывались письма, которыя Колетта писала каждый вечеръ своему дорогому, отсутствовавшему супругу, разсказывая ему въ нихъ всю свою жизнь, каждый часъ своего дня. Г-жа Астье избавила княгиню отъ всѣхъ тѣхъ подробностей въ траурѣ, которыя установлены свѣтомъ, но которыя оскорбляютъ чувства: она приняла на себя всѣ заказы для траурной обстановки, всѣ переговоры съ поставщиками и т. д. и взяла, даже, какъ бы подъ свою опеку, этотъ монументальный домъ и все хозяйство,

чтобы избавить молодую вдову отъ всего, что могло тревожить ее въ ея отчаяніи, могло мѣшать ей молиться, плакать, писать „туда“ и возить массы рѣдкихъ цвѣтовъ на кладбище Перъ-Лашеза, гдѣ Поль Астье руководилъ сооруженіемъ гигантскаго мавзолея, возводившагося, по желанію княгини, изъ камня, доставленнаго съ самаго мѣста несчастнаго событія.

Къ сожалѣнію, добыча и доставка далматскихъ глыбъ, трудно поддававшійся обдѣлкѣ гранитъ, затѣмъ, тысячи проектовъ, перемѣнчивые капризы вдовы, которая не находила ничего достаточно грандіознымъ, достаточно великолѣпнымъ и достойнымъ своего погибшаго героя,—все это причинило столько оттяжекъ и пріостановокъ, что въ маѣ 1880 года, ровно два года спустя послѣ катастрофы и начала работъ, монументъ не былъ еще оконченъ. Два года не малое время для такого демонстративнаго горя. Конечно, трауръ продолжалъ соблюдаться, по-прежнему, наружно во всей строгости, отель, по-прежнему, оставался мрачно безмолвнымъ и запертымъ, но, въ склепѣ, живую статую, распростертую въ молитвѣ и слезахъ замѣнила теперь молодая и хорошенькая женщина, волосы которой начинали уже отрастать, выбиваясь волнистыми прядями и бойкими завитками—къ жизни и ея радостямъ.

Эти вновь выросшіе бѣлокурые волосы какъ бы лишили вдовій трауръ его мрачности, онъ сталъ казаться чѣмъ-то въ родѣ элегантнаго каприза модницы; въ походкѣ, въ голосѣ княгини чувствовалось какое-то весеннее оживленіе, что-то улегшееся, мирное, что встрѣчается у молодыхъ вдовъ во второй періодъ ихъ траура. Очаровательное время для нихъ. Женщина впервые ощущаетъ всю прелесть свободы, полной власти надъ самой собой, которыя ей были дотолѣ неизвѣстны, потому что она, прямо изъ семейной среды, попала подъ ферулу мужа; она теперь избавлена отъ грубости мужчины и, въ особенности, отъ того дѣтскаго страха, этого страха въ самой любви, столь характеризующаго современную молодую женщину. Переходъ отъ чрезмѣрнаго горя къ полному успокоенію еще болѣе оттѣнялся тою обстановкой безутѣшнаго вдовства, которую княгиня Колетта продолжала еще поддерживать вокругъ себя; она это дѣлала не изъ притворства. Но какъ было, не возбуждая улыбки въ прислугѣ—отдать приказаніе убрать шляпу, ожидавшую въ передней, эту трость, стоявшую на самомъ видномъ мѣстѣ, этотъ приборъ для отсутствовавшаго; какъ было сказать: „князь не будетъ обѣдать дома сегодня“. Только мистическая корреспонденція, адресовывавшаяся „Герберту“, становилась день ото дня рѣже и, наконецъ, превратилась въ простой дневникъ, веденный въ довольно спокойномъ тонѣ и которымъ молча забавлялась умная пріятельница Колетты.

Дѣло въ томъ, что у г-жи Астье былъ свой планъ, возникшій въ ея солидной, маленькой головкѣ, когда, въ одинъ изъ вторниковъ она сидѣла въ ложѣ, въ Французскомъ театрѣ. Въ этотъ вечеръ князь д'Атисъ признался ей на ухо: „О! милая Адель, какъ мнѣ тяжело тащить это ядро!... какъ мнѣ надоѣло!...“ Она немедленно же задумала его женить на княгинѣ. Теперь г-жа Астье начала другую игру; она уже не говорила на темы о неразрывности разъ заключеннаго союза и перестала восторгаться мужественной красотой молодаго героя, изображенія котораго, во весь ростъ, поясныя, въ профиль, въ три четверти, въ видѣ портретовъ, въ видѣ бюстовъ, переполняли весь отель.

Незамѣтно, она теперь, съ тонкимъ вѣроломствомъ, начала собирать и подчеркивать недостатки Герберта, и, понемногу, заставила Колетту согласиться съ тѣмъ, что онъ, въ сущности, былъ порядочный солдатъ, что дворяниномъ его, скорѣе, можно было признавать только по имени, а не по манерамъ, что у него, конечно, не было того „вида вельможи“, какъ напримѣръ, у князя д'Атис'а, котораго, въ прошлое воскресенье, онѣ встрѣтили на паперти св. Филиппа. Она кончила тѣмъ, что прямо указала на него, какъ на жениха. Да и отъ чего бы нѣтъ? Бракъ вполнѣ подходящій: знатное имя, выдающееся положеніе въ дипломатіи и, даже не надо будетъ перемѣнять ни короны, ни титула, а это имѣетъ свои хозяйственныя удобства: „наконецъ, ma chère, скажу вамъ откровенно—онъ очень увлеченъ вами...“

Въ первую минуту эта фраза „объ увлеченіи его“ оскорбила княгиню, но, затѣмъ, она къ ней привыкла. Съ д'Атис'омъ, подъ великой тайной, встрѣчались въ церкви, въ Бонской улицѣ, и въ скоромъ времени Колетта сознавала уже, что только онъ одинъ былъ въ состояніи заставить ее нарушить ея вдовство... но... вѣдь ея бѣдный Розенъ любилъ ее такою преданною, такою вѣрною любовью!

— О! такою вѣрною любовью! возражала г-жа Астье, съ маленькой улыбочкой, которой такъ много говорилось и за которой слѣдовали намеки, полу-слова, и, какъ всегда вѣра одной женщины отравлялась другою. „Но, милый другъ, вѣрной любви не существуетъ и вѣрныхъ мужей... честные изъ нихъ, благовоспитанные, устраиваются такъ, чтобы не оскорблять гордости своихъ женъ, не унижать ихъ невѣрностью, не нарушать семейнаго спокойствія...“

— Такъ вы думаете, что Гербертъ?...

— Ахъ, Боже мой, онъ былъ такой же, какъ и всѣ другіе....

Княгиня сердилась, дулась, принималась плакать тѣми легкими слезами, безъ малѣйшей грусти, которыя только успокоиваютъ и освѣжаютъ женщину, какъ проливной дождь освѣжаетъ

лужайку. При всемъ томъ, однако, она не сдавалась, къ великой досадѣ г-жи Астье, которая была далека отъ настоящей причины.

А настоящая причина заключалась въ томъ, что Поль и Колетта, постоянно разсматривая проекты мавзолея, планы могильныхъ памятниковъ и статуй, слишкомъ часто проводили время вдвоемъ, наединѣ, надъ этими планами и чертежами, касаясь другъ друга руками, даже волосами; все это породило между ними родъ теплыхъ товарищескихъ отношеній, которыя вскорѣ приняли болѣе нѣжный характеръ и, наконецъ, однажды Поль уловилъ въ обращенномъ на него взглядѣ выраженіе, ясно говорившее о прихотливой склонности къ нему, понялъ въ этомъ взглядѣ почти признаніе.

Въ его головѣ мелькнула мысль о возможности осуществленія этой мечты, этого чуда: Колетта Розенъ выходитъ за него замужъ, приноситъ ему свои двадцать или тридцать милліоновъ. О! конечно, не теперь, не сейчасъ, а послѣ терпѣливаго ухаживанія, послѣ продолжительной, правильной осады. Прежде всего, надо было остерегаться m'man, очень искусной, очень ловкой, но грѣшившей чрезмѣрностью усердія, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло шло о ея Полѣ. Изъ желанія ускорить успѣхъ, она была бы въ состояніи испортить всѣ шансы.

Поль поэтому все скрылъ отъ г-жи Астье, не подозрѣвая, что она ведетъ контрмину по тому же направленію и противъ него; онъ шелъ къ своей цѣли одинъ, безъ помощниковъ, очень медленно, очень осторожно, очаровывая княгиню своей изящной молодой фигурой, своей веселостью, шутливымъ остроуміемъ, въ которое, однако, вложилъ много сдержанности, хорошо зная, что женщины, дѣти, народъ—вообще, наивныя, непосредственныя натуры терпѣть не могутъ иронiи, потому что она приводитъ ихъ въ смущеніе, потому что въ ней чувствуется врагъ всякаго энтузіазма, врагъ всего мечтательнаго, всего поэтическаго въ любви.

Въ это весеннее утро молодой Астье явился сюда съ большею увѣренностью, нежели обыкновенно; онъ былъ, впервые, приглашенъ завтракать въ отель Розенъ, подъ предлогомъ поѣздки вмѣстѣ на Перъ-Лашезъ, для осмотра работъ на мѣстѣ.

Выбрана была, по молчаливому согласію обоихъ, среда, пріемный день г-жи Астье, чтобы не брать ее съ собой, чтобы третье лицо не мѣшало; при входѣ, осторожный молодой человѣкъ, не взирая на всегдашнюю свою сдержанность, поддался охватившей его самоувѣренности и не утерпѣлъ, чтобы не бросить, съ нѣкоторой небрежностью, взгляда уже владѣльца на широкій дворъ, на великолѣпныя постройки, окружавшія его. Онъ принялъ холодный видъ, вступивъ въ переднюю, гдѣ швейцаръ и лакеи, въ глубокомъ траурѣ, дремали на скамейкахъ, какъ бы собранные

тутъ для дежурства при шляпѣ умершаго князя—великолѣпной сѣрой весенней шляпѣ, указывавшей на упорное желаніе княгини увѣковѣчить это воспоминаніе. Поль почувствовалъ нѣчто въ родѣ ревности, какъ бы при встрѣчѣ съ соперникомъ; онъ не могъ понять, почему Колеттѣ, самой поставившей себя въ это положеніе, такъ трудно избавиться отъ своего глубокаго траура. Разозленный, онъ внутренно спросилъ себя: „неужели она заставитъ меня завтракать съ нимъ?“—въ эту минуту, одинъ изъ слугъ, снимавшій съ него пальто и принимавшій его трость, доложилъ, что княгиня ожидаетъ его въ маленькомъ салонѣ.

Немедленно впущенный въ круглый, стеклянный салонъ, весь убранный зеленью рѣдкихъ растеній, онъ успокоился: завтракъ былъ сервированъ всего на два прибора, на маленькомъ столикѣ, около котораго хлопотала сама княгиня Розенъ.

— Мнѣ пришла въ голову фантазія—такое прелестное утро... мы будемъ какъ въ деревнѣ...

Она всю ночь обдумывала, какъ бы устроить, чтобы не завтракать съ этимъ красавцемъ передъ приборомъ „того“—и стѣснялась своихъ людей, рѣшила вдругъ, будто по капризу: „въ оранжереѣ“.

Дѣловой завтракъ имѣлъ очень привлекательный видъ; изъза папортниковъ и другихъ растеній, на маленькой скалѣ, выглядывала бѣлая романея, поставленная на холодокъ; солнце играло на грани хрусталя, на зеленомъ лакѣ листвы и—тутъ же, молодая пара, сидѣвшая другъ противъ друга, почти касаясь другъ друга; онъ—сдержанный и спокойный, съ своими блестящими и холодными глазами, она—вся розовая и бѣлокурая, съ отросшими, тонкими вьющимися волосами, обозначавшими форму красивой ея головки, и не тронутыми еще рукой куаффера. Они говорили о постороннихъ предметахъ, какъ бы обходя одну и ту же мысль, одно и то же чувство, которое говорило въ обоихъ. Поль, съ тайнымъ торжествомъ, замѣтилъ сквозь отворявшіяся безшумной прислугой двери въ столовую, что тамъ стоялъ приборъ умершаго, въ первый разъ осужденный на одиночество.

III.

Жерменѣ де-Фрейдэ
Кло-Жаллянжъ
Чрезъ Муссо
(Луара-и-Шера).

Посылаю тебѣ, дорогая сестра, точный отчетъ о моемъ пребываніи въ Парижѣ. Я думаю писать его каждый вечеръ и посылать два раза въ недѣлю, все время, что тутъ пробуду.

Итакъ, прибылъ я сегодня утромъ, въ понедѣльникъ. Остановился, какъ всегда, въ спокойной гостинницѣ улицы Сервандони, гдѣ изъ шума великаго Парижа слышны только звонъ колоколовъ св. Сюльпиція, да не перестающій гулъ сосѣдней кузницы; я люблю эти равномѣрные удары по желѣзу, они напоминаютъ мнѣ деревню. Немедленно же побѣжалъ къ издателю: „Когда появляется?“

— Ваша книга? да она уже восемь дней какъ появилась.

Появилась — и даже успѣла и исчезнуть въ этой ужасающей фабрикѣ Манивэ, постоянно дымящейся, постоянно полной лихорадочной дѣятельности, постоянно въ погонѣ за какой-нибудь новой книгой.

Какъ разъ въ этотъ понедѣльникъ происходилъ шумный выпускъ большаго тома Гершéра: „Фавнесса“, напечатаннаго не задолго въ сколькихъ-то десяткахъ тысячъ экземпляровъ и наваленнаго цѣлыми столбами и кипами по всему пространству магазина; ты можешь вообразить разсѣянный видъ приказчиковъ и растерянность милѣйшаго Манивэ, будто упавшаго съ луны,— когда я съ ними заговорилъ о моемъ бѣдномъ томикѣ стиховъ, о надеждахъ и шансахъ на полученіе преміи Буассо. Спросивъ нѣсколько экземпляровъ для членовъ коммиссіи, я выбѣжалъ оттуда, лавируя по цѣлымъ улицамъ, настоящимъ улицамъ, которыя образовали томы „Фавнессы“, нагроможденные до самаго потолка. Въ каретѣ разсматривалъ, перелистывалъ томикъ, серьезность заглавія котораго—„Богъ въ природѣ“—мнѣ очень понравилась; правда, внимательно осмотрѣвши и по нѣкоторомъ размышленіи, буквы заглавія мнѣ показались нѣсколько тощими, не достаточно черными, мало бросающимися въ глаза, но, ничего! твое хорошенькое имя Жермены, стоящее въ посвященіи, принесетъ намъ счастіе. Два экземпляра оставилъ въ Бонской улицѣ, у Астье, которые, какъ тебѣ извѣстно, живутъ уже не въ прежней квартирѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; г-жа Астье, однако, и теперь, принимаетъ по средамъ. До среды и откладываю свой визитъ, чтобы узнать—что профессоръ думаетъ о моемъ произведеніи; и лечу дальше, въ Институтъ, куда попадаю въ такую минуту, когда заводъ работаетъ на всѣхъ парахъ.

Дѣятельность этого Парижа, въ самомъ дѣлѣ, изумительна, особенно для людей, въ родѣ насъ, проводящихъ цѣлые годы въ тишинѣ и просторѣ полей. Нашелъ Пшраля, помнишь, того господина, служащаго въ секретаріатѣ, такого вѣжливаго. Онъ тебя еще такъ удобно помѣстилъ три года назадъ на засѣданіи, въ которомъ разсматривался вопросъ о присужденіи мнѣ преміи,— нашелъ его и его помощниковъ среди хаоса именъ, адресовъ, перебрасывающихся съ одного бюро на другое, заваленныхъ си-

ними, желтыми, зелеными карточками: на трибуны, боковыя галлереи, въ амфитеатръ, входъ А, входъ Б; они, съ горячечной поспѣшностью, работали надъ разсылкой приглашеній на годичное большое засѣданіе, которое почтитъ на этотъ разъ его высочество Великій Герцогъ Леопольдъ. „Очень жалѣю, г-нъ виконтъ...“ Пишраль всегда такъ именуетъ меня—традиція, оставшаяся, конечно, съ Шатобріона... Но, приходится ждать... Ничего, ничего, г-нъ Пишраль.

Презабавный чудакъ, и чрезвычайно вѣжливый; онъ мнѣ напоминаетъ Бонкара, на урокахъ хорошихъ манеръ, въ крытой галлереѣ, у нашей бабушки де-Жалляжъ, и такой же вспыльчивый, какъ нашъ учитель танцевъ, когда ему противорѣчишь. Я бы очень желалъ, чтобы ты видѣла, какъ онъ обошелся съ графомъ де-Бретиньи, бывшимъ министромъ и однимъ изъ вельможъ Академіи, когда тотъ — пока я ждалъ — получалъ жетоны. Надо тебѣ сказать, что за каждый жетонъ на присутствованіе въ академическихъ засѣданіяхъ выдаютъ шесть франковъ, соотвѣтственно прежней монетѣ — экю въ шесть ливровъ; ихъ сорокъ академиковъ, значитъ, въ засѣданіе приходится дѣлить двѣсти сорокъ франковъ между присутствовавшими, причемъ доля каждаго изъ нихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе ихъ засѣдало. Выдача производится ежемѣсячно звонкой монетой, приносимой въ мѣшечкахъ изъ толстой бумаги, съ приколотыми къ нимъ этикетами, напоминающими счеты прачекъ. Оказалось, что разсчетъ для Бретиньи сдѣланъ невѣрно, ему недоставало двухъ жетоновъ; необыкновенно смѣшно было видѣть, какъ этотъ богатѣйшій богачъ, президентъ множества административныхъ совѣтовъ, пріѣхалъ въ своемъ экипажѣ требовать свои двѣнадцать франковъ. Но онъ получилъ всего только шесть: послѣ продолжительныхъ споровъ, Пишраль бросилъ ему ихъ, какъ бросаютъ посыльному его плату; что́ не помѣшало, однако, „безсмертному“ завладѣть ими и сунуть въ карманъ съ нескрываемой радостью. Такъ пріятны деньги, заработанныя въ потѣ лица своего!.. Несправедливо было бы думать, что въ Академіи ничего не дѣлаютъ— а чтеніе этой массы сочиненій, составленіе докладовъ, а словарь, а рѣчи!.. „Оставьте вашу книгу, но сами не показывайтесь“, сказалъ мнѣ Пишраль, узнавъ, что я принимаю участіе въ конкурсѣ... Эта недобровольная обуза, которую нашимъ гг. академикамъ приходится принимать на себя, ихъ чрезвычайно обозляетъ противъ ходатаевъ.

И правда, я припоминаю пріемъ, сдѣланный мнѣ Рипо-Бабеномъ и Ланнбуаромъ, когда я явился къ нимъ по поводу послѣдней преміи моей. Однако, дѣло происходитъ совершенно иначе если приходитъ хорошенькая женщина: Ланибуаръ становится

игривымъ; Рипо-Бабенъ, всегда пылкій, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, предлагаетъ кандидаткѣ свои лепешечки и, при этомъ, шамкаетъ: „коснитесь вашими губками... я доѣмъ“. Мнѣ это разсказывали въ секретаріатѣ, гдѣ съ „безсмертными“ не церемонятся. „Премія Буассо? позвольте, позвольте... да, у васъ тамъ два герцога, три книжника, два комедіанта“ такъ, на интимномъ языкѣ канцеляріи, подраздѣляются члены французской Академіи, герцоги—это дворяне, епископы, книжники—профессоры и, вообще, различные ученые; комедіанты—адвокаты, театральные дѣятели, журналисты и романисты.

Получивъ адреса моихъ книжниковъ, герцоговъ и комедіантовъ, я поднесъ одинъ изъ томиковъ Пишралю, другой бѣдному Луазильону, безсмѣнному секретарю, совсѣмъ, говорятъ, уже умирающему, и затѣмъ отправился остальные развозить по разнымъ концамъ Парижа. Погода была великолѣпная, Булонскій лѣсъ, которымъ я проѣхалъ, возвращаясь отъ Рипо-Бабена весь благоухалъ боярышникомъ и фіалками; мнѣ казалось, что я дома, у насъ, въ эти первые дни ранней весны, когда воздухъ слишкомъ свѣжъ, а солнце слишкомъ печетъ, и у меня явилось желаніе бросить все и возвратиться въ Жаллянжъ, къ тебѣ. Пообѣдалъ на бульварѣ совершенно одинъ, и очень меланхолично; вечеръ закончилъ во Французскомъ театрѣ, гдѣ давали „Послѣдняго Фронтэна“ Дэминьера. Онъ—одинъ изъ моихъ судей по преміи Буассо, а потому тебѣ только одной и признаюсь, какъ скучны его стихи. Отъ жары, отъ газа, кровь прилила мнѣ къ головѣ. Всѣ эти комедіанты играли точно въ присутствіи Великаго Короля. А меня — пока они тянули александрійскія вирши, похожія на безконечныя повязки муміи, которую развертываютъ—меня все преслѣдовалъ ароматъ свѣжаго терновника нашего Жаллянжа и я декламировалъ, про себя, прелестную піесу дю-Беллей: „Мнѣ больше по душѣ грифельныя плиты крышъ роднаго села, нежели суровый мраморъ, я больше люблю мою Галльскую Луару, нежели Латинскій Тибръ, мой маленькій Лиръ дороже мнѣ Палатинскаго холма и мягкій воздухъ родины — свѣжаго морскаго вѣтра“.

Вторникъ. Все утро въ разъѣздахъ по Парижу; остановки передъ книжными магазинами, чтобъ видѣть свою книгу въ витринахъ. „Фавнесса“.. „Фавнесса“... повсюду она одна и лѣзетъ въ глаза, съ этикетомъ: „только-что появилась“, и лишь кое-гдѣ, изрѣдка, увидишь мой бѣдный томикъ „Богъ въ природѣ“, прячущійся за другими книгами. Когда въ магазинѣ не замѣчали за мной, я его вытаскивалъ и клалъ на груды другихъ книгъ, на самое видное мѣсто, но никто не останавливался... А, впрочемъ, да! — на Итальянскомъ бульварѣ одинъ господинъ, очень

приличный на видъ, съ умнымъ лицомъ... Минутъ пять онъ разсматривалъ мою книгу, перелистывалъ ее, но ушелъ, не купивъ ея. Меня взяло, было, желаніе подарить ее ему...

За завтракомъ — въ уголку, въ англійской таверн'ѣ, перечиталъ всѣ газеты. Обо мнѣ ни слова, даже ни малѣйшаго объявленія. Этотъ Маннвэ такой небрежный; хотя онъ и клянется, что разослалъ мою книгу, да такъ ли это? Впрочемъ, книгъ появляется такая масса, Парижъ ими наводненъ. А грустно какъ-то видѣть, что эти стихи, которые мнѣ сердце жгли, когда я ихъ писалъ, въ лихорадочномъ восторгѣ вдохновенія, что стихи, которые казались мнѣ великолѣпными и, думалось мнѣ, наполнятъ собою, озарятъ весь міръ—лежатъ теперь пренебреженные еще болѣе, нежели были тогда, когда смутно носились въ моемъ мозгу; они напоминаютъ мнѣ обыкновенную исторію бальнаго туалета, отъ котораго дома приходитъ въ восхищеніе все семейство, увѣренное, что онъ затмитъ всѣ остальные, но который, при яркомъ освѣщеніи бальной залы, совершенно пропадаетъ въ толпѣ.

О! счастливецъ этотъ Гершёръ. Его читаютъ, его понимаютъ. Я встрѣтилъ многихъ дамъ, съ его желтымъ томикомъ въ рукахъ... Да! въ томъ бѣда наша, что ни дѣлай—уединись отъ толпы, становись выше ея, а все же только вѣдь для нея и пишешь. Еслибъ Робинзонъ, отдѣленный отъ всего свѣта на своемъ пустынномъ островѣ, и потерявшій надежду когда-либо увидѣть на горизонтѣ спасительный парусъ, и былъ великимъ поэтическимъ геніемъ—развѣ онъ могъ бы писать стихи? Долго размышлялъ я на эту тему, слоняясь по Елисейскимъ полямъ и затерянный какъ моя книга, среди громаднаго, равнодушнаго Парижскаго моря.

Возвращаясь—конечно, въ самомъ дурномъ настроеніи духа—въ свою гостиницу обѣдать, я наткнулся, на набережной Орсэ, у зеленѣющихъ развалинъ Счетной Палаты, на огромнаго и очень разсѣяннаго человѣка. —„Фрейдэ! Ведрёнъ!“ Ты, вѣроятно, не забыла, моего друга—скульптора Ведрёна, который, во время своихъ работъ въ Муссо, пріѣзжалъ къ намъ, въ Кло-Жалльянжъ, съ своей молодой и прелестной женой. Онъ нисколько не измѣнился, только волосы на вискахъ немного посѣдѣли. Ведя за руку того красиваго ребенка, съ лихорадочными глазами, которымъ ты такъ любовалась, Ведрёнъ шелъ, высоко держа голову, сопровождая рѣчь своимъ медленнымъ, выразительнымъ жестомъ; онъ возвращался съ прогулки; позади, въ нѣкоторомъ разстояніи, г-жа Ведрёнъ везла передъ собою колясочку, съ маленькой хохотуньей дочкой, родившейся у нихъ послѣ ихъ поѣздки въ Турэнь.

— „У нея трое дѣтей, считая меня въ томъ числѣ“, сказалъ мнѣ Ведрёнъ, указывая на жену, и, въ самомъ дѣлѣ—во взглядѣ, который она обращаетъ на своего мужа, читается выра-

женіе спокойнаго и нѣжнаго материнскаго чувства фламандской Мадонны. Довольно долго разговаривалъ я съ ними, стоя, опершись на парапетъ набережной; мнѣ такъ было хорошо въ обществѣ этихъ милыхъ людей. Ведренъ совершенно равнодушенъ ко всякимъ успѣхамъ, и къ публикѣ, и къ академическимъ преміямъ. При своихъ родственныхъ связяхъ—онъ въ родствѣ съ Луазиль-онами, съ барономъ Кушнаромъ—ему стоило бы только пожелать, и онъ получилъ бы заказы, двухгодичную премію и завтра же былъ бы принятъ въ Институтъ. Но его ничто не соблазняетъ, даже слава. „Я испробовалъ славу два или три раза, сказалъ онъ—знаю, что это такое... Случалось ли тебѣ, когда куришь, вложить себѣ въ ротъ сигару не тѣмъ концомъ, ну! вотъ тебѣ и слава. Зажженный конецъ сигары во-рту и немного горькаго пеплу...“

— Но, однако Ведренъ, если ты работаешь не для славы, не для денегъ...

— О! ну ужь это...

— Ну да, мнѣ извѣстно твое презрѣніе... но, въ такомъ случаѣ, для чего же ты такъ много трудишься?

— Для самого себя, для собственнаго наслажденія, изъ потребности создавать, высказываться.

Очевидно, что онъ, сидя и на пустынномъ островѣ, продолжалъ бы свою работу. Это настоящій артистъ, съ возбужденнымъ, постоянно ищущимъ новыхъ формъ, воображеніемъ, а въ свободное отъ своего постояннаго дѣла время, пробуетъ удовлетворить своему творческому вкусу при помощи другихъ матеріаловъ. Кромѣ скульптуры онъ занимался и лѣпкой изъ глины, дѣлалъ эмалевыя вещи; прекрасныя мозаики въ одной изъ залъ Муссо—его произведеніе. Затѣмъ, когда работа окончена, трудность побѣждена, онъ переходитъ къ другой: его теперешняя мечта попытать свои силы въ живописи и какъ только онъ закончитъ своего Паладина—огромная бронзовая фигура для могилы Розена, немедленно примется „за масло“, какъ онъ выражается. Его жена одобряетъ его всегда во всемъ, сочувствуетъ ему во всѣхъ его химерахъ, настоящая жена артиста, молчаливая, любующаяся своимъ мужемъ, его твореніями, оберегающая этого взрослаго ребенка отъ всего, что оскорбило бы его мечту, что задерживало бы его въ артистическомъ его шествіи. Эта женщина, милая моя Жермена, внушаетъ желаніе жениться и, найди я такую, я ее привезъ бы въ Кло-Жаллянжъ и, увѣренъ, что ты бы ее полюбила, но, не пугайся, г-жа Ведренъ рѣдкій экземпляръ, а потому, мы будемъ продолжать жить съ тобой вдвоемъ, какъ теперь, до самаго конца жизни.

Мы разстались, условившись свидѣться въ слѣдующій четвергъ, не у нихъ въ Нельи, а въ мастерской на набережной

Орсэ, гдѣ они проводятъ день всѣ вмѣстѣ. Мастерская эта, повидимому—нѣчто необычайное: уголокъ бывшей Счетной Палаты, гдѣ скульптору разрѣшено работать среди разросшейся дикой зелени и осыпающихся развалинъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ—тихо подвигалась впередъ семья—отецъ, мать, дѣти—освѣщенные мирнымъ закатомъ... Вечеромъ, въ своемъ номерѣ, набросалъ я стихи на этотъ сюжетъ; но сосѣди стѣсняютъ меня, не рѣшаюсь декламировать вслухъ. Мнѣ нужны мой большой кабинетъ въ Жалляжѣ, мои три окна на рѣку и склоны, покрытые виноградниками.

А, вотъ, наконецъ, и среда, великій день и великія новости, которыя сообщу тебѣ во всей подробности. Признаюсь тебѣ, своего визита къ Астье я ждалъ съ большимъ волненіемъ, усиливавшимся, сегодня, по мѣрѣ того, какъ я подымался по этой старинной, величественной и сырой лѣстницѣ въ Бонской улицѣ. Что скажутъ мнѣ о моей книгѣ? Имѣлъ ли мой учитель Астье время хоть открыть-то ее? Для меня очень важно мнѣніе этого прекраснаго человѣка, сохранившаго въ моихъ глазахъ обаяніе профессора на его каѳедрѣ и передъ которымъ я всегда буду себя чувствовать школьникомъ. Его безпристрастное и справедливое сужденіе послужитъ, несомнѣнно, Академіи основаніемъ для ея заключенія въ вопросѣ о назначеніи преміи Буассо. И съ какимъ же боязливымъ нетерпѣніемъ я ждалъ въ большомъ рабочемъ кабинетѣ, который его хозяинъ уступаетъ своей женѣ въ пріемные дни!

Да! тутъ вовсе не такъ, какъ было въ его квартирѣ въ министерствѣ. Столъ историка передвинутъ въ уголъ и скрытъ большими, обитыми старинной матеріей, ширмами, маскирующими также и часть шкапа съ книгами. Прямо напротивъ, на почетномъ мѣстѣ, портретъ г-жи Астье, еще молодой женщины, поражающей своимъ сходствомъ съ сыномъ, а также и съ старикомъ Регю, съ которымъ я имѣлъ, засимъ, честь познакомиться. Въ портретѣ есть, однако, что-то грустное, холодное, что-то навощеное, какъ въ этой большой комнатѣ безъ ковровъ, задрапированной темными занавѣсями, скрывающими отъ глазъ еще болѣе темный дворъ. Но—вотъ—вошла г-жа Астье и ея ласковый пріемъ озаряетъ все вокругъ ея. Что такое есть въ парижскомъ воздухѣ, что сохраняетъ свѣжесть и привлекательность женскаго лица, не смотря на ея возрастъ, точно пастельный рисунокъ подъ стекломъ? Я нашелъ эту тонкую, стройную блондинку, съ свѣтлыми глазами, помолодѣвшею на три года. Прежде всего, она заговорила о тебѣ, о твоемъ дорогомъ здоровьи, интересуясь нашимъ братскимъ житьемъ и хозяйствомъ съ тобой, затѣмъ, съ большой живостью: „А ваша книга?“—сказала она—„поговоримъ о вашей книгѣ!.. Какое вели-

колѣніе! Я провела надъ ней цѣлую ночь...“ Тутъ послѣдовали тысячи деликатнѣйшихъ похвалъ, два или три стиха, произнесенные съ вполнѣ вѣрной интонаціей. Она увѣряетъ, что г. Астье въ восторгѣ; онъ поручилъ ей передать это мнѣ, въ случаѣ, если ему нельзя будетъ оставить занятія въ своемъ архивѣ.

Всегда краснѣющій, я, вѣроятно, сдѣлался пунцовымъ, какъ послѣ охотничьяго обѣда, но моя радость скоро стихла, когда бѣдная женщина разсказала мнѣ о своемъ тяжеломъ положеніи.

Денежныя потери; немилость ихъ постигшая! профессоръ хотя и работаетъ напролетъ всѣ дни и ночи надъ своими историческими книгами, но трудъ это медленный, дорого обходящійся, а въ публикѣ онъ не расходится. Кромѣ того, надо помогать дѣду, старику Регю — всѣ его средства заключаются, вѣдь только, въ жетонахъ, а въ его возрастѣ—девяносто восемь лѣтъ - его надо и беречь, и баловать. Конечно, Поль хорошій сынъ, работникъ, уже на виду, но при какихъ ужасныхъ обстоятельствахъ начинается его карьера! Но г-жа Астье скрываетъ ихъ нищету и отъ него, бѣднаго дорогаго великаго труженика и ученаго, тяжелые и спокойные шаги котораго я слышалъ надъ своей головой въ то время, и пріискивая неподдающіяся слова, срывая ихъ съ своего языка, она просила—не могу ли я... О! божественное созданіе, я бы желалъ поцѣловать край ея платья... Ты понимаешь теперь, дорогая сестра, мою депешу, а также—для кого я прошу скорѣе выслать мнѣ десять тысячъ франковъ. Ты, вѣроятно, немедленно послала къ Гобино. Я не обратился прямо къ нему, потому что у насъ съ тобой все общее—общіе у насъ, слѣдовательно, и порывы великодушія и жалости. Но, другъ мой, не страшно ли подумать, что за великолѣпной, блестящей парижской внѣшностью кроются такія страданія!

Пять минутъ спустя послѣ этихъ раздирающихъ признаній, когда салонъ наполнился гостями, г-жа Астье разговаривала, отвѣчала направо и налѣво съ такимъ самообладаніемъ и свободой, съ такимъ счастливымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ, что меня проняла дрожь. Видѣлъ тамъ жену безсмѣннаго секретаря, г-жу Луазильонъ, и нашелъ, что ей скорѣе слѣдовало бы сидѣть около больнаго мужа, нежели надоѣдать свѣту своими разсказами о ея прелестной квартирѣ,—самой удобной во всемъ Институтѣ, въ которой теперь тремя комнатами больше, нежели было при Вильменѣ. Разъ десять повторила она это своимъ рѣзкимъ голосомъ и, къ тому же еще, въ присутствіи пріятельницы, кое-какъ помѣщающейся въ тѣснотѣ бывшаго табль-д'ота.

Ничего подобнаго нельзя ожидать отъ г-жи Анселенъ — имя, часто встрѣчающееся на страницахъ свѣтскихъ журналовъ; эта

добрая, толстая дама, совершенно круглая, съ красноватой физіономіей, всюду собирающая и разносящая всякое новое, острое словцо,—очень привѣтливая и внимательная женщина. Эта—тоже провела безсонную ночь за моей книгой. Впрочемъ, очень можетъ быть, это не болѣе, какъ общепринятый и общеупотребительный комплиментъ, установленная формула. Она мнѣ гостепріимно отворила двери своего салона, одного изъ трехъ, гдѣ собирается и ажитируется Академія. Пираль сказалъ бы, что г-жа Анселенъ, обожающая театръ, охотнѣе принимаетъ комедіантовъ, г-жа Астье—профессоровъ и ученыхъ, а герцогиня Падовани завладѣла герцогами, дворянствомъ Института. Но, вообще, эти три центра славы и интриги сообщаются между собой. Такъ, въ среду, въ Бонской улицѣ я видѣлъ самый разнообразный составъ „безсмертныхъ“ всевозможныхъ категорій, тутъ были: драматическій авторъ Данжу, Руссъ, Буассье, Дюма, де-Бретиньи, баронъ Гюшнаръ, членъ Академіи надписей, князь д'Атисъ, членъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Теперь формируется еще одинъ, четвертый салонъ—г-жи Эвиза, еврейки, съ полными щеками и продолговатыми, узкими глазами; она страшно кокетничаетъ со всѣмъ Институтомъ, котораго носитъ даже и цвѣта, зеленое шитье на своей весенней кофточкѣ и маленькой шляпкѣ, украшенной крыльями падуцея. Ея кокетство доходитъ, просто, до неприличія... Я слышалъ, напримѣръ, что она сказала Данжу, приглашая его:

— Когда г-жа Анселенъ зоветъ къ себѣ, это значитъ—„пріѣзжайте обѣдать“; когда приглашаю я, это значитъ: „пріѣзжайте, васъ любятъ“.

— Мнѣ нужно и то, и другое... при готовыхъ квартирѣ и столѣ, холодно отвѣтилъ Данжу, котораго я считаю совершеннѣйшимъ циникомъ, подъ маской суроваго, неподвижнаго лица и его густой, черной, какъ у пастуха Лаціума, щетины. Г-жа Эвиза прекрасная разсказчица, непобѣдимая и непоколебимая въ своей эрудиціи. Барону Гюшнару она привела цѣлыя фразы изъ его „Обитателей пещеръ“, потомъ заспорила о Шеллеѣ съ очень юнымъ рецензентомъ какого-то обозрѣнія, имѣвшемъ весьма серьезный видъ въ своихъ высокихъ бѣлыхъ воротничкахъ, уходившихъ подъ остроконечный подбородокъ.

Во времена моей юности, молодые люди дебютировали стихами, какую бы карьеру ни выбрали, поступали ли они въ министерства, посвящали ли себя прозѣ или адвокатурѣ. Теперь же они начинаютъ критикой и, обыкновенно, этюдомъ о Шеллеѣ. Г-жа Астье познакомила меня съ этимъ юношей, рецензіямъ котораго придается нѣкоторое значеніе въ литературномъ мірѣ, но, вѣроятно, мои усы и мое загорѣлое лицо солдата-земледѣльца ему не понравились—мы еле обмѣнялись нѣсколькими словами, и мое вни-

маніе сосредоточилось на созерцаніи комедіи, разыгрывавшейся предо мной кандидатами, явившимися сюда позондировать почву, такъ какъ Рипо-Бабенъ старъ, а Луазильонъ не можетъ прожить долго: два кресла, вокругъ которыхъ происходитъ обмѣнъ злобныхъ взглядовъ, ядовитыхъ препирательствъ.

И Дальзонъ, знаешь,—твой романистъ—былъ тоже тамъ; это доброе, открытое и остроумное лицо, вполнѣ соотвѣтствуетъ его таланту. Но—тебѣ было бы больно видѣть—какъ онъ унижался и разсыпался предъ такимъ ничтожествомъ, какъ Бретиньи, никогда ничего не дѣлавшимъ и занимающимъ въ Академіи мѣсто „свѣтскаго человѣка“, нѣчто въ родѣ мѣста, какое въ провинціи, въ Крещеніе, оставляется за столомъ для „бѣднаго“; Дальзонъ увивался не только около Бретиньи, но вокругъ всякаго изъ появлявшихся академиковъ, съ величайшимъ вниманіемъ выслушивая анекдоты старика Регю, заливаясь смѣхомъ при малѣйшей шуткѣ Данжу, подлымъ, школьническимъ смѣхомъ, который Ведренъ прозвалъ въ коллегіи Людовика „смѣхомъ для профессора“. Все это для того, чтобы вмѣсто двѣнадцати голосовъ, полученныхъ имъ въ прошломъ году, добиться необходимаго большинства.

Старикъ Жанъ-Регю пробылъ у своей внучки недолго; очень, очень маленькое, все сморщенное, лицо, обрамленное короткой пушистой бородкой, напоминающей мохъ на старомъ, осыпающемся камнѣ; но онъ еще довольно свѣжъ и, затянутый въ длиннополый сюртукъ, держится прямо. Взглядъ его глазъ живой и быстрый, память прекрасная, но развивающаяся глухота его сильно печалитъ, мѣшая участвовать въ разговорахъ, заставляя ограничиваться произнесеніемъ монологовъ, полныхъ интересныхъ личныхъ воспоминаній. Сегодня онъ передалъ намъ подробности о домашней жизни императрицы Жозефины (его землячки, какъ онъ ее называетъ—они креолы съ о. Мартиники) въ Мальмезонѣ и показалъ намъ ее въ ея мусслинахъ и шаляхъ, раздушенной, до одуренія, musc'омъ, окруженной тропическими колоніальными растеніями, доставку которыхъ непріятельскіе флоты, съ большою предупредительностію, пропускали во время войны. Потомъ разсказывалъ о мастерской Давида, въ эпоху консульства, изображая, при этомъ, въ лицахъ, самаго художника, съ его вздутой щекой, кривымъ ртомъ, наполненнымъ кашкой, и его грубымъ обращеніемъ съ учениками, которымъ онъ говорилъ „ты“. И всякій разъ, по окончаніи каждаго разсказа, старикъ, очевидецъ стольких событій, кивнетъ головой, задумается и, своимъ громкимъ голосомъ, кричитъ: „Да, я видѣлъ все это...“ какъ бы ставя надпись внизу картины.

Надо тебѣ сказать, что, кромѣ Дальзона, разыгрывавшаго при-

творно внимательнаго, во всемъ салонѣ только я одинъ съ интересомъ слушалъ разсказы этого патріарха; для меня они любопытны гораздо болѣе, нежели исторійки какого-то Гаво, журналиста и корреспондента иностранныхъ газетъ, хорошенько не знаю какихъ, болтуна ужаснаго и всезнайки. Какъ только онъ вошелъ: „А! вотъ Гаво... Гаво...“ и все это столпилось вокругъ него, поднялись смѣхъ и веселье; самый насупленный изъ „безсмертныхъ“ слушаетъ съ наслажденіемъ анекдоты этого толстяка, съ круглой, чисто выбритой физіономіей, круглыми, какъ биллiардные шары глазами, смахивающаго на католическаго каноника; въ свои разсказы и рѣчи онъ постоянно вплетаетъ вставки въ родѣ: „Вчера я объ этомъ говорилъ Брелю... Дюма разсказывалъ мнѣ въ тотъ вечеръ... Это я слышалъ отъ герцогини...“, постоянно ссылается на самыя громкія имена, на первѣйшія знаменитости; дамы отъ него въ восторгѣ, онъ ихъ знакомитъ съ всѣми академическими, дипломатическими, литературными и свѣтскими интригами; друженъ съ Данжу, который съ нимъ на „ты“, близокъ съ княземъ д'Атис'омъ, вмѣстѣ съ которымъ и вошелъ; Дальзона и юнаго критика поэта Шеллея третируетъ свысока; однимъ словомъ, видно, что пользуется, непонятными для меня, авторитетомъ и вліяніемъ.

— Кто этотъ Гаво? чѣмъ онъ занимается? спросилъ я г-жу Анселенъ, сидѣвшую со мной рядомъ.

Добрая женщина остолбенѣла отъ изумленія.

— Гаво?.. не знаете?.. Это зеврь герцогини... Затѣмъ, она вскочила и побѣжала за Данжу, оставивъ меня въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Этотъ Парижскій свѣтъ удивителенъ—его словарь измѣняется съ каждымъ сезономъ. Зеврь, зеврь! Да что же это значитъ? что хотятъ этимъ сказать? замѣчаю, однако, что пребываніе затянулось дольше, нежели позволяютъ приличія и что мой учитель Астье не идетъ. Пора уходить. Проскальзываю между креслами, чтобы проститься съ хозяйкой дома; мимоходомъ, вижу, какъ m-lle Мозеръ о чемъ-то упрашиваетъ де-Бретиньи, стоя такъ близко къ нему, что кажется, будто льетъ слезы прямо на его бѣлый жилетъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ бѣдный Мозеръ поставилъ свою кандидатуру и, придя въ отчаяніе, самъ уже не осмѣливается показываться, а посылаетъ дочь свою, дѣвицу уже зрѣлую, некрасивую — которая, уподобившись въ любви къ отцу классической Антигонѣ, хлопочетъ, лазитъ по всѣмъ лѣстницамъ, бѣгаетъ, какъ посыльный, по всевозможнымъ порученіямъ академиковъ и ихъ женъ, ухаживаетъ за ними во время ихъ ревматическихъ припадковъ, держитъ корректуры, проводитъ всю свою невеселую жизнь старой дѣвы въ погонѣ за академическимъ кресломъ, котораго ея отцу не добиться никогда; вся въ черномъ, съ скромнымъ видомъ, дурно причесанная, она мѣшала пройдти, стоя

у двери. Неподалеку Дальзонъ, очень встревоженный, отбивался отъ двухъ академиковъ, глядѣвшихъ съ выраженіемъ судейской суровости на лицахъ; онъ увѣрялъ сдавленнымъ голосомъ:

— „Неправда... это подлая клевета! Я никогда не писалъ этого!...“ Еще тайна!... Г-жа Астье, которая могла бы объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло, сама занята какимъ-то секретнымъ разговоромъ съ Гаво и княземъ д'Ати'сомъ.

Ты, вѣроятно, видѣла въ Муссо, въ каретѣ, рядомъ съ герцогиней, этого д'Атис'а, Сами, какъ его называютъ—длиннаго, худощаваго, съ совсѣмъ прямымъ, бѣлымъ какъ воскъ лицомъ и черной бородой, спускающейся до середины груди, точно всѣ недостающіе ему на черепѣ волосы попали въ его бороду; этотъ человѣкъ очень молчаливъ, а когда смотритъ на кого, то съ такимъ выраженіемъ, будто его скандализируетъ, что осмѣливаются дышать однимъ воздухомъ съ нимъ. Полномочный министръ, чрезвычайно сдержанный, тонкій, съ холодной англійской внѣшностью—онъ внучатый племянникъ лорда Пальмерстона—князь д'Атисъ высоко цѣнится въ Институтѣ и на Орсэйской набережной. Это, говорятъ, единственный изъ нашихъ дипломатовъ, которому Бисмаркъ никогда не смѣлъ прямо взглянуть въ глаза. По слухамъ, его скоро ожидаетъ назначеніе на одинъ изъ важнѣйшихъ посольскихъ постовъ. Что будетъ тогда съ герцогиней? Ѣхать и ей, оставить Парижъ? Слишкомъ серьезный шагъ для такой свѣтской женщины. Да и такъ ли легко отнесутся заграницей къ этой связи, узаконившейся тутъ, признанной какъ бы родомъ супружества, благодаря приличіямъ и предосторожностямъ, соблюдаемымъ обоими, а также и тяжкому, болѣзненному состоянію полупараличнаго герцога, который двадцатью годами старше своей жены, приходящейся ему племянницей.

Я увѣренъ, что князь объ этихъ именно важныхъ предметахъ и совѣщался съ Гаво и г-жей Астье въ ту минуту, когда я приблизился къ нимъ. Попадая въ какую-нибудь новую комбинацію, очень скоро видишь — какъ мало къ ней принадлежишь, какъ все въ ней неизвѣстно и непонятно — слова, которыя слышишь, намеки, идеи — являешься какимъ-то непрошеннымъ. Я уже уходилъ, но добрая г-жа Астье позвала меня: „Подите, подымитесь же къ нему, онъ будетъ такъ радъ“. И я поднимаюсь по узенькой внутренней лѣстницѣ. Изъ глубины корридора слышу его громкій голосъ: „Это вы, Фажъ?“

— Нѣтъ, добрый мой учитель.

— А! Фрейдэ! Берегитесь, наклоните голову...

Въ самомъ дѣлѣ, въ этой каморкѣ невозможно держаться стоя, и какая разница съ помѣщеніемъ въ архивахъ министерства ино-

*

странныхъ дѣлъ, гдѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, съ той высокой галлереей, уставленной картинами.

— Совсѣмъ собачья конура, не правда ли? произнесъ, съ улыбкой, этотъ прекрасный человѣкъ,—но, еслибъ вы знали какія тутъ сокровища!.. И онъ указалъ на большой портфель, заключавшій въ себѣ, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ рѣдчайшихъ автографовъ, собранныхъ имъ въ эти послѣдніе годы. Да! вотъ тутъ исторія-то! И еще неизвѣстная, совершенно новая, основанная на солидныхъ данныхъ, что бы ни говорили!

Онъ сильно жестикулировалъ лупой, въ которую разсматриваютъ обыкновенно манускрипты.

Астье показался мнѣ мрачнымъ и нервнымъ. Съ нимъ обошлись такъ сурово. Это грубое изгнаніе, а затѣмъ, такъ какъ онъ продолжалъ издавать историческія сочиненія, отличавшіяся документальностію, — стали говорить, будто онъ злоупотребилъ документами Бурбоновъ. Гдѣ родилась эта клевета? Въ самомъ Институтѣ, ее распускалъ баронъ Гюшнаръ, гордящійся репутаціей французскаго автографофила и котораго собраніе Астье приводитъ въ отчаяніе. Отсюда - скрытная и безпощадная война, полная вѣроломства и нападеній изъ-за угла. „Дѣло дошло даже до моего Карла V-го... теперь опровергаютъ моего Карла V-го... И, какъ вы думаете, на какомъ основаніи, отчего? Изъ-за ничтожной мелочи: Maître Раблэ вмѣсто frère Раблэ... какъ будто Императоръ не могъ сдѣлать описки... Недобросовѣстность! одна недобросовѣстность!...“ И видя, что я негодовалъ подобно ему, мой добрый наставникъ сжалъ мои руки: „Оставимъ эти гадости... Г-жа Астье, конечно, передала вамъ, относительно вашей книги? Есть въ ней кое-что лишнее по-моему... но, это ничего! я доволенъ“... Лишнимъ въ моихъ стихахъ, плевелами онъ называетъ игру воображенія, фантазію, изъ-за которой сильно воевалъ съ нами еще въ Лицеѣ, очищая отъ нея наши тогдашнія произведенія, вычеркивая и выкидывая. Теперь, прислушайся, моя Жермена, вотъ, слово въ слово, заключеніе нашего разговора.

Я: Думаете ли, дорогой учитель, что у меня есть шансы на полученіе преміи Буассо?

Учитель: послѣ этой книги, дорогой другъ, вы заслуживаете не премію, а - кресло. Луазильонъ умираетъ, Рипо проживетъ не долго... Съ своей стороны не предпринимайте ничего, предоставьте мнѣ... Что касается меня, я считаю вашу кандидатуру поставленною...

Что такое я сказалъ на это, что я отвѣчалъ,—не знаю. Мое радостное смущеніе было такъ велико, что мнѣ кажется, будто я вижу сонъ... Я, я — членъ французской Академіи!... О! лечись,

сестра дорогая, вылечи бѣдныя свои ноги, чтобы ты могла быть въ Парижѣ, въ тотъ великій день и видѣть брата, въ зеленомъ, шитомъ пальмами мундирѣ, со шпагой, занимающимъ мѣсто наряду съ всѣмъ, что во Франціи есть знаменитѣйшаго. Голова моя идетъ кругомъ, цѣлую тебя и бѣгу спать.

Любящій тебя братъ
Авель де-Фрейдэ.

Ты, несомнѣнно, догадываешься, что со всѣми этими приключеніями, я забылъ о порученныхъ закупкахъ, — о сѣменахъ, рогожкахъ, кустикахъ; я все это скоро сдѣлаю; мнѣ нѣкоторое время надо еще остаться тутъ. Астье-Регю посовѣтовалъ молчать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщать академическія сферы; необходимо показываться—очень важно, что меня видѣли, встрѣчали.

IV.

Берегись, милый Фрейдэ, не довѣряйся... Я знаю этотъ ихъ пріемъ, это пріемъ вербовщиковъ... Въ сущности эти господа прекрасно сознаютъ, что ихъ значеніе потеряно, что они начинаютъ плѣсневѣть подъ своимъ куполомъ... „Вкусъ“ къ Академіи уже пропадаетъ, честолюбіе этого рода вышло изъ моды... Успѣхъ ея—одинъ только призракъ... И вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ надутая братія эта, не надѣясь болѣе, что кліенты будутъ сбѣгаться къ ней, сама спускается, выходитъ на улицу и пускается вербовать. Повсюду, въ свѣтѣ, въ мастерскихъ, въ книжныхъ магазинахъ, въ театральныхъ корридорахъ, во всѣхъ слояхъ литературы и искусства, повсюду встрѣтишь академика-вербовщика, съ улыбкой привѣтствующаго молодые, распускающіеся таланты: „Академія обратила на васъ вниманіе, молодой человѣкъ!..“ Если же репутація уже пріобрѣтена, если авторъ издаетъ уже свою третью или четвертую книгу, если онъ уже сила, то приглашеніе дѣлается въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Подумайте о насъ, мой милый, минута наступила!...“ Или же, съ грубоватымъ, но добродушнымъ и дружелюбнымъ упрекомъ: „Э! да вы, просто таки, не желаете войдти въ нашу сферу?“ Пріемъ этотъ нѣсколько измѣняется, облекается въ заискивающія, болѣе мягкія формы, въ отношеніи къ свѣтскому человѣку, переводчику Аріосто, фабриканту салонныхъ пьесъ: „Ого!... однако... знаете ли, это!...“ На это свѣтскій человѣкъ восклицаетъ въ отвѣтъ, что считаетъ себя недостойнымъ, ссылается на свое ничтожество, на недостаточность своего литературнаго багажа, а вербовщикъ возражаетъ стереотипной фразой: „Академія—салонъ“... Боже Ты мой, сколько и сколько уже разъ эта фраза сослужила свою службу!... „Академія—салонъ... она принимаетъ въ свои

нѣдра не только творенія человѣка, но и его самого...“ А тѣмъ временемъ вербовщика всюду принимаютъ, всюду обласкаютъ, приглашаютъ на всѣ обѣды, и торжества... онъ становится лелѣемымъ паразитомъ надеждъ, которыя онъ возбудилъ и которыя старается поддерживать, пользуясь ими...!

Тутъ и добродушный Фрейдэ пришелъ въ негодованіе. Никогда его учитель Астье не былъ бы способенъ на такое низкое дѣло!

— Онъ? возразилъ Ведрёнъ, пожимая плечами, но это худшій изъ всѣхъ, это вербовщикъ убѣжденный, безкорыстный... онъ вѣритъ въ Академію; вся жизнь его въ ней и когда онъ тебѣ говоритъ:

„Еслибъ вы знали, какъ это хорошо!“ прищелкивая, при этомъ, языкомъ, будто ѣстъ сочный персикъ, онъ говоритъ искренно то, что думаетъ и тѣмъ опаснѣе его залавливаніе, его приманка. Но разъ удочка хорошо заложена, прочно засѣла, Академія перестаетъ заниматься своимъ паціентомъ и предоставляетъ ему извиваться и ажитироваться сколько и какъ ему угодно... Взгляни на Мозера! вотъ уже десять лѣтъ его тянутъ на буксирѣ. А де-Саледъ, а Герино... а сколько еще другихъ, которые уже выбились изъ силъ.

— Однако, вѣдь, попадаютъ же въ Академію, принимаютъ же туда...

— Никогда... съ буксира... Да и, наконецъ, если и удается попасть—это удивительное счастіе! Что же это приноситъ? Деньги? Далеко меньше, нежели тебѣ дастъ твое сѣно. Славу, извѣстность? Да, въ темномъ, невидномъ уголку какомъ-то... И еще еслибы это прибавляло таланта, еслибъ тѣ, кто имъ обладаетъ, его не утрачивали тамъ, охваченные леденящей атмосферой этого мѣста. Академія, вѣдь, салонъ, понимаешь ты, тамъ есть извѣстный тонъ, котораго надо держаться, есть вещи, которыхъ нельзя высказывать, или ихъ приходится смягчать. Конецъ смѣлому полету, конецъ смѣлымъ, отчаянно-талантливымъ ударамъ, которыми иногда рискуешь сломать себѣ ноги. Тамъ самые бойкіе перестаютъ шевелиться, не двигаются съ мѣста, изъ боязни зацѣпиться за что-нибудь своимъ зеленымъ мундиромъ и сдѣлать на немъ прорѣху; совершенно какъ вотъ съ дѣтьми, когда ихъ одѣнутъ въ праздничное платье: „Можете побѣгать, но, смотрите, не запачкайтесь!“ И они таки бѣгаютъ, отвѣчаю тебѣ за это... У нихъ, правда, для этого, есть академическіе салоны и прелестныя ихъ хозяйки. Но, вѣдь, это такая скука! Говорю по опыту, самого иногда туда таскали. Да, какъ говоритъ старикъ Регю, я все это видѣлъ!.. Много воображающія о себѣ дуры декламировали мнѣ плохо пережеванныя фразы изъ „Обозрѣнія“, фразы, вытягивавшіяся изъ ихъ клюковъ, точно ленты, съ надписями, у персонажей въ шарадахъ. Я самъ

видѣлъ, какъ г-жа Анселенъ, эта добрая, толстая и глупая баба, кудахтала отъ восторга при остротахъ Данжу, остротахъ напыщенныхъ, грубыхъ, въ которыхъ было такъ же мало ума, какъ волосъ на его головѣ.

Фрейдэ не могъ придти въ себя отъ удивленія: Данжу, пастухъ изъ Лаціума! въ парикѣ!

— О! только полупаричекъ... У г-жи Астье мнѣ пришлось испытать пытку этнографическихъ чтеній, которыя убили бы гиппопотама, а у герцогини, эта обезьяна Ланибуаръ, сидя за столомъ, на почетномъ мѣстѣ, позволялъ себѣ, не смотря на всю строгость тона въ этомъ домѣ, такія напристойности, что, будь это не „безсмертный“, ему указали бы на дверь, какъ это умѣетъ дѣлать г-жа де-Падовани!.. Смѣшно тутъ то, что герцогиня, которая устроила его пріемъ въ Академію, которая видѣла его ползавшимъ у своихъ ногъ, вымаливавшимъ назначеніе, и которая просила моего кузена Луазильона его назначить, чтобы избавить ее отъ него — сама герцогиня теперь преклоняется предъ нимъ, всегда сажаетъ его за столомъ около себя, перемѣнивъ прежнее свое презрѣніе на самое пошлое, самое плоское обожаніе,—такъ дикій становится на колѣни и трепещетъ предъ идоломъ, котораго самъ же себѣ обтесалъ.

Знаю ли я-то академическіе салоны, эту забавную, смѣшную пошлость, эти подленькія, мелкія интриги?!. И тебѣ бы хотѣлось влѣзть туда? Не понимаю, для чего. Твоя жизнь устроена и обставлена прелестно. Я равнодушенъ ко всему, но почти позавидовалъ, когда видѣлъ тебя съ твоей сестрой въ Кло-Жаллянжѣ; домъ идеальный, высокіе потолки, камины такіе громадные, что помѣстишься въ нихъ во весь ростъ, дубы, нивы, виноградники, рѣка, жизнь сельскаго дворянина,—такую найдешь развѣ только въ романахъ Толстаго— рыбная ловля и охота, хорошія книги, не очень глупое сосѣдство; а чтобы и ты не растолстѣлъ, не обрюзгъ въ этомъ безоблачномъ блаженномъ состояніи—тебя озаряетъ улыбка твоей больной, такой оживленной въ своемъ креслѣ, такой счастливой, когда, возвратившись съ прогулки, ты ей прочтешь хорошенькій сонетъ, вырвавшійся искренней нотой на лонѣ природы, записанный карандашемъ на лукѣ сѣдла или растянувшись и лежа въ густой травѣ, какъ мы теперь, но только—безъ этого ужаснаго шума и гама отъ ломовыхъ извозчиковъ и трубъ.

Ведрёну пришлось прекратить свою тираду. Грохотъ ломовыхъ возовъ, тяжело нагруженныхъ дребезжавшимъ желѣзомъ и потрясшихъ мостовую и дома, пронзительный звукъ духовыхъ инструментовъ въ сосѣднихъ драгунскихъ казармахъ, хриплый ревъ трубы каботажнаго парохода, кричащая музыка шарманки,—все это встрѣтилось въ одномъ изъ тѣхъ ужасающихъ „tutti“, какія иногда проры-

ваются въ общемъ хорѣ звуковъ большаго города; странень и поразителенъ былъ контрастъ между этимъ оглушительнымъ гамомъ и тишиной глухой полянки, заросшей шиповникомъ и папоротниками, и мирно разстилавшейся въ тѣни высокихъ деревьевъ, среди которыхъ вели свой откровенный разговоръ два старые товарища по коллегіи Людовика

Полянка эта образовалась на площади двора, у бывшей Счетной Палаты, сплошь покрывшагося ароматнымъ ковромъ травъ; она напоминала прогалину среди лѣса, въ весеннюю пору. Чаща отцвѣтшей сирени, густыя купы платановъ и кленовъ, разросшихся вдоль обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградникомъ балюстрадъ, образовали тутъ зеленое убѣжище, подъ сѣнью котораго ворковали голуби, жужжали пчелы, и обрисовывался теперь освѣщенный золотистымъ солнечнымъ лучемъ и дышавшій спокойствіемъ прекрасный профиль г-жи Ведрёнъ; она усѣлась кормить своего младшаго ребенка, пока старшій гонялся за котятами; ихъ развелась масса, всевозможныхъ цвѣтовъ—и сѣрыхъ, и желтыхъ, и черныхъ...

— И ужь если мы заговорили о твоихъ стихахъ,—мы вѣдь можемъ откровенно высказываться между собой, не правда ли, товарищъ,—книга твоя... Ну, скажу тебѣ, книга твоя—я только кое-что просмотрѣлъ въ ней—не имѣетъ уже свѣжести полевыхъ цвѣтовъ, которую приносили мнѣ твои прежнія произведенія. Отъ нея вѣетъ академическимъ лавромъ, и я боюсь, чтобы естественную простоту, непосредственность своего стиха ты не принесъ въ жертву, не бросилъ бы въ видѣ проходной пошлины въ пасть „крокодила“.

Оба невольно разсмѣялись этому школьному прозвищу „крокодилъ“, пришедшему на память Ведрёну. Имъ вспомнился Астье-Регю на профессорской каѳедрѣ; лицо его въ поту, токъ съѣхалъ на затылокъ, аршинная красная лента ярко выдѣляется на черной тогѣ; онъ декламируетъ, подражая Викъ-д'Азире, кресло котораго впослѣдствіи и занялъ. Фрейдэ, однако, устыдившись шутить надъ своимъ учителемъ, принялся расхваливать заслуги, оказанныя имъ исторіи, его труды по архиву, который онъ открылъ свѣту.

— Ничего подобнаго,—возразилъ Ведрёнъ съ глубокимъ презрѣніемъ...

Скульпторъ былъ того мнѣнія, что интереснѣйшіе въ мірѣ архивы, попадая въ руки дурака, приносятъ столько же пользы, сколько пресловутый „человѣческій документъ“, когда имъ распоряжается глупый романистъ. Золотая монета, превратившаяся въ высохшій листъ!.. Послушай! ну можно ли называть исторіей

переложеніе неизданныхъ документовъ въ тяжелые томы, которыхъ никто не читаетъ, которые въ библіотекахъ красуются на полкахъ для учебниковъ. Одно только французское легкомысліе можетъ серьезно относиться къ этимъ компиляціямъ. Зато и смѣются же надъ нами нѣмцы и англичане! „Inertissimus vir Астье-Регю!“ *) выражается Моммзенъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ.

— Я даже помню, какъ ты, злой толстякъ, однажды заставилъ бѣднаго Астье самого прочесть эту замѣтку при всемъ классѣ.

— Да! и досталось же мнѣ тогда!

Фрейдэ засмѣлся и, оставивъ „историка“ въ сторонѣ, заговорилъ объ Астье, какъ о профессорѣ. Но Ведрёнъ возразилъ еще съ бо́льшимъ пыломъ.

— Да! похвалимъ еще въ немъ профессора! Негодяй! вся его наставническая дѣятельность была направлена къ тому, чтобы уничтожать, вырывать съ корнемъ изъ тысячей порученныхъ ему умовъ „плевелы“, т. е. оригинальность, самобытность, эти зародыши жизни, которые наставникъ, прежде и больше всего, обязанъ поддерживать и развивать... А! грязный скотъ! какъ онъ насъ ощипывалъ, обчищалъ, сколько выщалывалъ!.. Иные защищались противъ его граблей и лопаты, но онъ, продолжая съ ожесточеніемъ работать и когтями, и инструментами своими, достигалъ-таки того, что дѣлалъ насъ такими же отполированными и плоскими, какъ школьныя скамейки. Взгляни же теперь на тѣхъ, кто прошли чрезъ его руки — кромѣ нѣкоторыхъ взбунтовавшихся, какъ Гершэ, который, въ своей ненависти къ условному, все впадаетъ въ крайность, въ грязь, меня, который этому скоту обязанъ своимъ вкусомъ къ вычурнымъ формамъ, ко всему, носящему характеръ ожесточенія, къ грубымъ штрихамъ... всѣ остальные доведены имъ до ничтожества, лишены всякаго содержанія, выпотрошены...

— Но, постой, постой! а я? воскликнулъ Фрейдэ, съ комическимъ отчаяніемъ.

— О! ты! тебя, до сихъ поръ, спасала жизнь съ природой, но, берегись, если вновь попадешь въ лапы „крокодила“! И подумать только, что у насъ заведены національныя школы для образованія подобныхъ педагоговъ, что у насъ для этого есть и оклады, и ордена, и даже—Институтъ!

Ведрёнъ лежалъ въ дикой травѣ, растянувшись во весь ростъ, положивъ голову на согнутый локоть и другой рукой покачивая надъ собой папоротникомъ, прикрывавшимъ его отъ солнца; рѣзкіе приговоры свои онъ произносилъ ровнымъ, тихимъ голо-

*) Неспособнѣйшій мужъ Астье-Регю

сомъ, во все время ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его широкомъ лицѣ—лицѣ индѣйскаго бога, пухломъ и бѣломъ, среди котораго смѣялись маленькіе глазки, ясно говорившіе о безпечности и мечтательности его натуры.

Второй собесѣдникъ слушалъ, совершенно растерянный, озадаченный въ своей привычкѣ къ поклоненію.

— Но, какъ же, это, однако, въ тебѣ соединяется дружба къ сыну съ ненавистью къ отцу? спросилъ онъ.

— Во мнѣ нѣтъ ни того, ни другаго... Поль Астье интересуетъ меня своимъ апломбомъ развращеннаго модника и своимъ личикомъ красивой мошенницы... Мнѣ бы хотѣлось прожить столько, чтобы видѣть—что изъ него выйдетъ...

— О! m-r Фрейдэ, еслибы вы знали, какъ онъ эксплоатируетъ моего мужа, сказала г-жа Ведрёнъ, вмѣшиваясь, съ своего мѣста, въ разговоръ... Вѣдь вся реставрація Муссо, новая галлерея на рѣку, музыкальный павильонъ, церковь, все это—работа Ведрёна, а памятникъ Розе́на! онъ получитъ только за скульптуру, тогда какъ и самая идея, и планъ, и все до мелочей—все его.

— Ну, перестань... перестань... спокойно остановилъ ее артистъ.

— Чортъ возьми! Муссо! у этого мальчишки никогда бы не хватило сметки, чтобы разобраться въ массѣ глупостей, нагроможденныхъ тамъ, за тридцать лѣтъ, господами архитекторами, и возстановить въ прежнемъ видѣ хоть одинъ краешекъ карниза, но мѣстность тамъ такъ хороша, герцогиня такъ привѣтлива, нисколько никого не стѣсняетъ и, кромѣ того, по близости, въ Кло-Жаллянжѣ открытъ былъ другъ Фрейдэ... Да и, наконецъ, у меня слишкомъ много идей, они тяготятъ, пожираютъ меня... облегчать меня хотя отчасти — значитъ оказывать мнѣ услугу. Моя голова походитъ на одну изъ станцій, расположенныхъ въ центрѣ многихъ дорогъ и съ которой локомотивы расходятся по всѣмъ направленіямъ. Ловкій человѣкъ сообразилъ это, творческаго дарованія у него нѣтъ, онъ и утягиваетъ изъ моего, поставляетъ мои творенія своимъ кліентамъ, увѣренный, что я никогда не возстану противъ этого... но, чтобы ему удавалось провести меня? этого ему не удастся! Я очень хорошо вижу его въ ту минуту, когда онъ готовится что-нибудь стибрить у меня: въ лицѣ насмѣшливое выраженіе, взглядъ равнодушный, и потомъ, вдругъ—легкій, нервный тикъ у угла рта—готово—въ карманѣ!.. Внутренно, онъ несомнѣнно говоритъ себѣ: „Боже мой, какъ этотъ Ведрёнъ простъ! Вовсе и не подозрѣваетъ, что я его сторожу, за нимъ наблюдаю, „наслаждаюсь“ имъ“ закончилъ Ведрёнъ, вставая... Ну, теперь, пойдемъ, покажу тебѣ моего паладина, а потомъ осмотримъ и футляръ,—онъ прелюбопытный, увидишь.

Они поднялись во дворецъ черезъ полукруглое крыльцо въ нѣсколько ступеней, и прошли четырехъ-угольную залу, бывшій секретаріатъ Государственнаго Совѣта; тутъ не было ни паркетовъ, ни потолка, такъ какъ всѣ верхніе этажи провалились и теперь, сквозь громадныя, раздѣлявшія нѣкогда эти этажи желѣзныя балки, скрученныя огнемъ, виднѣлось голубое небо.

Въ одномъ изъ угловъ, у стѣны, къ которой примыкали длинныя чугунныя трубы, обвитыя ползучими растеніями, лежала въ трехъ большихъ кускахъ, среди крапивы и щебня, модель памятника Розѣновъ.

— Видишь ли, сказалъ Ведрёнъ,—или, нѣтъ, ты не можешь видѣть, и онъ объяснилъ ему видъ памятника. — Трудно было угодить этой маленькой княгинѣ и ея капризамъ, пришлось составлять множество различныхъ проектовъ, брать въ руководство стили египетскіе, ассирійскіе, ниневійскіе, прежде нежели дѣло остановилось на проектѣ Ведрёна, который подыметъ цѣлую бурю среди архитекторовъ, но который не лишенъ величавости; могила воина: палатка, пріоткрытая по сторонамъ, и внутри ясно видѣнъ низенькій, широкій саркофагъ въ формѣ походной кровати и на ней добрый, храбрый рыцарь, павшій за своего короля и за свою вѣру, съ боку, около него, его сломанный мечъ, въ ногахъ вытянувшаяся борзая собака...

Вслѣдствіе трудностей выполненія и твердости далматскаго гранита, Ведрёнъ былъ вынужденъ вооружиться молотомъ и рѣзцомъ и самъ работалъ на кладбищѣ Лашеза, подъ парусиннымъ навѣсомъ, какъ простой мастеровой; наконецъ, послѣ долгаго потраченнаго времени и труда, дѣло окончено.

„А Поль Астье извлечетъ изъ этого не мало славы...“ прибавилъ скульпторъ, улыбаясь безъ малѣйшей горечи. Затѣмъ, приподнявъ старый коверъ, маскировавшій въ стѣнѣ отверстіе — прежнюю дверь, онъ ввелъ его въ обширный вестибюль, занавѣшенная часть котораго служила ему мастерской. Тутъ два года, и лѣтомъ, и зимой, работалъ Ведрёнъ, не смотря ни на вечернія испаренія отъ рѣки, ни на леденящіе, сырые вѣтры, „даже не чихнувъ ни разу“, увѣрялъ онъ, стоя предъ Фрейдэ во весь свой могучій ростъ и напоминая великихъ артистовъ возрожденія широкими чертами своего лица, столько же, какъ и богатствомъ художественнаго воображенія. „Теперь — довольно съ него и скульптуры, и архитектуры, онъ точно написалъ цѣлую трагедію! Какъ только его статуя будетъ поставлена, уплатятъ за нее, сколько онъ напутешествуется! подымется, въ даббіэ по Нилу и станетъ писать, писать картины съ утра и до вечера...“ Продолжая болтать, Ведрёнъ отодвинулъ скамейку и

подвелъ своего друга къ огромной, изсѣченной глыбѣ: „Вотъ онъ, мой паладинъ... Откровенно скажи, какъ ты его находишь?“

Фрейдэ нѣсколько растерялся предъ колоссальными размѣрами воина, изображеннаго въ лежачемъ положеніи, размѣрами, превышавшими обыкновенные, такъ какъ они были приведены въ соотвѣтствіе съ высотой палатки, и ему показалась черезчуръ рѣзкою, черезчуръ сильно обозначенною мускулатура, что всегда придаетъ произведеніямъ Ведрёна, ненавидящаго все прилизанное, видъ чего-то недоконченнаго, какого-то недодѣланнаго, прекраснаго произведенія: однако, по мѣрѣ того, какъ онъ приглядывался и лучше понималъ, ему яснѣе становилась притягательная сила статуи...

— Великолѣпно! произнесъ онъ прочувствованнымъ, убѣжденнымъ тономъ.

— Но не съ перваго взгляда, а? спросилъ тотъ, подмигивая и улыбаясь добродушной улыбкой, надо привыкнуть къ моей скульптурѣ, и очень боюсь, когда княгиня увидитъ это ужасное чучело.....

Поль Астье собирался привезти ее чрезъ нѣсколько дней, когда все уже будетъ почищено, проглажено, выполировано, приготовлено къ отправкѣ для отливки; это посѣщеніе тревожило его, потому что онъ хорошо былъ знакомъ со вкусомъ свѣтскихъ женщинъ; въ дни салона онъ часто слушалъ эту стереотипную болтовню, пробѣгающую по заламъ и обрушивающуюся на скульптурѣ! Чего онѣ только не наплетутъ! Единственное, что въ нихъ искреннее—это ихъ весенніе туалеты, въ которые онѣ разодѣты, чтобы ихъ тамъ на выставкѣ показать.

— Впрочемъ, дружище, продолжалъ Ведрёнъ, выводя своего друга изъ мастерской, изъ всѣхъ парижскихъ гримасничествъ, изъ всей этой свѣтской лжи нѣтъ болѣе нахальной, болѣе смѣшной, какъ это увлеченіе искусствомъ. Всѣ практикуютъ это лицемѣріе, которое способно заставить лопнуть со смѣху, всѣ и никто искренно не вѣритъ. То же самое и въ музыкѣ..... еслибъ ты только ихъ видалъ по воскресеньямъ...

Они шли длиннымъ корридоромъ въ аркахъ, такъ же увитымъ растеніями, но почернѣвшимъ и растрескавшимся отъ пламени, и дыма, съ расписанными стѣнами; потомъ очутились на парадномъ дворѣ, прежде усыпанномъ пескомъ; а теперь имѣвшемъ видъ поля, густо заросшаго овсомъ, смѣшанными породами травъ, донникомъ, макомъ; посрединѣ, досчатая изгородь обозначала границы огорода, гдѣ ярко цвѣли подсолнечники и зрѣли на солнцѣ клубника и дыни,—родъ садика американскаго сквоттера у опушки какого-нибудь дѣвственнаго лѣса; и чтобы допол-

нить иллюзію, сюда же примыкало зданьице, сложенное изъ кирпичей.

— „Садъ переплетчика и его лавочка“ сказалъ Ведрёнъ, указывая на красовавшуюся надъ полуотворенною дверью вывѣску, огромными буквами:

„Альбинъ Фажъ“.

„Переплёты всякаго рода“.

Этотъ Фажъ, бывшій переплетчикъ Счетной Палаты и Государственнаго Совѣта, получившій разрѣшеніе сохранить за собой прежнее свое помѣщеніе, остался, вмѣстѣ съ привратникомъ, единственнымъ жильцомъ дворца.

— Зайдемъ къ нему на минуту, сказалъ Ведрёнъ, — ты увидишь любопытный типъ.

И приблизившись къ домику, онъ кликнулъ: „Эй! дядя Фажъ!“ Но скромная мастерская переплетчика оказалась пустою. У окна стоялъ весь источенный верстакъ, на полу валялись большіе обрѣзки картона, подъ прессомъ виднѣлись зеленые регистры, съ мѣдными наугольниками. Своеобразность внутренняго убранства заключалась въ томъ, что швальный станокъ, столикъ на козлахъ и пустой въ ту минуту стуликъ передъ нимъ, заваленныя книгами этажерки и даже зеркальце для бритья, все это было замѣчательно маленькихъ размѣровъ, какъ бы приспособленное для ребенка лѣтъ двѣнадцати; можно было подумать, что видишь обиталище карлика, переплетчика-лиллипута.

— Онъ горбунъ, шепталъ Ведрёнъ Фрейдэ, и, притомъ, горбунъ-любимецъ женщинъ, всегда раздушенный и распомаженный.

Въ комнатѣ слышался отвратительный запахъ изъ смѣси розовой эссенціи и любеновской воды съ теплымъ клеемъ. Ведрёнъ позвалъ еще разъ, и затѣмъ они вышли. Фрейдэ очень забавляла мысль о горбунѣ-ловеласѣ.

— Онъ, можетъ быть, теперь на любовномъ свиданіи!..

— Ты смѣешься! Ну, такъ скажу тебѣ, что этотъ горбачъ пользуется успѣхомъ у самыхъ хорошенькихъ женщинъ Парижа, если вѣрить массѣ фотографическихъ карточекъ, которыми оклеены его обои; все съ надписями: „Моему Альбину... Моему маленькому Фажу...“ И не думай—это не какія-нибудь потаскушки, нѣтъ: актрисы, камеліи высшаго полета. Сюда онѣ никогда не приходятъ; но, отъ времени до времени, онъ появляется у меня въ мастерской и, съ рѣзвой веселостью, съ своей отвратительной широкой улыбкой, передаетъ, что онъ занимался великолѣпнымъ in 8^{0}; или прехорошенькимъ in 12^{0}—такъ онъ называетъ свои побѣды, смотря по ихъ формату—большому или среднему.

— И онъ, ты говоришь, дуренъ собой?

— Чудовище, уродъ.

— Безъ всякихъ средствъ?

— Ничтожный, мелкій переплетчикъ, живущій работой и овощами своего огорода... но, при этомъ очень уменъ, замѣчательно начитанъ, и памяти удивительной... Мы его, вѣроятно, встрѣтимъ тутъ гдѣ-нибудь, во дворцѣ. Дядя Фажъ большой мечтатель, какъ всѣ люди страстные... Иди за мной, но гляди себѣ подъ ноги, тутъ не вездѣ удобно пройдти.

Они вступили на широкую лѣстницу, первыя ступени которой держались еще довольно прочно, какъ и перила, покрывшіяся ржавчиной, полопавшіяся и кое-гдѣ совершенно искривленныя; затѣмъ, внезапно, оказалась утлая деревянная настилка въ родѣ мостика, положенная на траверсахъ лѣстницы, между двухъ высокихъ стѣнъ, съ остатками большихъ, растрескавшихся фресокъ, на которыхъ мѣстами выдѣлялись то крупъ лошади, или голый торсъ нимфы, съ едва разборчивыми, облѣзлыми надписями: „Размышленіе...“ „Безмолвіе...“ „Торговля сближаетъ народы...“ Въ первомъ этажѣ тянулся длинный сводчатый, какъ въ циркахъ Нима, корридоръ, терявшійся между темныхъ, тоже покрытыхъ трещинами, стѣнъ, освѣщавшихся, тамъ и сямъ, снопами лучей сквозь расщелины; всюду тутъ лежали груды разломаннаго гипса, чугуна, всюду пролѣзала густая поросль. У входа читалась надпись: „корридоръ приставовъ“. Они нашли его въ такомъ же почти состояніи, какъ и верхній этажъ, только, такъ какъ тутъ крыша обрушилась, то корридоръ превратился въ длинную террасу, обвитую растеніями, доползавшими до цѣлыхъ еще аркадъ и спускавшимися, въ видѣ растрепанныхъ и раскинутыхъ зеленыхъ кистей внизъ къ парадному двору. Отсюда, сверху, виднѣлись крыши сосѣднихъ домовъ, бѣлыя стѣны казармы улицы Пуатье, высокіе платаны отеля Падовани, на верхушкахъ которыхъ покачивались черныя галочьи гнѣзда, опустѣвшія теперь до зимы, а внизу—пустынный, залитый солнцемъ дворъ, маленькій садикъ переплетчика и его узенькій домикъ.

— Взгляни-ка, сколько тутъ, сколько тутъ зелени! показывалъ Ведрѣнъ на дикую, разнообразную, необычайно богато разросшуюся по всему дворцу флору. — Еслибъ „крокодилъ“ увидѣлъ, какъ бы онъ разозлился! Ого, это ужь что-то!.. вдругъ воскликнулъ онъ, попятившись...

Внизу, у домика переплетчика появился Астье-Регю; его легко было узнать по его длинному, зеленоватаго цвѣта сюртуку, и хорошо извѣстной на лѣвомъ берегу Сены высокой, плоской и широкополой шляпѣ, откинутой на затылокъ и открывающей сѣдыя кудри, — то былъ „крокодилъ“, собственной персоной. Онъ довольно оживленно разговаривалъ съ маленькимъ человѣчкомъ, стоявшимъ передъ нимъ съ непокрытой головой, блестѣвшей отъ по-

мады, и затянутымъ въ узенькій, свѣтлый вестонъ, съ какою-то, своего рода кокетливостью, обрисовывшій на спинѣ горбикъ. Словъ ихъ нельзя было разслышать, но Астье казался очень оживленнымъ: онъ размахивалъ своей тростью и часто нагибался къ самому лицу человѣка, который, напротивъ, держался очень спокойно, съ видомъ раздумья и закинувъ за спину, подъ горбъ, свои большія руки.

— Такъ этотъ уродецъ работаетъ на Институтъ? спросилъ Фрейдэ, вспомнившій, что слышалъ, какъ его учитель произнесъ при немъ имя Фажа.

Ведрёнъ не отвѣчалъ, внимательно слѣдя за мимикой разговаривавшихъ, споръ которыхъ внезапно оборвался, такъ какъ горбунъ повернулся и пошелъ къ себѣ, сдѣлавъ жестъ, выражавшій: „Ну, какъ вамъ угодно...“ Что же касается Астье, то онъ, повидимому, былъ взбѣшенъ и быстро и широко зашагалъ къ выходу изъ дворца, по направленію Лилльской улицы, но затѣмъ остановился въ нерѣшительности и возвратился въ лавочку, дверь которой захлопнулась за нимъ.

— Странно! бормоталъ про себя скульпторъ... отчего это Фажъ никогда не говорилъ мнѣ?.. Какая темная бездна—этотъ маленькій человѣчекъ!.. Очень можетъ быть, что они вмѣстѣ выкидываютъ свои фарсы... охотятся на in 8° и in 12°.

— О! Ведрёнъ!

Фрейдэ, по уходѣ отъ Ведрёновъ, медленно шелъ по Орсэйской набережной, погруженный въ размышленія о своей книгѣ, о своихъ честолюбивыхъ планахъ относительно Академіи, и сильно поколебленный рѣзкостями, которыя ему пришлось выслушать. Какъ, однако, натура, характеръ человѣка мало измѣняются съ возрастомъ! Какъ, уже въ раннюю пору, видно—какимъ будешь впослѣдствіи!... По прошествіи двадцати пяти лѣтъ, подъ морщинами, подъ сѣдыми прядями—подъ всѣми этими „накладками“, которыми годы украшаютъ людей—оба школьные товарищи по коллегіи Людовика, нашли другъ друга совершенно такими, какими были, сидя на своей классной скамейкѣ: одинъ страстный, экзальтированный, всегда бунтливый, другой—кроткій, тихій, послушный, съ нѣкоторымъ запасомъ меланхоліи въ характерѣ, развившейся въ немъ среди мирной тишины полей. А можетъ быть, Ведрёнъ и правъ,—стóитъ ли даже, и въ случаѣ обезпеченнаго успѣха, такъ волноваться изъ-за этого? Его, въ особенности, пугала мысль о бѣдной больной сестрѣ, остающейся одинокою въ Кло Жалльянжѣ, пока онъ тутъ былъ бы занятъ хлопотами о кандидатурѣ. Ее безпокоило и печалило и это короткое его отсутствіе; въ это утро онъ получилъ отъ нея очень грустное письмо.

На минуту мысли его получили иное направленіе; онъ проходилъ теперь мимо казармъ драгунскаго полка и вниманіе его было привлечено видомъ толпы нищихъ, ожидавшихъ по другую сторону улицы раздачи остатковъ солдатскаго супа. Забравшись далеко еще раньше времени, изъ боязни упустить очередь, и частью разсѣвшись по скамейкамъ, частью выстроившись у парапета набережной, грязные, отвратительные, съ волосами и бородами людей-собакъ, въ лохмотьяхъ, они скучились тамъ неподвижнымъ, безмолвнымъ стадомъ, и, уставившись взорами въ самую глубь широкаго полковаго двора, стерегли появленія мисокъ и знака, которымъ адъютантъ разрѣшаетъ имъ подойдти. Ужасно было видѣть, при яркомъ солнечномъ блескѣ дня, этотъ нѣмой рядъ звѣриныхъ глазъ и голодныхъ лицъ, какъ бы прикованныхъ, съ одинаковымъ, во всѣхъ, выраженіемъ животнаго чувства, къ одной точкѣ—къ тѣмъ, широко растворенным воротамъ.

— Что это вы тутъ дѣлаете, другъ мой? и Астье-Регю, веселый, сіяющій отъ удовольствія, просунулъ свою руку подъ руку своего бывшаго ученика. Взглядъ его послѣдовалъ за жестомъ поэта, указавшимъ на эту грустную картину парижской жизни.

— Да, правда... правда...

Но его близорукіе глаза педагога умѣли только читать книги, безъ всякаго непосредственнаго и теплаго отношенія къ жизни. Даже въ самой манерѣ, съ которой онъ увлекъ Фрейда, тонѣ, которымъ онъ ему сказалъ: „Доведите-ка меня до Института“,— можно было угадать, что наставникъ не одобрялъ этого глазѣнія на улицахъ, требовалъ, чтобы занимались болѣе серьезнымъ дѣломъ. И слегка опираясь на руку любимаго ученика, онъ сталъ передавать ему о своей радости, своемъ восторгѣ по поводу новой, сдѣланной имъ, чудесной находки: письма Великой Екатерины къ Дидро объ Академіи, и эта находка какъ разъ совпадаетъ съ привѣтствіемъ, которое ему предстоитъ произнести Великому Герцогу. Онъ предполагалъ это чудо изъ чудесъ прочесть въ засѣданіи и, можетъ быть, поднести Его Высочеству отъ имени Общества академиковъ. Баронъ Гюшнаръ лопнулъ бы отъ зависти!

(*Продолженіе въ слѣд. №*).

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ статьѣ моей „Траяновъ перевалъ“ помѣщенной въ февральской книгѣ „Русскаго Вѣстника“, сего года на 171 страницѣ, есть неправильность, требующая, для возстановленія истины, необходимаго разъясненія.

Приведенная на указанной страницѣ записка, какъ оказалась потомъ, была составлена и подписана вовсе не начальникомъ штаба Западнаго отряда, какъ у меня сказано, а другимъ лицомъ. Это усмотрѣно мною только теперь, когда разыскана хранившаяся у меня подлинная записка, за № 172, отправленная 1 января 1878 г., но откуда на бланкѣ необозначена. Она подписана „начальникъ штаба—такой-то“, безъ означенія какого именно отряда. Считаю долгомъ принести, въ этомъ неумышленномъ недосмотрѣ, мое извиненіе, какъ передъ лицомъ, которому было неправильно мною приписано составленіе записки, такъ и передъ редакціею „Русскаго Вѣстника“, дабы на него не пало обвиненіе въ помѣщеніи на страницахъ своего журнала, невѣрнаго факта.

П. КАРЦОВЪ.